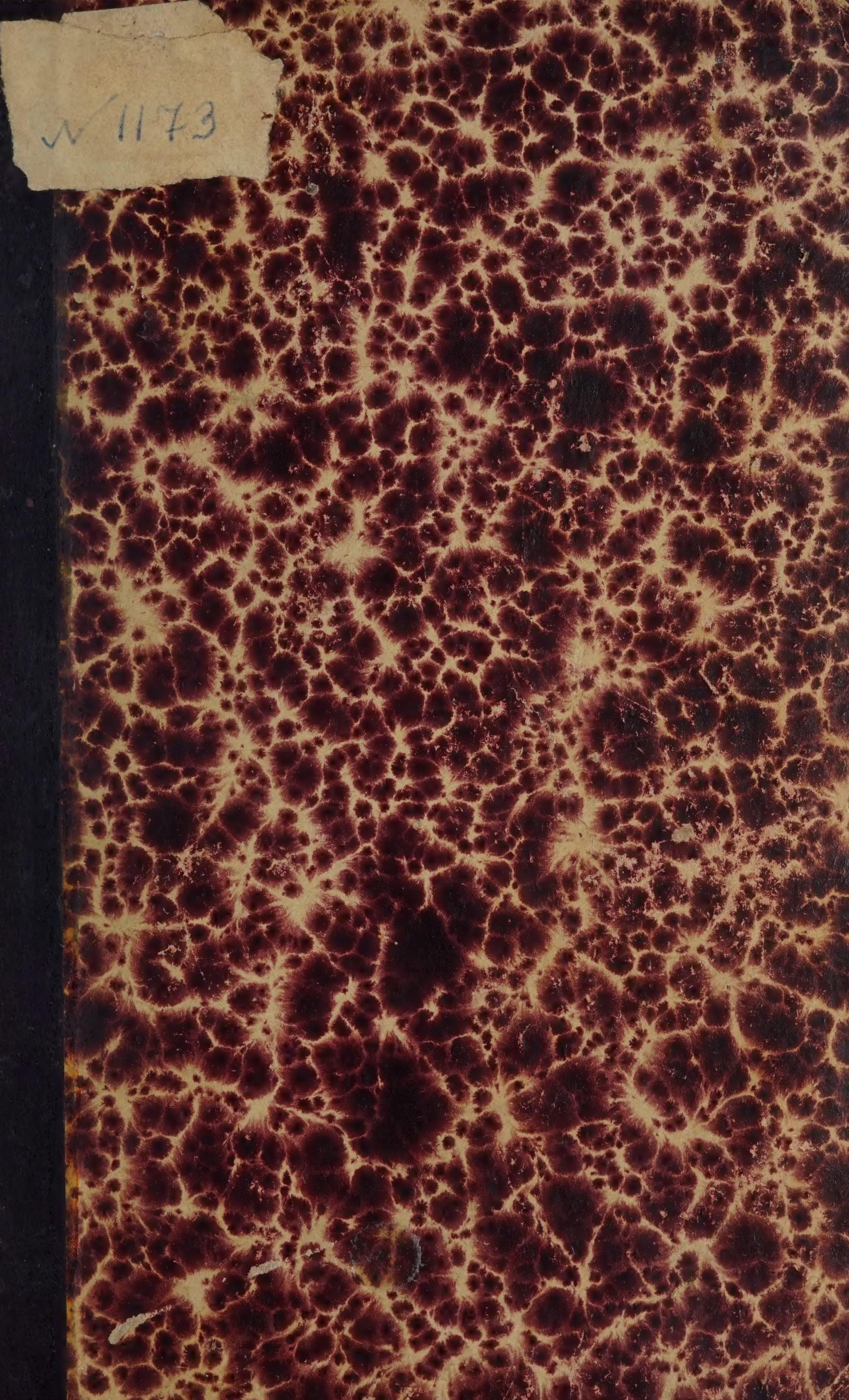
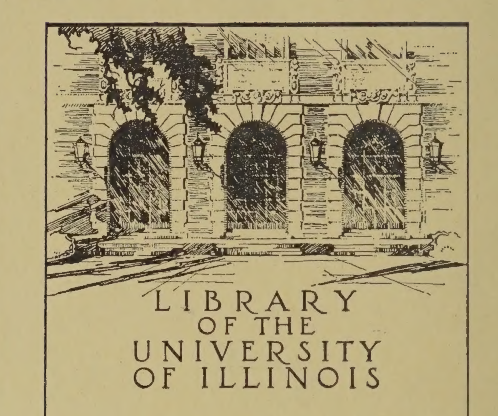
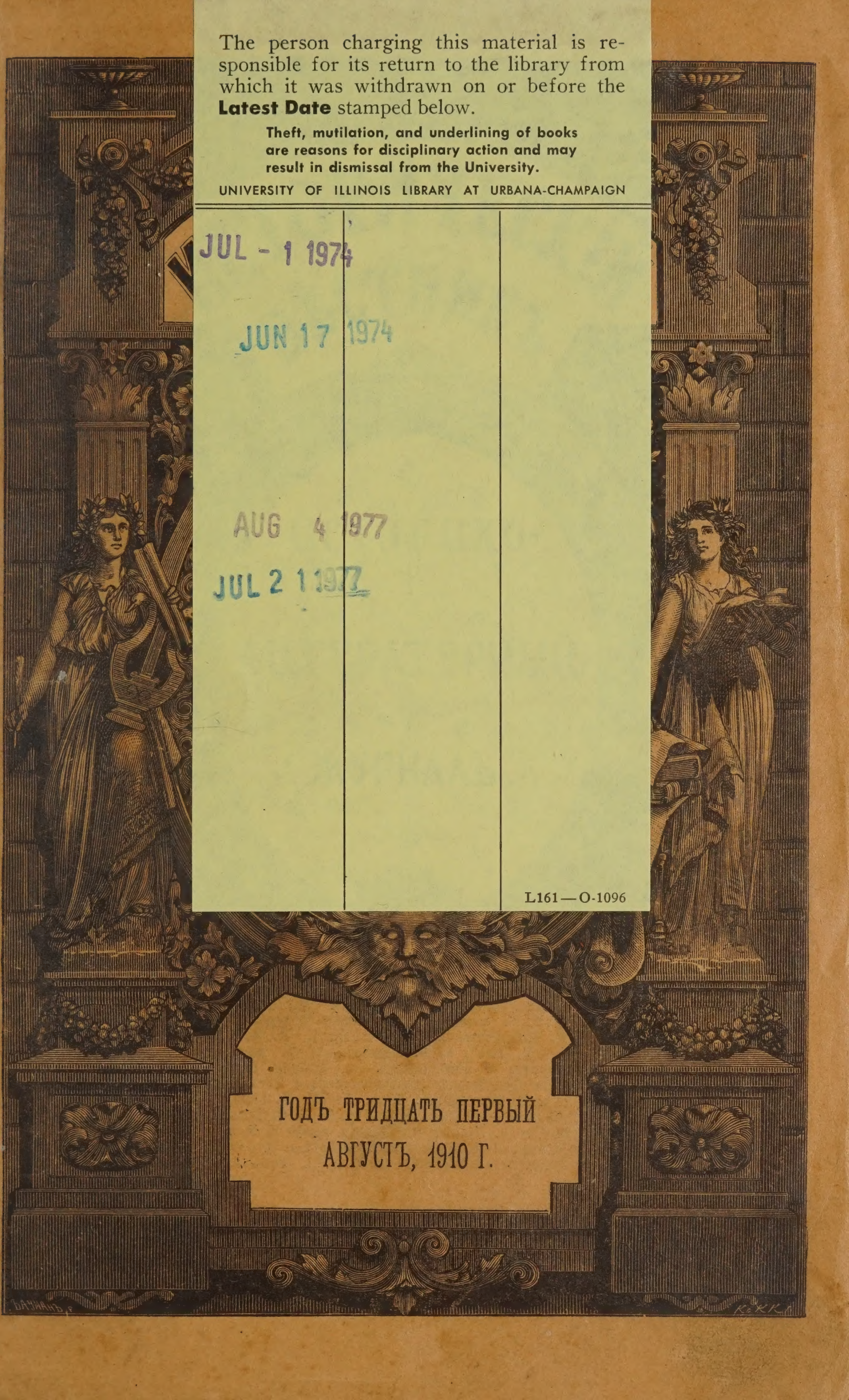
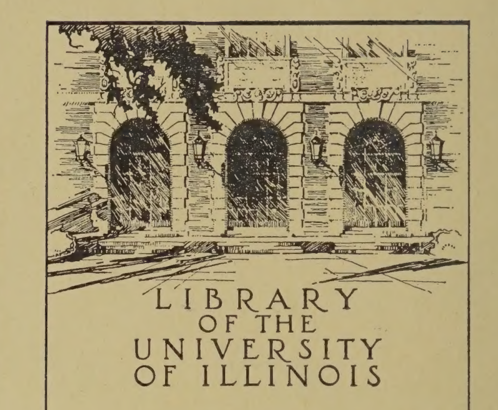

№ 1173




ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
АВГУСТЪ, 1910 Г.



ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

АВГУСТЪ, 1910 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1910 г.

(См. слѣд. стран.).

Князь Николай Черногорскій.

ГОЛЫТЬБА.

(Записки домовладѣлицы.)

I.

НѢСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ я жила въ Петербургѣ и давала уроки. Кромѣ своего труда и тысячи рублей, скопленной уроками, другихъ средствъ къ жизни у меня не было. Здоровье мое въ послѣдніе годы замѣтно разстроилось, и я часто думала, что будетъ со мною, если, по слабости здоровья, я буду принуждена прекратить свои уроки. Вдругъ въ это время я получаю наслѣдство—домъ въ провинціи; его мнѣ оставила послѣ своей смерти одна моя родственница, которой я почти и не знала. Вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ о наслѣдствѣ я получила и отъ завѣдывающаго домомъ крестьянина Ивана Андреева письмо слѣдующаго содержанія:

«Пріѣзжай, ваша милость, скорѣй—безъ хозяйки домъ сирота. Вашъ домъ ремонта проситъ. Въ домѣ восемь квартиръ; народъ въ нихъ живетъ все озорной, и мнѣ одному, безъ хозяйки, съ квартирантами не управиться. Супруга моя, Апросинья Ивановна, вамъ, хозяюшка, кланяется, ее и покойная барыня любила. Если до васъ дойдутъ про насъ какія сплетки, вы имъ не вѣрьте—ваши квартиранты насъ съѣсть хотятъ. Затѣмъ остаюсь управляющій домомъ Иванъ Андреевъ».

Нужно ли говорить, что наслѣдству, свалившемуся съ неба, я очень обрадовалась; въ письмѣ же Ивана Андреева меня больше всего заинтересовало то, что въ моемъ домѣ восемь квартиръ,—значитъ, домъ большой, и теперь я богата.

Не долго думая, я распростилась со всѣми своими ученицами и, чтобы не пріѣхать въ свой домъ съ пустыми руками, вынула изъ петербургскаго банка всѣ свои деньги и, когда ѣхала за полученіемъ наслѣдства, то была совершенно увѣрена, что, имѣя домъ и тысячу рублей, въ провинціи я буду жить припѣваючи.

Въ городъ, гдѣ былъ мой домъ, я пріѣхала утромъ: въ церквахъ звонили къ обѣднѣ, на небѣ сіяло весеннее солнце, въ садахъ распускалась молодая зелень и цвѣла черемуха. Я съ такимъ нетерпѣніемъ желала увидѣть поскорѣе свой домъ, что когда ѣхала по улицамъ, то только о домѣ и думала, мало обращала вниманія на городъ, въ который ѣхала жить, по всей вѣроятности, навсегда. Помню, что мнѣ бросились въ глаза масса церквей и посреди города древняя каменная крѣпость съ высокими на ней башнями; также я обратила вниманіе и на вышедшую изъ береговъ довольно широкую рѣку, въ которой въ этотъ вѣтряный день вода была мутно-желтая и на солнцѣ отливала янтаремъ.

Домъ мой оказался на окраинѣ города, и съ вокзала до него пришлось ѣхать довольно долго. Наконецъ извозчикъ остановился передъ низкимъ деревяннымъ домомъ съ каменными подвалами.

— Вотъ домъ барыни Сусаниной,—сказалъ онъ:—эфтотъ домъ намъ довольно извѣстенъ: мы тутъ въ переднемъ подвалѣ пять годовъ выжили.

Я же свой домъ представляла гораздо больше и лучше, чѣмъ тотъ, передъ которымъ мы стояли. У этого отъ старости стѣны были совсѣмъ черныя, одинъ уголъ сѣлъ въ землю, штукатурка у подваловъ на половину обвалилась, а заборъ у палисадника былъ разобранъ. Вообще весь домъ имѣлъ видъ ветхости и разрушенія, и, глядя на него, я чувствовала себя не только разочарованной, но и обиженной.

У воротъ моего дома на скамейкѣ сидѣла бѣлокурая дѣвочка лѣтъ шести и качала на рукахъ крошечнаго ребеночка; увидавъ насъ, она перестала его качать и съ любопытствомъ остановила на мнѣ свои синенькіе глазки.

— Дѣвочка,—позвала я ее:—нельзя ли ко мнѣ вызвать управляющаго Ивана Андреева.

— Иванъ Андреичъ только сичасъ на ласапедѣ укатилъ, онъ поѣхалъ встрѣчать нашу домовую хозяйку,—бойко отвѣтила она.

Когда же я сказала, что я и есть ихъ домовая хозяйка, лицо у дѣвочки сдѣлалось испуганное, она сейчасъ же шмыгнула въ калитку, и тогда со двора до меня донесся ея тоненькій голосокъ:

— Мамка, бабушка Афимья, идите скорѣй—наша домовая хозяйка пріѣхала.

Чрезъ минуту я была окружена ребятишками и бабами; всѣ онѣ были въ грязныхъ лохмотьяхъ, всѣ мнѣ кланялись и поздравляли съ пріѣздомъ въ свой домъ.

Потомъ бабы сразу заговорили всѣ.

— Иванъ-то Андреичъ ласапедъ завелъ

— Апросинья, вѣрно, тебя боится, что встрѣчать не выходитъ.

— Ты, хозяйка, спроси у Апросы, откуда у нея взялись золотые часы и плюшевое пальто; мы всѣ присягнемъ, что эти часы и пальто нашей покойной хозяйки.

— Дайте вы мнѣ хоть слово-то сказать, сороки,—махая на нихъ руками, произнесла низенькая со сморщеннымъ лицомъ старушка.

— Ты вотъ что, хозяйка,—подошла она ко мнѣ:—спроси у Ивана, куда онъ подѣвалъ тѣ деньги, которыя ему при мнѣ дала покойная барыня на ремонтъ дома.

Въ это время я уже сошла съ дрожекъ и, обращаясь къ бабамъ, сказала:

— Кто изъ васъ возьметъ съ извозчика мои вещи?

Тогда всѣ бросились къ моему чемодану. Одна пожилая баба уже взяла было его въ руки,но другая, помоложе, выхватила чемоданъ изъ ея рукъ и начала распоряжаться:

— Антошка, ты узелъ возьми, а ты, Тимошка, чего ротъ разинулъ, схвати съ дрожекъ хозяйкинъ платокъ.

Въ это же время баба успѣла мнѣ объявить, что ее зовутъ Матреной, а эти два мальчика ея ребятишки.

Изъ калитки выбѣжала еще одна баба, но эта уже была нарядная—въ новомъ ситцевомъ платьѣ, а на головѣ у нея былъ шерстяной платокъ съ вышитымъ угломъ. Эта баба, подбѣжавъ ко мнѣ, заговорила нараспѣвъ:

— Здравствуй, хозяюшка. Вотъ оказія-то вышла! Мой Иванъ Андреичъ поѣхалъ тебя встрѣчать, и, вѣрно, вы разминулись, а мы будемъ его супруга Апросинья Ивановна. Чего жъ стоите!—крикнула она на бабъ:—вносите въ домъ хозяйкины вещи. Куда, хозяюшка, прикажешь ихъ нести: въ твою фатеру, аль сперва въ нашъ флигель заглянешь? Чайку съ нами милости просимъ откушать—молоко у насъ свое, вонъ въ твоемъ садикѣ и наша коровушка пасется.

Я пожелала пройти прямо къ себѣ. Кто-то передо мною отворилъ настежь ворота, и моимъ глазамъ представился грязный дворъ, загроможденный тремя шалашами: одинъ былъ покрытъ рваной клеенкой, другой рогожей, а третій просто лохмотьями. Я остановилась и, показывая на шалаши, спросила Евфросинью:

— Это кто же, цыгане?

— Это все твои, хозяюшка, жильцы своихъ фатеръ ожидаютъ,—отвѣтила она:—ихъ подвалы еще со Святой стоятъ водой подплывши

и только вчерась одинъ подвалъ отъ воды ослобонился. А вотъ тутъ во флигелѣ,—и Евфросинья указала настоявшій на дворѣ подновленный флигелекъ,—мы съ Иваномъ Андреичемъ живемъ. Во флигелѣ Иванъ Андреичъ и ремонтъ на свои деньги сдѣлали.

Я замѣтила, что въ окно одного изъ подваловъ на меня смотрѣли мужскія и женскія лица; Евфросинья увидѣла, куда я смотрю, и начала разсказывать.

— Вотъ изъ этого подвала, откуда народъ смотритъ, только вчерась ушла вода; этотъ подвалъ хорошій, высокій, въ него всѣ такъ и тискаются—каждый жилецъ хочетъ имъ завладѣть; только печникъ Кіановъ своего подвала ни въ жисть никому не уступитъ. Онъ, Кіановъ-то, на нашемъ дворѣ самый что ни на есть озорной мужикъ, его и покойная барыня боялась, сколько разъ она его съ полиціей выселяла; сегодня выселитъ, а на завтра, смотришь, нашъ Кіановъ опять сидитъ въ своемъ подвалѣ... А твои, хозяюшка, комнаты вотъ сюда,—и Евфросинья подвела меня къ крыльцу, у котораго недоставало первой ступеньки. Вскочивъ на разломанное крыльцо, Евфросинья подала мнѣ руку и въ это же время сказала:

— Вѣдь, вотъ, хозяюшка, какой народъ озорной живетъ на нашемъ дворѣ:—еще вчерась твое крыльцо было цѣльное, а сегодня утромъ мы съ Иваномъ Андреичемъ смотримъ, у крыльца ужъ кто-то одну ступеньку и оторвалъ, должно полагать, на дрова.

Войдя въ комнаты, я и здѣсь увидѣла полное разрушеніе: печки разваливались, полъ шатался, рамы въ окнахъ были гнилыя, обои на стѣнахъ висѣли клочьями.

Вскорѣ явился и Иванъ Андреевъ. Прежде, чѣмъ войти въ ту комнату, гдѣ я сидѣла, онъ сначала вызвалъ свою жену за дверь, поговорилъ съ нею шопотомъ, потомъ, громко кашлянувъ въ руку, развязно вошелъ ко мнѣ.

Это былъ высокій бѣлокурый мужикъ, съ грубымъ и непріятнымъ лицомъ, одѣтый въ сѣрый пиджакъ и высокіе, вычищенные ваксой сапоги.

— Ну, вотъ хозяюшка и въ своемъ домикѣ, здравствуйте,—кланяясь, произнесъ онъ.

— Домъ-то совсѣмъ разваливается,—сказала я.

— Да-съ, ремонтикъ нуженъ,—взявъ стулъ и садясь возлѣ меня, началъ Иванъ Андреевъ.—Ремонтикъ нуженъ,—повторилъ онъ, поглаживая рукой свою небольшую русую бородку.—Покойная барыня, вѣчная ей память, жила въ своемъ другомъ домѣ, а этотъ забросила и, если бъ не я съ Апросиньей, то вамъ теперь въ свой домъ и не въѣхать бы. Къ примѣру хошь бы эти обои, я ихъ съ Апросиньей разъ двадцать гвоздями прибивалъ, а съ сыростью ничего не подѣлаешь—отмокли и висятъ. И весь мелкій ремонтъ я одинъ въ вашемъ домѣ производилъ, а спросите, что тутъ было въ концѣ марта мѣсяца, когда рѣка разошлась и всѣ городскія трубы

сразу затопила. Вода выгнала людей изъ подваловъ на улицу. Жить на дворѣ еще было холодно, и вотъ тогда ваши подвальные жильцы безъ спросу натискались въ эти самыя комнаты; гоню ихъ вонъ— не уходятъ; я побѣжалъ за полиціей и только съ нею ихъ и выгналъ. Потомъ эти комнаты нужно было отъ жильцовъ караулить; городовые у меня со двора не уходили, сколько своихъ денегъ этимъ самымъ городовымъ я передавалъ, а во время буйства народъ на мнѣ отъ новаго пиджака рукавъ оторвалъ; этотъ пиджакъ еще и теперь лежитъ безъ рукава; вамъ его Апросинья покажетъ.

Я замѣтила, что разговоръ Ивана Андреева клонился къ одному: что если я его оставлю у себя, то онъ мнѣ будетъ очень полезенъ.

Наконецъ я его прервала и спросила, сколько въ моемъ домѣ занятыхъ квартиръ.

— Собственно говоря,—началъ Иванъ Андреевъ,—въ настоящее время въ вашемъ домѣ занятыхъ квартиръ только двѣ. Вотъ за этой стѣной,—и онъ наклонилъ голову вправо,—комната съ кухней, эта квартира ходитъ за пять рублей, ее занимаютъ двѣ старушки, одна вдова поручика—Анна Матвѣевна Быкова; эта барыня настоящая—пенсію получаетъ; а другая—Марѳа Никитична, изъ простого званія, живетъ она у Анны Матвѣевны за подружку, а только она и обѣдъ готовитъ и на рынокъ ходитъ. Быкова барыня хорошая, душевная и умственная, только за ней водится одинъ грѣшокъ: послѣ смерти своей дочери начала выпивать. Сначала я даже боялся, какъ бы старушки не сожгли вашего дома, потомъ узналъ, что когда онѣ по вечерамъ пьютъ водку, то въ комнатѣ у себя лампу тушатъ и сидятъ при одной лампадкѣ. За барыней Быковой и за прошлые мѣсяца есть недоимочки... А вотъ за этой стѣной,—теперь Иванъ Андреевъ наклонилъ голову влѣво,—сдаются двѣ комнатки и кухня за шесть рублей; эту квартиру снимаютъ портные, мужъ и жена (онъ-то чахоточный), у нихъ пятеро дѣтей; портные люди безпокойные и гордые, бѣдность у нихъ большая, дѣти всегда голодныя; родители изъ гордости дѣтей по міру не пущаютъ, зато ихъ ребятишки всему двору и надоѣли: они каждый день по утрамъ вертятся, какъ голодныя собаки, то у моего крыльца, то у барыни Быковой и рады каждой имъ брошенной коркѣ хлѣба. Если же я или Апросинья чуть что имъ скажемъ, или за вихоръ ихъ возьмемъ—портниха сейчасъ же съ нами сцѣпится ругаться. На вашемъ бы мѣстѣ я этимъ квартирантамъ отказалъ, на ихъ комнаты всегда найдутся хорошіе жильцы, а тогда вы на квартиру можете рубликъ и накинуть. Остальныя квартиры въ вашемъ домѣ все подвальныя. По уговору съ жильцами у насъ такъ: если во время наводненія подвальный жилецъ не ушелъ съ вашего двора, то онъ долженъ вамъ деньги заплатить и за то время, когда его подвалъ стоялъ въ водѣ. Только, хозяйка, я вамъ прямо скажу, что отъ этой шантрапы вы денегъ не дождетесь—къ этимъ жильцамъ

и зимой, когда они сидятъ въ теплѣ, бѣгавши за деньгами, устанешь, сразу никто изъ нихъ денегъ за квартиру не вноситъ и платятъ они кое-когда и то кто по полтиннику, а кто и по пятиалтынному... Потомъ,—продолжалъ Иванъ Андреевъ,—вы, хозяюшка, вѣрно замѣтили на вашемъ дворѣ флигелекъ; его покойная барыня отдавала мнѣ даромъ за то, что я управлялъ ея домомъ, а теперь, какъ вы разсудите,—оставите ли вы меня управлять домомъ, или сами однѣ будете хозяйничать, а мнѣ за флигель цѣну положите. Только доложу вамъ, что на флигелѣ крыша что твое рѣшето, и вся цѣна нашей квартирѣ два рубля въ мѣсяцъ.

Въ то время, когда я разговаривала съ Иваномъ Андреевымъ, Евфросинья хлопотала съ угощеніемъ—принесла кринку молока и вскипѣвшій самоваръ.

Напившись чаю, я пошла осматривать свои владѣнія.

II.

Я еще не вышла на крыльцо, какъ со двора ко мнѣ донесся шумъ. Ссорились двѣ моихъ жилички. Издали на нихъ смотрѣть было смѣшно: онѣ кричали, грозили другъ другу кулаками и, словно два дравшихся пѣтуха, подскакивали одна къ другой. Вокругъ нихъ стояли ребятишки и смѣялись. Одну изъ женщинъ я сейчасъ же узнала; это была Матрена, которая несла мой чемоданъ. Замѣтивъ, что я стою на дворѣ, Матрена бросилась ко мнѣ и заголосила:

— Хозяюшка, разсуди ты меня съ портнихой, Аксеньей Ивановной; я ей, шкурѣ чахотной, за своихъ дѣтей всю морду въ кровь расцарапаю: она при всемъ народѣ моихъ дѣтей обозвала нищими; а ея ребятишки отъ голоду на нашемъ дворѣ кошачьи черепки вылизываютъ; мои же дѣти, хоть кого на нашемъ дворѣ спроси, по воскресеньямъ ситникъ ѣдятъ.

— Вотъ и богачка на нашемъ дворѣ объявилась!—стоя возлѣ меня, смѣялся Иванъ Андреевъ:—ваши, хозяйка, жильцы и всѣ такіе: жрать нечего, а съ форсомъ.

Тутъ подошла ко мнѣ и портниха—высокая, худая женщина, въ ветхомъ ситцевомъ платьѣ; лицо у нея было пріятное, хотя мертвенно блѣдное и изнуренное. Аксинья Ивановна со слезами начала мнѣ жаловаться на Матрену, что та ея дѣтей попрекаетъ бѣдностью и тѣмъ, что ихъ родители больные.

— Мы хоть съ мужемъ и больные,—говорила она:—а все же своихъ дѣтей по міру, какъ Матрена, не пускаемъ. Мы работаемъ не разгибая спины, и хотимъ, чтобъ и наши дѣти также работали и не были золоторотцами.

Тутъ Матрена опять къ ней подскочила.

— Я не лгу, я правду говорю, что ты и твой мужь чахотные, а дѣти у васъ гнилыя.

— Мои дѣти не гнилыя!

— Нѣтъ гнилыя!—настаивала Матрена.

Аксинья Ивановна съ отчаяньемъ на лицѣ обратилась ко мнѣ:

— Сударыня, не позволяйте Матренѣ съ ея оравой въ большіе дожди влѣзать въ чужія квартиры—на прошлой недѣлѣ она съ дѣтьми къ намъ забралась и, какъ у себя дома, начала въ нашей квартирѣ распоряжаться. Мы ее отъ себя только однимъ угаромъ выжили и тогда сами изъ-за нея чуть не померли.

Чтобы прекратить эту ссору, я обѣимъ женщинамъ объявила, что не желаю вмѣшиваться въ ихъ дрязги. Моими словами Аксинья Ивановна осталась недовольна и, уходя, со слезами сказала:

— Я васъ, сударыня, какъ Бога ждала, думала, что вы за насъ, бѣдныхъ, заступитесь.

Матрена шла со мною рядомъ и говорила:

— Ты, хозяйка, мой подвалъ никому не отдавай; какъ только вода уйдетъ, я въ него сейчасъ же со своими ребятишками переберусь... Хочешь, я тебѣ своихъ дѣтей покажу?

И, опередивъ меня, она побѣжала рысью къ шалашу, покрытому клеенкой.

Въ шалашѣ я увидѣла много ребятишекъ, сидѣвшихъ на землѣ вокругъ деревянной чашки; каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ по куску ржаного хлѣба и деревянную ложку, которой хлебалъ изъ чашки соленую воду.

— Неужели всѣ эти дѣти твои?—спросила я Матрену.

— А то чьи жъ! извѣстно мои, двухъ еще похоронила и теперь хожу одиннадцатымъ брюхомъ.

— Господи, сколько дѣтей, всѣхъ нужно накормить, одѣть,—вслухъ подумала я.

— А мы ничего, слава тебѣ, Господи, живемъ,—беззаботнымъ голосомъ сказала Матрена:—мой Яфимъ получаетъ круглый годъ отъ огородника шесть рублей въ мѣсяцъ, а я кажиный день ношу по господамъ изъ ноши воды и хожу по стиркамъ.

Въ это время Ефимъ, Матренинъ мужъ, вошелъ въ шалашъ, и я увидѣла у него на рукахъ еще грудного ребенка. У Ефима лицо было замѣчательно добродушное. Улыбаясь во весь ротъ, онъ поднесъ ко мнѣ ребенка.

— Ты, хозяйка, взгляни на моего Аѳоньку,—сказалъ онъ:—мальцу седьмой мѣсяцъ, а онъ свою матку и меня ужъ знаетъ, а рожокъ у него, хошь ты попроси, подастъ...

Ефима перебила жена:

— Ну тебя и съ твоимъ Аѳонькой-то! если бъ онъ и померъ, я не вздохнула бы, изъ-за моей оравы меня теперь въ хорошія фатеры не пущаютъ!

И она снова начала меня просить не отдавать никому ея подвала и даже, прося о немъ, поклонилась мнѣ въ ноги.

Выйдя отъ Матрены, я заглянула и въ другіе шалаши. Одинъ былъ совершенно пустъ, въ другомъ на землѣ стояла корзина, въ которой спалъ спеленатый младенецъ; недалеко отъ корзины сидѣла древняя старуха и вынимала изъ посконнаго мѣшка корки хлѣба. Каждую корку старуха подносила къ глазамъ и долго разсматривала, а потомъ клала въ которую-нибудь изъ трехъ кучекъ, лежавшихъ передъ нею.

— Что ты, бабушка, дѣлаешь?—спросила я, подходя къ ней.

Старуха подняла на меня свои тусклые глаза и тоже спросила:

— Кто ты будешь-то?—по голосу тебя мнѣ не признать, а глаза у меня плохіе: хоть и вижу передъ собой человѣка, а лица его разсмотрѣть не могу.

Когда я назвала себя, старуха поднялась съ трудомъ съ земли и, поклонившись мнѣ въ поясъ, сказала:

— Здравствуй, наша хозяюшка! Прости Христа ради, что за этотъ мѣсяцъ у насъ деньги за фатеру еще не плачены. Дочки моей Степаниды дома нѣтъ, она съ работы приходитъ только вечеромъ; вотъ ужотко я у нея про деньги-то спрошу.

Я поспѣшила сказать, что пришла не за деньгами, и начала ее разспрашивать , зачѣмъ она разложила куски хлѣба на три кучки.

Старуха опять сѣла на землю.

— Я по міру, милая, хожу,—начала она:—дочкѣ моей Степанидѣ одной пяти душъ не прокормить. Вотъ эти кусочки я припасла для своей семейки, а вотъ эти, уже заплѣсневѣли, намъ ихъ не сгрысть, я ихъ снесу къ одной знакомой барынѣ, она у меня покупаетъ старый хлѣбъ для своихъ куръ, за фунтъ платитъ мнѣ копейку и чаемъ меня всегда напоитъ.

— А этотъ хлѣбъ куда ты дѣнешь?—спросила я, указывая на нѣсколько кусочковъ, лежавшихъ тоже отдѣльно.

— Ихъ я снесу тѣмъ, кто меня бѣднѣе,—отвѣтила старуха.

Замѣтивъ, въ какихъ она лохмотьяхъ, а также, что она очень стара, согбенна и почти слѣпая, я спросила:

— Развѣ ты, бабушка, знаешь такихъ людей, которые бѣднѣе тебя?

— Я-то, милая, еще что, слава тебѣ, Господи!—крестясь на образъ, сказала старуха.—Я хоть однимъ глазкомъ, да вижу, и ноги меня еще носятъ; а есть такіе бѣдные, что ничего не видятъ и сиднемъ сидятъ. Вотъ этакимъ мы всѣ, крещеные, и обязаны помогать.

Я спросила, сколько ей лѣтъ.

— Много, милая, много, а сколько—мнѣ не сосчитать... А ты, хозяюшка, съ насъ деньги за фатеру обожди—Степанида походитъ по стиркамъ, а я корочки барынѣ продамъ...

Съ тяжелымъ сердцемъ я вышла отъ старухи.

«Неужели,—думала я,—и всѣ мои жильцы такіе же нищіе, какъ эти, которыхъ я только что видѣла, и съ этой голытьбы мнѣ придется брать деньги!» Когда же я увидѣла свои подвалы, наполненные до подоконниковъ черной водой, мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобы въ подобныхъ помѣщеніяхъ еще такъ недавно жили люди.

Между тѣмъ Матренины дѣти, которыя теперь свитой ходили за мной, говорили, что въ ихъ подвалѣ до тѣхъ поръ, пока не залило водой, жить было очень хорошо, и предложили свести меня въ подвалъ печника Кіанова, изъ котораго вода ушла и тамъ снова живутъ люди. При видѣ гнилой и скользкой лѣстницы, по которой мнѣ нужно было спуститься, желаніе увидѣть подвалъ внутри у меня сразу пропало. Между тѣмъ маленькія дѣти уже сбѣжали съ лѣстницы и снизу мнѣ въ помощь протягивали свои ручонки; старшія дѣти вели меня подъ руки и они же отворили передо мною подвальную дверь.

Тутъ я увидѣла въ сажень длины комнату съ низкимъ, чернымъ и сырымъ потолкомъ; половину комнаты занимала большая, закоптѣвшая отъ дыму, русская печь. Въ подвалѣ сидѣло нѣсколько мужиковъ и бабъ. Многіе изъ нихъ, когда я вошла, поднялись со своихъ мѣстъ и меня привѣтствовали.

— Здравствуй въ своемъ домикѣ, наша хозяюшка!

Я замѣтила въ подвалѣ только двоихъ людей, которые съ явнымъ пренебреженіемъ отнеслись къ моему появленію: это были печники Кіановы, отецъ и сынъ. Отецъ крѣпкій старикъ лѣтъ шестидесяти, съ широкой (лопатой) сѣрой бородой и хитрыми глазами, смотрѣвшими исподлобья. Сынъ его Василій—юноша лѣтъ девятнадцати, съ пріятной и даже интеллигентной наружностью. На обоихъ были надѣты бѣлые передники, какіе носятъ вообще наши мастеровые.

Оба Кіановы сидѣли на лавкѣ возлѣ сырой стѣны, на которой висѣли крошечные стѣнные часики и былъ прибитъ портретъ Суворова (гравюра изъ «Петербургской Газеты»); передъ ними стоялъ опрокинутый вверхъ дномъ большой ящикъ, на которомъ кипѣлъ, съ вдавленными боками, самоварчикъ.

Хотя оба, отецъ и сынъ, не глядѣли на меня и пили съ блюдечекъ чай, но, должно быть, для того, чтобы меня оскорбить, они при мнѣ принимали неприличныя позы и громко произносили еще болѣе неприличныя слова.

Между тѣмъ другіе мои жильцы обступили меня и начали жаловаться на Ивана Андреева, который, будто бы, неправильно съ нихъ бралъ за квартиры деньги.

— По нашимъ квартирнымъ книжкамъ,—разсказывали жильцы,—за подвалы стоитъ одна цѣна, а Иванъ бралъ другую—кто платилъ хозяйкѣ два рубля, а ему подай три, а кто три—давай четыре.

Одинъ больной ногами мужикъ обвинялъ Ивана Андреева и въ томъ, что онъ съ него, нищаго, требовалъ каждую субботу для своей коровы мѣшокъ хлѣбныхъ корокъ.

— А я, хозяюшка,—разсказывалъ нищій:—когда былъ здоровъ, ходилъ съ топоромъ по дворамъ и рубилъ дрова, а съ тѣхъ поръ, какъ ревматизма у меня вошла въ ноги, я и свой топоръ проѣлъ. Просился у губернатора въ богадѣльню, просился и въ больницу,—нигдѣ меня не взяли. Иди, говорятъ, въ свою губернію, а у насъ и для своихъ мѣстовъ мало. А гдѣ же мнѣ, безногому, дойти до своей губерніи, я только каждое утро, и то насилу, доползу на колѣнкахъ до угла нашей улицы да цѣлый день тамъ и сижу. Если добрые люди мнѣ бросаютъ копейки, я ихъ отдаю за уголъ теткѣ Степанидѣ; а куски хлѣба мнѣ и самому нужны—я ихъ съ водой ѣмъ: хоть ноги у меня больныя, а нутро здоровое...

Разсказъ нищаго былъ прерванъ другимъ мужикомъ. Этотъ, упавъ передо мною на колѣни, просилъ не требовать съ него платы за то, что онъ два мѣсяца жилъ въ моемъ сараѣ.

— У меня добра всего одна шкура на тѣлѣ,—говорилъ онъ:—сдирай ее съ меня съ твоимъ Иваномъ Андреевымъ.

Одна баба просила позволенія пожить временно въ ледникѣ. Отъ всѣхъ этихъ разговоровъ у меня кружилась голова. Къ счастью, вмѣшалась Афимья, жена Кіанова; она закричала на жильцовъ:

— Что вы пристали къ нашей хозяйкѣ, дайте вы ей хоть оглядѣться, то она и сама только что въ свой домъ ввалилась.

Тутъ я попросила Афимью отворить окно, такъ какъ въ подвалѣ было душно и пахло гнилью.

— Вы и сами отъ такого воздуха можете умереть,—сказала я.

— Не помремъ, мы не господа, а просто хрестьяне!—насмѣшливо произнесъ старикъ Кіановъ.

Афимья съ видимой неохотой отворяла окно.

— Тепла-то намъ жалко, хозяюшка,—говорила она.—Нонѣ на рынкѣ дровъ и не докупишься! А сегодня я свой подвалъ топила не щепками—кое-гдѣ дровецъ раздобыла.

При ея словахъ я невольно подумала: «ужъ не мое ли крыльцо ты сожгла».

Когда же я начала объяснять Афимьѣ, что оконъ въ хорошую погоду запирать не слѣдуетъ и что въ сыромъ подвалѣ съ закрытыми окнами сидѣть вредно, я замѣтила, что старикъ Кіановъ со своимъ сыномъ Василіемъ переглядывались и надо мной смѣялись.

Вдругъ Василій поднялся съ лавки и, держа руки въ карманахъ своихъ панталонъ, пошатываясь, подошелъ ко мнѣ.

— Вамъ, барыня, я вижу, наша квартира не нравится,—нагло смотря на меня, началъ онъ.—Въ такихъ-то квартирахъ вы, можетъ, отродясь и не бывали?

Я отвѣтила, что дѣйствительно въ подобныхъ подвалахъ я еще никогда не была.

— Нѣтъ, ты на нашъ подвалъ хорошенько посмотри!—вдругъ закричалъ Василій, при этомъ онъ грубо схватилъ меня за руку и подвелъ къ печкѣ, у которой на полу лежало нѣсколько выпавшихъ кирпичей.—Видишь,—кричалъ онъ:—печка у насъ развалилась; видишь, полы у насъ сгнили; видишь, углы у насъ заплѣснѣвѣли, а тебѣ, хозяйкѣ, до этого, небось, и дѣла нѣтъ; тебѣ только бы въ срокъ съ насъ денежки получать!

Я видѣла, что Василій пьянъ, и старалась высвободить отъ него свою руку, которую онъ держалъ какъ въ тискахъ и за нее дергалъ меня то въ одну, то въ другую сторону.

Афимья бѣгала за нами и тоже старалась отнять отъ Василія мою руку.

— Лѣшій, чортъ!—кричала она на сына:—пусти ты барынину ручку, а ты, барыня, не слухай его—ёнъ пьянъ.

Наконецъ мнѣ удалось освободить свою руку и я сейчасъ же бросилась къ двери, но Василій, преградивъ мнѣ путь, продолжалъ кричать:

— Иванъ Андреевъ говорилъ, что ты на нашъ подвалъ вмѣсто одного рубля два накинешь; значитъ, почище его будешь насъ обирать. На нашихъ шеяхъ хочешь, госпожа, разбогатѣть!.. Я бы васъ всѣхъ господишекъ повѣсилъ на одну осину!..

— Правильно, Васька, правильно,—стуча по столу кулакомъ, кричалъ старикъ Кіановъ и еще кто-то изъ жильцовъ.

Кажется, еще минута, и я отъ испуга лишилась бы чувствъ, но тутъ, не помню, кто изъ жильцовъ оттолкнулъ Василія отъ двери; бабы схватили меня подъ руки и вывели изъ подвала... До моего крыльца меня проводила Афимья со своею дочерью, пятнадцатилѣтней Леной. Афимья просила меня простить ея мужа и сына.

— Не сердись ты на нихъ, хозяюшка,—говорила она:—ихъ съ толку сбилъ Иванъ Андреичъ,—сказалъ, что ты накинешь на наши фатеры, а мои оба лѣшіе сегодня пьяные—они и сами не помнятъ, что говорятъ... У моего Степана характеръ худой,—продолжала Афимья:—ему ужъ никто не скажи противнаго слова, извѣстно, вольница новгородская; хоть безъ сапогъ сидитъ, а форсу не оберешься! Недавно одинъ домовый хозяинъ подрядилъ моего Степана съ Васькой печи складать и разъ хозяинъ-то и скажи: «У тебя, Кіановъ, много цементу вышло». А мой обидчивый, сейчасъ и расхорохорился: «Я, говоритъ, твоего цементу не кралъ, а ежели ты меня за вора почитаешь, я твою работу сейчасъ бросаю... Васька, собирай нашъ штрументъ!» Такъ, не додѣлавши печекъ, и ушли. Хозяинъ взялъ другихъ печниковъ, а моего лѣшаго за евоный характеръ люди на работу брать обѣгаютъ, а когда Степанъ сидитъ дома безъ работы, намъ отъ него житья нѣтъ; и только, хозя-

юшка, мы отъ него одной печкой не были биты; видишь, у моей Ленки носъ попорченъ, это ей батька переносье сломалъ. Въ ту пору Ленкѣ было всего пять годовъ, и она хворая лежала на печкѣ; меня дома не было; и вотъ приходитъ домой пьяный Степанъ и кричитъ Ленкѣ, чтобы та съ печки слѣзла,—онъ, значитъ, одинъ хочетъ на печкѣ лежать; у дѣвчонки ножки болѣли, скоро слѣзть она не могла; тогда нашъ лѣшій взялъ кочергу, да кочергой-то дѣвчонку съ печки на полъ и свалилъ. Ленка упала ничкомъ, и Господи, какъ тогда у нея носъ былъ расквашенъ! и такъ долго болѣлъ, что мы думали, онъ провалится; только, благодаримъ Создателя, одна баба Ленкѣ носъ заговорила—зажилъ, только на переносьѣ рубчикъ остался, и съ тѣхъ поръ Ленка стала гнусавить, и теперь, куда я ее въ прислуги ни сведу, всѣ мою Ленку за говоръ обѣгаютъ.

Тутъ Афимья начала меня слезно просить—взять къ себѣ въ услуженье ея дочь.

— Живши дома,—говорила Афимья,—моя дочка себѣ одежонки не наживетъ. Дѣвкѣ шестнадцатый годъ пошелъ, а у ней за душой одна рваная юбка; что она на огородахъ лѣтомъ заработаетъ, батька кажиный разъ отниметъ и пропьетъ, а когда моя Ленка будетъ жить у тебя, нашей домовой хозяйки, Степанъ не посмѣетъ отъ нея отнять ни платья, ни денегъ.

Я взглянула на Лену; та молча упала мнѣ въ ноги. Мнѣ прислуга была нужна, и я отвѣтила Афимьѣ, что согласна съ завтрашняго дня взять ея дочь къ себѣ въ услуженье.

Тогда Афимья перекрестилась большимъ крестомъ, а некрасивое, курносое лицо Лены сіяло такой живой радостью, что въ ту минуту даже было красиво.

III.

Остальную часть дня я провела за провѣркой домовыхъ книгъ, которыя за все время болѣзни прежней хозяйки, а также и послѣ ея смерти, велъ Иванъ Андреевъ. Изъ этихъ книгъ я убѣдилась, что онъ человѣкъ недобросовѣстный, и тутъ же рѣшила не только не оставлять его у себя за дворника, но не оставлять и какъ своего жильца...

Окончивъ провѣрку книгъ, я, измученная всѣми волненіями этого дня, хотѣла пораньше лечь спать, какъ вдругъ за стѣной, гдѣ жили портные, я услышала крики ребенка, котораго, видимо, били. Чрезъ минуту ко мнѣ начали стучать въ стѣну.

— Хозяйка,—кричала Аксинья Ивановна:—идите къ намъ скорѣй: мой мужъ совсѣмъ съ ума сошелъ, онъ убьетъ ребенка.

Накинувъ на себя уже сброшенное платье, я сейчасъ же побѣжала къ портнымъ, и тутъ мнѣ пришлось быть свидѣтельницей тя-

желой семейной сцены. Въ комнатѣ, загроможденной большимъ верстакомъ, портной Сысоевъ, зажавъ между своими колѣнами маленькаго мальчика, лѣтъ семи, билъ его деревянной вѣшалкой. Въ это же время Аксинья Ивановна изо всей силы била своего мужа кулаками по спинѣ. Мой приходъ прекратилъ это двойное битье. Аксинья Ивановна въ слезахъ отошла отъ своего мужа, а Сысоевъ, оттолкнувъ отъ себя ребенка, бросилъ вѣшалку на верстакъ и слабымъ, задыхающимся голосомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Не хочу кормить чужихъ дѣтей, у меня и своихъ ртовъ довольно, а этотъ мальчикъ много ѣстъ. Онъ мнѣ не сынъ, моя жена прижила его съ однимъ изъ моихъ подмастерьевъ, пускай онъ его и кормитъ.

Аксинья Ивановна, плача, бросилась ко мнѣ.

— Не вѣрьте ему, хозяйка, не вѣрьте! онъ лжетъ!—кричала она.—Вы только взгляните на лицо этого дьявола и на Ильюшку—портретъ его. Сегодня этому чорту за ужиномъ жрать было мало, обидѣлся, зачѣмъ я не ему, а Ильюшкѣ кусочекъ мяса дала, сейчасъ же сталъ придираться, выскочилъ изъ-за стола и началъ мальчика тиранить.

Тутъ Аксинья Ивановна подбѣжала къ своему мужу.

— Да развѣ ты, дохлый, насъ кормишь!—кричала она:—ты самъ давно сидишь на моей спинѣ. Я одна для васъ всѣхъ горбъ гну. Ты, когда былъ и молодой, мало работалъ, только водку тянулъ. И вотъ, сударыня,—обратилась она ко мнѣ:—съ тѣхъ поръ, какъ докторъ сказалъ, что онъ помретъ, если не перестанетъ пить, нашъ Иванъ Степановичъ смерти испугался и водку бросилъ. Только не смотрите на него, что чахоточный, онъ еще не скоро помретъ—ѣстъ за четверыхъ, а вмѣсто водки пьетъ нашу кровь!

Сысоевъ опять схватилъ вѣшалку и, замахнувшись ею на жену, страшнымъ шопотомъ произнесъ:

— Убью!

Я начала ихъ уговаривать, просила успокоиться, звала ихъ дѣтей, чтобы тѣ подали имъ воды, и въ это же время замѣтила, что всѣ дѣти съ испугу сидятъ, спрятавшись въ углу подъ верстакомъ. Одинъ только Ильюша, продолжая плакать, стоялъ посреди комнаты и теръ кулачками свою избитую спину. Остальныя дѣти слышали, что я ихъ звала, но ко мнѣ не выходили, а мои просьбы успокоиться не дѣйствовали на ихъ родителей. Сысоевъ въ одной рубашкѣ, безъ сюртука, худой, какъ скелетъ, съ вѣшалкой въ рукахъ бѣгалъ въ волненіи по комнатѣ и все тѣмъ же слабымъ, задыхающимся голосомъ говорилъ:

— Скоро умру, скоро! тогда вы и живите по-своему; я вамъ развяжу руки, скоро развяжу!

Аксинья Ивановна, не менѣе взволнованная, ходила за мужемъ и громко говорила:

— И развязывай намъ руки, развязывай! И чѣмъ скорѣе ты намъ ихъ развяжешь, тѣмъ лучше. Я тебѣ своими руками вмѣстѣ съ нашими дѣтьми и могилу вырою... Мы тебѣ и гробъ сколотимъ...

И вдругъ Аксинья Ивановна остановилась посреди комнаты, всплеснула руками и, устремивъ глаза на образъ, съ отчаяньемъ воскликнула:

— Господи, да когда же это будетъ?!. Неужели мы такъ и не дождемся этой радости!—И, упавъ на стулъ, она зарыдала.

Сысоевъ подошелъ ко мнѣ, на его красивомъ, тонкомъ и мертвенно-блѣдномъ лицѣ было написано страданье.

— Барыня, вы видите,—сказалъ онъ шопотомъ;—какъ меня жена и дѣти ненавидятъ. Они меня живого толкаютъ въ могилу.

— Зачѣмъ вы бьете вашего ребенка?—и я указала на Илюшу.

— Барыня, не знаете вы, я съ горя золъ,—началъ онъ жалобно, по-дѣтски:—я боленъ, очень боленъ, а моя жена только объ одныхъ дѣтяхъ думаетъ, а меня кормитъ пустыми щами. Корми она меня лучше, я, можетъ, и поправился бы, а теперь,—махнулъ онъ съ отчаяньемъ рукой,—я умру!—И, отойдя отъ меня, онъ закрылъ лицо руками и, упавъ ничкомъ на постель, не то застоналъ, не то заплакалъ.

Я подошла къ Илюшѣ, взяла его за руку и повела къ себѣ. Когда у себя въ комнатѣ я уложила мальчика спать, за стѣной у портныхъ еще нѣкоторое время слышались слезы. Наконецъ онѣ смолкли, и застучала швейная машинка; отъ ея стука я долго не могла заснуть, наконецъ задремала.

Вдругъ за стѣной, возлѣ которой стояла моя кровать, кто-то запѣлъ дикимъ голосомъ «Ты для меня душа и сила, ты для меня огонь святой...» Хотя романсъ на этихъ словахъ и оборвался, но и мой сонъ уже былъ прерванъ, и вслѣдствіе того, что стѣна между моей и сосѣдней квартирой оказалась не капитальной, я сдѣлалась невольной слушательницей разговора моихъ сосѣдокъ, которыя, повидимому, были пьяны и говорили между собой очень громко. Сначала шелъ разговоръ о любви, сосѣдки разбирали какой-то прочитанный романъ.

— Будь я на мѣстѣ героини,—говорилъ грубый женскій голосъ:—я никогда бы ему въ любви не призналась и никогда бы не отдалась! А ты, Мароуша?

— Да вѣдь Богъ знаетъ, Анна Матвѣевна,—произнесъ уже мягкій старческій голосъ:—врагъ-то, говорятъ, горами качаетъ...

Чрезъ минуту опять первый голосъ сказалъ:

— Меня, Мароуша, тошнитъ—дай мнѣ выпить перцовочки.

— Я говорила вамъ, Анна Матвѣевна, не налегайте на селедку, она была со ржавчинкой.

Нѣкоторое время сосѣдки молчали, только было слышно, какъ кто-то по полу шлепалъ ногами.

Вдругъ первый голосъ воскликнулъ:

— Мароуша, какъ я Бога люблю! Разбуди меня завтра къ ранней обѣднѣ.

А я въ это время, ворочаясь на своей кровати, думала:

«Ну, и домикъ же мнѣ достался!»

IV.

Иванъ Андреевъ былъ мужикъ смышленый—онъ сейчасъ же смекнулъ, что я его у себя не оставлю, и въ первый же день моего пріѣзда уже бѣгалъ по городу и пріискивалъ для себя квартиру. Выѣзжая изъ моего дома, онъ сказалъ моимъ жильцамъ:

— При прежней хозяйкѣ управлять домомъ было можно—у той, кромѣ домовъ, и капиталъ былъ; а у этой, петербургской, видать сразу, денегъ нѣтъ, и, помяните мое слово, она наплачется со своимъ домомъ.

Я и сама видѣла, что на ремонтъ моего дома нужно потратить не одну тысячу рублей, но все-таки въ то время я духомъ не упала, размѣняла деньги и рѣшила сдѣлать въ домѣ хотя самый необходимый ремонтъ. Прежде всего нужно было позаботиться, чтобы вода ушла изъ подваловъ, и этого я достигла тѣмъ, что догадалась открыть въ нихъ всѣ окна и двери и такимъ образомъ сдѣлала подвалы доступными для воздуха. Когда вода замѣтно начала убывать, радость на моемъ дворѣ была общая; но кто больше тогда волновался—это дѣти; они поминутно бѣгали въ подвалы и мѣряли воду. Сначала мѣряли палками, потомъ лучинками, и съ доброй вѣстью, что вода съ каждымъ часомъ все убываетъ, прибѣгали ко мнѣ, и каждый разъ вѣстникъ получалъ отъ меня копейку.

Освобожденію подваловъ отъ воды радовались не одни мои жильцы, а и многіе въ городѣ бѣдняки. Ко мнѣ поминутно приходили посмотрѣть на убывающую воду; на нее смотрѣли не только со двора, но и съ улицы; для этого люди ложились на землю и ползли въ глубину окна, потомъ приходили ко мнѣ и совали въ руку задатокъ, кто тридцать копеекъ, кто пятьдесятъ. Если бы я только позволила, то когда въ моихъ подвалахъ еще на полу стояло на четверть воды, люди и тогда стали бы въ нихъ жить. Мнѣ многіе говорили:

— Это ничего, что на полу стоитъ вода, она скоро уйдетъ; ты только, хозяйка, дай намъ досокъ, мы примостимся и будемъ жить.

Нужно было только удивляться невзыскательности этихъ жильцовъ.

Невзыскательной жилицей оказалась у меня и Анна Матвѣевна Быкова, съ которой я познакомилась нѣсколько позднѣе, чѣмъ съ другими своими жильцами.

Только черезъ недѣлю, идя по двору, я замѣтила на крыльцѣ высокую даму въ черномъ платьѣ и кружевной на головѣ наколкѣ; она еще издали начала мнѣ улыбаться и кланяться. Когда я подошла ближе, то увидѣла, что ей лѣтъ за пятьдесятъ; черты лица крупныя и лицо все красное.

— Позвольте, хозяюшка, вамъ представиться,—съ любезнѣйшей улыбкой заговорила она:—я ваша жиличка, вдова поручика Анна Матвѣевна Быкова; а также позвольте васъ и поблагодарить за доброту къ бѣдному народу, жилища котораго, я слышала, вы хотите улучшить. Я сама сочувствую всѣмъ бѣднымъ и хотя небогата, но, насколько могу, я съ бѣдными дѣлюсь.

При этомъ Анна Матвѣевна рукой утерла глаза и, вдругъ перемѣнивъ разговоръ, спросила меня, говорю ли я по-французски. Я въ недоумѣніи посмотрѣла на нее и отвѣтила:

— Говорю, а что?

— Я тоже говорю,—объявила она:—въ вашемъ и моемъ положеніи знать французскій языкъ необходимо—мы окружены такимъ сѣрымъ народомъ, vous me comprenez?—и при этомъ Быкова указала глазами на проходившую мимо насъ Афимью.

Потомъ Быкова начала меня просить сдѣлать ей честь зайти въ ея квартиру.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить о дѣлѣ,—таинственно добавила она.

«Ужъ не отдастъ ли она мнѣ деньги за квартиру», подумала я; кромѣ того, мнѣ хотѣлось и увидѣть помѣщеніе, въ которомъ жила Быкова. Я пошла за ней.

Когда Анна Матвѣевна шла впереди, мнѣ бросилось въ глаза, что ея платье все въ дырахъ.

Въ сѣняхъ намъ попалась навстрѣчу растрепанная сѣденькая старушка; она на ходу мнѣ поклонилась и ласковымъ голосомъ проговорила:

— Здравствуйте, наша хозяюшка!

— Есть у насъ, Марѳуша, кофе?—обратилась къ ней Анна Матвѣевна.

— Какой тамъ кофій, ничего у насъ нѣтъ!—съ досадой отвѣтила старушка и пошла дальше.

Я догадалась, что это Марѳа Никитична, разговоръ которой съ Анной Матвѣевной я такъ часто слышу черезъ стѣну.

Между тѣмъ Быкова такъ и сыпала французскими фразами.

— Entrez, madame, s'il vous plait. Prenez place s'il vous plait. Vous fumez n'est-ce pas?—и при этомъ придвинула ко мнѣ остовъ отъ кресла и поставила мнѣ подъ ноги скамеечку, потомъ схватила съ полки лучинную корзинку, въ которой лежало нѣсколько папиросъ, и поставила ее передо мною. Вслѣдъ за тѣмъ Анна Матвѣевна уже по-русски начала расхваливать свою квартиру.

— Я отъ своей квартиры въ восторгѣ, лучше этой комнаты я для себя не желаю и, вѣрьте Богу, хозяюшка, что въ этой квартирѣ я буду жить до самой смерти и мой гробъ вынесутъ только изъ вашего дома.

Я окинула глазами ея маленькую комнатку съ грязными обоями, протекшимъ потолкомъ и двумя крошечными окошечками. Окна были открыты во дворъ, и близость помойной ямы была очень чувствительна; кромѣ того, въ комнатѣ былъ страшный безпорядокъ: двѣ постели были не убраны, на столѣ, возлѣ котораго мы сидѣли, валялись хлѣбныя крошки и лежала голова отъ селедки, также на столѣ стояла пустая, отъ водки, бутылка и двѣ чайныхъ чашки.

«Онѣ водку, должно быть, пьютъ изъ чайныхъ чашекъ», мелькнуло у меня въ головѣ.

— Madame fumez!—и Быкова опять придвинула ко мнѣ папиросы.

Я сказала, что не курю.

— А я послѣ смерти своей дочери, которая умерла девятнадцати лѣтъ,—закуривъ папиросу, начала Быкова,—безъ табаку жить не могу; мнѣ нужно забыться, а табакъ одуряетъ. Въ жизни у меня были двѣ страсти—моя дочь и Богъ. О, какъ я Бога люблю! Вы видите, у меня теплится неугасимая лампада; хоть мнѣ самой и нечего ѣсть, а лампада теплится!..

Желая поскорѣе узнать, отдастъ ли Анна Матвѣевна мнѣ свой долгъ, я перебила ее, спросивъ, сколько она получаетъ пенсіи.

— Всего двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ,—со вздохомъ произнесла Быкова:—но вы не безпокойтесь, я вамъ свой долгъ отдамъ—я скоро получу деньги: у меня подано прошеніе на высочайшее имя, я написала его такъ: «На небѣ Богъ, а на землѣ царь!». Я увѣрена, что мое прошеніе воздѣйствуетъ на императора.

— Не можете ли вы,—начала я,—хоть часть вашего долга теперь уплатить? Вы навѣрно слышали, что я начинаю ремонтъ, и деньги мнѣ очень нужны.

— О, я понимаю васъ!—воскликнула Быкова и съ чувствомъ пожала мнѣ руку:—но, увы! въ настоящую минуту у меня нѣтъ ни одной копейки!—и, сложивъ, какъ на молитву, руки, Анна Матвѣевна умоляющимъ голосомъ сказала:

— Madame! только до завтрашняго дня—pretez moi vingt sous.

Просимая сумма была такъ мала, что въ ней отказать Быковой мнѣ было совѣстно. Въ это время Лена подошла къ окну и сказала, что меня спрашиваетъ какой-то торговецъ.

Прощаясь со мною, Анна Матвѣевна попросила позволенія меня поцѣловать и, указывая на свой лобъ, сказала:

— Мы понимаемъ другъ друга, у насъ обѣихъ вотъ здѣсь коечто есть! Vous me comprenez?..

А на дворѣ меня ожидалъ оборванецъ; на его босыхъ ногахъ были опорки, у панталонъ бахрома, изъ рубахи торчало голое плечо. Трудно было сказать, молодъ онъ или старъ: волосы на головѣ черные, глаза живые, но лицо уже увядшее и все въ морщинахъ.

Оборванецъ развязно подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Вы хозяйка этого дома?

— Я. Что тебѣ нужно?

— А вотъ что, барыня, я слышалъ, что у васъ дворника нѣтъ, такъ не возьмете ли вы меня за дворника? Денегъ за работу я у васъ не спрошу; только дайте квартиру мнѣ и моему семейству.

— Ну, какой же ты дворникъ!—засмѣялась я.

— Это вы насчетъ моей амуниціи?—показывая на свое голое плечо, спросилъ онъ:—я ее въ году мѣняю по нѣсколько разъ; то я бариномъ одѣтъ, а то вотъ такъ.

— Водку пьешь?

— Безъ этого не обойдется, а только, барыня, я вамъ совѣтую меня взять; я самъ дѣйствительно человѣкъ пропащій, но зато моя жена Марина такая женщина, что ее весь народъ уважаетъ.

Я все-таки отвѣтила, что квартиръ у меня для него нѣтъ и что я прошу его уйти со двора.

— Да вы, барыня, отъ меня не отвертывайтесь!—уже дерзко заговорилъ онъ:—я знаю, что у васъ въ настоящее время подвалы затоплены, а вотъ когда изъ нихъ уйдетъ вода, у васъ будетъ пять квартиръ и одну изъ нихъ, которая ходитъ за два рубля, вы мнѣ и отдайте. Вотъ и моя Марина легка на поминѣ!—весело воскликнулъ онъ, увидавъ входившую въ ворота женщину съ двумя дѣтьми.

Марина шла по двору тихо, не торопясь, одну дѣвочку несла на рукахъ, а другая бѣжала съ боку, держась за ея платье.

Марина была высокая, съ красивымъ и спокойнымъ лицомъ женщина; на ней было приличное платье, и на плечахъ накинутъ большой клѣтчатый платокъ. На обѣихъ ея дѣвочкахъ надѣты чистыя ситцевыя платьица и кружевные, хотя всѣ заштопанные, воротнички. Марина держала себя степенно, и ея разговоръ былъ тихій и вѣжливый. Она тоже просила меня взять ея мужа дворникомъ.

— За кого ты просишь,—сказала я:—развѣ ты не видишь, какой у тебя мужъ?

— Знаю, сударыня,—вздохнула она:—только вы строго не судите моего Александра, сердце у него доброе, и онъ можетъ исправиться.

Когда Александръ отошелъ отъ насъ и началъ разговаривать съ Василіемъ Кіановымъ, Марина тихо начала мнѣ разсказывать:

— Мой Александръ не всегда былъ пьяницей, онъ сталъ пить съ тоски по нашемъ первенькомъ мальчикѣ, который, можно сказать, по винѣ Александра утонулъ. Я ушла на работу, а Коленьку оставила на его рукахъ; мальчику было четыре годика, Александръ его и не досмотрѣлъ: заговорился съ мужиками на улицѣ и позабылъ, что

на нашемъ дворѣ не закрытъ колодезь и мальчикъ одинъ по двору ходитъ. Въ тотъ же день, какъ Коленька потонулъ, Александръ въ первый разъ напился, а прежде онъ водки въ ротъ не бралъ... Дорогая барыня, дайте ему случай прійти въ себя, дайте ему работу, а его семьѣ уголъ. Ради этихъ дѣтей возьмите насъ къ себѣ; я же за мужемъ присмотрю; чего онъ не додѣлаетъ, я сдѣлаю.

Отъ Марины я узнала, что она прачка и что каждый день рано утромъ уходитъ на работу; а своихъ дѣтей на то время, когда ея нѣтъ дома, относитъ въ ясли.

— И какъ видите,—заговорила Марина:—дѣти у меня одѣты и сыты. Александръ тоже былъ одѣтъ моими руками и только недавно все съ себя пропилъ. Но вы, барыня, не безпокойтесь; если онъ поступитъ къ вамъ дворникомъ, я его пріодѣну.

Мнѣ такъ понравилась Марина, что только ради нея я согласилась взять ея мужа.

Когда Александръ услыхалъ, что я его беру,—весело воскликнулъ:

— Теперь, барыня, позвольте стрѣльнуть рюмочку!

Марина властно взяла мужа за руку и повела со двора.

V.

Когда вода изъ подваловъ уже совсѣмъ ушла и мои жильцы узнали, что я хочу поправить въ домѣ всѣ печи, ко мнѣ явился старикъ Кіановъ съ запоздавшимъ извиненіемъ въ тѣхъ дерзостяхъ, которыя въ первый день моего пріѣзда онъ и его сынъ Василій, будучи пьяными, мнѣ наговорили.

Въ этотъ разъ Кіановъ разговаривалъ со мною почтительно и, когда я ему замѣтила, что не хорошо напиваться, онъ отвѣтилъ, что своей страсти къ водкѣ и самъ не радъ.

— Мнѣ, барыня, это сдѣлано,—таинственно началъ онъ:—еще въ молодости сдѣлано. Я, съ позволенія сказать, одну дѣвочку обманулъ и обѣщался на ней жениться, а вмѣсто того женился на другой, на моей Афимьѣ; тогда эта самая дѣвочка намъ въ первый же день свадьбы и сдѣлала. Пріѣзжаемъ мы отъ вѣнца, всѣ поѣзжане прошли по крѣпкому крыльцу; а когда мы съ Афимьей на него вступили, такъ оно и провалилось; тогда всѣ гости сказали, что это колдовство.

— Почему вы думаете,—спросила я:—что крыльцо провалилось отъ колдовства? вѣроятно, оно было сломано или гнилое.

— Пустое, барыня, говорите,—съ раздраженіемъ произнесъ Кіановъ:—ну, какъ же не колдовство, когда въ этотъ же день испортившую меня дѣвочку вынули изъ петли, а я такъ въ первый разъ напился, что меня водой отливали.

Видя, что Кіанова мнѣ не убѣдить, я замолчала... Что же касается починки печей въ моемъ домѣ, то прямо себѣ работы Кіановъ у меня не просилъ, только хвасталъ, что его въ городѣ считаютъ лучшимъ печникомъ, что онъ работалъ печи у губернатора и что тотъ его печами не нахвалится.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ отъ меня ушелъ Кіановъ, ко мнѣ вошла Лена и начала просить отдать работу ея отцу.

— Милая барыня,—говорила она:—отдайте поправить печки моему батькѣ; лучше его нѣтъ печника во всемъ городѣ.

Лена была кроткая, честная и работящая дѣвочка, и, чтобы сдѣлать ей пріятное, я помимо своего желанія согласилась исполнить ея просьбу. На другой день старикъ Кіановъ со своимъ сыномъ Василіемъ начали работать въ моемъ домѣ. Василій, хотя въ своихъ дерзостяхъ и не извинился передо мною, но, встрѣчаясь, вѣжливо раскланивался и разъ, когда несъ по двору кирпичъ и я попалась ему навстрѣчу, онъ остановился и попросилъ у меня почитать книжечекъ.

— Вы гдѣ учились грамотѣ?—спросила я Василья.

— Въ приходскомъ училищѣ,—отвѣтилъ онъ:— да и того не пришлось окончить; отцу работникъ понадобился, глину мять. Братъ Колька еще не могъ работать, былъ маленькій, моимъ ученьемъ отецъ и пожертвовалъ. Не дай Богъ имѣть такого родителя!—съ горечью добавилъ Василій и пошелъ дальше.

Лена про своего старшаго брата говорила, что онъ очень лѣнивъ и завистливъ.

— Нашъ Васька оттого всѣхъ богатыхъ ненавидитъ, что онъ завидущій,—говорила она: —зато ему Богъ и счастья не посылаетъ: два года, какъ собирается себѣ новое пальто сдѣлать, а все не можетъ съ деньгами собраться. Вы ему, барыня, не давайте книжекъ читать, а то нашъ Васька отъ работы совсѣмъ отобьется и будетъ цѣлые дни съ книгой лежать на сѣновалѣ.

Когда старикъ Кіановъ началъ работать, то поминутно выпрашивалъ у меня денегъ и при этомъ такъ клянчилъ, что невозможно было отъ него отдѣлаться. Выпроситъ деньги на обѣдъ, а вмѣсто этого ихъ пропьетъ. Пьяный Кіановъ былъ невозможенъ, онъ не только билъ свою жену и младшаго сына Колю, но дрался на дворѣ и съ жильцами, а мнѣ, если я дѣлала ему замѣчаніе, дерзилъ. Разъ онъ такъ буянилъ, что сама Афимья побѣжала за городовымъ, чтобы тотъ взялъ въ часть ея пьянаго мужа.

Но только Афимья съ городовымъ вошли на нашъ дворъ, какъ Кіановъ сдѣлался тихъ и кротокъ и жильцы удивлялись, что съ него такъ скоро хмель соскочилъ. Городовой поговорилъ съ Кіановымъ и объявилъ, что такого смирнаго человѣка онъ не имѣетъ права забирать въ часть. Въ это время Афимья мнѣ шептала:

— Мой, лѣшій-то, пьетъ вмѣстѣ съ городовыми, оттого они его и въ часть не берутъ.

Но только что городовой ушелъ, какъ Кіановъ забуянилъ больше прежняго и за то, что я позволила на свой дворъ позвать городового, онъ поносилъ меня бранными словами и въ тотъ же вечеръ въ моей гостиной разбилъ каменьями два стекла.

На другой день Кіановъ сталъ посреди двора на колѣни и при всѣхъ жильцахъ просилъ у меня прощенья за вчерашнее буйство. Тутъ же на дворѣ, обливаясь слезами, стояли Афимья и Лена и обѣ просили за него прощенья. Впослѣдствіи я узнала, что, когда Кіановъ стоялъ на колѣняхъ, а я оборачивалась къ нему спиной, онъ сзади передразнивалъ меня и показывалъ кулаки, а потомъ, когда я ушла со двора, онъ жильцамъ со смѣхомъ говорилъ:

— Вы думали, что я и вправду у нея прощенья просилъ, а я только камедь передъ ней ломалъ.

Я много разъ собиралась выселить Кіанова, и только слезы Лены (къ которой я скоро привязалась) удерживали меня отъ этого.

Несмотря на то, что Кіановъ былъ деспотъ въ своей семьѣ, но дочь и жена его обожали, хотя всѣмъ на него жаловались. Когда Кіановъ не имѣлъ работы и скучалъ безъ водки, Афимья была сама не своя и поминутно прибѣгала къ Ленѣ, шепталась съ ней, и до меня долетали такія фразы:

— Онъ безъ водки помретъ, ему сразу нельзя бросать водку; ты, Ленка, попроси у барыни для батьки на сотку.

Лена получала въ мѣсяцъ жалованья всего четыре рубля, и эти деньги у нея по мелочамъ отбирали родители; если же и оставался какой рубль, Лена спѣшила его отослать своему брату Ѳедору, который былъ (еще до меня) сданъ въ солдаты.

Я Ленѣ напоминала, что у нея самой ничего нѣтъ.

— Да мнѣ, барыня, ничего не надо,—говорила она:—я у васъ сыта и одѣта; а копить на окруту [1]) я не стану, замужъ я не пойду, я довольно насмотрѣлась на маткины слезы! Пущай мои деньги лучше Ѳедьку нашего обрадуютъ: ему-то, сердечному, житъ въ солдатахъ, небось, не сладко!

Но что касается Афимьи, она больше заботилась о своемъ мужѣ, чѣмъ о дѣтяхъ.

— Я съ дѣтями и хлѣба одного поѣмъ,—говорила она:—у меня только одна заботушка—былъ бы мой Степанъ сытъ, пьянъ и носъ въ табакѣ.

Зато Кіановъ уже совсѣмъ не заботился о своей женѣ. Афимья страдала одышкой и ревматизмомъ; а онъ заставлялъ ее ходить на работу—мыть полы. Заработавъ какихъ-нибудь тридцать копеекъ, Афимья сейчасъ же ихъ тратила для мужа,—покупала ему водки

[1]) Приданое.

и черствыхъ булокъ и, держа все это на виду, въ рукахъ, она съ сіяющимъ лицомъ возвращалась домой.

Кіановъ часто поджидалъ свою жену на дворѣ. Замѣтивъ въ ея рукахъ водку, онъ становился веселъ, ласковъ, цѣловалъ при народѣ Афимью, какъ онъ выражался, «въ сахарныя уста», называлъ ее своимъ червоннымъ золотомъ и при этомъ подшучивалъ надъ ея мокрой и грязной юбкой. Лена, видя своихъ родителей цѣлующимися, отъ радости сіяла и, помирая со смѣху, говорила:

— Охъ, тошнехонько!..—Вотъ мои прокураты-то!.. Люди добрые, посадите вы моего батьку съ маткой, какъ молодыхъ, за столъ—пущай они цѣлуются, это получше, чѣмъ цѣлый день ругаться!

И тутъ же Лена съ одушевленіемъ начинала разсказывать, что ея матка въ молодости была красавицей и что на нее у батьки былъ сложенъ складный стишекъ:

Моя махонькая Фишь;
Я цѣлую, а ты спишь.

— Мой батька вѣдь ужасти какой умный и продувной,—говорила Лена:—его только водка сгубила...

Изъ всей семьи Кіанова одинъ Василій не любилъ отца и, хотя они вмѣстѣ работали и вмѣстѣ напивались; но въ каждомъ взглядѣ и въ каждомъ словѣ Василья, обращенномъ къ отцу, проглядывала ненависть.

VI.

Когда въ моемъ домѣ были исправлены печи и полы, четыре подвала сразу были заняты. Въ первомъ жила семья Кіанова, во второмъ—поселилась Матрена со своими ребятишками; мужъ ея Ефимъ хотя и былъ прописанъ у меня, но жилъ у огородника и только одни праздники проводилъ въ своей семьѣ. Болѣе трудолюбивыхъ людей, какъ Ефимъ и Матрена, трудно было встрѣтить; они, какъ ломовыя лошади, работали круглый годъ, и все-таки ихъ заработка не хватало, чтобы заплатить за квартиру въ мѣсяцъ два рубля и одѣть, обуть и накормить не только себя, но и восемь человѣкъ дѣтей. Матрена съ пяти часовъ утра уходила изъ дома на работу; шестилѣтняя Кушка оставалась въ квартирѣ хозяйкой и нянчила восьмимѣсячнаго Аѳоньку; мальчики (старшему было тринадцать лѣтъ) ходили по міру и, уже привыкнувъ къ лѣни, попрошайничеству, росли озорниками. Матрена была раздражительна и дерзка, она била своихъ дѣтей, даже за то, если они попадались ей подъ ноги; била она ихъ и палками и кулаками и по чему попало. Если въ эту минуту я ее останавливала, Матрена и на меня кричала:

— Откелева ты такая проявилась, чтобы учить меня, родную матку. Небось, я своимъ дѣтямъ не мачеха—не переломаю костей!

Матрена била не только своихъ дѣтей, она била и мужа. Разъ, услыхавъ на дворѣ жалобные крики, я вышла на крыльцо, чтобы узнать, кто кричитъ. Кричали въ Матрениномъ сараѣ, а возлѣ него стояли подвальные жильцы и помирали со смѣху.

— Что случилось?—спросила я.

Афимья подошла ко мнѣ.

— Не безпокойся, хозяюшка,—сказала она:—это Матрена связала пьянаго Яфима и за то, что онъ пропилъ съ пріятелями полтинникъ, стегаетъ его веревкой; да ничего—свои люди, помирятся.

Потомъ мнѣ и Матрена сказала:

— Ты, хозяйка, не пужайся, если услышишь, что я учу Яфима, я ему не чужая, а законная жена...

Между тѣмъ, несмотря на пропитый полтинникъ, Ефимъ не былъ пьяницей и характеръ у него былъ добродушный, общительный и онъ очень любилъ дѣтей, не только своихъ, но и чужихъ. Бывало, въ праздникъ придетъ Ефимъ домой и сейчасъ же къ нему со всѣхъ сторонъ бѣгутъ ребятишки, кто проситъ Ефима поносить его на плечахъ, кто устроить змѣйку, кто вырѣзать свистульки; а когда Ефимъ пріѣзжалъ на лошади и, насадивъ цѣлую телѣгу дѣтей, каталъ ихъ по двору, то радость ребятишекъ трудно описать. Своего младшаго сына Аѳоньку Ефимъ обожалъ и вообще не тяготился, какъ жена его Матрена, что у нихъ большая семья. Я разслышала, какъ Ефимъ сказалъ:

— И зачѣмъ только моя баба гнѣвитъ Господа, что у насъ много дѣтей. Кажиному ребенку Богъ свое счастье пошлетъ; вотъ и мой Аѳонька, когда выростетъ, попомните мое слово, будетъ купцомъ и мнѣ, своему батькѣ, шапку подаритъ.

Я только разъ видѣла Ефима сердитымъ, когда одна изъ нашихъ бабъ вздумала посмѣяться надъ нимъ, что его пьянаго бьетъ жена.

Тутъ Ефимъ вскочилъ съ мѣста и началъ кричать:

— Не мели, дура баба, пустого; мы съ Матреной живемъ хорошо. Такой, какъ моя Матрена, пройди цѣлый свѣтъ, не найдешь, она меня уважаетъ, а ежели она теперь ходитъ тяжелая и все въ работѣ, то, извѣстно, съ разстройки и остервенѣла.

Въ третьемъ подвалѣ жила баба Степанида со своими тремя дѣтьми и матерью Дарьей (объ этой древней старухѣ я уже говорила, я ее видѣла въ шалашѣ въ первый день моего пріѣзда).

Степанидѣ по паспортной книжкѣ было сорокъ пять лѣтъ и она была не замужная. Изъ себя она была смуглая, костлявая, съ короткими вьющимися волосами и однимъ глазомъ, другой глазъ, какъ увѣряла Степанида, у нея пропалъ съ глазу, и если ей не вѣрили, она сердилась.

У насъ на дворѣ говорили, что Степанида прижила своихъ дѣтей съ какимъ-то запаснымъ солдатомъ и что онъ уже съ годъ, какъ ее бросилъ, и что Степанида и теперь изъ своихъ ничтожныхъ заработковъ посылаетъ ему деньги.

Все это говорилось потихоньку; если бы кто осмѣлился сказать это же самое Степанидѣ въ лицо, она этому человѣку навѣрно бы выцарапала глаза. Сама она разсказывала совсѣмъ другое. Степанида увѣряла всѣхъ, что солдатъ ее любитъ и что онъ вернется къ своимъ дѣтямъ къ Ильѣ пророку.

— Гдѣ бы онъ ни былъ,—говорила она:—а ужъ къ своему анделу непримѣнно ко мнѣ придетъ, и еще недавно мой Илья на дѣтей мнѣ прислалъ рубль денегъ.

Старая Дарья, слушая свою дочь, молчала и только грустно качала сѣдой головой.

Всѣ жильцы знали, что Дарья не хочетъ, чтобъ Илья къ нимъ приходилъ, и, когда ея дочери не было дома, старуха сосѣдямъ жаловалась, что если къ нимъ придетъ опять солдатъ, имъ жить будетъ еще хуже. «Онъ только будетъ тренькать на балалайкѣ,—говорила она:—а мы со Степанидой его корми!»

Что ея дочь въ дѣвкахъ прижила троихъ дѣтей, Дарья ее не осуждала, только жалѣла.

— Моя Степанида не первая и не послѣдняя,—говорила она:—нонѣ ужъ свѣтъ такой—народъ безъ господъ избаловался. Народъ теперь, что конь безъ узды, бѣжитъ сломя голову, а куда бѣжитъ, и самъ не знаетъ. Будь мы теперь господскіе, развѣ мы горе бы мыкали! Еще за перваго бы ребенка господа Степаниду наказали, а другого заводить она и побоялась бы, а теперь кого моя Степанида боится?—меня, свою матку, она въ грошъ не ставитъ! Нѣтъ, милые, при господахъ намъ лучше было жить!

Разъ съ Дарьей я даже вступила въ споръ, доказывала ей, что безъ крѣпостного права народу лучше жить.

— Развѣ, бабушка, ты забыла,—говорила я:—какъ помѣщики васъ, крѣпостныхъ людей, тиранили, обращались съ вами, какъ со скотами!

Старуха пожевала губами, съ минуту подумала и сказала:

— Знаю, милая, всякіе господа были, худые и хорошіе. Мы-то были графинюшкины, Анны Алексѣевны Орловой; вѣчная ей память, хорошая для насъ, крестьянъ, была... Знаешь ли, какая она была?—вдругъ съ оживленіемъ заговорила Дарья.—Проштрафился передъ ней мужикъ, графинюшка его къ себѣ и призоветъ.

— Ты,—говоритъ,—худой мужикъ, мнѣ ты ненадобенъ, иди на всѣ четыре стороны, я тебя на волю отпущаю.

Мужикъ испужается, сейчасъ графинюшкѣ въ ноги.

— Накажи,—говоритъ,—ты какъ хошь меня, только на волю не отпущай.

— Вотъ, милая, какіе были наши господа; а если ты чего не знаешь, такъ ты о томъ и не говори!—уже нравоучительно добавила старуха.

Въ четвертомъ подвалѣ жилъ мой дворникъ Александръ съ семействомъ. Жена его Марина такъ рано уходила изъ дома на работу и такъ поздно возвращалась, что я почти ее и не видѣла, зато Александръ цѣлый день находился дома и уже не былъ, какъ прежде, оборванцемъ, на немъ была новая рубаха и сапоги.

Что же касается работы, Александръ всякую работу презиралъ и только цѣлые дни слонялся по двору, или ходилъ возлѣ дома по панели, иногда игралъ съ мальчишками въ козны.

Встрѣчаясь со мною, онъ быстро схватывалъ съ головы картузъ, шелъ рядомъ и жаловался, что ему скучно.

— Отчего ты дворъ не подметешь?—спрашивала я.

Александръ лѣниво оглядывался кругомъ и говорилъ:

— Зачѣмъ мести дворъ, когда его опять засорятъ.

Если же ему случалось брать въ руки метлу, то онъ дѣлалъ это такъ лѣниво, что даже смотрѣть на него было противно и свой разговоръ со мною кончалъ всегда одной и той же фразой:

— Позвольте, барыня, стрѣльнуть рюмочку!

Мелкія работы по дому у меня исполнялъ младшій сынъ Кіанова, Коля; этотъ мальчикъ за ничтожную плату былъ готовъ работать хоть цѣлый день и каждую свою заработанную копейку отдавалъ матери, которую обожалъ.

Разъ, когда я обѣдала, то тутъ же въ столовой Коля что-то прибивалъ; въ это время Лена принесла пирожки, и я нѣсколько пирожковъ предложила Колѣ. Отъ удовольствія онъ весь вспыхнулъ и, забывъ меня поблагодарить, съ пирожками бросился изъ комнаты.

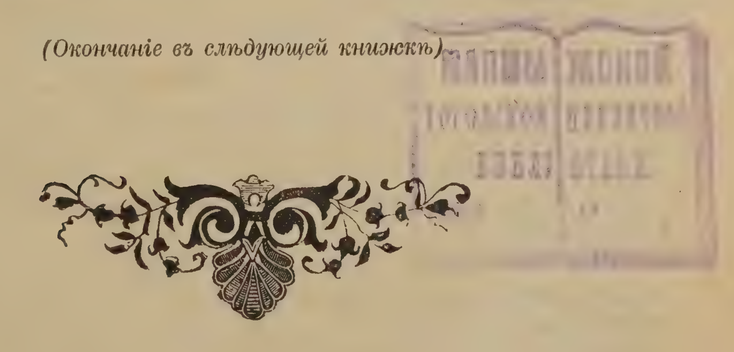
— Зачѣмъ ты уходишь, ѣшь здѣсь!

Коля вернулся и жалобнымъ голосомъ сказалъ:

— Я самъ не хочу ѣсть, я эти пирожки хотѣлъ маткѣ снести — она со вчерашняго дня ничего не ѣла!

М. Е. Васильева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ВОСПОМИНАНІЯ АКАДЕМИКА П. П. СОКОЛОВА.

Предисловіе.

МНѢ СЛУЧАЙНО досталось нѣсколько тетрадей съ рисунками, повидимому, принадлежавшими рукѣ опытнаго, незауряднаго рисовальщика. Здѣсь и эскизы жанра и пейзажа, фрески, головки и цѣлыя законченныя иллюстраціи, преимущественно къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, Гоголя и другихъ. Типичныя изображенія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, мощная, дышащая отвагою фигура Тараса Бульбы, цѣлый рядъ иллюстрацій изъ «Горе отъ ума», сцены «Донъ-Жуана» и «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. Что это за иллюстраціи! Великій поэтъ, вдохновившій талантливую руку художника, создавшаго на бумагѣ его типы, самъ бы пришелъ въ умиленіе отъ этихъ рисунковъ. Да, это Гриневъ, это Швабринъ, это Маша, чистая, невинная, кроткая. Тутъ есть и сцена дуэли, и арестъ, и обученіе инвалидовъ комендантомъ, и Бѣлогорская крѣпость, и первый поцѣлуй, и сцена съ тулупомъ и т. д...

Я, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ такимъ рисункамъ и дѣятельно началъ доискиваться автора этихъ талантливыхъ произведеній.

Отправившись въ музей императора Александра III, я прежде всего показалъ ихъ хранителю музея, Альберту Николаевичу Бенуа, который съ большимъ вниманіемъ пересмотрѣлъ ихъ, пришелъ въ восхищеніе и почти увѣренно призналъ въ этихъ рисункахъ произведенія Павла Соколова. «Впрочемъ, я навѣрное не берусь вамъ утвердить этого,—сказалъ онъ:—а вотъ я вамъ дамъ письмо къ его

брату, хранителю музея академіи художествъ—Александру Петровичу, онъ вамъ дастъ положительный отвѣтъ. Рисунки очень интересны и желательны для коллекціи музея,—прибавилъ онъ. «Carrime! Обрати вниманіе на замѣчательные рисунки твоего брата, ихъ бы желательно имѣть въ музеѣ», писалъ Бенуа Александру Соколову.

Въ тотъ же день я былъ на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи академіи художествъ, у Александра Петровича. Въ квартирѣ, сплошь увѣшанной картинами и портретами, меня встрѣтили два старика: мужъ и жена Соколовы; они съ живѣйшимъ любопытствомъ отнеслись къ показываемымъ мною рисункамъ и видно было, что каждый штрихъ, каждый набросокъ былъ для нихъ полонъ значенія.

— Да, это онъ, это Павелъ, какъ же не узнать его,—говорилъ со слезами на глазахъ старикъ:—это его юношескія произведенія. Сколько таланту было въ этомъ человѣкѣ!..

— Да гдѣ же онъ теперь? Не можете ли сообщить мнѣ его адресъ?—спросилъ я.

Старушка принесла какую-то книжку и прочитала: Кавалергардская улица, д. № 1, кв. 2.

Я отправился къ Павлу Петровичу.

— Здѣсь живетъ художникъ Соколовъ?—спросилъ я у дѣвушки, открывшей мнѣ дверь.

— Пожалуйте. Павелъ Петровичъ! къ вамъ...—крикнула она, снимая съ меня пальто.

— Entrez!—раздался старческій голосъ, и я вошелъ въ маленькую, довольно мрачную комнату со сводами. По стѣнамъ висѣло нѣсколько картинъ. Около окна стоялъ мольбертъ съ начатой женской головкой. Посреди комнаты, на постаментѣ возвышалась почти законченная глиняная ваза, изображающая группу изъ «Русалки» Пушкина. Такая же ваза съ группою изъ «Золотой рыбки» стояла возлѣ одной изъ стѣнъ. Хозяинъ, повидимому, только что закончилъ свою работу и, отдыхая, всматривался въ изваяніе. При появленіи моемъ онъ всталъ.

Это былъ выше средняго роста, сухой, но весьма благообразный старикъ лѣтъ за 70, съ признаками на лицѣ безусловной красоты. Его симпатичное лицо привѣтливо улыбалось мнѣ, и онъ любезно предложилъ мнѣ стулъ. На головѣ у старика была надѣта бархатная ермолка, придававшая ему въ окружавшей обстановкѣ средневѣковый видъ. Убогое помѣщеніе, жалкій, жесткій диванъ, ветхая мебель, все говорило о томъ, что старикъ очень нуждался. Выслушавъ меня, онъ пришелъ въ сильное волненіе и, увидѣвъ рисунки, заплакалъ, и эти слезы были слезами, пролитыми надъ своимъ настоящимъ безсиліемъ. Я невольно взглянулъ на мольбертъ, на которомъ былъ начатый рисунокъ,—въ немъ не было той жизни,

того взмаха, который былъ замѣтенъ въ каждомъ штрихѣ разсматриваемыхъ альбомовъ, и старикъ, повидимому, сознавалъ это.

Долго я просидѣлъ у Павла Петровича, много интереснаго разсказывалъ онъ мнѣ о своей жизни, благодарилъ меня за то, что я отыскалъ его, подписалъ мнѣ свои рисунки и просилъ объ одномъ, чтобы я хранилъ ихъ, или бы помѣстилъ туда, гдѣ бы они не могли пропасть. «Вѣдь это прототипы тѣхъ иллюстрацій, которыя впослѣдствіи были воспроизведены мною и имѣли огромный успѣхъ, но эти, по-моему, лучше, удачнѣе», сказалъ онъ.

— А я вѣдь немножко и писатель,—улыбаясь прибавилъ старикъ и подалъ при этомъ литографированную брошюрку «Дубровскій» А. С. Пушкина, передѣланную имъ въ драму. Эта пьеса шла въ 1900 г. въ Василеостровскомъ театрѣ и имѣла успѣхъ; присутствовавшій на спектаклѣ авторъ удостоился оваціи. «Также вотъ скоро выйдетъ въ свѣтъ и «Капитанская дочка», которую я отправилъ въ Москву въ литографію, здѣсь очень скупы на счетъ изданій», сказалъ онъ.

Да, великій поэтъ не только вдохновилъ Павла Петровича, какъ художника, но и на закатѣ его лѣтъ онъ не переставалъ руководить имъ, какъ ваятелемъ, художникомъ и драматургомъ. Надо замѣтить, что «Дубровскій» передѣланъ Соколовымъ очень удачно и въ высшей степени сценично и увлекательно.

Рисунки П. П. Соколова мною были вторично представлены въ музей императора Александра III и ихъ уже смотрѣлъ Владиміръ Брюлловъ, двоюродный братъ Соколова, и наконецъ братъ его, Александръ Брюлловъ, принялъ ихъ у меня для представленія въ академію художествъ. Въ январѣ 1901 г. академическій совѣтъ разсматривалъ эти альбомы, и вслѣдствіе этого пенсія, которую получалъ Павелъ Соколовъ, была увеличена, но рисунки, однако, музеемъ пріобрѣтены не были, и я ихъ получилъ обратно. Слава Богу, что хоть какой-нибудь толкъ вышелъ отъ ихъ представленія. Въ 1899 г., во время академическаго собранія, въ числѣ почетныхъ членовъ совѣта его засѣдалъ и племянникъ министра Вышнеградскаго, бывшій ученикъ Павла Соколова, который одновременно училъ живописи его съ дочерью министра. Когда Павелъ Петровичъ былъ избранъ академикомъ, то этимъ лицомъ былъ возбужденъ вопросъ о назначеніи ему пенсіи, которая и была установлена въ 25 рублей.

Павелъ Петровичъ сталъ изрѣдка заходить ко мнѣ и однажды онъ принесъ съ собою нѣсколько мелко исписанныхъ тетрадей «своихъ воспоминаній», уполномочивая меня напечатать изъ нихъ все, что я найду возможнымъ. «Здѣсь все правда,—говорилъ онъ:— быть можетъ, вы найдете много лишняго, субъективнаго, такъ вѣдь я это писалъ для себя, для своей души, не думая, что судьба меня столкнетъ съ человѣкомъ, который заинтересуется мною и нравственно поддержитъ меня, уже угасающаго. Да, я чувствую, что можно устать жить».

Записки Павла Петровича Соколова очень пространны, а потому, конечно, не могутъ быть напечатаны цѣликомъ, въ нихъ онъ много касается своей частной жизни, чисто семейной, интересной лишь для близко его знающихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ охватываютъ бытовую сторону общественной жизни 30-хъ—60-хъ годовъ, столь интересную въ историческомъ отношеніи, касаются жизни многихъ знаменитыхъ литераторовъ, художниковъ и артистовъ, съ которыми имѣлъ соприкосновеніе авторъ «воспоминаній», а потому представляютъ собою довольно цѣнный и интересный историческій матеріалъ.

Павелъ Петровичъ Соколовъ, сынъ знаменитаго портретиста Петра Ѳедоровича, братъ пейзажиста Петра Соколова (нынѣ покойнаго), племянникъ извѣстнаго профессора Карла Брюллова, принадлежалъ къ артистической семьѣ, передававшей какъ бы по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе божественную искру таланта. Родился онъ въ Петербургѣ 4-го іюня 1826 года и по окончаніи академіи получилъ званіе свободнаго художника за портретъ, писанный имъ въ Москвѣ съ художника Подклюшникова. Званіе академика П. Соколовъ получилъ во время Пушкинскихъ торжествъ въ 1899 году, гдѣ были выставлены его картины и въ томъ числѣ знаменитыя иллюстраціи къ «Капитанской дочкѣ», за картину «Святое семейство». Изъ выдающихся трудовъ его мнѣ удалось собрать свѣдѣнія лишь о слѣдующихъ: 1) «Іоаннъ Грозный и Шибановъ» (масл. кр.), картина эта куплена Кокоревымъ на выставкѣ въ Москвѣ, въ домѣ Юшковыхъ, на Мясницкой, за 500 р. 2) «Смерть Ивана Сусанина» (акварель), куплена государынею императрицею Маріею Александровною и подарена государю императору къ коронацію. Покупка картины была поручена Ѳедору Адольфовичу Оому. 3) двѣ жанровыя картины, изображающія молодыхъ женщинъ, написанныя по заказу Василія Федуловича Громова, въ настоящее время увезены въ Америку Уэнцомъ. 4) «Моцартъ и Сальери» (масл. кр.), куплена Пальчиковымъ. 5) 16 картинъ для великаго князя Николая Николаевича Старшаго въ его дворецъ. Великая княгиня Александра Петровна обратила особенное вниманіе на работы П. Соколова, пригласила его во дворецъ и лично выразила желаніе имѣть его работы. 6) Иллюстраціи «Капитанская дочка». 7) «Горе отъ ума». 8) «Евгеній Онѣгинъ»—были оставлены Соколовымъ въ Москвѣ у Булгакова и послѣ его смерти попали въ чужія руки. 9) «Старосвѣтскіе помѣщики» были куплены Бенкендорфомъ, а затѣмъ проданы Марксу, издавшему ихъ жалкой, маленькой книжкой. 10) «Арапъ Петра Великаго». Павелъ Петровичъ также занимался и скульптурными работами; такъ, напримѣръ, Вольфъ въ статьѣ своей въ 1900 году «Некрологъ Петра Соколова» приложилъ снимки съ вазъ работы Павла Соколова, приписывая ихъ рукамъ Петра,—это весьма грубая ошибка.

Б. Л. Тагѣевъ.

I.

Мой отецъ.—Смерть дѣда.—Переѣздъ отца въ Петербургъ.—Поступленіе его въ академію художествъ.—Золотая медаль и дипломъ.—Изъ-за цыбика чая въ чиновники.—Семейство Брюлло.—Женитьба отца.—Наводненіе.

Отецъ мой Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ былъ лицомъ замѣчательнымъ, снискавшимъ себѣ европейскую извѣстность акварельными портретами въ томъ родѣ, который онъ самъ создалъ. Успѣху своему онъ былъ всецѣло обязанъ своему дарованію и добросовѣстному труду, безъ всякой примѣси шарлатанства и рекламы, что, къ сожалѣнію, нерѣдко приходится встрѣчать въ біографіяхъ многихъ художниковъ, слава которыхъ, раздутая услужливыми пріятелями, хотя и блистала нѣкоторое время, но очень скоро погасала безслѣдно. Не такова была творческая сила моего отца.

Недавно, еще въ 1900 году, я видѣлъ его работу, случайно попавшую на выставку, имѣвшую мѣсто въ академіи наукъ, по случаю столѣтняго юбилея А. С. Пушкина,—это былъ акварельный портретъ генерала Раевскаго, прекрасно сохранившійся во всѣхъ его деталяхъ. Этотъ портретъ особенно рѣзко выдѣлялся среди прочихъ картинъ своею свѣжестью и силой. Жизненность и правдивость рисунка были поразительны. Вообще портреты отца славились сходствомъ столько же, сколько изяществомъ и силой исполненія; онъ любилъ разлить какую-то пріятность въ изображеніи того лица, которое рисовалъ, вѣроятно, по врожденному и школой выработанному чувству истиннаго художника, ищущаго въ изображеніи того или другого типа красоты. Положимъ, этотъ пріемъ художники новой школы называютъ идеализаціею, но это грубая ошибка.

Слава отца, какъ первокласснаго художника, такъ утвердилась, что я считаю излишнимъ распространяться о достоинствахъ его рисунка и живописи, а коснусь его, какъ человѣка. Это была въ высшей степени симпатичная и даже обаятельная личность, пользовавшаяся всеобщей симпатіей. При своей необыкновенной скромности отецъ мой отличался изумительно веселымъ нравомъ и сообщительностью, и эти качества онъ сохранилъ до конца своей мирной и счастливой жизни.

Между тѣмъ дѣтство его протекло при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Отецъ его, а слѣдовательно мой дѣдъ, былъ весьма зажиточнымъ человѣкомъ и жилъ въ собственномъ домѣ въ Москвѣ, но страсть къ картежной игрѣ погубила его. Въ одинъ прекрасный день онъ проигралъ все свое состояніе вмѣстѣ съ домомъ и имуществомъ, не перенесъ такого удара судьбы и скоропостижно умеръ. Отецъ мой, еще будучи ребенкомъ, смотрѣлъ въ окно и видѣлъ, какъ изъ конюшенъ выводили лошадей, изъ сараевъ выдвигали экипажи, которые тоже были проиграны. Изъ дома выносили вещи, картины, а бабушка

моя въ слезахъ собиралась въ дорогу, чтобы отвезти сына своего въ Петербургъ и помѣстить его въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Въ Петербургѣ они остановились у своихъ бѣдныхъ родственниковъ, жившихъ въ Гавани, которая въ то время еще болѣе, чѣмъ теперь, страдала отъ наводненій. Самый бѣдный людъ ютился въ этой мѣстности, кое-какъ перебиваясь изо дня въ день, и тогда уже было у жителей Гавани обыкновеніе выѣзжать на утлой лодкѣ въ заливъ, ловя разные обломки и щепы, замѣнявшіе собою дрова. Крѣпкій и ловкій мальчикъ, мой отецъ не разъ выѣзжалъ для подобныхъ экскурсій и нерѣдко въ дурную погоду возвращался измокшій и чуть не вплавь съ кое-какой добычей.

Между тѣмъ бабушка изо всѣхъ силъ старалась опредѣлить его куда-нибудь въ ученіе и наконецъ ей удалось помѣстить его въ академію художествъ полнымъ пансіонеромъ на казенный счетъ (тогда было еще такое положеніе). Этому обстоятельству много содѣйствовалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Пещуровъ, маленькій горбатый старичокъ, знавшій хорошо моего дѣда. Этотъ Пещуровъ былъ впослѣдствіи псковскимъ губернаторомъ.

Въ академію маленькій Соколовъ явился въ довольно жалкомъ видѣ, и вмѣсто пальто на него былъ надѣтъ бабушкинъ старый салопъ, что и подало поводъ его новымъ товарищамъ дать ему кличку «салопница». Долго оставался равнодушенъ къ насмѣшкамъ товарищей мой отецъ и, забившись въ уголъ, просиживалъ цѣлые часы, но наконецъ онъ не выдержалъ и, ухвативъ перваго, который поближе стоялъ къ нему, такую задалъ ему встрепку, что всѣ остальные разбѣжались, а пострадавшій завизжалъ. И вотъ бойкаго новичка за подобное буйство на первыхъ же порахъ засадили въ карцеръ, но зато онъ сразу пріобрѣлъ къ себѣ уваженіе школяровъ, и къ нему болѣе уже не приставали.

Въ классахъ отецъ дѣлалъ быстрые успѣхи и подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей, которыми въ то время гордилась академія, развивалъ и совершенствовалъ свой талантъ. Егоровъ, Пищалкинъ, скульпторъ Логановскій и позднѣе Шебуевъ и Басинъ и др. были достойными руководителями талантливыхъ юношей. За програму свою на выпускъ, изображавшую «Плачъ Андромахи надъ тѣломъ Патрокла», отецъ былъ награжденъ золотою медалью, а программа его до сего времени сохраняется въ академіи.

Ему, несомнѣнно, предстояла командировка за границу на казенный счетъ, но событія 1812 года помѣшали этому.

Выпущенный съ дипломомъ на званіе свободнаго художника старшей степени, отецъ сталъ жить на собственныя средства, давалъ уроки живописи и дѣлалъ карандашомъ портреты, имѣвшіе большой успѣхъ. Благодаря этимъ портретамъ, кругъ знакомства моего отца очень скоро расширился, и онъ попалъ въ такъ называемый beau monde, посѣщалъ театры и собранія, а такъ какъ онъ былъ очень неду-

ренъ собою и всегда изысканно одѣвался, то охотно приглашался на вечера и въ частные дома. Особенно же онъ былъ обласканъ въ домѣ старика Пещурова, которому былъ обязанъ опредѣленіемъ въ академію.

Пещуровъ былъ холостякомъ и жилъ со своими сестрами, старыми дѣвами, въ собственномъ домѣ. Онъ всегда съ удовольствіемъ принималъ отца и восхищался его талантомъ. Однажды къ отцу обратился съ заказомъ одинъ сибирякъ, купецъ-чаеторговецъ, и когда портретъ, написанный съ него отцомъ, былъ законченъ, купецъ пришелъ въ такой восторгъ, что, кромѣ уговоренной цѣны, непремѣнно пожелалъ сдѣлать отцу подарокъ. «Завтра получишь, теперь не скажу что, ужъ будешь доволенъ,—говорилъ купецъ:—ты меня ублаготворилъ, да ужъ и я тебя распотѣшу».

На другое утро отцу приносятъ огромный цыбикъ чаю. Чай тогда только что начиналъ входить въ употребленіе, и лишь у очень богатыхъ людей его подавали гостямъ. Цыбикъ прекраснаго чая былъ подаркомъ незауряднымъ. Зная, что старикъ Пещуровъ былъ охотникомъ и знатокомъ въ чаяхъ, отецъ и поднесъ ему этотъ цѣнный подарокъ. Черезъ нѣсколько дней вдругъ отъ Пещурова получаетъ онъ приглашеніе на званый вечеръ. Въ назначенный часъ отецъ уже подъѣзжалъ къ дому Пещурова, окна и подъѣздъ котораго были ярко освѣщены, а на улицѣ стояло много великолѣпныхъ экипажей и каретъ. Оставивъ свое верхнее пальто у наряднаго швейцара, по лѣстницѣ, устланной дорогими коврами и уставленной цвѣтами, поднялся онъ, сопровождаемый лакеемъ въ шитой золотомъ ливреѣ и бѣлыхъ чулкахъ, къ ярко освѣщенному залу. Лакей отворилъ двери и громко назвалъ его фамилію. Въ залѣ было уже много гостей, среди которыхъ отецъ увидѣлъ и Пещурова, который, замѣтя вошедшаго отца, съ распростертыми объятіями пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Вотъ тотъ, кому мы сегодня обязаны пріемнымъ вечеромъ,— говорилъ онъ, представляя смущеннаго отца гостямъ:—это онъ подарилъ мнѣ этотъ замѣчательный чай.

Среди множества миловидныхъ женщинъ, наполнявшихъ салонъ Пещурова, отецъ замѣтилъ немало тѣхъ, съ которыхъ онъ писалъ уже портреты, всѣ осыпали его любезностями, дамы дарили нѣжными улыбками, а мужчины крѣпко пожимали руки. «И все это за цыбикъ чаю», думалъ отецъ.

Чай былъ внесенъ въ дорогомъ фарфорѣ и ароматомъ своимъ наполнялъ весь залъ. Похваламъ и восторгамъ не было конца—да и дѣйствительно чай былъ необыкновенный. Далеко за полночь окончился этотъ вечеръ, и только послѣ роскошнаго ужина, запитаго заграничными винами, гости начали разъѣзжаться. Но этимъ исторія съ цыбикомъ еще не кончилась.

Когда на другой день отецъ поѣхалъ благодарить Пещурова за оказанный ему лестный пріемъ, то тотъ объявилъ ему, что записалъ его на службу въ подвѣдомственный ему департаментъ. Конечно, отецъ поблагодарилъ его, но оговорился, что затрудняется этимъ, потому что совершенно не знакомъ съ дѣломъ, которое ему предстоитъ на новомъ мѣстѣ служенія.

— Да этого совсѣмъ и ненужно,—сказалъ Пещуровъ:—ты только ходи каждый мѣсяцъ жалованье получать.

О, доброе старое время! Удивительно, до какой наивности доходили тогда вліятельные люди въ своемъ самовластіи. Итакъ, благодаря цыбику чая, отецъ сдѣлался чиновникомъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, когда отецъ уже зарабатывалъ такія деньги, что вполнѣ былъ обезпеченъ, онъ не вытерпѣлъ и явился къ Пещурову съ заявленіемъ, что ему наконецъ совѣстно получать чины и деньги, не принося мѣсту служенія никакой пользы.

— Ну, ужъ это твое дѣло,—отвѣчалъ Пещуровъ:—коли ты не нуждаешься; я же соблюдаю твою пользу, желая тебѣ одного добра. Дѣлай, какъ знаешь.

Повидимому, старикъ былъ недоволенъ, не понимая, какъ это можно добровольно отказаться отъ чиновъ и службы. Однако отношеніе его къ отцу не измѣнилось, и онъ попрежнему былъ къ нему ласковъ и любилъ его.

Въ числѣ академическихъ товарищей отца были трое Брюлловыхъ, то есть тогда Брюлло. Двумъ младшимъ впослѣдствіи, по возвращеніи ихъ изъ-за границы, было дано императоромъ Николаемъ русское окончаніе «овъ» въ награду за ихъ отличные успѣхи. Звѣзда младшаго изъ нихъ, Карла, начинала уже ярко блестѣть на горизонтѣ художественнаго міра.

Семейство Брюлло состояло изъ отца, почтеннаго старика и тоже художника; его работы до сихъ поръ сохраняются въ академіи, какъ изящный образецъ вырѣзки изъ дерева. Лучшая изъ нихъ изображаетъ охотничью сумку съ веревочной сѣткой, въ которой видна дичь. Кромѣ того, старикъ Брюлло былъ извѣстенъ, какъ отличный живописецъ по стеклу съ серебромъ и золотомъ, подражая работамъ въ этомъ родѣ времени среднихъ вѣковъ. Происхожденіемъ онъ былъ нѣмецъ, переселившійся въ Россію, и между прочимъ состоялъ членомъ возникавшей тогда масонской ложи. Не разъ я держалъ въ рукахъ и разсматривалъ его шпагу съ золотымъ эфесомъ, на клинкѣ которой по синей эмали золотомъ были написаны слова: «Стой за правду».

Жена его была дѣловой женщиной и отличалась всѣми нѣмецкими добродѣтелями, т. е. домовитостью и умѣньемъ вести хозяйство. За Брюлло она была уже вторымъ бракомъ и принесла ему съ собою отъ перваго мужа сына Өедора, а съ Брюлло прижила сыновей Александра, Карла, Ивана и двухъ дочерей: Марію и Юлію;

послѣдняя и была моею матерью. Старшій изъ сыновей, Ѳедоръ Павловичъ, былъ очень хорошій иконописецъ, я по крайней мѣрѣ другой работы у него не видалъ. Второй, Александръ, пошелъ по архитектурѣ и сдѣлался впослѣдствіи извѣстенъ своими постройками; онъ между прочимъ реставрировалъ Мраморный дворецъ для великаго князя Константина Николаевича и манежъ подлѣ Зимняго дворца. Третій, Карлъ, знаменитый живописецъ, написавшій картину «Послѣдній день Помпеи». Иванъ былъ самый младшій и отличался въ академіи тоже большими способностями, будущность его, безъ сомнѣнія, была бы блестящею, но чахотка рано свела его въ могилу.

Часто посѣщая домъ Брюлло, отецъ влюбился въ младшую дочь Юлію и черезъ два года женился на ней. Въ это время отецъ мой былъ очень друженъ съ графомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ и жилъ въ его домѣ на Моховой, графъ любилъ отца, былъ его посаженнымъ отцомъ и затѣмъ крестилъ меня.

Первые счастливые годы своей семейной жизни отецъ провелъ на Васильевскомъ острову, въ 8-й линіи, около Средняго проспекта, и молодая чета была свидѣтельницею страшнаго наводненія, разразившагося надъ Петербургомъ въ 1824 году.

Въ это ужасное утро мать моя стояла у окна и передъ нею бурнымъ потокомъ неслась вода, увлекая съ собою разные обломки, трупы людей и животныхъ, гробы съ размытаго кладбища, ворота съ заборами и сорванныя съ домовъ крыши. Между прочимъ смыла она и мостки. Одинъ изъ такихъ мостковъ вдругъ сталъ поперекъ улицы, упершись однимъ концомъ въ крыльцо отцовскаго дома, а другимъ въ деревянную хижину, въ которой цѣлая семья была застигнута водою. Хижина ежеминутно должна была обрушиться, бѣдняки тщетно взывали о помощи, но, увидя неожиданную переправу, какъ бы свыше посланную имъ для спасенія, бросились къ ней и всѣ до одного перебѣжали въ домъ моего отца, гдѣ получили пріютъ и помощь; лишь только успѣлъ перейти послѣдній, какъ мостки рухнули и были унесены безпощаднымъ потокомъ.

II.

Строгановская дача.—Черная рѣчка.—Новая деревня.—Кавалергардскіе вечера.—Успѣхи отца.—Художникъ Василевскій.—Братъ Петръ.—Пансіонъ Журдана.—Лѣтній садъ.—Статуя Кановы.—Знаменитая рѣшетка.—Чудакъ англичанинъ.—Майскій парадъ.—Поступленіе въ горный корпусъ.—Успѣхи Карла Брюлло.

Гдѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного свободнаго клочка земли, гдѣ дача настроена на дачѣ, сейчасъ же за Строгановскимъ паркомъ, на берегу Черной рѣчки, ютилась во времена моего дѣтства небольшая деревушка, населенная довольно зажиточными мужи-

ками. Вотъ обыкновенно сюда мы переселялись на дачу съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней. За деревней были такъ называемые зады, состоявшіе изъ огородовъ, и за ними небольшая полянка, оканчивавшаяся очень уютной и густой березовой рощицей. Теперь и помину не осталось отъ этого живописнаго уголка—все густо застроено дачами. Мѣстомъ нашихъ прогулокъ обыкновенно былъ Строгановскій садъ, доступный для всѣхъ, кромѣ простонародья, и вотъ, переправившись на паромѣ черезъ Черную рѣчку, мы углублялись въ его тѣнистыя аллеи, направляясь къ графской дачѣ. Немного въ сторонѣ, подъ большими деревьями, окруженная высокими и густыми кустами, на двухъ огромныхъ плитахъ, служившихъ ей постаментомъ, стояла древняя гробница-саркофагъ въ видѣ большого мраморнаго ящика, украшеннаго высѣченными барельефами, обращавшими на себя мое вниманіе. Влѣво отъ гробницы въ кустахъ находилась статуя, изображавшая точильщика. Эта статуя не была какая-нибудь грубая копія, а носила на себѣ знаки хорошаго античнаго оригинала старинной греческой школы. Далѣе дорожка вела черезъ крутой каменный мостикъ, перекинувшійся аркою надъ протокомъ, соединявшимъ рѣчку съ большимъ прудомъ, посреди котораго на искусственномъ островкѣ возвышалась большая бѣлая статуя Нептуна съ трезубцемъ и въ зубчатой коронѣ,—копія съ того самаго Нептуна, что красуется въ Петергофѣ, посреди одного изъ прудовъ верхняго сада. Дерновый плато передъ самымъ домомъ графа Строганова, окаймленный дорожкою со скамейками, разставленными подъ большими деревьями, придавалъ дому особенно живописный видъ. По другую сторону къ набережной Малой Невы былъ парадный входъ съ цвѣточнымъ партеромъ, а около большихъ дверей съ обѣихъ сторонъ стояли статуи Геркулеса Фарнезскаго и Флоры, копіи съ весьма извѣстныхъ антиковъ.

Въ тѣнистой сторонѣ этого фасада я нерѣдко видѣлъ старушку графиню Строганову, сидящую въ большомъ креслѣ съ колесами и въ большихъ очкахъ, или читающую, или занятую какою-нибудь рукодѣльною работой. Не переѣзжая Строгановскаго моста, по тому же берегу, дорога вела къ деревушкѣ, тогда только что отстроенной графомъ для крестьянъ и въ которой лѣтомъ располагались лагеремъ кавалергарды, — эта деревушка получила названіе «Новой», какъ называется и въ настоящее время.

Однажды я вмѣстѣ съ отцомъ посѣтилъ эту деревню, въ которой жилъ его свѣтскій пріятель, офицеръ Кавалергардскаго полка, графъ Ферзенъ, извѣстный красавецъ, и, когда я вошелъ въ деревенскую избу, въ которой помѣщался графъ, то положительно былъ пораженъ роскошью обстановки, въ которой очутился. Главнымъ убранствомъ ея были, конечно, дорогіе ковры и оружіе, развѣшанное по нимъ въ изящной группировкѣ. По вечерамъ по береговой дорогѣ полковой хоръ кавалергардовъ гремѣлъ надъ волнами Невы,

а публика съ окрестныхъ дачъ сходилась и съѣзжалась въ роскошныхъ экипажахъ, блестя своими изысканными туалетами, подъ ласкающими лучами заходящаго солнца.

Молодыя и блестящія красавицы, окруженныя не менѣе красивыми кавалерами, пѣшкомъ и верхами на дорогихъ коняхъ представляли собою чудную картину. Преобладалъ, разумѣется, военный элементъ, но были и статскіе на англійскихъ сѣдлахъ. На водѣ появлялись лодки всѣхъ возможныхъ типовъ, наполненныя публикой; пароходовъ тогда еще не было. Все это веселилось, наслаждалось жизнію и любовалось на открывавшуюся панораму, освѣщенную золотистыми лучами клонящагося къ горизонту солнца, на острова Аптекарскій, Каменный и въ перспективѣ мысъ Елагинскій... И такъ до первой осенней непогоды.

По переѣздѣ въ городъ мы жили въ Гагаринскомъ переулкѣ, что теперь служитъ продолженіемъ Шпалерной улицы, гдѣ въ небольшомъ двухъэтажномъ домѣ заняли большую квартиру. Здѣсь отецъ устроилъ себѣ довольно изящный кабинетъ для пріема заказчиковъ, а такъ какъ послѣдніе были по большой части великосвѣтскія молодыя дамы, то запахъ духовъ наполнялъ кабинетъ отца и казалось, что у него разведенъ цѣлый цвѣтникъ. Практика отца достигла колоссальныхъ размѣровъ и портреты его вошли до того въ моду, что для вступающихъ въ бракъ считалось обязательнымъ заказывать ему свои портреты.

— Мы безъ васъ, Петръ Ѳедоровичъ, не можемъ обойтись, какъ безъ попа; если вы не благословите вашей талантливой рукой, то и бракъ считается недѣйствительнымъ,—шутили счастливые женихи.

И дѣйствительно, въ то время было въ строгомъ обычаѣ непремѣнно передъ свадьбою обмѣняться портретами; фотографіи не было, а хорошихъ портретистовъ можно было перечесть по пальцамъ, да и тѣ были завалены работой. Общество того времени строго относилось къ искусству и умѣло цѣнить хорошую работу, а потому и избирало себѣ изъ среды художниковъ фаворита, который и дѣлался моднымъ—вотъ въ такую-то среду и вошелъ мой отецъ.

Я подрасталъ подъ вліяніемъ отцовскаго успѣха и находился подъ призоромъ бабушки, которая, впрочемъ, часто уѣзжала въ Псковъ, такъ какъ была оттуда родомъ. Не разъ старушка разсказывала мнѣ о житьѣ-бытьѣ на своей родинѣ, о страшныхъ чудовищахъ, водившихся тамъ издавна, не разъ съ замираніемъ сердца слушалъ я разныя легенды и сказки объ этой для меня чуждой странѣ. Когда я впослѣдствіи читалъ Пушкина, то нашелъ въ его сказаніи о селѣ Гороховѣ много того, что мнѣ напоминало бабушку и ея разсказы, вѣдь сторона была та же самая, и, естественно, оставались тѣ же типы. Кромѣ дяди Ивана Павловича, студента-академика, еще у насъ запросто бывалъ нѣкто Василевскій. Это былъ не особенно далекаго ума человѣкъ, но съ добрымъ сердцемъ, искренне

любившій нашъ домъ. По спеціальности онъ былъ копировщикъ, жилъ своимъ трудомъ и преимущественно рисовалъ на камнѣ для литографій. Отецъ всегда помогалъ ему и наконецъ досталъ очень хорошую работу для изданія «Историческаго описанія одежды и вооруженія россійскихъ войскъ», составленнаго по высочайшему повелѣнію и законченнаго Висковатовымъ въ 1841 году. Я помню, какъ онъ дѣлалъ большое количество рисунковъ, изображавшихъ военныя формы и вооруженія до-петровскаго времени и позднѣйшихъ эпохъ. Теперь съ этого изданія, составляющаго библіографическую рѣдкость, военное министерство стало производить копіи. Этотъ человѣкъ замѣнялъ мнѣ и брату моему Пьеру какъ бы гувернера, мирилъ насъ во время нашихъ ссоръ, занималъ насъ, когда отецъ былъ занятъ, и немало облегчалъ мать вознею съ нами.

Братъ мой Петръ, потомъ извѣстный художникъ, въ то время былъ мальчикъ очень красивый и, какъ первенецъ, любимецъ матери и отца. Нрава онъ былъ пылкаго и бойкаго и мнѣ, какъ слабѣйшему, немало отъ него доставалось; кромѣ того, Петръ былъ необыкновенно заносчивъ и самонадѣянъ; но настоящей смѣлости въ немъ никогда не было; онъ даже боялся входить одинъ въ темную комнату, и это впослѣдствіи отразилось въ его жизни, но о немъ я буду еще говорить очень много, а потому пока ограничусь этимъ.

Время летѣло незамѣтно, и вотъ однажды, въ одно утро отецъ, отнявъ чубукъ ото рта, вдругъ объявилъ матери, что рѣшилъ меня и брата отдать въ приготовительный пансіонъ Журдана. Отъ этого рѣшенія у меня съ братомъ ушла душа въ пятки, а слезы матери еще усугубили мое горе, но отецъ былъ непоколебимъ, и черезъ нѣсколько дней мы уже подъѣзжали къ дому, находящемуся на углу Царицына луга, гдѣ помѣщался этотъ пансіонъ. Это учебное заведеніе считалось перворазряднымъ, и учителя въ немъ были все лица, пользовавшіяся хорошею извѣстностью. Самъ директоръ пансіона, г. Журданъ, его жена и обѣ дочери, помогавшія ему въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, были люди съ весьма солиднымъ образованіемъ и прекрасно воспитанные, а потому петербургское высшее общество охотно отдавало къ нему своихъ дѣтей. Нечего и говорить, сколько было мною пролито слезъ, пока я не привыкъ къ новой для меня обстановкѣ, но мало-по-малу время взяло свое. Пьеру шелъ уже 11-й годъ, и онъ, быстро освоившись, сдѣлался настоящимъ школьникомъ.

На жизнь въ пансіонѣ я жаловаться не могъ; кормили насъ недурно, но я долго не могъ привыкнуть къ французской кухнѣ съ ея сладкими соусами и салатами. Гречневая каша, кислыя щи и борщъ были мнѣ куда милѣе этихъ изысканностей французской гастрономіи. Я уже свободно болталъ по-французски и совершенствовался въ русской грамматикѣ подъ руководствомъ приставленнаго ко мнѣ гувернера monsieur Alexandre. Въ свободное отъ заня-

тій время насъ всѣмъ пансіономъ водили въ Лѣтній садъ, гдѣ мы вдоволь рѣзвились и бѣгали среди его густыхъ чудныхъ аллей. Да Лѣтній садъ былъ тогда совсѣмъ не такой, какимъ мы его видимъ теперь, и я посвящу ему нѣсколько строкъ, такъ какъ нигдѣ не встрѣчалъ описанія этого дивнаго угола Петербурга въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ болѣе полустолѣтія назадъ.

Много его измѣнили и искусственная расчистка, когда были вырублены всѣ его чудные кусты и высокія шпалеры изъ акаціи, какъ это всегда дѣлалось въ садахъ, распланированныхъ на французскій ладъ, да наконецъ страшная буря, пронесшаяся надъ Петербургомъ въ 1862 году, повалила почти всѣ его старыя деревья.

Огромные великаны-липы величественно возвышались, гордо поднимая свои зеленыя головы надъ молодыми посадками сада. Стволы ихъ были совершенно черные, съ огромными наростами въ видѣ какихъ-то узловъ и шишекъ и съ такими большими дуплами, что садовники затягивали ихъ кожей и оковывали желѣзными обручами. Теперь объ этихъ великанахъ нѣтъ и помину. Въ шпалерахъ изъ акаціи были разставлены тѣ же мраморныя статуи, присланныя Суворовымъ изъ Варшавы, какъ трофеи нашихъ побѣдъ, но онѣ тогда были чисты, цѣлы и бѣлы, и то, что у нихъ теперь побиты пальцы, носы и руки, никакъ не слѣдуетъ относить къ времени или морозу. Это явно сдѣлано дерзкою пьяною рукою, глумившеюся надъ чужимъ трудомъ во время вакханальныхъ ночей. Обыкновенно, когда садъ для входа публики запирался, въ него забирались полупьяныя компаніи привилегированныхъ кутилъ-юношей, проводившихъ время въ обществѣ разныхъ камелій и т. п. женщинъ. Компаніи эти собирались преимущественно въ ресторанѣ Балашова, находившемся въ бесѣдкѣ, построенной съ правой стороны на берегу Фонтанки, и хотя онъ офиціально прекращалъ свою дѣятельность по выходѣ изъ сада публики, но для кутящей молодежи двери его были всегда открыты, и оргіи поэтому царили въ саду возмутительныя.

Начальство же смотрѣло на все это сквозь пальцы, да и нельзя было иначе по духу того времени, когда молодые шалопаи были отпрысками лучшихъ аристократическихъ фамилій. Да и какое дѣло начальству до охраны какихъ-то статуй въ саду, оно очень плохой цѣнитель и экспертъ въ дѣлѣ искусства, и я это докажу фактомъ, бывшимъ значительно позднѣе описываемой мною эпохи, уже въ періодъ моей зрѣлости. Однажды, гуляя по средней аллеѣ Лѣтняго сада отъ Инженернаго замка, я среди густой зелени акацій усмотрѣлъ небольшую статуйку, яркимъ пятномъ блеснувшую мнѣ на темномъ фонѣ кустовъ. Прежде я ея не видѣлъ, и она, повидимому, была поставлена позднѣе присланныхъ Суворовымъ статуй изъ Лазенковскихъ садовъ. Я подошелъ ближе къ статуѣ и былъ пораженъ ея изяществомъ, она рѣзко отдѣлялась отъ посредственныхъ

мраморовъ, наполнявшихъ аллеи сада. Съ трудомъ на задней сторонѣ статуи я нашелъ наконецъ надпись и цифры. Охотно держу пари, что не нашелся бы человѣкъ, который бы угадалъ, что я прочелъ! Да я и самъ долгое время не могъ прійти въ себя отъ изумленія и негодованія. На статуѣ ясно виднѣлась надпись: «Іохимъ Канова». Какими судьбами и черезъ какія руки могла попасть подобная рѣдкость въ публичный садъ на издѣвательства пьяныхъ компаній,—одному Богу извѣстно. Статуя эта изображала бѣгущаго въ отчаяніи Орфея, въ то время, когда онъ вторично и уже навсегда лишился своей Евридики. Мраморъ былъ безукоризненной чистоты, а про работу нечего и говорить—надпись говорила все. Такъ вотъ какія у насъ чудеса творятся. Конечно, я немедленно довелъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ въ Эрмитажѣ, и статуя была немедленно убрана и поставлена тамъ, а вмѣсто нея была поставлена какая-то другая изъ безцѣнныхъ. То, что теперь осталось отъ этихъ статуй, имѣетъ такой ужасный видъ, что пора бы ихъ убрать, чтобы по крайней мѣрѣ не срамиться передъ иностранцами.

Памятника Крылова, конечно, еще не было, и площадь была пуста. Но самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ сада была его изгородь, выходящая на Неву. Высокая желѣзная рѣшетка на гранитномъ цоколѣ съ большими 21 гранитными же столбами, наверху которыхъ поставлены вмѣсто капителей вазы, какъ онѣ стоятъ и теперь, но тогда эта рѣшетка почти вся была покрыта настоящимъ золотомъ, какъ золотили во времена Екатерины II. Эта золоченая изгородь такъ ослѣпительно горѣла на солнцѣ и такъ прославилась своимъ великолѣпіемъ, что многіе иностранцы пріѣзжали спеціально любоваться на нее, а одинъ чудакъ англичанинъ, конечно, очень богатый лордъ, выѣхалъ изъ Лондона на собственной яхтѣ, прибылъ на Неву и, остановившись противъ Лѣтняго сада, налюбовавшись великолѣпной рѣшеткой, не сходя на берегъ, повернулъ назадъ и уѣхалъ обратно въ Англію, сказавъ только: «Thes vire gute!»

Еще достопримѣчательностью сада, доступнаго тогда для публики, былъ дворецъ, который мнѣ невольно напоминалъ изъ исторіи ту ночь, когда преображенцы довольно невѣжливо вытаскивали изъ него жившаго въ то время въ немъ герцога Бирона и его супругу прямо изъ кровати.

Приближалась весна, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія перваго мая, а съ нимъ и традиціоннаго парада въ присутствіи самого государя. Окна нашего пансіона выходили на Царицынъ лугъ и для насъ предстояло занимательное зрѣлище. Теперь, когда я видѣлъ одинъ изъ послѣднихъ парадовъ, онъ меня поразилъ своею простотою, все дѣлалось какъ-то торопливо, буднично, не то, что въ былое николаевское время.

Съ ранняго утра мы уже выглядывали изъ оконъ на площадь. Двойныя рамы были выставлены, и свѣжій весенній воздухъ врывался въ нихъ, благоухая своимъ особеннымъ ароматомъ. На площади уже были разставлены жолонеры. Пѣхота располагалась на той части площади, гдѣ длинной зеленой полосой простирался Лѣтній садъ, тамъ же возвышалась и царская палатка. Съ 10-ти часовъ началось уже полное движеніе, со всѣхъ сторонъ шли войска, пѣхота, кавалерія и артиллерія. Кавалерія расположилась подъ нашими окнами. Топотъ копытъ, бряцанье оружія и грохотъ орудій стояли въ воздухѣ какимъ-то общимъ гуломъ, среди котораго не смолкая раздавались голоса начальниковъ, отдававшихъ различныя команды. Кавалергарды, конно-гвардейцы и кирасиры горѣли, какъ жаръ на солнцѣ, своими касками и нагрудниками, а конно-гренадеры отличались темной массой своихъ чудныхъ касокъ съ красными лопастями. Ржаніе коней какъ будто вторило общему ликованію.

Вдругъ раздалась громкая команда «смирно!» и все, какъ вкопанное, замерло на своихъ мѣстахъ, и изумительная тишина водворилась при такомъ огромномъ стеченіи людей и животныхъ.

Надо замѣтить, что для публики тогда особыхъ мѣстъ не строилось, и народъ облегалъ картину парада плотной массой, какъ рамой, едва сдерживаемый суетящейся полиціей, толпился и на крышахъ окрестныхъ домовъ, и даже на дворцѣ принца Ольденбургскаго виднѣлись любопытные.

Вскорѣ на Инженерномъ мосту показался царскій кортежъ, и громкое «ура» всколыхнуло воздухъ, нарушая воцарившуюся тишину. Это «ура», какъ раскаты грома, катилось по рядамъ, мимо которыхъ проѣзжалъ государь, держась верхомъ около великолѣпнаго открытаго ландо, запряженнаго въ четверку попарно съ жокеями въ бѣломъ съ голубымъ и золотомъ. Въ экипажѣ сидѣла государыня съ великими князьями и княжнами. Блестящая свита густою толпою слѣдовала за экипажемъ. Раздались звуки музыки и «Боже Царя храни» раздавалось со всѣхъ концовъ площади. Видъ государя былъ необыкновенно величественный, и самымъ лучшимъ описаніемъ его въ тотъ моментъ будетъ служить памятникъ, воздвигнутый Николаю I на площади противъ Исаакіевскаго собора— вотъ какимъ я видѣлъ императора на этомъ парадѣ.

Объѣхавъ войска, царскій кортежъ остановился у палатки, и парадъ начался. Опять раздались голоса команды, и войска пришли въ движеніе. Сначала двинулась пѣхота, и стали видны ея батальоны, проходившіе мимо шатра со взрывами «ура» на привѣтствіе императора. Конница начала пошевеливаться, радостно затопотала по твердому лугу и сверкая двинулась по общему направленію. Затѣмъ загромыхали пушки, и вся площадь закипѣла, какъ расплавленный металлъ. Время бѣжало незамѣтно, и уже въ разныхъ частяхъ поля виднѣлись группы офицеровъ, спѣшившихъ переку-

сить у ожидавшихъ ихъ денщиковъ съ заготовленной закуской. Въ то время парады длились очень долго и оканчивались лишь къ сумеркамъ, такъ какъ всѣ войска проходили передъ царемъ по нѣсколько разъ и всевозможными аллюрами. Конечно, дѣло не обходилось безъ несчастныхъ случаевъ, случались раненые и даже убитые во время кавалерійскихъ атакъ.

Наконецъ царское семейство отбывало во дворецъ, войска расходились по домамъ, парадъ быстро исчезалъ, и площадь пустѣла.

На слѣдующій день насъ распустили на лѣтнія вакаціи. Четыре года мы съ братомъ пробыли у Журдана и, не знаю по чьему совѣту, отецъ насъ взялъ оттуда и опредѣлилъ пансіонерами въ горный корпусъ. Тутъ уже началась для меня совершенно новая жизнь. Въ то время всѣ казенныя учебныя заведенія были совершенно на военную ногу и съ довольно суровой дисциплиной, и нашъ корпусъ въ этомъ отношеніи даже славился. Попалъ я въ малолѣтнюю роту и, къ счастью, къ доброму симпатичному командиру, капитану Левицкому, относившемуся ко мнѣ особенно нѣжно, какъ къ слабому. Съ перваго же дня пріѣзда въ корпусъ меня поразилъ казарменный запахъ, царившій въ дортуарахъ, къ которому я долго потомъ не могъ привыкнуть. Мундиръ и все бѣлье были пропитаны этимъ запахомъ. Суконный воротникъ сильно натиралъ мнѣ шею, а тяжелый тесакъ оттягивалъ поясъ и билъ по ногамъ. Я не могъ безнаказанно выносить тягости корпусной жизни и большую часть времени за трехлѣтнее пребываніе въ корпусѣ пролежалъ въ лазаретѣ. Помню я, какъ къ намъ пріѣзжалъ тогдашній министръ, горбатый Чевкинъ, наводившій ужасъ на корпусное начальство своимъ грознымъ видомъ, но обращавшійся съ нами всегда ласково, такъ что однажды мы ему даже принесли жалобу на эконома за плохую пищу. Чевкинъ серьезно отнесся къ заявленію кадетъ, разобралъ дѣло, эконома прогналъ, и насъ стали лучше кормить. Ничего хорошаго я не вынесъ изъ этого корпуса, кромѣ скуки и довольно дурныхъ привычекъ, потому что нравственный элементъ былъ тамъ въ полномъ пренебреженіи, а потому я лучше перейду прямо ко времени поступленія моего въ академію художествъ.

Возвращенію изъ Рима обоихъ братьевъ Брюлло предшествовала громкая слава картины младшаго изъ нихъ Карла. Объ ней были сообщенія изъ-за границы, восторгамъ не было конца, и Петербургъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея появленія на выставкѣ. Наконецъ появился и самъ маленькій творецъ ея (Карлъ Брюлло былъ очень маленькаго роста). Картина была помѣщена въ залѣ академіи художествъ и заняла почти всю стѣну. Всѣ бросились смотрѣть ее, и восторгъ былъ всеобщій. Она поражала смѣлостью выбора сюжета, историческимъ положеніемъ лицъ, изображенныхъ на ней, въ то же время правильностью рисунка и силою красокъ и тѣней. На меня она подѣйствовала опьяняюще. Звѣзда дяди Карла заблестѣла.

III.

Е. И. Димертъ.—Семейство Панаевыхъ.—Поступленіе въ академію художествъ.—Балаганы.—Театръ Лемана.—Композиторъ Львовъ.—Музыкальные вечера.—Мой другъ Ипполитъ Панаевъ.

Егоръ Ивановичъ Димертъ былъ другъ и товарищъ отца по академіи, по профессіи архитекторъ и состоялъ помощникомъ Стасова, построившаго тогда Троицкій соборъ и Тріумфальныя московскія ворота. По окончаніи работъ Димертъ купилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Ямской части два пустопорожнія мѣста и началъ постройку домовъ. Дѣла моего отца были блестящи, и у насъ завелись даже собственныя лошади, а тутъ еще родился мой младшій братъ Александръ, что теперь хранитель музея академіи художествъ.

Димертъ, по происхожденію нѣмецъ, но до того обрусѣвшій, что даже слова не умѣлъ произнести на родномъ языкѣ и называлъ себя «русскимъ кваснымъ патріотомъ», любилъ исключительно все русское и былъ ярый противникъ всѣхъ заграничныхъ произведеній. По характеру своему отецъ мой и его другъ представляли двѣ діаметральныя противоположности, и это обстоятельство, кажется, и послужило главною причиною къ ихъ сближенію. Отецъ мой былъ добръ и вспыльчивъ. Димертъ, хотя и добръ, но весьма сдержанъ и терпѣливъ до крайности. Отецъ былъ склоненъ скорѣе къ мотовству, но въ то же время зналъ цѣну деньгамъ. Димертъ же былъ весьма бережливъ. Отецъ былъ лакомка, но вкусы у него были простые, неприхотливые. Димертъ былъ неразборчивъ изъ экономіи. Одѣвался онъ просто, опрятно, но отъ моды отставалъ, отецъ же мой любилъ щегольнуть туалетомъ. Въ своей домашней обстановкѣ Димертъ былъ спартанецъ, и никакая зависть при видѣ чужой роскоши не смущала его, и ни за что онъ не отступалъ отъ разъ заведеннаго режима. Роста онъ былъ высокаго, держался прямо и всегда въ рукѣ имѣлъ табакерку, но не съ французскимъ Репе, а съ нашимъ простымъ березинскимъ. Когда я впослѣдствіи читалъ гоголевскихъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, то первый мнѣ сейчасъ же представился похожимъ на Диметра, и я его занесъ въ свой альбомъ. Та же медлительность въ движеніяхъ, та же степенность въ разговорѣ, та же умѣренная улыбка, та же порядочность въ одеждѣ и привычкахъ дома. Вотъ до какой степени можетъ обрусѣть нѣмецъ, что даже становится похожимъ на хохла. Жена его была маленькая, юркая женщина, хорошая хозяйка, старавшаяся только угодить своему мужу. У Димерта было пятеро дѣтей: два сына и три дочери, но мы почему-то съ ними особенной дружбы не водили.

Но вотъ судьба меня столкнула еще съ интереснымъ семействомъ, о которомъ мнѣ придется неоднократно упоминать въ своихъ

запискахъ. Въ домъ Димерта, который былъ только что законченъ, въѣхала мать Ивана Ивановича Панаева, извѣстнаго писателя-беллетриста. Мы были уже и прежде знакомы съ этимъ семействомъ, но теперь, благодаря близкому сосѣдству, стали видѣться чаще и ближе сошлись. Родомъ Панаева была армянка, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ типъ ея лица, но также было замѣтно, что въ молодости она была поразительно хороша собою. Это была добрая, веселая и радушная женщина съ молодою душою и жизнерадостнымъ самочувствіемъ. Одно, что въ ней осуждали, это то, что она не умѣла стариться, а спрашивается, много ли такихъ, что научились этому искусству во-время? Благодаря многочисленной роднѣ и связямъ Ивана Ивановича, а главное его даровитой и симпатичной личности, доброму и снисходительному характеру и уму, вокругъ него сгруппировалось то особенно интересное общество, въ которое я окунулся въ самыя мои юношескія лѣта и которое имѣло вліяніе на дальнѣйшее развитіе моего характера. Такъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю многочисленныя семейства Гамазовыхъ и Лалаевыхъ, состоявшихъ въ тѣсномъ свойствѣ и родствѣ съ Панаевыми. Они были всѣ армянскаго происхожденія, и большинство изъ нихъ отличалось поразительною красотою; при этомъ безъ исключенія всѣ были симпатичны и добродушны.

Патріархъ и родоначальникъ этихъ семействъ былъ старикъ Авелій Ракелычъ Лалаевъ. Я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ такихъ задушевныхъ, доброжелательныхъ и почтенныхъ стариковъ, какимъ былъ онъ. Говорилъ онъ по-русски довольно хорошо, иногда увлекался и сразу молодѣлъ на много лѣтъ. У Лалаева былъ сынъ, тогда еще мальчикъ, Матвѣй Авельичъ, впослѣдствіи женившійся на одной изъ Панаевыхъ, а одна изъ его дочерей была замужемъ за Шаншіевымъ, красавцемъ и кавказскимъ героемъ, охромѣвшимъ на войнѣ и вышедшимъ въ отставку, а затѣмъ управлявшимъ имѣніемъ графини Самойловой, что была владѣтельницей Царской Славянки близъ Павловска. Другая его дочь была за Гамазовымъ, и отъ этого брака было у нея три сына, которыхъ я зналъ и часто видѣлъ. Старшій, Гриша, былъ бойкій и веселый мальчикъ, впослѣдствіи поступившій на военную службу и служившій на Кавказѣ, гдѣ за оплеуху, данную имъ начальнику, онъ былъ разжалованъ въ рядовые, но вскорѣ выслужился и дошелъ до большихъ чиновъ.

Ближе всѣхъ я зналъ Николая, архитектора, имѣвшаго впослѣдствіи много работъ. Женился онъ на купчихѣ и взялъ за ней большія деньги. По своей наружности это былъ человѣкъ замѣчательный и прозывался «волосатикъ», такъ какъ съ ногъ до головы былъ покрытъ волосами. Роста онъ былъ огромнаго и изъ этой массы волосъ выглядывали два добродушныхъ глаза. Свадьба его была очень парадная, но не обошлось безъ курьеза. Входъ въ церковь

былъ по билетамъ. Почему-то онъ замѣшкался и опоздалъ, и когда подкатилъ къ церкви и сталъ входить на паперть, церковный сторожъ загородилъ ему дорогу и закричалъ:

— Куда лѣзешь, борода? билетъ подай.

Конечно, никакого билета у него, какъ у жениха, не было, и онъ только добродушно взмолился:

— Сдѣлай милость, любезный, пропусти ужъ жениха-то, Христа ради.

— Ну, и женихъ, батюшки, волосатый, что лѣшій,—раздалось ему вслѣдъ.

Минуло лѣто, которое я провелъ въ Павловскѣ, и вотъ по возвращеніи въ Петербургъ отецъ повезъ меня съ братомъ Пьеромъ на Васильевскій островъ, чтобы представить насъ въ академію и открыть намъ широкія двери храма, въ который намъ суждено было войти безповоротно для служенія искусству. Въ одной изъ античныхъ залъ, куда насъ привели, стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, за которымъ возсѣдали учителя и секретарь академіи. Тучный, съ добродушнымъ лицомъ, Василій Ивановичъ Григоровичъ, распорядился о производствѣ намъ испытанія, которое два учителя сейчасъ же начали какъ-то поверхностно и спѣшно и черезъ 20 минутъ мы уже были записаны вольноприходящими въ первый рисовальный классъ. Съ этого момента карьера моя была рѣшена, и я началъ усердно посѣщать классы.

Школа же моя, какъ художника, началась съ перваго моего посѣщенія Эрмитажа, который и впослѣдствіи былъ моимъ лучшимъ руководителемъ. Самое разнообразіе оригиналовъ не давало мнѣ увлечься какой-нибудь одной манерой, отъ которой впослѣдствіи освободиться было бы очень трудно, а то и невозможно... Я завелъ себѣ рисовальныя книжки, въ которыхъ, кромѣ отдѣльныхъ рисунковъ, заносилъ цѣлые послѣдовательные факты исторіи, такъ, напримѣръ, мною была тщательно обработана исторія похожденій блуднаго сына. Доставъ случайно «Руслана и Людмилу» Пушкина, я такъ увлекся моимъ милымъ поэтомъ, что съ этой поры только и былъ занятъ его произведеніями, стараясь понять его типы и изображать ихъ карандашомъ. Немало служилъ мнѣ пособникомъ и театръ, для выработки экспрессіи, которую я впослѣдствіи давалъ лицамъ, изображеннымъ мною на картинкахъ. Было время, когда академія художествъ выдавала особенную золотую медаль исключительно за экспрессію, и это въ высшей степени справедливо.

Наступила масленица и съ нею вмѣстѣ и всевозможныя народныя развлеченія, которымъ отъ души тогда отдавалось все петербургское общество. Балаганы устраивались въ то время на Адмиралтейской площади, на мѣстѣ нынѣшняго сада, и вся публика устремлялась туда. Что за пестрое и оживленное зрѣлище представляло собою это гулянье. Константинъ Маковскій, заставшій

еще балаганы на этой площади, прекрасно ихъ изобразилъ на своей картинѣ, только у него не сдѣлано традиціональнаго цуга экипажей, двигавшихся медленно длинной вереницей вокругъ всей площади.

Центромъ цѣлой массы построекъ и балагановъ былъ пантомимный театръ Лемана; но этому театру не повезло; онъ сгорѣлъ и въ немъ погибло немало человѣческихъ жертвъ, потому что двери его открывались во внутрь, а не въ наружную сторону.

Этотъ развеселый театръ былъ биткомъ набитъ и отборнымъ обществомъ и народомъ—хохотъ въ немъ стоялъ неумолкаемый. Игралась постоянно итальянская комедія, и Леманъ игралъ Пьерро такъ, какъ послѣ него никто не игралъ. Этотъ Леманъ былъ преоригинальная личность и при этомъ природный комикъ; по мнѣ, онъ ужасно походилъ на Живокини, котораго я позднѣе видѣлъ въ Москвѣ. Надо быть человѣкомъ чрезвычайно тонкаго ума, чтобы умѣть такъ рельефно изобразить совершеннаго дурака и выставить такъ сильно весь комизмъ его непроходимой глупости. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ, что этотъ Леманъ человѣкъ, получившій очень большое образованіе и весьма начитанный.

Насмѣявшись вдоволь у Лемана, я отправлялся домой, гдѣ у насъ собиралось въ высшей степени интересное общество музыкантовъ. Однимъ изъ первыхъ являлся пріятель отца, композиторъ Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ, который написалъ «Боже Царя храни»; пріѣзжалъ онъ всегда со скрипкою, и я его иначе не помню, какъ въ разстегнутомъ флигель-адъютантскомъ мундирѣ; онъ часто привозилъ отцу только что написанныя имъ вещи и разыгрывалъ ихъ впервые у насъ. Человѣкъ онъ былъ очень простой, обходительный и добродушный. Обыкновенно вмѣстѣ съ скрипачомъ Бемомъ, тогда большой знаменитостью, віолончелистомъ Мауреромъ и графомъ Матвѣемъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ они разыгрывали такіе квартеты, что спеціально послушать ихъ игру къ намъ собиралось довольно большое общество, и вечера эти заканчивались танцами, затягивавшимися до разсвѣта. Въ числѣ постоянно бывавшихъ у насъ были, конечно, Панаевы, дирижировалъ танцами Николай Бендо, чрезвычайно подвижной и весельчакъ, впослѣдствіи извѣстный архитекторъ. Въ это время я очень дружилъ съ Ипполитомъ Панаевымъ, который былъ впослѣдствіи инженеръ-генераломъ. Это былъ суровый, тихій юноша, скорѣе ипохондрикъ, никогда не танцовавшій и всегда уединявшійся въ самый темный уголъ, въ которомъ онъ мнѣ всегда разсказывалъ какую-нибудь ужасную исторію. Такимъ онъ остался и на всю жизнь.

IV.

Успѣхи отца при дворѣ. —Разрывъ съ дядей К. П. Брюлловымъ.—Переходъ въ архитектурный классъ.—Опять Карлъ Брюлловъ.—Женитьба его.—Его геніальные собутыльники М. И. Глинка, Кукольникъ и академикъ Яненко.

Слава моего отца, какъ создавшаго акварельную живопись на бумагѣ, росла съ каждымъ мѣсяцемъ и о немъ уже говорили при дворѣ, а способъ его работы акварелью безъ примѣси корпусныхъ красокъ взволновалъ весь художественный міръ. Въ 1821 году онъ былъ приглашенъ въ Аничковскій дворецъ, чему немало способствовалъ другъ его, графъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, и писалъ портретъ съ великаго князя Александра Николаевича. По воцареніи императора Николая, государь очень милостиво обошелся съ отцомъ, заказалъ ему портретъ императрицы Александры Ѳеодоровны, а потомъ даже рѣшился позировать и самъ, несмотря на то, что прямо не выносилъ этого. Однако сеансъ не удался, и лишь только отецъ успѣлъ набросать карандашомъ контуръ, какъ государь подошелъ къ нему и кистью провелъ черту подъ носомъ нарисованнаго контура, сказавъ отцу: «Возьми это себѣ на память». Такъ и не удалось отцу сдѣлать портрета съ императора Николая. Между тѣмъ при дворѣ работы отца вошли, что называется, въ моду, и на его долю выпало перерисовать многихъ членовъ императорской фамиліи. Кромѣ того, въ то же время моимъ отцомъ былъ написанъ фамильный портретъ царской семьи, съ котораго потомъ была сдѣлана литографія, продававшаяся у Бегрова. Эта картина была по истинѣ восхитительна; на ней были изображены государь и государыня сидящими въ катерѣ, а на рулѣ, еще мальчикомъ, великій князь Константинъ Николаевичъ. Государю такъ понравилась послѣ этого отцовская работа, что онъ заказалъ ему пять миніатюрныхъ портретовъ царской фамиліи для табакерки, которая была впослѣдствіи подарена государемъ князю Волконскому. Я помню, какъ отецъ трудился надъ этой кропотливой работой, исполненіе которой было возможно только черезъ увеличительное стекло, благодаря чему онъ принужденъ былъ носить очки до конца своей жизни, т. к. зрѣніе его было уже испорчено.

Просидѣвъ два года въ гипсовомъ классѣ, я шагнулъ сильно впередъ и надѣялся на полный успѣхъ предпринятой экзаменаціонной

[1]) Къ этому періоду относятся слѣдующія работы П. Ѳ. Соколова: въ 1836 году онъ написалъ портретъ А. С. Пушкина и отдалъ ему. Пушкинъ подарилъ портретъ А. О. Ростелли, а тотъ нѣсколько лѣтъ спустя П. Н. Батюшкову, и художникъ Брезе воспроизвелъ этотъ портретъ въ хромолитографіи. Въ 1844 году Петръ Ѳедоровичъ написалъ портреты Николая и Антона Григорьевичей Рубинштейновъ, а также колѣнный портретъ гр. Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго, играющаго на віолончели, написанный раньше обоихъ предыдущихъ.

работы—я рисовалъ голову Лаокоона-старика. Мнѣ удалось выполнить ее вѣрно и при эффектномъ освѣщеніи и я такъ дорожилъ этимъ рисункомъ, что даже рѣшилъ покрыть его стекломъ и въ такомъ видѣ вывѣсить въ залѣ. По неосторожности ли сторожа, или благодаря выходкѣ школяра товарища, стекло мое было разбито и какъ разъ въ мое отсутствіе. Ничего не подозрѣвая, я на другой день въ коридорѣ встрѣчаю своего дядюшку, Карла Павловича Брюллова; онъ, увидя меня, вдругъ остановился и съ насмѣшкою сказалъ:

— Это ты на экзаменѣ выставилъ оранжерею?—и затѣмъ прошелъ дальше.

Ахъ, какъ больно задѣлъ меня этимъ замѣчаніемъ дядя, и я сразу почувствовалъ его недоброжелательность ко мнѣ. Ничѣмъ не могъ я дорожить болѣе, какъ его мнѣніемъ, и вмѣсто одобренія, котораго я такъ пламенно жаждалъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣльнаго замѣчанія, я получилъ одну насмѣшку. И такъ поступилъ профессоръ — мой родной дядя! Въ эту минуту въ первый разъ изъ-подъ ореоломъ славы обвитой головы его выглянула на меня голова медузы. Если бы онъ сдѣлалъ мнѣ какой угодно строгій выговоръ, разругалъ бы мой рисунокъ, я бы принялъ все это съ покорностью, но онъ не могъ не видѣть старательности, съ которою былъ выполненъ рисунокъ, и не оцѣнить его достоинствъ.

Впослѣдствіи только я узналъ, что мой почтенный дядюшка воображалъ, что мы-де разсчитываемъ на его наслѣдство и ищемъ его покровительства, а потому и относился къ намъ съ особенною индифферентностью и даже злобою, но тогда его выходку я приписалъ моей бездарности и былъ обезкураженъ такъ, что довольно долгое время лѣнился и вяло работалъ. Да, таковъ былъ мой знаменитый дядя, да и не только по отношенію ко мнѣ; не даромъ Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ сказалъ: «Видѣлъ Карла Брюллова, онъ мнѣ показался человѣкомъ готовымъ на все». Но великій поэтъ, произнося этотъ приговоръ надъ Брюлловымъ, цѣнилъ въ немъ генія и незадолго до своей смерти, посѣтивъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ мастерскую Брюллова и увидѣвъ у него альбомы съ рисунками, сталъ на колѣни и умолялъ дядю дать ему одинъ изъ нихъ, но такъ ничего и не добился. Карлъ Брюлловъ отказалъ мольбамъ Александра Сергѣевича.

Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ столкновеній съ дядей, я перешелъ въ архитектурный классъ и попалъ подъ руководство Константина Андреевича Тона, товарища отца по выпуску и впослѣдствіи архитектора, прославившагося многими постройками въ царствованіе Николая I и наконецъ большого храма Спасителя въ Москвѣ.

Этотъ человѣкъ хотя и не получилъ почти никакого образованія, но зато былъ честный и доброжелательный, онъ охотно принялъ меня къ себѣ въ мастерскую, находившуюся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ главнаго зданія, во флигелѣ. Помощниками у Тона были въ то

время Александръ Росси и Каминскій. Первый былъ сынъ извѣстнаго архитектора Росси, построившаго Михайловскій дворецъ, а съ его обоими братьями я воспитывался у Журдана. Второй—прекрасный орнаментистъ и впослѣдствіи былъ главнымъ распорядителемъ работъ по постройкѣ храма Спаса, во время отсутствія Тона. Товарищами моими въ это время были: Рязановъ, впослѣдствіи тоже извѣстный архитекторъ, построившій на дворцовой набережной дворецъ великаго князя Владимира Александровича, Кракау, извѣстный своими реставраціями, Адамини, сломавшій себѣ ногу при паденіи съ лѣсовъ во время постройки Александринскаго театра, и Бруни, племянникъ знаменитаго художника, написавшаго «Мѣднаго змѣя».

Самымъ симпатичнымъ изъ всѣхъ былъ Александръ Росси, котораго всѣ очень любили за его мягкій и веселый характеръ. Чертежникомъ онъ былъ превосходнымъ, и у него я болѣе всего научился перенимать необходимые пріемы въ производствѣ этихъ работъ. Особенно онъ обладалъ большимъ вкусомъ и изобрѣтательностью въ планировкѣ, расположеніи деталей и орнаментаціи. Всегда готовый быть полезнымъ совѣтомъ и на дѣлѣ, онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ своихъ учениковъ.

Да, свободно вздохнулъ я въ этомъ классѣ, какое-то общее довольство царило надъ нами, и мы, дружно работая, цѣлыми компаніями въ свободное время отправлялись въ «Золотой Якорь» [1]), гдѣ сражались на бильярдѣ. Нерѣдко я заходилъ къ другому своему дядюшкѣ, Ѳедору Павловичу, который душилъ меня своими безконечными разсказами, скучными потому, что все это было плоды его пылкой фантазіи; зато мои хорошенькія кузины вознаграждали меня за проведенные въ скукѣ часы своимъ веселымъ чарующимъ щебетаньемъ. Однажды я съ братомъ Пьеромъ обѣдалъ у дяди Ѳедора, какъ вдругъ вошелъ въ столовую Карлъ Павловичъ Брюлловъ; я его давно не видѣлъ послѣ нашего разговора въ коридорѣ академіи. Съ вѣчно самодовольной улыбкой началъ онъ обходить присутствовавшихъ, щипать за щеки моихъ кузинъ и говорить довольно сальные комплименты. Увидя Пьера, онъ вдругъ смѣрилъ его съ головы до ногъ и съ ехидной улыбкой проговорилъ:

— Ишь, франтъ каковъ.—(Пьеръ всегда щегольски одѣвался).

Брату подобное замѣчаніе, повидимому, не пришлось по вкусу, онъ ощетинился и замѣтилъ дядюшкѣ, что ему франтить и подобаетъ, какъ молодому человѣку,—«а вотъ въ ваши годы такъ это можетъ показаться страннымъ, посмотрите-ка, на какихъ вы огромныхъ каблукахъ», сказалъ онъ. И дѣйствительно, при своемъ маломъ ростѣ Карлъ Павловичъ Брюлловъ носилъ очень высокіе каблуки, чтобы казаться повыше, и былъ очень комиченъ. Дядя ужасно обидѣлся на это замѣчаніе брата, такъ какъ воображалъ себя неотрази-

---

[1]) «Золотой Якорь» ресторанъ, существующій и теперь на Вас. Острову въ 6 линіи.

мымъ красавцемъ и всегда говорилъ, что въ Римѣ его иначе не называли, какъ «Венерова голова», которая, впрочемъ, была очень красива и выигрывала отъ прически, напоминавшей прическу Аполлона Бельведерскаго, но типъ общій у него все-таки былъ нѣмецкаго бюргера.

Однако мнѣ необходимо опять остановиться на воспоминаніяхъ объ этомъ человѣкѣ. Этотъ періодъ былъ однимъ изъ самыхъ его блестящихъ, и его новыми произведеніями все больше и больше увлекались цѣнители искусства, и въ числѣ этихъ цѣнителей былъ и я. Когда я смотрѣлъ на его работы, я поражался красотою и правильностью его рисунка и его яркимъ колоритомъ, я считалъ его великимъ мастеромъ, но все же въ моей тогда молодой и честной душѣ не могли согласоваться эти два существа: геній и страшное исчадіе разврата. И вдругъ до меня долетѣлъ слухъ, что онъ женится. Я не вѣрилъ этому, я зналъ объ его ужасной болѣзни, я черезчуръ хорошо зналъ его привычки, чтобы допустить возможность брака его съ кѣмъ бы то ни было, но фактъ былъ неоспоримъ. Въ одинъ прекрасный день онъ самъ является къ намъ своей маленькой персоной и привозитъ невѣсту. Это была дѣвушка замѣчательной красоты, дочь ревельскаго бургомистра Тима, братъ которой вскорѣ сдѣлался извѣстностью, какъ очень хорошій рисовальщикъ и издатель «Художественнаго Листка» въ 1854 и 1855 г.г.

При видѣ этой очаровательной дѣвушки меня охватило чувство жалости къ ней. Она, свѣженькая, 18 лѣтняя, какъ махровый цвѣтокъ, дышащая жизнью и здоровьемъ, рядомъ съ обрюзгшимъ и опухшимъ отъ пьянства и разврата представляла грустное зрѣлище. Увлекшись его славой и принуждаемая родителями на «выгодную партію», она находилась въ счастливомъ невѣдѣніи и принимала за любовь его сладострастные порывы. У насъ во время этого визита онъ велъ себя, какъ старый пьяный сатиръ.

— Посмотри, сестра,—говорилъ онъ, представляя дѣвушку моей матери и при этомъ отвратительно улыбаясь:—что это за прелесть. Совершенный идеальчикъ. Только этотъ идеальчикъ надо поскорѣе подъ одѣяльчикъ.—Затѣмъ отходилъ на нѣсколько шаговъ и громко обращался къ невѣстѣ:—Ну, Лотти!—и та съ разбѣга бросалась къ нему на шею.

Эта картина ярко рисуется въ моей памяти, а вмѣстѣ характеризуетъ нравственный уровень моего знаменитаго дяди.

Однако моимъ опасеніямъ за несчастную жертву пришлось осуществиться. Немного больше года промучилась она съ нимъ и уѣхала къ отцу—не выдержала. Послѣ своего медоваго мѣсяца, когда у несчастной дѣвушки раскрылись глаза, дядюшка началъ ревновать ее безусловно ко всѣмъ окружавшимъ и даже приревновалъ ее къ императору Николаю Павловичу, обратившему благосклонное вниманіе при посѣщеніи академіи на его жену, стоявшую въ окнѣ.

Конечно, такой красавецъ, какъ государь, не могъ не вызвать этого чувства у человѣка, душа котораго искала одного лишь предлога.

Въ одно утро, когда молодая женщина стояла у окна квартиры Брюллова, окна которой выходили на набережную, на ворономъ конѣ въ саняхъ подъѣзжаетъ къ академіи государь. Увидя его, она невольно вскрикнула:

— Ахъ, государь!

Карлъ Павловичъ подскочилъ къ ней и со словами:

— А, узнала!—вырвалъ у нея изъ уха серьгу. Вотъ до чего доходилъ въ своемъ безуміи этотъ боготворимый публикою геній.

Въ отношеніи къ своимъ братьямъ дядя Карлъ Павловичъ былъ не лучше; напримѣръ, при встрѣчѣ съ братомъ Александромъ Павловичемъ, онъ всегда былъ привѣтливъ, жалъ ему руку, обнимался съ нимъ, мѣняясь самыми интимными шуточками, а за глаза всегда ругалъ его и раздѣлывалъ на всѣ корки, называя его взяточникомъ, подрядчикомъ и бездарнымъ каменщикомъ. Разъ какъ-то впослѣдствіи, когда судьба опять столкнула меня съ нимъ, мы втроемъ вмѣстѣ съ Карницкимъ переѣзжали Неву, отправляясь на лѣса Исаакіевскаго собора, и когда Карницкій упомянулъ объ Александрѣ Павловичѣ Брюлловѣ, то дядюшка сказалъ:

— Эта ракалія разсчитываетъ послѣ моей смерти быть моимъ наслѣдникомъ; вотъ что онъ получитъ,—и при этомъ показалъ свой жирный кукишъ.

Но Карлъ Павловичъ ошибся и когда умеръ въ Римѣ 17-го февраля 1857 г., то братъ его Александръ тотчасъ же, какъ получилъ извѣстіе о его смерти, поскакалъ, что называется, на курьерскихъ и успѣлъ положить въ свой карманъ 450 тысячъ рублей прежде, нежели имущество было опечатано, скрывъ эти деньги и не подѣлившись ни съ кѣмъ изъ родныхъ. Когда умеръ мой дѣдушка Павелъ Ивановичъ, то повторилась та же исторія захвата. Дѣдушка жилъ у насъ и когда здоровье его было уже безнадежно, то вдругъ нагрянули милые родственники, увезли больного и завладѣли всѣмъ его имуществомъ, ничего не удѣливъ моей матери, а мой братъ и слышать не хотѣлъ о какихъ-либо претензіяхъ.

Разъ я пришелъ къ Карлу Павловичу и нашелъ дверь его квартиры открытою; оказалось, у него въ домѣ шла уборка, и поломойка мыла полъ. Вдругъ до меня долетѣлъ возгласъ дяди:

— Стой и не шевелись,—я уже пріотворилъ двери и окаменѣлъ отъ омерзѣнія и ужаса отъ той картины, которую увидѣлъ... Меня не замѣтили, и я ушелъ скорѣе прочь. Какъ мнѣ жалокъ и гадокъ былъ этотъ великій артистъ.

Въ то время, когда я писалъ у него свою копію съ портрета Крылова, его часто навѣщали разныя лица, все больше народъ веселый, любившій попить и поѣсть. Самыми закадычными его собутыльниками были: Михаилъ Ивановичъ Глинка, академикъ Яненко и Не-

сторъ Васильевичъ Кукольникъ, не отличавшійся нравственностью, но, какъ и дядя, въ 40-хъ годахъ достигшій громкой словы. Только такой человѣкъ и могъ доложить въ томъ духѣ военному министру Чернышеву о сочиненіяхъ Салтыкова, въ какомъ представилъ ихъ Кукольникъ, и тѣмъ составить протекцію для перевода этого великаго писателя въ Вятку. Впрочемъ, звѣзда Кукольника погасла въ началѣ 50-хъ годовъ, а въ 1868 г. онъ умеръ въ Таганрогѣ всѣми забытый [2]).

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, за пьянство свое названный «Клюкольникъ», и пріятель его Яненко, прозванный «Пьяненко» за ту же страсть, а также мой дядя Карлъ Павловичъ были неразлучны, и нужно было имѣть желѣзное сложеніе, чтобы выдержать то количество алкоголя, которое они уничтожали. Михаилъ Ивановичъ Глинка нерѣдко къ нимъ также присоединялся, но съ его довольно плохимъ здоровьемъ ему далеко было до этой знаменитой троицы... Сестра Михаила Ивановича, жившая съ нимъ, зорко слѣдила за своимъ геніальнымъ братомъ и охраняла его; бывало, очень ужъ закутитъ компанія, а заботливый другъ, какъ ангелъ-хранитель, тутъ какъ тутъ и извлечетъ изъ погибельной клоаки моего дяди геніальнаго музыканта. Какъ и Кукольникъ, всѣ трое поплатились за свое безпутное житье раннею смертью. Дядюшка, благодаря своей болѣзни, долженъ былъ отправиться на островъ Мадеру, а Яненко такъ попросту заживо сгнилъ.

Продолжая заниматься у дяди, я не могъ больше выносить его оскорбленій и дерзостей, пересталъ ходить къ нему и наконецъ разстался съ нимъ навсегда.

V.

Мой пріятель С. С. Дуровъ. — Черенцовъ и Поздѣевъ.—Делярю.—Булгаковъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.—Александръ Ивановичъ Пальмъ.—Петрашевскій.—Участь петрашевцевъ.

Совершенно случайно въ Петербургѣ я встрѣтился и познакомился съ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Дуровымъ, а вскорѣ сблизился и даже подружился съ нимъ. Какъ случилось первое мое знакомство, не помню; кажется, началомъ къ этому послужилъ случайно начатый разговоръ, какъ это въ Петербургѣ легко дѣлается, затѣмъ обмѣнъ сужденій и взглядовъ, а потомъ уже желаніе вмѣстѣ проводить время. Хотя я былъ гораздо моложе Дурова и его обоихъ пріятелей, Поздѣева и Черенцова, но все же мы очень близко сошлись, и они часто стали пріѣзжать ко мнѣ въ Павловскъ, гдѣ я проводилъ лѣто. Когда мы переѣхали въ городъ, Дуровъ далъ мнѣ свой адресъ, и

---

[1]) Родился Н. Кукольникъ въ 1809 г.

просилъ посѣщать его. Жилъ онъ со своимъ сослуживцемъ Делярю. Этотъ послѣдній былъ настоящій русакъ, добрый малый и хорошій товарищъ.

Сергѣй Θедоровичъ Дуровъ былъ родной племянникъ извѣстнаго писателя Хмельницкаго, къ сочиненіямъ котораго онъ написалъ извѣстное предисловіе[1]), и состоялъ въ родствѣ съ многочисленнымъ семействомъ Кусовыхъ. Дуровъ былъ чрезвычайно образованный человѣкъ, очень интересный въ бесѣдѣ, немного увлекающійся, но умѣвшій завладѣть общею бесѣдой и руководившей ею; глубоко знакомый съ теоріями Кобе, Фурье и Прудона, онъ уже въ періодъ перваго моего съ нимъ знакомства развивалъ идеи равенства, сѣтовалъ на тягость современной цензуры, говорилъ о необходимости освобожденія крестьянъ и о другихъ полезныхъ реформахъ, но въ то время мнѣ это казалось какимъ-то несбыточнымъ и настолько серьезнымъ, что я не придавалъ особой важности его проектамъ, считая ихъ попросту одними разговорами. При всей серьезности и образованности Дурова, это былъ человѣкъ не безъ странностей; онъ, напримѣръ, очень рѣдко садился обѣдать, имѣлъ обыкновеніе наѣдаться на ходу; когда шелъ въ должность или возвращался оттуда домой, заходилъ въ 2—3 кондитерскія, съѣдалъ по нѣсколько пирожковъ, особенно же онъ съ охотою посѣщалъ Излера, гдѣ въ то время были замѣчательные растегаи, а дома за столомъ никогда ничего не ѣлъ. Между тѣмъ энергія этого человѣка была замѣчательна. Находясь впослѣдствіи въ числѣ послѣдователей Петрашевскаго, онъ участвовалъ во многихъ другихъ тайныхъ обществахъ, и, благодаря только его стараніямъ, кружокъ Петрашевскаго поддерживалъ связь съ ними. Бывая въ собраніяхъ Иринарха Введенскаго, онъ познакомился тамъ съ Н. Г. Чернышевскимъ и чуть было не попался въ руки властей, когда вслѣдствіе доноса извѣстнаго Вигеля пало подозрѣніе на кружокъ Введенскаго, будто бы пропагандировавшій переломъ существующаго государственнаго строя. Однако у Липранди не было достаточно уликъ, да къ тому же Ростовцевъ заступился за Введенскаго, и всѣ члены его кружка были спасены. Гибель же петрашевцевъ готовилась впереди.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я хотѣлъ навѣстить моего пріятеля, но не нашелъ его уже на прежней квартирѣ съ Делярю. При входѣ моемъ въ переднюю я увидалъ на прилавкѣ сидѣвшаго денщика, который и не пошевелился при моемъ появленіи, а изъ сосѣдней комнаты раздался голосъ Делярю, спрашивавшаго:

— Кто тамъ?

Я назвался, вошелъ и былъ удивленъ, не видя Сергѣя Θедоровича, но хозяинъ предупредилъ мой вопросъ:

---

[1]) Предисловіе это читано Дуровымъ въ 1848 г. 25-го марта въ засѣданіи на одной изъ пятницъ у Петрашевскаго. Б. Тагѣевъ.

— Да вотъ видите, я осиротѣлъ,—сказалъ, подавая мнѣ руку, Делярю:—вѣдь Дуровъ-то отъ меня уѣхалъ и живетъ теперь съ Пальмомъ. Знаете Александра Пальма, офицера Егерскаго полка? Ну, вотъ они другъ безъ друга жить не могутъ. Я положительно нигдѣ не бываю и отсталъ отъ шумнаго свѣта. Вотъ когда здѣсь жилъ Сергѣй Ѳедоровичъ, другое дѣло, каждый день народъ собирался, сходки устраивались, обсуждались наболѣвшіе вопросы, да какъ обсуждались, съ какимъ увлеченіемъ и жаромъ,—да по-моему, ничего изъ этого не выйдетъ, ничего имъ тутъ не подѣлать, дотолкуются они до синихъ мундировъ, и будетъ имъ освобожденіе и надѣлъ.

Посидѣвъ немного у Делярю, я отправился къ Доминику, въ этотъ притонъ бильярдныхъ шулеровъ, обыгрывавшихъ молодыхъ пижоновъ; онъ былъ переполненъ народомъ, но публика, наполнявшая его душные залы, не походила на теперешнюю; не было среди нея замѣтно ни студентовъ, ни гостинодворцевъ, какъ теперь, все больше чиновники разныхъ вѣдомствъ да офицеры толпились около прилавка и въ бильярдной. Здѣсь встрѣтилъ я Поздѣева и Черенцова, а также Дурова и Пальма,—ихъ-то я и искалъ.

Пальмъ былъ личность преинтересная и тогда уже очень интересовавшая меня. Познакомился я съ нимъ въ Павловскѣ и при слѣдующихъ обстоятельствахъ: однажды ко мнѣ пріѣхали погостить Дуровъ, Поздѣевъ и Черенцовъ, я встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ, а затѣмъ мы совершили большую прогулку по парку и окрестнымъ деревнямъ. Было это въ то время, когда Дуровъ еще не былъ знакомъ съ Петрашевскимъ и, кажется, не принадлежалъ еще ни къ какимъ тайнымъ кружкамъ пропагандистовъ, хотя около него начинала группироваться кучка людей, сочувствовавшихъ его идеямъ.

Достаточно проголодавшись, мы двинулись къ вокзалу, гдѣ по правую сторону его, какъ и теперь, были накрыты столы. Усѣвшись за одинъ изъ нихъ, мы уже заказали себѣ закусить, какъ вдругъ на одной изъ дорожекъ показался молодой егерскій офицеръ, шедшій подъ руку съ юнкеромъ.

— Смотрите, Сергѣй Ѳедоровичъ,—обращаясь къ Дурову, сказалъ Поздѣевъ:—вѣдь это идетъ Александръ Ивановичъ Пальмъ.

Дуровъ, какъ мнѣ показалось, вздрогнулъ, взглянулъ въ ту сторону, куда показывалъ Поздѣевъ, и, увидавъ пріятеля, закричалъ:

— Саша, сюда!

Пальмъ подошелъ.

— Ты былъ у Кусовыхъ, когда ты пріѣхалъ?—пожимая руку пріятелю, спрашивалъ Дуровъ и, не давъ ему времени отвѣтить на заданный вопросъ, сталъ представлять его намъ. Мнѣ почему-то казалось, что Дуровъ сильно волновался, между тѣмъ какъ Пальмъ сохранялъ полное спокойствіе и улыбаясь снималъ перчатки. Только

потомъ я узналъ, что это свиданіе имѣло для нихъ огромное значеніе, такъ какъ здѣсь на музыкѣ долженъ былъ быть и Петрашевскій. Юнкеръ, сопровождавшій Пальма, оказался его двоюроднымъ братомъ Юріемъ Кусовымъ.

Мы начали завтракать, музыканты появились на эстрадѣ, и подъ магическій взмахъ палочки старичка Германа оркестръ заигралъ маршъ. Публика стала собираться, ярко выдѣляясь пестрыми туалетами на зеленомъ фонѣ кустовъ. Вотъ и офицеръ Московскаго полка Булгаковъ собираетъ свою компанію, что-то горячится и разноситъ прислугу за то, что она не особенно довѣрчиво относится къ его кредиту. Всего нѣсколько дней назадъ этотъ Булгаковъ мрачно ходилъ по саду, не имѣя возможности даже позавтракать; вдругъ онъ видитъ, подъѣхалъ въ коляскѣ великій князь Михаилъ Павловичъ и направляется въ публику. Замѣтивъ его высочество, Булгаковъ вдругъ пріободрился, блестящая мысль пронеслась въ его изворотливомъ мозгу. Осмотрѣвшись, все ли на немъ по формѣ, онъ поправилъ усы и виски и, опередивъ боковою аллеею великаго князя, сталъ въ сторонѣ на одной изъ дорожекъ и скорчилъ свою обычную гримасу, которая такъ забавляла его высочество.

— А, Булгаковъ,—воскликнулъ Михаилъ Павловичъ, увидя его:—ну, что это у тебя сегодня за глупая физіономія, это, братъ, не по формѣ.

— Удрученъ, ваше высочество,—отвѣчаетъ Булгаковъ.

— Вѣрно, опять денегъ нѣтъ?

— Точно такъ, только это бы еще ничего.

— Какъ ничего?—удивляется великій князь.

— А вотъ у меня до вашего высочества есть усерднѣйшая просьба.

— Ну, слушаю и обѣщаю исполнить, если только денегъ не попросишь, у меня ихъ у самого мало.

Булгаковъ приближается на одинъ шагъ къ Михаилу Павловичу и какъ бы въ нерѣшительности останавливается.

— Ну, что же ты?—удивленно смотритъ на него великій князь.

— Страшно мнѣ,—принявъ испуганно-комическій видъ, чуть проговорилъ Булгаковъ.

Михаилъ Павловичъ даже прыснулъ со смѣха.

— Ахъ ты, шутъ,—сказалъ онъ Булгакову.—Не знаю, какимъ бы ты былъ въ настоящемъ дѣлѣ, въ бою, но въ мирное время и со мною ты доказалъ свое безстрашіе. Ну, говори, я тебѣ заранѣе разрѣшаю твою просьбу. Ты все-таки не глупый и невозможнаго не попросишь. Ну, не останавливай меня долго, говори же.

— Да я могу все объяснить и на ходу,—заговорилъ обрадованный Булгаковъ:—потому что въ томъ и состоитъ моя просьба, чтобы позволить мнѣ пройтись съ вашимъ высочествомъ подъ руку.

Великій князь открылъ свои большіе глаза, и сложивъ на животѣ руки, сказалъ:

— Нѣтъ, знаешь, Булгаковъ, ты просто невозможенъ...

— Такъ точно, ваше высочество, но я...

Однако великій князь оборвалъ его.

— Довольно, давай руку и пойдемъ,—и съ этими словами онъ взялъ его подъ руку и направился дальше.—Такъ скажи же ты мнѣ,—спрашивалъ его великій князь,—шельма ты этакая, на что тебѣ понадобилась подобная фамильярность со мною?

— А вотъ видите, ваше высочество, какъ поглядываютъ съ завистью на меня всѣ эти дураки,—сказалъ онъ, указывая на гуляющихъ и глазѣвшую прислугу. Дѣйствительно, вокругъ нихъ на почтительномъ разстояніи толпилась публика, до которой отчетливо долетало каждое слово ихъ разговора.

— Я вашему высочеству долженъ признаться, что мой кредитъ совершенно здѣсь изсякъ.

— Я этому нисколько не удивляюсь,—замѣтилъ великій князь.

— Такъ вотъ, ваше высочество, какъ увидятъ здѣсь всѣ, что вы со мною гуляете подъ руку,—вкрадчиво продолжалъ Булгаковъ:—то кредитъ мой такъ здѣсь утвердится, что мнѣ и денегъ никакихъ уже не надо.

— Ахъ ты, проказа ты этакая,—вдругъ принимая серьезный тонъ, сказалъ князь:—а хочешь, я тебя посажу на гауптвахту?

— Быть этого не можетъ,—возражаетъ Булгаковъ:—я черезчуръ знаю неограниченную доброту вашего высочества. Долго ли маленькаго человѣка обидѣть, вы никакъ не захотите этого сдѣлать.

Тутъ уже Михаилъ Павловичъ громко во всеуслышаніе обратился къ нему по-французски:

— Mon cher, tu est vraiment admirable dans ton éffronterie, seulement je ne te conseille pas d'abuser trop de ma faiblesse, parfait chenapan! [1]) Ну, что довольно,—добавилъ онъ:—можно теперь тебѣ дать киселя?

— Совершенно довольно, ваше высочество, по гробъ не забуду вашихъ милостей.

Булгаковъ отнимаетъ свою руку изъ-подъ руки князя и беретъ подъ козырекъ, а великій князь, пожавъ ему руку, направляется къ коляскѣ. Вотъ и кутитъ теперь Булгаковъ на освѣжившійся кредитъ. А публика все собиралась, густо наполняя аллеи. Вдругъ Пальмъ наклонился къ Дурову и, указывая въ толпу, сказалъ ему съ нѣкоторой тревогой:

— Вотъ, вотъ, смотри, идетъ онъ, Петрашевскій, видишь, этотъ высокій черный мужчина, что разговариваетъ съ этимъ толстякомъ.

— Такъ это онъ?—сказалъ Сергѣй Ѳедоровичъ, видимо, сильно заинтересованный новымъ лицомъ, которое онъ жаждалъ видѣть: а я только что хотѣлъ съ тобою поговорить о немъ. Ты знаешь, что

---

[1]) Мой милый, ты дѣйствительно удивителенъ въ своемъ нахальствѣ; но только я не совѣтую тебѣ слишкомъ злоупотреблять моею слабостью, совершеннѣйшій негодяй.

до меня дошли слухи и разсказы, обезпокаивающіе меня на твой счетъ...

— Пустяки,—сказалъ Пальмъ:—я, конечно, какъ и ты, сочувствую его пропагандѣ, но пока еще у насъ просто пріятельское знакомство. Я бываю у него довольно часто, по пятницамъ мы обыкновенно собираемся, мнѣ пріятно общество незаурядныхъ людей, мы много толкуемъ, но, какъ Репетиловъ въ «Горе отъ ума» говоритъ: «поспорятъ, пошумятъ и разойдутся». Сегодня я тебя представлю этому интересному человѣку и ты, вѣроятно, также вступишь въ его кружокъ, а ты будешь намъ со временемъ очень нуженъ и полезенъ.

Я слышалъ весь разговоръ моихъ пріятелей и, зная въ общемъ, что такое представлялъ собою Петрашевскій, не на шутку испугался за участь моихъ друзей.

Теперь нѣсколько словъ о Пальмѣ. Александръ Ивановичъ Пальмъ, дворянинъ Пензенской губерніи, родился въ 1823 г., воспитывался въ Дворянскомъ полку, былъ тамъ унтеръ-офицеромъ, затѣмъ фельдфебелемъ и 19-ти лѣтъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1842 г. въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Черезъ семейство своихъ родственниковъ Кусовыхъ онъ вошелъ въ кружокъ, основанный Петрашевскимъ, сблизился съ ними и съ тѣхъ поръ сталъ постояннымъ посѣтителемъ его пятницъ. Среда такихъ сильныхъ людей, какъ Достоевскій, Плещеевъ, Толь, Головинскій, Иринархъ Введенскій и др., не могла не имѣть рѣшающаго вліянія на направленіе юнаго Пальма, и онъ со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся натуры отдался новому живому дѣлу. Цензура того времени давила писателей своимъ тяжелымъ ярмомъ, народъ изнемогалъ подъ гнетомъ крѣпостничества, чиновничество въ своемъ произволѣ доходило до невѣроятныхъ размѣровъ, взяточничество царило всюду, вотъ небольшіе кружки, образовавшіеся въ разныхъ слояхъ интеллигентнаго общества, рѣшили противодѣйствовать этому всеобщему злу. Политической пропаганды въ кружкахъ этихъ не было, здѣсь шли самые обыденные толки, обсуждались проекты, но даже не составлялось плана дѣйствій. Это просто были группы русскихъ образованныхъ людей, любившихъ свою родину и народъ и душею болѣвшихъ за ея неустройство.

Однако доносы Вигеля и доклады Липранди имѣли свое дѣйствіе, и въ высшихъ сферахъ были представлены эти честные люди посягающими на самодержавіе и т. д. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, распространяемое Павломъ Головинскимъ и Достоевскимъ, было однимъ изъ вѣскихъ данныхъ для обвиненія ихъ и изъ этого можно вывести заключеніе объ опасности этихъ обществъ для государства.

Въ 1841 г. Петрашевскій началъ свою пропаганду, въ 1845 г. у него были уже организованы правильныя собранія, и въ числѣ ярыхъ его сподвижниковъ былъ Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ, такъ опасавшійся за Пальма. 25-го марта 1848 года онъ, уже будучи отстав-

нымъ коллежскимъ ассесоромъ, читалъ свое предисловіе къ сочиніямъ Хмельницкаго и былъ изъ самыхъ энергичныхъ членовъ кружка, только благодаря которому кружокъ Петрашевскаго поддерживалъ связь съ остальными. Но вотъ грянулъ громъ, петрашевцы были арестованы и судомъ «за обличеніе въ умыслѣ на ниспроверженіе существующихъ отечественныхъ законовъ и государственнаго порядка» осуждены на смертную казнь [1]).

Пальмъ находился подъ слѣдствіемъ съ 23-го апрѣля 1849 г. и судился за то, что былъ въ собраніи, «гдѣ, слыша преступные разговоры, не донесъ» [2]).

22-го декабря 1849 г. всѣхъ осужденныхъ [3]) привезли изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ они провели 8 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, на Семеновскій плацъ, прочли имъ смертный приговоръ, священникъ подошелъ къ нимъ съ крестомъ, облаченный въ черныя ризы, и на всѣхъ, кромѣ Пальма, надѣли предсмертныя рубахи. Петрашевскому, Момбелли [4]) и Григорьеву [5]) завязали глаза и привязали къ столбамъ, надъ головами другихъ переломили шпаги. Раздалась команда къ пальбѣ, и въ этотъ моментъ Григорьевъ сошелъ съ ума, его натура не выдержала этой минуты, послѣ восьмимѣсячнаго одиночнаго заключенія. Раздался отбой, и процедура окончилась, при чемъ было объявлено всѣмъ высочайшее помилованіе отъ смертной казни. Тутъ же съ мѣста на фельдъегерской тройкѣ Петрашевскій былъ увезенъ въ Сибирь [6]). Дуровъ сосланъ въ каторгу на 4 года и затѣмъ разжалованъ въ рядовые. Пальмъ же былъ помилованъ и переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію. 14-го декабря 1852 г. онъ за отличіе произведенъ въ штабсъ-капитаны Въ 1853 г. онъ участвовалъ въ первой кампаніи противъ турокъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса и былъ отличенъ, какъ храбрый и лихой офицеръ. Въ 1854 году, во время второй кампаніи, Пальмъ 11-го марта участвовалъ при переправѣ черезъ Дунай у Галаца, 4-го мая подъ Силистріею и 5-го при штурмѣ этой крѣпости, а съ 13 по 22 октября находился въ числѣ геройскихъ защитниковъ Севастополя. За боевыя заслуги его штрафъ, вслѣдствіе бывшаго надъ нимъ суда, былъ прощенъ и возвращены ему всѣ преимущества, кромѣ права на знакъ безпорочной службы [7]); 2-го іюня 1855 г. штабсъ-капитанъ Пальмъ былъ переведенъ въ Замостскій Егерскій полкъ и 19-го января 1857 г. уволенъ отъ службы майоромъ съ мундиромъ.

---

[1]) Высочайшій приказъ 22-го декабря 1849 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ числѣ ихъ были между прочимъ: Достоевскій, Плещеевъ, Пальмъ, Дуровъ, Толь, химикъ Ѳ. Львовъ, гигіенистъ Ахшарумовъ, Головинскій, Момбелли и др.

[4]) Момбелли поручикъ л.-гв. Московскаго полка 27 лѣтъ.

[5]) Григорьевъ поручикъ л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка 25 лѣтъ.

[6]) По амнистіи 1856 г. Петрашевскій отказался отъ помилованія и требовалъ пересмотра своего дѣла. Своимъ безпокойнымъ нравомъ онъ вооружилъ противъ себя Муравьева-Амурскаго, очень гуманно относившагося къ ссыльнымъ.

[7]) Высочайшій приказъ 29-го декабря 1854 г., № 407.

VI.

Литературные вторники у Ив. Ив. Панаева.—Графъ Сологубъ и его вечера.—Фокусникъ Германъ.—Фокусы во дворцѣ.—Воскресенья у графа Толстого.—Художникъ Федотовъ.—Ловкій меценатъ.—Лѣто въ Павловскѣ.—Экспромтъ Панаева.—Скрипачъ Дмитріевъ-Свѣчинъ.—Эпизодъ у него съ наслѣдникомъ цесаревичемъ.—Пріѣздъ графиниСамойловой.—Бальзакъ въ Павловскѣ.

Какъ я уже говорилъ, по сосѣдству съ нами въ домѣ Димерта жилъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ, который положилъ въ своемъ домѣ начало кружку интеллигентнаго товарищества, членами котораго являлись выдающіеся представители нашей родной литературы, изъ которыхъ многіе обезсмертили свое имя и стали гордостью Россіи. Бѣлинскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Кольцовъ, Боткинъ, Краевскій, позднѣе и Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій и многіе другіе, менѣе крупныя звѣзды нашего литературнаго міра, стали собираться у Ивана Ивановича, а каждую недѣлю по вторникамъ у него составлялись литературные вечера, которые охотно посѣщались пріятелями Панаева, приводившими съ собою нерѣдко новыхъ лицъ, заслуживавшихъ чѣмъ-нибудь особеннаго вниманія. Между этими новичками были и начинающіе литераторы, и музыканты, и художники, однимъ словомъ, люди, обладающіе какимъ-либо артистическимъ талантомъ. Вечера носили на себѣ скромный, но задушевный характеръ, гостямъ разносили чай, велись оживленныя бесѣды на разныя темы, и наконецъ Иванъ Ивановичъ самъ читалъ что-нибудь новое изъ своихъ произведеній, еще не поступившихъ въ печать, а иногда давалъ ихъ прочесть одному изъ лучшихъ чтецовъ, а самъ со вниманіемъ вслушивался въ каждое слово, дѣлая время отъ времени вполголоса замѣчанія самому себѣ и отмѣчая на бумажкѣ карандашомъ о встрѣчавшихся ошибкахъ. Кромѣ его произведеній, читалось многое также и другихъ авторовъ.

Самъ Панаевъ читалъ хорошо, съ ясной интонаціей, соблюдая чуть не въ голосахъ разговорную рѣчь; слушать его было истинное удовольствіе. Напримѣръ, я слышалъ, какъ онъ прочелъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» Гоголя и его же «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича», это было до такой степени реально прочитано, что я, даже придя домой, сдѣлалъ набросокъ такъ и носившихся передъ моими глазами типовъ, созданныхъ геніемъ Гоголя.

Изъ произведеній Ивана Ивановича я слышалъ, какъ онъ прочелъ свой переводъ трагедіи Шекспира «Отелло», которая была поставлена впослѣдствіи въ Александринскомъ театрѣ. Сахаровъ читалъ свои народныя пѣсни и т. д. Театральный міръ также не былъ чуждъ дома Ивана Ивановича; благодаря постановкѣ своей пьесы на сценѣ, онъ вошелъ въ тѣсное общеніе съ первоклассными актерами русской сцены, и они охотно бывали у него. Встрѣчалъ

я не разъ на вторникахъ у Панаева Самойлова, Максимова, Брянскаго и Ивана Ивановича Сосницкаго, а изъ лицъ музыкальнаго міра помню Михаила Ивановича Глинку, Варламова, творца всѣмъ извѣстныхъ романсовъ, и знаменитаго тогда баса Петрова.

Можно себѣ представить, какія интересныя группы составлялись на этихъ панаевскихъ вечерахъ и какой потокъ глубокихъ мыслей, тенденцій и остроумія переливался изъ одного конца этой густо набитой народомъ квартиры въ другой. Обыкновенно самая густая толпа мужчинъ собиралась въ кабинетѣ у хозяина, куда имъ и подавалась закуска, а дамы держались около матери Ивана Ивановича, Маріи Екимовны, и принимали участіе въ общемъ собраніи, когда читалось что-либо общедоступное; но дамскаго элемента на этихъ вечерахъ было очень немного,

Большинство посѣтителей панаевскихъ вторниковъ бывали и у насъ, и я съ восторгомъ встрѣчалъ этихъ дорогихъ гостей, искренне счастливый, что судьба меня толкнула въ такую плеяду, отъ которой я хваталъ все, что могъ, съ жадностью голоднаго волка, какъ бы предвидя, что скоро-скоро это блестящее общество, подъ гнетомъ суровой судьбы, будетъ разбито магическимъ veto и разметано во всѣ стороны житейскаго моря.

Въ числѣ посѣтителей панаевскихъ вечеровъ былъ также извѣстный писатель, графъ Владиміръ Александровичъ Сологубъ. Это былъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей того времени, оставившихъ прекрасную о себѣ память среди близкихъ ему. Владиміръ Александровичъ окончилъ дерптскій университетъ и свою литературную карьеру началъ съ повѣсти «Исторія двухъ галошъ», т. е. «въѣхалъ въ нее въ галошахъ», какъ выражались остряки того времени. Отецъ графа былъ когда-то богатъ, но все свое состояніе промоталъ и оставилъ сына при очень скудныхъ средствахъ, что, однако, не помѣшало ему сдѣлать себѣ блестящую партію. Женился Владиміръ Александровичъ на дочери графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, извѣстнаго мецената и любителя музыки [1]).

Софія Михайловна была родною племянницею Матвѣя Юрьевича Віельгорскаго [2]), который бывалъ у моего отца на его музы-

[1]) Гр. М. Ю. Віельгорскій род. въ 1787 г. Умеръ въ 1856 г. Въ 40-хъ годахъ домъ его являлся сосредоточіемъ артистической жизни, и когда Робертъ Шуманъ со своей женой Кларой въ 1844 г. былъ въ С.-Петербургѣ, то у Віельгорскаго подъ его управленіемъ была исполнена одна изъ знаменитыхъ шумановскихъ симфоній и мн. др. вещей. По совѣту гр. М. Ю. Віельгорскаго, Карлъ Шубертъ устроилъ въ петербургскомъ университетѣ утренніе симфоническіе концерты, которые положили начало Русскому музыкальному обществу.

Б. Тагѣевъ.

[2]) Гр. Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій, одинъ изъ основателей Русскаго музыкальнаго общества, свою богатую библіотеку и инструменты завѣщалъ консерваторіи, а свою знаменитую віолончель Страдиваріуса подарилъ К. Ю. Давыдову; умеръ онъ въ 1863 году. Б. Тагѣевъ.

кальныхъ вечерахъ со своей віолончелью и съ котораго отецъ написалъ извѣстный портретъ.

Поселились молодые Сологубы у своего тестя, гр. Михаила Юрьевича, въ его домѣ на углу Михайловской площади и Итальянской улицы, гдѣ я сталъ довольно часто бывать. Владиміръ Александровичъ частенько заходилъ къ намъ и не разъ высказывалъ свое восхищеніе моими рисунками, приглашалъ меня къ себѣ и наконецъ просилъ меня давать уроки рисованія его женѣ, благодаря которымъ я очень сошелся со всѣмъ семействомъ графа.

Общество, собиравшееся въ салонѣ графа, было крайне смѣшанное, здѣсь были и литераторы, артисты, музыканты, художники, здѣсь же присутствовали и представители высшаго аристократическаго общества. Вечера эти были всегда очень оживленные, и Сологубъ умѣлъ придавать имъ весьма разнообразный и интересный характеръ, пользуясь разновиднымъ элементомъ, составлявшимъ его общество. Кромѣ чтенія, пѣнія и музыки, которое безъ исключенія всѣмъ доставляло истинное удовольствіе, онъ придумывалъ разные сюрпризы, еще болѣе оживлявшіе вечера и придававшіе имъ особенную прелесть, такъ, напримѣръ, однажды, послѣ продолжительнаго чтенія, а затѣмъ цѣлаго отдѣленія концерта, въ огромномъ каминѣ, находившемся въ гостиной графини, былъ пущенъ роскошный комнатный фейерверкъ съ изумительно художественно скомбинированными фигурами. Не было болѣе или менѣе выдающагося лица, прославившагося чѣмъ бы то ни было, которое бы миновало домъ Владиміра Александровича. Такъ, разъ въ числѣ его гостей очутился знаменитый фокусникъ Германъ, слава о которомъ въ то время достигла необычайнаго размѣра, и онъ вскорѣ по пріѣздѣ былъ приглашенъ императоромъ въ Зимній дворецъ.

Это былъ по истинѣ геній въ своемъ искусствѣ и отличался еще отъ прочихъ своихъ собратій тѣмъ, что его не сопровождали ни лабораторія, ни помощники. Онъ всегда выходилъ въ бальномъ костюмѣ, вооруженный лишь своею магической палочкой, и затѣмъ начиналъ показывать по истинѣ чудеса. Не разъ я восхищался этимъ образцомъ ловкости и быстроты, когда онъ демонстрировалъ передъ нами цѣлый рядъ своихъ изумительныхъ фокусовъ.

Во дворецъ онъ пріѣхалъ въ своемъ обычномъ видѣ и вошелъ въ залъ, гдѣ его ждало отборнѣйшее общество, расположившееся амфитеатромъ.

Отвѣсивъ поклонъ передъ царскимъ семействомъ, Германъ протянулъ впередъ магическую палочку, отрекомендовалъ ея чудныя свойства и когда произносилъ послѣднія слова, вдругъ, какъ показалось, изъ конца ея выкатилось довольно большой величины ядро и съ шумомъ упало на полъ. Подавъ его одному изъ ближе сидящихъ, фокусникъ просилъ зрителей удостовѣриться въ томъ, что оно настоящее, и ядро пошло ходить изъ рукъ въ руки.

Лишь только ядро попало обратно въ руки Германа, какъ онъ отступилъ два шага назадъ, быстро повернулся и съ размаха бросилъ его въ одно изъ громадныхъ зеркалъ, украшавшихъ залъ еще со временъ Екатерины II. Зеркало съ трескомъ лопнуло, а на мѣстѣ, въ которое ударилось ядро, образовалось отверстіе. Нѣсколько кусковъ, какъ будто, со звономъ упало на полъ.

Все общество ахнуло, а государь, обращаясь къ фокуснику, сказалъ:

— Однакоже, господинъ Германъ, ваши фокусы должны дорого стоить и если вы будете такъ продолжать, то насъ будутъ окружать развалины.

— Моя наука, ваше величество, не разрушительная,—отвѣтилъ Германъ и, вынувъ платокъ, подошелъ къ зеркалу и сталъ гладить его и дышать на стекло, вставъ для этого на стулъ. Въ залѣ раздались неудержимые апплодисменты, когда магъ повернулся лицомъ къ публикѣ, а отъ отверстія на зеркалѣ не осталось и слѣда.

Да это былъ истинный артистъ того времени, и общество цѣнило въ немъ артиста и охотно принимало его во всѣхъ своихъ слояхъ, какъ гостя.

Изъ артистовъ бывалъ также у графа знаменитый музыкантъ на корнетѣ и веселый собесѣдникъ на ужинахъ Вилье; Варламовъ игралъ и пѣлъ свои романсы. Пѣли и играли также и другіе оперные пѣвцы, драматическіе актеры читали отрывки изъ своихъ ролей. Разсказывались анекдоты въ лицахъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе оживлялся вечеръ и заканчивался великолѣпнымъ ужиномъ.

Такіе же интересные вечера составлялись по воскресеньямъ у вице-президента нашей академіи, извѣстнаго медальера графа Ѳедора Павловича Толстого. Конечно, у него собирались преимущественно художники, но было также много артистовъ и по другимъ отраслямъ искусства и представителей науки и литературы. Какъ и графъ, графиня была также очень образованная, простая въ обращеніи и ласковая хозяйка. Дочь ихъ, красавица Марія Ѳедоровна, вскорѣ вышла замужъ за Павла Павловича Каменскаго, попавшаго въ число ста русскихъ литераторовъ, изданныхъ Смирдинымъ. Съѣзжались къ графу поздно, обыкновенно изъ театровъ или концертовъ, и въ это время, покуда было немного народа, графъ приглашалъ всѣхъ въ бильярдную, гдѣ охотно раздѣлялъ партію съ кѣмъ-либо изъ присутствовавшихъ, оставляя дамъ на попеченіе хозяйки дома. Но вотъ около 12-ти часовъ ночи начинали съѣзжаться гости, и покои графа наполнялись веселымъ говоромъ, смѣхомъ и задушевною бесѣдою. Быстро составлялся импровизованный концертъ, а затѣмъ сами собою завязывались танцы, и скромный вечеръ превращался въ шумный балъ. Извѣстный скульпторъ Рамазановъ, чрезвычайно подвижной и постоянно веселый человѣкъ, то садился играть на роялѣ, то дирижировалъ

танцами и положительно замучивалъ публику своими безконечными котильонами. Веселились мы, что называется, во всю, и старые и молодые одинаково сіяли отъ истиннаго удовольствія. Прекрасный ужинъ, съ обиліемъ вина, затягивался до разсвѣта, послѣ него опять танцы, а затѣмъ поиски шляпъ (тогда шляпы по обычаю не оставлялись въ переднихъ), и утомленные, но довольные гости шумною гурьбою высыпали на улицу.

Вотъ какъ жили въ былое славное время.

На вечерахъ у графа Ѳедора Павловича я познакомился съ Федотовымъ, прославившимся какъ замѣчательный карикатуристъ, или, вѣрнѣе, сатирикъ. Это былъ тотъ самый Федотовъ, бывшій офицеръ лейбъ-гв. Егерскаго полка, который написалъ «Сватовство майора», «Первый крестъ» и многія другія прелестныя вещи. Онъ занималъ маленькую квартирку на Васильевскомъ островѣ, въ которой жилъ со своимъ бывшимъ денщикомъ, оставшимся при немъ послѣ своей службы.

Наружность Федотова была очень симпатична, каріе глаза его добродушно смотрѣли и какъ будто бы все время улыбались, но эта улыбка прикрывала наболѣвшую душу талантливаго человѣка. Волосы были темные, коротко остриженные, руки тонкія, женственныя и на одномъ изъ пальцевъ какой-то перстень. Федотовъ прекрасно игралъ на гитарѣ, пѣлъ очень пріятнымъ баритономъ сочиненные имъ же самимъ куплеты, полные остроумія и сарказма, но никогда въ немъ не было ничего скабрезнаго, кромѣ того, онъ былъ прекрасный разсказчикъ. Бесѣда съ этимъ человѣкомъ была необыкновенно пріятна, онъ былъ веселъ всегда и остроуменъ. Но нелегко досталась Федотову слава первокласснаго художника; работать онъ началъ совершеннымъ диллетантомъ, и только его страстная настойчивость въ направленіи его артистической дѣятельности помогла ему преодолѣть всѣ трудности техники безъ всякой школы и руководителя. Это указывало на его прямую геніальность.

Я часто бывалъ у Федотова, сошелся съ нимъ и часто за стаканомъ чая цѣлыми часами велъ интересную бесѣду. Конецъ бѣднаго товарища былъ ужасенъ: онъ умеръ въ больницѣ душевнобольныхъ съ припадками бѣшенства. Я былъ въ это время уже въ Москвѣ и не могъ навѣщать больного пріятеля. Но художникъ Козловъ, не перестававшій видѣть его, показывалъ мнѣ его фотографическую карточку, изображавшую Федотова въ сумасшедшей рубашкѣ. Видъ этой фотографіи переворачивалъ мою душу.

Чтобы понять, какъ натерпѣлся этотъ геніальный человѣкъ отъ нужды и индифферентнаго отношенія къ нему господъ, эксплоатировавшихъ его талантъ ради своего удовольствія, довольно привести одинъ примѣръ, какъ извѣстный въ свое время меценатъ Прянишниковъ экс-почтъ-директоръ въ Петербургѣ, собрав-

шій большую галерею исключительно русскихъ художниковъ, долго заставлялъ его ждать очень умѣренной суммы за его картины, которыя онъ купилъ для музея, а бѣдный художникъ чуть не съ голоду умиралъ въ это время.

Это обстоятельство могу еще подкрѣпить фактомъ, что и я самъ не получилъ съ него за двѣ головки моей работы, которыя этотъ меценатъ развязно присоединилъ къ своей знаменитой коллекціи, находя, вѣроятно, что я достаточно уже вознагражденъ тѣмъ, что онѣ туда попали. И не мы одни были жертвами этого прекраснаго мецената.

Наступилъ ужасный для Россіи годъ, годъ утраты нашего солнца поэзіи—Александра Сергѣевича Пушкина. Я лежалъ больной воспаленіемъ легкихъ, когда до меня донеслась эта роковая вѣсть, и я, къ великому своему горю, не могъ поклониться его священному праху. Когда я сталъ поправляться, наступила весна, снова потекли ручьи, тронулась рѣка, и заликовала природа, равнодушная къ нашей великой утратѣ, продолжая слѣдовать своему вѣчному закону забвенія и возобновленія.

Опять я провелъ лѣто въ Павловскѣ, куда къ намъ часто изъ Петербурга пріѣзжалъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ; это былъ самый пріятный собесѣдникъ и веселый разсказчикъ, оживлявшій наше довольно однообразное житье. У него всегда было много юмора и умѣнья схватить самыя смѣшныя стороны того лица, о которомъ шла рѣчь, особенно же онъ рѣзко выдѣлялся среди прочихъ разсказчиковъ тѣмъ, что при удачной шуткѣ или остротѣ никогда не смѣялся самъ, тогда какъ окружающіе покатывались со смѣху. Кто умѣлъ еще смѣшить нашу компанію, такъ это Матвѣй Авеличъ Гамазовъ; онъ обладалъ мимическимъ талантомъ и умѣлъ передразнивать какъ людей, такъ и животныхъ; этотъ Гамазовъ впослѣдствіи завѣдывалъ восточнымъ факультетомъ. Мы часто всей компаніей отправлялись на вокзалъ играть на бильярдѣ, и мнѣ припоминается экспромтъ Панаева, когда онъ смотрѣлъ на игру брата Пьера, сражавшагося противъ двухъ моихъ знакомыхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ игралъ, не снявъ своего плаща, а другой былъ во фракѣ. Пьеръ игралъ очень хорошо и обыгрывалъ обоихъ юношей: и вотъ, когда проигрышъ того, который былъ во фракѣ, казался уже несомнѣннымъ, Панаевъ воскликнулъ:

— Увы, старанія во прахѣ, погибъ сей юноша во фракѣ,—а когда очередь дошла и до другого, то Иванъ Ивановичъ продолжалъ свой экспромтъ:

— Увы, старанія вотще, погибнетъ также мужъ во плащѣ!

Съ Иваномъ Ивановичемъ пріѣзжалъ къ намъ также Андрей Александровичъ Краевскій, тогда еще молодой, и оба они ухаживали за гостившими у насъ дочерьми актера Брянскаго. Краевскій за старшей Анной, а Панаевъ за младшей Авдотьей Яковлев-

ной; оба они впослѣдствіи и поженились на нихъ. Больше я зналъ младшую, да она и чаще пріѣзжала къ намъ. Это была очень симпатичная, но при томъ и крайне наивная дѣвушка, образованіе она получила весьма ограниченное, но ея природный умъ пополнялъ этотъ пробѣлъ, и она была всегда интересною собесѣдницею. Иванъ Ивановичъ Панаевъ понялъ, что изъ нея можно сдѣлать умную подходящую для себя подругу и, женившись на ней, настолько развилъ ее, что эта наивная простушка превратилась въ извѣстную писательницу и печатала свои повѣсти и романы подъ псевдонимомъ Станицкаго. То время, когда она была окружена плеядою самыхъ умныхъ и даровитыхъ людей, какъ: Некрасовъ, Бѣлинскій, Фетъ, Жемчужниковъ, Салтыковъ и др., положило начало ея извѣстнымъ мемуарамъ той безконечно интересной эпохи.

Вечера мы проводили на музыкѣ, а тутъ еще предстояло одно развлеченіе, о которомъ я не могу умолчать, такъ какъ оно касается лица, имѣющаго право на названіе историческаго. Это былъ нѣкто Дмитріевъ-Свѣчинъ [1])—человѣкъ замѣчательный. Въ одно и то же время онъ былъ талантливѣйшій артистъ-скрипачъ, и его имя должно остаться въ лѣтописяхъ музыкальнаго міра, а также совершеннѣйшій дуракъ, просто феноменъ этого рода. Этотъ человѣкъ не имѣлъ ничего, жилъ уроками, но такъ какъ талантъ его былъ настолько блестящъ, что не могъ быть не замѣченнымъ, то онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи большой успѣхъ и, кромѣ того, часто выступалъ въ концертахъ. Во время одного изъ такихъ концертовъ онъ познакомился съ талантливою піанисткой, дочерью нѣкоего Миллера, и вотъ однажды послѣ грома апплодисментовъ и похвалъ, расточаемыхъ публикой обоимъ счастливцамъ, юный скрипачъ не выдержалъ наплыва нѣжнаго чувства, брякнулся на колѣни передъ талантливой артисткой и положилъ свою скрипку къ ея ногамъ. Эффектъ былъ поразительный, а публика разразилась апплодисментами. Съ той поры они стали считаться женихомъ и невѣстой.

Однако три года прошло съ этого счастливаго момента, а о бракосочетаніи не было и помину—остановка была за недостаткомъ средствъ, какъ у жениха, такъ и у невѣсты. Наконецъ Марія Павловна Сумарокова, всеобщая любимица въ Павловскѣ и хлопотунья, до страсти любившая устраивать приличныя свадьбы, явилась на помощь двумъ любящимъ сердцамъ. Она открыла подписку на большой концертъ съ танцами, имѣвшій быть на вокзалѣ. Подписка имѣла колоссальный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что поджидали прибытія на этотъ вечеръ его высочества наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Но что вышло изъ этого лестнаго посѣ-

---

[1]) Незаконный сынъ Дмитріева-Свѣчина.

щенія? Какъ сумѣлъ воспользоваться имъ для своего будущаго нашъ талантливый артистъ?

Залъ былъ великолѣпно освѣщенъ; среди публики преобладалъ аристократическій элементъ. Концертъ шелъ блестяще, и съ каждымъ номеромъ бенефиціантъ исполнялъ свои аріи все лучше и лучше. Къ послѣднему отдѣленію пріѣхалъ наконецъ наслѣдникъ, и дѣйствительно его высочество прибылъ какъ разъ къ самому торжеству счастливаго артиста; это отдѣленіе проведено было имъ восхитительно.

Однако успѣхъ такъ отуманилъ бенефиціанта, что съ нимъ сдѣлалось что-то необычайное; онъ началъ ломаться и небрежно отвѣчать полусловами на поздравленія и выраженія своихъ восторговъ публики.

— Когда же ваша свадьба?—спросила его извѣстная красавица Свистунова.

— Право, не знаю,—отвѣчалъ онъ небрежнымъ тономъ:—заказаны многія вещи, отдѣлывается квартира... ужъ эти мастеровые всегда заставляютъ себя ждать...

Несмотря на то, что въ залѣ даже было жарко, онъ надѣлъ сверхъ фрака осеннее двубортное пальто, не стѣсняясь присутствіемъ наслѣдника цесаревича, бывшаго тутъ же и въ мундирѣ; его высочество уже приблизился къ нему, чтобы сказать артисту для поощренія что-нибудь лестное.

Выразивъ сожалѣніе, что опоздалъ къ началу концерта и поблагодаривъ артиста, наслѣдникъ вдругъ замѣтилъ, что бенефиціантъ былъ въ пальто.

— Здоровы ли вы?—озабоченно спросилъ наслѣдникъ цесаревичъ.

— Ничего, ваше высочество, я чувствую себя хорошо; вы это меня спросили, вѣроятно, потому, что я въ пальто,—вдругъ прибавилъ онъ:—такъ это я нарочно сдѣлалъ, чтобы не простудиться.

Въ это время раздались звуки вальса, и танцы начались. Великій князь пересталъ уже говорить съ бенефиціантомъ и повернулся къ нему бокомъ, поглядывая на танцующихъ, какъ вдругъ нашъ артистъ уже самъ затѣялъ бесѣду съ великимъ княземъ, что ужъ совсѣмъ не допускалось придворнымъ этикетомъ.

— Отчего вы не танцуете?—спросилъ онъ наслѣдника.

Великій князь оглянулся, съ улыбкою посмотрѣлъ на артиста и снисходительно отвѣтилъ:

— Не желаю.

Но нашъ бенефиціантъ не угомонился:

— Вѣдь вы такъ молоды,—опять обращаясь къ наслѣднику, сказалъ онъ:—сколько вамъ лѣтъ?

Тутъ уже его высочество совсѣмъ отвернулся отъ него, и на лицѣ его вспыхнула досада, а взглядъ его, казалось, говорилъ: «справьтесь въ календарѣ».

Послѣ этого наслѣдникъ цесаревичъ сейчасъ же уѣхалъ, а за нимъ разъѣхались и всѣ болѣе сановные гости.

Вотъ чему я былъ лично свидѣтелемъ и невольно вспомнилъ утонченную бесѣду Булгакова съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, гдѣ тонкій умъ нахала и изысканная манера обращенія такъ блестяще достигли желаемыхъ результатовъ.

Крупнымъ явленіемъ въ концѣ этого лѣта было возвращеніе изъ-за границы графини Самойловой. Она появилась на вокзалѣ съ цѣлой свитой красавцевъ итальянцевъ и французовъ; на видъ графиня казалась довольно перезрѣлой, но глаза ея отличались поразительной красотою. Ея сочныя уста, вздернутый носъ и выраженіе лица какъ будто говорили: «Je me fiche de l'opinion du monde».

Также однажды вечеромъ на музыкѣ появился знаменитый Бальзакъ въ какой-то большой сѣрой курткѣ и большой соломенной шляпѣ изъ итальянской соломы, съ физіономіей, довольно скучающей.

Въ этотъ пріѣздъ его въ Россію ему какъ-то не оказали подобающаго вниманія, онъ не былъ принятъ во дворцѣ, а слѣдовательно, и въ болѣе богатыхъ и знатныхъ домахъ, и бѣдный Бальзакъ утѣшалъ себя тѣмъ, и говорилъ даже объ этомъ своимъ друзьямъ, что все это невниманіе къ нему произошло оттого, что незадолго до его пріѣзда въ Петербургѣ былъ Кюстинъ, который за оказанный ему почетъ и гостепріимство отблагодарилъ русскій дворъ тѣмъ, что напечаталъ по возвращеніи во Франціи по его адресу пасквиль въ самомъ несдержанномъ тонѣ.

Вотъ что сказалъ Бальзакъ по этому поводу: «j'ai reçu le soufflet, qui a été destiné à Custine». (Я получилъ пощечину, назначенную Кюстину).

П. П. Соколовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЯШЕНЬКА-МОЛЧАЛЬНИКЪ.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

I.

КАКЪ СЕЙЧАСЪ я смотрю на этого страннаго, величественнаго старика. Вмѣстѣ съ другими впечатлѣніями дѣтства запало въ память представленіе о немъ, но онъ, милый сѣдой старикъ, занялъ въ этихъ представленіяхъ какое-то особое большое мѣсто.

Таинственная, поэтически-красивая дымка окружала его образъ въ тѣ времена, когда я набирался первыхъ впечатлѣній жизни. Жизнь протянулась, какъ большой свитокъ бумаги, разнообразно исписанный и раскрашенный, и все же самымъ яркимъ образомъ остался все тотъ же величественный сѣдой старикъ, Яшенька-Молчальникъ, странный и непонятный человѣкъ, внушающій страхъ и симпатію.

Въ немъ была какая-то особая краса,—краса нашихъ глухихъ степныхъ помѣстій, маленькихъ городковъ, селъ и деревень, утопающихъ въ суровую зиму въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ. Представленіе о Яшенькѣ почему-то неразрывно сцѣпляется въ памяти именно съ этими глубокими снѣжными сугробами, по которымъ въ буранныя ночи носится воющая мятель, а въ ночи лунныя—серебрится и переливается разноцвѣтными огнями ровный коверъ снѣговъ.

Онъ былъ совсѣмъ-совсѣмъ сѣдой, съ большой бѣлой бородой и съ длинными бѣлыми волосами, какъ у дряхлыхъ священниковъ. И зиму и лѣто онъ носилъ длинную бѣлую рубаху, напоминавшую женскую сорочку, но только значительно ниже колѣнъ и съ закрытымъ воротомъ.

Онъ и самъ представлялся мнѣ снѣжнымъ человѣкомъ—человѣкомъ изъ чистаго снѣга, который никогда не растаетъ. Какъ символъ какой-то, символъ той, давно прошедшей глухой жизни провинціи, представлялся мнѣ онъ въ юности, да и теперь его образъ еще стоитъ предо мною призракомъ суровой зимы нашей жизни.

Помнится, и я, и братъ, и всѣ наши сверстники, мы боялись Яшеньки и вмѣстѣ съ тѣмъ мы любили его какой-то странной любовью. Намъ представлялся онъ не человѣкомъ, потому что тѣхъ, кого мы боялись, мы не любили,—а какимъ-то особеннымъ существомъ, выше человѣка или внѣ рамокъ представленія о человѣкѣ.

II.

Прошлое Яшеньки отнюдь не загадочное. Напротивъ, вся его жизнь прошла на глазахъ его сверстниковъ. Бабушка моя, напримѣръ, знала его юношей, знатнымъ и богатымъ человѣкомъ, чуть ли не на весь уѣздъ.

— Андрея Еиѳмовича Росткова знала я хорошо,—говорила бабушка:—богатый былъ баринъ, но извергъ и смутьянъ на всю губернію!

— А кто этотъ Андрей Ефимовичъ Ростковъ?—спрашиваемъ мы.

— А это—отецъ Яшеньки...

— А развѣ его отецъ былъ помѣщикъ?—съ недоумѣніемъ въ глазахъ переспросилъ братъ.

— Да, богатый и знатный... Но только память по себѣ онъ оставилъ дурную.

Это сообщеніе бабушки повергло меня въ печаль. Почему-то мнѣ казалось, что Яшенька изъ мужиковъ. Его наружность говорила за это, да, кромѣ того, почему-то мнѣ хотѣлось думать, что Яшенька сынъ деревни, утопавшей въ снѣгахъ въ зимнюю пору.

Мнѣ часто представлялась такая картина.

Суровая снѣжная зима. Оголенные, печальные лѣса утопають въ снѣгахъ, бѣлый пологъ снѣга лежитъ и на поляхъ, подъ бѣлыми саванами схоронились всѣ села, деревни, нашъ маленькій уѣздный городъ и гостепріимная усадьба уѣзда... Вдругъ темной ночью поднялась, заголосила снѣжная буря. Съ ревомъ и визгомъ пронеслись по полю громадные, крутящіеся валуны снѣга. Лѣсъ загудѣлъ угрожающе, таинственно, застонала степь, и испуганно зарыдали крошечныя хатки деревень и еще глубже спрятались

за бѣлые снѣжные саваны. Въ волнующейся кисеѣ мятели, съ гиканьемъ, съ посвистомъ, и грохотомъ явился откуда-то сѣдой старикъ съ большой бѣлой бородою, съ большими бѣлоснѣжными волосами и въ длинномъ бѣломъ хитонѣ. Всталъ онъ изъ-за лѣса величественнымъ и громаднымъ, простеръ изъ темноты ноги, большія бѣлыя руки и зашагалъ по полямъ и чрезъ лѣса, чрезъ горы, села, деревни и города.

Воющая и стонущая буря зимы родила бѣлаго Яшеньку. Онъ не человѣкъ, а больше человѣка! Онъ призракъ величественнаго, таинственнаго существа. Онъ пришелъ внушить людямъ страхъ и любовь! И мы должны бояться и любить, потому что онъ не человѣкъ, а другое—таинственное, неземное существо, съ мистическимъ страхомъ въ глазахъ и съ горячей любовью въ сердцѣ.

Я разсказалъ бабушкѣ о своихъ представленіяхъ. Она погладила меня по головѣ, поцѣловала и сказала:

— Ты говоришь, что снѣжная буря родила Яшеньку? Это ты хорошо сказалъ, образно. Но только не изъ снѣжной бури родился Яшенька, а изъ бури жизни.

— Какъ это, бабушка?—въ одинъ голосъ воскликнули мы съ братомъ, не ясно представляя себѣ тотъ, другой образъ, туманно зарисованный бабушкой.

— А такъ, други мои, изъ бури жизни! Бурно прожилъ Яшенька свою молодость и много грѣха принялъ на душу, много людей перегубилъ... а потомъ... Вотъ, вы на морѣ не бывали и не знаете... Вотъ и слушайте, что я разскажу.

Мы ближе придвинулись къ бабушкѣ и притаили дыханіе, а старая, милая разсказчица продолжала:

— Когда море волнуется въ бурю, по нему ходенемъ ходятъ большія волны. И выбрасываютъ тѣ волны на морской берегъ бѣлую пѣну. И долго лежитъ та пѣна на песчаныхъ отмеляхъ и, какъ живая, дышитъ, когда надъ нею носится вѣтеръ. И зовутъ ту пѣну моряки-рыболовы «морскимъ дѣтищемъ». А когда отплываютъ на промыселъ, то берутъ ту пѣну, моютъ ею и руки, и лицо, и грудь, и плывутъ на суденышкахъ безбоязненно. А когда спросишь стараго рыбака: «для чего, молъ, ты, дѣдушка, это дѣлаешь?»—«А для того,—скажетъ:—что теперь вотъ я побратался съ «морскимъ дѣтищемъ» и сталъ ему какъ бы братъ родной, а море-то теперь приходится мнѣ матерью родной. Пожалѣетъ она меня, какъ своего родного сына, а пожалѣвши—вскормитъ, это значитъ добычей не обидитъ... а вскормивши—и отъ погибели убережетъ».

Глаза бабушки расширились и потемнѣли, а лицо стало точно помолодѣвшимъ и вдохновеннымъ. Она продолжала:

— Такъ-то вотъ, други мои, умоютъ себѣ рыбаки пѣной морскою лицо, руки и грудь и плывутъ въ море безъ опаски, а на берегъ возвращаются съ добычей... Такъ точно вотъ и Яшенька,

какъ пѣна морская... Только ужъ тутъ выходитъ такъ, что вмѣсто моря-то надо разумѣть жизнь, бурную, какъ море... И вотъ эта жизнь и выбрасываетъ изъ своихъ волнъ такихъ вотъ, какъ Яшенька, юродивыхъ людей, безсребренниковъ и любвеобильныхъ братьевъ всему человѣчеству. И зовутъ ихъ у насъ «по старинѣ» пѣной жизни, рожденной бурными волнами житейскаго моря-океана... Надо любить ихъ, какъ братьевъ родныхъ, и тогда жизнь будетъ вамъ какъ родная мать, а не злая ворчливая мачеха.

— Бабушка! Но, вѣдь, Богъ велитъ любить не однихъ юродивыхъ, но и всѣхъ людей, какъ братьевъ!—воскликнулъ братъ.

— И-и... голубчикъ! Богъ-то велитъ, а развѣ мы это исполняемъ? Куда ужъ тамъ всѣхъ-то любить, вѣрно, это не по сердцу человѣческому... Хорошо, если мы будемъ любить вотъ такихъ, какъ Яшенька, сирыхъ и безпріютныхъ, погрѣшившихъ на своемъ вѣку и раскаявшихся.

III.

Бурное это прошлое и страшное, какъ гроза ночью. Люди жили и не знали, что дѣлаютъ: говорили о Богѣ, призывали и другихъ служить Ему, а сами поклонялись дьяволу и жили для своихъ необузданныхъ утѣхъ.

— Въ этомъ грѣхѣ жили почти всѣ помѣщики того времени,— поясняла бабушка свои загадочныя слова.—Жили въ свое удовольствіе, а крестьяне назывались крѣпостными и работали на помѣщиковъ. Это бы ничего,—что сдѣлаешь, если жизнь такъ сложилась. Но вотъ что худо: помѣщики обижали крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ, и почитай что и за людей-то ихъ не считали. Отецъ Яшеньки, Андрей Ефимовичъ Ростковъ, жилъ богато и знатно. И было у него два сына да дочь, а жена-то у него умерла: руки на себя наложила... И съ тѣхъ поръ стали подтачивать ихъ жизнь разныя несчастія. Старшій братъ Яшеньки... Николаемъ, кажется, прозывали... ужъ забыла... Ну, такъ вотъ, старшій-то братъ Яшеньки утонулъ, а сестра вышла замужъ за помѣщика Глумилина, а тотъ ее собственными руками и пристрѣлилъ. Жестокій былъ человѣкъ!

— А за что пристрѣлилъ-то?—перебиваемъ мы разсказчицу.

— А Богъ знаетъ за что! Никто не узналъ про то. Говорили, что нечаянно. Вмѣстѣ они на волковъ въ облаву ходили и били звѣрей пулями, а потомъ, видите ли, какой грѣхъ случился, одна пуля и попала въ жену помѣщика Глумилина. Какъ это случилось— Богъ вѣсть! Можетъ, и случайность, а можетъ, и нарочно самъ Глумилинъ застрѣлилъ свою жену. Люди разное говорили въ то время, всего не разберешь и не поймешь...

Бабушка говорила таинственнымъ голосомъ, и мы чувствовали, что она чего-то не договариваетъ, но уже не разспрашивали. Потомъ, когда мы выросли, бабушка созналась, почему она тогда не все договаривала.

— Боялась омрачить ваши дѣтскія души, вотъ не все и договаривала... Много ужасовъ разныхъ видѣла я на своемъ вѣку! Лучше ужъ и не вспоминать о нихъ: были и быльемъ поросли.

Я старался зарисовать въ своемъ представленіи образъ убитой жены помѣщика Глумилина, и эта невѣдомая женщина представлялась мнѣ мученицей. И я спрашивалъ самого себя: за что ее убили? Что она сдѣлала? Пусть если и виновата—зачѣмъ же убивать? Въ дѣтскіе годы жизнь представлялась мнѣ раемъ. Когда говорили о раѣ, мнѣ хотѣлось думать, что люди говорятъ о жизни. А жить такъ хорошо! Зачѣмъ же обрывать эту жизнь, какъ струну? Натянута струна—и поетъ она, если ее тронуть. Оборви струну—и она перестанетъ пѣть...

Я размышлялъ о жизни, а бабушка продолжала свой разсказъ:

— Потосковалъ, потосковалъ Андрей Ефимовичъ Ростковъ послѣ лютой смерти дочери, а потомъ вскорѣ и самъ Богу душу отдалъ. Умеръ Андрей Ефимовичъ тоже такъ, точно небо его наказало за всякія прегрѣшенія: громомъ-молніей его убило!

Мы даже вздрогнули при этихъ словахъ бабушки. Какъ-то особенно она сказала: «громомъ-молніей его убило!» А бабушка продолжала:

— Поѣхалъ Андрей Ефимовичъ въ поле, гдѣ рожь жали. И было это въ Ильинъ день, въ праздникъ. А въ Ильинъ день у насъ мужики праздновали, потому—въ селѣ Глумилинѣ церковь построена во имя пророка Иліи. Въ Ростковкѣ у нихъ была и своя церковь, во имя Преображенія Господня. Но мужики чтили и глумилинскаго святого, Илію, потому—грозенъ онъ, святой пророкъ! Говорили мужики Андрею Ефимовичу: «молъ, не надо бы сегодня работать—грѣхъ!» А Андрей Ефимовичъ былъ баринъ суровый, ему чтобы ни однимъ словомъ не перечить. «Ка-акъ, грѣхъ?» Разсердился—и всѣхъ мужиковъ выгналъ въ поле рожь жать. Работали, конечно, плохо, потому—какая же работа изъ-подъ палки. Работаютъ, да и посматриваютъ на небо—боятся. А по небу-то тучки ходятъ, да все густѣютъ и густѣютъ. Смотрятъ на небо и думаютъ: «быть грозѣ!» А день былъ душный... Извѣстно, народъ былъ темный и вѣрилъ въ разные вздорные разсказы. Загремитъ на небѣ громъ, блеснетъ молнія, а люди темные говорятъ: «это Илья пророкъ въ огненной колесницѣ по небу поѣхалъ и пускаетъ стрѣлы въ грѣшную землю». Вздоръ, конечно, все это! Потому—молнія и громъ происходятъ отъ электричества. Не сумѣю я вамъ хорошо-то объяснить, какъ это происходитъ. Погодите вотъ, подрастете, и учителя вамъ объяснять.

— Пріѣхалъ въ ржаное поле Андрей Ефимовичъ и давай всѣхъ мужиковъ да бабъ бранить, а кто перечилъ—того ногайкой похлесталъ, и больно похлесталъ, а кого и окровянилъ. Собралась черная туча на небѣ, собралась, нахмурилась, да и пошла на землю проливнымъ дождемъ. А тутъ заблистала молнія и загрохоталъ громъ. Пустился Андрей Ефимычъ скакать домой на своемъ кровномъ рысакѣ... скакалъ, скакалъ, а тутъ — молнія его и хвать! Въ самую голову! Упалъ — и бездыханенъ! Почернѣлъ весь... А народъ собрался около почернѣвшаго барина и говоритъ: «наказалъ Господь, послалъ своего пророка святого Илію и поразилъ онъ грѣшника огненною стрѣлой!» Схоронили Андрея Ефимовича честь-честью, потому—народъ, видя его смерть отъ руки Господа, простилъ ему всякія его прегрѣшенія. И остался на бѣломъ свѣтѣ сынъ его Яковъ одинъ-одинешенекъ, безъ призора да безъ добраго совѣта. Видѣлъ, что отецъ дѣлалъ, какъ живъ былъ, и самъ давай то же дѣлать.

IV.

— Яковъ Андреевичъ Ростковъ,—продолжала разсказывать бабушка,—жилъ въ своемъ имѣньи. А наша усадьба была недалеко отъ Ростковки-то, всего версты за полторы, черезъ лѣсъ да черезъ рѣчку Ростковку. Самъ Яковъ Андреичъ остался въ памяти моей съ того дня, когда появился въ деревнѣ. А обучался онъ до этого времени въ Дворянскомъ полку и хотѣли его сдѣлать военнымъ человѣкомъ. Ужъ не знаю, для чего старикъ Ростковъ отдалъ его въ ученіе: съ малолѣтства у него не было охоты къ ученью. Баловникомъ онъ какимъ-то росъ, да такъ баловникомъ на всю жизнь и остался. И изъ Дворянскаго-то полка его выслали къ отцу за какую-то провинность: на, молъ, получай своего птенчика, Андрей Ефимовичъ, потому — больно коготки остренькіе у него отрастилъ. Пріѣхалъ онъ тогда въ деревню оболтусомъ и было ему не больше семнадцати лѣтъ. Пріѣхалъ—и перво-на-перво спалилъ бороду у бурмистра Агаѳона. «Чтой-то,—говоритъ,—у тебя больно борода-то огненная?» Рыжій Агаѳонъ-то былъ. И подпалилъ Агаѳону бороду. Поплакалъ-поплакалъ Агаѳонъ о своей бородѣ, а что сдѣлаешь? «Ты,—говоритъ,—старая крыса, долженъ стоятъ предо мной, какъ солдатъ, на вытяжку!» А гдѣ же старому человѣку тянуться: спина свое беретъ, да и годы-то на плечахъ какъ пудовыя гири... А потомъ, прошло немножко времени, опять разсердился онъ на Агаѳона, да и давай хлестать его по головѣ да по лицу. «Отецъ,—говоритъ,—мнѣ въ наслѣдство нагайку оставилъ, и буду я той нагайкой обучать васъ». Обучалъ, обучалъ нагайкой-то, да и захлесталъ Агаѳона на смерть! Первое душегубство совершилъ, а тамъ и пошелъ дѣла дѣлать, и пошелъ, и пошелъ...

Бабушка смолкла, посмотрѣла на насъ слезящимися глазами, съ неспокойнымъ взоромъ и тяжело вздохнула. Какъ будто изъ ея воспоминаній прошлаго всталъ страшный образъ Якова Росткова и заставилъ ее замолчать. Тѣни былого и страшнаго не всегда можно безпокоить безнаказанно. Мнѣ и самому казалось, что образъ юнаго помѣщика съ окровавленными руками всталъ изъ глубокихъ темныхъ угловъ комнаты и подошелъ вплотную и точно привалился къ душѣ.

— Такъ-то, други мои, онъ и началъ свою молодую жизнь. Сколько народа перепортилъ: ни старикамъ, ни дѣтямъ онъ него пощады не было. И стонали тогда наши ростковскіе пахари, да и помѣщикамъ-то сосѣднимъ, особенно изъ небогатыхъ да изъ мелкопомѣстныхъ, спуску не давалъ. Отца моего боялся, потому—онъ сумѣлъ его обуздать. А вотъ Егорьевскіе да Глумилины, опять же Овсяниковы—такъ тѣ имъ разорены... И такъ жилъ онъ до двадцати пяти лѣтъ, а потомъ вдругъ и пропалъ. Всю губернію на ноги поставили, искали Якова Росткова. Думали, ужъ не пристукнулъ ли его кто-нибудь изъ мужиковъ или изъ помѣщиковъ. Имѣнье взяли подъ опеку, а тутъ, какъ снѣгъ на голову, вдругъ пріѣхала изъ Твери сестра его двоюродная, Пелагея Саввична Росткова. Молоденькая такая барынька... фамилія-то ея ужъ не Росткова была, а Сущинская. Пріѣхала, да и заявила: молъ, моя Ростковка теперь, потому Яковъ Андреичъ ее подарилъ мнѣ. «А гдѣ, —спрашиваемъ,— Яковъ-то Андреичъ?»—«А онъ,—говоритъ,—подарилъ мнѣ всѣ свои лѣса и земли, а самъ ушелъ на Аѳонъ и въ монахи поступилъ». Лѣтъ десять такъ прошло, и никто объ Яковѣ Андреичѣ ничего не слышалъ. Вдругъ является, сѣдой весь да старый, и не говоритъ, точно языкъ у него вырѣзали. А потомъ мы уже черезъ аѳонскихъ монаховъ узнали, что Яковъ Андреичъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія. Молчальниками такіе люди называются.

V.

Помнится, было уже далеко за полночь, когда бабушка оборвала разсказъ на этомъ мѣстѣ и сказала:

— Ну, други мои, идете спать, а объ остальномъ я ужъ разскажу вамъ потомъ какъ-нибудь...

Пошли мы въ дѣтскую и долго не могли заснуть въ эту ночь. Братъ мой, впрочемъ, скоро заснулъ, а я не могъ сомкнуть глазъ и все думалъ о Молчальникѣ. Я не могъ себѣ представить, какъ же это такъ: человѣкъ обрекаетъ себя на вѣчное молчаніе. Если бы мнѣ зажали ротъ,—думалъ я,—я, конечно, не могъ бы говорить, но молчать такъ, по доброй волѣ, молчать и чувствовать, что тебѣ никто не мѣшаетъ говорить и никто не затыкаетъ тебѣ рта—такой жизни я не могъ себѣ представить. Потомъ я попросилъ бабушку разсѣять мое дѣтское недоумѣніе, и она сказала:

— Это, другъ мой, великій подвигъ! Не всякій человѣкъ способенъ на такое отрѣшеніе отъ міра. Люди съ большой волей могутъ налагать на себя такой крестъ покаянія и смиренія. Много нагрѣшилъ Яковъ Андреичъ, а потомъ дошелъ до бездны грѣховной и увидѣлъ тьму своей жизни. Увидѣлъ—и замкнулъ уста, раскрывши свою душу предъ престоломъ Высшаго Судіи. «Прими, молъ, Господи, мою душу и суди! Окаянныя уста мои безмолвны и на хулу и на оправданіе передъ тобою и на просьбу о твоей милости!»

— И жилъ Яковъ Андреичъ въ усадьбѣ двоюродной сестры своей, а поселился-то не гдѣ-нибудь въ хоромахъ, а въ старенькой банѣ. И цѣлые дни, бывало, молится, а ночь придетъ—выйдетъ въ поле, да и бродитъ бѣлымъ призракомъ. Съ этихъ поръ онъ и сталъ носить хитонъ, вродѣ какъ бы женская сорочка, а отъ обуви отказался. И—дивное дѣло! Морозъ точно боялся его: холодъ, бывало, страшный, а онъ идетъ по снѣгу—и хоть бы что. Такъ-то вотъ по ночамъ онъ и бродилъ по полямъ и въ разныхъ мѣстахъ становился на колѣни и все молился... Точно просилъ сырую землю: молъ, согрѣшилъ я предъ тобою, сыра земля, полилъ тебя и пòтомъ, и слезами, и кровью человѣческою, а теперь каюсь предъ тобою и молю тебя—прости меня, грѣшнаго.

Часто видѣли его на могилкѣ Агаѳона. Придетъ на могилку, станетъ на колѣни и молится на почернѣвшій крестъ и молитъ душеньку убіеннаго Агаѳона, чтобы душенька мученика предстала предъ престоломъ Всевышняго и молила за него, убійцы, грѣхи тяжкіе... Народъ простилъ Якову Андреичу всѣ его прегрѣшенія и сталъ называть его Яшенькой, какъ ребенка какого. Въ имени-то этомъ и смягчилъ всю свою былую злобу.

VI.

Первый разъ въ жизни я увидѣлъ Яшеньку задолго до разсказа бабушки.

Это случилось въ нашемъ городскомъ домѣ утромъ въ какой-то большой праздникъ. Случайно вышелъ я въ залъ и увидѣлъ сѣдого старика въ бѣломъ хитонѣ. Сидѣлъ онъ въ переднемъ углу на стулѣ, около маленькаго овальнаго столика, а около него сидѣлъ мой дѣдъ, Иванъ Данилычъ, семидесятилѣтній старикъ. Дѣдъ мой плохо видѣлъ, жаловался на слабость зрѣнія и въ ясные дни носилъ «дымчатые куляры» съ сѣткой.

А въ это утро въ окна свѣтило яркое зимнее солнце, и оба старика, сидѣвшіе въ яркихъ лучахъ бѣлаго свѣта, показались мнѣ привидѣніями. Я пріостановился въ дверяхъ зала, вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ чашку жидкаго чая, которую несъ по порученію бабушки въ залъ. Я не зналъ, кому предназначалась эта чашка, и, если

бы бабушка сказала, кто сидитъ въ залѣ, можетъ быть, я ослушался бы ея приказанія.

— Васенька, что ты сдѣлалъ!—окрикнулъ меня дѣдъ и поднялся съ кресла.

Я стоялъ съ опущенными глазами, дрожалъ и боялся взглянуть въ сторону бѣлаго гостя. Дѣдушка подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за плечи и повелъ къ переднему углу зала.

— Иди, извинись передъ дорогимъ гостемъ, а потомъ пойди и принеси другую чашку...

Бѣлый гость какъ-то странно замычалъ и нѣсколько разъ поманилъ меня къ себѣ жестомъ руки. Я подходилъ не по доброй волѣ, а подталкиваемый дѣдушкой. Я подошелъ къ бѣлому гостю съ опущенными глазами и сконфуженный.

Онъ взялъ мою руку и поцѣловалъ ее два раза, а потомъ быстро поднялся, быстро же опустился на колѣни и поклонился мнѣ въ ноги, и опять поднялся и сѣлъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Можетъ быть, и мнѣ слѣдовало бы поцѣловать ему руку и поклониться въ ноги. Я не зналъ и стоялъ, какъ закостенѣвшій.

Бѣлый гость промычалъ что-то, очевидно, привлекая мое вниманіе словомъ своего «молчалинства», а когда я взглянулъ на его лицо, я тутъ только замѣтилъ, какіе ясные, голубые, широко раскрытые глаза смотрѣли на меня. Взоръ его глазъ показался мнѣ широко разлитымъ моремъ ласки, доброты и любви... Ясные, широко раскрытые глаза «Бѣлаго гостя» обласкали меня и навсегда приковали къ себѣ своимъ свѣтомъ. Я до сихъ поръ не могу забыть этихъ глазъ и ни у кого изъ людей и никогда я больше не встрѣчалъ такого взора.

Бѣлый гость снова остановилъ мое вниманіе. Онъ вынулъ изъ-за пазухи своего хитона донышко хрустальнаго стакана. Объ этой «стекляшкѣ» я слыхавъ и раньше. Всѣ въ городѣ называли «стекляшку» Яшеньки эмблемой счастья, въ противоположность «подошевкѣ», т. е. куску кожи, вырѣзанному въ видѣ слѣда человѣческой ступни. Появленіе Яшеньки въ домѣ, обыкновенно, вселяло панику, по крайней мѣрѣ, до того мгновенія, пока онъ не вытащитъ изъ-за пазухи «даровъ святого Аѳона». Если Яшенька вынималъ на порогѣ дома «стекляшку», это означало предзнаменованіе счастья и вообще благополучія, если же бѣлый гость переступалъ порогъ дома съ «подошевкой» въ рукахъ, это наводило уныніе на всѣхъ живущихъ въ домѣ и вѣрующихъ въ вѣщую силу «даровъ святого Аѳона».

Подозвавъ меня къ себѣ, Яшенька промычалъ и жестами руки далъ мнѣ понять, чтобы я посмотрѣлъ на свѣтъ солнца черезъ граненое донышко стакана. Я исполнилъ его просьбу и увидѣлъ черезъ прозрачное, гладко отполированное стекло оконную раму, цвѣты на подоконникѣ и далѣе голубоватый снѣгъ, который лежалъ высокимъ сугробомъ на улицѣ передъ окнами дома.

Бѣлый гость приложился къ «стекляшкѣ» губами, потомъ ударилъ себя рукою въ грудь, указалъ пальцемъ на небо и улыбнулся тихой и счастливой улыбкой.

Предложеніе Яшеньки убѣдиться въ прозрачности стекла, ударъ въ грудь и цѣлованіе «стекляшки» съ жестомъ руки къ небу горожане объясняли такъ. Всѣми этими манипуляціями Яшенька говорилъ людямъ: «вотъ, смотрите, какъ чиста моя душа, потому что Богъ простилъ всѣ мои прегрѣшенія».

А тотъ фактъ, что Яшенька только у дѣтей цѣловалъ руку и только предъ дѣтьми падалъ ницъ, также старались объяснить на понятномъ горожанамъ языкѣ, и въ двухъ версіяхъ:

Одни говорили: «Моя душа чиста, и я равняюсь съ невинными отроками».

Другіе говорили: «Я былъ гордъ передъ Господомъ и предъ людьми. Теперь я смиряюсь передъ дѣтьми, какъ передъ голубиной кротостью и смиреніемъ овна».

Кто былъ правъ, я не знаю. Можетъ быть, самъ Яшенька давалъ своему поведенію и иное объясненіе. Но кто же могъ разгадать эту тайну? Онъ былъ молчальникъ.

VII.

Впечатлѣніе отъ первой встрѣчи съ Яшенькой-Молчальникомъ залегло въ душѣ глубоко. Внушалъ онъ мнѣ и страхъ, и любопытство, и какое-то особенное нѣжное чувство, Иногда я жалѣлъ Яшеньку, и скоро убѣждался, что моя жалость скользитъ мимо него, и онъ представляется менѣе всего заслуживающимъ сожалѣнія. И даже, напротивъ, остальные люди казались мнѣ, по сравненію съ Яшенькой, жалкими.

У насъ въ домѣ, въ уютныхъ квартирахъ нашихъ знакомыхъ, да и вообще во всемъ городѣ жизнь текла мирно, тихо тянулась и медленно, точно переваливалась. Одинъ день походилъ на другой, какъ каждый изъ людей почти не отличался отъ другого.

А жизнь Яшеньки-Молчальника такъ оригинальна! Ужъ тотъ фактъ, что онъ молчитъ и этимъ молчаніемъ говоритъ больше, нежели другіе, отличалъ бѣлаго гостя отъ другихъ, какъ бы они ни были интересны и занимательны въ своемъ родѣ.

Легенды о его жизни въ имѣніи кузины сопровождали его всюду, варьируясь на разные лады, но въ общемъ выражая одно и то же: бѣлый гость жизни, молчальникъ—не похожъ на другихъ. Всталъ онъ съ земли бѣлымъ призракомъ и бродитъ, точно чья-то безпокойная дума или растревоженная больная совѣсть.

Въ бѣломъ хитонѣ, босой, съ непокрытой сѣдой головой, съ пышными развѣвающимися волосами и съ широкой бѣлой бородой,

онъ походилъ на Саваоѳа, какимъ изображаютъ Бога въ голубыхъ куполахъ храмовъ. Онъ ничего не имѣлъ, кромѣ хитона, «стекляшки» и «подошевки», и этимъ какъ бы говорилъ людямъ о суетности ихъ стяжаній.

Въ домахъ горожанъ, на улицахъ, онъ появлялся часто, но больше всего жилъ въ Ростковкѣ, въ шести-семи верстахъ отъ города. И никакая погода, ни день, ни ночь не могли измѣнить его рѣшенія: приходилъ, когда ему хотѣлось, и уходилъ, увлекаемый только своимъ желаніемъ. Жилъ, какъ вольная птица, питался скромно. Бѣлый хлѣбъ и жидкій чай—вся его пища.

Порочные люди его боялись, потому что онъ по-своему говорилъ имъ правду. Духовныхъ не любилъ, и никто никогда не видѣлъ его въ церкви. Это обстоятельство вначалѣ сильно взволновало горожанъ и смущало духовныхъ особъ мѣстныхъ храмовъ и даже высшее губернское начальство. Одно время его считали даже приверженцемъ какой-то секты, и священники называли эту секту вредной для православной церкви. Подозрѣніе духовныхъ особъ вызвало слѣдствіе, и отъ архіерея пріѣхала цѣлая комиссія. Но слѣдователи убѣдились въ ложности слуховъ: Яшенька-Молчальникъ никого не совращалъ въ свою секту ни словомъ, ни дѣломъ. Жилъ, какъ вольная птица, и говорилъ съ людьми на непонятномъ имъ языкѣ жестовъ. Но много ли на этомъ языкѣ скажешь?

Нерѣдко Яшенька выступалъ и въ роли изобличителя мѣстныхъ нравовъ, негодуя на «прорухи» и дурное поведеніе мѣстнаго начальства и жестокость полиціи; смѣялся надъ жадностью купцовъ, преслѣдовалъ праздныхъ и жестами проклятія предупреждалъ развратныхъ и пьяныхъ людей. И, изобличая пороки другихъ, выражалъ свое негодованіе только однимъ своимъ упорнымъ и жуткимъ молчаніемъ. Но это молчаніе имѣло силу, большую силы словъ. Бывало, только съ лица измѣнится: брови нахмурятся, въ углѣ губъ лягутъ сурово-скорбныя складки, а глаза потемнѣютъ и точно потухнутъ.

И люди боялись Яшеньку-Молчальника и вмѣстѣ съ тѣмъ любили его и почитали. Онъ посѣщалъ больныхъ. Придетъ, сядетъ у постели недужнаго человѣка и молча смотритъ своими большими и ясными глазами и точно изгоняетъ болѣзнь изъ страждущаго тѣла. Часто заходилъ онъ и въ хатки бѣдняковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ бѣднымъ человѣкомъ, и безъ того уже обездоленнымъ, разразится какая-нибудь бѣда. Но въ хату бѣдняковъ Яшенька не приносилъ ни золота, ни серебра, потому что и самъ-то никогда не имѣлъ за душой ни алтына. Къ бѣдняку онъ приносилъ съ собою любящій и нѣжный взоръ ясныхъ голубыхъ глазъ, и если и не насыщалъ этимъ взоромъ истомленнаго голодомъ тѣла, то все же питалъ неспокойную душу лаской и вниманіемъ.

VIII.

Въ глухомъ и бѣдномъ селѣ Воздвиженскомъ жилъ священникъ отецъ Артемій Орловъ. Былъ онъ человѣкъ бѣдный и многосемейный и вдовый. На рукахъ у него было семь человѣкъ дѣтей, да двое сыновей учились въ семинаріи. Приходъ у отца Артемія былъ бѣдный, и сколько онъ ни просилъ о переводѣ въ другой приходъ, болѣе доходный, чтобы воспитать своихъ птенчиковъ, но ничего изъ этого ходатайства не выходило. А потомъ и оказалось, что бѣдность вовлекла отца Артемія въ преступленіе. Пріѣхалъ ревизоръ осматривать церковныя книги да повѣрять кассу и наткнулся на растрату и на подлогъ.

Засадили о. Артемія на скамью подсудимыхъ въ окружномъ судѣ и стали судить. Но пришелъ Яшенька въ судъ и спасъ злосчастнаго человѣка. Никогда въ судъ Яшенька не заглядывалъ, а тутъ пришелъ, сѣлъ на переднюю скамью, вынулъ изъ-за пазухи свою «стекляшку», промычалъ, ударилъ рукой въ грудь, поцѣловалъ стекло и указалъ пальцемъ на блѣднаго и сѣдого священника, сидящаго на скамьѣ подсудимыхъ.

Переглянулись судьи и присяжные и точно обомлѣли, а о. Артемій поблѣднѣлъ еще больше, затрясся, да и закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

Сидѣли тутъ же, въ судѣ-то, старшіе ребята о. Артемія: мальчикъ лѣтъ двѣнадцати да двѣ дѣвочки-погодки лѣтъ девяти-десяти. Заговорилъ свою рѣчь прокуроръ, а Яшенька всталъ, подошелъ къ дѣткамъ о. Артемія, да поочередно у каждаго поцѣловалъ руку, да и бухъ имъ въ ноги... Оборвалась рѣчь прокурора, а Яшенька поднялся съ пола и молча вышелъ, и точно со своимъ молчаніемъ вмѣстѣ унесъ и всѣ вины о. Артемія.

И присяжные оправдали несчастнаго человѣка.

Былъ еще и такой случай. Мужики деревни Хохловки жили бѣдно, а тутъ еще и конокрады каждый годъ ихъ разоряли. Въ нашихъ мѣстахъ больше башкиры конокрадствомъ-то занимаются. И вотъ какъ-то разъ изловили хохловскіе мужики двухъ башкировъ-конокрадовъ и всѣмъ міромъ расправились съ ними самосудомъ, попросту говоря—убили ихъ, заколотили каждому убитому въ задъ по колу, да и выбросили на дорогѣ.

И привели на скамью подсудимыхъ шестьдесятъ пять душъ. Всѣ домохозяева били башкиръ, и всѣхъ ихъ потянули въ судъ.

Я особенно хорошо помню эту исторію изъ разсказовъ прокурора суда и судей.

Пріѣзжая на судебную сессію суда въ нашъ городъ, члены суда и прокуроръ обыкновенно останавливались въ парадныхъ комнатахъ дома моего дѣда, потому что нашъ домъ считался въ городѣ

лучшимъ, да и мой дѣдъ имѣлъ какія-то пріязненныя отношенія съ кѣмъ-то изъ судейскихъ.

Самосудъ хохловскихъ крестьянъ надъ конокрадами взволновалъ весь уѣздъ, а когда наѣхалъ судъ, волненіе еще больше усилилось. Никто не могъ представить себѣ возможности осужденія шестидесяти пяти человѣкъ за двухъ конокрадовъ, разорявшихъ цѣлый уѣздъ. Волновались и судьи, и присяжные. Какъ сейчасъ помню такую сцену.

Мой дѣдъ сидитъ въ залѣ на диванѣ рядомъ съ двумя судьями, а прокуроръ, высокій человѣкъ съ лысой головой и длинными усами, ходитъ по залу изъ угла въ уголъ и волнуется.

— Ужели же ихъ осудятъ?—спросилъ дѣдъ.

— Да, конечно,—сухо отвѣтилъ прокуроръ, а потомъ добавилъ:—вотъ въ томъ-то и горе: въ глубинѣ моей души я не могу ихъ осудить, а... а по закону... я буду требовать высшей мѣры наказанія... Но кого я буду обвинять? Голодныхъ, озлобленныхъ нуждою людей! Вѣдь въ этой самой Хохловкѣ, состоящей изъ 250 душъ обоего пола, не оказалось ни одного грамотнаго! Поймите вы: ни одного грамотнаго! Кого я долженъ обвинять?

Жуткое молчаніе было отвѣтомъ на вопросъ прокурора. А я, помнится, всѣ дни, пока разбиралось дѣло хохловскихъ мужиковъ, бродилъ съ безпокойной думой и въ душѣ прощалъ всѣмъ убійцамъ.

Простилъ имъ и Яшенька. Въ день суда, когда изъ 65 человѣкъ были уже осуждены 48, онъ неожиданно появился у нашего дома и бросилъ большимъ камнемъ въ окно зала, гдѣ жили прокуроръ и судьи. А когда всполошенные судейскіе чиновники бросились изъ-за обѣда къ окнамъ, Яшенька стоялъ на тротуарѣ, дико мычалъ, размахивая своей «подошевкой», и съ горящими глазами угрожалъ судейскимъ чиновникамъ карою неба.

IX.

Послѣдній разъ я видѣлъ Яшеньку-Молчальника осенью, въ ненастное и холодное утро, когда хоронили одного самоубійцу.

Въ мѣстномъ съѣздѣ мировыхъ судей служилъ мелкій чиновничекъ Плаховъ, человѣкъ уже немолодой и прослужившій въ съѣздѣ болѣе 20 лѣтъ. Женился онъ поздно, но потомъ быстро обзавелся большой семьей: у него было три сына и двѣ дочери. Назначили предсѣдателемъ съѣзда новаго человѣка и перевернули всю жизнь несчастнаго чиновничка. Не взлюбилъ новый начальникъ Плахова и уволилъ его въ двадцать четыре часа.

Пришелъ Плаховъ домой, а потомъ и подсыпалъ въ супъ мышьяка, чтобы уморить дѣтей и жену. А когда семейные пообѣдали, онъ взялъ да и перерѣзалъ себѣ бритвою горло. Дѣтей и жену отходили, а его не спасли.

Я помню это ненастное осеннее утро. Темныя тучи бродили по небу, и въ воздухѣ со свистомъ носились крупныя мокрыя и липнущія снѣжинки. По Большой улицѣ города везли дроги, а на дрогахъ стоялъ простой гробъ съ останками самоубійцы Плахова. Хоронили его «безъ церковнаго пѣнія, безъ ладана». И шли за гробомъ: осиротѣвшая семья Плахова да кучка близкихъ людей...

И вотъ откуда-то изъ узкаго и глухого переулка, точно изъ глубины снѣжной бури, выросла бѣлая фигура Яшеньки-молчальника. Какъ всегда, онъ былъ босъ, съ непокрытой головой и въ своемъ бѣломъ хитонѣ. Подошелъ онъ къ дрогамъ, положилъ руку на гробъ да такъ и шелъ. Увидѣли люди Яшеньку идущимъ за гробомъ— ну, бросать всѣ дѣла да присоединяться къ печальной процессіи. Скоро за гробомъ шли громадныя толпы горожанъ. Вывезли дроги съ гробомъ съ поле и скоро приблизились къ кладбищенской оградѣ.

Могила для Плахова была приготовлена за кладбищенской оградой, въ полѣ, гдѣ хоронили самоубійцъ, но Яшенька измѣнилъ чьи-то суровые планы. Ухвативъ лошадь подъ уздцы, онъ самъ направилъ дроги съ покойникомъ къ кладбищенскимъ воротамъ и приказалъ людямъ снять гробъ и поставить у церкви. Прибѣжалъ оторопѣвшій кладбищенскій батюшка о. Сергій и не зналъ, что дѣлать. А Яшенька заставилъ церковныхъ сторожей рыть могилу недалеко отъ церкви, подъ вѣтвями приземистаго дуба, гдѣ былъ схороненъ какой-то именитый купецъ. Роютъ могилу сторожа, а о. Сергій не знаетъ, что дѣлать, и стоитъ ни живой, ни мертвый. Народъ смотритъ на распоряженія Яшеньки и тоже недоумѣваетъ.

А когда могила была готова, Яшенька вынулъ свою «стекляшку», ударилъ въ грудь рукою, поцѣловалъ стекло, а потомъ сдѣлалъ земной поклонъ покойнику и быстро удалился... И пропалъ въ бѣлыхъ вихряхъ снѣжной бури... И я видѣлъ его въ послѣдній разъ..

Время не въ состояніи изгладить изъ моей памяти образъ Яшеньки-Молчальника, этой «пѣны жизни», какъ говорила бабушка. Рожденнымъ снѣгами нашихъ глухихъ мѣстъ представляется мнѣ онъ, бѣлый гость земли, снѣжная же буря и похоронила его для меня...

А онъ и посейчасъ, какъ живой, стоитъ передо мною въ своемъ бѣломъ хитонѣ, съ ясными голубыми глазами...

Вас. Брусянинъ.

ЗА КУЛИСАМИ.

(Встрѣчи и воспоминанія).

Александринскій театръ.

(1875—1900).

Я НЕ ТОЛЬКО любилъ этотъ театръ, былъ его посѣтителемъ съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, но имѣлъ честь самъ быть принятымъ въ составъ труппы его артистовъ и прослужить тамъ около года.

Это меня особенно сблизило не только съ семьей актеровъ, но и съ драматургами, ставившими тамъ свои пьесы, и съ лицами, принадлежавшими къ театральной администраціи, и съ театралами быстро промелькнувшаго времени. Въ тѣ времена попасть въ труппу императорскаго театра было не легко, каждый провинціальный актеръ считалъ это за счастье, за торжество своей сценической дѣятельности.

Большіе, выдающіеся таланты считали Александринскій театръ въ нѣкоторомъ родѣ академіей и желали въ него попасть. Ограниченный бюджетъ дирекціи императорскихъ театровъ того времени и чиновничья протекція затрудняли осуществленіе этихъ надеждъ русскаго актера. Проскользнуть начинающему актеру, претендующему на выходныя роли, на шестьсотъ рублей въ годъ, какъ мнѣ, напримѣръ, это было легче. На каждое новое лицо, мечтавшее занять положеніе въ Александринскомъ театрѣ, часть актеровъ смотрѣла недружелюбно, а на-

чальство, потакавшее этимъ актерамъ, далеко не было гостепріимнымъ по отношенію новыхъ людей.

Чувствовалась какая-то замкнутость, театръ обнесли какими-то непроницаемыми стѣнами, сквозь которыя проникали немногіе.

Наша гордость М. Г. Савина попала въ труппу почти случайно; первенствовавшая тогда Е. П. Струйская, особенно склонная къ творчеству моднаго В. Дьяченка, завладѣла репертуаромъ. Г-жа Струйская являлась полезностью, справедливо считалась добросовѣстной актрисой, но критика постоянно указывала, что нужны новыя свѣжія силы.

Талантъ Савиной я сравниваю съ весеннимъ, теплымъ радостнымъ солнцемъ, заглянувшимъ въ Александринскій театръ.

Повѣяло жизнью, весна пришла. На нашей улицѣ праздникъ! могло воскликнуть русское искусство.

Это чувствовали и всѣ актеры, которые, какъ я говорилъ, чуждались пришельцевъ провинціи. Всемогущій въ тѣ дни Александръ Александровичъ Нильскій, который оберегалъ свое положеніе, забронированное дружбой или, вѣрнѣе, симпатіями начальника репертуара, водевилиста, Павла Степановича Ѳедорова, творившаго на сценѣ что угодно, привѣтствовалъ Савину. Сазоновъ, Монаховъ и др. угадали, что идетъ что-то новое, яркое, непосредственное, на смѣну рутинѣ и обыденщинѣ.

Хоромъ заговорили о Савиной, а печать, къ чести ея, въ набатъ ударила.

Въ продажѣ появились первыя фотографическія карточки М. Г. Савиной и почти не было дома, гдѣ бы не носились съ ними, не показывали ихъ. Петербургъ кричалъ о новой артисткѣ. Имя ея начали сопоставлять съ именами Самойлова, Павла Васильева, Жулевой, забывая работоспособную, но скучную и однообразную Е. П. Струйскую.

Я считаю, что съ поступленіемъ на петербургскую сцену Савиной началось, хотя и медленное сначала, возрожденіе русскаго театра въ Петербургѣ.

Выросъ интересъ къ нему.

А вѣдь этотъ огромный талантъ, какъ, вѣроятно, согласятся со мной современники, могъ еще долго скитаться по провинціи, переживая свою дорогую молодость.

Грѣшно упускать талантъ именно во дни его молодости, когда онъ распускается. Больше, чѣмъ ошибка,—преступленіе со стороны театральнаго начальства приглашать выдающихся сценическихъ дѣятелей, когда молодость уходитъ. Примѣровъ тому я могъ бы насчитать не мало. Приведу одинъ.

Пріѣхалъ въ Петербургъ и какимъ-то чудомъ получилъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ Ѳ. П. Горевъ. Выступилъ онъ въ «Мишурѣ» Алексѣя Потѣхина, по тѣмъ временамъ, очень смѣлой, чуть ли не опасной пьесѣ, совсѣмъ наивной по нашему времени.

Горевъ игралъ забитаго чиновника, кажется, Зайчикова, придавленнаго начальствомъ, прямого, порядочнаго, протестующаго человѣка.

Молодой, красивый, обладавшій богатымъ темпераментомъ, Горевъ игралъ увлекательно и скоро стеръ бы «перваго любовника» Нильскаго.

Успѣхъ былъ огромный. Тѣмъ не менѣе Горевъ возвратился обратно въ провинцію или игралъ въ окрестностяхъ столицы и попалъ на сцену Александринскаго театра спустя нѣсколько лѣтъ, потерявъ неизвѣстно почему лучшее время.

Въ этомъ сказывалась непроникновенность, тупость театральной бюрократіи, которая не умѣла, не могла подмѣтить талантъ, а требовала непремѣнно патенты на званіе извѣстности, имя въ провинціи. Имена пріобрѣтаются временемъ, частныхъ театровъ въ столицѣ еще не было, провинціальное актерство показывало себя на клубныхъ сценахъ, которыя сыграли огромную роль въ исторіи развитія петербургскаго театра, и объ нихъ я когда-нибудь поговорю, онѣ стоятъ того.

Гдѣ же блеснулъ талантъ Савиной, какъ не въ Благородномъ собраніи?

Съ тріумфальнымъ шествіемъ Савиной утверждается на сценѣ другой репертуаръ, Дьяченко постепенно смѣняютъ В. А. Крыловъ, Н. А. Потѣхинъ и другіе; Островскій поручаетъ роли М. Г. Савиной, ставятъ Тургенева.

О Крыловѣ (В. Александровѣ) хочется сказать тутъ же. Ему попадаетъ, и покойному уже, отъ современной критики: и пустоту онъ вносилъ въ русскій театръ, и пошлятину, и воспитывалъ на пустякахъ русское актерство и т. д.

Защищать я Крылова не собираюсь, но для исторической точности долженъ высказать слѣдующее: драматургія переживала тогда суровый цензурный режимъ, малѣйшее отступленіе отъ цензурныхъ рамокъ влекло запрещеніе пьесъ, литературныя произведенія часто не проникали къ рамкѣ, и вотъ эта-то удушливая атмосфера, плюсъ вся дребедень, въ видѣ переводныхъ мелодрамъ, фарсовъ и даже оперетокъ, которыми питался репертуаръ Александринскаго театра, такъ уронили «образцовую» сцену, изрѣдка получавшую художественныя созданія Островскаго и двухъ-трехъ литераторовъ, что все новое встрѣчали сочувственно.

Крыловъ умѣлъ распознавать таланты и, выражаясь языкомъ рецензентовъ, по мѣркѣ этихъ талантовъ кроилъ роли. Онъ использовалъ умѣло талантъ Савиной, которая его пустячки превращала своей игрой въ шедевры.

Но только ли Крыловъ писалъ бездѣлки? Нѣтъ, у него были пьесы, въ которыхъ онъ старался захватывать общественныя явле-

нія. Вспомните «Змѣя Горыныча», гдѣ фигурировало земское собраніе и земскіе дѣльцы. Глубоко это или мелко захвачено—другое дѣло, но попытка слѣдовать за жизнью у Крылова встрѣчалась. Это былъ драматургъ переходнаго времени, не художникъ, но знатокъ сцены. Художниковъ слова на сценѣ вообще было мало, но у Крылова есть своя, неотъемлемая заслуга: его успѣхъ, пускай дешевый успѣхъ, не давалъ покоя многимъ и многихъ понукалъ приниматься за работу...

Крыловъ, какъ драматургъ, былъ сыномъ переживаемой эпохи, когда русскую мысль сдерживала цензура, когда были лишь цвѣтущіе оазисы, въ видѣ пьесъ Островскаго, когда Алексѣй Потѣхинъ считался опасно-тенденціознымъ писателемъ. Мудрено ли, что сцена пробавлялась наивными анекдотами. Время постепенно выдвигало другіе интересы, серьезные вопросы, требовало простора слова, и пустячки сами собой сдавались въ театральный, запыленный архивъ.

Теперь это исторія, отжитая исторія.

Николай Потѣхинъ въ пьесахъ той же эпохи недалеко ушелъ отъ Крылова и далеко ушелъ отъ своихъ первыхъ произведеній. Онъ ловко громоздилъ эффекты на эффекты, создавалъ выигрышныя роли и мало говорилъ уму. Треску хоть отбавляй!

Хуже были времена, благодаря утвердившейся старой системѣ бенефисовъ и предоставленному праву бенефиціантамъ самимъ выбирать пьесы. Что только не тащили на сцену, какіе опыты драматурговъ диллетантовъ не разыгрывали! Ужасъ!

Кому была вручена роль руководителей репертуара отечественной сцены?

Посчитаешь всѣ эти условія и придешь къ заключенію, что во многомъ виноваты только они, виновато общее направленіе дѣла и жизни. Талантъ Савиной пережилъ все это, вынесъ на своихъ плечахъ. Тяжело имъ было.

Въ театръ ходили посмѣяться, развлечься, насладиться игрой любимыхъ артистовъ національной «академіи», стоявшей на очень низкой высотѣ. Праздники сцены были рѣдкими. Пьесу Островскаго ежегодно ожидали, какъ радость необыкновенную.

Замѣчу вскользь, что А. Н. Островскій, питавшій особенно мягкую дружбу къ Ѳ. А. Бурдину, актеру весьма посредственному, въ ущербъ себѣ, назначалъ ему главныя роли. Бурдинъ, случалось, всю обѣдню ему портилъ.

— Я думалъ, Ѳедя будетъ хорошъ, а онъ слабѣе, чѣмъ я ожидалъ.. а не дать роли нельзя было... Ѳедя такъ близко къ сердцу мои интересы принимаетъ!—говаривалъ Александръ Николаевичъ, поглаживая бороду.

Первыя пьесы Д. В. Аверкіева пользовались огромнымъ успѣхомъ, но постепенно тоже сходили съ репертуара, новѣйшія его

произведенія («Сидоркино дѣло», «Трогирскій воевода») принимались публикой равнодушно. Но, право, къ Аверкіеву тогда относились предвзято, считаясь съ его политической физіономіей. Это былъ драматургъ болѣе крупный, нежели очень многіе изъ его коллегъ.

Возвращаюсь къ тѣмъ, съ кѣмъ я встрѣчался за кулисами, о комъ хорошо помню.

Я засталъ Василія Васильевича Самойлова и даже удостоился чести играть съ нимъ въ «Старомъ баринѣ» Пальма.

На репетиціи онъ держался гордо, его окружала лесть, его побаивались и режиссеры и актеры, не всѣ, конечно. Отъ Самойлова вѣяло холодомъ, онъ раздражался, дѣлалъ рѣзкія замѣчанія. Болтая въ уборной во время репетиціи, онъ глядѣлъ проще, но не прочь былъ зло подсмѣяться надъ актерами, которыхъ считалъ удобными для этого. Я отлично помню, какъ онъ подтрунивалъ надъ старымъ актеромъ А. А. Алексѣевымъ, необыкновенно живымъ подвижнымъ человѣкомъ и комикомъ въ жизни.

Высмѣивалъ онъ Павла Степановича Ѳедорова, вспоминая о слабостяхъ бывшаго начальника. Презрѣніе звучало въ этихъ насмѣшкахъ. Сознаніе собственной большой величины чувствовалось въ Самойловѣ и не покидало его.

Заслужить одобреніе отъ Василія Васильевича было трудно, а кто заслуживалъ его, тотъ подчеркивалъ этотъ фактъ.

— Самойловъ одобрялъ!—приходилось слышать потомъ даже отъ тѣхъ, кого онъ никогда не одобрялъ. Словно намекали на какой-то дипломъ, требующій уваженія.

— Поставьте ей барьеръ, а то она выскочитъ въ оркестръ!—сказалъ Самойловъ про какую-то измучившую его на репетиціи актрису. Сказалъ въ присутствіи ея самой.

— Откуда вы взяли такого молодого человѣка!—горячился онъ.

— Когда у насъ будетъ режиссеръ!—говаривалъ громко Самойловъ.

Случалось,—правда, рѣдко,—видѣть Василія Васильевича и благодушно настроеннымъ, со всѣми, и съ маленькими, любезно болтавшимъ за кулисами.

Самойлова даже не столько боялись, сколько почитали, какъ великаго художника. Въ тѣ времена въ театральномъ мірѣ вообще царило почтеніе и уваженіе къ старикамъ, молодежь прислушивалась къ ихъ голосу.

Нынѣшнихъ фактовъ, когда на сцену врывается молокососъ, сомнительной способности актеръ, именуется режиссеромъ и начинаетъ съ наглостью и нахальствомъ всѣхъ поучать, не случалось.

Такого быстро бы спровадили и высмѣяли. Да и театральное начальство не подвергло бы себя риску. Въ труппѣ Александринскаго театра было больше единенія.

Про В. В. Самойлова, въ свою очередь, разсказывали курьезы. Н. Ѳ. Сазоновъ, о которомъ я буду много говорить, въ молодости жилъ въ домѣ Самойлова,

— Не уступалъ онъ мнѣ квартиры,—смѣялся Сазоновъ:—ни за что! Приставалъ я, все напрасно! Игралъ я какъ-то съ Самойловымъ въ «Ришелье»,—произнесъ свои слова и наступила пауза.

— Василій Васильевичъ, уступите квартирку-то! — шепнулъ я ему.

— Уступаю!—отвѣчалъ, также шопотомъ, озадаченный Ришелье.

Обратился однажды къ Самойлову за кулисами актеръ, очень слабо игравшій роли молодыхъ людей и слывшій за человѣка совсѣмъ ограниченнаго.

— Василій Васильевичъ...

— Ну что?

— Не накидаете ли мнѣ на бумажку типикъ, какъ мнѣ загримироваться въ роли графа.

Самойловъ махнулъ рукой, а когда актеръ вышелъ, онъ произнесъ:

— Я животныхъ плохо рисую.

Режиссеръ А. А. Яблочкинъ сильно картавилъ на сценѣ. Въ какой-то пьесѣ представленъ былъ громъ, гремѣвшій очень тихо въ этотъ вечеръ.

— Что это трещало?—спросилъ, выйдя за кулисы, Самойловъ.

— Громъ, Василій Васильевичъ... Громъ по пьесѣ.

— Ну, да, а у насъ вмѣсто него будто Яблочкинъ картавилъ.

— Говорятъ, Василій Васильевичъ, оперетку у насъ въ Александринскомъ театрѣ собираются упразднить!—обратился къ нему толстый актеръ Бродниковъ, передававшій мнѣ это самъ.

— Напрасно.

— Вы противъ?

— Я былъ увѣренъ, что упразднятъ драму.

Видѣлъ я Самойлова въ «Ришелье», въ «Старомъ баринѣ», въ «Карьерѣ» (игралъ въ Художественномъ клубѣ), въ «Мужья одолѣли», въ «Старое старится» и другихъ пьесахъ. Вездѣ было другое лицо, нигдѣ не повторялся Самойловъ. Полное перерожденіе. По художественности гримировки другого такого актера я не помню, онъ стоялъ выше всѣхъ, выше Шумскаго, пріѣзжавшаго на гастроли изъ Москвы. Уйдя со сцены, Самойловъ, играя на частныхъ клубныхъ сценахъ, иногда въ залѣ Кононова, будировалъ и, конечно, при всякомъ удобномъ случаѣ вышучивалъ театральное начальство.

На частныхъ сценахъ Самойловъ тогда получалъ по двѣсти рублей за спектакль, и это считалось чѣмъ-то исключительнымъ.

Устроители спектаклей должны были уговаривать Самойлова, упрашивать играть, и очень многимъ не удавалось его склонить. Побѣждали его въ этомъ отношеніи больше дамы да В. Н. Аристовъ,

извѣстный славянскій дѣятель и душа покойнаго Художественнаго клуба, помѣщавшагося въ Троицкой улицѣ, въ нынѣшнемъ залѣ Павловой. Напримѣръ, онъ часто участвовалъ въ спектакляхъ Д. В. Бѣлокопытовой, вышедшей потомъ замужъ за А. Ф. Сазонова, писавшаго театральныя замѣтки.

Я упомянулъ актера Александра Алексѣевича Алексѣева, дочь котораго Е. А. Алексѣева въ настоящее время состоитъ въ труппѣ Александринскаго театра и въ свое время была милой актрисой на роли наивныхъ дѣвушекъ.

Александръ Алексѣевичъ зналъ весь Петербургъ и его всѣ знали. Игралъ онъ все, и драму, и водевиль, рѣдко прибѣгая къ гриму. Алексѣевъ вѣчно нуждался и былъ въ долгу, ведя продолжительныя войны съ кредиторами.

Разовая система вознагражденія дирекціей актеровъ, при его подвижности и умѣніи выпрашивать роли, дѣлала то, что онъ игралъ по три раза въ вечеръ съ переѣздами изъ Малаго театра (тогда казеннаго) въ Александринскій, изъ Александринскаго въ Маріинскій, гдѣ шли драматическіе спектакли раза два-три въ недѣлю.

Алексѣевъ имѣлъ привычку постоянно произносить «тьфу», точно ему попало что въ ротъ. Распустили слухъ, что онъ проглотилъ волосокъ отъ енотовой шубы и съ тѣхъ поръ ему все кажется, что волосокъ во рту, и онъ отплевывается. Онъ говорилъ быстро, суфлера слышалъ неважно и репликъ окружавшимъ его на сценѣ не давалъ почти, предупреждая по навыку вопросы игравшихъ съ нимъ. Напримѣръ. Игралъ онъ со мной дядюшку въ какомъ-то старомъ водевилѣ.

Вбѣгаетъ на сцену. Я долженъ сказать, что хочу жениться. Не тутъ-то было.

— Здравствуй, дорогой племянникъ... тьфу, тьфу! я знаю, что ты мнѣ хочешь сказать... тьфу, тьфу... ты собираешься жениться! ну, да благословитъ васъ Богъ.

— Александръ Алексѣевичъ,—говорю я ему за кулисами:— вы мнѣ не дали говорить!

— Ничего, голубчикъ, не подѣлаешь, тороплюсь въ Маріинскій театръ... я даже бороды не наклеивалъ.

Случалось такъ, что помощникъ режиссера, видя, что антрактъ затягивается, а Алексѣевъ все не ѣдетъ, но будучи увѣренъ въ немъ, поднималъ занавѣсъ.

И дѣйствительно, къ выходу Александръ Алексѣевичъ поспѣвалъ.

Онъ сбрасывалъ въ уборной шубу и летѣлъ на сцену, начиная обыкновенно говорить за кулисами, чтобы слышали его голосъ. Грима никакого.

— Одна натура!—опредѣлилъ И. Ѳ. Горбуновъ, съ которымъ мы вспоминали объ Алексѣевѣ.

Алексѣевъ въ теченіе своей долголѣтней службы постоянно хлопоталъ о томъ, какую пьесу поставить въ бенефисъ. Хлопоты начинались за годъ... Сегодня прошелъ его бенефисъ, а завтра онъ думаетъ о бенефисѣ слѣдующаго года.

Кого бы изъ драматурговъ Александръ Алексѣевичъ ни встрѣтилъ, непремѣнно попроситъ пьесу для бенефиса.

— Есть у васъ, голубчикъ, что-нибудь?

— Задумалъ кое-что... Пока въ зародышѣ только!—отвѣчалъ драматургъ.

— Да это все равно, времени много... дайте названіе, чтобы я могъ бы завтра же заявить объ этой пьесѣ у насъ въ театрѣ.

Драматурга онъ, бывало, обнадежитъ, а потомъ самъ объ этомъ забудетъ и проситъ пьесу у другого. Алексѣевъ раскапывалъ въ Петербургѣ новичковъ-писателей, многихъ совращалъ на литературное поприще, и всѣмъ говорилъ:

— Пишите, я поставлю въ бенефисъ.

Помню, какъ просилъ онъ переводныхъ пьесъ, оригинальныхъ, добавляя при этомъ:

— Понимаете, мнѣ важно, если она будетъ имѣть успѣхъ и часто пойдетъ, я разовыми заработаю еще много. Кромѣ того, необходимъ водевиль съ ролью для меня. Водевиль всюду пристегиваютъ, и я на немъ наберу разовыя. Водевиль нуженъ хорошій, за вознагражденіемъ не постою. Дамъ 25 рублей отъ себя лично и 25 рублей заплатитъ дирекція.

Актеры старались, въ силу разовой системы вознагражденія, процвѣтавшей тогда, нахватать больше ролей, а какихъ—безразлично.

А. А. Алексѣевъ, воюя съ кредиторами, ухитрялся занимать деньги подъ бенефисы заблаговременно. Нерѣдко продавалъ бенефисы, неся огромные убытки.

— Хорошо ты вчера, Саша, заработалъ!—говорили ему за кулисами.—Хватилъ здоровый бенефисъ.

— Да вѣдь кабы онъ мой былъ,.. тьфу, тьфу... а вѣдь я полгода назадъ его продалъ... Вотъ только отъ пріятелей нѣсколько призовъ получилъ... тьфу, тьфу...

Въ позднѣйшіе годы А. А. Алексѣевъ, котораго лишили бенефиса, которому умалили несправедливо содержаніе, предпочелъ, будучи пенсіонеромъ, конечно, уйти въ провинцію или въ Москву на частную сцену, разставшись съ Петербургомъ, гдѣ проведена была вся жизнь, съ которымъ связана вся сценическая дѣятельность.

Алексѣевъ перенесъ это поразительно легко, и старикъ, разставшись съ близкой ему товарищеской семьей Александринскаго

театра, перебрался въ Москву, вступивъ въ труппу М. В. Лентовскаго.

Я видѣлся съ Алексѣевымъ въ Москвѣ, гдѣ онъ, несмотря на маститые годы, несмотря на нужду, съ которой онъ сроднился, смотрѣлъ жизнерадостнымъ, хотя иной разъ и жаловался на такой плачевный конецъ жизни. Алексѣевъ вспоминалъ тѣ милости, то драгоцѣнное вниманіе, которымъ онъ пользовался отъ высочайшихъ особъ въ началѣ своей карьеры.

Если бы меня спросили, какой былъ актеръ А. А. Алексѣевъ, я бы отвѣтилъ, что онъ былъ живой, даровитый водевильный актеръ. Водевиль отжилъ свое время, но въ прежнее время это было любимое блюдо публики въ меню Александринскаго театра.

Одно время А. А. Алексѣевъ взялъ на себя постановку русскихъ спектаклей въ такъ называемомъ Нѣмецкомъ клубѣ, надѣясь на поддержку товарищей по казенной сценѣ. Его поддерживали актеры, но попытка Алексѣева не увѣнчалась успѣхомъ.

Энергія старика всегда меня поражала, онъ не переставалъ мечтать объ арендѣ театровъ, объ антрепризѣ и связанныхъ съ нею богатствахъ.

Однажды меня представили видному по внѣшности, изысканно, франтовато одѣтому актеру Александринскаго театра Пронскому, котораго за кулисами считали изобразителемъ баръ и аристократовъ. Это было до моего поступленія за кулисы.

Пронскій изображалъ чаще «благородныхъ отцовъ» въ комедіи и драмѣ.

Слабость его къ разнообразію въ костюмахъ была предметомъ актерскаго глумленія.

— Первый у насъ актеръ... говорили про него.

— По таланту?

— Нѣтъ, по разнообразію панталонъ! Что ни актъ, то новыя панталоны, и съ искрой, и съ полоской, и свѣтлыя, и темныя. Выставка!

Пронскій былъ холоднымъ актеромъ, «резонеромъ» въ полномъ смыслѣ слова. Обѣщалъ онъ много, но надеждъ театраловъ не оправдалъ.

Популярнымъ и среди товарищей и у публики, преимущественно верхнихъ ярусовъ Александринскаго театра, былъ Д. Н. Озеровъ, считавшійся комикомъ для оперетки, куплетистомъ и вообще веселымъ элементомъ труппы.

Озеровъ смѣшилъ больше невзыскательную публику, но истиннымъ комизмомъ и юморомъ не обладалъ, выѣзжая больше на внѣшнихъ колѣнцахъ. Печать глумилась надъ его комизмомъ, но тѣмъ не менѣе одобряла его въ роли Калхаса въ «Прекрасной Еленѣ». Озерова любили, какъ милаго человѣка, за кулисами.

С. Я. Марковецкій, претендовавшій на роль болѣе серьезнаго комика, тоже, однако, выступавшій въ опереткѣ, былъ, говорили, очень талантливъ, но я его засталъ старымъ и мало работавшимъ. Его называли почтеннымъ, маститымъ, но не выдающимся. Игралъ онъ одно время много. Комизмъ его тоже былъ неважной марки. Впрочемъ, онъ все-таки выдвигался въ роляхъ репертуара Островскаго.

— Алексѣевъ, Озеровъ, Марковецкій... Это музейные актеры «Александринки»! —подтрунивалъ поэтъ Д. Д. Минаевъ.—Ихъ берегутъ, какъ рѣдкости.

— Возмущаетъ меня,—жаловался мнѣ много лѣтъ подъ рядъ И. Ѳ. Горбуновъ:—какъ это такъ «Александринка»... Больно ужъ пренебрежительно... Александринскій театръ, а господа рецензенты перекрестили его въ «Александринку». Непочтительно. Василій Курочкинъ, переводя «Дочь рынка» («Мадамъ Анго»), даже сриѳмовалъ: «Да здравствуетъ дочь рынка, ура! Александринка». Не того это...

Александръ Александровичъ Нильскій, пользуясь симпатіями театральнаго начальства, дѣлалъ погоду въ Александринскомъ театрѣ. Былъ неофиціальнымъ диктаторомъ сцены, играя всѣ лучшія роли, и подходящія и не подходящія. Начальство словно дало ему привилегію на изображеніе ролей перваго любовника.

Нильскій сдѣлался объектомъ газетнаго остроумія. Не проходило дня, чтобы его не вышучивали, не высмѣивали въ стихахъ и въ прозѣ на страницахъ петербургскихъ газетъ, называя крокодиломъ и пр.

Въ какой-то пьесѣ умершаго героя, котораго изображалъ Нильскій, уносили на рукахъ и чуть было не уронили.

Вотъ актеръ,—писалъ, если не ошибаюсь, гроза тогдашней театральной критики А. А. Соколовъ:—и послѣ смерти невыносимъ».

Сколько стиховъ посвятилъ Нильскому Минаевъ—и не перечесть.

Александръ Александровичъ стоически все это переносилъ и продолжалъ играть, осыпаемый градомъ обличеній. Справедливо это было или несправедливо?

Очень, очень преувеличенно во всякомъ случаѣ.

Нильскій былъ актеромъ безъ темперамента, ровнымъ, холоднымъ, образцово добросовѣстнымъ и приличнымъ. Я полагаю, что въ основѣ недоброжелательнаго отношенія къ Нильскому лежали другія обстоятельства, а именно его, такъ сказать, несмѣняемость въ роляхъ героевъ, объясняемая покровительствомъ начальства. Онъ закрывалъ дорогу для свѣжихъ дарованій, которыя не проникали на сцену, если претендовали на роли Нильскаго.

Относясь съ любовью къ дѣлу, Нильскій отличался аккуратностью, хронометрической точностью, не опаздывалъ на репетиціи.

Когда я дебютировалъ на сценѣ Малаго театра ролью Андрея Бѣлугина въ «Женитьбѣ Бѣлугина», Нильскій игралъ со мной Агышина.

Онъ былъ занятъ на репетиціи въ Александринскомъ театрѣ и опоздалъ на нашу репетицію на десять минутъ. Александръ Александровичъ, несмотря на то, что я передъ нимъ былъ мальчишка, едва ступавшій по сценѣ, подошелъ прежде всѣхъ ко мнѣ и извинился, что опоздалъ, что его задержали.

Меня такое отношеніе не могло не тронуть. Во время репетиціи онъ проявлялъ рѣдкую деликатность, давалъ совѣты и вообще обворожилъ меня.

Таковъ былъ за кулисами всемогущій по тому времени А. А. Нильскій. Если онъ надавливалъ тайныя пружины, чтобы вершить дѣла русской сцены, то въ качествѣ товарища актерской братьи не измѣнялъ своему джентльменству.

Пересмотрѣлъ я Нильскаго въ десяткахъ самыхъ разнообразныхъ ролей и, если онъ ничего не портилъ, то мало давалъ и яркаго. Отсутствіе нутра въ игрѣ бросалось въ глаза, но главное онъ былъ однообразенъ и этимъ наскучилъ.

Для драматурга Нильскій справедливо считался выгоднымъ актеромъ съ той стороны, что онъ всегда зналъ роль, всегда думалъ надъ ней и старался угодить автору, считаясь съ его замысломъ. Какъ извѣстно, и большіе писатели предпочитали видѣть въ своихъ пьесахъ Нильскаго, именно въ силу этого. Звѣздъ съ неба не хваталъ, но не искажалъ произведенія.

Говоря театральнымъ языкомъ, Нильскій представлялъ собою большую полезность.

Годы летѣли, и когда А. А. Нильскій старѣлъ, онъ превращался въ болѣе виднаго и замѣтнаго актера на роли стариковъ, въ немъ началъ проявляться комическій талантъ.

Ошибкой Нильскаго съ первыхъ его шаговъ по сценѣ было, весьма возможно, то, что онъ считалъ себя по преимуществу драматическимъ героемъ. Такія ошибки явленіе хроническое въ русскомъ театрѣ и въ переживаемое нами время: не убѣдишь иныхъ въ аналогичномъ заблужденіи.

Публика еще помнитъ Нильскаго послѣдняго періода. Это былъ совсѣмъ другой Нильскій по сравненію съ тѣмъ, какимъ я его засталъ на сценѣ. Что я почиталъ въ Александрѣ Александровичѣ Нильскомъ, это его беззлобіе; онъ никогда ни единымъ словомъ въ теченіе всей своей карьеры не попрекалъ печать за чрезмѣрно суровое, дерзкое къ нему отношеніе. Онъ забылъ это совершенно. Грѣхъ его былъ тотъ, что онъ не способствовалъ привлеченію, доступу силъ провинціи на Александринскую сцену. Я говорю о силахъ мужского персонала, потому что всѣ знаютъ, что Нильскій однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ вступленіе на сцену М. Г.

Савиной и ратовалъ за нее предъ начальствомъ. Тутъ чутье не обманывало его и конкуренціи не предвидѣлось...

Припоминаю еще актеровъ, съ которыми сталкивала меня судьба въ Александринскомъ театрѣ.

Вторыхъ любовниковъ игралъ А. П. Душкинъ, фамилія котораго тоже не давала покоя юмористамъ.

Душкинъ очень часто появлялся на сценѣ, всегда былъ элегантно одѣтъ, но поражалъ бездарностью. Казалось, что судьба совершенно случайно забросила его на сцену, что изъ него могъ выйти хорошій чиновникъ, офицеръ, кто хотите, только не актеръ.

Будучи человѣкомъ хорошаго происхожденія, онъ выдѣлялся изысканными манерами, но всегда и во всемъ оставался окаменѣлымъ Душкиныхъ. Душкинъ всегда представлялся мнѣ чиновникомъ сцены, и если бы онъ, при его порядочности и воспитаніи, подвизался примѣрно въ конторѣ императорскихъ театровъ, навѣрное принесъ бы болѣе пользы.

Душкинъ самъ, полагаю, сознавалъ свою безполезность въ труппѣ и не любилъ театра: дослужившись до пенсіи, онъ подъ другой настоящей фамиліей вышелъ въ міръ и занялся, кажется, нефтяными дѣлами, да и доселѣ, если не ошибаюсь, занимается ими.

Въ Ораніенбаумскомъ лѣтнемъ театрѣ гастролировалъ молодой комикъ Константинъ Александровичъ Варламовъ, котораго и публика и печать единогласно привѣтствовали, какъ большой талантъ. Игралъ Константинъ Александровичъ въ водевилѣ «Левъ Гуричъ Синичкинъ», въ которомъ играетъ и до сихъ поръ.

Со сцены повѣяло чѣмъ-то необыкновенно жизнерадостнымъ.

Однако Варламовъ уѣхалъ, и, лишь спустя, если память мнѣ не измѣнила, цѣлый сезонъ, совершенно неожиданно мы увидѣли его въ Александринскомъ театрѣ. Игралъ онъ купца Хлопонина отца въ «Злобѣ дня» и игралъ превосходно.

Въ старую труппу вошелъ человѣкъ съ яркимъ, самобытнымъ талантомъ, прекрасный самородокъ, взрощенный провинціальной сценой.

Петербургъ, извиняюсь за выраженіе, загалдѣлъ о Варламовѣ, носился съ нимъ. Что ни роль—то новый успѣхъ.

Куда ни приди, бывало, только и слышишь: видѣли Варламова? Каждый авторъ желалъ, чтобы въ его пьесѣ игралъ Константинъ Александровичъ. Для него стали писать роли, какъ для Савиной.

Онъ внесъ художественный элементъ и въ исполненіе героевъ Островскаго, въ пьесахъ котораго чувствовалось именно отсутствіе такой богато одаренной русской натуры. «Костенька», какъ звали товарищи по сценѣ Варламова, безъ протекціи, безъ заискиванія у рецензентовъ, прокладывалъ себѣ дорогу.

Оставалось только радоваться, что Константина Александровича пригласили во дни весны его таланта, а не тогда, когда онъ началъ бы уставать, изломанный скитаньемъ по провинціи.

Дѣятельность его на глазахъ современниковъ, и я не буду особенно распространяться объ ней.

Варламовъ очаровалъ всѣхъ и личными качествами, вошелъ въ актерскую семью совсѣмъ, какъ въ свою семью, принявшую его любовно и ласково.

Первое время, когда казеннымъ актерамъ не запрещали еще играть въ клубахъ, Варламова затормошили: онъ игралъ на дармовщинку, принимая участіе въ спектакляхъ чуть не всѣхъ клубныхъ бенефиціантовъ. «Когда намъ запретятъ играть?» спрашивалъ Варламовъ.

Сазоновъ еще до появленія Варламова въ Александринскомъ театрѣ указывалъ на него дирекціи. Они вмѣстѣ играли въ провинціи, куда ѣздилъ въ юности Николай Ѳедоровичъ лѣтомъ и уѣзжалъ для практики еще со скамьи театральной школы.

Крупнымъ событіемъ въ театральной жизни Петербурга былъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ провинціальной знаменитости Никифора Ивановича Новикова, выступившаго въ тяжелой драмѣ Чернышева «Отецъ семейства».

О Новиковѣ, еще до пріѣзда его, затрубилъ популярный грозный театральный критикъ А. А. Соколовъ («Театральный нигилистъ»), рекомендовавшій его какъ крупнѣйшую силу.

Я былъ на дебютѣ Никифора Ивановича, имѣвшаго огромный успѣхъ. Вызвали его послѣ послѣдняго акта разъ семнадцать. Впечатлѣніе онъ произвелъ и въ безъ того мрачной, тяжелой драмѣ, рисующей картину угнетенія семьи деспотомъ-отцомъ, страшное. Игралъ виртуозно, разработавъ роль до тонкостей.

Мнѣнія о талантѣ Новикова, нынѣ покойнаго, однако раздѣлились, и среди представителей литературы, критики и публики, мѣсяцъ спустя, звучала нота разочарованія. Эти голоса не считались съ колоссальнымъ внѣшнимъ успѣхомъ артиста. Успѣхъ не ослабѣвалъ и Никифора Новикова шумно принимали въ роляхъ городничаго («Ревизоръ») и Краснова («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ») и другихъ.

Чувствовалось между тѣмъ, что этотъ восторгъ по адресу Новикова до нѣкоторой степени вздутъ, стали меньше интересоваться артистомъ, меньше говорить о немъ.

Что это былъ человѣкъ съ талантомъ, одаренный богатѣйшими физическими средствами, спорить нельзя, но талантъ провинціальной знаменитости оказался не яркимъ и не разнообразнымъ. Говорили, что Новиковымъ не умѣютъ или не хотятъ пользоваться, отодвигаютъ его въ тѣнь и пр. Констатирую фактъ, что Н. И. Новиковымъ, дѣйствительно, перестали интересоваться и изъ «большого актера» онъ постепенно превращался въ рядового и по собственному побужденію покинулъ сцену.

Онъ чувствовалъ самъ, что Александринскій театръ мѣсто не по немъ, что надъ другими онъ здѣсь не доминируетъ. Началъ блестяще, а кончилъ какъ-то втихомолку.

Друзья его замѣчали, что Н. И. Новиковъ не привился, не цѣнятъ и не понимаютъ его, что артистъ страдаетъ при такомъ положеніи и мечтаетъ вновь уйти въ провинцію. Я забылъ, не замѣтилъ, когда исчезъ Никифоръ Ивановичъ. Вскорѣ я видѣлъ въ пьесѣ «Отецъ семейства» на частной сценѣ А. А. Соколова, того самаго, который такъ славилъ Новикова. По совѣсти скажу, онъ произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ Новиковъ, и игралъ чуть-чуть помягче, въ менѣе звѣроподобномъ тонѣ.

Новиковъ пролетѣлъ за кулисами Александринскаго театра метеоромъ: блеснулъ и слѣда не осталось. Едва ли его громкое имя не пострадало отъ службы на казенной сценѣ.

На Александринской сценѣ произошло однажды забавное событіе, шедшее въ разрѣзъ съ установившимся режимомъ, лишавшимъ свободнаго доступа туда провинціальныхъ актеровъ.

Николай Захаровичъ Бураковскій, по сценѣ Вергинъ, назвавшійся такъ въ честь блиставшей балетной звѣзды Вергиной, какъ онъ мнѣ объяснялъ, получилъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ.

Популярный тогда актеръ А. З. Бураковскій, братъ Вергина, не могъ достичь этого, а Вергинъ, пѣвшій куплеты на любительскихъ и клубныхъ сценахъ, игравшій отъ времени до времени въ качествѣ диллетанта, выступилъ въ Александринскомъ театрѣ въ пьесѣ гг. Худекова и Жулева «Петербургскіе когти» въ роли актера Мѣдякова. Однажды я мелькомъ упоминалъ объ этомъ курьезѣ, но теперь распространюсь подробно.

Будучи на сценѣ человѣкомъ совершенно неопытнымъ, лишеннымъ внѣшности, неуклюжимъ, совсѣмъ юнымъ, онъ имѣлъ храбрость выйти передъ публикой въ роли, созданной гремѣвшимъ незадолго до описываемаго случая Ипполитомъ Монаховымъ.

Знавшіе Вергина, даже его друзья и пріятели, и въ томъ числѣ я самъ, не хотѣли повѣрить, что увидимъ его на той образцовой сценѣ (такъ назвалъ ее первымъ Д. В. Аверкіевъ), на которую былъ закрытъ свободный доступъ людямъ съ именами и широкими репутаціями.

— Правда ли, Николай Захаровичъ, что ты дебютируешь?

— А вотъ увидите,—серьезно отвѣтилъ онъ.

— Какъ ты добился?

— Приказано дать дебютъ... это желаніе барона Кистера, завѣдующаго контролемъ министерства двора. Повѣстку на репетицію получилъ. Не угодно ли-съ!

«Приказано», ну, и кончено дѣло! Никто не рѣшился и на репетиціи осадить Вергина, сознавая отлично, что предстоитъ здоровый скандалъ.

А Вергинъ не унывалъ, намекая лишь на сильную протекцію, которая помогала ему у барона Кистера.

Театральный Петербургъ ломалъ голову, что это за протекція на императорской сценѣ, заставившая дирекцію подчиниться, въ ущербъ дѣлу, обычаямъ и смыслу: всѣ знали, что такое Николай Захаровичъ Вергинъ, что это за сила!

Дебютировалъ онъ при переполненномъ театрѣ. Собрались актеры чуть не со всего Петербурга.

Режиссеръ пикнуть не посмѣлъ, не посмѣлъ снять пьесу съ афиши.

Ну, и была игра! Провалился Вергинъ во всю.

— Интрига, возмутительная интрига!—увѣрялъ онъ потомъ.

— Въ чемъ же она выразилась?

— О! я еще этого такъ не оставлю, я автора найду.

— Да что такое вамъ сдѣлали?

— Хотѣли, чтобъ я при входѣ на сцену растянулся, но не удалось. Правда, я поскользнулся, но тѣмъ и окончилось.

— Что же сдѣлали?

— Полъ кто-то мыломъ намазалъ. Возмутительный фактъ.

— Невѣроятно!

— Самъ разслѣдовалъ... мыло, чистѣйшее мыло.

Кто же оказалъ любителю могущественную протекцію, кто организовалъ этотъ позоръ?

Благосклоннымъ вниманіемъ барона Кистера пользовалась извѣстная французская актриса Дика-Пти, служившая въ Михайловскомъ театрѣ.

У нея была горничная. Такъ вотъ черезъ эту горничную, съ которой Вергинъ случайно познакомился, онъ и добился дебюта.

Трудно повѣрить, чтобы разсказанное могло произойти, но фактъ внѣ сомнѣнія и достоинъ быть занесеннымъ на скрижали исторіи петербургскаго театра. Впрочемъ, горничной потомъ отъ французской актрисы попало. Могъ ли думать могущественный тогда баронъ Кистеръ, чье желаніе онъ исполнилъ?

Передавали, что онъ умеръ, не подозрѣвая этого, а ему почтительнѣйше доложили, что дебютанта вызывали столько-то разъ (принято было офиціально считать вызовы) и что успѣхъ былъ среднiй и раздавалось изрѣдка шиканье. О томъ, что смѣхъ въ театрѣ стоялъ неугомонный, умолчали.

Только русская публика, выносливая и терпѣливая, способна хохотать надъ подобными дебютантами, за границей его бы освистали и забросали всякою дрянью. Такого спектакля никто больше не видалъ.

Надо объяснить, что дебюты въ Александринскомъ театрѣ разрѣшались извѣстнымъ актерамъ съ необычайнымъ трудомъ. Ходили къ начальнику репертуара, къ режиссеру, къ первымъ актерамъ и

просили. Случалось, что мытарства заканчивались обратнымъ отъѣздомъ въ провинцію.

И на ряду съ этимъ—безпримѣрный, волшебный фокусъ Николая Вергина. Братъ его, актеръ, успѣвшій зарекомендовать себя, и дѣйствительно удачно, получилъ дебютъ, надо полагать, черезъ добрый десятокъ лѣтъ.

О воображаемомъ «мылѣ» потомъ постоянно вспоминали за кулисами, говоря, что мыло принесъ самъ Вергинъ, какъ мыльный пузырь.

Провинціальный актеръ Александръ Семеновичъ Быковъ, дебютировавшій въ Александринскомъ театрѣ, какъ это ни курьезно, тоже говорилъ мнѣ, что ему во время исполненія роли Краснова («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ») чѣмъ-то полъ мазали и помощникъ режиссера передъ выходомъ актеровъ задерживалъ.

Дѣйствительно, одно дѣйствующее лицо запоздало, вѣроятно, безъ режиссерскаго умысла, а насчетъ мыла искренно посмѣялись.

— Что за полотеры!—острилъ Николай Ивановичъ Арди.

А. С. Быкова, написавшаго впослѣдствіи нѣсколько пьесъ и превратившагося въ репортера «по особо важнымъ уголовнымъ дѣламъ», сотрудничавшаго въ «Петербургской Газетѣ», я видѣлъ въ Александринскомъ театрѣ въ комедіи «Семейныя тайны» Ознобишина, гдѣ онъ игралъ старика-генерала и талантливо кряхтѣлъ, по мѣткому замѣчанію кого-то изъ рецензентовъ.

Быковъ славился не столько, какъ хорошій актеръ, сколько своею честностью и благородствомъ. Всю жизнь онъ болѣлъ и стоналъ, въ немъ клокотало оскорбленное артистическое самолюбіе.

Всѣ, помнящіе Николая Ивановича Арди, согласятся со мной, что онъ обладалъ большимъ талантомъ и въ бытовомъ репертуарѣ до сихъ поръ не имѣетъ замѣстителя. Юморъ Арди, его веселость, живость внѣ сравненія. Купчикъ, писарь въ его обрисовкѣ достигали истинной художественности.

Я вспоминаю Арди въ «Горе отъ ума», гдѣ онъ изображалъ г. N. Появленіе его и двѣ-три брошенныя фразы вызвали бурю рукоплесканій: до такой степени онъ былъ серьезно комиченъ и далъ такую типичную фигуру. Судьба Николая Ивановича въ Петербургѣ интересна. Нѣсколько лѣтъ его причисляли къ бездарностямъ, подсмѣивались надъ его грубымъ провинціализмомъ и пр.

Немудренно: вмѣсто того, чтобы использовать дарованіе Арди, его пихнули въ оперетку и заставили, напримѣръ, изображать Париса въ «Прекрасной Еленѣ». Арди былъ маленькимъ, толстенькимъ и скорѣе всего подходящимъ для изображенія Бобчинскаго, но не Париса.

Разумѣется, выходило карикатурно и вызывало глумленіе. Сбросивъ съ плечъ этотъ грузъ, Арди показалъ себя художникомъ въ репертуарѣ Островскаго, создавъ рядъ типовъ, самыхъ разно-

образныхъ. Я не знаю, какого происхожденія былъ Н. И. Арди, кажется, изъ казаковъ съ Дону, но многихъ вводила въ заблужденіе его фамилія. Болѣе русскаго человѣка, чѣмъ Арди, трудно было себѣ представить на сценѣ. Въ этомъ отношеніи по складу рѣчи, по юмору и всей своею манерою говорить онъ приближался къ такому типичному художнику, выразителю русской жизни, какъ незабвенный Горбуновъ.

Даже въ мелкихъ созданіяхъ, напримѣръ, въ роли писаря въ ничтожномъ водевилѣ «Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу», Арди давалъ удивительныя фигуры, вызывая заразительный смѣхъ. Изъ посредственности, изъ опереточнаго ничтожества его произвели въ выдающагося, талантливаго актера, и это производство со стороны публики и печати было безусловно заслуженнымъ.

Я все-таки считаю, что Арди не былъ оцѣненъ вполнѣ и его поняли лишь послѣ смерти, когда въ труппѣ почувствовали брешь. Большинство его ролей поручили А. С. Панчину, очень способному молодому человѣку, но по сравненію съ Арди—это небо и земля.

Панчинъ, выйдя изъ театральнаго училища, пѣлъ тоже въ опереткѣ, гдѣ и обратилъ на себя вниманіе. Въ Александринскомъ театрѣ, будучи юношей, онъ выдвинулся ролью Хлестакова, перепавшей ему случайно.

Впослѣдствіи Панчинъ, хотя и занималъ опредѣленное положеніе въ труппѣ и былъ всегда очень полезенъ, но далъ меньше, чѣмъ ожидали отъ него въ театрѣ и школѣ.

На смѣну Александра Александровича Нильскаго стали показывать Л. Каширина, который вышелъ,—насколько память говоритъ,—въ музыканты и игралъ на мѣдныхъ инструментахъ въ театральномъ оркестрѣ.

Каширинъ отличался изъ ряду выходящей красотой, поражавшей всѣхъ. При стройной, высокой фигурѣ Каширинъ, по внѣшнимъ даннымъ, представлялъ рѣдкаго исполнителя для ролей любовниковъ.

Внутренній багажъ артиста оказался бѣднымъ: ни сердца, ни души, ни темперамента. И тѣмъ не менѣе красота, плюсъ слащавость, недурныя манеры и нѣкоторый сценическій навыкъ открыли ему порядочную дорогу на сценѣ: онъ замѣнялъ Нильскаго и получалъ много ролей.

Объ его красотѣ разсказывали, что, когда онъ, будучи музыкантомъ, вошелъ первый разъ въ антрактѣ въ оркестръ, такъ возбудилъ общее вниманіе. По сценѣ Каширинъ прошелъ, принимая во вниманіе его микроскопическія способности, незамѣченнымъ.

Въ jeune premier вскорѣ прочили воспитанника театральнаго училища Р. Аполлонскаго. Я его встрѣчалъ мальчикомъ въ формѣ театральнаго училища. Полный, румяный и также очень красивый, онъ выдавался среди товарищей манерой прилично держаться,

Нынѣшній премьеръ Александринскаго театра пробивалъ себѣ дорогу безпрерывнымъ трудомъ и на первыхъ шагахъ ея обнаружилъ любовное отношеніе къ своей работѣ. Публика видитъ, какихъ успѣховъ достигъ Р. Б. Аполлонскій и какъ онъ использовалъ свое дарованіе. Остановлю вниманіе читателя на принятомъ въ труппу нѣсколько позднѣй Леонидѣ Ивановичѣ Градовѣ-Соколовѣ, питомцѣ также театральной школы, но кочевавшемъ по провинціи.

Въ Петербургъ Леонидъ Ивановичъ возвратился тріумфаторомъ, но не актеромъ, а исполнителемъ куплетовъ, зачастую пошленькихъ, представлявшихъ собою плоды дешеваго грубаго обличенія. Толпа облюбовала этотъ культъ куплетистики, созданный на Александринской сценѣ очень талантливымъ актеромъ Ипполитомъ Ивановичемъ Монаховымъ. Монаховъ передавалъ бездѣлки художественно, говорилъ подъ аккомпаниментъ не хуже Иветы Гильберъ.

Весь Петербургъ распѣвалъ «Смѣхъ», «Если любишь ты кататься», «Ma parole d'honneur» и пр.

Монаховъ вовлекъ въ невыгодную сдѣлку Виктора Крылова, Григорія Лишина и многихъ другихъ драматурговъ и юмористовъ, склонивъ ихъ писать куплеты. Для ихъ репутаціи это было, разумѣется, невыгодно...

Увлеченіе «куплетистикой», какъ называли тогда этотъ родъ развлеченія, перешелъ всякія границы: гимназисты пѣли куплеты и подражали Монахову, передававшему ихъ голосомъ съ непріятнымъ носовымъ звукомъ.

Именно въ носъ и подражатели старались исполнять всю эту пошлятину, противъ которой разразились даже «Отечественныя Записки» Краевскаго и Некрасова.

Монаховъ стяжалъ обильные лавры, отодвинувъ этими успѣхами свое значеніе, какъ талантливаго, интеллигентнаго актера.

Послѣ смерти Монахова первенство въ куплетистикѣ оспаривали разные актеры съ такимъ же рвеніемъ, какъ... ну, какъ оспаривали одно время, послѣ смерти М. Н. Каткова въ публицистикѣ его роль: припомните, сколько являлось у него продолжателей и каждый норовилъ заполучить субсидію.

Жаль было, что такой актеръ, какъ Ипполитъ Монаховъ, расточалъ свое дарованье на куплетцы. Съ одной стороны, вспоминали И. А. Гончарова, указывавшаго на талантъ Монахова, съ другой стороны, слушали блестки грошеваго остроумія.

Репертуаръ Монахова отличался разнообразіемъ, онъ игралъ и стариковъ и безподобно изображалъ представителей молодежи, вродѣ Жоржа Градищева въ драмѣ Николая Потѣхина «Злоба дня», а ранѣе появлялся царемъ Ахилломъ въ «Прекрасной Еленѣ», созданной у насъ В. А. Лядовой.

Монаховъ игралъ съ М. Г. Савиной и тоже восторгался однимъ изъ первыхъ ея талантомъ.

— Большая актриса!—говорилъ онъ въ моемъ присутствіи на лекціи П. Д. Боборыкина о театрѣ въ Художественномъ клубѣ. На этой лекціи присутствовала и новая молодая актриса М. Г. Савина.

Монаховъ иронизировалъ слегка надъ выводами и заключеніями П. Д. Боборыкина, махавшаго на каѳедрѣ руками, кричавшаго и поминутно прихлебывавшаго воду.

Въ пьесахъ Островскаго Монаховъ почти не появлялся, не сочувствуя особенно быту. Онъ выступалъ въ пьесахъ Боборыкина, Крылова, Алексѣя Потѣхина, Николая Потѣхина, игралъ Чацкаго, Хлестакова и пр.

Иначе его не называли, какъ «любимецъ публики». Монаховъ прожигалъ свою жизнь, любилъ пирушки, кутежи и не щадилъ своего здоровья. Онъ похоронилъ себя очень рано.

За гробомъ его шла толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Особенно много было дамъ. Похоронами руководилъ актеръ Александринскаго театра К. Г. Бродниковъ, имѣвшій слабость къ похоронному дѣлу. Его приглашали въ качествѣ свѣдущаго лица по этому дѣлу во время прибытія и погребенія тѣла И. С. Тургенева. Бродниковъ изображалъ собою какого-то диллетанта похоронныхъ процессій. Объ немъ еще придется вспомнить, фигура эта за кулисами Александринскаго театра была любопытная.

Я ѣздилъ на похороны Монахова съ Иваномъ Платоновичемъ Киселевскимъ, вступившимъ потомъ въ составъ труппы Александринскаго театра. Возвращаюсь къ Л. И. Градову-Соколову.

Его пригласили по рекомендаціи А. А. Соколова, кстати сказать, кажется, служившаго въ Александринскомъ театрѣ до превращенія въ журналиста и театральнаго критика, любившаго поругаться, но довольно чуткаго человѣка, близко изучившаго театральные нравы и театральную машину.

Градовъ-Соколовъ выступилъ въ новомъ открывшемся саду «Ливадія» и загремѣлъ куплетами.

— Монаховъ такъ не пѣлъ!

— Выше Монахова!—закричали о немъ.

Передавалъ онъ куплеты, дѣйствительно, съ заразительной веселостью, погрубѣй, пожалуй, Монахова, но оригинально, талантливо.

До того хорошо, что его приходилось сожалѣть.

Вѣдь это растрата дарованія!

Потомъ Градовъ-Соколовъ на слѣдующій сезонъ перекочевалъ въ «Аркадію», по сосѣдству въ Новой деревнѣ, гдѣ взялъ антрепризу оперетки знаменитый въ свое время оперный пѣвецъ Іосифъ Яковлевичъ Сѣтовъ.

Тутъ опять Градову-Соколову сопутствовалъ полный успѣхъ, къ счастію, не удовлетворявшій Леонида Ивановича, который, какъ умный человѣкъ, сознавалъ, что на опереткѣ далеко не уѣдешь и только загубишь карьеру.

Охладѣлъ онъ и къ куплетамъ, уклоняясь пѣть ихъ даже за баснословный гонораръ.

Градовъ-Соколовъ снова появился въ Александринскомъ театрѣ. Я смотрѣлъ его въ Расплюевѣ («Свадьба Кречинскаго»), гдѣ онъ понравился публикѣ и имѣлъ хорошій успѣхъ.

Глубокаго комизма онъ не проявилъ, но во всякомъ случаѣ показалъ, что актеръ выдающійся, которому всегда найдется мѣсто и дѣло въ серьезной труппѣ.

Градовъ-Соколовъ недолго оставался въ труппѣ Александринскаго театра, соблазнившись предложеніемъ вступить въ труппу Корша, гдѣ, появляясь большею частью въ легкихъ, фарсовыхъ роляхъ, завладѣлъ прочно симпатіями москвичей.

Въ Москвѣ Леонидъ Ивановичъ и покончилъ свои дни. По своей натурѣ онъ всегда былъ склоненъ къ безсоннымъ ночамъ и къ попойкѣ, разсчитывая на крѣпкое здоровье. Этимъ онъ и расшаталъ свой организмъ.

Я любилъ Градова-Соколова за удивительное съ его стороны уваженіе къ литературѣ, къ печати вообще или къ той ея части, которая заслуживала этого. Дружилъ онъ всегда съ литературой, журналистикой, и въ этомъ мірѣ его очень любили. У него было много друзей.

Иванъ Платоновичъ Киселевскій, бывшій нотаріусъ въ Курскѣ, потомъ любитель и наконецъ заправскій актеръ, появлялся въ Александринскомъ театрѣ не разъ. Дебютировалъ впервые въ «Старомъ баринѣ» Пальма, играя послѣ Самойлова, затѣмъ въ роли Диковскаго («Блуждающіе огни» Л. Н. Антропова) и пр.

Несмотря на почтенный возрастъ, когда Киселевскій вступилъ въ труппу Алёксандринскаго театра, онъ представлялся совершеннымъ юношей и порой даже легкомысленнымъ: ролей учить особенно не любилъ, надѣясь на доброе сочувствіе суфлеровъ, но это не мѣшало ему нравиться публикѣ.

Общительность Киселевскаго скоро сдружила его со всей труппой, хотя болтливый острый язычекъ Ивана Платоновича вредилъ ему.

Очень многіе изъ актеровъ побаивались Киселевскаго, потому что онъ злобно вышучивалъ ихъ, подмѣчая, благодаря своей наблюдательности, слабыя стороны.

Иванъ Платоновичъ терпѣлъ вѣчную нужду, какой бы окладъ ни получалъ. По своей добротѣ онъ дѣлился съ товарищами деньгами, потомъ занималъ, забиралъ впередъ жалованье и постоянно, улыбаясь, печаловался на безвыходное положеніе.

Но какъ бы тяжело ему ни приходилось, онъ всегда сохранялъ жизнерадостность, всегда былъ весело настроенъ и являлся незамѣнимымъ собесѣдникомъ въ компаніи.

Сыгравъ гдѣ-нибудь въ клубѣ, получивъ порядочный гонораръ, онъ его тутъ же за ужиномъ и оставлялъ.

Киселевскій былъ бариномъ и на самомъ дѣлѣ и въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято характеризовать россійское барство: беззаботный, транжира, не считающій денегъ, широкій, безпечный, добрый, живущій въ сущности больше для другихъ, для окружающихъ, чѣмъ для себя.

Ивану Платоновичу ничего не стоило, поссорившись съ дирекціей, разстаться съ обезпеченнымъ положеніемъ, собрать пожитки и уѣхать въ провинцію, куда глаза глядятъ. Самолюбіе свое онъ берегъ пуще всего и ради него жертвовалъ всѣмъ.

Отказался служить, взялъ чемоданъ и укатилъ. Потомъ, глядишь, опять возвратится. Кончилъ онъ все-таки провинціей и скончался въ Кіевѣ, не оставивъ послѣ себя ровно ничего, какъ вся талантливая и неталантливая литературно-театральная русская богема. Таковы мы всѣ, за ограниченнымъ исключеніемъ, и никогда, кажется, насъ не передѣлаешь.

Съ Киселевскимъ я прожилъ сезонъ въ Кронштадтѣ, гдѣ мы вмѣстѣ нанимали одну комнату, служа въ Кронштадтскомъ новомъ, потомъ сгорѣвшемъ театрѣ у антрепренера Рапопорта, до того времени музыкальнаго критика, пріятеля Патти, Нильсонъ, Арто, Тамберлика и др.

Жалованья не платили. Мы не унывали и по недѣлямъ съ Киселевскимъ питались ветчиной и колбасой. Я былъ юнъ, Киселевскій въ годахъ, но такое прозябаніе на него ровно никакого впечатлѣнія не производило. Веселый, бодрый духъ его не покидалъ.

Про Киселевскаго на казенной сценѣ уцѣлѣло немало анекдотовъ объ его оговоркахъ, недоразумѣніяхъ съ суфлерами, о сценической импровизаціи и пр. Половина ихъ безусловно присочинена.

Для драматурговъ Киселевскій былъ тяжеловатъ и не только тѣмъ, что слабо училъ роли въ новыхъ пьесахъ, но онъ подтрунивалъ надъ ними, подхватывая въ силу своей интеллигентности промахи и курьезы. Рѣчь идетъ, конечно, о такихъ драматургахъ, которые не принадлежали къ числу выдающихся, всѣми признанныхъ.

Много крови имъ портилъ Киселевскій. Копировалъ онъ ихъ, разсказывалъ про нихъ анекдоты по городу. Не мудрено, что нѣкоторые его считали человѣкомъ непріятнымъ, а вотъ мы, знавшіе близко Ивана Платоновича, можемъ подтвердить, что никакой злобы, никакого недоброжелательства въ немъ въ сущности не было. Безъ всякаго умысла сбрехнетъ онъ что-нибудь и самъ забудетъ. А потомъ говорятъ: вотъ что Киселевскій распространяетъ.

Если ему кто-нибудь насолилъ, напакостилъ серьезно, ну, тогда онъ превращался въ мстительнаго человѣка и покою не давалъ, извести могъ.

Были роли, для которыхъ не подыщешь другого Киселевскаго. Какого Кречинскаго онъ давалъ, любо было смотрѣть! Тонъ, выдержка, манера, блескъ, спокойствіе.

Ставили въ Александринскомъ театрѣ мою шутку «Въ ссудной кассѣ». Киселевскій по дружбѣ самъ вызвался мнѣ сыграть актера и изъ пустячной, крошечной роли создалъ типичное лицо. Въ «Каширской старинѣ», изображая старика-боярина, онъ былъ удивительно хорошъ, а между тѣмъ Аверкіева недолюбливалъ, считая его языкъ коверканнымъ.

Репертуаръ Ивана Платоновича былъ такъ обширенъ, что онъ самъ не перечислилъ бы сыгранныхъ имъ ролей.

Воспитанный человѣкъ, пріятныхъ формъ, онъ нигдѣ не терялся, и въ любомъ обществѣ чувствовалъ себя хорошо, свободно.

За кулисами его Е. И. Левкѣева называла довольно мѣтко «губернаторъ». «Говоритъ, какъ губернаторъ, сядетъ—губернаторъ и манера губернатора».

Покойный страдалъ отъ кредиторовъ. Заболѣваніе хроническое въ закулисной жизни. Благодаря имъ, полагаю, Киселевскій не любилъ устраиваться въ своей квартирѣ, въ своемъ углу, предпочитая меблированныя комнаты.

— У меня нѣтъ страсти къ вещамъ, къ предметамъ роскоши и обстановкѣ!—сознавался Киселевскій.

И хорошо, а то обстановку пожирали бы кредиторы.

Короткое время въ труппѣ Александринскаго театра служилъ М. К. Стрѣльскій, другъ Киселевскаго, герой провинціальной сцены, мужъ Е. А. Алексѣевой, о которомъ я упомянулъ.

Михаилъ Кузьмичъ Стрѣльскій (Третьяковъ) въ юные годы служилъ въ Маломъ московскомъ театрѣ, затѣмъ въ провинціи, пѣлъ въ опереткѣ, наконецъ попалъ въ Александринскій театръ, откуда его быстро выжили. Звѣздъ съ неба онъ не хваталъ, но справедливо считался полезнымъ человѣкомъ, болѣе даровитымъ, чѣмъ иные счастливцы, получавшіе здоровые оклады. Стрѣльскій служилъ въ провинціи вмѣстѣ съ М. Г. Савиной, которая рекомендовала его дирекціи.

Выше я, попутно, припуталъ имя К. Г. Бродникова, о которомъ нельзя промолчать.

Толстякъ съ лысой головой, въ очкахъ, съ перстнями на толстыхъ, короткихъ пальцахъ, съ брильянтовыми булавками въ галстукахъ и съ разноцвѣтными пуговицами на жилетахъ, онъ вездѣ былъ замѣтенъ. Дарованіями Богъ Бродникова не наградилъ, да онъ и не выражалъ претензій на талантъ и роли, замѣчая лишь вскользь, что гдѣ-то имѣлъ колоссальный успѣхъ въ роли городничаго. Гдѣ—я до сихъ поръ не знаю.

Бродниковъ занималъ маленькую квартирку на Невскомъ, у Казанскаго моста, надъ нынѣшнимъ Учетно-Ссуднымъ банкомъ. Эту квартирку актерство знало отлично и вотъ почему: въ тѣ годы, о которыхъ говорю, не было театральныхъ агентствъ, не было Театральнаго общества.

Представителемъ крупныхъ антрепренеровъ въ столицѣ былъ К. Г. Бродниковъ.

Онъ имъ рекомендовалъ актеровъ, онъ имъ посылалъ новыя пьески, словомъ, служилъ по силѣ возможности. Отсюда и вели происхожденіе бродниковскіе булавки и перстни, полученные имъ, какъ подарки, отъ благодарныхъ антрепренеровъ и актеровъ.

Увѣряли, что у Бродникова есть капиталецъ, но онъ открещивался энергично отъ такихъ слуховъ, благодаря которымъ у него просили деньги въ долгъ. Давать онъ не любилъ и каждую копейку тратилъ, скрѣпя сердце.

— Что бы, мой добрый другъ (это его вѣчная и любимая поговорка), скушать подешевле!—произносилъ онъ, просматривая карту въ клубѣ или ресторанѣ.

А когда его угощалъ неизмѣнный другъ, водевилистъ, журналистъ и редакторъ «Новаго Времени» М. П. Федоровъ, онъ легко проглатывалъ по три блюда на ночь, запивая ихъ виномъ.

— Я угощаю! заказывайте!—объявлялъ Федоровъ.

— Мой добрый другъ! это благородно съ вашей стороны. Сегодня я даже не прочь съѣсть что-нибудь посущественнѣе.

И ѣли они безъ конца, не считаясь съ своей толщиной. Бродниковъ игралъ вторыя и третьи роли, игралъ, царство ему небесное, весьма плохо, но всегда стараясь создать что-то необычайное, мудрое.

Потуги оставались безрезультатными, и ничего изъ нихъ не выходило. Надъ Бродниковымъ за кулисами Александринскаго театра любовно потѣшались. А какъ, бывало, умретъ кто изъ товарищей, къ нему:

— Константинъ Григорьевичъ, похлопочите.

У гробовщика онъ былъ недосягаемъ. Торговался, поражалъ Шумиловыхъ старшихъ и младшихъ познаніями въ техникѣ дѣла и въ коммерческихъ его тайнахъ. Ужъ его на глазетѣ или гробикѣ не проведешь. И къ лицу выберетъ, и практично, и прочно, и самъ лично въ церкви распоряжается, и чуть могилу не роетъ.

О разрядахъ тогда не слышно было, хоронили бѣдно и богато, а Бродниковъ умѣлъ похоронить какъ будто богато, но вмѣстѣ съ тѣмъ экономическимъ способомъ.

Злая иронія судьбы обидѣла бѣднягу Бродникова: заболѣвъ, страшно исхудавъ, онъ уѣхалъ лечиться въ Ялту и тамъ умеръ одиноко, вдали отъ товарищей, и некому было его похоронить. И теперь эта могилка смотритъ заброшенной.

Совершенно неожиданно въ одномъ изъ великопостныхъ концертовъ Александринскаго театра, которые устраивались актерами и режиссерами въ свою пользу, выступилъ, опять-таки съ пошленькими куплетами, Маріусъ Маріусовичъ Петипа, сынъ знаменитаго балетмейстера и нынѣ извѣстный актеръ провинціи.

Рѣдко красивый, напоминавшій южанина-француза, Петипа спѣлъ куплеты и имѣлъ успѣхъ, встрѣтивъ, впрочемъ, антагонизмъ среди спеціалистовъ по куплетному ремеслу, поклонниковъ Монахова.

— Неслыханная дерзость, конкурировать съ кѣмъ? съ Монаховымъ. Ну, и что же! никакой художественной отдѣлки. Тотъ плюнетъ, просто плюнетъ, и выходитъ художественно.

Я слышалъ это мнѣніе изъ устъ популярнаго юриста-театрала, здравствующаго и понынѣ.

Петипа заинтересовались, стали ходить слухи, что онъ даровитый актеръ, отлично поетъ въ опереткѣ. Очень скоро онъ и подтвердилъ это, спѣвъ на той же Александринской сценѣ Париса въ «Прекрасной Еленѣ». Голосъ не ахти какой, но развязность, живость, совсѣмъ родственная опереткѣ по ея національному происхожденію.

Петипа ангажировали въ труппу Александринскаго театра. Этотъ пріемъ окрылилъ переводчиковъ оперетокъ Григорія Лишина, Василія Курочкина, В. Александрова (Крылова) и др., которые вѣрили еще въ живучесть оперетки на образцовой сценѣ.

Новый актеръ появился наконецъ въ комедіи, видѣлъ я его, между прочимъ, замѣнявшимъ Монахова въ «Злобѣ дня». Манера игры у него была не русская, французъ чувствовался, надо было привыкать къ этому тону и надѣяться, что онъ измѣнится подъ вліяніемъ игры окружающихъ.

Послѣднее предположеніе сбылось. М. М. Петипа принялся работать надъ собой, и черезъ года два его нельзя было узнать.

Для салонной комедіи, а такая была тогда въ Александринскомъ театрѣ, Петипа оказался находкой. Его достоинствомъ было еще умѣніе носить костюмъ. У Петипа явилась тьма поклонницъ, по количеству не уступавшая компаніи «мазинистокъ», т. е. почитательницъ тенора Мазини.

Это я отмѣтилъ мимоходомъ, такъ какъ и у непрекрасной половины успѣхъ М. М. Петипа былъ обезпеченъ. Онъ вошелъ въ репертуаръ и замѣнялъ потомъ Монахова.

Труппа Александринскаго театра мало-по-малу видоизмѣнялась по составу и усиливалась, ансамбль выигрывалъ.

Петипа разстался съ Александринской сценой въ цвѣтущую пору его дарованія. Почему онъ ушелъ и почему его отпустили, не берусь объяснить, но сожалѣлъ вмѣстѣ съ театралами объ этой потерѣ. Провинція ухватилась за М. М. Петипа, и до нынѣшнихъ дней онъ вездѣ желанный гость.

Очень скоро началъ выдвигаться Р. Б. Аполлонскій, а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ пожаловалъ впервые Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ.

Съ Далматовымъ за годъ передъ тѣмъ мы познакомились въ Москвѣ, служили вмѣстѣ въ Пушкинскомъ театрѣ Бренко и бражничали вмѣстѣ. Я уговаривалъ его ѣхать въ Петербургъ, завѣряя, что, заручившись дебютомъ, онъ навѣрное будетъ принятъ и замѣнитъ въ цѣломъ рядѣ пьесъ Монахова. Далматовъ заболѣлъ, и мы разстались. Въ Петербургѣ я встрѣтилъ Николая Антиповича Потѣхина, моего большого пріятеля, которому восторженно говорилъ о Далматовѣ, прося сказать о немъ брату Алексѣю Антиповичу Потѣхину, вступившему въ управленіе русской труппой.

Нѣсколько разъ я ему напоминалъ, и Николай Потѣхинъ мнѣ сообщилъ наконецъ, что Далматову братъ его напишетъ.

Чрезъ нѣсколько дней Н. А. Потѣхинъ извѣстилъ меня, что дебютъ Далматову разрѣшенъ.

Я сейчасъ телеграфировалъ Далматову, пріѣхавшему для переговоровъ и потомъ дебютировавшему.

Василій Пантелеймоновичъ, прикативъ въ первый разъ въ Петербургъ, остановился у меня. Я издавалъ театральный журналъ «Театральный Мірокъ».

Принятъ былъ всюду Далматовъ гостепріимно, за кулисами его встрѣтили товарищи по провинціи, приласкали его Потѣхины, произвелъ онъ на всѣхъ выгодное впечатлѣніе.

— Кажется, отличный малый!—слышалось со всѣхъ сторонъ.— Интеллигентный, красивый, намъ такого надо.

Черезъ нѣсколько дней Далматова многіе называли просто Васей. По душѣ, что называется, человѣкъ пришелся.

Дебютировалъ онъ ролью Незнамова въ пьесѣ Островскаго «Безъ вины виноватые». Въ залѣ были налицо всѣ критики, актерство, литераторы.

Далматовъ струхнулъ при выходѣ, а мы, его друзья и доброжелатели, знавшіе отлично, что у него есть за кулисами недоброжелатели, струхнули за него еще больше.

Овладѣвъ собой, онъ, нужно сказать, штурмомъ взялъ успѣхъ и хорошій успѣхъ!

Гулялъ я по коридору театра взволнованнымъ и прислушивался, что говорятъ.

Одобряли! Пріемъ Далматова въ труппу, несмотря на дальнѣйшіе дебюты, представлялся совершившимся фактомъ.

Николай Потѣхинъ, который любилъ все преувеличить, говорилъ въ театрѣ, что Далматовъ будетъ принятъ. Понравился, и рѣшено принять... братъ его хвалилъ.

Я былъ счастливъ, что дѣло Далматова слаживается, словно вопросъ касался меня самого. Далматовъ перебрался въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ зачислился въ неизмѣнные петербуржцы. Покинулъ онъ Александринскій театръ, погостилъ въ Маломъ театрѣ у А. С. Суворина, но опять возвратился домой.

Я думаю, что о Далматовѣ мнѣ больше говорить не приходится. Я говорилъ о юномъ Василіи Пантелеймоновичѣ, о тогдашнемъ Далматовѣ, а нынѣшній самъ за себя говоритъ.

Крупная выросла фигура, въ чемъ я былъ давнымъ-давно убѣжденъ.

Кто-то изъ озлобленныхъ поэтовъ, едва ли не Абракадабра (актеръ Смирновъ) сочинилъ экспромтъ:

Въ искусствѣ русскомъ мы не разъ
Встрѣчали храбрыхъ акробатовъ!
Судьба вознаградила насъ:
Пріѣхалъ изъ Москвы Далматовъ.

«Очень видный и въ шинели!» необыкновенно серьезно сказалъ про Далматова покойный театралъ, извѣстный библіофилъ и бытописатель М. И. Пыляевъ.

Съ этой характеристикой, краткой, но яркой, носился потомъ другъ и по внѣшности почти двойникъ Пыляева—М. П. Федоровъ.

— Значитъ, человѣкъ со средствами!—добавилъ Федоровъ.— Очень пріятно, если онъ сдѣлается постояннымъ посѣтителемъ «Малаго Ярославца»...

Въ тѣ годы актеры и журналисты собирались ежедневно въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ», совсѣмъ какъ нынѣ въ «Вѣнѣ», съ той разницей, что тогдашніе журналисты держали себя прилично и стульевъ не ломали.

Извиняюсь передъ читателями, что я вспоминаю о моихъ встрѣчахъ въ Александринскомъ театрѣ безъ хронологическаго порядка: говоришь о томъ, что видѣлъ и слышалъ лѣтъ тридцать—тридцать пять, легко было бы напутать хронологію.

А. А. Плещеевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАКЪ МЕНЯ АРЕСТОВАЛИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ЭТО было осенью 1879 года. Я кончалъ курсъ въ бывшей медико-хирургической академіи. Жилъ я тогда вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ по гимназіи,—вѣрнѣе, у этого товарища. Будучи богатымъ человѣкомъ, онъ съ меня за занимаемыя двѣ крошечныя комнатки денегъ не бралъ. Звали этого душевнаго человѣка Сергѣй Николаевичъ С.

Это былъ типъ совершенно особаго рода. Большого роста, въ то время краснощекій, толстый, съ дѣтскимъ выраженіемъ пріятнаго русскаго лица, Сергѣй Николаевичъ былъ типичнымъ представителемъ, какъ онъ самъ выражался, неслужащаго русскаго дворянина. Курса наукъ онъ нигдѣ не кончилъ. Не могъ, или не хотѣлъ,—осталось невыясненнымъ.

Этотъ радушный человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ любившій поболтать вкривь и вкось, почти ежедневно начинялъ свою голову чтеніемъ обильныхъ политическихъ процессовъ, перепечатываемыхъ въ то время изъ «Правительственнаго Вѣстника» во всѣхъ газетахъ.

— А какъ ты думаешь, Ѳедоръ,—обращался онъ къ своему лакею, обыкновенно торчавшему въ комнатѣ во время чтенія бариномъ газеты:— куда бы мы могли спрятать убійцу генерала Мезенцова? А?

— Куда?—отвѣчалъ, смотря на свои собственные сапоги, сухой, длинный и необыкновенно грязный Ѳедоръ.—Въ печку, что ли?

Въ подобныхъ разговорахъ проходило частенько утро С. Н.

Въ описываемое мною время С. Н. было 23 года. Несмотря на это, геройство въ видѣ мысленныхъ подвиговъ Дубровскаго или въ видѣ

таинственныхъ незнакомцевъ Густава Эмара, въ критическую минуту крошившихъ «апашей», какъ картошку, все еще продолжало сидѣть въ его не много знающей, но все помнящей головѣ.

Еще менѣе опаснымъ, въ смыслѣ политической неблагонадежности (какъ тогда скромно выражались), былъ я.

Веселый, здоровый, жизнерадостный, несмотря на занятія точными науками, не задававшійся рѣшеніемъ проклятыхъ вопросовъ, я отдавалъ дань молодости.

По утрамъ аккуратно ходилъ я въ академію, много читалъ, по временамъ пѣлъ аріи изъ «Трубадура» и «Аиды», а по вечерамъ при случаѣ плясалъ на вечерахъ до цыганскаго пота. Кромѣ этого, я постоянно влюблялся, впрочемъ, не опасно. Рѣшительно въ каждомъ домѣ, гдѣ я бывалъ, у меня была на примѣтѣ особа, въ которую я былъ влюбленъ. Пока я сидѣлъ съ нею рядомъ, я считалъ себя рѣшительно въ нее влюбленнымъ...

Къ тогдашнимъ стриженымъ дѣвицамъ я никакой любви не ощущалъ. Короче сказать, «гражданскимъ ознобомъ», по удачному выраженію Глѣба Успенскаго, я не страдалъ, а потому и къ внутренней политикѣ склонности не имѣлъ. Къ политическимъ же убійствамъ, бывшимъ и тогда въ разгарѣ, я чувствовалъ омерзѣніе.

На такихъ-то двухъ опасныхъ въ политическомъ отношеніи молодцовъ, какъ С. Н. и я, въ то время даже въ глаза не видѣвшихъ ни одного революціоннаго (по тогдашнему—подпольнаго) листка, никогда не якшавшихся съ людьми даже «длинноволосыми», т. е. только на видъ политически сомнительными, тѣмъ не менѣе готовилась облава...

Въ началѣ октября, выдержавъ одинъ изъ выпускныхъ экзаменовъ, я отправился въ Михайловскій театръ. Въ первомъ часу ночи мы съ С. Н. уже лежали въ постеляхъ и мирно похрапывали. Вдругъ ночная тишина огласилась криками и неистовыми звонками. Кричали и звонили сразу на парадной и черной дверяхъ, звонили безъ передышки, во всю.

Черезъ минуту все объяснилось. Вся наша квартира, въ особенности наши спальни, наполнились жандармами, городовыми, околоточными, предводительствуемыми какимъ-то полицейскимъ статскимъ совѣтникомъ и бравымъ майоромъ въ казачьей формѣ.

— Отдайте револьверъ,—раздалось надъ моимъ ухомъ, и нѣсколько грубыхъ рукъ полѣзли подъ мою подушку.

Увы, ни у меня, ни у моего товарища револьверовъ не оказалось. Правда, у меня подъ подушкою было найдено нѣсколько томовъ либеральнаго по тогдашнему времени «Вѣстника Европы», замѣнявшихъ мнѣ недостававшую вторую подушку, но, по счастью, на это буквальное вбиваніе себѣ въ голову либерализма полицейскими въ то время не было обращено должнаго вниманія. Затѣмъ начался обыскъ. Заглядывали всюду, перерыли все, что могли перерыть,

употребивъ на это $6^1/_2$ часовъ (съ $12^1/_2$ ч. ночи до 7 утра) и, конечно, не только не нашли, но и не могли найти ни одной іоты, могущей насъ скомпрометировать. Уже часа въ 4 утра статскій совѣтникъ и майоръ, убѣдившись, что съ нашей стороны сопротивленія не будетъ, стали вести себя съ нами нѣсколько иначе.

Майоръ, пошептавшись съ статскимъ совѣтникомъ, попросилъ насъ приказать поставить самоварчикъ.

— Вы не повѣрите,—заявилъ онъ мнѣ:—какъ мы устаемъ съ обысками. Вѣдь каждую почти ночь одно и то же... Сна не знаешь...

Правда, въ моемъ письменномъ столѣ они разыскали массу любовной переписки и на розовой и на голубой бумажкахъ и занялись было ихъ чтеніемъ, но, разобравъ сразу невинность ихъ содержанія, перестали ими интересоваться, сваливъ ихъ просто въ кучу. При этомъ майоръ замѣтилъ мнѣ, и, кажется, не безъ зависти, что на обиліе такой «переписки» за всю практику онъ наткнулся во время обыска только у одного присяжнаго повѣреннаго.

Въ свою очередь, и мы съ С. Н. оперились, въ особенности въ виду сознанія, что за нами ровно никакой вины не числилось. Мы начали весело болтать, предлагали околоточнымъ сѣсть, говоря (несмотря на шипѣніе статскаго совѣтника), что не можемъ допустить, чтобы такіе достойные люди такъ долго стояли на вытяжку.

Пропустивъ въ себя два стакана нашего чая, статскій совѣтникъ вдругъ громогласно объявилъ намъ: «Хотя у васъ ничего предосудительнаго не найдено, но по приказанію Третьяго отдѣленія я васъ арестую!..»

Эти слова поразили меня въ особенности. Неизвѣстность, сколько и гдѣ придется высидѣть, невозможность докончить выпускные экзамены—сразу повліяли на мою психику.

С. Н., которому будущее сидѣніе отнюдь не представлялось въ мрачномъ видѣ, разъ ему сидѣть сиднемъ было все равно гдѣ и сколько времени, а занятій за нимъ никакихъ не числилось, не потерялъ присутствія духа и когда мы уже вталкивались въ карету (нанятую, къ слову сказать, на нашъ же счетъ), онъ, обратясь къ статскому совѣтнику, спросилъ его:

— А долго ли насъ продержатъ въ тюрьмѣ?

— Не знаю-съ,—былъ отвѣтъ.

— Читали ли вы «Графа Монте-Кристо»?—продолжалъ С. Н.

— Прошу васъ не задавать мнѣ неумѣстныхъ вопросовъ,—обозлился статскій совѣтникъ.

— Я васъ потому спрашиваю,—не унимался С. Н.:—чтобы вы попросили кого слѣдуетъ, дабы насъ, какъ графа Монте-Кристо, также не продержали въ тюрьмѣ 30 лѣтъ!..

Когда мы подкатили къ предварительной тюрьмѣ, было уже совершенно свѣтло.

— Вы насъ извините,—сказалъ мнѣ тамъ смотритель, обшаривая мои карманы и забравъ все цѣнное, бывшее на мнѣ, вплоть до золотыхъ пуговокъ и запонокъ:—мнѣ придется васъ посадить въ № 13-й. Этотъ номерокъ у насъ обыкновенно служитъ мѣстомъ наказанія. Да ничего не подѣлаешь. Все-съ переполнено.

И дѣйствительно, помѣщеніе, въ которомъ я вскорѣ оказался запертымъ, своимъ отталкивающимъ видомъ, промозглымъ запахомъ, сыростью, темнотою повліяло весьма грустно даже на мою веселую, неприхотливую студенческую душу.

№ 13-ый, очень высокій, былъ длиною въ $3^1/_2$ шага и шириною въ $1^1/_2$. На стѣнѣ, противоположной входной двери, у потолка было крошечное отверстіе, исправлявшее должность окна и позволявшее видѣть клочокъ петербургскаго октябрьскаго неба. Налѣво отъ дверей красовалось какое-то сооруженіе, напоминавшее кровать, съ крошечною подушкою, состоявшей положительно изъ одной только наволочки. У правой стѣны я нащупалъ 2 прикрѣпленныхъ къ ней желѣзныхъ листа, одинъ побольше, другой поменьше, замѣнявшихъ собою столъ и стулъ и такъ хитро устроенныхъ, что при откидываніи отъ стѣны стулъ оказывался на одномъ уровнѣ со столомъ. Въ одномъ изъ угловъ находилась удивительная гигіеническая посудина, такъ называемая «параша».

Самымъ остроумнымъ приспособленіемъ отличался звонокъ, находившійся у входной двери. При нажатіи пуговки онъ сходилъ съ своего мѣста и звонилъ только одинъ разъ. Затѣмъ пуговку можно было нажимать безконечное число разъ безъ всякихъ результатовъ. Только приходъ надзирателя, вдвигавшаго звонокъ на свое прежнее мѣсто, давалъ ему новую жизнь. Являлся же надзиратель или сейчасъ, или черезъ 5 минутъ, или черезъ 2 часа, смотря по желанію.

— Сегодня вамъ придется отвѣдать казенной пищи,—сказалъ мнѣ вошедшій надзиратель.—Съ завтрашняго дня, если у васъ при обыскѣ отобраны деньги, вы можете кормиться на свой счетъ. Здѣшній экономъ (или смотритель, теперь хорошо не помню) отпускаетъ обѣды въ различную цѣну.

Заказавъ себѣ на завтра обѣдъ, я сталъ дожидаться казеннаго обѣда. До поданной мнѣ бурды я, несмотря на голодъ, положительно не могъ дотронуться. Одинъ ея видъ вызывалъ во мнѣ тошноту.

Изъ опасенія, какъ бы я не посягнулъ на свою драгоцѣнную жизнь, мнѣ за все время моего пребыванія въ предварительной тюрьмѣ ни разу не дали ни вилки, ни ножа. Приходилось поэтому ѣсть руками, кромѣ, разумѣется, супа; для послѣдней операціи мнѣ черезъ надзирателей разрѣшено было пріобрѣсти, разумѣется, на свои средства, крошечную деревянную ложечку.

Рано утромъ меня разбудили, причемъ попросили заняться подметаніемъ комнаты. Услыхавъ отъ меня положительный отказъ, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ метла, которую мнѣ до этого на-

стойчиво всовывалъ въ руки надзиратель, была вручена какому-то вызванному изъ сосѣдняго № обыкновенному арестанту, который, кажется, за гривенникъ обѣщалъ ежедневно тщательно убирать мою комнату.

На третій день моего пребыванія въ № 13 дверь внезапно отворилась, и вошелъ одинъ изъ надзирателей.

— Вамъ, небось, скучно,—началъ онъ неожиданно со мною разговоръ.—А между тѣмъ я вижу по всему, что вы, пожалуй, ни въ чемъ не виноваты. Только наше дѣло подневольное. И за нами смотрятъ. Вечеромъ я, можетъ быть, еще разъ зайду къ вамъ и если вамъ разрѣшатъ писать и дадутъ бумагу, то я, пожалуй, тогда передамъ отъ васъ записочку вашимъ роднымъ...

Я съ радостью ухватился за эту мысль. Обѣщалъ ему, что если онъ передастъ завтра двѣ записочки: моему брату и одной особѣ, то каждый изъ нихъ дастъ ему по 5 рублей. По невинности своей души я никакъ не думалъ, что легче найти зеленую лошадь, чѣмъ безкорыстнаго тюремщика, и что, наоборотъ, надзирателя тронула моя молодость, невинная физіономія и отчаяніе, написанное на моемъ лицѣ. Надзиратель же дѣйствовалъ просто по бывшимъ примѣрамъ, т. е. пріобрѣталъ капиталъ и сохранялъ тюремную невинность. Раньше доставленія писемъ по адресу онъ ихъ, разумѣется, какъ я узналъ впослѣдствіи, показывалъ начальству.

Мнѣ это было, впрочемъ, все равно. Повторяю, за мной никакой провинности не значилось.

Дня черезъ три дверь моей камеры отворилась, и я увидѣлъ предъ собой господина средняго роста въ форменномъ вицъ-мундирѣ.

— Товарищъ прокурора,—назвалъ онъ себя (фамилію его я, къ сожалѣнію, забылъ).—Если вы имѣете что-нибудь сказать противъ вашего ареста, подайте мнѣ прошеніе; для этого я велю вамъ дать бумагу. Только (при этомъ голосъ его понизился до шопота) изъ этого ничего не выйдетъ...

На этомъ мы и разстались... Порядка ради я все-таки подалъ прошеніе, но отвѣта и посейчасъ не получилъ.

Просидѣлъ я въ предварительной тюрьмѣ восемь дней. Благодаря моему брату, которому я написалъ изъ тюрьмы о своемъ арестѣ и который вслѣдствіе этого пустилъ въ ходъ всѣ свои связи вплоть до свиданія съ тогдашнимъ шефомъ жандармовъ генералъ-адъютантомъ Дрентельномъ, я наконецъ былъ освобожденъ, причемъ, однако, съ меня взяли подписку о невыѣздѣ безъ разрѣшенія Третьяго отдѣленія.

Объясненія моего брата съ генералъ-адъютантомъ Дрентельномъ были прерваны инцидентомъ довольно траги-комическаго свойства. Во время визита моего брата къ ген. Дрентельну былъ вызванъ какой-то жандармскій полковникъ, знакомый съ моимъ

дѣломъ. И тутъ выяснилось, что полковникомъ въ моемъ лицѣ былъ арестованъ не «студентъ» выпускного курса медико-хирургической академіи, каковымъ я былъ на дѣлѣ, а «врачъ»!

Тогда братъ мой, пораженный упорствомъ, съ которымъ полковникъ давалъ обо мнѣ невѣрныя свѣдѣнія своему шефу, сказалъ, что, повидимому, въ моемъ дѣлѣ произошла прискорбная ошибка, и, какъ corpus delicti, предложилъ ген. Дрентельну вызвать меня самого... для того, чтобы его превосходительство убѣдился, что братъ его не только внутреннею политикою не занимается, но въ свободное время больше заботится о полировкѣ и чисткѣ ногтей и ухаживаніемъ за дамами, чѣмъ иными вопросами.

Въ отвѣтъ на это Дрентельнъ попросилъ брата на одну минутку выйти изъ кабинета и затѣмъ такъ основательно и громко разнесъ фантазировавшаго обо мнѣ полковника, что каждый звукъ его голоса отчетливо доносился до ожидавшаго въ сосѣдней комнатѣ брата.

Черезъ нѣсколько минутъ братъ мой былъ снова позванъ къ генералу.

— Успокойтесь,—сказалъ онъ ему.—Я приказалъ брата вашего освободить.

И во время сидѣнія въ предварительной тюрьмѣ и послѣ нѣсколько разъ меня призывали въ Третье отдѣленіе, гдѣ я писалъ безъ конца отвѣты на таинственные вопросы по обвиненію меня въ сущемъ пустякѣ... въ убійствѣ харьковскаго генералъ-губернатора кн. Кропоткина, котораго, какъ оказалось, я и въ глаза не видѣлъ!

По счастью, мое alibi могли засвидѣтельствовать не только всѣ студенты медико-хирургической академіи, но и большая часть профессоровъ вплоть до субъ-инспекторовъ.

Въ день, или, вѣрнѣе, въ ночь убійства князя Кропоткина въ Харьковѣ я, какъ впослѣдствіи выяснилось, былъ распорядителемъ студенческаго концерта въ Петербургѣ...

Въ чемъ же меня тогда собственно обвиняли? Въ чемъ состояло мое дѣло, котораго, какъ говорилъ И. Ѳ. Горбуновъ, понять было невозможно! Озаглавлено оно было такъ: «Дѣло о 33 лицахъ».

Прочиталъ я этотъ курьезный заголовокъ, взглянувъ на обложку дѣла во время прогулокъ по комнатѣ допрашивавшаго меня жандармскаго полковника.

Дѣло было страшно объемистое. Въ него поэтому постоянно заглядывалъ полковникъ для освѣженія своей памяти.

Вопросы, задаваемые мнѣ, были самые разнообразные (теперь я, конечно, ихъ не помню), но одинъ изъ нихъ врѣзался у меня въ памяти: «Правда ли, что такого-то числа на Невскомъ разговаривали вы по-французски?»

Какъ послѣ этого не повѣрить знаменитому разсказу, что обвиняемые говорили о дѣлахъ, суду неизвѣстныхъ!..

Объ удачныхъ хлопотахъ моего брата мнѣ въ предварительной тюрьмѣ ничего не было извѣстно, и потому въ концѣ концовъ я пришелъ въ полное отчаяніе. Всего болѣе меня мучила очевидная невозможность продолжать выпускные экзамены и перспектива остаться въ академіи еще годъ.

Предоставляю судить, особенно всѣмъ тѣмъ, которые сидѣли въ одиночномъ заключеніи, что я испытывалъ раньше и что я почувствовалъ, когда мнѣ на восьмой день объявили, что я наконецъ свободенъ. Остальные меня не поймутъ...

Въ $12^1/_2$ ч. дня я очутился на Шпалерной, и первою моею мыслью было броситься въ медико-хирургическую академію, гдѣ въ то время для выпускныхъ студентовъ шелъ экзаменъ по акушерству. Прибѣгаю туда; оказалось, что я пришелъ поздно: экзамены уже окончились. Тогда я немедленно бросился къ профессору Кр. Ѳед. Славянскому и объяснилъ ему причину моего опозданія. Профессоръ отнесся ко мнѣ очень сочувственно и такъ какъ онъ зналъ меня раньше (я занимался у него съ 4-го курса спеціально акушерствомъ и женскими болѣзнями), то онъ тутъ же, не экзаменуя меня, написалъ въ моемъ экзаменаціонномъ листикѣ: «отвѣчалъ превосходно—maxime sufficit по вопросу о «задержаніи» послѣда»!

Въ тотъ же день выпустили и моего товарища. Видимаго впечатлѣнія ни сидѣніе, ни затѣмъ освобожденіе на него не произвели.

Черезъ мѣсяцъ сестра моя, жившая съ матушкою въ Москвѣ, должна была выйти замужъ. Звали и меня съ Сергѣемъ Николаевичемъ на свадьбу шаферами. Помня, что безъ разрѣшенія Третьяго отдѣленія мы не могли шагу сдѣлать изъ города, мы отправились въ жандармское управленіе, прося отпустить насъ на два дня въ Москву. Разрѣшеніе намъ было дано, но предварительно мы должны были подробно сказать, зачѣмъ мы ѣдемъ, къ кому, на долго ли и т. д.

Утромъ 11-го ноября мы уже былъ въ Москвѣ. Днемъ честь-честью справили свадьбу, вечеромъ по старинному попировали съ молодыми въ «Эрмитажѣ», а затѣмъ на другое утро, позавтракавъ въ «Славянскомъ Базарѣ», я со скорымъ поѣздомъ покатилъ обратно въ Питеръ (С. Н. остался еще въ Москвѣ). И вотъ тутъ, прочитавъ на другой день въ газетахъ о взрывѣ на Курскомъ вокзалѣ, взрывѣ, разсчитывавшемъ на уничтоженіе всего царскаго поѣзда, я отъ испуга не зналъ въ первое время, что мнѣ дѣлать. Я положительно трясся, ожидая, что меня вотъ-вотъ арестуютъ; каждый звонокъ усугублялъ мои опасенія, и только черезъ нѣсколько дней я вздохнулъ какъ будто свободнѣе, увѣрившись, что разъ меня еще до сихъ поръ не арестовали, то, пожалуй, меня и вовсе не тронутъ. Въ дѣйствительности же, опасенія мои въ первую минуту были совершенно основательны, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія охраны. Вѣдь мы ѣздили въ Москву, а тамъ именно на другой день произошло знаменитое покушеніе. Какъ же я могъ не думать, чтобы Третье

отдѣленіе на всякій случай не запрятало меня снова въ тюрьму? Но впослѣдствіи, успокоившись окончательно, я вспомнилъ, что съ момента моего отъѣзда около меня все время вертѣлся нѣкто, какъ теперь говорятъ, въ гороховомъ пальто или нѣкто «въ сѣромъ». Это, вѣроятно, и была та таинственная личность, которая преслѣдовала меня на вокзалѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, и которая, убѣдившись въ томъ, что я дѣйствительно не злоумышленникъ, а только гуляка, была моимъ добрымъ геніемъ, моимъ спасителемъ. Гдѣ ты, о свѣтлая личность? Гдѣ бы я былъ безъ твоей анонимной и безкорыстной помощи?!

Прошло съ тѣхъ поръ 30 лѣтъ. Бывши и въ то время по убѣжденіямъ умѣренно правымъ и оставшись таковымъ и посейчасъ, несмотря на громадное число перебѣжчиковъ, въ силу освободительнаго натиска и моды мгновенно превратившихся въ соціалъ-демократовъ и даже крайнихъ лѣвыхъ, вспоминая начало смутнаго времени, въ которомъ пострадалъ и я, я отношусь къ этому времени все-таки безъ злобы, безъ лишнихъ гражданскихъ слезъ.

Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. Принимая же во вниманіе ту невѣроятную растерянность, охватывавшую тогда правительство при нажимѣ снизу, растерянность, и въ настоящую минуту не потерявшую своего raison d'être, не приходится удивляться, что среди тогдашнихъ Азефовъ были и такіе, которые въ водоворотъ истинныхъ преступниковъ законности и порядка старались втолкнуть и людей, совершенно къ тому непричастныхъ. Тамъ, молъ, разберутъ. Относительно того, какъ потомъ черезъ 1½—2 мѣсяца при диктатурѣ сердца графа Лорисъ-Меликова ко мнѣ являлся въ мундирѣ майоръ, меня арестовавшій, просить протекціи, какъ лицо, бывшее мнѣ сродни и сдѣлавшееся тогда правою рукою графа Лорисъ-Меликова, заинтересовалось моимъ дѣломъ и при всемъ желаніи ничего изъ него не могло понять, какъ у моего подъѣзда дежурилъ городовой и ко мнѣ пріѣзжалъ съ визитомъ петербургскій градоначальникъ,—объ этомъ, можетъ быть, мнѣ удастся поговорить въ другой разъ.

В. Б. Бертенсонъ.

РУССКІЯ МЕТАМОРФОЗЫ [1].

VI.

Смутное время на Москвѣ.

Во второй половинѣ ноября 1905 года буржуазная Москва стала испытывать главнымъ образомъ страхъ. Это чувство давно ужъ вкрадывалось во многія сердца, но раньше все-таки полагали, что дѣло «образуется», что далѣе уличныхъ манифестацій и небольшихъ стычекъ съ полиціей фабричные и молодежь не пойдутъ, что, въ концѣ концовъ, выборы въ государственную думу положатъ предѣлъ безобразіямъ и шуму выстрѣловъ. Особенно послѣ обнародованія манифеста 17 октября на этотъ благодатный финалъ разсчитывали всѣ солидные москвичи: администраторы, фабриканты, земскіе и думскіе гласные, дворяне, купцы, чиновники и т. д. Ихъ ожиданія не сбылись. Смута росла по всей Россіи и принимала серьезный характеръ въ Москвѣ. Воинствующая московская пресса, какъ я ужъ не разъ имѣлъ случай отмѣтить, сначала печатала зажигательныя статьи, подѣйствовавшія опьяняющимъ образомъ на большую часть интеллигенціи и полу-интеллигенціи (къ послѣдней я отношу разныхъ писцовъ, конторщиковъ, приказчиковъ, «сознательныхъ» рабочихъ, а также воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, причемъ въ тѣ времена любой гимназистъ серьезно мечталъ не только «инспектора побить», но и «разрушить госу-

[1]) Продолженіе. См. «Ист. Вѣстн.», т. CXX, стр. 906.

дарство»). А когда дѣйствительность приняла грозный характеръ, газеты прямо струсили и стали заметать слѣды своихъ проказливыхъ шаговъ по дорогѣ къ свободѣ.

Съ 20 ноября началась почтово-телеграфная забастовка. Но электричество еще горѣло, и клубы, театры и рестораны, какъ выражаются репортеры, «функціонировали». Публика, однакожъ, не очень посѣщала эти убѣжища. Не до этого было. По Москвѣ ходили недобрые слухи о готовящемся возстаніи, и на этотъ разъ пословица Грибоѣдова, что въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое, не имѣетъ мѣста: скорѣе, слухи были въ десять разъ убавлены, да имъ и не вполнѣ вѣрили. Всего болѣе опасались забастовокъ. Немало толковали о голодѣ, въ случаѣ, если не станутъ печь хлѣба, бить быковъ и торговать припасами. Еще болѣе пугались катастрофы съ водопроводами, такъ какъ рабочіе грозили разрушить машины и въ Рублевѣ, и въ Мытищахъ.

20 ноября на съѣздѣ агрономовъ совершилось также нѣкоторое событіе, знаменующее также отступленіе à la Куропаткинъ отъ той цѣли, къ которой раньше стремились. Извѣстный Герценштейнъ, будущій членъ 1-й государственной думы, а въ тѣ дни только служащій въ земельномъ банкѣ Полякова, тотъ самый Герценштейнъ, который выпустилъ словцо объ «иллюминаціяхъ», произнесъ рѣчь въ пользу того положенія, что земля должна не прямо отбираться у помѣщиковъ въ пользу крестьянъ, а непремѣнно съ оплатой ея стоимости. Но для правильнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, говорилъ далѣе Герценштейнъ, мало одной передачи земли крестьянамъ, здѣсь рука объ руку должно итти переселеніе, съ помощью отъ государства.

Буквально такія же идеи проводилъ Грингмутъ, говоря рѣчи на сходкахъ и печатая передовицы въ своей газетѣ. Онъ находилъ, что если крестьянамъ нужна земля, то они обязаны ее выкупить у помѣщика, а также стоялъ за переселеніе, какъ средство успокоенія, какъ уничтоженіе аграрныхъ безпорядковъ, вызванныхъ земельнымъ голодомъ. Спрашивается, какимъ образомъ лѣвый кадетъ и почти эсъ-эръ могъ сойтись во взглядахъ съ крайнимъ правымъ и монархистомъ, не признающимъ свободъ акта 17 октября? А это именно страхъ передъ анархіей открылъ глаза покойному Герценштейну. Разсказывали, будто бы правленіе банка «велѣло» Герценштейну провести эту мысль. Правда то или выдумка, не знаю, но рѣшительно все равно, одинъ ли Герценштейнъ, или съ правленіемъ земельнаго банка вмѣстѣ, но онъ выразилъ вѣрную и справедливую мысль о томъ, что нельзя ограбить помѣщиковъ, хотя бы и въ пользу сильно нуждающихся въ землѣ крестьянъ. Вотъ, значитъ, какъ ярка и красна была иллюминація русскаго народа: когда банковскій юрисконсультъ ее разглядѣлъ, то понялъ, что это не пиротехника,

а разореніе и крахъ... чей—банка?—всеобщій, повергающій въ прахъ «труды многихъ поколѣній».

Событія въ Россіи очень вліяли на Москву. Даже преданіе военному суду инженера Соколова въ Кушкѣ (крѣпость въ Средней Азіи) заставило сознательный пролетаріатъ собраться на митингъ въ «Акваріумѣ» (предсѣдательствовалъ служащій въ городской управѣ отставной генералъ Аверьяновъ) и потребовать отмѣны смертной казни и Соколову и другимъ обвиняемымъ. Но не митинги были страшны, а безработица. Это первое слѣдствіе безпорядка первымъ визитеромъ явилось къ сознательному московскому пролетаріату. Отовсюду шли вѣсти, что голодаютъ рабочіе и ихъ семьи. На этой почвѣ совершались цѣлыя трагедіи, что, въ связи съ общей дезорганизаціей, заставило предсѣдателя комиссіи по рабочему вопросу при московскомъ биржевомъ обществѣ С. И. Четверикова печатно заявить, что если хаотическое состояніе Россіи продлится, если его не прекратить въ самомъ ближайшемъ будущемъ, то Россія очутится передъ промышленнымъ и финансовымъ кризисомъ, подобнаго которому не было въ исторіи всего міра. Въ результатѣ окажется не 100,000 безработныхъ, а много сотенъ тысячъ...

Это былъ трезвый голосъ, и лицо, которому онъ принадлежалъ, заслуживало и довѣрія, и уваженія. Но что въ тѣ дни значилъ здравый смыслъ и трезвый, спокойный голосъ? Тогда, скажу еще разъ, за разумъ принимали энтузіазмъ, за истину—красиво сказанную ложь. Кромѣ того, «темныя массы», напичканныя призывомъ къ борьбѣ за то, чего никто тогда у нихъ не отнималъ, стали,—въ теоріи, по крайней мѣрѣ,—по-свойски расправляться съ представителями правительства.

Въ доказательство своихъ словъ привожу постановленіе, «выработанное» на митингѣ почтово-телеграфныхъ служащихъ (23 ноября 1905 г.). Въ этомъ постановленіи требовали не болѣе, не менѣе, какъ немедленнаго увольненія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, который, по мнѣнію гг. почтальоновъ и телеграфистовъ, не могъ и не можетъ разумными мѣрами прекратить забастовку и ведетъ Россію къ вооруженному возстанію.

Вотъ буквальная фраза изъ постановленія:

«Министръ-провокаторъ не долженъ имѣть вліянія на управленіе свободной Россіи».

Какъ разъ къ этому времени П. Н. Дурново получилъ ходатайство объ удаленіи казаковъ изъ Москвы. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, узнавъ, какъ «порѣшили» съ нимъ самимъ въ Москвѣ, немедленно извѣстилъ тогдашняго московскаго градоначальника барона Г. И. фонъ-Медема, что не находитъ возможнымъ удовлетворить подобное ходатайство.

Получивъ такой отвѣтъ, фонъ-Медемъ издалъ приказъ по полиціи, чтобы впередъ собранія и митинги были допускаемы только на основаніи правилъ о публичныхъ собраніяхъ, изданныхъ 12 октября, т. е. съ разрѣшенія властей, а не самовольно. Этотъ приказъ оспаривали и называли его насиліемъ, говоря, что манифестъ даетъ свободу собраній, а московскій градоначальникъ вздумалъ «исправлять законъ 17 октября».

24 ноября совѣтъ московскаго университета постановилъ отвергнуть проектъ новаго университетскаго устава, писанный еще во времена министра Глазова. Мотивы—отсутствіе принципа истинной автономіи университетовъ. Рѣшеніе принято большинствомъ всѣхъ совѣтскихъ голосовъ противъ одного (1). Кто сей самостоятельный и—по тѣмъ временамъ—отважный мужъ?

26 ноября забастовавшіе газетные торговцы рвали газеты у тѣхъ разносчиковъ, кто выносилъ ихъ на продажу. Тверская улица была вся усѣяна клочками газетной бумаги. Новый союзъ газетчиковъ объявилъ бойкотъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» и «Русскому Слову», такъ какъ онѣ не подчинились «пролетарскому» постановленію о расцѣнкѣ. Гг. Соболевскій и Сытинъ, повидимому, разсудили, что дружба съ «товарищами» дружбой, а табачокъ врозь. Предсѣдательствовалъ въ засѣданіи союза газетчиковъ присяжный повѣренный Л. Т. Ковалевскій. Имя это впервое всплываетъ изъ глубинъ неизвѣстности и послѣ «выработки» постановленія о бойкотѣ названныхъ двухъ газетъ вновь скрывается тамъ же.

Вообще засѣданія, собранія, сходки и митинги тогда слѣдовали одинъ за другимъ. Это была ихъ пора. Устраивались митинги горничныхъ, кухарокъ, полотеровъ, трактирныхъ «половыхъ», портнихъ, корсажницъ, сапожниковъ, башмачниковъ и башмачницъ и т. п.

Министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило уволить всѣхъ почтово-телеграфныхъ служащихъ, если они въ извѣстный срокъ не станутъ на работы. Но почтово-телеграфный союзъ постановилъ не уступать и продолжать забастовку. Тогда, вообще, бастовало множество учрежденій и ремесленныхъ заведеній. Къ нимъ присоединилась забастовка банщиковъ, и мыться стало негдѣ, а это для москвичей большая бѣда: у насъ даже богатые люди, имѣющіе возможность имѣть въ своемъ домѣ хоть десять ваннъ, любятъ париться и мыться въ баняхъ. Подъ Москвой началось нѣчто въ родѣ аграрныхъ безпорядковъ: были сожжены дачи И. И. Шаховского на ст. Кучино и дачи Стадницкаго въ Химкахъ (Николаевской ж. д.). Въ Городищахъ, близъ Орѣхова-Зуева, произошли безпорядки, во время которыхъ убито 4 казака и 1 раненъ.

20 ноября открыли почтамтъ, потому что многіе торговые люди писали въ газеты отчаянныя письма, говоря, что забастовка почты и телеграфа наноситъ русской промышленности неисчислимыя бѣд-

ствія. Нѣкоторые просили правительство «обратить вниманіе на ужасное положеніе дѣлъ», нѣкоторые адресовались къ самимъ забастовщикамъ и молили:

— Дайте почту и телеграфъ, иначе всѣхъ ждетъ денежный крахъ!

Бастующіе чиновники тщательно мѣшали почтово-телеграфнымъ операціямъ, избивали тѣхъ, кто вновь поступалъ на службу и въ одномъ изъ отдѣленій почтамта устроили химическую обструкцію. Была даже подложена бомба, но, къ счастью, она не взорвалась.

Въ это смутное время состоялось увольненіе московскаго генералъ-губернатора П. П. Дурново. На его мѣсто назначался старый вице-адмиралъ В. Ѳ. Дубасовъ, герой войны съ турками въ 1877—78 гг., когда онъ, въ чинѣ лейтенанта, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ лейтенантомъ Шестаковымъ взорвалъ турецкій мониторъ, по имени, кажется, «Люфти-Джелиль». Это назначеніе у насъ не произвело никакого эффекта. Впрочемъ, когда члены крестьянскаго съѣзда Соловьевъ, писатель Богоразъ (Танъ) и другіе, сидя въ тюрьмѣ и испытывая голодовку, возбуждали своимъ положеніемъ всеобщее сочувствіе, вице-адмиралъ Дубасовъ ходатайствовалъ объ освобожденіи этихъ лицъ изъ тюрьмы. Изъ этого факта вывели, что новый генералъ-губернаторъ человѣкъ гуманный и мягкій. Кто-то, помнится, въ клубѣ или на какомъ-то засѣданіи сказалъ въ шутку:

— Второй Дурново ѣдетъ въ Москву! Ничего дурного изъ этого не выйдетъ...

— Да и хорошаго также!—возразилъ другой собесѣдникъ.

— Эти сановники теперь потеряли всякое значеніе и вѣсъ!—скрѣпилъ третій.

И болѣе разговоровъ о новомъ московскомъ администраторѣ не было...

2 декабря 1905 года графъ Витте далъ отвѣтъ на записку делегатовъ отъ съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей, т. е. онъ далъ отвѣтъ раньше, а 2 декабря мы прочитали текстъ отвѣта въ газетахъ. Авторамъ записки, гг. Муромцеву, Петрункевичу и Кокошкину, министръ-премьеръ написалъ, приблизительно, въ томъ смыслѣ, что къ расширенію началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ, или къ суженію твердой и непреклонной воли Государя Императора приступать никто не можетъ, и подобное ходатайство нельзя удовлетворить. Равнымъ образомъ, не могутъ быть осуществлены ранѣе открытія государственнаго совѣта такія мѣры, которыя, имѣя коренное значеніе для всей будущности государства, могли бы уменьшить силу и значеніе пункта 3-го Высочайшаго манифеста, опредѣляющаго полномочія государственной думы. Правительство также не можетъ уклониться отъ чрезвычайныхъ мѣръ, въ виду возрастанія смуты и мятежа.

Этотъ отвѣтъ подлилъ масла въ огонь. Газеты заговорили о возможности всеобщей революціи. Сотрудникъ газеты «Русь» бесѣдовалъ съ Клемансо по поводу отвѣта графа Витте, и французскій министръ сказалъ, что обаяніе имени графа Витте «было, но прошло» и что теперь о займѣ во Франціи «и толковать нечего».

Все это окончательно помутило мысли у москвичей. Участились митинги и сходки. Помню, я попалъ на одинъ митингъ рабочихъ въ московской консерваторіи. Боже, во что обратилось это богатое помѣщеніе! Оно было въ грязи, пыли, въ окуркахъ, переполнено запахомъ махорки и овчинныхъ полушубковъ. Масса рабочихъ,— изъ нихъ бросались въ глаза какія-то «горько-подобныя» физіономіи,—то пѣли похоронный маршъ и русскую марсельезу, то кто-нибудь влѣзалъ на столъ и произносилъ рѣчь—почти всегда на одну и ту же тему: требуйте 8-часовой рабочій трудъ, свободу слова, печати, религіозныхъ убѣжденій и т. д. Наконецъ, довелось услыхать и кое-что «оригинальное». На столѣ очутился человѣкъ съ небольшими усами и озлобленнымъ взглядомъ, одѣтый въ пиджакъ, косоворотку и высокіе сапоги. Онъ говорилъ увѣренно, бойко и въ крѣпкихъ выраженіяхъ, несмотря на присутствіе женщинъ, не стѣснялся:

— Господа!—кричалъ онъ.—Буржуазія ликуетъ, и это понятно почему. Изволите видѣть, манифестъ имъ конституцію далъ! Я вамъ скажу, какая это конституція: это не конституція, а «проституція» (буквальное выраженіе бойкаго оратора)! Намъ, пролетаріямъ, не надо этого добра (онъ сказалъ словцо посильнѣе, и публика, захохотавъ, крикнула: «вѣрно, браво!»). Надо бороться за свободу, товарищи! Я былъ въ Петербургѣ 9 января, видѣлъ такой бой, что вамъ еще не доводилось узнать! Вы вотъ сходитесь, говорите рѣчи, а все ни къ чему. Дѣйствовать надо! Къ чорту всѣ эти буржуазные идеалы! Мы вотъ засѣдаемъ сейчасъ въ консерваторіи. Эна какія тутъ излишества: колонны мраморныя, бронза, люстры... Долой все это, камня на камнѣ не нужно оставить... Надо пугнуть этихъ жирныхъ господъ! («Браво, браво! Правильно!» отвѣчали слушатели). Вы меня спросите, гдѣ взять оружія, чтобы выдержать нападенія правительственнаго войска? А Оружейная палата на что! Вотъ вамъ и оружіе! А магазины огнестрѣльнаго товара?—Все берите силой, вооружайтесь и начинайте бороться за свою свободу! Да не медлите, а то поздно будетъ...

Эта рѣчь имѣла успѣхъ, хотя—не могу не отмѣтить—особаго энтузіазма она все-таки не произвела. Видимо, тутъ собрались соловьи, которыхъ баснями не накормишь...

Я обратился къ одному изъ участниковъ сходки, молодому парню не болѣе 20 лѣтъ.

— Скажи, голубчикъ, въ чемъ тутъ у васъ дѣло, изъ-за чего люди собираются и толкуютъ?

— Да вы что же, пріѣзжіе?—освѣдомился парень.

— Вотъ именно, милый мой, пріѣзжій, хожу, слушаю и разспрашиваю...

— Видите, какое дѣло, баринъ... Не могу я хорошо растолковать, опять и названіевъ ефтихъ не твердо... Видите, такъ будемъ толковать: буфографы забиждаютъ проливатовъ, а энти и поднялись, чтобы, значитъ, себя въ обиду не дать... вотъ энтотъ авчерь намъ хорошо доказывалъ, который сейчасъ на столѣ былъ.

— Ахъ, этотъ, что про оружіе указывалъ?

— Онъ самый... какъ-бишь его фамилія-то?

Парень задумался.

— Вспомнилъ... имя-то трудное, а все-таки припомнилъ! — Рело... рево-лю-си-веръ... вотъ какъ его звать!

Нашему разговору помѣшалъ какой-то растрепанный субъектъ, вбѣжавшій и сиплымъ голосомъ провопившій:

— Ребята! Наши доносятъ, что сюда черная сотня и жандары идутъ, мотри въ оба, значитъ! Леворверы у всѣхъ есть?

Нѣкоторые обезпокоились, но кто-то равнодушно отвѣчалъ:

— Брехня! Запѣвай, товарищи, «марселезку»... а потомъ и домой пора!

Эту сцену я записалъ съ почти стенографической точностью. Мнѣ показалась не столько характерной рѣчь грубаго оратора, указывавшаго на оружіе изъ Оружейной палаты (то-то хороши были бы дружинники, встрѣчающіе «правительственныя войска» со старинными пищалями и ржавыми саблями въ рукахъ!), сколько безхитростный разсказъ парня о томъ, какъ «буфографы забиждаютъ проливатовъ», и поэтому надо стоять за сохраненіе свободы пролетаріата...

Замѣчу кстати, что, ходя по Москвѣ и посѣщая разные митинги и сходки, я ни разу не встрѣтилъ ни репортеровъ, ни сотрудниковъ московскихъ газетъ, ни дѣятелей политическихъ партій, т. е. «кадетовъ», «октябристовъ» и т. п.

Между тѣмъ въ газетахъ обильно, многословно и совершенно вкривь и вкось пересказывались всѣ событія. На злополучныя «Русскія Вѣдомости», послѣ попрековъ центральнаго университетскаго органа, обрушился Богоразъ-Танъ и въ газетѣ «Жизнь» обвинилъ профессорскую газету въ томъ, что ея статья о крестьянскомъ съѣздѣ была «послѣдней петлей той внезапно сплетенной сѣти, которую администрація вмѣстѣ съ судомъ закинули въ глубину крестьянскаго союза, чтобы уловить и извлечь подозрѣваемыхъ въ подстрекательствѣ», т. е. попросту говоря—устроителей съѣзда.

«Русскія Вѣдомости», забывая свой обычный «корректный» тонъ, отвѣчали г. Тану слѣдующее:

«Въ письмѣ Тана мы не можемъ найти признаковъ порядочности(?): такихъ гнусныхъ, пропитанныхъ сыскнымъ духомъ писемъ не пишутъ порядочные публицисты, а уважающія себя редакціи ихъ не печатаютъ».

Но всѣ такія политическія схватки, всѣ сходки и митинги немедленно отошли на второй планъ, едва мы узнали, что въ Москвѣ произошло необыкновенное событіе, могшее быть для этого города роковымъ. Въ пятницу 2 декабря взбунтовался 2-й Ростовскій гренадерскій полкъ, устроилъ въ Спасскихъ казармахъ (близъ Сухаревой башни) митингъ, овладѣлъ цейхгаузомъ, ружьями и пулеметами, устранилъ офицеровъ и даже нѣкоторыхъ посадилъ подъ арестъ, вмѣстѣ со всѣми фельдфебелями. Въ казармы проникли два почтово-телеграфныхъ забастовщика. Затѣмъ солдаты избрали «делегацію» и отправили ее къ командиру полка, полковнику Симанскому. Конечно, они предъявили требованія, но командиръ не захотѣлъ ихъ даже выслушать и, въ свою очередь, потребовалъ выдачи зачинщиковъ и полной покорности остальныхъ.

Этотъ энергичный отвѣтъ обезкуражилъ делегатовъ. Ждали иного. Неопредѣленное положеніе длилось двое сутокъ. У Спасскихъ казармъ стояли часовые, никого не пропускавшіе во дворъ казармъ. На сходкѣ войска заговорили, что они не идутъ противъ царя, но желаютъ улучшить свое экономическое положеніе. Они просятъ 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ каждому рядовому, 2 р. 50 к. младшимъ унтеръ-офицерамъ и 3 р. 50 к. старшимъ. Далѣе, желаютъ, чтобы начальство съ ними обращалось помягче, «а не считало за скотину».

Однакожъ въ неопредѣленномъ положеніи Ростовскій полкъ долго оставался не могъ. Полковникъ Симанскій сносился съ начальниками другихъ воинскихъ частей, прося прислать солдатъ для противодѣйствія бунтовщикамъ, но получилъ извѣстіе, что эти войска также ненадежны, и возможенъ переходъ на сторону бунтовщиковъ. Осталось ждать подкрѣпленія изъ Твери и изъ Петербурга. А у ростовскихъ гренадеръ начались разногласія и междоусобица. Поджигатели къ возстанію (одинъ вольноопредѣляющійся изъ евреевъ и еще два-три его товарища), видя, что дѣло не устраивается, исчезли изъ казармъ. Внезапно пулеметная рота, вначалѣ дѣйствовавшая заодно съ другими, навела пулеметы на возставшихъ и стала угрожать имъ разстрѣломъ. Говорятъ (насколько эти сообщенія вѣрны—не знаю), что дѣло вышло такъ: пулеметная рота, посадивъ своихъ унтеръ-офицеровъ подъ арестъ, сама не могла управлять пулеметами. И, будто бы, пришлось пригласить арестованныхъ, умѣющихъ обращаться съ страшнымъ оружіемъ. Надо замѣтить, что Ростовскій полкъ ожидалъ нападенія со стороны другихъ войскъ и поставилъ пулеметы въ окнахъ, «вѣеромъ».

Пусть москвичи благодарятъ судьбу, что не дошло до сраженія: пулеметная картечь нанесла бы ужасные слѣды на московскихъ домахъ и выхватила бы массу человѣческихъ жертвъ... Такъ вотъ, будто бы, эти унтеръ-офицеры, умѣющіе стрѣлять изъ пулеметовъ, навели ихъ на своихъ же товарищей и сказали:

— Покоритесь, а не то мы откроемъ огонь!

Это рѣшило участь бунта. Скоро всѣ солдаты прекратили своевольничанье, арестовали зачинщиковъ и явились къ полковнику Симанскому съ повинной головой.

Итакъ, все было кончено. Бунтъ Ростовскаго полка отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть, и, мнѣ кажется, это событіе окончило существующую серьезную опасность. Вскорѣ, отстаивая Николаевскій вокзалъ, тѣ же ростовцы стрѣляли по дружинникамъ при слѣдующей обстановкѣ: подъ личной командой г. Симанскаго было не болѣе 1,200—1,500 человѣкъ, а къ вокзалу двигалась толпа тысячъ отъ 7 до 10. И что же? Только два залпа дали солдаты: первый вверхъ, второй—по забастовщикамъ, и предвокзальная площадь была совершенно очищена: забастовщики бѣжали, и ни о какомъ «сраженіи» не можетъ быть и рѣчи. Лишь въ заграничныхъ и—просто удивительно сказать—въ петербургскихъ газетахъ были напечатаны описанія такихъ баталій, какихъ и во снѣ никто не видалъ. Напримѣръ, въ органѣ г. Худекова («Петерб. Газета») было даже нарисовано «взятіе баррикады»: солдаты идутъ со штыками наперевѣсъ, а на баррикадѣ ихъ «ждутъ» съ револьверами студенты и курсистки... Затѣмъ, тамъ же изобразили Тверскую улицу: казаки съ пиками гоняются за публикой... Въ Москвѣ хохотали, разсматривая эти иллюстраціи.

Впрочемъ, я нѣсколько забѣжалъ впередъ. Въ слѣдующей главѣ, посвященной декабрьскимъ историческимъ днямъ въ Москвѣ, я опишу и баррикады, и «взятіе» ихъ, и эти пародіи на бои, которыя у петербургскихъ репортеровъ и иллюстраторовъ превращались въ кровопролитныя сраженія. Опишу я, разумѣется, только то, что самъ видѣлъ, что лично пережилъ и испыталъ, каждодневно подвергаясь опасности быть застрѣленнымъ или раздавленнымъ въ давкѣ на улицахъ. Но объ этомъ послѣ.

4 декабря съ курьерскимъ поѣздомъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Москву В. Ѳ. Дубасовъ. Представители города рѣшили просить его не допустить на Красной площади молебствія союза русскаго народа, къ которому этотъ союзъ готовился, пріурочивая свою манифестацію къ 6 декабря (день тезоименитства Государя).

Однакожъ, 5 декабря на пріемѣ московскихъ административныхъ лицъ и думскихъ гласныхъ новый генералъ-губернаторъ сказалъ рѣчь, показавшую, что онъ «не второй Дурново», и просьбу представителей города врядъ ли удовлетворитъ.

Передаю вкратцѣ эту рѣчь:

— Господа!—сказалъ Дубасовъ.—Я убѣжденъ, что все, что теперь совершается въ Москвѣ, приводитъ въ справедливое негодованіе всѣхъ лучшихъ людей Москвы (голоса: «Вѣрно, справедливо!»). Я увѣренъ, что вы мнѣ окажете твердую и дружную поддержку въ выполненіи моей задачи. Я убѣжденъ въ побѣдѣ. Крамолу надо побѣждать не залпами и штыками, а нравственнымъ воздѣйствіемъ лучшихъ людей Россіи (одобрительные возгласы). Но теперь крамола обращается къ правительству съ такими дерзкими требованіями, дѣлаетъ такіе дерзкіе вызовы съ поднятыми кулаками, что я, какъ представитель власти, ни на одну минуту не допущу этого. Я употреблю самыя крайнія мѣры и буду дѣйствовать, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ. Прошу вашего содѣйствія и прошу считать, что я нахожусь на службѣ день и ночь.

Залъ огласился криками «ура».

6 декабря, въ Николинъ день, на Красной площади происходило молебствіе партіи союза русскаго народа. Я видѣлъ Грингмута,—больного, очевидно, потому что его велъ подъ руку Б. В. Назаревскій, талантливый молодой писатель и педагогъ, лучшій ораторъ въ партіи московскихъ монархистовъ. Монархисты шли съ хоругвями и національными флагами. Съ площади манифестанты отправились по Тверской улицѣ, дошли до дома генералъ-губернатора и стали пѣть народный гимнъ. Двери отворились, показался Дубасовъ. Мнѣ странно было видѣть и наблюдать эту сцену. Давно ли на этомъ балконѣ стоялъ П. П. Дурново, а ему кричали: «Амнистія! Амнистія!» и махали красными флагами. Теперь флаги были обыкновенные, толпа пѣла гимнъ, а одинъ изъ монархистовъ молилъ вице-адмирала «о защитѣ отъ крамольниковъ». Генералъ-губернаторъ что-то ему отвѣтилъ (въ газетахъ было послѣ напечатано, что Дубасовъ обѣщалъ принять мѣры къ водворенію порядка въ Москвѣ)...

Во время пѣнія «Боже, царя храни» какіе-то пиджаки и часть интеллигентной публики стали пѣть «похоронный маршъ» и «марсельезу», что произвело замѣшательство и волненіе. Многіе спѣшили убраться, пока не произошло схватки. Однако манифестанты пошли дальше—и худо сдѣлали: на Тверской-Ямской на нихъ набросились несочувствующіе и ободрали всѣ національные флаги, оставляя только красную полосу. Произошла, конечно, свалка, но серьезнаго столкновенія съ оружіемъ въ рукахъ не произошло...

Въ тотъ же день, въ 3 часа дня вышла газета «Вечерняя Почта». Въ ея передовой было сказано, что правительство не поняло или не захотѣло понять справедливыхъ требованій пролетаріата, что свободы, объявленныя въ манифестѣ 17 октября, не исполняются, что мѣра терпѣнія русскаго народа исчерпана—и съ завтрашняго дня, т. е. съ 7 декабря 1905 года, начинается въ Россіи всеобщая политическая забастовка. Газета въ этомъ бѣдствіи государства винила

только правительство и оставляла на его совѣсти всѣ послѣдствія совершившагося великаго народнаго рѣшенія...

Это былъ ударъ грома надъ головой. Всякій зналъ, что начало всеобщей забастовки—это начало борьбы крайнихъ лѣвыхъ партій съ правительствомъ. Эта рѣчь была не бравада, а самая борьба. За кѣмъ останется побѣда? Графъ Л. Н. Толстой раньше отвѣтилъ какому-то интервьюеру, что онъ осуждаетъ забастовку и борьбу, какъ мѣры насильственныя и при этомъ неразумныя. Что можетъ противопоставить солдатскимъ штыкамъ и огнестрѣльнымъ снарядамъ партія забастовщиковъ? Юношескій энтузіазмъ и задоръ? Но это неравное оружіе, и исходъ борьбы заранѣе извѣстенъ.

Я читалъ въ какой-то газетѣ, что глава кадетской партіи П. Н. Милюковъ, узнавъ о постановленіи эсъ-эровъ о всеобщей забастовкѣ въ Россіи, пришелъ въ ужасъ и объявилъ, что эта поспѣшная забастовка успѣха имѣть не будетъ и что слѣдовало еще ждать нѣкоторое время...

Къ вечеру Москва кипѣла. Начали организоваться перевязочные и продовольственные пункты. Всѣ больницы изъявили готовность принимать больныхъ и раненыхъ. Создались «вольные санитарные отряды», готовые оказать помощь и раненому солдату, и дружиннику. Всѣ ждали боя, предполагали, что онъ будетъ не одинъ, и что сраженія будутъ жарки, кровопролитны.

На другой день, 7 декабря всѣ газеты, вышедшія послѣдній разъ передъ декабрьскими событіями, оповѣстили постановленіе совѣта рабочихъ о забастовкѣ. Политическая всеобщая забастовка въ Россіи обнимала всѣ роды занятій, освобождая только водопроводъ. Все остальное должно было замереть и уничтожиться... на неизвѣстное время. Съ 12 часовъ дня 7 декабря забастовка пошла въ ходъ необыкновенно дружно. Стали желѣзныя дороги (держалась, хотя съ трудомъ, Николаевская и, кажется, Виндавская, но недолго). Погасло электричество, газъ, керосинъ. Забастовщики разбивали уличные фонари, спиливали ихъ, рвали телеграфную и телефонную проволоку. На Б. Лубянкѣ былъ дочиста разграбленъ магазинъ оружія (Биткова). Въ тотъ же день рабочіе имѣли столкновеніе съ казаками и драгунами въ Леонтьевскомъ переулкѣ, гдѣ типографія Мамонтова. Результатовъ этой схватки я не знаю, а разсказывали разно: кто говоритъ—масса убитыхъ, кто увѣряетъ, что вышла «небольшая стычка», серьезныхъ потерь никому не нанесшая...

Отлагая до другого раза описаніе удивительныхъ московскихъ происшествій съ 8 по 19 число декабря мѣсяца, я долженъ закончить настоящую главу сообщеніемъ о партіи союза 17 октября.

3 декабря эта партія устроила первое свое собраніе въ Охотничьемъ клубѣ, съ приглашеніемъ представителей прессы и при довольно торжественной обстановкѣ. Я, конечно, былъ на этомъ «открытіи», причемъ мнѣ было особенно любопытно выступленіе

покойнаго «льва московской адвокатуры», Өедора Никифоровича Плевако, человѣка старыхъ взглядовъ, религіознаго и патріота. Думали, что онъ окажется въ союзѣ русскаго народа, но онъ предпочелъ октябристовъ. Московскаго «Златоуста» ждали всѣ съ нетерпѣніемъ. Лидеръ партіи А. И. Гучковъ сказалъ краткую вступительную рѣчь, объявилъ, что въ рядахъ молодой партіи есть такіе дѣятели, какъ Ө. Н. Плевако, С. И. Четвериковъ, М. М. Стаховичъ и Д. Н. Шиповъ, что соорганизоваться было трудно, всюду стояли «перегородки»: даже типографіи отказывались печатать воззванія «союза 17 октября», и только маленькая типографія Виноградова, имѣвшая наборщицъ вмѣсто наборщиковъ, могла отпечатать брошюры и программы партіи.

Вслѣдъ за нимъ говорилъ Д. Н. Шиповъ—и также безцвѣтно, также трафаретно. Онъ упоминалъ о своевременности созданія партіи, которая внесетъ порядокъ, что пора Россіи стать на ноги и зажить новой жизнью и т. п.

Наконецъ, показался Плевако...

Его встрѣтили громомъ апплодисментовъ.

Увы, «король адвокатовъ» или былъ не въ ударѣ, или нездоровъ, или... взялся не за свое дѣло (послѣднѣе вѣрнѣе!). Его рѣчь была скучнѣе и шаблоннѣе рѣчей двухъ предшествующихъ ораторовъ. И онъ что-то неувѣреннымъ голосомъ, какъ-то несвойственно для себя неразборчивымъ выговоромъ упоминалъ насчетъ расшатанности Россіи и свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября...

Первый дебютъ партіи былъ не изъ удачныхъ, и никто даже представить себѣ не могъ, чтобы при третьей думѣ «гучковскіе молодцы» (какъ скоро окрестили эту партію противники) стали играть первую роль.

Замѣчу, что даже по своему составу союзъ 17 октября производилъ довольно сѣренькое впечатлѣніе. Дѣятелей съ именемъ было очень мало, и сошлись какіе-то таинственные незнакомцы: Подолинскіе, Петерсены и т. п.

Союзу 17 октября сильно повредило образованіе еще одной партіи—торгово-промышленной, подъ «эгидой» Г. А. Крестовникова, предсѣдателя биржевого комитета (выбраннаго послѣ смерти Н. А. Найденова). Туда ушли разные коммерсанты и обезлюдили партію г. Гучкова. Правда, между этими двумя партіями образовался «блокъ», но все это было напрасно: революціонная Москва предпочла отправить своими представителями членовъ кадетской партіи; нѣтъ сомнѣнія, что въ первую думу могли бы попасть соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры. Но у этихъ послѣднихъ не было... именъ. Въ самомъ дѣлѣ, Москва знала программу этихъ партій, многому въ нихъ сочувствовала, но когда пришло время подавать голоса, оказалось, что у крайнихъ лѣвыхъ нѣтъ ни одного популярнаго дѣятеля. Поэтому выборы завершились въ пользу кон-

ституціоналистовъ-демократовъ, которые назвали себя партіей «народной свободы» и отлично оборудовали техническую сторону выборовъ. Руководить партіей пріѣзжалъ ея «лидеръ лидеровъ» П. Н. Милюковъ, который самъ никакъ не могъ доказать свой выборный цензъ и лишь теперь достигъ цѣли, сдѣлался членомъ государственной думы.

Надо упомянуть нѣсколько словъ о третьей партіи, организованной покойнымъ графомъ Гейденомъ, извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ. Она называлась «партіей мирнаго обновленія» и имѣла симпатичную программу Однако ей не повезло. Про партію острили, что единственнымъ ея членомъ состоитъ ея лидеръ, графъ Гейденъ, а послѣдняго именовали «дядей Самомъ» за поразительное сходство съ городскимъ зажиточнымъ янки. Однако личность графа была настолько свѣтла, что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Его смерть вызвала массу искренно соболѣзнующихъ статей и хвалебныхъ некрологовъ.

Еще одинъ видъ политическихъ дѣятелей оказался въ Москвѣ во время ея смутныхъ дней: это такъ называемые «дикіе». Ихъ было много, даже, можетъ быть, черезчуръ много, но они не признавались въ своемъ индифферентизмѣ. Только нѣкоторые заявляли о своей «дикости», первый—князь Е. Н. Трубецкой, братъ покойнаго ректора московскаго университета. Признавшись въ томъ, что онъ «дикій», князь сталъ издавать маленькій журнальчикъ «Еженедѣльникъ», гдѣ не разъ говорилъ дѣльныя вещи, но нерѣдко задавался фантастическими планами и игралъ на гусляхъ былого либерализма. Во всякомъ случаѣ князь Ев. Трубецкой проявилъ себя довольно рьянымъ политическимъ борцомъ и человѣкомъ не безъ литературнаго таланта. На недавнихъ Гоголевскихъ торжествахъ его рѣчь была чуть ли не единственной, все остальное, что далъ московскій университетъ, оказалось шаблонно и безцвѣтно...

Н. Ежовъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.*)

НИКОЛАЙ I, КНЯЗЬ ЧЕРНОГОРСКІЙ, КАКЪ ПОЭТЪ.

(Къ 50-лѣтію его княженія и литературной дѣятельности).

ХРАБРЫЕ «горные орлы»-черногорцы имѣютъ въ лицѣ своего князя не только энергичнаго и дѣятельнаго правителя. Въ немъ они цѣнятъ и талантливаго національнаго поэта, выразителя лучшихъ стремленій сербской народности вообще и сербовъ Черной горы въ частности.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ державнаго поэта почти не видно чего-нибудь навѣяннаго извнѣ, заимствованнаго, какой-нибудь уже существующей литературной школы. Князь Николай—оригинальный, такъ сказать, самодовлѣющій, типъ поэта-славянина. Существуетъ даже мнѣніе, что онъ создалъ новую сербскую школу, носительницу идеи культурнаго и политическаго объединенія всего сербства, идеи, свойственной по преимуществу черногорскому племени. Въ то время какъ на Балканскомъ полуостровѣ все славянское замѣтно пропитывается вліяніемъ Запада, князь-поэтъ, подобно пророку, на руинахъ когда-то мощнаго и славнаго сербства «жжетъ глаголомъ» сердце славянъ. Онъ пробуждаетъ въ нихъ любовь къ родинѣ и славянству, указываетъ на необходимость тѣснаго единенія между славянскими народностями.

I.

Какъ поэтъ, черногорскій князь Николай I представляетъ духовный оплотъ южнаго славянства. Его творчество это—защита самобытныхъ характерныхъ чертъ народа, которыя теряются отъ проникновенія на народную почву чуждыхъ формъ и понятій. Онъ

восторженно воспѣваетъ въ своихъ твореніяхъ былую славу сербовъ, грустить объ ихъ вѣковыхъ страданіяхъ. Онъ гордится, что его милая Черногорія постоянно стояла на стражѣ южно-славянской свободы, въ теченіе почти пяти вѣковъ вела безпрерывную борьбу съ врагами

«За крст часни и слободу златну».

Для пониманія его творчества необходимо, хотя бы вкратцѣ, ознакомиться съ исторіей этой борьбы.

Колыбелью нынѣшней Черногоріи было небольшое сербское государство Зета. Когда на Коссовомъ полѣ въ 1389 году Сербской державѣ былъ нанесенъ тяжкій ударъ, и она превратилась въ арену жестокихъ схватокъ и битвъ съ азіатами,—одна маленькая Зета продолжала жить независимою жизнью, охраняя славянскую самобытность и самостоятельность. Гористая часть этой державы съ давнихъ поръ носила названіе Черной горы, а съ XV вѣка вся она стала извѣстна подъ этимъ именемъ. Съ 1120 года по 1371 годъ Зетой управляли государи изъ дома Неманичей, и затѣмъ, до 1421 года—Бальшичи. Въ 1421 году, со смертью послѣдняго Бальшича, правленіе страной переходитъ къ династіи Черноевичей (Црноевичей). Второй государь изъ этого рода, Иванъ, перенесъ столицу Зету, Жаблякъ, сначала въ основанную имъ крѣпость Ободъ (нынѣшняя Рѣка), а затѣмъ въ Цетинье. Жаблякъ расположенъ на равнинѣ, но ко времени первыхъ Черноевичей Зета была до такой степени стѣснена врагами, что Ивану пришлось укрѣпиться и отстаивать независимость страны въ горахъ. Съ этого времени и теряется у страны прежнее названіе—Зета: на сцену выступаетъ Черногорія (Црна Гора).

Черноевичи владѣли помѣстьями въ Италіи и поэтому не были чужды западной образованности. Первый Черноевичъ, Стефанъ, до избранія его правителемъ Зеты жилъ въ Неаполѣ. Его внукъ Георгій (Дьурадъ) воспитывался въ Италіи и былъ женатъ на венеціанкѣ. При Георгіи основана первая у южныхъ славянъ типографія; книги печатались кириллицей; мастерами первое время были, повидимому, венеціанцы.

Съ паденія великой Сербской державы и до конца XVII вѣка Зета-Черногорія была убѣжищемъ свободолюбивыхъ сербовъ, бѣжавшихъ отъ иноземнаго гнета изъ другихъ сербскихъ областей. Такіе перебѣжчики назывались «ускоками». Они-то и заселяли пустынныя черногорскія скалы. И потому Черногорія не представляетъ какъ бы особой сербской провинціи: въ ней нашли себѣ пріютъ представители всѣхъ сербскихъ земель, всего сербства. Поселенцы зажили жизнью горцевъ, отдѣльныя семьи ихъ разрослись въ цѣлыя племена, связанныя кровнымъ родствомъ. Члены одного

такого рода или племени не могли вступать въ бракъ между собою, считали другъ друга братьями. Каждый родъ имѣетъ свои традиціи, свою исторію, которая передается отъ отца къ сыну въ домашнихъ записяхъ, устномъ преданіи и т. д.

II.

Кромѣ ужаснаго гнета со стороны турокъ, черногорцамъ пришлось бороться съ пропагандой западной церкви, представители которой пользовались физической слабостью «горныхъ орловъ», измученныхъ вѣковой борьбой за свою самобытность. Но они не поддались чуждому вліянію и въ области религіи, оставшись вѣрными сынами восточной церкви. Имъ легче стало бороться съ католицизмомъ тогда, когда съ 1516 года, послѣ отказа отъ правленія Юрія Черноевича, страна стала управляться духовными владыками, священниками и митрополитами.

До 1815 года каждый черногорскій родъ (племя) управлялся самостоятельно, выбраннымъ его членами (главаремъ). Дѣла всей страны рѣшались на народномъ собраніи (скупщинѣ), чаще всего подъ предсѣдательствомъ митрополита.

Между племенами часто происходили несогласія и раздоры, тормозившіе успѣхъ борьбы съ внѣшними врагами, такъ что послѣдніе владыки-митрополиты, особенно Петръ, начали принимать мѣры къ объединенію племенъ. Окончательнаго объединенія удалось достигнуть, при поддержкѣ Россіи, князю Даніилу въ 1851 году.

Съ 1697 года владыками становятся митрополиты изъ династіи Петровичей-Нѣгошей. Правители изъ этого дома обратили вниманіе и на культурное состояніе народа, а оно находилось далеко не въ блестящемъ положеніи: некогда было черногорцамъ заниматься просвѣщеніемъ, въ пору было лишь справляться съ внѣшними врагами, съ внутренними междуусобицами и тяжелой борьбой за экономическое существованіе.

Владыка Василій (1750—1782) и его преемникъ св. Петръ сами учились въ Петербургѣ и посылали молодыхъ черногорцевъ учиться за границу, преимущественно въ Россію. При послѣднемъ жили Сима Милутиновичъ и Долчи, составившіе себѣ имя въ сербской литературѣ. Первый—какъ основатель современнаго сербскаго литературнаго языка, второй—какъ историкъ и собиратель народныхъ пѣсенъ, сербскихъ былинъ. Его перу, между прочимъ, принадлежитъ трагедія «Слава Черногоріи» («Црногорска Дика»). Петръ II Петровичъ основалъ первую сербскую школу въ Цетиньѣ, типографію и вообще много заботился о народномъ просвѣщеніи. Кромѣ того, онъ извѣстенъ, какъ талантливый поэтъ: имъ написаны двѣ героическія поэмы «Рула Дьуришича» и «Чардакъ Але-

ксича», сборникъ сербскихъ «героическихъ» пѣсенъ «Слободіада» и др. Преемникъ Петръ II Даніилъ I является первымъ свѣтскимъ правителемъ и самодержцемъ послѣ долгаго періода теократическо-республиканскаго строя правленія.

Ему наслѣдовалъ въ августѣ 1860 года племянникъ, нынѣшній черногорскій князь Николай I, сынъ воеводы Мирко.

III.

Князь Николай получилъ вполнѣ европейское образованіе: онъ учился, между прочимъ, въ Тріестѣ и Парижѣ. Корону Черногоріи ему пришлось принять двадцати лѣтъ отъ роду и въ тяжелое для Черногоріи время. Тамъ свирѣпствовали холера, голодъ. Исконные враги, турки, хотѣли воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ маленькой державы и отнять у нея свободу и независимость. Справившись съ этими затрудненіями, князь обратилъ вниманіе на внутреннее благоустройство государства. Онъ увеличилъ число народныхъ школъ, открылъ семинарію, гимназію, земледѣльческое училище, женскій Маріинскій институтъ; посылалъ молодежь для полученія высшаго образованія за границу, главнымъ образомъ въ Россію. При немъ проведена судебная реформа, выразившаяся въ изданіи «Законника», учреждены почта и телеграфъ, улучшены пути сообщенія и т. д.

Князь Николай живетъ одною жизнью съ своими храбрыми черногорцами. Несмотря на свое европейское образованіе, онъ любитъ самобытный характерный укладъ черногорской жизни, начиная съ костюма, нравовъ и обычаевъ. Къ Россіи онъ питаетъ сыновнюю любовь, какъ къ своей помощницѣ и покровительницѣ въ борьбѣ съ врагами и какъ къ старшему члену великой славянской земли. Бесѣдуя нѣсколько лѣтъ назадъ съ однимъ русскимъ журналистомъ, князь въ слѣдующихъ словахъ выразилъ взгляды на свой родной народъ, на отношеніе Россіи къ нему и всему славянству:

— Россія—все для насъ, славянъ,—сказалъ онъ голосомъ теплымъ, проникновеннымъ.—Я не говорю уже про Черногорію: мы—дѣти Россіи. Если бы когда-либо въ моемъ государствѣ случилось что-либо противорусское, я подумалъ бы: пришли послѣднія времена—дѣти бьютъ свою родную мать... Пересчитать всѣ нравственныя благодѣянія оказанныя намъ Россіей, невозможно, а мало-ли оказываетъ намъ она и матеріальныхъ услугъ и поддержекъ! Вѣчная благодарность Россіи—самое искреннее, глубокое, постоянное мое чувство. Россія—моя величайшая любовь, которую понесу я въ душѣ своей до самаго конца своей жизни, и счастливъ тѣмъ, что знаю: не одинъ я такъ думаю въ Черногоріи! Со мною

одинаково мыслитъ весь народъ. Нравится вамъ мой народъ? Не правда ли, какіе славные, бравые, свѣжіе тѣломъ и душою люди?

— Я горжусь честью быть членомъ этой благородной расы, управлять ею, какъ государь и какъ отецъ!—продолжалъ князь Николай.—Да, я смѣю сказать прямо и сознательно: между мною и моими подданными—чисто семейныя отношенія, связь любящаго отца и любящихъ дѣтей. Я люблю и меня любятъ. Я знаю: если бы отечеству пришлось, устами моими, позвать черногорцевъ на труды и жертвы, то половину своего долга они взяли бы на себя изъ патріотизма, а другую половину—изъ любви ко мнѣ.

— Кто уводитъ славянъ отъ Россіи,—сказалъ онъ въ заключеніе:—тотъ либо самъ не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, либо сознательно стремится уничтожить ихъ расовую физіономію, индивидуальность, хочетъ передѣлать ихъ изъ рѣзко опредѣленныхъ и самобытныхъ національностей въ безразличную, нейтральную, международную массу—европейцевъ не европейцевъ, а такъ... европейскаго облика.

Когда былъ убитъ турками нашъ консулъ Г. С. Щербина, князь Николай Черногорскій посвятилъ памяти русской жертвы за дѣло славянъ стихотвореніе, прекрасно рисующее его чувства къ Россіи. Въ этомъ стихотвореніи заключаются, между прочимъ, такія строки:

Гой, балканскіе герои!
Вы въ годину бѣдъ кровавыхъ
Протяните братски руки,
Слейтесь сердцемъ воедино,
И Орлу, большому Брату,
Дайте вы отъ сердца слово,
Чтобъ всегда остаться вѣрнымъ
Всей душой Орлиной стаѣ,
Что взлелѣяла, вскормила
Королей, князей балканскихъ,
Создала и поддержала
Мать-отчизну для народа!
Пусть сольются воедино
Всѣ балканскіе герои,—
И тогда враги умолкнутъ,
И тогда рабовъ не будетъ...

Напечатано оно въ «Гласѣ Црногорца» за подписью: «Воивода III Петровичъ Нѣгошъ».

Наклонность и способность къ поэтическому творчеству князь Николай обнаружилъ еще въ ранней юности. Разсказываютъ, что когда воевода Мирко, послѣ блестящей побѣды надъ турками при Граховѣ въ 1858 году, вошелъ въ палатку съ сыномъ Николаемъ, возбужденнымъ картиной недавняго сраженія, онъ подалъ послѣднему гусли и сказалъ:

— Пой, Никола!

Будущій талантливый сербскій поэтъ взялъ отъ отца гусли и запѣлъ свою первую героическую пѣсню.

IV.

Эта первая импровизація, вылившаяся изъ устъ шестнадцатилѣтняго поэта, была его первымъ шагомъ на литературномъ поприщѣ. Въ подобной чуткости и музыкальности нельзя не видѣть наслѣдственную черту, такъ какъ черногорскіе правители давнымъ-давно славились своими поэтическими дарованіями: Петръ I, затѣмъ Петръ II, авторъ поэмы «Gorski Vienac» («Лѣсная корона»), были извѣстными поэтами.

Кромѣ того, безусловно сильное вліяніе на молодого князя оказала тяжелая б зая жизнь, различныя невзгоды, тревожившія сжатую желѣзными руками враговъ маленькую стойкую Черногорію.

Всѣ эти факторы, съ ранняго дѣтства окружавшіе его, послужили причиной того, что князю суждено было сдѣлаться популярнѣйшимъ черногорскимъ поэтомъ. Произведенія его пользуются заслуженнымъ успѣхомъ. Многія изъ нихъ переведены на русскій и нѣмецкій языки.

Прослѣдимъ развитіе его таланта, скрывавшееся различными житейсками неурядицами.

Въ 1858 году Николай отправился за границу, въ Парижъ, для довершенія своего образованія. Къ этому времени относятся довольно многочисленныя стихотворенія («Пиіте вино», «Шетня на Ловчен» и др.). И уже въ нихъ, несмотря на юношескую беззаботность и легкость содержанія, проглядываютъ думы объ угнетенной родинѣ. Уже здѣсь замѣтны проблески національнаго чувства и то сознаніе о необходимости славянскаго объединенія, которое впослѣдствіи сдѣлалось любимой темой вѣнчаннаго поэта. Вообще даже въ минуту веселья мысли о родинѣ не покидаютъ князя.

Пей, но силою хмельного,
Не туманься, не забудь,
Что злой недругъ давитъ грудь
Царства славнаго родного.
. . . .
Пью во здравье! Многи лѣта!
Падшимъ всѣмъ за отчій край
Миръ и слава! Пей, взывай—
И стрѣляй изъ пистолета!

Въ Парижѣ ему пришлось пробыть только около двухъ лѣтъ въ лицеѣ Людовика XIV, такъ какъ въ 1860 году, со смертью Даніила, онъ долженъ былъ занять черногорскій престолъ. Въ первые годы его княженія дѣлами управлялъ Мирко, и молодой князь съ любовью предавался поэтическимъ занятіямъ, имѣя для этого

достаточно времени. Долго онъ не рѣшался печатать свои произведенія, читая ихъ лишь въ кругу близкихъ, чаще всего своему любимому секретарю, поэту Іовану Сундечичу. Однажды князь заявилъ послѣднему, что сжегъ всѣ свои рукописи, чтобы не дать комулибо повода упрекнуть его въ отклоненіи отъ обязанностей правителя... Но державный поэтъ не могъ подавить въ себѣ поэтическихъ порывовъ и продолжалъ писать. Первый разъ нѣкоторыя героическія пѣсни его были напечатаны въ альманахѣ «Orlic», издававшемся въ Цетиньѣ Сундечичемъ; однако это изданіе было доступно небольшому кругу читателей. До сихъ поръ многія изъ произведеній князя остаются въ рукописи, многія же передаются изустно во всѣхъ концахъ сербскихъ земель, сдѣлавшись, такимъ образомъ, достояніемъ всего сербства.

Въ 1889 году въ Цетиньѣ появилось въ печати собраніе стихотвореній черногорскаго правителя-поэта, стихотвореній преимущественно лирическихъ. Черезъ пять лѣтъ издано болѣе полное собраніе, подъ редакціей профессора Филиппа Ковалевича. Въ первый томъ этого изданія вошли лирическія стихотворенія князя подъ общимъ заголовкомъ: «Скупльене пјесме». Всѣ они проникнуты горячимъ патріотизмомъ, пламенною любовью къ сербству, идея объединенія котораго проходила красною нитью во всѣхъ произведеніяхъ князя Николая.

V.

Одно изъ этихъ стихотвореній сдѣлалось національнымъ черногорскимъ гимномъ. Въ немъ поэтъ сгораетъ жаждой отомстить поработителямъ-туркамъ и вернуть былую сербскую славу.

Туда, туда, за горы голубыя,
Гдѣ моего властителя былъ дворъ!
Тамъ, говорятъ, сбирался въ дни былые
Нашъ вѣчевой, юнацкій нашъ соборъ!
Туда, туда!... О, Призренъ, слава края!
Дай мнѣ взглянуть—побыть въ твоихъ стѣнахъ,
Меня зоветъ страна моя родная—
И я пойду съ оружіемъ въ рукахъ!

Далѣе поэтъ призываетъ сокрушить «оковы бѣдной райи» и изъзубрить сабли на турецкихъ костяхъ за кости Юга [1]).

Туда, туда!... За этими горами
Гробъ Милоша-героя мы найдемъ...
Тамъ миръ душевный обрѣтется нами—
И сербъ не будетъ болѣе рабомъ.

Такъ заканчиваетъ пѣвецъ свой патріотическій гимнъ.

---

[1]) Богданъ Югъ—народный герой, павшій на Коссовомъ полѣ.

Считая турокъ вѣковымъ врагомъ славянства, поэтъ не отказываетъ имъ въ доблести и мужествѣ. Онъ говоритъ, что не будь на свѣтѣ храбрыхъ черногорцевъ, «потонулъ бы крестъ честной славянскій въ бурной безднѣ сильныхъ волнъ турецкихъ». Какъ настоящій витязь, онъ признаетъ витязя и въ лицѣ своего врага и посвящаетъ «Турку» такое стихотвореніе:

Отчего глумятся надъ тобою—
    Старымъ львомъ, царемъ всего Востока,
Надъ орломъ могучимъ, словно буря,
    Прилетѣвшимъ къ намъ на Западъ въ гости?

Отчего теперь глумятся?—Неужели
    Крылья рѣзвыя твои устали,
Какъ парилъ надъ Лазаря полями [1]),
    Подъ себя ихъ силы покоряя?

И теперь бы кличъ твой раздавался
    До предѣловъ Сѣвернаго моря,
И латинянинъ, какъ рабъ покорный,
    Скакуновъ твоихъ скребкомъ бы чистилъ...

Ужъ боялись, что придешь ты къ Риму,
    Что Италіей навѣки завладѣешь...
Суждено иначе... Съ добрымъ утромъ,
    Нашъ обручникъ Адріи прекрасной!

Я увѣренъ, что, не будь на свѣтѣ
    Черногорцевъ, племени лихого,—
Потонулъ бы крестъ честной славянскій
    Въ бурной безднѣ сильныхъ водъ турецкихъ.

Отчего тебя бранятъ?—Ты—витязь!
    И за что бранятъ?—Подобно грому,
Ты царишь, когда кипитъ сраженье;
    Ты короны безъ пощады ломишь!

Неужели кто-нибудь да скажетъ:
    —« Оттоманинъ! Ты былъ трусъ презрѣнный!»
Не повѣрю: легіонамъ Рима
    Не сравняться съ туркомъ въ жаркой сѣчѣ.

Кто посмѣетъ дерзко посмѣяться
    Надъ тобою, львомъ могучимъ? Вспомни...
Вся Европа въ страхѣ встрепенулась,
    Лишь шагнулъ ты чрезъ Босфора воды.

Знай: лишь я одинъ тебя жалѣю,
    Хоть всегда ты былъ мнѣ врагъ заклятый.
Пусть отвѣтятъ: кто еще найдется,
    Чтобъ съ тобой сравняться въ грозной битвѣ,

---

[1]) Разумѣются тѣ же поля Коссовской битвы, гдѣ палъ сербскій царь Лазарь.

Кромѣ малой горсти черногорцевъ?...
И теперь, когда тебя мы знаемъ,—
Намъ останется другъ другу руки
Протянуть и честь воздать по праву

А въ заключительныхъ строфахъ этого прекраснаго стихотворенія князь-поэтъ обнаруживаетъ всю мощь и красоту своего рыцарства. Здѣсь, какъ нигдѣ въ иномъ произведеніи, онъ показываетъ свое благороднѣйшее отношеніе къ врагу—врагу въ настоящемъ и врагу въ прошломъ.

Пусть борьба у насъ начнется снова
Безъ пощады, безъ конца, безъ края;
Пусть туманъ жестокой битвы скроетъ
Наши горы, скалы и долины;

Пусть въ туманѣ сталь мечей тяжелыхъ
Засверкаетъ, какъ удары молній...
Стихнетъ битва,—и затѣмъ другъ другу
мы, какъ витязи, протянемъ руки.

Несмотря на вѣковую вражду, результатомъ которой являются потоки крови и слезъ, черногорцы остаются вѣрными рыцарскимъ завѣтамъ. И въ лицѣ врага они видятъ достойнаго противника. Эту рыцарскую, красивую черту народныхъ героевъ и хотѣлъ подчеркнуть вѣнчанный поэтъ въ стихотвореніи «Турку». Нужно сознаться,—черта характерная, если принять во вниманіе неравныя условія борьбы.

Среди лирическихъ произведеній князя есть прекрасное стихотвореніе, посвященное Черногоріи. Въ сердечномъ восторгѣ въ немъ поэтъ воспѣваетъ свою дорогую родину, говоритъ, что, гдѣ бы онъ ни былъ, вездѣ помнитъ о ней, поетъ о ея былыхъ дняхъ, полныхъ мужественной борьбы за свободу и счастье сербства.

Пережила ты Византію....
И блескъ Стамбула въ оны дни...
О, будь же доблестной, какъ прежде!
Во вѣкъ Господь тебя храни!

Не разъ левъ Марка въ дикой злобѣ
Тебя пытался растерзать;
Не разъ бросался, но позорно
Бѣжалъ, не тронувъ нашу мать.

О какъ же мнѣ не пѣть, отчизна!
Не раздѣляетъ насъ и даль...
Мнѣ безъ тебя и жизнь не въ радость,
И свѣта Божьяго не жаль!...

VI.

Второй томъ собранія поэтическихъ произведеній князя Николая состоитъ изъ поэмы въ стихахъ «Потонь и Абенсераж», изданной въ первый разъ въ 1888 году. Темой для поэмы послужилъ романъ Ф. де-Шатобріана «Les aventures du dernier Abencerrage». Этотъ романъ, какъ извѣстно, способствовалъ возрожденію романтизма и представляетъ элегію о невозвратно погибшемъ рыцарствѣ. Грусть о минувшихъ временахъ рыцарства, романтическія нотки романа и вдохновили черногорскаго поэта къ созданію названной поэмы. Но выросшая на чужой почвѣ поэма не имѣетъ такого значенія, какъ другія произведенія князя Николая. Его душа живетъ лишь національными интересами, его сердце бьется лишь безграничной любовью къ родинѣ. Потому наивысшаго развитія достигаетъ его талантъ въ тѣ моменты, когда передъ очами поэта развертываются родныя картины.

Помѣщенная въ третьемъ томѣ изданія героическая поэма «Хайдана» какъ по содержанію, такъ и по обработкѣ стоитъ значительно выше предыдущей. Здѣсь поэтъ переносится къ XVII вѣку, къ эпохѣ пробужденія національнаго самосознанія у сербовъ. Подъемъ народнаго духа выразился, между прочимъ, въ появленіи такъ называемыхъ «ускоковъ», людей, бѣжавшихъ изъ угнетенныхъ турками Босніи и Герцеговины къ предѣламъ свободной Черногоріи, подъ защиту ея храбрыхъ сыновъ. Здѣсь такіе перебѣжчики образовывали вооруженные отряды («четы») и тревожили постоянными нападеніями своихъ угнетателей. Впослѣдствіи характеръ движенія измѣнился, и въ число «ускоковъ» стали попадать люди, вообще недовольные чѣмъ-нибудь на родинѣ. Многіе изъ нихъ убѣгали къ туркамъ, переходили въ исламъ и дѣлались для своихъ единоплеменниковъ болѣе злыми врагами, чѣмъ настоящіе турки. Поэтъ и изображаетъ въ поэмѣ исторію быта этихъ сербскихъ выходцевъ.

Боснійскій визирь задался цѣлью покорить свободную Черногорію, которая одна изъ всѣхъ южно-славянскихъ государствъ не признаетъ власти полумѣсяца. Но какъ это сдѣлать? Ни силою, ни подкупомъ не овладѣть страной. И визирь задумалъ выполнить свой планъ при помощи сербовъ-ускоковъ, въ рядахъ которыхъ уже въ то время находились люди, способные измѣнить вѣрѣ и родинѣ. Кстати представился и случай для приведенія въ исполненіе задуманной мысли: къ визирю явилось двое ускоковъ, Симо и Периша. Они рѣшились бѣжать къ туркамъ изъ-за мелкихъ уколовъ честолюбію, нанесенныхъ имъ на родинѣ. Визирь посылаетъ ихъ съ турецкимъ отрядомъ въ Никшичъ «четовать». Здѣсь первый изъ нихъ, Симо, подъ вліяніемъ тетки, раскаивается въ своей из-

мѣнѣ и возвращается на родину, а Перишa отправляется съ отрядомъ дальше, въ Пѣшивцы. Четѣ удается напасть на воеводъ Раде и Вукоту съ дочерью Хайданой, мирно возвращавшихся домой съ праздника. Дѣвушку четники берутъ въ плѣнъ и доставляютъ въ Никшичъ къ мѣстному бегу. Тотъ долженъ отослать плѣнницу къ визирю, но, чувствуя къ ней состраданіе, долго колеблется. Въ концѣ концовъ онъ все-таки отправляетъ ее къ своему начальнику.

Визирь плѣняется красотой юной черногорки, помѣщаетъ ее въ гаремъ, осыпаетъ всякими заботами и ласками. Какъ истая дочь родины, Хайдана не поддается ласкамъ и увѣщаніямъ стараго визиря. Она постоянно скорбитъ о потерянной свободѣ и родинѣ. Когда визиря переводятъ въ другой вилайетъ, онъ беретъ съ собой Хайдану. На пути, во время одной изъ остановокъ, онъ входитъ въ палатку черногорки и снова уговариваетъ ее полюбить его, или хотя сдѣлаться къ нему ласковѣе, обѣщаетъ сдѣлать для нея все, даже поцѣловать крестъ. Хайдана остается непреклонной въ своей, все поглощающей любви къ родинѣ, она заявляетъ турку, что все ея сердце принадлежитъ только милой Черногоріи, безъ которой самое небо кажется ей чужимъ. Непоколебимая любовь дѣвушки къ родной странѣ заставляетъ послѣдняго отпустить ее на свободу. И на прощанье онъ говоритъ молодой черногоркѣ:

Иди! Свободна ты, какъ геній
Твоихъ любимыхъ горъ.

И какъ разъ въ это время на станъ визиря нападаютъ черногорскія четы. Начинается кровавая схватка. Лишь благодаря Хайданѣ недавній ея владыка спасается отъ смерти. Черногорцы узнаютъ свою соотечественницу, и она возвращается съ ними на родину.

Поэтъ груститъ въ своей поэмѣ объ измѣнѣ родинѣ нѣкоторыхъ сыновъ сербства, но вѣритъ, что, несмотря на это, въ сербствѣ, особенно въ лучшихъ его представителяхъ—черногорцахъ, сильна жажда борьбы «за крст часни и свободу злaтну». И онъ съ особенной любовью изображаетъ въ лицѣ Хайданы типъ истой черногорки, которая свою родину и вѣру не промѣняетъ ни за что въ мірѣ.

VII.

Четвертый томъ собранія произведеній черногорскаго князя посвященъ поэмѣ «Пјесник и Вила» («Поэтъ и Русалка-Муза»), изданной впервые въ 1892 году.

Это произведеніе—одно изъ лучшихъ по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ достоинствамъ. Сильный музыкальный стихъ, обиліе художественныхъ образовъ, искренность чувства, выразившаяся въ безпредѣльной, горячей любви къ родному народу и т. д., все это

позволяетъ ставить поэму на ряду съ выдающимися патріотическими твореніями славянскихъ поэтовъ, напримѣръ, съ «Дочерью Славы» («Slávy Dcera») Яна Коллара, «Лабиринтомъ Славы» («Labyrint Slávy») Воцеля и другихъ.

Основная идея поэмы—скорбь о тяжкой долѣ угнетенныхъ славянъ, горячій призывъ къ борьбѣ за свободу и надежда на свѣтлое будущее славянства. Въ немъ поэтъ видитъ конечное торжество нравственнаго начала надъ грубой физической силой, въ какой бы формѣ гнетъ ея ни выражался.

Подобно тому, какъ чешскаго поэта Коллара въ его странствіяхъ сопровождаетъ Мина, сербскому князю-поэту спутницей служитъ безсмертная Вила. Съ нею онъ обозрѣваетъ исторію сербства, грустя и оплакивая его бѣдствія, униженія, тяжелые удары судьбы. Муза-русалка утѣшаетъ поэта въ скорби о тяжкой судьбѣ родного народа. Она призываетъ его къ освобожденію славянъ отъ гнета и къ объединенію ихъ въ одно славное цѣлое, обѣщаетъ ему за этотъ высокій подвигъ безсмертную славу. Поэта занимаютъ философскіе вопросы и онъ ищетъ разрѣшенія ихъ у своей Вилы:

Укажи мнѣ, гдѣ сокрыта
Вся гармонія вселенной,
Гдѣ источникъ животворный,
Силы знанья вдохновенной?
Красоты открой мнѣ тайну;
Гдѣ горитъ любовь святая,
Научи и дай постигнуть,
Что намъ смерть готовитъ злая.
Объясни, что значитъ вѣчность,
Льются ль тамъ людскія слезы,
Иль одна земля ихъ знаетъ?...

И муза-русалка ведетъ съ нимъ рѣчь обо всемъ, что можетъ вдохновить человѣка, что́ можетъ указать ему смыслъ жизни. Она говоритъ о Богѣ, религіи, истинѣ, любви, героизмѣ и т. д., она осуждаетъ различные пороки, особенно измѣну родинѣ, которую считаетъ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ. Вспоминая прошлое сербства, поэтъ и Вила останавливаются на каждомъ значительномъ моментѣ его жизни, большую частью ознаменованномъ борьбой за вѣру и свободу. Когда Вила ведетъ поэта на Коссово поле, онъ горько плачетъ о злой участи народа, постигшей его со времени несчастной битвы на этомъ полѣ. Но Муза ободряетъ скорбнаго поэта. Она говоритъ, что Коссово поле—предвозвѣстникъ будущаго возрожденія сербства, которое сдѣлало уже первые шаги въ этомъ направленіи: изъ угнетенной «райи» образовало юное королевство и, благодаря геройству, главнымъ образомъ, черногорцевъ,—идетъ впередъ по пути освобожденія. Вила негодуетъ и изобличаетъ недостатки современныхъ сербскихъ дѣятелей, нравственное паденіе народа и т. д.

и на ряду съ этимъ напоминаетъ поэту о геройствѣ, мужествѣ и энергіи прежнихъ сербскихъ царей и героевъ. И поэтъ проникается убѣжденными и вдохновенными рѣчами Музы. И его душа полна беззавѣтной любви къ родному народу, надежды на его свѣтлое будущее:

Вила, милая подруга,
Знай: въ моемъ народномъ сердцѣ
Отзвукъ каждаго недуга,
Каждой горести трепещетъ,
Пережитой въ дни напасти
Нашимъ доблестнымъ народомъ.
И давно бъ оно на части
Разорвалось отъ страданья,
Если бъ лучъ надежды свѣтлой
Не ласкалъ его порою.
И мнѣ жизнь—не въ жизнь безъ вѣры,
И я вѣрю не напрасно,
Что народъ мой бѣдный снова
Счастья прежняго дождется.

Патріотическая поэма князя Николая—въ высшей степени поучительное историческое произведеніе для всего сербства. Здѣсь сербскій народъ ободряется примѣрами своей прошлой исторіи, полной великихъ подвиговъ въ борьбѣ за свободу. Здѣсь онъ призывается объединиться въ одно цѣлое, чтобы снова вернуть ту мощь и величіе, которыя потерялъ на Коссовомъ полѣ.

VIII.

Въ 1896 году вышла въ свѣтъ поэма князя «Нова кола», имѣющая такое же значеніе для отдѣльной группы сербства—черногорцевъ, какое имѣетъ «Пјесник и Вила» для всѣхъ сербовъ. Здѣсь державный поэтъ воздаетъ должное памяти славныхъ черногорскихъ племенъ, этого краеугольнаго камня современной Черногоріи.

Каждому племени князь Николай написалъ пѣсню для хоровода и исполненія народнаго танца («коло»). Всѣхъ пѣсенъ въ поэмѣ тридцать. Изъ нихъ двадцать восемь посвящены племенамъ, двѣ—княжеской гвардіи и артиллеріи. Какъ въ поэмѣ «Пјесник и Вила» поэтъ представилъ мощный образъ серба въ исторіи своего народа, такъ здѣсь—серба Черной Горы. Но въ обоихъ произведеніяхъ видно одно стремленіе, именно воспитаніе народа въ національно-сербской и государственной идеѣ: сербовъ—въ широкомъ смыслѣ народной, а черногорцевъ—въ болѣе узкой, государственной и къ тому же, какъ доблестныхъ и вѣрныхъ выразителей и носителей сербской независимости и государственности. «Нова кола» представляетъ какъ бы оду, въ которой поэтъ-государь воспѣваетъ свою страну и свой вѣрный народъ, указывая на его геройство и подвиги въ дѣлѣ защиты свободы и вѣры.

Каждая пѣсня—цѣлая исторія даннаго племени въ прошломъ и настоящемъ. Въ ней поэтическими красками изображается все то, что̀ дало это племя для созданія маленькой сербской державы, носительницы славянскихъ идеаловъ. Когда авторъ хочетъ сравнить дѣянія своихъ черногорскихъ героевъ, онъ не беретъ для этого классическіе образцы изъ античной исторіи, нѣтъ, онъ находитъ достаточно примѣровъ для сравненія съ подвигами другихъ витязей.

Чувствуется, что предъ нами истинный народный поэтъ, что его поэзія—лучшій отголосокъ сербской души. Да и по языку «Новой колы» видно, какъ близка она духу народа: въ ней найдутся всѣ лучшія качества народной сербской пѣсни, а по гармоніи, легкости и плавности стиха она, можно сказать, даже превосходитъ ее.

IX.

Князь Николай извѣстенъ и какъ драматургъ. Его перу принадлежатъ драмы «Балканская царица» и «Князь Арванитъ», трагедія «Вукашинъ».

Основная идея «Балканской царицы»—объединеніе всѣхъ балканскихъ славянъ въ одно государственное цѣлое. Произведеніе посвящается черногоркамъ, беззавѣтную любовь которыхъ къ родинѣ поэтъ воспѣваетъ въ лицѣ «Балканской царицы»—Даницы. Въ предпосылаемомъ драмѣ посвященіи доблестнымъ дочерямъ Черной Горы авторъ указываетъ на ихъ геройскія качества:

Такъ могъ ли я души моей
Желанье одолѣть,
Чтобъ черногорскихъ дѣвъ и женъ
Заслуги не воспѣть;
Чтобъ подвиги ихъ не вознесть
На тотъ алтарь святой,
Гдѣ въ честь Свободы ѳиміамъ
Дымится вѣковой!...

Содержаніе драмы взято изъ событій XV вѣка, изъ временъ Черноевичей. Господарь Зеты Иванъ Черноевичъ, извѣстный болѣе подъ турецкимъ именемъ Иванъ-бега, имѣетъ двухъ сыновей: наслѣдника престола Георгія и младшаго Станка. Въ первомъ виденъ будущій хорошій правитель: онъ вникаетъ въ государственныя дѣла, отличается тактичностью въ поступкахъ, обладаетъ житейской опытностью и т. д. Второй, наоборотъ,—горячая, увлекающаяся натура, жаждущая простора, подвиговъ и славы. Его тяготитъ подчиненное положеніе въ домѣ отца, вѣчные упреки за бездѣятельность.

Несносна жизнь,
День-ото-дня все больше огорченій,—

размышляетъ молодой княжичъ.

«Не дѣло, князь»!—«Такъ не годится, Станко!»—
Въ глаза мнѣ, князю, старъ и младъ твердитъ!
—«Учись уму да разуму, князь Станко!»—
Какъ будто я не вышелъ изъ пеленокъ.
А вотъ поди, толкуй и вразуми ихъ!..
Учиться здѣсь—въ гниломъ и мрачномъ замкѣ,
Гдѣ отъ тоски бы спятилъ сатана?!...

Князя не утѣшаетъ перспектива «учиться уму да разуму», чтобъ стать впослѣдствіи помощникомъ отцу или брату въ дѣлахъ правленія:

Я жажду свѣта, солнца и простора,
Хочу на травлю посмотрѣть звѣрей
И вихремъ мчаться въ полѣ на конѣ,
Подъ чуднымъ сводомъ неба голубого.
Хочу въ лѣсу костеръ я развести,
На вертелѣ обѣдъ себѣ сготовить.
О, что за прелесть! Что за жизнь! Усѣсться
На муравѣ душистой и съ томленьемъ
Ждать упоеній и любви блаженства,
Ждать свѣтлыхъ дней, свиданій и восторга,
Ея прелестный голосъ райскій слушать!...

Послѣднія слова относятся къ Даницѣ, дочери властелина, князя Деана, которую Станко горячо любитъ и пользуется съ ея стороны взаимностью. Когда старшій братъ Георгій приноситъ ему для просмотра дѣловыя бумаги и указываетъ на огорченье отца, недовольнаго бездѣятельностью младшаго сына, княжичъ не хочетъ внимательно слушать дѣловые разговоры брата, а документы съ равнодушнымъ видомъ вздѣваетъ на копье. Но какимъ восторгомъ наполняется его душа, когда Георгій упоминаетъ, между прочимъ, что албанскій воевода Скендеръ проситъ у ихъ отца прислать на помощь тѣснимымъ турками албанцамъ войска. При этомъ албанскій воевода желаетъ, чтобы во главѣ отряда стоялъ или самъ господарь, или который-нибудь изъ его сыновей.

— Проси отца, о милый мой Георгій
Послать меня въ Албанію вождемъ!...
Быть-можетъ, славой увѣнчаюсь тамъ,
А до всего другого мнѣ и дѣла мало...
Я ухожу отъ здѣшней духоты,
Чтобъ горнымъ воздухомъ вздохнуть на во
И, лишь взберуся на вершину Бобьи,
Бумаги всѣ перечитаю эти,—

восклицаетъ онъ, бросаясь къ брату и обнимая его.

Послѣдній уходитъ отъ Станко недовольнымъ. Недоволенъ онъ братомъ, во-первыхъ, потому, что тотъ игнорируетъ участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ, и, во-вторыхъ,—несочувственно относится къ его предполагаемому браку съ венеціанкой. Это несочувствіе Станко выражаетъ словами:

Съ тобою могъ бы я еще поладить,
Но, вотъ, съ латинянкой не помирюсь!
Коль скоро капля крови, чуждой намъ,
Смѣшается съ геройской кровью нашей,—
На поколѣньи это отразится,
И родъ нашъ можетъ измельчать совсѣмъ!...

И Георгій какъ бы мститъ брату, уязвляя его насмѣшками надъ его любовью къ Даницѣ. Онъ говоритъ, что если бы послушался Станка и отказался отъ брака съ венеціанкой, то у себя на родинѣ никого бы не взялъ въ жены, кромѣ прелестной Даницы. Станко воспылалъ ревностью къ своей возлюбленной:

О, женщина, лукавая змѣя!
іянье, вѣрно, Балшиной короны
Тебѣ въ очахъ мерещится, Даница,—
И грудь волною счастья наполняетъ!

X.

Съ этого момента въ душѣ юнаго черногорца происходитъ большой переворотъ. Исчезла беззаботность, мечтаніе о привольной, свободной жизни съ подругой сердца. Теперь въ немъ, кромѣ безумной ревности, загорается честолюбіе.

Когда Станко, сейчасъ же послѣ ухода брата, увидѣлся съ Даницей, онъ осыпалъ ее градомъ упрековъ за измѣну. Однако ревность его была неосновательна, въ чемъ онъ и самъ убѣждается подъ вліяніемъ искреннихъ словъ дѣвушки. Она говоритъ ревнивцу, что сердце ея чисто передъ нимъ, какъ солнца лучъ.

Пусть нравлюсь я всему, пожалуй, свѣту
Но сердце и рука твои навѣки!
Нѣтъ въ свѣтѣ скипетра и ни короны,
Ни образовъ, навѣянныхъ мечтою,
Которыми увлекшися, Даница
Отъ чувствъ своихъ на мигъ могла бъ отречься,—

прибавляетъ при этомъ черногорка.

И когда успокоенный Станко упоминаетъ ей о предстоящемъ ему, быть можетъ, лестномъ жребіи—итти на помощь албанцамъ,—душа дѣвушки открывается во всемъ своемъ величіи и красотѣ. Она полна любовью къ родинѣ.

Когда бъ султанъ затѣялъ съ нами ссору
Я бъ въ руки саблю острую взяла,
На жизнь и смерть борьбу бы повела
За процвѣтанье Зеты дорогой...
Чѣмъ горше и печальнѣе судьба
Моей земли родной, тѣмъ съ большимъ жаромъ
Я отдаюсь ей пламенной душою!
Лишь ей одной всѣ жертвы на алтарь!

Даница заставляетъ замолчать ревность въ Станкѣ, но честолюбіе продолжаетъ дремать на днѣ его души. Желаніе стать во главѣ похода въ Албанію исполнилось: отецъ поручаетъ ему вести отрядъ на помощь Скендеръ-бегу. Турки провѣдываютъ о помощи албанцамъ со стороны Черной Горы, и султанъ посылаетъ ко двору Иванъ-бега посла, пашу Ибрагима-агу, съ цѣлью воспрепятствовать походу.

Хитрый паша сразу убѣждается въ безполезности своей миссіи. Но пытается все-таки что-нибудь сдѣлать. Изъ разговора съ Станкомъ, какъ вождемъ посылаемаго въ Албанію войска, онъ подмѣчаетъ честолюбивыя струнки въ немъ. У турка созрѣваетъ адскій замыселъ. Онъ рисуетъ передъ молодымъ княжичемъ превосходства великой и могучей Турціи надъ бѣдной и забитой Зетой, славу и роскошь султана, въ сравненіи съ которымъ его отецъ, Иванъ-бегъ, ничтожество. Упоминаетъ о благоволеніи падишаха къ храброму Станку.

Какъ съ вашей Зетой бѣдною сравнить
Румеліи роскошныя долины?
Что тѣсный уголъ Черныхъ Горъ въ сравненьи
Съ землей пространной сербовъ и болгаръ?
О, что такое снѣжный Ловченъ вашъ
Предъ гордыми вершинами Балкана?
Что бегъ-Иванъ въ сравненіи съ султаномъ?
Что княжій сынъ въ сравненьи съ сыномъ царскимъ?
Ты, витязь,—славнаго Ивана сынъ,
Но больше славы—быть султана сыномъ!...

XI.

Замыселъ его попадаетъ на благопріятную почву. Дремлющее честолюбіе Станка разгорается и концѣ концовъ приводитъ молодого черногорца къ страшному преступленію. Изъ второго дѣйствія драмы мы узнаемъ, что княжичъ задумываетъ измѣнить родинѣ.

Султанъ обѣщаетъ безумцу господство надъ балканскими народами, и Станко мечтаетъ о коронѣ для себя и для своей возлюбленной, Даницы. Въ промежуткахъ между удачными схватками съ врагомъ онъ ведетъ тайные переговоры съ Ибрагимомъ и затѣмъ отправляетъ со своимъ слугомъ, Ивой, письма къ нему. Слуга знаетъ о честолюбивыхъ намѣреніяхъ господина и тайно передаетъ письма надежнымъ друзьямъ съ тѣмъ, чтобы тѣ доставили ихъ господарю. Иванъ-бегъ отправляетъ къ сыну посольство во главѣ съ воеводами Деаномъ и Перуномъ съ цѣлью, пока не поздно, образумить измѣнника. Деанъ убѣждаетъ Станка вспомнить свой долгъ передъ родиной, раскаяться въ измѣнѣ и вернуться въ домъ отца, который обѣщается все простить заблудшему сыну и сохранить въ тайнѣ его преступныя намѣренія. Станко остается непреклоненъ въ своемъ

замыслѣ. А когда черногорскій воевода, возмущенный черствостью сына своего господаря, рѣзко упрекаетъ его въ измѣнѣ,—онъ выхватываетъ мечъ и ударяетъ имъ въ грудь честнаго слуги родины. Деанъ и послѣ такого ужаснаго поступка княжича убѣждаетъ его одуматься.

Коль дома ты останешься съ отцомъ,
Я кровь тебѣ прощаю!... Не позорь
Себя!... Останься вѣренъ ты отчизнѣ...
Униженно тебѣ цѣлую руки!
Я умираю! Ахъ!... Скажи, куда ты?...—

говоритъ умирающій воевода, протягивая руку своему убійцѣ.

Станко нѣкоторое время колеблется, но все-таки отвѣчаетъ:

— Къ султану!

При этихъ словахъ Деанъ умираетъ, а другой посолъ, Перунъ, оплакиваетъ его прахъ и изрекаетъ проклятіе измѣнникамъ родины.

Кто Черногоріи родной измѣнникъ,—
Будь проклятъ Богомъ и людьми!
Кому горъ этихъ камни не священны,—
Тотъ проклятъ будь и обезславленъ...

Всѣ присутствующіе отвѣчаютъ на грозную рѣчь словомъ «аминь» и уносятъ прахъ Деана. Оставшись одинъ, Станко колеблется, какъ ему теперь поступить, когда извѣстіе о его злодѣяніи должно съ часу на часъ достигнуть отца. Одно мгновеніе онъ хочетъ вернуться домой, гдѣ надѣется получить прощеніе. Но честолюбіе беретъ верхъ надъ благороднымъ порывомъ, и онъ восклицаетъ:

...Простятъ!... а дальше?...
Что дальше ждетъ меня?!... Лицомъ быть третьимъ?
Служить и вѣчно слушаться другого?...
О, нѣтъ, клянусь, на это не согласенъ!
Пусть весь крещенный міръ меня клянетъ,—
Все жъ легче мнѣ, чѣмъ безъ короны быть!...
Такъ лучше ускользну сегодня въ Баръ,
Оттуда жъ—подъ окрыліе Мурата!

Но тутъ измѣннику готовится новое искушеніе. Ничего не знавшая о замыслѣ своего возлюбленнаго Даница получаетъ ложное извѣстіе о его плѣнѣ. Убитая горемъ, она отправляется со своей подругой, Мартой, въ поле за поискомъ волшебной травы, которая будто бы открываетъ двери темницы. Подруги случайно подходятъ къ лагерю Станка, который внезапнымъ появленіемъ пугаетъ Даницу,—и та падаетъ въ обморокъ. Въ это время Марта узнаетъ объ измѣнѣ княжича и убійствѣ Деана и передаетъ эту ужасную вѣсть своей подругѣ, когда послѣдняя приходитъ въ чувство. Влюбленная дѣвушка, разумѣется, не вѣритъ словамъ Марты.

Но вотъ приходитъ Станко и на тревожные вопросы Даницы о правдивости слышаннаго ею отвѣчаетъ признаніемъ во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ. Онъ убѣждаетъ ее послѣдовать за нимъ къ туркамъ, гдѣ ожидаетъ ихъ слава и могущество, и гдѣ онъ назоветъ ее балканскою царицей.

— Въ одной лишь Турціи могу свободно
Назвать тебя я истинной женою!—

говоритъ дѣвушкѣ женихъ:

Тамъ съ радостью, Даница, примутъ насъ!
Идемъ! Насъ тронъ златой тамъ ждетъ Балканъ!
Тамъ Станко первымъ будетъ у царя!
А чтобъ надъ цѣлымъ властвовать Балканомъ,—
Грѣха большого нѣтъ принять исламъ!
Не такъ ли, о, балканская царица?

XII.

Доблестную черногорку замыслы Станка повергаютъ въ ужасъ, въ недоумѣніе. Она не постигаетъ, какъ можетъ сынъ Зеты, да притомъ Черноевичъ, настолько низко пасть, чтобы помыслить объ измѣнѣ...

Ахъ, перестань, ни слова больше, Станко!—

отвѣчаетъ она ему на предыдущія слова. Она старается вызвать въ немъ благороднѣйшія чувства и говоритъ:

Гдѣ прежнихъ чувствъ возвышенность твоихъ?
Какъ могъ въ любви ты увѣрять меня,
Тая столь злые замыслы въ душѣ?
Ты въ Турцію меня везешь, туда,
Отколь всѣ наши потекли несчастья,
Гдѣ нашихъ братьевъ топчутъ и терзаютъ?!
Нѣтъ, нѣтъ! Я лучше здѣсь одна останусь,
А ты короною балканской тѣшься!

И какія заманчивыя картины ни рисовалъ передъ нею молодой князь, дѣвушка остается непреклонной въ своей любви къ отчизнѣ. Ей не сладка корона, когда полученіе ея влечетъ за собой измѣну всему дорогому. Если ея суженый такъ жаждетъ славы, то пусть этого ищетъ онъ не у турокъ: пусть онъ зажигаетъ въ сердцахъ сербовъ лучъ свободы и стремится къ возстановленію короны Лазаря, разбитой на Коссовомъ полѣ.

Но ты зажги свободы сербской лучъ,
На остріи меча изъ волнъ кровавыхъ
Достань корону Лазаря-царя
И возложи на гордое чело!

О, какъ она тебя украситъ, Станко!
Корона эта и меня плѣнила,
И за тобой съ восторгомъ въ рай иль въ адъ
Всегда пошла бы вѣрная Даница!
Но быть измѣнницей,—о, никогда!

Во время разговора Станка съ Даницей слуги извѣщаютъ о приближеніи черногорскаго отряда, посланнаго въ погоню за измѣнникомъ. Видя, что никакими благами не заставишь дѣвушку итти съ нимъ къ туркамъ, онъ рѣшается на послѣднее средство—возбудить въ ней ревность—и говоритъ:

— И безъ тебя красавицъ тамъ довольно.

Но и такое средство не имѣло успѣха.

— И здѣсь довольно сербовъ-юнаковъ,—

отвѣчаетъ ему гордая черногорка.

Она клеймитъ жениха именемъ измѣнника, пытается даже нанести ему рану и обращается къ приближающейся черногорской рати со словами:

— Коль въ этомъ войскѣ витязь обрѣтется,
Чтобъ бѣглецу дорогу преградить,—
Тому Перуна-князя дочь, Даница,
Отдастъ и руку, и любовь свою.

Тутъ ужъ Станко не выдерживаетъ и въ порывѣ нахлынувшей на него ревности наноситъ Даницѣ рану. Вслѣдъ за этимъ онъ посылаетъ послѣднее «прости» родной странѣ и мчится къ туркамъ «за полученіемъ балканской короны». Тамъ онъ получаетъ званіе паши и идетъ во главѣ большого отряда противъ своихъ же братьевъ.

Черногорцы посылаютъ противъ турокъ войска подъ предводительствомъ князя Георгія. Судьба устроила такъ, что единокровнымъ братьямъ пришлось итти одинъ на другого. Передъ началомъ сраженія въ черногорскомъ войскѣ происходитъ гаданіе на мечѣ. Старецъ-прорицатель предсказываетъ побѣду надъ врагомъ, говоритъ о будущемъ Зеты:

День завтрашній блистательной побѣдой
Главу младого князя осѣнитъ,
Но Зета, какъ брильянтъ, сіять не долго
Въ его коронѣ драгоцѣнной будетъ!...
Геройскою державой вашей турки,
Какъ Сербіею, все же завладѣютъ;
Придется вамъ равнины всѣ покинуть
И подъ окрылье удалиться горъ.
Тутъ волны азіатскихъ бурныхъ водъ
Не досягнутъ губительнымъ наплывомъ,
Хоть ярый плескъ покоя вамъ не дастъ
И тамъ, отравой брызгая своей!...

Въ пучинѣ блага ваши всѣ потонуть,
Но свѣтлый лучъ свободы и надежды
Вамъ будетъ вѣчно душу согрѣвать
И никогда межъ вами не погаснетъ!..

Далѣе вѣщій старецъ указываетъ черногорцамъ, что они обрѣтутъ на делекомъ сѣверѣ брата, который поможетъ имъ въ борьбѣ за свободу сербства:

Но Русь святая, какъ младая мать,
Надежнаго взлелѣетъ брата вамъ,
Что подвигами міръ весь изумитъ!
Онъ возрастетъ на славу,—и никто
Изъ страха передъ этимъ грознымъ братомъ.
Вамъ не дерзнетъ обиды нанести [1]).

XIII.

Согласно предсказанію, черногорцы одерживаютъ побѣду надъ врагомъ. Послѣ сраженія Даница и Марта обходятъ поле битвы, чтобы облегчить страданія раненыхъ. Въ одномъ изъ нихъ Даница узнаетъ Станка. Первое мгновеніе она чувствуетъ ненависть къ измѣннику и призываетъ витязей совершить судъ надъ отщепенцемъ родной страны. Станко говоритъ ей, что теперь, когда онъ проигралъ сраженіе и лежитъ безпомощный у ея ногъ,—для нея самый благопріятный случай отомстить ему. Но дѣвушка не можетъ думать о мести, потому что, несмотря на презрѣніе къ жениху, какъ къ измѣннику, она все-таки продолжаетъ въ глубинѣ души любить его:

Ты душу, сердце, тѣло мнѣ изранилъ
Врагамъ отчизну предалъ дорогую—
И все жъ моя любовь не увядаетъ!...

Станка поражаетъ духовная мощь Даницы. Но въ измѣнѣ своей онъ не раскаивается и не теряетъ надежды, что любящая Даница навѣститъ его въ Скутари. При этихъ словахъ прибѣгаютъ турки и уносятъ своего молодого пашу съ поля сраженія.

Изстрадавшаяся душа дѣвушки не въ силахъ перенести насмѣшекъ надъ побѣжденнымъ женихомъ. Тяжесть удара судьбы, свалившагося на ея вѣрную голову, все-таки велика, и героиня рѣшается послѣдовать совѣту возлюбленнаго: она бросается въ Морачу, которая на волнахъ своихъ несетъ ее къ крутымъ берегамъ Скутари—на свиданіе съ суженымъ...

---

[1]) Указаніе на Петра Великаго.

Заканчивается драма молитвой черногорскихъ витязей за дорогую родину. Князь Георгій обращается къ войску и говоритъ:

Теперь, о витязи, вы на колѣни!
За славный день сегодняшней побѣды
Мы благодарнымъ сердцемъ къ небесамъ
Горячія молитвы вознесемъ!
Хранитель Правды и Источникъ силъ,
Что наши силы предъ Твоею мощью!
Ты былъ для Черногоріи щитомъ;
Твоимъ лишь осѣненные покровомъ,
Мы побѣдили родины враговъ!
О, всемогущій, милосердный Боже!
Пока стоитъ незыблемо отчизна,
Лелѣя въ нѣдрахъ истинныхъ сыновъ,—
Пусть всѣхъ ея измѣнниковъ постигнетъ
Такая жъ участь, какъ и брата Станка!
Въ горахъ же поддержи родныхъ, Творецъ,
Любви, согласія и братства духъ,
А мелкихъ душъ, предателей ничтожныхъ,
Сотри съ лица земли, сотри во прахъ!
Безъ витязей—Деановъ и Перуновъ,
Поборниковъ свободы, вѣры, сербства,—
Впредь не оставь Ты нашихъ милыхъ горъ!
Въ сердцахъ же черногорокъ молодыхъ
Пускай во вѣкъ примѣръ Даницы юной
Огонь любви къ святой отчизнѣ будитъ!

Въ литературномъ отношеніи драму «Балканская царица» можно причислить къ лучшимъ произведеніемъ современной сербской литературы. Въ ней правдиво изображены характеры дѣйствующихъ лицъ. Стихъ отличается красотой и выдержанностью, вся она проникнута глубокимъ патріотизмомъ и т. д.

Трагедія эта, имѣвшая большой успѣхъ, переведена на нѣсколько языковъ. Въ Берлинѣ была сдѣлана попытка поставить ее на сценѣ, и «Балканская царица» была встрѣчена сочувственно.

Уже изъ этой трагедіи можно увидѣть, насколько искреннимъ патріотомъ является талантливый царственный поэтъ, и какъ глубоко въ душѣ черногорскаго народа живетъ память о кровавомъ прошломъ и надежда на лучезарное будущее, которое въ награду за вѣковыя страданія должно блеснуть славянству. И первый шагъ къ этому разсвѣту поэтъ видитъ въ необходимости единенія.

Нѣчто подобное мы замѣчаемъ и въ остальныхъ его произведеніяхъ.

XIV.

Драма «Князь Арванитъ» относится къ эпохѣ первыхъ годовъ царствованія Ивана Черноевича. Центральнымъ лицомъ является младшій братъ Ивана, Арванитъ. Слава брата затмила его, но онъ, противоположность своему племяннику Станку, съ которымъ мы

познакомились въ «Балканской царицѣ», весь вѣкъ прожилъ, какъ покорный и любящій братъ, отдавая всѣ силы на защиту родины.

Это произведеніе князь Николай написалъ по просьбѣ своего сына, князя Мирка, которому онъ его и посвящаетъ: «На забаву Мирку драгом сину».

Трагедія «Вукашинъ» относится къ эпохѣ паденія великаго сербскаго царства и проникнута глубокою скорбью о этой тяжкой потерѣ.

Отличительной чертой всѣхъ этихъ драмъ является ихъ тѣсная, неразрывная связь съ исторіей всего сербства, грандіозность сюжетовъ, охватывающихъ большую полосу государственной жизни, представляющихъ собой какъ бы художественную исторію. Наконецъ, далеко не послѣднюю роль играетъ здѣсь и близость ихъ къ народнымъ традиціямъ, пѣснямъ, грезамъ, надеждамъ и тревогамъ. Художественныя достоинства тѣ же, что̀ и во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ державнаго поэта. Критики отмѣчаютъ въ нихъ музыкальность и пластичность стиха, яркость національныхъ образовъ.

Характерно то обстоятельство, что всюду фигурируетъ измѣна родинѣ, долгъ ея сыновей и тяжелая борьба между священными обязанностями и усиливающимся личнымъ честолюбіемъ, — вѣчно новые и вѣчно старые мотивы.

Такимъ образомъ, служеніе отечеству—тотъ идеалъ, который пламенно начерталъ князь Николай въ своихъ талантливыхъ произведеніяхъ. Въ этомъ заключается ихъ нравственный авторитетъ и воспитательное значеніе для всего сербскаго народа.

Какъ увидим ниже, державный поэтъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ является энергичнымъ борцомъ за права своего народа. Искренній патріотизмъ и горячая любовь къ свободѣ, такъ ярко отразившаяся въ его поэмахъ,—замѣтны и въ его государственной дѣятельности, въ томъ числѣ и въ недавнихъ дѣяніяхъ его, связанныхъ съ дарованіемъ черногорскому народу конституціи.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзору государственныхъ дѣяній князя-юбиляра, намъ кажется далеко не лишнимъ привести нѣсколько словъ корреспондента «Россіи», ярко нарисовавшаго фигуру маститаго поэта. Въ этомъ портретѣ чувствуется то настроеніе, которое оставляетъ послѣ себя черногорская поэзія.

«Трудно вообразить,—пишетъ Old Gentleman,—внѣшность болѣе воинственную и болѣе привлекательную. Это сѣдой орелъ на неприступной скалѣ. Въ каждомъ движеніи князя, въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ звукѣ его низкаго баса вы видите, чувствуете, слышите—сквозь условную ласковую серьезность высокопоставленнаго лица—привычку и умѣніе повелѣвать, характеръ сильный, гордый и неохочій до противорѣчій. Вы понимаете, что передъ вами человѣкъ, привыкшій считать свои вдохновенія голосомъ вышней

воли, глубоко вѣрующій въ себя и въ роль свою, какъ монарха-отца для своего народа. Вы предчувствуете, что онъ, мощный и картинный, долженъ быть прекрасенъ во главѣ этого народа-войска, такого же мощнаго и живописнаго; что однимъ уже явленіемъ своимъ онъ способенъ магнитизировать толпы, имъ повелѣваемыя, на самые фантастическіе подвиги преданности, что въ немъ живетъ нѣчто сверхчеловѣческое, свойственное только вождямъ, поэтамъ и пророкамъ».

XV.

Характерны слова черногорскаго князя Николая, обращенныя къ народнымъ депутатамъ:

— Самодержавіе никому не было тяжело, кромѣ меня, вслѣдствіе своей слишкомъ большой отвѣтственности. И тутъ каждый повѣритъ, что конституція эта не есть дѣло одной ночи или уступки современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, какъ могли бы подумать непосвященные въ это. Она—исключительно дѣтище моего сердца, дѣтище моего личнаго убѣжденія, предметъ моего давнишняго желанія и наслѣдіе либеральныхъ понятій моихъ въ Бозѣ почившихъ предковъ, потому что никому свобода не была дороже, чѣмъ имъ, и никто больше ихъ не разжигалъ ее въ сербскихъ сердцахъ.

Уже въ 1868 году въ своей рѣчи къ представителямъ черногорскаго народа [1]), имѣя въ виду важныя финансовыя преобразованія, державный поэтъ намѣчаетъ тотъ путь, которому онъ слѣдуетъ донынѣ. И слухи о предполагаемой конституціи изумили Европу. Молодая Черногорія, едва справившаяся съ врагами, не успѣвшая окрѣпнуть, уже думаетъ въ лицѣ своего князя о свѣтлыхъ идеалахъ равенства, братства и свободы. Сильно бьется ея сердце, ключомъ кипитъ жизнь. И государство, которое вынесло тяжелую борьбу съ сосѣдями и внутренними неурядицами, уже во многомъ опережаетъ своихъ наставниковъ.

Мечты оказались не безплодными.

6-го декабря 1905 года князь, какъ извѣстно, даровалъ своему храброму народу «Уставъ», т. е. конституцію. Такимъ образомъ для Черногоріи наступила новая эра. Но нельзя рѣзко провести грань между государственнымъ строемъ Черной Горы до 1905 года и послѣ него, потому что вся жизнь князя Николая—рядъ безпрерывныхъ преобразованій. Реформы 68 года, реформы 1902—1903 гг. кореннымъ образомъ преобразовали всѣ самые разнообразные слои общества и администраціи.

— Я призываю мой народъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ новымъ дополненіямъ закона о судебной власти,—говорилъ князь

---

[1]) «Господа сенаторы, господа капетаны, представители черногорскаго народа»,—говорилъ князь... Но собраніе носило административный характеръ.

въ 1902 году.—Пусть народъ мой съ вѣрою въ меня хорошо знаетъ, что я не стою далеко отъ него. Съ отеческой заботливостью я буду слѣдить за всѣмъ, и ни одна народная потребность не скроется отъ моего вниманія.

И это обѣщаніе было исполнено.

Въ поразительно короткій срокъ обновилась Черногорія сверху донизу. Трудно даже перечислить все то, что́ было сдѣлано за двадцатилѣтній періодъ, начиная отъ шоссейныхъ дорогъ, гаваней, народныхъ школъ, войска, судебной реформы, законодательной—и до политическихъ правъ, дарованныхъ гражданамъ въ послѣдніе годы. Подводя итоги своей работы, 26-го октября 1906 года князь Николай въ своей тронной рѣчи указалъ на цѣнные результаты кропотливой работы.

— Господа посланники, въ прошломъ году,—началъ онъ,— на Николинъ день я далъ своему народу «уставъ» съ намѣреніемъ содѣйствовать всестороннему народному развитію. Моимъ давнишнимъ желаніемъ было, чтобы идея гражданскихъ свободъ, построенная на началахъ истинной демократіи, была закрѣплена основнымъ государственнымъ закономъ. До «устава» идея была основой моихъ воззрѣній. Со времени появленія «устава» я—ея первый охранитель.

Затѣмъ идетъ перечисленіе. Правительство выработало со времени обнародованія конституціи уголовный законъ, законъ о выборѣ народныхъ депутатовъ, законы объ устройствѣ государственнаго совѣта; приведены въ порядокъ финансы; разработаны податной, аграрный, таможенный вопросы; приняты мѣры для развитія промышленности, народнаго образованія и т. д.

Проводятся въ жизнь начала самоуправленія, молодежь воспитывается на сознаніи своей силы, своихъ политическихъ и гражданскихъ правъ.

Измѣняется внѣшній обликъ страны, но въ основу реформъ положены та же горячая любовь къ родинѣ и сознаніе необходимости объединенія. Поэтому вся государственная дѣятельность князя Николая представляетъ собой яркое изображеніе его идей, его стремленій, съ которыми мы познакомились при разборѣ наиболѣе типичныхъ произведеній поэта, и въ то же время можно сказать и обратное: вся литературная дѣятельность державнаго правителя—отраженіе его административныхъ плановъ...

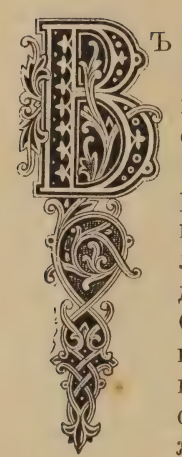
Въ той же тронной рѣчи, упомянувъ о внѣшней политикѣ, князь не можетъ не вспомнить «о неразрывныхъ узахъ, которыя соединяютъ насъ» (т. е. Черногорію), особенно теперь, болѣе, чѣмъ когда-либо, съ нашей могучей защитницей Россіей и русскимъ народомъ», а равно и о «братскихъ связяхъ съ родственными по крови балканскими народами».

Подобныя мысли и надежды, которыя заставляли поэта смѣло звать братьевъ-славянъ «Онамо, онамо!» къ борьбѣ съ врагами, даютъ ему силу въ долголѣтней работѣ и яркимъ свѣтомъ озаряютъ жизнь всего сербства.

Думаемъ, что уже эти данныя достаточно ясно рисуютъ личность князя Николая Черногорскаго, какъ борца за права славянъ, а его поэзію, какъ яркій лучъ свѣта, какъ горячій призывъ къ новымъ фазисамъ жизни, какъ призывъ «Онамо, онамо!»

И. Александровъ.

ПОСЛѢДНІЙ КОРОЛЬ ПОЛЬШИ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.



ВЪ ПРОШЛОМЪ году мы отмѣтили въ отдѣлѣ библіографіи «Историческаго Вѣстника» появленіе прекраснаго труда по русской исторіи въ связи съ польской, составленнаго англійскимъ историкомъ Низбетомъ Беномъ. Трудъ этотъ доведенъ авторомъ до третьяго раздѣла Польши. Разложеніе польскаго государственнаго организма и рѣдко наблюдаемое въ исторіи зрѣлище политической смерти цѣлаго государства задержали на себѣ вниманіе англійскаго наблюдателя. Онъ рѣшился болѣе пристально изучить это явленіе и въ концѣ текущаго года выпустилъ новую работу, посвященную послѣднему польскому королю и его современникамъ [1]). Авторъ сперва намѣревался держаться въ рамкахъ біографіи Станислава Понятовскаго, но богатство имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала и его литературная манера давать широкія культурно-историческія кратины, увлекли его дальше намѣченныхъ границъ и сообщили его труду значеніе выпукло написанной исторіи послѣднихъ дней Польши, какъ самостоятельнаго политическаго тѣла. Низбетъ Бенъ какъ нельзя лучше подготовленъ и вооруженъ для такого рода труда. Какъ извѣстно, онъ состоитъ помощникомъ главнаго библіотекаря Британскаго музея и, стало быть, имѣетъ въ своемъ распоряженіи богатые матеріалы, скопленные и собранные Британскимъ музеемъ со всѣхъ концовъ міра. Въ немъ между прочимъ находится не мало библіотекъ нашихъ русскихъ коллекціонеровъ и любителей

[1]) N. Bain. The last king of Poland and his contemporaries. Lond. 1909.

книгъ, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго Соболевскаго. Туда же выписываются изъ Россіи даже такія спеціальныя и дорогія изданія по старой русской исторіи, какъ изданія императорскаго общества любителей древней письменности. Въ Лондонѣ, не выходя изъ музея, можно заниматься съ успѣхомъ исторіей любой страны и любого народа. Посвятивъ себя изученію прошлой жизни сѣверо-восточнаго угла Европы, Низбетъ Бенъ отлично освоился съ языками русскимъ, польскимъ, датскимъ и румынскимъ и считается однимъ изъ лучшихъ въ Англіи переводчиковъ съ этихъ языковъ. Это обстоятельство, въ связи съ служебнымъ положеніемъ, даетъ ему возможность привлекать къ своему изслѣдованію немало такихъ документовъ, которые для другихъ остаются недоступными или непонятными. Отъ этого его работы о Густавѣ III, Петрѣ Великомъ, Елизаветѣ Петровнѣ и другія всегда отличаются свѣжестью матеріала и мысли.

Приступая къ изложенію роковыхъ для Польши событій, авторъ въ началѣ книги ставитъ вопросъ о причинахъ и характерѣ хронической болѣзни польскаго государственнаго организма, сведшаго его въ концѣ концовъ въ могилу. Отвѣтъ на этотъ вопросъ давно данъ исторіей. Польша погибла потому, что осуществила, хотя и въ одномъ слоѣ своего населенія, безграничную политическую свободу, несовмѣстимую съ природою государства. Польша не могла существовать потому, что по мѣрѣ ея историческаго роста въ ней зарождалась и образовывалась организованная анархія.

Процессъ зарожденія и развитія польскаго государства въ началѣ происходилъ такъ же, какъ и у насъ на Руси. Въ IX вѣкѣ польская земля представляла собою множество мелкихъ, но совершенно самостоятельныхъ другъ отъ друга политическихъ мірковъ, то боровшихся, то мирившихся между собою. Къ X вѣку среди польскихъ земель начинаетъ дѣйствовать особая объединяющая сила, центромъ которой преданіе считаетъ Гнѣздно. На сцену является легендарный князь Пястъ, основатель династіи Пястовичей, дожившей до XIII вѣка. Подъ дѣйствіемъ этой центробѣжной силы и постоянной борьбы съ надвигающимся германизмомъ въ образѣ тевтонскихъ рыцарей, Польша къ срединѣ XII вѣка собирается въ сильное государство во главѣ съ великимъ княземъ. Прежніе мелкіе князьки и недавніе владѣтели становятся въ подчиненныя къ нему отношенія, дѣлаются его боярами, образуя высшій слой польскаго общества, польскую аристократію, или «можновладство». Это «можновладство» въ союзѣ съ высшей духовной іерархіей скоро показало королю свою силу: въ исходѣ XI вѣка, когда Болеславъ Смѣлый пришелъ въ столкновеніе съ епископомъ краковскимъ, не можновладство, а онъ долженъ былъ бѣжать въ Венгрію, гдѣ и умеръ.

Чтобы сломить зародившуюся аристократію, державшую при помощи вѣча всѣ дѣла въ своихъ рукахъ, польскіе короли рано

начинаютъ подготовлять и ковать другую силу: съ одной стороны, они всячески поощряютъ переселеніе въ Польшу трудолюбивыхъ и искусныхъ въ ремеслахъ нѣмецкихъ горожанъ, которые приносятъ съ собою самоуправленіе городскихъ общинъ и свое магдебургское право. Съ другой стороны, они стараются создать классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ, на который можно было бы перенести весь центръ тяжелой политической жизни страны. Они освобождаютъ это сословіе отъ всякихъ государственныхъ повинностей, требуя отъ его представителей только военной службы. Для обсужденія и рѣшенія дѣлъ государственныхъ это помѣстное дворянство или шляхта собирается на мѣстные сеймики, которые впослѣдствіи выдѣляютъ изъ своего состава особыхъ депутатовъ, и эти депутаты образуютъ одинъ общегосударственный сеймъ. Пользуясь тѣмъ, что польское государство всегда было въ теоріи избирательной монархіей, шляхта переводитъ теорію на практику и послѣ смерти короля Казимира (1370 г.) вручаетъ корону Людовику Венгерскому, выговоривъ себѣ нѣсколько привилегій. Теперь король уже не можетъ объявлять походовъ и измѣнять законы иначе, какъ съ согласія сеймиковъ. Въ началѣ XVI в. шляхта закрѣпощаетъ жившихъ на ея земляхъ крестьянъ и получаетъ право суда надъ ними не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ. Въ 1530 г. право избранія королей окончательно переходитъ къ шляхтѣ. Проводится законъ, по которому на сеймикахъ могутъ участвовать лишь землевладѣльцы, а такъ какъ горожане давно уже лишены права покупать землю, то сеймики формируются исключительно изъ шляхты. Шляхта задавила и старинное можновладство, и свободную городскую общину и забрала въ свои руки самого короля. Избирая въ 1573 году на польскій престолъ Генриха Валуа, шляхта отнимаетъ у него право самому указать своего преемника, запрещаетъ ему жениться безъ разрѣшенія сейма, отнимаетъ у него командованіе вооруженными силами страны, которое передается великому гетману, отвѣтственному не передъ королемъ, а передъ сеймомъ. Хозяевами величайшей славянской страны того времени дѣлаются 80 тысячъ невѣжественныхъ, эгоистичныхъ, пропитанныхъ мелкимъ сословнымъ тщеславіемъ шляхтичей. Несмотря на вѣчный дефицитъ въ казнѣ, они считаютъ признакомъ рабства платить подати. Ихъ примѣру слѣдуетъ и духовенство, владѣвшее 160 тыс. деревень изъ общаго числа 215 тысячъ. Дѣйствуя въ своихъ интересахъ, шляхта заводитъ въ Польшѣ свободную торговлю съ иностранными сосѣдями и убиваетъ такимъ образомъ еще не окрѣпшую собственную промышленность: города разоряются и пустѣютъ, зато шляхта дешево и безпошлинно получаетъ заграничные товары. Обязательное участіе въ походахъ начинаетъ чувствоваться помѣстнымъ дворянствомъ, какъ очень тяжелая повинность, и даже такому королю, какъ Стефанъ Баторій поль-

ское войско, во время его побѣдоносной войны съ Иваномъ Грознымъ, однажды прямо заявляетъ, что оно устало воевать и возвращается на родину. Дисциплина возстановилась лишь тогда, когда нѣсколько шляхтичей было наказано кнутомъ и повѣшено.

Въ царствованіе Сигизмунда III, знаменитаго участника событій нашего Смутнаго времени, требованіе политической свободы доводится до абсурда: сеймъ постановляетъ, что для принятія закона на будущее время требуется единогласное рѣшеніе всѣхъ его членовъ. Стоило отнынѣ какому-нибудь шляхтичу на сеймѣ крикнуть «nie pozwalam», и вся законодательная его работа разрушалась, сводилась къ нулю. Всякій, кто имѣлъ основаніе быть недовольнымъ тѣмъ или другимъ законопроектомъ, тѣмъ или другимъ распоряженіемъ, всегда могъ подыскать для себя шляхтича, которому ничего не стоило «сорвать» такимъ способомъ сеймъ. Какъ широко практиковалось это срываніе, показываетъ безстрастная статистика: съ 1652 по 1764 г. изъ 55 сеймовъ было сорвано 48, причемъ 18 всего однимъ голосомъ!

Противоестественное требованіе отъ многоголоваго и пестраго собранія единодушнаго рѣшенія неминуемо должно было привести къ остановкѣ всей государственной машины. Впослѣдствіи, когда въ Варшавѣ столкнулись интересы трехъ сосѣднихъ съ Польшей державъ, Петербургъ, Вѣна и Берлинъ всегда имѣли наготовѣ въ сеймѣ нѣсколько шляхтичей, обязанныхъ срывать всякій сеймъ, который вздумалъ бы предпринять что-нибудь враждебное или неудобное для этихъ державъ. Воцарилась полная, закономъ установленная анархія.

Еще король Сигизмундъ III понималъ всю опасность этого права liberum veto и пытался уничтожить его, выпустивъ умоляющее воззваніе къ шляхтѣ. Но не успѣлъ выйти этотъ манифестъ, какъ противъ него поднялся одинъ изъ высшихъ сановниковъ государства Николай Зебжидовскій съ шумнымъ протестомъ противъ нарушенія королемъ шляхетской свободы. Протестъ этотъ былъ поддержанъ между прочимъ нѣкіимъ Станиславомъ Стадницкимъ, человѣкомъ крайне жестокимъ, рѣзавшимъ уши своимъ крѣпостнымъ и имѣвшимъ, по выраженію современника, больше грѣховъ на совѣсти, чѣмъ волосъ на головѣ. Стадницкій поднялъ противъ короля вооруженное возстаніе, а сеймъ, вмѣсто того, чтобы поддержать короля, провелъ законъ «De non praestanda oboedientia», по которому подданные короля, въ случаѣ его посягательства на ихъ свободу, обязаны были трижды предостеречь его, а затѣмъ, въ случаѣ безуспѣшности этихъ предостереженій, разрѣшались отъ присяги на вѣрность.

Борьба между Станиславомъ и мятежниками кончилась ничѣмъ, и король принужденъ былъ примириться съ существующимъ положеніемъ и дать общую амнистію.

Его преемникъ Владиславъ, бывшій претендентъ на московскій престолъ, продолжалъ борьбу съ «золотой свободой шляхты». Онъ разсчитывалъ совершить coup d'état съ помощью казаковъ, которые обѣщали выставить для него цѣлую казацкую армію въ 100 тысячъ человѣкъ. Эта сила должна была собраться подъ предлогомъ войны съ Турціей, но замыселъ Владислава былъ раскрытъ, объявить Турціи войну ему запретили, а собственная его армія была сокращена до 1,200 человѣкъ.

Борьба между обезсиленнымъ королемъ, подкрѣпленнымъ благоразумными элементами сейма, которые требовали отмѣны liberum veto, и нравственно слѣпыми приверженцами узаконенной анархіи едва не привела, при Янѣ-Казимирѣ, Польшу къ гибели. Шляхта во главѣ съ Іеронимомъ Радзіевскимъ впутала въ свои распри шведскаго короля. Карлъ X вторгся въ польскіе предѣлы и жестоко опустошалъ несчастную страну мечомъ и огнемъ. Осенью 1655 года польское государство фактически перестало существовать. Въ немъ повторилось то, что сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ было съ его сосѣдомъ, Московскимъ государствомъ. Короля не было: онъ находился въ изгнаніи, столица была въ рукахъ шведовъ, съ востока поляковъ тѣснили москвичи, а на югѣ свирѣпствовали казаки, опустошая Галицію.

Положеніе было отчаянное, но, какъ было и съ Москвой, страна была спасена подъемомъ религіознаго чувства. Шведскій набѣгъ разбился о крѣпкія стѣны національной польской святыни Ченстоховскаго монастыря, который враги тщетно осаждали. Въ концѣ концовъ осада была снята, шведы прогнаны, а король вернулся въ Варшаву.

Ужасы междоусобной войны заставили наконецъ и сеймъ попытаться отмѣнить liberum veto. Вопросъ объ этомъ поднялся въ 1660 году, но сеймъ былъ сорванъ княземъ Любомірскимъ. Шляхта опять одержала побѣду, которую и поспѣшила использовать въ своихъ интересахъ. Ни одинъ изъ 80 тысячъ землевладѣльцевъ не счелъ нужнымъ внести ни гроша на содержаніе умиравшей съ голода арміи: всѣ податныя тяготы были переложены шляхтой на крестьянъ и горожанъ.

Освобождая себя отъ государственныхъ обязанностей, это сословіе, однако, ревностно занималось изготовленіемъ законовъ для другихъ. Въ цвѣтущій періодъ своего могущества Польша довольствовалась одной небольшой книгой законовъ; съ 1611 по 1714 г. шляхетское законодательство уже едва укладывалось въ шесть объемистыхъ томовъ.

Толку, впрочемъ, отъ этого было мало, и польскіе суды какъ будто нарочно существовали для того, чтобы наглядно показывать, что сила крѣпче права. Вотъ характерная легенда, живо изображающая жалкое состояніе польскаго правосудія.

Жила-была на свѣтѣ одна бѣдная вдова, у которой былъ клочокъ земли. Сосѣдній магнатъ позарился на ея достояніе и рѣшилъ отнять у нея землю. Завязался судъ. Хотя вдовье дѣло было чисто, какъ кристаллъ, но судъ рѣшилъ его въ пользу магната. Уходя изъ суда, огорченная вдова воскликнула: «Если бъ сами дьяволы разбирали мое дѣло, то и ихъ судъ былъ бы справедливѣе!» Вечеромъ, когда уже судьи разошлись и на службѣ оставались одни писцы, внезапно подъѣхало къ суду нѣсколько экипажей, изъ которыхъ вышли какіе-то люди. Они были въ богатыхъ одѣяніяхъ, но изъ-подъ шляпъ торчали рога. То были дьяволы. Они усѣлись на судейскихъ мѣстахъ и, строго соблюдая всѣ предписанныя закономъ правила судопроизводства, начали пересматривать дѣло вдовы. Они рѣшили его въ ея пользу. Послѣ этого Спаситель, изображенный на висѣвшемъ въ залѣ суда образѣ, со скорбью отвернулъ Свой ликъ отъ судейскихъ мѣстъ, ибо даже дьяволы справедливѣе рѣшили дѣло, чѣмъ эти судьи и прелаты, которыхъ Онъ искупилъ Своей кровью.

Трудно сильнѣе осудить шляхетское правосудіе!

Таково было въ общихъ чертахъ внутреннее положеніе «кошмарраго» королевства послѣ смерти Августа III (въ октябрѣ 1763 г.). Прежде, чѣмъ перейти къ обзору событій послѣднихъ дней независимой Польши, англійскій изслѣдователь считаетъ необходимымъ ввести читателя въ соціальную жизнь польскаго общества и начинаетъ съ верхняго слоя—съ патриціевъ въ ихъ домашней обстановкѣ.

Однажды, когда шведскій посланникъ въ Варшавѣ Ларсъ фонъ-Энгестромъ гостилъ въ имѣніи князя Сангушко Шимановѣ, дочь хозяина какъ-то замѣтила ему мимоходомъ: «Весь нашъ дворъ, кромѣ доктора, преданъ Швеціи». Энгестромъ, на котораго Густавомъ III была возложена чрезвычайно щекотливая миссія—склонить Польшу къ союзу со Швеціей, обрадовался этимъ словамъ, хотя никакъ не могъ понять, какимъ образомъ домашній докторъ князя Сангушко можетъ играть роль въ дворцовой политикѣ. Недоумѣніе скоро, однако, разъяснилось, и посолъ отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ: «Польскіе магнаты всегда называютъ свои дома дворомъ».

Эта фраза княжны Сангушко чрезвычайно характерна и вполнѣ отражаетъ современное положеніе вещей. Въ Польшѣ того времени каждый магнатъ былъ въ сущности независимымъ владѣльцемъ, окружавшимъ себя истинно королевской роскошью, которая нерѣдко совершенно затмевала блескъ настоящаго королевскаго двора. Дворецъ великаго гетмана Браницкаго въ Бѣлостокѣ пользовался громкой славой и назывался не иначе, какъ польскимъ Версалемъ. Его террасы и арки стоили баснословныхъ денегъ. Имѣніе Борха Высклани славилось знаменитымъ «эмблематическимъ» паркомъ,

сплошь наполненнымъ мраморными изображеніями Дружбы, Жизни, Смерти и другихъ отвлеченныхъ понятій. Здѣсь же стояла часовня съ алтаремъ Славы, гдѣ между бюстами Собѣсскаго и Коперника хозяинъ велѣлъ поставить и свой собственный. Несмотря на такую пышную внѣшность, внутреннія помѣщенія домовъ, обыкновенно деревянныхъ, были плохо меблированы, и гости привозили съ собою не только собственныя кровати, но и столовую посуду. Слуги пріѣзжихъ обыкновенно спали на голомъ полу, гдѣ приходилось.

Около каждаго магната толпилась всегда куча мелкой братіи—обѣднѣвшихъ дворянъ, исполнявшихъ при немъ тѣ же должности, какія сами магнаты имѣли при дворѣ. Они получали отъ своего патрона жалованье деньгами и натурой. Особеннымъ шикомъ считалось имѣть у себя на службѣ потомковъ древнихъ, но обѣднѣвшихъ родовъ. Такъ, одинъ изъ богатѣйшихъ магнатовъ Феликсъ Потоцкій, палатинъ кіевскій, привлекъ на свою службу князя Четвертинскаго, носившаго то же имя, что и смертельный врагъ его хозяина, князь Адамъ Чарторыйскій. Всякій разъ, когда кто-нибудь изъ Чарторыйскихъ являлся къ спесивому палатину съ офиціальнымъ визитомъ, Потоцкій нарочно звалъ своего мажордома, крича: «прикажите явиться князю Адаму!»

Хозяйка дома имѣла около себя цѣлый штатъ гофмейстеринъ, которыя смотрѣли за ея туалетомъ, берегли ея драгоцѣнности и ночью спали по очереди на кушеткѣ въ сосѣдней съ спальнею комнатѣ. Во время обѣда всѣ эти частно-придворныя дамы сидѣли за особымъ «гофмейстерскимъ» столомъ.

За этимъ верхнимъ слоемъ слугъ шло безчисленное количество всякихъ гайдуковъ, гусаровъ, казаковъ, валаховъ, набранныхъ среди крѣпостного населенія и облеченныхъ въ роскошные яркіе костюмы полувосточнаго происхожденія. У князя Карла Радзивилла дворни насчитывалось около десяти тысячъ человѣкъ, у графа Потоцкаго еще болѣе. Чѣмъ больше было слугъ, тѣмъ знатнѣе считался магнатъ, тѣмъ спесивѣе онъ себя велъ.

Несмотря на всю внѣшнюю роскошь и блескъ, большинство пановъ, особенно тѣ, которые жили подальше отъ столицы, пребывали еще въ полуварварскомъ состояніи. Главнымъ ихъ занятіемъ была охота на крупнаго звѣря—медвѣдя, лося, кабана. Лисица и заяцъ считались плохой добычей. Когда Августъ III пригласилъ однажды литовскаго магната князя Карла Радзивилла къ себѣ въ Варшаву на охоту, тотъ отвѣчалъ: «Что мнѣ охотиться на мышей и крысъ въ Польшѣ, когда въ Литвѣ къ моимъ услугамъ медвѣди и кабаны?»

Воспитаніе этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ оставляло желать многаго. Если имъ приходилось что-нибудь писать, то они обыкновенно диктовали своему секретарю, который и подносилъ бумагу къ подписанію пана. Почеркъ этихъ пановъ такъ же трудно

иной разъ разобрать, какъ египетскіе іероглифы. Собственноручное письмо магната переходило среди шляхты изъ рода въ родъ, какъ своего рода семейная достопримѣчательность.

Грамота плохо давалась панамъ, и вотъ, напримѣръ, какъ учили ей великаго гетмана литовскаго. Приглашенный къ нему въ качествѣ учителя панъ Пищало, чтобы не утруждать молодого магната, придумалъ особый педагогическій пріемъ обученія азбукѣ. Онъ чертилъ мѣломъ на доскѣ сначала буквы, а потомъ цѣлые слога и слова, а князь Радзивиллъ и два шляхтича, взятые для совмѣстнаго съ нимъ обученія, стрѣляли въ доску изъ мушкетовъ, стараясь попасть въ каждую букву. Такимъ образомъ они привыкали къ формѣ буквъ и научились ихъ складывать.

Самое широкое гостепріимство и блестящіе банкеты считались необходимою принадлежностью каждаго шляхетскаго дома. Эти банкеты нерѣдко превращались въ настоящія оргіи, и среди польскихъ магнатовъ бывали случаи, когда имъ приходилось закладывать цѣлые имъ принадлежащіе города, чтобы устроить одинъ грандіозный банкетъ.

Пьянство было признакомъ хорошаго тона и благороднаго происхожденія. Великій гетманъ Браницкій однажды совершенно серьезно замѣтилъ королю Станиславу II, что онъ не можетъ разсчитывать на популярность, если не будетъ пьянъ, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю. По этой части въ Польшѣ водились даже свои знаменитости. Такъ, панъ Комарчевскій прославился тѣмъ, что могъ выпить единымъ духомъ цѣлую чашу шампанскаго, а его соперникъ панъ Сосейковскій, часто бывавшій у князя Любомірскаго, всякій разъ выпивалъ за одинъ присѣстъ боченокъ стараго венгерскаго. Иногда магнаты даже устраивали состязанія этихъ знаменитостей, не боясь опустошенія своихъ винныхъ погребовъ.

Отправляясь на сеймъ, эти полукороли брали съ собою въ дорогу десятки фургоновъ, нагруженныхъ винами и провизіей. Всякій привалъ сопровождался обильными попойками, а нерѣдко и буйствами, за которыя потомъ приходилось щедро расплачиваться. Иногда магнатамъ приходилось останавливаться по дорогѣ въ монастыряхъ, но и святость сихъ мѣстъ не удерживала ихъ отъ оргій, къ которымъ силою привлекалась и монастырская братія. Въ то же время эти бражники строго соблюдали церковные обряды, посты, неутомимо выстаивали безконечныя церковныя службы и безбожно драли на смерть своихъ мальчиковъ-пажей, если кто-нибудь изъ нихъ позволялъ себѣ зѣвнуть въ церкви.

Шляхта по мѣрѣ силъ и возможности старалась не отставать отъ магнатовъ и во всемъ имъ подражала. Она распадалась на два слоя—зажиточныхъ сельскихъ помѣщиковъ и бездомныхъ, кочующихъ дворянъ, ютившихся при дворахъ крупной земельной аристократіи. Во второй половинѣ XVIII в. такихъ кочевниковъ на-

считывалось 1.300,000 человѣкъ. Изъ этой-то среды и выходили наиболѣе ревностные защитники «золотой свободы».

Городское сословіе почти не существовало въ Польшѣ ко второй половинѣ позапрошлаго вѣка. Шляхта, отнимая постепенно самоуправленіе городовъ, подрывала торговлю, которая мало-по-малу перешла въ руки евреевъ, не останавливавшихся ни передъ какимъ рискомъ, ибо имъ нечего было терять. Купечество сохранилось только въ полунѣмецкихъ городахъ Данцигѣ и Торнѣ. Чисто польскіе города представляли слабую тѣнь былого величія. Краковъ, бывшій когда-то населеннѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ центральной Европы, спустился на уровень захудалаго провинціальнаго городка. Трава росла на улицахъ Львова, который не такъ еще давно былъ однимъ изъ центровъ средне-европейской торговли. Въ Варшавѣ процвѣтала только одна отрасль торговли—магазины съ предметами роскоши и всякими бездѣлушками, назначенными для удовлетворенія прихотливаго вкуса двора.

Еще хуже было положеніе деревни. Законъ какъ бы не замѣчалъ крестьянина: судъ и расправу надъ нимъ творилъ его помѣщикъ, на котораго онъ обязанъ былъ работать самое лучшее время лѣта. Крестьяне жили крайне грязно и бѣдно, и обладатель лошади, коровы и теленка считался уже среди нихъ богачомъ. «Я вижу милліоны существъ,—писалъ одинъ современникъ короля Станислава:—одни изъ нихъ полуголы, другіе едва прикрыты сермягою, и всѣ сморщены, сгорблены, нечесаны, угрюмы. Ихъ глаза ввалились, а щеки осунулись. Грязные и тупые, они почти ничего не чувствуютъ, почти ничего не думаютъ—и въ этомъ ихъ единственное счастье. На первый взглядъ они скорѣе напоминаютъ животныхъ, чѣмъ людей. Жилищемъ имъ служатъ ямы или хижины, едва поднимающіяся надъ землею. Проработавъ цѣлый день на своего владѣльца, крестьянинъ влѣзаетъ въ свою вонючую берлогу и дѣлитъ свое грязное соломенное логово съ своими дѣтьми и своимъ скотомъ». «Крестьяне при встрѣчѣ всегда отворачиваютъ лицо и проходятъ мимо, опустивъ глаза и бормоча обычную формулу: «Слава Господу Іисусу!» Я вообще удивляюсь, какъ они могутъ воздавать хвалу Богу», замѣчаетъ другой наблюдатель-иностранецъ, случайно попавшій въ Польшу.

На такихъ заѣзжихъ людей Польша производила впечатлѣніе страны, совершенно одичавшей. Нигдѣ въ Европѣ не было такихъ ужасныхъ путей сообщенія, какъ здѣсь. Нерѣдко дороги шли непроходимыми вѣковыми лѣсами, и лѣсные великаны, падая подъ тяжестью лѣтъ, совершенно загораживали путь. Объѣхать препятствіе было всегда рискованно: или попадешь въ зыбучее болото, или заѣдешь въ такія дерби, что трудно будетъ и выбраться. Немногочисленныя почтовыя станціи были всѣ въ арендѣ у евреевъ и на нихъ ничего нельзя было достать, кромѣ яицъ и дешевой водки.

Разбоевъ, впрочемъ, не было, такъ какъ жизнь была дешева и съѣстные продукты продавались сравнительно недорого.

Таково было положеніе этой высосанной шляхтою страны. Разумѣется, и среди ея эгоистичныхъ и легкомысленныхъ хозяевъ были лица, обладавшія государственнымъ кругозоромъ и стремившіяся вывести Польшу на путь нормальной государственной жизни. Первое мѣсто здѣсь принадлежало князьямъ Чарторыйскимъ, или «фамиліи», какъ ихъ называли поляки. Изъ многочисленныхъ представителей «фамиліи» наиболѣе выдвинулся палатинъ Червонной Руси князь Августъ Чарторыйскій, стяжавшій себѣ громкую славу въ безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ турками. Женатъ онъ былъ на страшной богачкѣ, нѣкоей пани Сѣнявской, дочери великаго гетмана, находившейся въ родствѣ и свойствѣ съ Голштинскимъ, Брауншвейгскимъ и Брабанцкимъ владѣтельными домами.

Въ его резиденціи Пулавахъ ежегодно повторялась такая сцена. Рано утромъ къ князю Августу, садившемуся для этого случая на особый тронъ съ балдахиномъ, торжественно входилъ главный управляющій имѣніями его жены и представлялъ ему годовой отчетъ по управленію. За нимъ вносили полученный съ имѣній чистый доходъ, реализованный въ видѣ объемистаго боченка съ золотомъ. Провѣривъ счета, князь обращался къ мажордому и произносилъ обычную формулу: «Отнесите къ ея свѣтлости доходы съ ея имѣній». Тѣмъ же порядкомъ процессія, во главѣ съ мажордомомъ, вооруженнымъ серебрянымъ жезломъ, отправлялась на половину княгини. Войдя въ ея аппартаменты, мажордомъ отвѣшивалъ низкій поклонъ ясновельможной, и произносилъ: «Его свѣтлость присылаетъ вашей свѣтлости доходы съ вашихъ имѣній», на что княгинѣ полагалось отвѣтить такъ: «Передайте мою благодарность его свѣтлости и отнесите этотъ боченокъ съ золотомъ моему супругу».

Обладатели этого неразмѣннаго боченка съ золотомъ были сильными проводниками французскаго вліянія въ Польшѣ, центромъ котораго былъ голубой дворецъ въ Варшавѣ, принадлежавшій матери князя Августа, княгинѣ Софіи Чарторыйской. Она воспитывалась при французскомъ дворѣ въ Версалѣ и старательно поддерживала въ Польшѣ французскія моды и обычаи, заведенные здѣсь еще въ прошломъ вѣкѣ двумя польскими королевами французскаго происхожденія. Чарторыйскія Пулявы сдѣлались «убѣжищемъ ученыхъ», гдѣ воспитывались самые даровитые юноши на службѣ отечеству. Сюда вызывался изъ Парижа Дюпонъ-де-Немуръ для организаціи мѣстныхъ школъ, а Люилье слалъ изъ Женевы свои планы и программы преподаванія математики. Визитъ въ Пулавы былъ почти обязателенъ для каждаго польскаго писателя, который претендовалъ на какую-нибудь извѣстность у современниковъ.

Сестра князя Августа была замужемъ за ревностнымъ шведоманомъ, близкимъ другомъ полтавскаго героя Карла XII Станиславомъ Понятовскимъ. Отъ этого брака произошелъ будущій последній король Польши, названный въ честь отца также Станиславомъ. Онъ родился въ 1732 году. «Я былъ воспитанъ очень строго своей матерью, равную которой едва ли можно найти на бѣломъ свѣтѣ,—писалъ онъ впослѣдствіи m-me Жоффренъ.—Въ 1748 г. я началъ путешествовать съ гувернеромъ, а на двадцать первомъ году я уже путешествовалъ безъ гувернера и познакомился съ вами». Въ бытность въ 1753 г. въ Парижѣ молодой Понятовскій очаровалъ всѣхъ своей чисто французской веселостью и имѣлъ огромный успѣхъ у дамъ, задававшихъ тонъ высшему обществу. Поѣздка въ Англію въ 1754 году, по его признанію, помогла ему закалить свой характеръ и усовершенствовать свои познанія въ англійскомъ языкѣ.

Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, Станиславъ Понятовскій долженъ былъ, по обычаю, принять участіе въ политической жизни и сталъ посѣщать сеймъ. Одно изъ первыхъ его выступленій чуть было не кончилось для него гибелью. Дѣло въ томъ, что въ числѣ депутатовъ, засѣдавшихъ въ сеймѣ, онъ замѣтилъ сына саксонскаго министра графа Брюля и, не зная, что тотъ получилъ шляхетское достоинство, настойчиво потребовалъ его удаленія изъ сейма, гдѣ не позволялось присутствовать иностранцамъ. Брюль отказался. Понятовскій обнажилъ шпагу. Друзья Брюля бросились на него, и Понятовскому пришлось бы очень плохо, не будь тутъ генерала Мокроновскаго. Отличаясь огромной физической силой, Мокроновскій принялъ пылкаго юношу подъ свое покровительство и благополучно вывелъ его изъ разсвирѣпѣвшей толпы.

Въ 1755 году Понятовскій появляется въ Петербургѣ въ свитѣ англійскаго посла Чарльза Вильямса. Здѣсь молодой красивый полякъ обращаетъ на себя вниманіе великой княгини Екатерины Алексѣевны, оставленной своимъ супругомъ въ полномъ пренебреженіи. Первая встрѣча Екатерины и Станислава произошла на одномъ изъ баловъ въ Царскомъ Селѣ. Оба произвели другъ на друга большое впечатлѣніе, и вскорѣ Понятовскій при посредствѣ Льва Нарышкина получилъ приглашеніе посѣтить великую княгиню запросто. Въ это первое свиданіе Екатерина была одѣта въ бѣлое атласное платье съ кружевами и розовыми лентами. Цвѣтъ ея лица показался Понятовскому еще бѣлѣе отъ черныхъ волосъ. У ней были большіе голубые, нѣсколько выпуклые глаза съ длинными черными рѣсницами и красивый «греческій» носъ. Она отличалась живостью и подвижностью, какъ ртуть. «Въ одну минуту она переходила отъ сумасшедшихъ дурачествъ къ обсужденію наиболѣе сложныхъ дѣлъ и во всемъ умѣла обнаружить слабое мѣсто», замѣчаетъ Понятовскій.

Свиданія участились особенно въ Ораніенбаумѣ, гдѣ Екатерина проводила зиму. Понятовскій, подъѣхавъ на саняхъ къ воротамъ дворца, проходилъ мимо часового, которому приказано было не окликать его, и поднимался обыкновенно по тайной лѣстницѣ въ аппартаменты великой княгини. Иногда, наоборотъ, Екатерина, по данному сигналу, выходила изъ дворца въ мужскомъ костюмѣ и уѣзжала съ Понятовскимъ кататься. Мало-по-малу у нихъ выработалась цѣлая система тайныхъ знаковъ, которыми они могли обмѣниваться между собою въ театрѣ и обществѣ, не рискуя выдать своей тайны.

Первое время отношенія эти тщательно скрывались ото всѣхъ, но ихъ выдалъ совершенно непредвидѣнный случай.

Однажды Екатерина, во время отсутствія великаго князя, пригласила къ себѣ нѣсколько человѣкъ гостей, въ томъ числѣ Понятовскаго и шведа графа Горна. Ей вздумалось показать собравшимся весь дворецъ. Во дремя обхода комнатъ они потревожили маленькую, но очень сердитую болонку, спавшую на кровати Екатерины. Собачка съ яростью бросилась на графа Горна, но, увидавъ Понятовскаго, быстро успокоилась и, завилявъ хвостомъ, стала къ нему ластиться.

— Эта болонка—настоящій предатель,—сказалъ Понятовскому шведскій графъ.—Видно, что вы тутъ не въ первый разъ и стали своимъ человѣкомъ.

Въ 1756 г. Понятовскій покинулъ Петербургъ, но въ слѣдующемъ году опять вернулся въ русскую столицу въ качествѣ польскаго посла при русскомъ дворѣ. Въ дипломатической борьбѣ, завязавшейся около внезапно заболѣвшей императрицы Елизаветы Петровны, онъ сталъ цѣннымъ союзникомъ Екатерины и передавалъ ей всѣ новости, которыя могъ знать по своему положенію. Такъ, онъ предупредилъ ее о враждебности, которую къ ней питалъ французскій посланникъ маркизъ де-Лопиталь. Черезъ него же великая княгиня тайно сносилась съ канцлеромъ Бестужевымъ. Вопреки общимъ ожиданіямъ Елизавета Петровна выздоровѣла, и Понятовскому было приказано въ 36 часовъ покинуть предѣлы Россіи.

Неудачный дипломатъ поспѣшилъ уѣхать въ Польшу и черезъ шесть лѣтъ (въ 1764 году) получилъ польскую корону послѣ смерти Августа III, прятавшагося въ своемъ Дрезденѣ и лишь изрѣдка наѣзжавшаго въ Польшу. При выборѣ короля вопросъ шелъ о томъ, кому предложить престолъ—Станиславу Понятовскому, или его двоюродному брату кн. Адаму Чарторыйскому, будущему другу императора Александра Павловича. Русскій посланникъ въ Варшавѣ гр. Кейзерлингъ указывалъ на Чарторыйскаго, но Екатерина предпочла Понятовскаго, котораго поддержала и Пруссія и притомъ самымъ демонстративнымъ образомъ.

По случаю открытія сейма князь Августъ Чарторыйскій далъ большой банкетъ въ честь собравшихся на сессію магнатовъ. На банкетъ былъ приглашенъ и прусскій посолъ Бенуа. Онъ опоздалъ къ обѣду и вошелъ, когда всѣ уже сидѣли за столомъ. Медленно обведя взглядомъ присутствующихъ, онъ направился прямо къ Станиславу Понятовскому и, отвѣсивъ ему низкій, почтительный поклонъ, вручилъ ему отъ имени короля прусскаго орденъ Чернаго Орла. Такой чести не удостоивался еще никто въ Польшѣ.

Сеймъ, которому предстояло избрать короля, собрался 16 августа 1764 года. Его засѣданія длились цѣлыхъ десять дней. На него съѣхалось двадцать пять тысячъ избирателей, которые единогласно избрали королемъ Польши литовскаго стольника Станислава Понятовскаго.

— Поздравляю васъ съ королемъ, которымъ вы меня наградили,— писала Екатерина Панину.

Станиславу она послала въ подарокъ 100 тысячъ дукатовъ и уплатила всѣ расходы, вызванные его избраніемъ. Денежныя дѣла новаго короля были такъ запутаны, что онъ могъ отблагодарить императрицу только корзинкой трюфелей. «Положеніе мое ужасно,—писалъ онъ своей парижской нимфѣ Эгеріи m-me Жоффренъ.—Терпѣніе, осторожность, мужество! И еще разъ терпѣніе, осторожность и мужество!»

Осторожность измѣнила ему очень скоро, и уже на первыхъ порахъ своего царствованія онъ попалъ въ денежную зависимость отъ новаго русскаго посланника въ Варшавѣ Репнина, у котораго перебралъ взаймы безъ отдачи значительныя суммы денегъ. А мужества ему было дано мало самой природой. Отъ провозглашенной формулы оставалось одно терпѣніе—и дѣйствительно послѣдній король Польши вытерпѣлъ столько, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ.

Едва Станиславъ сталъ королемъ, какъ вскрылся опять роковой вопросъ для Польши объ уничтоженіи liberum veto. Но это дѣло теперь стало уже вопросомъ международнаго права: сосѣди, предвидя раздѣлъ гибнувшаго государства, ревниво оберегали анархію, не желая искусственно поддерживать тогдашняго «больного человѣка».

Сначала Екатерина согласилась было на упорядоченіе политическаго строя Польши, но Фридрихъ поспѣшилъ ее напугать. «Ваше величество,—писалъ онъ ей въ октябрѣ 1764 года,—раскаетесь, если произойдутъ какія-нибудь измѣненія въ liberum veto. Такія перемѣны сдѣлаютъ Польшу опасной для ея сосѣдей, а, гарантируя прежніе законы, вы имѣете возможность вмѣшиваться въ ея дѣла, когда вамъ будетъ угодно».

Напрасно Панинъ старался парализовать вредное вліяніе Фридриха на Екатерину. Іезуитскій совѣтъ прусскаго короля былъ принятъ и съ теченіемъ вреемни привелъ къ раздѣлу Польши.

Убѣдившись, что Панинъ устраненъ въ польскихъ дѣлахъ, прусскій король не сталъ уже стѣсняться и пріоткрылъ свои карты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ восшествія Понятовскаго на престолъ, Фридрихъ выстроилъ на прусскомъ берегу Вислы, прусскую таможню и сталъ принуждать польскія суда, идущія къ Данцигу, уплачивать ему 10 проц. со стоимости груза. Когда суда стали держаться праваго, польскаго берега, прусскіе таможенные силою тащили ихъ къ противоположному берегу Такимъ образомъ съ польскихъ купцовъ было взято въ прусское казначейство около 900 тысячъ рублей, и торговля Данцига стала приходить въ упадокъ. Станиславъ протестовалъ и обратился съ письмомъ къ прусскому королю, заручившись предварительно поддержкой Панина и Репнина. Екатерина также посовѣтовала Фридриху уступить въ этомъ дѣлѣ, которое было наконецъ передано на разрѣшеніе экстренно созваннаго польскаго сейма. Фридриху пришлось на время убрать свои когти.

Въ 1776 году явилось новое опасное осложненіе, на этотъ разъ между Польшей и Россіей. Возникъ вопросъ о такъ называемыхъ диссидентахъ, т. е. лицахъ, живущихъ въ предѣлахъ Польши, но не принадлежащихъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Чтобы ослабить враждебную ей католическую партію, Россія потребовала уравненія въ правахъ католиковъ и диссидентовъ. Съ этою цѣлью Репнинъ провелъ въ приматы преданнаго ему Подоскаго, но, повидимому, не разсчиталъ силы католическаго отпора. «Вѣра въ опасности», раздалось по всей Польшѣ. Поднялось волненіе, во главѣ котораго сталъ новый нунцій папы Дурини—человѣкъ сильнаго характера и съ большими дипломатическими способностями. Онъ привезъ съ собою энциклику папы Климента XIII, воспрещающую какія бы то ни было уступки диссидентамъ. Около Дурини появилась фанатическая фигура краковскаго епископа Солтыка, подливавшаго вездѣ, гдѣ можно было, масла въ огонь.

Въ октябрѣ 1767 года сеймъ собрался во дворцѣ князя Радзивилла. Наэлектризованные рѣчами Солтыка, наиболѣе пылкіе депутаты требовали повторенія Варѳоломеевской ночи. Другіе предлагали прервать всякое сношеніе съ русскимъ правительствомъ въ лицѣ Репнина. Появленіе его на сеймѣ было встрѣчено неистовыми криками; его жизни грозила большая опасность, хотя вокругъ дворца и расположились русскія войска съ пушками. «Перестаньте кричать,—сказалъ спокойно Репнинъ:—иначе я самъ такъ крикну, что мой крикъ будетъ погромче вашего!»

Снова поднялись крики. Депутаты требовали освобожденія арестованнаго члена сейма Коссаковскаго. «Крикомъ вы ничего отъ меня не добьетесь,—сказалъ Репнинъ.—Попросите вѣжливо и спокойно». Тогда князь Радзивиллъ, снявъ шляпу, въ почтительной формѣ передалъ Репнину желаніе сейма, и арестованный депутатъ былъ немедленно освобожденъ.

Къ требованіямъ Россіи относительно диссидентовъ присоединились посланники Пруссіи и Англіи. Сейму пришлось уступить, и въ 1788 году вопросъ былъ рѣшенъ въ желательномъ для Екатерины смыслѣ и сданъ въ архивъ.

Пока шумитъ и бушуетъ сеймъ, взглянемъ, какъ живетъ въ своемъ дворцѣ представитель умирающаго государства.

Дворъ Станислава представлялъ собою сколокъ съ Версаля Людовика XV. Въ немъ также толпились разодѣтыя въ шелкъ и офранцузившіяся придворныя дамы, которыя безцеремонно преслѣдовали короля, даря ему свою благосклонность и, въ свою очередь, получая отъ него изрядныя суммы. Расточительность короля на женщинъ не знала мѣръ. Чтобы предохранить «фамилію» отъ неминуемаго разоренія, оба дяди короля, князь-канцлеръ и князь-палатинъ, рѣшили его женить. Въ невѣсты ему была намѣчена эрцгерцогиня Христина австрійская. Этотъ матримоніальный проектъ, инициатива котораго принадлежала испанскому посланнику, держался въ тайнѣ отъ Екатерины; не желая усиленія въ Польшѣ католическаго австрійскаго вліянія, Россія, конечно, не допустила бы этого брака. Къ несчастью для Понятовскаго, Екатерина проникла въ его брачные замыслы и поручила русскому послу въ Вѣнѣ, князю Голицыну, немедленно развѣдать, насколько справедливы дошедшіе до нея слухи объ эрцгерцогинѣ Христинѣ. Голицынъ немедленно пригласилъ къ себѣ на обѣдъ испанскаго посланника, который отличался большою скрытностью, когда былъ трезвъ, и полною откровенностью, когда промачивалъ себѣ горло двумя-тремя стаканами хорошаго вина. Брачный проектъ выплылъ наружу и потерпѣлъ крушеніе, но Станиславъ наотрѣзъ отказался жениться на полькѣ и на всю жизнь остался офиціально холостякомъ. Отнынѣ веселые ужины во дворцѣ «молодого Телемака» приняли весьма непринужденный характеръ. Les bons diables изъ мѣстной молодежи и мелкія французскія актрисы были обычными собутыльниками Станислава. Напрасно дяди старались сократить непомѣрные расходы царственнаго племянника: король только сталъ избѣгать «Аттика» и «Цицерона», какъ онъ называлъ стариковъ, и продолжалъ дѣлать долги, не довольствуясь карманными расходами, которые уплачивала Екатерина.

Никогда женщины не играли въ политической жизни Польши такой роли, какъ при Станиславѣ. Главнымъ лицомъ при дворѣ стала жена двоюроднаго брата короля князя Адама-Казимира Чарторыйскаго, княгиня Изабелла, отличавшаяся своими сумасбродствами. Выйдя замужъ, она отправилась съ мужемъ въ свадебное путешествіе и потѣхи ради переодѣлась въ мужской костюмъ. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ ее приняли за ожидавшагося тамъ датскаго короля Христіана VII. Мнимаго короля встрѣтили съ большими почестями и убѣдились въ своей ошибкѣ лишь тогда, когда

княгиня появилась на балконѣ въ бальномъ платьѣ. Ея имѣніе Пованское слыло польскимъ Тріанономъ. Строгостью нравовъ она не отличалась, и въ Варшавѣ носилась упорная сплетня, что она одновременно была въ связи и съ королемъ, и съ Репнинымъ.

Другая близкая къ королю особа, княгиня Сапѣга, жена палатина Мстиславскаго, со страстью предавалась азартнымъ играмъ въ карты, вѣчно требовала отъ короля денегъ и уплаты своихъ долговъ. Станиславъ поспѣшилъ отъ нея отдѣлаться. Тогда княгиня принялась обыгрывать женъ французскихъ сановниковъ, бывавшихъ по служебнымъ дѣламъ въ Польшѣ, и дѣйствовала такъ беззастѣнчиво, что Станиславъ, по настоянію французскаго правительства, долженъ былъ издать указъ о томъ, чтобы никто изъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Польшу, не имѣлъ права подъ какимъ бы то ни было предлогомъ давать деньги польскимъ дамамъ.

Высшее варшавское общество отличалось большою распущенностью нравовъ. Разводъ сдѣлался зауряднымъ явленіемъ, и даже дочери князя-канцлера разводились и снова выходили замужъ столько разъ, что, кажется, обошли всѣхъ польскихъ магнатовъ. Густавъ Армфельдъ, личный другъ Густава III, присутствуя однажды въ лучшемъ изъ варшавскихъ салоновъ, высчиталъ, что изъ 25 дамъ, бывшихъ здѣсь, 14 не жили съ мужьями. Армфельдъ самъ былъ въ связи съ одной польской графиней, которая украдкой сунула ему billet doux въ церкви. Характерно, что ихъ первое свиданіе происходило въ монастырѣ, причемъ Армфельдъ ночью долженъ былъ подниматься на монастырскую стѣну по лѣстницѣ. Церковь и монастырь получили въ то время совершенно иное назначеніе.

Духовенство не отставало отъ высшей шляхты въ безумномъ мотовствѣ.

Въ 1773 году папа Климентъ XIII распустилъ орденъ іезуитовъ. Въ Польшѣ орденъ этотъ владѣлъ 130 домами и огромными денежными средствами. На оставшееся послѣ нихъ имущество польскіе епископы набросились, по выраженію современника, какъ волки на добычу. Позенскій епископъ Модзіовскій успѣлъ захватить 380 тысячъ гульденовъ, не считая серебра, оцѣненнаго въ полтора милліона. Епископъ виленскій Масальскій взялъ на свою долю 600 тысячъ гульденовъ, спрятавъ у себя въ домѣ огромное количество священныхъ одеждъ, шитыхъ золотомъ. Въ концѣ концевъ 32 милліона, вырученныхъ отъ продажи имущества упраздненнаго ордена, были подѣлены между десяткомъ лицъ высшаго духовенства. Безчисленное количество чашъ и священныхъ сосудовъ было отправлено прямо на монетный дворъ для перечеканки въ монету. Не мало священныхъ предметовъ было превращено въ стремена, шпоры и т. п. вещи чисто шляхетскаго обихода.

Заграбивъ іезуитскія деньги, позенскій епископъ совсѣмъ пересталъ показываться въ своей епархіи, но зато сдѣлался завсегдатаемъ всѣхъ игорныхъ домовъ Варшавы. Ему ничего не стоило проиграть полмилліона гульденовъ за одинъ присѣстъ.

Таковы стали къ концу вѣка духовные вожди и политическіе руководители польскаго народа.

Пока король, дворянство и духовенство прожигали жизнь за счетъ другихъ сословій, надъ Польшей собиралась гроза. Берлину давно уже не давали покоя польскіе округа Торна и Данцига, клиномъ врѣзавшіеся въ прусскія владѣнія. Еще въ 1768 г. изъ Вѣны, Версаля и Копенгагена сообщали въ Петербургъ, что Фридрихъ намѣренъ «компенсировать» себя польскими владѣніями за помощь, которую онъ оказывалъ Россіи во время ея войны съ турками.

Екатерина и Панинъ выразили энергичный протестъ.

Тогда Фридрихъ сдѣлалъ другой ходъ, послѣ котораго Австрія совершила въ 1770 году анексію Ципскаго графства, расположеннаго на сѣверѣ Венгріи. Въ 1412 году графство это было формально заложено Польшѣ, но никогда не было выкуплено своими владѣльцами.

Послѣ австрійской анексіи въ Петербургъ былъ присланъ изъ Берлина принцъ Генрихъ—все съ тѣмъ же настойчивымъ предложеніемъ раздѣла Польши, проектъ котораго былъ уже изготовленъ въ прусской столицѣ. По приказанію Екатерины онъ былъ предъявленъ русскимъ посломъ въ Варшавѣ Штакельбергомъ королю и министрамъ. Ознакомившись съ содержаніемъ этого документа, Станиславъ сталъ въ театральную позу и началъ цитировать Плутарха, рекомендуя всѣмъ съ твердостью переносить несчастія.

— Благоволите, ваше величество,—съ досадою вскричалъ Штакельбергъ,—оставить Плутарха и древность въ покоѣ и лучше сосредоточить свое вниманіе на положеніи Польши и графа Станислава Понятовскаго!

Черезъ два дня послѣ этого разговора король тайно отправилъ посольство въ Версаль просить помощи и заступничества, но его магнаты привезли оттуда лишь выраженіе соболѣзнованія.

Участь Польши была рѣшена.

18 сентября 1773 года жалкое подобіе сейма, собравшееся въ Гроднѣ, утвердило первый раздѣлъ Польши. Изъ 715 тыс. кв. килом. она теряла 214 съ 5 мил. населенія.

Фридрихъ былъ въ восторгѣ и сыпалъ своими тяжеловѣсными остротами.

— Когда я умру, вы непремѣнно должны протащить меня въ рай подъ полами вашей сутаны,—сказалъ онъ какъ-то своему новому подданному, епископу Красицкому.

— Увы, ваше величество, вы такъ окарнали мою сутану, что подъ ней невозможно скрыть такую контрабанду,—находчиво возразилъ обобранный пруссаками епископъ.

Невѣроятная вещь,—замѣчаетъ англійскій историкъ:—постигшее Польшу національное несчастіе меньше всего почувствовалось самими поляками. Немедленно послѣ раздѣла пруссаки принялись хозяйничать въ своихъ новыхъ владѣніяхъ съ безпощадной суровостью, а въ Варшавѣ одинъ балъ смѣнялся другимъ, карточные столы ломились подъ тяжестью денегъ. Въ день рожденія великаго князя Павла Петровича главнокомандующій русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Варшавѣ, Бибиковъ, устроилъ въ лагерѣ подъ Прагой великолѣпное празднество, на которое съѣхалось все избранное польское общество, весело танцовавшее съ русскими офицерами до самаго утра.

«То, что я скажу,—пишетъ одинъ современникъ,—можетъ показаться невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе это совершенно вѣрно. Мы гораздо больше интересуемся игрою въ фараонъ и банкъ и разными марками венгерскаго, чѣмъ событіями, которыя совершаются на прусской границѣ».

Сдѣланная надъ Польшей операція не остановила разложенія ея государственнаго тѣла. Ея духовные и свѣтскіе правители продолжали вести себя самымъ недостойнымъ образомъ. Епископы съ проклятіями обличали другъ друга въ нечестности и подкупности. Министръ финансовъ Понинскій поспѣшилъ заручиться для себя табачной монополіей и получилъ исключительное право аренды всѣхъ танцовальныхъ и концертныхъ залъ въ Варшавѣ. Онъ же заплатилъ 20 тысячъ дукатовъ за запрещеніе евреямъ торговать въ столицѣ, а затѣмъ получилъ съ нихъ крупную сумму за разрѣшеніе устроить лавки при въѣздѣ въ городъ. Алчность этого государственнаго хищника дошла до того, что онъ установилъ особый сборъ съ экипажей, переѣзжающихъ по мосту черезъ Вислу, который взялъ на откупъ на десять лѣтъ. Въ этомъ случаѣ ему усердно помогалъ прусскій посланникъ, хорошо понимавшій, что этотъ нелѣпый средневѣковой сборъ совершенно разоритъ Данцигъ и предастъ его въ нѣмецкія руки!

Самъ король былъ, повидимому, даже доволенъ вмѣшательствомъ въ польскія дѣла сосѣднихъ державъ: по крайней мѣрѣ онѣ регулировали его запутанныя денежныя дѣла. Ему были предоставлены доходы съ 125 лучшихъ староствъ, составлявшіе приблизительно 1.200,000 талеровъ въ годъ. Были уплачены его долги, достигавшіе 4 милліоновъ польскихъ гульденовъ. Но, конечно, никакихъ денегъ не могло хватить на содержаніе безчисленнаго ряда фаворитокъ, въ которомъ княгиня Любомирская смѣнялась мелкой актрисой, носившей кличку Тоди, а эта послѣдняя пани Ожаровской, за которой слѣдовала эмигрантка мадамъ де-Люлли, въ свою очередь,

уступившая мѣсто княгинѣ Сапѣга и т. д. Мѣстомъ встрѣчи со всѣми этими «les autres petites» служила мастерская заѣзжаго художника Батьярели, гдѣ даже важная придворная дама пани Мальчевская не стѣснялась позировать передъ королемъ au naturel якобы для какой-то картины миѳологическаго содержанія! Съ 1764 по 1766 г. Польша дважды уплачивала долги короля, но къ 1770 году онъ опять успѣлъ задолжать одному голландскому банкиру около 5 милліоновъ гульденовъ и варшавскому банкиру Тепперу—4 съ половиной милліона.

Кромѣ того, за нимъ осталось болѣе 700 тысячъ, которыя онъ не уплатилъ въ свое время своимъ служащимъ! Напрасно морганатическая супруга короля пани Грабовская старалась сдерживать расточительность своего супруга: король Станиславъ былъ неисправимымъ оптимистомъ!

Несмотря на веселую съ виду жизнь, и во дворцѣ, и въ высшемъ польскомъ обществѣ наступила какая-то апатія, потерянъ былъ вкусъ къ здоровой жизни. Люди томились пустотою существованія и, не зная, какъ спастись отъ охватившей ихъ «ennui», искали выхода мучительному душевному состоянію въ самыхъ дикихъ выходкахъ.

Николай Потоцкій, напримѣръ, рыскалъ съ своими гайдуками по всей странѣ въ погонѣ за приключеніями. Его спеціальностью было избіеніе евреевъ. Карлъ Радзивиллъ устраивалъ самые безумныя попойки. Князь Маріусъ Любомирскій, котораго прочили въ прелаты римской церкви въ Польшѣ, кончилъ тѣмъ, что перешелъ въ іудейство!

Родственницъ короля Казимиръ Понятовскій прославился тѣмъ, что устроилъ у себя въ имѣніяхъ великолѣпные подземные гроты, пышные гаремы и колоніи для пчелъ. Князь Яблоновскій ударился въ некромантію и увѣрялъ всѣхъ, что можетъ заставить чертей повиноваться ему. Пани Годзская, бывшая замужемъ за принцемъ Нассау-Зигенскимъ, въ погонѣ за возбуждающими впечатлѣніями, не позволила тушить пожаръ, вспыхнувшій въ ея роскошномъ замкѣ, и съ вершины сосѣдняго холма любовалась въ подзорную трубу «великолѣпнымъ зрѣлищемъ».

Одинъ изъ высшихъ сановниковъ государства великій гетманъ Браницкій во время попойки былъ застрѣленъ извѣстнымъ авантюристомъ Казановой, которому едва удалось ускользнуть отъ разсвирѣпѣвшей толпы гайдуковъ.

Варшава того времени была наводнена толпою отовсюду слетавшихся проходимцевъ и шарлатановъ, которые умѣли наживаться на счетъ любопытства поляковъ. Послѣ французской революціи къ нимъ присоединились еще цѣлыя полчища эмигрантовъ, которыхъ въ Варшавѣ принимали съ распростертыми объятіями. Наиболѣе видные изъ нихъ искали здѣсь себѣ богатыхъ невѣстъ. Такъ, принцъ де-Линь женился на княгинѣ Масальской и принялъ польское под-

данство. Остальные довольствовались тѣмъ, что держали игорные дома, обыгрывали шляхту и сколачивали себѣ такимъ путемъ значительное состояніе. Въ Варшавѣ же нашелъ радушный пріютъ король тогдашнихъ chevaliers d'industrie Каліостро, поспѣшившій убраться изъ Россіи по добру по здорову послѣ того, какъ Екатерина объявила, что у нея руки чешутся отхлестать этого обманщика по щекамъ. Въ Варшавѣ онъ вошелъ въ дружбу съ доморощеннымъ некромантомъ Казимиромъ Яблоновскимъ, о которомъ мы упоминали выше, втерся съ его помощью въ лучшіе дома, выманилъ у своихъ довѣрчивыхъ и скучающихъ почитателей 10 тысячъ дукатовъ и въ одну прекрасную ночь исчезъ изъ польской столицы, захвативъ съ собой всѣ аппараты и приспособленія, съ помощью которыхъ производилъ свои удивительные фокусы.

Никогда еще столица Польши не была такъ весела и оживленна, какъ передъ смертью Польши. Фокусы Каліостро и Казановы смѣнялись роскошными fêtes champetres, которые были въ большой модѣ въ концѣ XVIII вѣка. Не далѣе, какъ за годъ до перваго раздѣла Польши, пани Огинская устроила въ своемъ имѣніи Александровнѣ въ честь короля роскошный фестиваль, который мы позволимъ себѣ описать здѣсь подробнѣе, какъ характерный образчикъ такихъ празднествъ.

Громадный паркъ Александровны былъ наполненъ нимфами и богинями, которыя безпрестанно встрѣчали короля и привѣтствовали его звучными стихами. Когда Станиславъ углубился въ паркъ, его остановила процессія «китайскихъ купцовъ на арабскихъ мулахъ», которая предложила ему апельсины и «прочіе восточные продукты». Подвигаясь далѣе, августѣйшій гость оказался передъ турецкой мечетью, гдѣ муфтій привѣтствовалъ его величество рѣчью на настоящемъ турецкомъ языкѣ.

Послѣ завтрака короля повели къ «гроту Діаны», гдѣ деревенскія дѣвушки пѣли ему пѣсни и угощали «настоящимъ неаполитанскимъ мороженымъ». Тутъ же на рѣчкѣ, протекавшей черезъ имѣніе, были устроены искусственные водопады и мельница. Пока король, восхищенный всѣмъ видѣннымъ, бесѣдовалъ съ окружающими, на рѣкѣ показалась барка, нагруженная винами и лакомствами, которыя тутъ же и были истреблены гостями.

На другой день всѣ ѣздили на венеціанскую ярмарку, гдѣ, кромѣ венеціанцевъ и неизбѣжныхъ турокъ, продавали свои товары и представители другихъ національностей, расположившіеся въ сорока живописныхъ кіоскахъ. Послѣ осмотра ярмарки король сѣлъ на лодку, которая была ввезена четырьмя парами воловъ въ спеціально для этого случая выстроенный театръ, расположенный на искусственномъ островѣ среди искусственнаго озера.

Вечеромъ пани Огинская принимала своихъ гостей въ настоящемъ хлѣбномъ сараѣ, вокругъ котораго разбросаны были стога

сѣна. Въ сосѣдней хижинѣ настоящіе крестьяне пѣли свои незамысловатыя пѣсни, а окружающій лѣсъ пестрѣлъ живописными искусственными пастушками и пастўшками.

Засимъ короля повели смотрѣть на маріонетокъ, живого леопарда и носорога, которыхъ привезъ какой-то итальянецъ. Здѣсь же дикіе башкиры и цыгане предсказывали ему будущее, гадая на бобахъ и восковыхъ фигуркахъ. Празднество закончилось состязаніемъ въ быстротѣ между одноногимъ шутомъ и черепахой.

Но никакія празднества, никакіе маскарады, никакіе фокусы Каліостро не могли оживить изжившееся польское общество. Потеряно было чувство національнаго единства и отвѣтственности передъ родиной, общество отвыкло трудиться, вывѣтрились идеи о благѣ народа, и Польша, какъ одряхлѣвшій старикъ, потерявшій вкусъ къ жизни, погружалась въ вѣчный сонъ, въ дремоту, изъ которой ее выводилъ лишь шумъ всякихъ сельскихъ и другихъ празднествъ.

А королю было отъ чего проснуться. Еще до начала раздѣловъ въ странѣ образовался противъ него заговоръ, едва не стоившій ему жизни.

Въ одинъ изъ ноябрьскихъ вечеровъ 1771 года Станиславъ ѣхалъ къ себѣ съ обѣда у князя-канцлера. Карета, конвоируемая небольшимъ отрядомъ конныхъ гайдуковъ, благополучно двигалась по улицамъ засыпавшей Варшавы, какъ вдругъ передъ нею появилось человѣкъ десять съ мушкетами въ рукахъ. Они быстро дали залпъ. Гайдуки почти всѣ были убиты наповалъ. Одинъ изъ нихъ вздумалъ было прикрыть собою короля, но мѣткій выстрѣлъ уложилъ его на мѣстѣ, онъ упалъ, обрызгавъ короля своею кровью. Другая пуля пробила шляпу короля. Станислава выволокли изъ экипажа, бросили на какую-то телѣгу, которая помчалась во всю прыть. Къ счастью для плѣнника, похитители неслись въ полной темнотѣ и наткнулись въ лѣсу около Бѣляны на казачій пикетъ. Завязалось настоящее сраженіе. Король умолялъ отпустить его.

— Я не могу этого сдѣлать—сказалъ ему предводитель повстанцевъ.—Я далъ клятву моему начальнику, генералу Пуласкому, доставить васъ въ Ченстохово.

Несмотря на отказъ, Станиславу все таки удалось уговорить одного изъ заговорщиковъ отвезти его на близлежавшую мельницу, откуда онъ далъ знать о всемъ происшедшемъ командиру королевской гвардіи въ Варшавѣ, генералу Коцею. Въ пять часовъ утра Коцей привезъ короля обратно въ столицу, растрепаннаго, запачканнаго грязью и кровью, но невредимаго. Многіе плакали, видя его безъ шляпы и почти разутаго.

По возвращеніи въ Варшаву былъ, конечно, отслуженъ торжественный молебенъ по поводу избавленія короля отъ грозившей опасности. Станиславъ приказалъ широко открыть двери дворца,

чтобы всякій могъ зайти туда и убѣдиться, что король живъ, но тѣмъ дѣло и кончилось.

При полномъ экономическомъ упадкѣ и военномъ безсиліи, Польша, очевидно, должна была сдѣлаться игрушкою въ рукахъ сосѣдей. Волей-неволей ей приходилось опереться на кого-нибудь изъ нихъ. Такимъ естественнымъ союзникомъ для Польши была Россія. Несмотря на свои вѣковые раздоры, обѣ страны имѣли между собою гораздо болѣе общаго, чѣмъ, напримѣръ, Пруссія и Польша. Поляки принадлежали къ славянской семьѣ, цѣлая треть населенія Польши исповѣдывала православную вѣру, наконецъ и поляки, и русскіе одинаково ненавидѣли пруссаковъ.

Король Станиславъ отлично понималъ необходимость и выгоды союза съ Россіей. При посредствѣ польскаго посла при русскомъ дворѣ Деболи былъ выработанъ особый меморандумъ, въ которомъ Станиславъ изложилъ условія своего союза съ Россіей. По его мысли, прежде всего польскій престолъ долженъ былъ стать наслѣдственнымъ, польскія военныя силы поступали въ распоряженіе Россіи, которая обязывалась уплачивать Польшѣ ежегодно по 100.000 дукатовъ, цивильный листъ короля повышался до 2 милліоновъ. Кромѣ того, король получалъ право ограничивать liberum veto. Къ территоріи Польши прирѣзывалась прилегающая къ Черному морю полоса Бессарабіи, чтобы дать полякамъ возможность принять участіе въ морской торговлѣ.

Хотя сдѣлка была не особенно выгодна для Россіи, такъ какъ налагала на нее огромныя финансовыя тяготы, усиливая ея армію всего тысячъ на 20 польскихъ войскъ, тѣмъ не менѣе Екатерина поспѣшила принять условія Понятовскаго, кромѣ перваго, которое она рѣшительно отвергла. Встрѣтившись съ Деболи, вице-канцлеръ Остерманъ, этотъ рупоръ Екатерины, сказалъ польскому послу: «Будьте увѣрены, что мы не покинемъ васъ въ бѣдѣ, но зато и вы должны для насъ что-нибудь сдѣлать».

Екатерина видѣлась съ самимъ королемъ Станиславомъ во время своего знаменитаго путешествія на югъ Россіи въ 1787 году. Онъ двинулся навстрѣчу императрицѣ въ сопровожденіи русскаго посланника графа Штакельберга и чуть не всего своего двора, съ великою пышностью. Достаточно сказать, что это маленькое путешествіе обошлось ему не менѣе 100 тысячъ гульденовъ. Въ Каневѣ Станиславъ остановился и сталъ поджидать Екатерину, которая спускалась по Днѣпру.

Встрѣча была самая сердечная. Посланные съ дарами и привѣтствіями такъ и шныряли между обоими дворами. Свиданіе монарховъ произошло въ день св. Станислава посреди рѣки на баржѣ. При появленіи короля, путешествовавшаго подъ именемъ графа Понятовскаго, былъ произведенъ установленный салютъ. А при прощаніи Екатерина сняла съ себя орденъ св. Андрея Первозваннаго

и собственноручно возложила его на Станислава. Но входить въ обсужденіе условій союза она отказалась. «Барка посреди рѣки— плохое мѣсто для рѣшенія государственныхъ дѣлъ, —со смѣхомъ сказала она королю.—Подождите, пока я вернусь въ Петербургъ».

Станиславъ возвратился въ Варшаву и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ императрицей писалъ Феликсу Потоцкому: «Нашъ тѣсный союзъ съ Россіей совершенно необходимъ для славы и сохраненія нашего народа».

Сближеніе обѣихъ восточныхъ сосѣдокъ совершенно не входило въ расчеты Пруссіи, и она приняла свои мѣры, чтобы воспрепятствовать нарождающемуся союзу. До сихъ поръ она была представлена въ Польшѣ незначительными chargès d'affaires, которые, разумѣется, не могли равняться по своему вліянію съ импозантными русскими посланниками.

Представитель великаго, по жаднаго Фридриха, Бенуа, едва сводилъ концы съ концами, получая на наши деньги всего рублей 300 въ годъ. Онъ ходилъ въ потертомъ костюмѣ, жилъ въ предмѣстьѣ города и лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ позволялъ себѣ нанимать дешевую карету. Послѣ смерти Фридриха руководство внѣшней политикой Пруссіи перешло въ руки Эвальда Герцберга, который рѣшилъ дать ей совершенно иной тонъ, тѣмъ болѣе, что явился и подходящій для его видовъ дипломатъ въ лицѣ итальянскаго авантюриста маркиза Джеронима Луккезини.

Еще молодымъ человѣкомъ Луккезини явился въ Санъ-Суси ко двору Фридриха Великаго, который встрѣтилъ его довольно грубымъ вопросомъ: «Съ какихъ это поръ итальянскіе маркизы опустились настолько, что стали продавать свои услуги германскимъ королямъ?»—«Съ тѣхъ поръ, какъ германскіе короли сдѣлались настолько глупы, что принуждены ихъ покупать», смѣло отвѣчалъ итальянскій выходецъ. Королю понравился такой отвѣтъ: онъ постучалъ пальцами по крышкѣ своей табакерки, которую польскій канцлеръ Гаровскій прозвалъ ящикомъ Пандоры, и назначилъ Луккезини своимъ лекторомъ. Его преемникъ Фридрихъ-Вильгельмъ II совершенно подпалъ подъ вліяніе хитраго итальянца, который и не скрывалъ, что умѣетъ отлично командовать le plus gros corps de l'armée [1]). Вотъ этотъ-то смуглый, тощій маркизъ, потерявшій къ тому же во время одного изъ своихъ химическихъ опытовъ глазъ, и былъ назначенъ прусскимъ посломъ въ Варшавѣ. Вкрадчивый и ловкій, онъ началъ съ того, что быстро подчинилъ себѣ княгиню Изабеллу Чарторыйскую, воображавшую, что Луккезини очарованъ ею.

Ко времени открытія четырехгодичнаго сейма въ 1788 году положеніе партій въ Польшѣ значительно измѣнилось въ пользу Прус-

---

[1]) Двусмысленное выраженіе, означающее одновременно самый большой въ арміи корпусъ и самое толстое тѣло въ арміи.

сіи: кривой маркизъ успѣлъ пустить въ оборотъ идею союза Польши съ нѣмцами противъ Россіи. Дѣло пошло успѣшно, и Луккезини формально потребовалъ отъ графа Штакельберга удаленія русскихъ войскъ изъ предѣловъ Польши, гдѣ они находились для поддержанія государственнаго порядка, охрану котораго взяла на себя Екатерина. Штакельбергъ уклонился отъ прямого отвѣта, но Луккезини сумѣлъ сдѣлать его положеніе невозможнымъ: съ нимъ болѣе перестали считаться и даже отказывали ему въ обычныхъ знакахъ уваженія, забывая, что въ его лицѣ оскорбляютъ самое Екатерину, которая умѣла помнить обиды. Король заклиналъ сеймъ не настаивать на удаленіи русскихъ войскъ, но его рѣчь была встрѣчена такимъ ревомъ, что онъ четыре дня не показывался на засѣданія. Партія «патріотовъ» (т.-е. руссофобовъ), руководимая Луккезини, окончательно овладѣла сеймомъ. Начались безконечныя рѣчи, продолжавшіяся иногда по шестнадцати часовъ, въ теченіе которыхъ Станиславъ долженъ былъ неподвижно просиживать на тронѣ.

Результатомъ такого словоизверженія было уничтоженіе польскаго военнаго министерства и подчиненіе арміи непосредственно сейму, причемъ ее съ 18 тысячъ человѣкъ рѣшено было довести до 100 тысячъ. Это легкомысленное рѣшеніе только скомпрометировало Польшу въ глазахъ всѣхъ серьезныхъ людей. Донося о постановленіи сейма своему правительству, англійскій посланникъ Хейль поражается нелѣпостью рѣшенія, которое завѣдомо нельзя было осуществить по недостатку денегъ и припасовъ. Правда, на сеймѣ много говорилось о необходимости жертвъ. Предсѣдатель его Малаховскій вызвался даже заложить съ патріотической цѣлью свое имѣніе. Шляхта обѣщала собрать 36 милліоновъ гульденовъ, но когда дѣло дошло до расплаты, едва-едва набрали 700 тысячъ. «Патріоты» рѣшили обратиться за денежной помощью къ Фридриху-Вильгельму, но тотъ отказалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Генуэзскіе банкиры, снабжавшіе деньгами Станислава, потеряли всякое довѣріе къ Польшѣ и для поправленія государственныхъ финансовъ королю пришлось продать собственную коллекцію драгоцѣнностей, въ томъ числѣ и орденъ Андрея Первозваннаго, пожалованный ему Екатериной въ Каневѣ.

Разрывъ съ Россіей становился неизбѣженъ.

«У меня здѣсь заготовлено нѣсколько агитаторовъ, которые ждутъ только приказанія, чтобы броситься на границы и, напавъ на русскія войска, вызвать волненіе. Они желаютъ только получить ручательство въ томъ, что Пруссія имъ поможетъ», писалъ кривой маркизъ Герцбергу.

Екатерина сдѣлала видъ, что она равнодушна ко всему, что творилось въ Польшѣ, и приказала русскимъ войскамъ выступить изъ предѣловъ королевства. Но поляки уже закусили удила и не могли обойтись безъ ненужныхъ оскорбленій. Они обложили таможенной

пошлиной полковое имущество и запасы, хотя такіе предметы всегда считались не подлежащими таможеннымъ сборамъ. Конфликтъ былъ созданъ, но Екатерину выручилъ австрійскій министръ князь Кауницъ. Онъ прислалъ въ Петербургъ перехваченное письмо Герцберга, въ которомъ прусскій министръ совѣтовалъ туркамъ выступить въ походъ и, воспользовавшись жалобами поляковъ на русскія войска, объявить Россіи войну. Екатерина поняла намекъ и немедленно приказала своимъ войскамъ возвращаться вдоль южной границы Польши. Попытка Фридриха-Вильгельма вызвать открытое столкновеніе между Россіей и Польшей на этотъ разъ не удалась.

Россія держалась чрезвычайно осторожно. Потемкинъ письменно извинился передъ королемъ за безпокойство, которое причинено было проходомъ русскихъ войскъ, и, въ качествѣ польскаго магната, приносилъ Рѣчи Посполитой въ даръ 12 пушекъ и 500 карабиновъ. Въ этомъ письмѣ, написанномъ по-польски, Потемкинъ, между прочимъ, слегка журилъ поляковъ за то, что они обращаются къ нему, польскому гражданину, на французскомъ языкѣ.

Но всѣ эти заискиванія не имѣли успѣха. Въ сеймѣ каждое оскорбленіе Екатерины встрѣчалось шумными одобреніями дамъ, сидѣвшихъ на хорахъ. Княгиня Изабелла Чарторыйская просто неистовствовала въ своемъ патріотическомъ усердіи.

Торжество Пруссіи было полное, и она сдѣлалась хозяйкой положенія въ Польшѣ.

Не имѣя возможности бросить обѣ славянскія страны одна на другую, нѣмцы избрали другой путь. Полякамъ былъ формально обѣщанъ союзъ съ Пруссіей, но необходимымъ условіемъ этого союза поставлена реформа государственнаго строя. А такъ какъ этотъ строй охранялся Россіей, то Екатеринѣ и русской партіи въ Польшѣ наносился жестокій ударъ.

Въ декабрѣ 1789 года Игнатій Потоцкій представилъ Луккезини проектъ новой конституціи, а въ апрѣлѣ 1790 года былъ подписанъ договоръ о союзѣ Польши съ Пруссіей. Фридрихъ-Вильгельмъ потребовалъ было немедленно уступки ему Данцига и Торна, но, встрѣтивъ сопротивленіе, пока спряталъ когти и отказался отъ лакомой добычи.

«Польша,—писалъ кривой соотечественникъ Маккіавелли своему прусскому хозяину,—теперь безусловно въ полномъ распоряженіи вашего величества. Ею можно воспользоваться, какъ театромъ войны съ Россіей или Австріей, или же какъ оплотомъ для Силезіи. Ею же можно компенсировать себя на случай какихъ-либо осложненій съ Россіей».

Партіи патріотовъ выпало на долю осуществить законнымъ порядкомъ невозможную вещь—реформировать польскую конституцію. Въ сеймѣ была, конечно, и русская партія, которая не могла

допустить закрѣпленія такимъ путемъ прусскаго господства надъ Польшей. Были, наконецъ, и закоренѣлые фанатики шляхетскихъ свободъ, въ родѣ пана Сухоржевскаго, для которыхъ всякая реформа представлялась покушеніемъ на политическія права шляхты. Предложеніе объ измѣненіи конституціи, клонившееся къ тому, чтобы превратить Польшу въ конституціонную наслѣдственную монархію современнаго типа, очевидно, не могло пройти въ сеймѣ, который непремѣнно былъ бы сорванъ. Оставалось прибѣгнуть къ coup d'état.

Слабохарактерный Станиславъ заколебался, но въ эту рѣшительную минуту около него явился другой итальянецъ—флорентійскій ех-аббатъ Сипіоне Піаттоли, раціоналистъ и горячій поклонникъ Руссо, будто бы нашедшій въ Польшѣ идеалъ политической свободы. Изможденный и болѣзненный, онъ обладалъ, однако, огромной силой воли и умѣлъ подчинять окружающихъ своему вліянію. Піаттоли быстро сдѣлался самымъ интимнымъ другомъ Станислава и поселился во дворцѣ, несмотря на протесты родственниковъ короля, косо смотрѣвшихъ на этого «якобинца». Въ аппартаментахъ Піаттоли и разрабатывалась мысль о coup d'état. Для этого былъ образованъ особый комитетъ изъ семи лицъ, которымъ король могъ вполнѣ довѣрять. Онъ собственноручно сдѣлалъ набросокъ будущей конституціи, который былъ потомъ сообщенъ нѣкоторымъ депутатамъ, расположеннымъ поддерживать короля. Всѣ они собирались во дворцѣ Карла Радзивилла. Ихъ было около сотни, но когда имъ предложили подписать проектируемый актъ—всѣ они подъ разными предлогами отказались.

3 мая 1791 года улицы Варшавы представляли необычайное зрѣлище. Со всѣхъ сторонъ къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ собраться сеймъ, спѣшили войска. За ними тянулись гильдіи во главѣ съ своими президентами. Улицы были полны народа, шумно выражавшаго свое повышенное настроеніе. Все ждали чего-то необычайнаго.

Залъ засѣданій сейма былъ переполненъ публикой. На галереяхъ собрались дамы высшаго общества. Между скамьями депутатовъ сновали записные политики и агитаторы. Вокругъ трона размѣстились офицеры королевской гвардіи.

Ровно въ одиннадцать часовъ въ залъ вступилъ король въ сопровожденіи своей свиты, и маршалъ Малаховскій открылъ засѣданіе.

Первымъ выступилъ министръ иностранныхъ дѣлъ и прочелъ рядъ донесеній, полученныхъ отъ польскихъ посланниковъ, которые предостерегали свое правительство отъ замысловъ сосѣдей, готовящихъ второй раздѣлъ Польши. При этихъ словахъ неугомонный ораторъ панъ Сухоржевскій, почуявъ, къ чему идетъ дѣло, сорвался съ своего мѣста и на колѣняхъ приползъ къ трону,

крича, что было силъ: «Намъ зажимаютъ ротъ! Бросьте меня въ тюрьму, но дайте мнѣ слово!» Его растерянная, красная физіономія возбудила общій смѣхъ. Сухоржевскаго увели силою.

По знаку короля, министры и сенаторы приблизились къ трону. Станиславъ объявилъ, что, въ виду опасности, угрожающей республикѣ, необходимо измѣнить государственное устройство, и приказалъ прочесть проектъ новой конституціи. Чтеніе это было встрѣчено восторженными криками: «Zgoda! Zgoda! (Угодно!)».

Въ этотъ моментъ въ залѣ сейма опять появился панъ Сухоржевскій, на этотъ разъ съ шестилѣтнимъ сыномъ на рукахъ. Онъ кричалъ, что новая конституція есть измѣна народу и заговоръ лично противъ него, Сухоржевскаго. Произошла свалка. Сухоржевскій бросился къ трону, но былъ сбитъ съ ногъ. Его, несомнѣнно, растоптали бы на смерть, если бы депутатъ Кублицкій, отличавшійся громадною силой, не вынесъ его изъ свалки, какъ ребенка.

Крики: «да здравствуетъ король!» заглушили робкіе протесты оппозиціи. Король громкимъ голосомъ заявилъ о своемъ желаніи присягнуть новой конституціи. «Если среди васъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ депутатамъ,—есть священники, пусть они приведутъ меня къ присягѣ».

Къ трону приблизился епископъ краковскій Турскій и, раскрывъ евангеліе, держалъ его передъ королемъ. Поднявъ руку, Станиславъ повторялъ за нимъ слова присяги. А члены сейма, въ порывѣ безудержной радости, бросали шляпы въ воздухъ, оглашая залъ криками: «да здравствуетъ король!»

Новая конституція была введена.

Екатерина отвѣтила на этотъ государственный переворотъ прежде всего смѣной русскаго посла. Вмѣсто графа Штакельберга, отличавшагося настойчивостью и умѣніемъ поддерживать короля въ веселомъ настроеніи, назначенъ былъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, нашъ бывшій полномочный министръ въ Константинополѣ. Булгаковъ обладалъ необыкновеннымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ. Когда въ 1787 году вспыхнула вторая русско-турецкая война, Булгаковъ былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, просидѣлъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ и вышелъ на свѣтъ Божій съ русскимъ переводомъ тогдашней литературной новинки — тридцатитомной энциклопедіи аббата де-ла-Порта: «Voyageur françois ou la connaissance de l'ancien et du nouveau monde». Отличительной чертой этого дипломата было необыкновенное умѣнье владѣть собою, не теряться ни при какихъ обстоятельствахъ. А долгое пребываніе на Востокѣ научило его не прибѣгать къ открытымъ средствамъ, а дѣйствовать закулиснымъ путемъ.

Булгаковъ явился въ Варшаву съ огромной блестящей свитой всякихъ attachès и, какъ будто ничего особеннаго не случилось, принялся давать роскошные обѣды съ участіемъ лучшихъ фран-

скихъ поваровъ. Это быстро сдѣлало его популярнымъ. Еще большей симпатіей пользовались его карточные вечера, на которыхъ сходились толпами члены сейма и сенаторы. Тѣмъ не менѣе общее настроеніе поляковъ было крайне враждебно Россіи. «Здѣсь теперь мода быть руссофобомъ», писалъ Булгаковъ императрицѣ.

Къ началу 1792 года Россія успѣла развязать себѣ руки: война съ турками кончилась, угрожающее положеніе, которое заняли относительно императрицы Екатерины Пруссія, а за нею и Питтъ, смутило было русское правительство, но англо-прусскія угрозы не пошли дальше страшныхъ словъ. Швеція и Данія, которыхъ старались бросить на Россію, не обнаружили особаго желанія затѣвать новую Сѣверную войну. Обезопасивъ себя со всѣхъ сторонъ, Екатерина могла теперь активно свести старые счеты съ Польшей.

Въ маѣ 1792 года въ маленькомъ городкѣ Тарговицахъ (нынѣ мѣстечко Уманскаго уѣзда Кіевской губерніи) состоялся съѣздъ всѣхъ противниковъ реформъ Станислава. Во главѣ ихъ сталъ Феликсъ Потоцкій, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ слѣпой ненависти къ королю. Собравшіеся члены оппозиціи образовали такъ называемую Тарговицкую конфедерацію, подняли вооруженное возстаніе противъ правительства и двинулись къ Варшавѣ, засыпая свой путь манифестами и указами. По дорогѣ они вводили особыя судилища, которыя во имя свободы жестоко расправлялись съ ихъ политическими противниками. Чиновники были разгоняемы, а помѣщики, принявшіе майскую конституцію, подвергались разгрому.

4 сентября всѣ конфедераты были стянуты въ Брестъ-Литовскъ, а 5-го Феликсъ Потоцкій совершилъ тріумфальный въѣздъ въ Тирасполь. Все населеніе города, во главѣ съ бургомистромъ, вышло ему навстрѣчу съ музыкой и знаменами. Слѣдующій день былъ посвященъ офиціальнымъ пріемамъ и банкету. Народу въ Тирасполь съѣхалось такъ много, что помѣщеній не хватило, и весь городъ былъ заставленъ палатками. Для Потоцкаго воздвигли особый Зеленый павильонъ. Въ старой іезуитской церкви было совершено торжественное молебствіе, послѣ котораго здѣсь же состоялось генеральное собраніе повстанцевъ. За молебствіемъ слѣдовалъ обѣдъ въ Зеленомъ павильонѣ на золотыхъ блюдахъ, во время котораго всѣ восторженно пили за здоровье Екатерины и упорно молчали о Станиславѣ.

Образованіе Тарговицкой конфедераціи застало Станислава врасплохъ, и ему не оставалось ничего другого, какъ обратиться за помощью къ своему союзнику и руководителю Фридриху-Вильгельму. Но изъ Берлина дали понять, что если Польша желаетъ поддерживать идею наслѣдственной монархіи и майскую конституцію, то ей нечего разсчитывать на прусскую помощь. Станиславъ былъ по-

раженъ такимъ безстыднымъ отказомъ отъ торжественно принятыхъ прусскимъ королемъ обязательствъ и отправилъ въ Берлинъ Игнатія Потоцкаго объясниться и указать на формальный договоръ. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ польскаго посла съ леденящей холодностью. Когда Потоцкій указалъ ему на то, что онъ самъ всячески старался поссорить Польшу съ Россіей, обѣщая первой свою помощь, le gros corps de l'armée былъ въ большомъ затрудненіи и не зналъ, что отвѣчать. Наконецъ онъ угрюмо заявилъ, что майская конституція была введена безъ его вѣдома и что вообще обстоятельства теперь перемѣнились.

Обманутые поляки были предоставлены самимъ себѣ.

А въ эту минуту Булгаковъ вручилъ польскому министру иностранныхъ дѣлъ Хрептовичу формальное объявленіе войны. Оно давно уже хранилось у него и оставалось только поставить на немъ дату. Черезъ нѣсколько дней русскія войска тремя колоннами вступили въ предѣлы Польши. Тарговицкая конфедерація была офиціально принята подъ покровительство Россіи.

Польша заволновалась. Станиславъ проявлялъ съ эти тяжелые дни необыкновенную энергію: облачившись въ мундиръ національной кавалеріи, онъ объѣзжалъ всѣ казармы, парадируя передъ квартировавшими въ нихъ войсками и произнося превосходныя рѣчи о военной дисциплинѣ. Въ предмѣстьѣ столицы, Прагѣ, онъ разбилъ лагерь на берегу рѣки Вислы для новобранцевъ, гдѣ не разъ устраивалъ патріотическіе пикники съ участіемъ дамъ. Для поддержанія мужества войскъ тутъ произносились самые горячіе тосты за отечество, для которыхъ требовалось изрядное количество вина. Наконецъ въ разгаръ воинственнаго подъема король объявилъ было, что онъ острижетъ свои кудри, чтобы придать себѣ болѣе солдатскій видъ, но на такую жертву у него не хватило духа. Онъ предпочелъ вступить въ переговоры съ Екатериной. Отвѣтъ ея былъ кратокъ. Императрица надѣялась, что король безотлагательно уступитъ Тарговицкой конфедераціи, которая стремится возстановить вольности, гарантированныя договоромъ съ Россіей.

Станиславъ заперся въ своихъ частныхъ аппартаментахъ и погрузился въ чтеніе Плутарха, ища утѣшенія и мужества въ судьбѣ античныхъ героевъ. Во дворцѣ царило смятеніе. Супруга короля пани Грабовская, его сестра пани Краковская, его племянница пани Тышкевичъ умоляли короля спасти ихъ отъ нищеты, покориться императрицѣ и какъ можно скорѣе примириться съ главою Тарговицкой конфедераціи, Феликсомъ Потоцкимъ. Король рѣшилъ созвать на совѣтъ высшихъ чиновъ государства. Прочитавъ имъ русскій ультиматумъ, Станиславъ объявилъ, что вооруженное сопротивленіе невозможно и что онъ принимаетъ требованія конфедератовъ. Творецъ конституціи 3 мая, Коллонтай, первый поспѣшилъ отъ нея отречься. Литовскій канцлеръ Іоахимъ Хрептовичъ

робко присоединился къ нему. Напрасно Игнатій Потоцкій старался поднять духъ соотечественниковъ, напрасно грозилъ онъ королю судомъ потомства—воинственность окончательно покинула Станислава.

Событія стали развертываться съ неудержимой быстротой.

5 августа 1792 г. одна изъ русскихъ колоннъ вступила въ Варшаву и расположилась въ лагерѣ подъ Прагой. Игнатій Потоцкій, Коллонтай и ихъ единомышленники бѣжали въ Дрезденъ и Лейпцигъ. Предполагавшійся главнокомандующій не существовавшей польской арміи Іосифъ Понятовскій уѣхалъ въ свой вѣнскій дворецъ. Сопротивляться было некому, и 12-го Булгаковъ давалъ въ Варшавѣ большой банкетъ, на который было приглашено свыше 100 человѣкъ, а 19-го состоялось во дворцѣ представленіе королю русскихъ офицеровъ.

Прошло пять мѣсяцевъ. Ходившіе уже раньше слухи о готовящемся новомъ раздѣлѣ Польши стали крѣпнуть и въ январѣ слѣдующаго года получили полное подтвержденіе. 16 января прусскія войска вступили на польскую территорію, подъ предлогомъ подавленія ученія французскихъ якобинцевъ, будто бы распространяемаго изъ Варшавы. Генералу Меллендорфу поручено было оберегать восточную границу Пруссіи отъ всякихъ лжеученій и поддерживать въ Польшѣ людей «благонамѣренныхъ». Съ этою цѣлью пруссаки черезъ четыре дня послѣ вторженія заняли Торнъ, а мѣсяцъ спустя овладѣли и Данцигомъ.

Королю было предложено созвать сеймъ въ Гроднѣ, который долженъ былъ разсмотрѣть и утвердить проектъ второго раздѣла Польши. Станиславъ рѣшительно протестовалъ и отказался покинуть Варшаву. Но графъ Сиверсъ, смѣнившій Булгакова, зналъ, чѣмъ дѣйствовать на Станислава. Онъ объявилъ ему, что если онъ поѣдетъ въ Гродно, императрица уплатитъ всѣ его долги, которые къ тому времени опять достигли почтенной цифры 7 милліоновъ. Станиславъ не могъ устоять противъ этого предложенія, и между двумя рядами русскихъ войскъ, охранявшихъ его отъ оскорбленій народа, двинулся на политическое самоубійство. Въ Гроднѣ онъ вдругъ объявилъ, что отрекается отъ престола. Сиверсъ былъ ошеломленъ такимъ неожиданнымъ шахматнымъ ходомъ короля, грозившимъ спутать весь задуманный планъ, но скоро успѣлъ отогнать отъ Станислава мысль объ отреченіи.

Въ виду русскихъ и прусскихъ штыковъ, кишѣвшихъ около Гродна, были произведены выборы въ сеймъ. Большинство мѣстъ досталось, разумѣется, людямъ, подходившимъ къ даннымъ обстоятельствамъ, но въ залъ вошло и нѣсколько горячихъ патріотовъ. Девять десятыхъ этихъ депутатовъ столовались у Сиверса и отъ него же получали по сотнѣ дукатовъ въ недѣлю на свои надобности. У него же на жалованьѣ былъ и королевскій секретарь Фризе и

разные агенты, въ родѣ monsieur Boscamp, который изумлялъ своими шпіонскими подвигами самого Сиверса.

Съ мая по сентябрь 1793 г. маленькій городокъ Гродно представлялъ довольно странное и пестрое зрѣлище. Онъ былъ переполненъ красивыми женщинами въ роскошныхъ, бьющихъ въ глаза туалетахъ, едва прикрывавшихъ ихъ наготу. Однѣ искали мужей среди русскихъ офицеровъ, другимъ нужны были деньги, широкимъ ручьемъ стекавшіяся сюда изъ Петербурга и Берлина. Игорные дома также переѣхали сюда изъ Варшавы и едва вмѣщали всѣхъ желающихъ попытать счастья за зеленымъ столомъ. Концертъ смѣнялся концертомъ, балы слѣдовали за балами—и среди этой веселой бе заботной суеты и треска фейерверковъ лишь немногіе понимали, что Польша кончаетъ свое историческое существованіе. Несчастный, разбитый годами и несчастіями, Станиславъ былъ жалокъ. Безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ всецѣло зависѣлъ въ матеріальномъ отношеніи отъ Сиверса, который давалъ ему по 3,000 дукатовъ въ недѣлю. Онъ замкнулся въ кругу немногочи ленныхъ своихъ друзей—преданныхъ ему женщинъ, секретаря итальянца Гиджотти, стараго камердинера Рикса и конюшаго Кицкаго, который служилъ ему посредникомъ между нимъ и группой польскихъ патріотовъ въ сеймѣ, прозванныхъ «Зилотами». Это, кажется, былъ единственный человѣкъ, умѣвшій хоть нѣсколько ободрить злосчастнаго короля.

17 іюня 1793 г., послѣ торжественнаго богослуженія, открылся послѣдній польскій сеймъ. Засѣданіе его происходило въ большомъ залѣ гродненскаго замка. На одномъ его концѣ былъ воздвигнутъ тронъ для короля и кресла для сенаторовъ, а противъ нихъ сидѣнья для депутатовъ. Галереи были предоставлены для публики. Предсѣдателемъ или маршаломъ сейма былъ избранъ нѣкій Станиславъ Билинскій, разорившійся игрокъ, послушный малѣйшему желанію Сиверса. Сейму прежде всего были предъявлены требованія Россіи и Пруссіи, но депутаты быстро нашлись въ своемъ отчаянномъ положеніи и, совершенно игнорируя Пруссію, предложили Россіи союзъ на такихъ условіяхъ, которыя превращали этотъ союзъ въ полную унію обоихъ славянскихъ государствъ. Къ сожалѣнію, было уже поздно. Изъ переписки канцлера Безбородка видно, что у ослабленной турецкими войнами Россіи не было ни средствъ, ни времени для войны съ Пруссіей, которая неминуемо должна была вспыхнуть, въ случаѣ отказа Россіи отъ дѣлежа польской территоріи. Передъ русскимъ правительствомъ явилась жестокая дилемма: или воевать съ Пруссіей, рисковать пораженіемъ и ждать, что пруссаки захватятъ большую часть Польши, или же повиноваться настояніямъ изъ Берлина и, обезопасивъ себя отъ новой тяжелой войны, участвовать въ общемъ неминуемомъ дѣлежѣ призрачнаго государства. Политика есть вещь жестокая, и Екатерина, конечно, должна была предпочесть послѣднее.

«Какая бы отвѣтственность ни падала на Екатерину за ея поведеніе,—говоритъ безпристрастный посторонній славянамъ историкъ:—все-таки оно вполнѣ извинительно въ сравненіи съ образомъ дѣйствій Фридриха-Вильгельма. Екатерина, по крайней мѣрѣ, принимала на себя весь рискъ за раздѣлъ, шла открыто на враговъ, противъ которыхъ имѣла зубъ. Фридрихъ-Вильгельмъ дѣйствовалъ сзади, являлся тогда, когда битва была уже кончена, и грабилъ союзника, котораго торжественно обѣщалъ защищать».

Поляки сами отлично понимали предательство пруссаковъ. Оппозиція въ сеймѣ противъ требованій Россіи была довольно слабая, но зато депутаты дружно сомкнулись противъ Пруссіи. Станиславъ обратился за помощью противъ нѣмцевъ къ Екатеринѣ. Сиверсъ дѣятельно его поддерживалъ, но, увы! было поздно. Екатерина боялась разрыва съ Берлиномъ.

17 августа трактатъ съ Россіей былъ принятъ.

— Я надѣюсь, что теперь императрица останется довольна,—сказалъ Станиславъ Сиверсу.—Я хотѣлъ бы поступить на русскую службу простымъ солдатомъ, только бы спасти Польшу отъ захвата Пруссіей.

Черезъ одиннадцать дней послѣ заключенія этого договора сейму были предъявлены прусскія требованія. Фридрихъ-Вильгельмъ грозилъ занять немедленно Краковъ и Сандомиръ, если они не будутъ приняты. Грубый тонъ прусской ноты—«словно онъ обращается къ рабамъ!» кричали депутаты—возмутилъ сеймъ. Въ залѣ поднялся шумъ, засѣданія были прерваны на два дня. Прусскій посланникъ Бухгольцъ потребовалъ отъ Сиверса самыхъ суровыхъ мѣръ для укрощенія оппозиціонныхъ депутатовъ.

2 сентября въ Гроднѣ явились два русскихъ батальона съ 4 пушками и расположились вокругъ зала засѣданій сейма. Коридоры были заняты часовыми. Солдаты были введены въ самую «избу», или залъ засѣданій, и ихъ начальникъ генералъ Рейтенфельсъ сѣлъ въ кресло, по лѣвую руку отъ короля. Депутатамъ было объявлено, что ихъ не выпустятъ, пока они не согласятся на требованія Пруссіи.

Съ прибытіемъ короля открылось засѣданіе сейма. «Зилоты» немедленно обратили его вниманіе на присутствіе въ залѣ «постороннихъ лицъ въ русскихъ мундирахъ». «Пока не удалятся посторонніе,—заявилъ маршалъ,—засѣданіе по закону не можетъ состояться». Извѣстили Сиверса. Тотъ распорядился вывести войска изъ зала, но настоялъ на разрѣшеніи генералу Рейтенфельсу оставаться на своемъ мѣстѣ. Сеймъ приступилъ къ обсужденію прусскихъ требованій. Внеся въ нихъ нѣкоторыя сокращенія, сеймъ передалъ проектъ Сиверсу для отсылки въ Берлинъ.

Несмотря на всѣ усилія русскаго посла склонить пруссаковъ къ уступкамъ, Фридрихъ-Вильгельмъ вычеркнулъ всѣ поправки,

внесенныя въ договоръ сеймомъ, и грозилъ немедленно занять восточную Польшу, если его требованія не будутъ исполнены полностью.

Разъ попавъ въ ложное положеніе, Россія волей-неволей должна была вытаскивать для Пруссіи каштаны изъ огня. Сравнительно немногіе знали закулисную игру Фридриха-Вильгельма. Россія же дѣйствовала на виду всей массы. Естественно, что ее-то и считали главною виновницею раздѣла Польши, на нее, а не на Пруссію, и обрушилась ненависть польскаго народа.

Второй раздѣлъ Польши былъ предрѣшенъ, и никакія рѣчи, никакіе сеймы не могли измѣнить исторической судьбы страны. Надо было кончать съ безполезно затянувшейся агоніей умирающаго польскаго государства.

22 сентября Сиверсъ приказалъ арестовать четверыхъ наиболѣе видныхъ депутатовъ оппозиціи и удалить ихъ изъ Гродна. Опять вокругъ сейма расположились русскіе батальоны, опять посылали къ Сиверсу съ просьбою освободить арестованныхъ депутатовъ. Графъ отвѣтилъ, что онъ можетъ это сдѣлать лишь тогда, когда сеймъ приметъ требованія Пруссіи. Панъ Рачинскій, депутатъ отъ Сандомира, предложилъ протестовать противъ требованій Берлина молчаніемъ. «Наше молчаніе,—сказалъ онъ,—будетъ краснорѣчивѣе безполезной оппозиціи». Сеймъ принялъ это предложеніе и онѣмѣлъ.

— Умоляю, ваше величество,—обратился генералъ Рейтенфельсъ къ королю,—прикажите прочесть прусскій протоколъ.

Станиславъ отвѣчалъ съ достоинствомъ, что если депутатамъ не даютъ говорить, что они думаютъ, то единственнымъ отвѣтомъ сейма будетъ молчаніе. Не зная, что дѣлать, Рейтенфельсъ помчался къ Сиверсу. Вернувшись, онъ объявилъ, что не выпуститъ изъ залы ни одного депутата, пока не будетъ подписанъ прусскій протоколъ. Отвѣтомъ было гробовое молчаніе. Пробило 3 часа ночи. Въ залъ принесли соломы для постелей депутатовъ. Рейтенфельсъ снова обратился къ королю, прося начать обсужденіе прусской ноты.

— Не въ моей власти заставить депутатовъ нарушить молчаніе,—отвѣчалъ Станиславъ.

Рейтенфельсъ въ раздумьи принялся ходить по залу, и его шаги гулко раздавались въ мертвой тишинѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я введу сюда моихъ гренадеръ, — сказалъ онъ наконецъ.

Раздался робкій голосъ маршала сейма Билинскаго. Онъ обѣщалъ поставить прусское требованіе на голоса.

— Принимаетъ ли сеймъ прусскій протоколъ?—спросилъ онъ.

Отвѣтомъ было молчаніе.

— Молчаніе—знакъ согласія. Слѣдовательно, протоколъ принятъ единогласно,—объявилъ Билинскій.

Король поспѣшилъ закрыть «нѣмой сеймъ».

Второй раздѣлъ Польши былъ совершенъ. Трагедія польскаго государства приближалась къ послѣднему акту. Отъ огромной когда-то славянской страны остались лишь жалкіе обрывки.

Возстаніе, поднятое Костюшкомъ, словно электрическій токъ, потрясло умирающій государственный организмъ Польши. Въ послѣдній разъ вспыхнулъ ея военный геній и ея звѣзда закатилась на политическомъ горизонтѣ Европы.

Остается сказать нѣсколько словъ о главномъ дѣйствующемъ лицѣ этой драмы погибшаго государства—ея злосчастномъ королѣ.

Послѣ усмиренія Суворовымъ возстанія Костюшка, Станиславу пришлось покинуть польскую столицу, которую ему уже не суждено было увидѣть снова (въ январѣ 1795 г.). Сначала онъ поселился въ Гроднѣ, гдѣ былъ порученъ попеченіямъ своего стараго знакомаго Репнина. Съ нимъ обращались въ высшей степени почтительно, какъ подобало его сану, и выдавали на содержаніе его небольшого двора 11 тысячъ дукатовъ.

Станиславъ весь отдался составленію своихъ мемуаровъ, чтенію и игрѣ на бильярдѣ.

23 ноября 1795 года онъ отрекся отъ престола. Произошелъ третій раздѣлъ, и государственное существованіе Польши кончилось. Отъ нея осталась лишь народность.

Екатерина вернула королю его частное имущество и совѣтовала ему провести остатокъ дней своихъ гдѣ-нибудь въ Италіи, которая могла удовлетворить его эстетическому вкусу. Но Станиславъ предпочиталъ оставаться въ Гроднѣ, увлекаясь на старости лѣтъ ботаникой. Смерть Екатерины искренно огорчила его. Ея преемникъ ласково звалъ Станислава въ Петербургъ. Здѣсь ему былъ отведенъ для жительства Мраморный дворецъ и назначена пенсія въ размѣрѣ 100 тысячъ дукатовъ въ годъ. Долги его были уплачены Россіей, Пруссіей и Австріей.

Императоръ Павелъ, въ сопровожденіи всего двора, первый сдѣлалъ визитъ бывшему королю и постарался окружить его всѣми удобствами и комфортомъ.

Станиславъ умеръ отъ апоплектическаго удара въ возрастѣ шестидесяти шести лѣтъ (февраль 1798 г.).

Узнавъ о постигшей его болѣзни, императоръ Павелъ поспѣшилъ прибыть въ Мраморный дворецъ и не отходилъ отъ него до послѣдняго его вздоха. Онъ устроилъ бывшему королю пышныя похороны и самъ ѣхалъ въ процессіи во главѣ своей лейбъ-гвардіи съ обнаженнымъ палашомъ. За гробомъ тянулась длинная вереница

высшихъ чиновъ государства въ полной парадной формѣ. Впереди его несли знамя съ изображеніемъ польскаго Бѣлаго Орла. По обѣимъ сторонамъ Невскаго проспекта отъ Мраморнаго дворца до католической церкви шпалерами стояли войска. Прахъ послѣдняго польскаго короля покоится въ русской столицѣ въ католической церкви на Невскомъ. По приказанію императора Павла надъ мѣстомъ его послѣдняго успокоенія были выставлены два штандарта—польскій и литовскій.

А. Михайловъ.

„ЖИВЫЕ ПОКОЙНИКИ".

I.

Что ни говорите, а у насъ всегда и вездѣ при помощи всесильнаго золота легко можно было обходить законъ,—произнесъ судебный слѣдователь Ласточкинъ, выслушавъ наши безконечныя жалобы на переживаемое Россiей безвременье:—только вы, господа, напрасно увѣряете меня, что нынѣшнее лихоимство, административный произволъ и всякаго рода несправедливости, отъ которыхъ больше всего страдаютъ бѣднѣйшiе классы, обусловливаются отсутствiемъ у насъ твердой власти.

— Пожалуй, что вы до нѣкоторой степени правы, Александръ Ивановичъ,—согласился съ нимъ сидѣвшiй тутъ же присяжный повѣренный Загорѣльскiй:—дѣйствительно, наше многострадальное отечество искони вѣковъ немало терпѣло отъ подобнаго недуга, причиной котораго былъ не столько характеръ высшихъ властей, сколько присущiя славянской натурѣ особенности и постоянныя несовершенства русскаго общегосударственнаго строя.

— Вотъ это самое и я имѣлъ въ виду!—съ воодушевленiемъ воскликнулъ Ласточкинъ, поднимаясь съ мѣста и направляясь къ столу, чтобы выпить стаканъ воды.—Возьмите для примѣра,—продолжалъ онъ,—хотя бы царствованiе такого монарха, какимъ былъ императоръ Николай I. Ужъ его ни въ коемъ случаѣ нельзя было, кажется, упрекать въ мягкости характера, а между тѣмъ при немъ-то и наблюдались у насъ грандiознѣйшiя хищенiя и поистинѣ фено-

менальные обходы закона. Кто, напримѣръ, изъ васъ не знаетъ необычайной исторіи гвардейскаго полковника Ш—ца, одного изъ видныхъ декабристовъ, осужденнаго съ прочими чуть ли не на вѣчную каторгу, но затѣмъ удачно избѣжавшаго жестокой кары закона и преспокойно дожившаго вѣкъ въ одномъ изъ своихъ южнорусскихъ имѣній...

— Да, да,—замѣтилъ находившійся среди насъ старичокъ-помѣщикъ Зерновъ,—случай этотъ прекрасно извѣстенъ всему нашему уѣзду, хотя и до сихъ поръ трудно понять, какимъ образомъ названный офицеръ умудрился на глазахъ начальства прожить еще около тридцати лѣтъ, считаясь по офиціальнымъ документамъ мертвецомъ.

— И не только прожилъ, но еще занимался обширнымъ хозяйствомъ!—присовокупилъ слѣдователь.

— Понятно, всему помогли деньги и обширныя связи Ш—ца въ столицѣ,—произнесъ Загорѣльскій.

— А вы слышали, что въ концѣ концовъ онъ получилъ даже помилованіе?—обратился ко всѣмъ намъ Ласточкинъ.

— Когда же это произошло?—спросилъ Зерновъ.

— Да незадолго до Крымской войны. Его родной братъ, занимавшій очень видный постъ въ одномъ изъ округовъ южно-русскихъ военныхъ поселеній, отличился со своими «уланами» на послѣднемъ смотру Николая Павловича въ Вознесенскѣ, и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, обратился къ императору съ просьбой о помилованіи брата, изложивъ предварительно государю обстоятельства, въ значительной степени смягчавшія вину мнимо-умершаго полковника.

— И что же, уважена была его просьба?

— Вполнѣ. Ш—цъ былъ помилованъ и поспѣшилъ оставить царство тѣней.

— Дѣйствительно, все это достойно удивленія,—замѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія Зерновъ, долгое время служившій раньше исправникомъ въ Юго-Западномъ краѣ и не разъ дѣлившійся съ нами своими интересными воспоминаніями:—однако мнѣ извѣстенъ еще болѣе изумительный случай загробнаго существованія на землѣ.

— Какой же это случай?—воскликнули мы всѣ единодушно.

— Да исторія съ польскимъ магнатомъ Б—скимъ, владѣльцемъ обширныхъ имѣній въ южной части Подольской губерніи.

— Пожалуйста, разскажите намъ ее, Павелъ Ивановичъ!—обратился къ Зернову судебный слѣдователь.

— О, ее слѣдуетъ разсказать,—поспѣшилъ отвѣтить словоохотливый старикъ, придвигаясь ближе къ слушателямъ и вынимая изъ портсигара папиросу.

— Произошелъ этотъ случай,—началъ онъ,—въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ и сопровождался боль-

шимъ шумомъ не только въ Юго-Западномъ краѣ, но даже и въ столицѣ. Дѣло было такъ. Названный выше Б—скій ѣхалъ какъ-то по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ въ Кіевъ. Кромѣ довольно многочисленнаго штата прислуги, его сопровождалъ отрядъ собственныхъ казаковъ, игравшихъ роль стражи путешествующаго магната. По дорогѣ Б—скому пришлось остановиться на ночлегъ въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, которые въ то отдаленное время играли очень большую роль въ глазахъ каждаго путешественника. Конечно, пріѣздъ извѣстнаго въ Подоліи богача-помѣщика, предъ которымъ благоговѣли не только «холопы», но всѣ уѣздныя и даже губернскія власти, представлялъ собою для еврея-хозяина постоялаго двора событіе чрезвычайной важности. Въ виду этого онъ обставилъ отдыхъ Б—скаго всѣми удобствами и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы его покой не былъ нарушенъ кѣмъ-либо изъ прислуги или вновь пріѣзжающими лицами. Не успѣлъ, однако, нашъ магнатъ поужинать и улечься въ постель, отдавъ соотвѣтствующее распоряженіе относительно завтрашняго отъѣзда въ дальнѣйшій путь, какъ на тотъ же постоялый дворъ прибыли два молодыхъ поручика, ѣхавшихъ куда-то изъ Петербурга по особо важному порученію въ качествѣ курьеровъ. Принадлежа, повидимому, къ такъ называемой столичной «золотой молодежи», они тоже потребовали себѣ отъ владѣльца двора особеннаго почета и самыхъ лучшихъ комнатъ для отдыха. Еврей, конечно, по мѣрѣ возможности, удовлетворилъ требованіе курьеровъ, уступивъ имъ даже собственную спальню, находившуюся рядомъ съ помѣщеніемъ Б—скаго. Въ виду же этого послѣдняго обстоятельства хозяинъ постоялаго двора счелъ своею обязанностью предупредить офицеровъ относительно того, что по сосѣдству съ ними остановился извѣстный польскій магнатъ.

— Да наплевать намъ на твоего «пана»!—отвѣчалъ одинъ изъ курьеровъ.—Мы ѣдемъ по высочайшему повелѣнію и на какихъ бы то ни было польскихъ самодуровъ не станемъ обращать вниманія!

— Какъ вамъ угодно, ясновельможные паны,—замѣтилъ съ почтительнымъ поклономъ еврей:—но я бы все-таки совѣтовалъ вамъ вести себя поосторожнѣе во избѣжаніе какой-нибудь непріятности...

— Это для кого же—для тебя или для твоего поляка?—спросилъ другой офицеръ.

— Разумѣется, для васъ,—отвѣчалъ тѣмъ же тономъ содержатель постоялаго двора.

— О, въ такомъ случаѣ, Янкель или Сруль, ты можешь быть вполнѣ спокоенъ за насъ: непріятность ожидаетъ въ данномъ случаѣ только кого-нибудь изъ васъ двухъ!—воскликнулъ, громко расхохотавшись, тотъ же поручикъ. А пока что,—продолжалъ онъ,—ты постарайся-ка доставить намъ сюда лучшаго вина и готовь хорошій ужинъ...

Еврей поспѣшилъ исполнить это приказаніе.

Не прошло и четверти часа, какъ въ занятой офицерами комнатѣ началась веселая пирушка, сопровождаемая самымъ откровеннымъ смѣхомъ курьеровъ, звономъ посуды, хлопаньемъ пробокъ и громкимъ разговоромъ веселыхъ поручиковъ. Когда до слуха задремавшаго уже Б—скаго достигъ шумъ этой оргіи, онъ прежде всего позвалъ къ себѣ хозяина гостиницы и спросилъ его о причинѣ подобнаго безпорядка. Узнавъ же, что въ качествѣ его сосѣдей оказались русскіе офицеры, магнатъ послѣ минутнаго размышленія отправилъ къ нимъ прежде всего своего камердинера Яна съ просьбой прекратить громкіе разговоры. Войдя въ комнату поручиковъ, слуга Б—скаго буквально передалъ имъ слова своего барина.

— Что такое? Твой панъ не желаетъ слушать нашихъ разговоровъ?—накинулись на камердинера оба курьера.—Да какъ ты смѣлъ, холопская твоя морда, передавать нами такія слова?—присовокупилъ одинъ изъ офицеровъ, а другой, поднявшись со стула и подойдя къ стоявшему въ почтительной позѣ среди комнаты Яну, отвѣсилъ ему такую полновѣсную пощечину, что бѣдняга едва удержался на ногахъ.—Сейчасъ же возвращайся, негодяй, къ своему идіоту-барину и передай ему, что онъ—дуракъ, и что мы оба начхать хотѣли на его глупую просьбу!—крикнулъ дикимъ голосомъ сидѣвшій за столомъ поручикъ...

Бѣдняга-камердинеръ съ быстротою молніи выскочилъ изъ комнаты и, очутившись передъ лицомъ своего помѣщика, сообщилъ ему обо всемъ случившемся, не забывъ, разумѣется, съ надлежащей точностью передать и высказанные офицерами по адресу Б—скаго комплименты. Трудно описать то бѣшенство, которое охватило магната послѣ оклада слуги.

— Ахъ, ты, «пся кревь»,—заревѣлъ онъ громовымъ голосомъ на камердинера, треснувъ его по головѣ длиннымъ вишневымъ чубукомъ:—какъ ты осмѣлился произносить предо мною эти мерзкія слова москалей? Сію же минуту возвращайся обратно къ нимъ и передай, что я уже *приказываю* этимъ господамъ замолчать! Въ противномъ случаѣ, я поговорю съ ними на другомъ языкѣ!..

Очутившійся между двухъ огней Янъ, помянувъ царя Давида и всю кротость его, отправился вновь къ храбрымъ воинамъ, которые были уже, какъ говорится, «на послѣднемъ взводѣ». Не успѣлъ онъ передать курьерамъ слова Б—скаго, какъ они, разразившись гомерическимъ хохотомъ, бросились на камердинера съ такою энергіей и рѣшительностью, что онъ еле-еле успѣлъ выскользнуть изъ комнаты, отдѣлавшись лишь незначительными контузіями, и, словно пуля, влетѣлъ къ своему господину... На этотъ разъ магнатъ не сдѣлалъ уже Яну никакого замѣченія, а только лаконически произнесъ:

— А позови-ка мнѣ сюда «хорунжаго» Турчиньскаго вмѣстѣ съ пятью казаками...

— Слушаю, ясновельможный пане!—отвѣтилъ подобострастно слуга, направляясь къ двери.

Спустя нѣсколько минутъ, передъ Б—скимъ стояло уже пять добрыхъ молодцовъ и рослый дѣтина «хорунжій».

— Хлопцы,—обратился къ нимъ помѣщикъ,—возьмите свои нагайки и отправляйтесь за мною въ сосѣднюю комнату. Тамъ есть два москаля, которые ведутъ себя не совсѣмъ прилично: надо немножко поучить ихъ вѣжливости... Поняли?

— Поняли, ясновельможный пане!—отвѣтили зычными голосами казаки, причемъ изъ-подъ ихъ нависшихъ бровей сверкнули глаза, выразившіе плохо скрытую радость.

Между тѣмъ ничего не подозрѣвавшіе курьеры съ прежнимъ шумомъ беззаботно пировали въ своей комнатѣ. Тѣмъ болѣе велико было ихъ изумленіе, когда внезапно, словно изъ-подъ земли, предъ ними очутился самъ Б—скій съ толпою казаковъ.

— Извините, г.г. офицеры, что я нарушаю вашу пирушку,—обратился къ нимъ магнатъ:—но мнѣ бы хотѣлось дать вамъ урокъ благовоспитанности. Эй,—крикнулъ онъ своимъ охранителямъ,—всыпьте-ка по сотнѣ плетей каждому изъ этихъ пановъ, пусть въ другой разъ съ большимъ уваженіемъ относятся къ просьбамъ благородныхъ путешественниковъ!..

Курьеры попробовали было оказать сопротивленіе, схватившись за свои сабли, но, разумѣется, попытка ихъ въ этомъ отношеніи не имѣла успѣха по многимъ причинамъ... Еще мигъ,—и ужасная экзекуція стала совершившимся фактомъ... Приставивъ послѣ этого къ дверямъ поручиковъ двухъ сторожей до утра, Б—скій возвратился въ свою комнату и остальную часть ночи спалъ уже спокойно. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, тронулся дальше, не забывъ, разумѣется, освободить изъ-подъ ареста злополучныхъ курьеровъ.

II.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ этого необычайнаго случая, какъ въ Р—ковѣ появился жандармскій офицеръ, которому было поручено произвести строжайшее разслѣдованіе исторіи Б—скаго съ петербургскими курьерами на постояломъ дворѣ. Конечно, описываемый магнатъ и не думалъ отрицать факта экзекуціи поручиковъ; но въ то же время принялъ всѣ мѣры къ устраненію надвигающейся на него кары закона; однако дѣло его начинало принимать весьма серьезный оборотъ, угрожая ему многолѣтней каторгой. Воспользовавшись тѣмъ, что слѣдователь, покончивъ свою работу, поѣхалъ еще съ докладомъ въ столицу, Б—скій поспѣшилъ уѣхать въ Подольскъ за совѣтомъ къ знакомому губернатору и высшимъ судебнымъ властямъ. Къ сожалѣнію, и тамъ ему

не могли сообщить ничего мало-мальски утѣшительнаго, такъ какъ въ данномъ случаѣ вина помѣщика усугублялась тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ полякъ, а высѣченные имъ курьеры оказывались русскими офицерами. Императоръ же Николай I очень высоко ставилъ честь военнаго мундира. Неудивительно поэтому, что наиболѣе компетентные въ подобныхъ дѣлахъ люди совѣтовали Б—скому немедленно уѣзжать за границу, пользуясь тѣмъ, что при тогдашнихъ путяхъ сообщенія распоряженіе объ арестѣ его можетъ прійти не раньше мѣсяца. Надо ли говорить, что Б—скому очень и очень не хотѣлось разставаться со своими чудными «маетностями» и лишаться всѣхъ тѣхъ благъ, какими онъ пользовался въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Подольской губерніи. Желая болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшить столь головоломную задачу, Б—скій отправился за совѣтомъ къ одному изъ самыхъ мудрыхъ представителей губернской юстиціи. На этотъ разъ его поѣздка увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ, такъ какъ магнатъ, возвратившись домой, немедленно сообщилъ своей женѣ, что дѣло его улажено въ довольно благопріятномъ смыслѣ, только надо еще переговорить конфиденціально кое-о-чемъ съ мѣстнымъ ксендзомъ. Результатомъ вечерняго совѣщанія съ этимъ послѣднимъ была прежде всего серьезная болѣзнь Б—скаго. Извѣстіе объ этомъ быстро распространилось по всей окрестности, чему немало, конечно, способствовало и появленіе въ усадьбѣ одного изъ лучшихъ кіевскихъ врачей, поставившаго весьма неутѣшительный діагнозъ болѣзни нашего магната. А такъ какъ Б—скій и раньше не отличался особеннымъ здоровьемъ, то и не удивительно, что слухамъ о его болѣзни повѣрили не только уѣздныя и губернскія власти, но даже и многіе изъ близкихъ ему людей, не посвященныхъ въ тайну задуманной мнимобольнымъ богачомъ противозаконной махинаціи. Да и трудно было не допустить возможность въ данномъ случаѣ серьезной болѣзни, принявъ во вниманіе внезапность разразившейся надъ головою Б—скаго незаурядной грозы.

Естественно поэтому, что когда изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе о немедленномъ арестѣ магната, то его до выздоровленія оставили въ покоѣ, отдавъ, конечно, подъ строжайшій надзоръ полиціи.

Спустя нѣкоторое время, у постели больного магната состоялся даже цѣлый консиліумъ изъ нѣсколькихъ медицинскихъ знаменитостей, единогласно пришедшихъ къ тому заключенію, что дни Б—скаго уже сочтены. Въ виду этого обстоятельства было рѣшено предупредить наслѣдниковъ помѣщика и пригласить къ умирающему священника. Одновременно съ этимъ магнатъ не забылъ составить духовное завѣщаніе. Однимъ словомъ, все было сдѣлано такъ, какъ того требовала тяжкая болѣзнь Б—скаго. По окончаніи всѣхъ перечисленныхъ церемоній, въ народѣ, среди род-

ственниковъ и обширной дворни больного укрѣпилось убѣжденіе въ близкой его кончинѣ. И дѣйствительно, какъ сообщалъ находившійся при Б—скомъ врачъ, состояніе больного съ каждымъ днемъ ухудшалось. Въ усадьбѣ замѣтны уже были приготовленія къ погребенію умирающаго помѣщика. Наконецъ въ одинъ прекрасный осенній вечеръ печальный звонъ церковнаго колокола извѣстилъ обывателей Р—ва о томъ, что давно ожидаемое событіе совершилось: Б—скій умеръ...

На слѣдующій день тѣло почившаго магната было перенесено съ большою торжественностью въ костелъ, гдѣ въ присутствіи всѣхъ родственниковъ, уѣздныхъ властей и массы народа состоялась панихида. Еще большей помпой были обставлены похороны. Поминки же по немъ остались надолго въ памяти мѣстныхъ крестьянъ и многочисленной дворни Б—скаго, который, впрочемъ, и при жизни пользовался немалыми симпатіями со стороны своихъ крѣпостныхъ.

Вообще мистификація со смертью и погребеніемъ Б—скаго была такъ удачна, что большая часть его родственниковъ, все населеніе принадлежавшихъ ему имѣній и мѣстныя власти были глубоко убѣждены въ несомнѣнномъ переселеніи Б—скаго въ царство тѣней. А для того, чтобы вѣра въ наличности подобнаго факта еще болѣе укрѣпилась, чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти магната было вскрыто составленное имъ духовное завѣщаніе и произведенъ законный раздѣлъ имѣній между его наслѣдниками.

Смерть Б—скаго была, разумѣется, засвидѣтельствована надлежащимъ образомъ соотвѣтствующей администраціей, слѣдствіемъ чего явилось то, что преступленіе его было предано волѣ Божьей...

— А гдѣ же во время своихъ похоронъ находился самъ-то покойникъ?—спросилъ судебный слѣдователь разсказчика, воспользовавшись его остановкой.

— Гдѣ? Ну, для этого у него подъ замкомъ оказывалось немало укромныхъ уголковъ съ тайными ходами и выходами, которые были устроены его предками еще во времена пресловутой «гайдамачины».

— Но, позвольте,—прервалъ Зернова одинъ изъ слушателей:—кого же въ такомъ случаѣ отпѣвали въ церкви и опустили затѣмъ въ могилу?

— Да рѣшительно никого!—отвѣчалъ, улыбаясь, старикъ.

— Однако въ гробу находился же какой-то трупъ?

— Конечно, находился.

— Что же это за фокусъ былъ?—спросилъ судебный слѣдователь, никакъ не могшій проникнуть въ сущность этой замысловатой тайны.

— Фокусъ самый обыкновенный,—отвѣчалъ разсказчикъ:—незадолго до мнимой смерти Б—скаго къ нему былъ приглашенъ скульпторъ, который, за изрядную, разумѣется, плату, вылѣпилъ

изъ гипса или какого-то другого матеріала бюстъ «умирающаго» магната, придавъ ему видъ мертвеца. Вотъ это-то «произведеніе изящнаго искусства» и лежало въ гробу во время отпѣванія покойника, а затѣмъ было опущено и въ могилу.

— Ловко!—воскликнулъ при этомъ Загорѣльскій.

— М-да, недурно,—согласился съ нимъ Ласточкинъ, глубоко затягиваясь папиросой.—А что же было дальше съ этимъ живымъ покойникомъ?—спросилъ онъ замолчавшаго Зернова.

— Дальше? Дальше, конечно, началась уже загробная жизнь пана Б—скаго. Понятно, для всѣхъ своихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ родственниковъ магнатъ еще долго считался въ числѣ дѣйствительно умершихъ людей; что же касается дѣтей, жены и коекого изъ болѣе преданныхъ домочадцевъ, то для нихъ онъ воскресъ на другой же день послѣ погребенія. На первыхъ порахъ онъ жилъ въ одномъ изъ своихъ довольно комфортабельно обставленныхъ подземелій, какъ бы въ одиночномъ заключеніи, пользуясь услугами только преданнѣйшаго камердинера Станислава. Когда же, спустя нѣсколько лѣтъ, въ памяти народа и властей воспоминаніе о преступленіи Б—скаго въ значительной степени потускнѣло, то нашъ живой мертвецъ сталъ отъ времени до времени появляться и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей усадьбы, что не замедлило, конечно, повлечь за собою возникновеніе въ народѣ легенды о томъ, что покойный панъ началъ выходить изъ могилы не только по ночамъ, но даже и днемъ. Подобнымъ разсказамъ трудно было не вѣрить, такъ какъ среди мѣстныхъ крестьянъ оказывалось немало и такихъ субъектовъ, которые «собственными глазами видѣли», какъ духъ покойнаго Б—скаго прогуливался по аллеямъ парка или въ прилегающихъ къ барскому дому цвѣтникахъ. Надо ли говорить, что подобныя легенды о «выходцѣ съ того свѣта» какъ нельзя лучше маскировали дѣйствительное существованіе магната въ его имѣніи. Правда, всѣмъ болѣе благоразумнымъ обывателямъ, не принадлежавшимъ къ числу мистиковъ, нѣсколько страннымъ казалось то обстоятельство, что, несмотря на состоявшійся раздѣлъ его помѣстій между наслѣдниками, фактически они все-таки представляли собой попрежнему одно цѣлое; даже въ хозяйствѣ не было замѣтно никакой существенной перемѣны; однако послѣдній фактъ объяснялся отчасти молодостью многихъ наслѣдниковъ, а отчасти ихъ дружественными отношеніями. Нельзя, понятно, отрицать и того, что мирному пребыванію на землѣ «загробнаго обитателя» немало еще способствовала и рѣдкая солидарность туземнаго польскаго населенія, ревностно оберегавшаго всякую частную и національную тайну отъ ненавистныхъ «москалей». Это хорошо понималъ Б—скій и, пользуясь положеніемъ давно умершаго человѣка, уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ сталъ безбоязненно совершать поѣздки даже за

границу; позднѣе же онъ не стѣснялся навѣщать и нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ сосѣдей. Такимъ образомъ «живой покойникъ» просуществовалъ на землѣ еще около двадцати пяти лѣтъ и умеръ въ 1863 году, въ самый разгаръ политическаго движенія въ Польшѣ. Естественно, что въ тотъ моментъ русскимъ властямъ было не до воскресшаго магната. Родственники же показали, что умеръ братъ Б—скаго, ушедшій за границу послѣ мятежа 1831 года и проживавшій до послѣдняго времени гдѣ-то въ Италіи и Швейцаріи.

III.

— Да,—замѣтилъ по окончаніи разсказа судебный слѣдователь,—подобныхъ случаевъ дѣйствительно было немало на нашей матушкѣ Руси въ доброе старое время; однако справедливость требуетъ сказать здѣсь, что не всегда удавалось и богачамъ обходить подобнымъ образомъ законъ. Мнѣ, напримѣръ, извѣстенъ случай, когда помѣщикъ нашего района К—скій, будучи обличенъ въ невѣроятно жестокомъ обращеніи со своими крѣпостными, не могъ избѣжать заслуженной кары даже за огромныя деньги.

— Значитъ, онъ встрѣтилъ на своемъ пути неподкупныхъ людей?—спросилъ Загорѣльскій.

— Вотъ именно въ этомъ-то и вся суть.

— А интересно узнать подробности столь оригинальнаго случая?—обратился къ Ласточкину бывшій исправникъ.

— Съ удовольствіемъ сообщу вамъ ихъ,—предупредительно отвѣтилъ слѣдователь.—Надобно вамъ знать,—началъ онъ:—что слухи о феноменальныхъ экзекуціяхъ и даже объ ужаснѣйшихъ пыткахъ крестьянъ въ имѣніи К—скаго и раньше неоднократно доходили до начальства; однако при малѣйшихъ попыткахъ разслѣдовать какое-либо изъ этихъ преступленій дѣло оканчивалось ничѣмъ, частью по причинѣ паническаго страха предъ помѣщикомъ самихъ пострадавшихъ, а частью—вслѣдствіе того, что всѣ ближайшія къ нему судебныя и административныя власти давно были подкуплены имъ. Наибольшею жестокостью въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ К—скій отличался въ послѣдніе годы существованія у насъ позорнаго рабства. Въ концѣ концовъ дѣло дошло уже до того, что онъ сталъ живьемъ закапывать въ землю тѣхъ крестьянъ, которые позволяли себѣ громко бесѣдовать о предстоящей свободѣ.

— Пусть негодяи насладятся «волей» прежде въ могилѣ!—говорилъ онъ, осуждая несчастныхъ людей на подобную муку.

Когда такому страшному наказанію были однажды подвергнуты сыновья двухъ зажиточныхъ крестьянъ, то одинъ изъ отцовъ, бро-

сивъ на произволъ судьбы свою семью и хозяйство, отправился въ губернскій городъ искать правды и защиты у высшаго начальства.

На этотъ разъ, частью благодаря «новымъ вѣяніямъ», а частью вслѣдствіе черезчуръ ужъ откровеннаго образа дѣйствій самого инквизитора-помѣщика, дѣло о погребенныхъ заживо крестьянахъ приняло совсѣмъ иное направленіе. Не прошло и мѣсяца послѣ описываемаго случая, какъ въ имѣніе К—скаго прибыла особо назначенная губернаторомъ слѣдственная комиссія. Сверхъ обыкновенія, пріѣхавшія власти остановились не въ усадьбѣ помѣщика, а въ мѣстномъ волостномъ правленіи, куда и потребованы были для допроса всѣ лица, прикосновенныя къ этому криминальному дѣлу.

Несмотря на столь дурныя предзнаменованія, К—скій отнюдь не падалъ духомъ, надѣясь и на этотъ разъ звономъ золота заглушить голосъ справедливости. Съ этою цѣлью онъ, узнавъ, что комиссія приступила уже къ разслѣдованію его преступленія, вложилъ въ конвертъ около 10,000 рублей и вручилъ его своему лакею со словами:

— Сейчасъ же отправляйся въ волостное правленіе и передай этотъ пакетъ въ собственныя руки предсѣдателя комиссіи. Смотри же, непремѣнно въ собственныя руки!

— Слушаюсь!—отвѣчалъ слуга, отлично понявшій, что за «бумаги» заключаются въ отправляемомъ конвертѣ, такъ какъ ему не разъ уже приходилось имѣть дѣло съ подобнаго рода «корреспонденціей».

Представьте же себѣ весь ужасъ и безпредѣльное изумленіе К—скаго, когда чрезъ полчаса лакей принесъ ему обратно распечатанный пакетъ со всѣми деньгами.

— Что же тебѣ сказалъ предсѣдатель комиссіи, получивъ мое письмо?—обратился къ своему слугѣ послѣ довольно продолжительнаго молчанія К—скій.

— Приказалъ кланяться вамъ и благодарить.

— А больше ничего не прибавилъ?

— Нѣтъ, баринъ, прибавилъ,—отвѣчалъ съ плохо скрываемой улыбкой лакей.

— Что же онъ еще сказалъ?—спросилъ дрогнувшимъ голосомъ помѣщикъ.

— Сказалъ, что теперь, баринъ, не тѣ времена, когда человѣческая кровь цѣнилась дешевле золота.

— Ага,—произнесъ К—скій, смотря какими-то странными глазами на лакея.—Можешь итти, Андрей!—прибавилъ онъ, кладя на ближайшій столъ бывшій у него въ рукахъ пакетъ съ деньгами и опускаясь въ глубокое кресло.

Въ первый разъ за всю свою шестидесятилѣтнюю жизнь извергъ-помѣщикъ серьезно задумался надъ своимъ прошлымъ, ознамс-

новавшимся безпримѣрными и многочисленными жестокостями въ отношеніи принадлежавшихъ ему рабовъ. И рядъ мрачныхъ, кровавыхъ картинъ развернулся передъ его умственнымъ взоромъ, вызывая въ памяти мельчайшія подробности, сопровождавшія каждое инквизиціонное дѣяніе К—скаго на конюшнѣ или въ своеобразныхъ барскихъ застѣнкахъ крѣпостной эпохи. Одинъ за другимъ припоминались ему засѣченные старики и парни, изувѣченныя женщины и погибшіе въ подземельѣ голодной смертью тѣ изъ крестьянъ, которые осмѣливались жаловаться властямъ на своего барина. Вопли истязуемыхъ, предсмертные хрипы убиваемыхъ, потоки человѣческой крови и слезъ проносились въ воспаленномъ воображеніи помѣщика съ такою ясностью и потрясающимъ реализмомъ, что его душу охватилъ невыразимый ужасъ, пахнувшій на него страшнымъ холодомъ могилы и вѣчныхъ мукъ. К—скій почувствовалъ, что часъ суда Божія, часъ справедливаго возмездія приближается. Въ то же время онъ сознавалъ, что его ожидаетъ еще судъ человѣческій, за которымъ послѣдуютъ всевозможныя лишенія, страданія и позоръ, позоръ—безъ конца.

— Все кончено! Выхода никакого!—произнесъ онъ про себя.— Ожидать ли надвигающейся на меня кары закона, или же, презрѣвъ ее, найти болѣе благородный выходъ изъ этого тяжелаго положенія?

Въ эту минуту дверь тихо отворилась, и на порогѣ ея появился Андрей.

— Что тебѣ надо?—обратился къ нему К—скій.

— Изволили, кажется, меня звать?—въ свою очередь, спросилъ почтительнымъ тономъ лакей.

— Нѣтъ, ничего. Уходи!

Андрей безшумно вышелъ изъ комнаты, окинувъ барина подозрительнымъ взглядомъ. А К—скій погрузился въ прежнія думы. Разгоряченный мозгъ его усиленно работалъ надъ разрѣшеніемъ дилеммы: отдаться ли въ руки правосудія, или открыть себѣ дверь вѣчности? Послѣднее было, конечно, лучше, по ненасытная жажда жизни еще оказывалась весьма сильной въ сердцѣ помѣщика. Онъ неожиданно для самого себя вновь сталъ изыскивать способы избѣжать правосудія и бѣжать за границу. К—скій опять начиналъ вѣрить въ непреодолимую силу «презрѣннаго металла» и уже рѣшался принять мѣры къ немедленному выѣзду изъ имѣнія; но въ эту минуту дверь кабинета снова отворилась, и вошедшій лакей произнесъ:

— Баринъ, изъ «волости» пришелъ сотскій съ десятскимъ?

— А что имъ отъ меня нужно?—спросилъ дрогнувшимъ голосомъ помѣщикъ.

— Комиссія проситъ васъ пожаловать въ правленіе на допросъ по извѣстному вамъ дѣлу...

— Вотъ оно что!—протянулъ озадаченный этимъ сообщеніемъ К—скій.—Ну, что жъ, скажи имъ, что я сейчасъ выйду.

Слуга удалился.

— Итакъ, свершилось! Уже поздно, все кончено!—прошепталъ К—скій, вставая съ кресла и направляясь невѣрной походкой къ висѣвшему на противоположной стѣнѣ разнообразному оружію. Пусть судятъ мой трупъ,—прибавилъ онъ, снимая одну изъ великолѣпныхъ двустволокъ и внимательно осматривая заложенные въ нее патроны. Найдя все въ исправности, помѣщикъ приложилъ смертоносныя дула ружья ко рту и нажалъ пальцемъ собачку. Грянулъ оглушительный выстрѣлъ, и тѣло К—скаго тяжело рухнуло на разостланный въ кабинетѣ роскошный персидскій коверъ.

Первымъ на звукъ выстрѣла прибѣжалъ находившійся въ сосѣдней комнатѣ лакей. Глазамъ его представилась ужасная картина: смертельно раненый, съ изуродованнымъ до неузнаваемости и залитымъ кровью лицомъ катался по полу К—скій, издавая страшные стоны. Оказалось, что выстрѣлъ былъ не совсѣмъ удаченъ, благодаря чему у раненаго самоубійцы вспыхнула опять жажда жизни, и онъ, увидя вошедшаго слугу, сталъ жестами и захлебывающимся страшнымъ голосомъ просить его о помощи. Андрей, придя въ себя и сообразивъ, что надо его барину, опрометью бросился къ дверямъ, не позабывъ захватить съ собою лежавшій на столѣ конвертъ съ деньгами.

Несмотря, однако, на скорое прибытіе ближайшаго врача, часы К—скаго были уже сочтены. Къ вечеру того же дня онъ скончался, напутствуемый всеобщимъ ликованіемъ подвластнаго ему народа, поминавшаго умершаго «пана» очень и очень недобрыми словами.

На другой же день слѣдственная комиссія, покончивъ съ допросомъ многочисленныхъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями послѣдняго преступленія К—скаго, распорядилась открыть могилу заживо погребенныхъ крестьянъ. Въ присутствіи мѣстнаго церковнаго причта и огромной толпы народа власти приступили къ этой ужасной работѣ. Быстро замелькали находившіяся въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ желѣзныя лопаты и не болѣе, какъ черезъ четверть часа, предъ оцѣпенѣвшей и безмолвной толпой очутились два человѣческихъ трупа, скованные цѣпью другъ съ другомъ и со страшно искаженными предсмертной мукой лицами.

— Болѣе жестокой казни не могла бы придумать и средневѣковая инквизиція!—произнесъ при гробовомъ молчаніи присутствовавшихъ одинъ изъ членовъ комиссіи.

— Да, вы совершенно правы,—отвѣчалъ предсѣдатель ея:—и только приходится крѣпко пожалѣть о томъ, что судъ Божій избавилъ этого изверга отъ суда человѣческаго!

Разсказчикъ умолкъ, а мы долго еще молчали, находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ слышанныхъ исторій и мысленно

благословляя судьбу за то, что подобные ужасы «добраго стараго времени» уже давно отошли въ область преданій. Кто-то изъ насъ даже вслухъ высказалъ эту мысль, на что присяжный повѣренный замѣтилъ многозначительно:

— А все-таки человѣчество, забывъ великіе завѣты Евангелія, топчется попрежнему на одномъ мѣстѣ.

— Какъ это—на одномъ мѣстѣ?—спросилъ судебный слѣдователь.

— Да очень просто: взамѣнъ прежнихъ ужасовъ возникли теперь новые и притомъ болѣе всеобъемлющіе и грандіозные.

— Пожалуй, вы вполнѣ правы,—замѣтилъ сидѣвшій долгое время молча Зерновъ:—въ особенности, если принять во вниманіе бушующую въ данный моментъ по всему земному шару борьбу труда съ капиталомъ и абсолютизма съ демократическими идеями.

— Да, нельзя отрицать той истины, что ближайшее будущее человѣчества чревато самыми страшными катаклизмами соціально-экономическаго характера!—закончилъ Ласточкинъ.

Д. В. Өедоровъ.

„НЕПРИЛИЧНАЯ“ КОМПАНІЯ.

(Очеркъ).

АРКАДІЙ Ивановичъ Нелидовъ, занимавшій съ 1811 г. по 1818 г. постъ курскаго губернатора, пользовался среди управляемаго имъ населенія губерніи рѣдкой популярностью.

По дошедшимъ до насъ разсказамъ объ его губернаторствѣ, Нелидовъ отличался простотою въ обращеніи и доступностью для всѣхъ, кто искалъ его защиты и покровительства. Съ одинаковымъ вниманіемъ выслушивалъ онъ, иногда на улицѣ, на ходу, просьбу какого-нибудь бѣдняка-мѣщанина и родовитаго помѣщика, серьезно вникалъ во всѣ ея мельчайшія подробности и затѣмъ уже не упускалъ просителя изъ виду, личнымъ вмѣшательствомъ охраняя его дѣло отъ канцелярской или судейской «волокиты».

Однажды Аркадію Ивановичу подалъ прошеніе мѣщанинъ Пожидаевъ на купца Панкова, захватившаго у просителя садъ способомъ, практикуемымъ и понынѣ: купецъ передвинулъ свои плетни на землю мѣщанина и такимъ образомъ увеличилъ свое владѣніе значительной площадью. Мѣщанинъ пожаловался въ земскій судъ; но купецъ «подарилъ» чиновнику, докладывавшему дѣло, два пуда меду и кадку муки—и судъ отказалъ истцу, признавъ его искъ «неосновательнымъ». Ободренный удачею, купецъ каждый годъ понемногу подвигалъ да подвигалъ плетни все дальше и дальше на сосѣдскую землю, пока не захватилъ весь садъ. Земскій судъ, можетъ быть, санкціонировалъ бы и этотъ захватъ, но мѣщанинъ, минуя его, рѣшился искать защиты у губернатора... А. И. лично занялся

негласнымъ пересмотромъ дѣла и вскорѣ убѣдился въ наличности злоупотребленія.

Чиновникъ, уличенный въ мздоимствѣ, былъ приглашенъ въ губернаторскій кабинетъ.

— Отдай человѣку, тобою разоренному,—приказалъ губернаторъ,—все, что онъ потратилъ на тяжбу по алчности твоей.

Чиновникъ сталъ предъ губернаторомъ на колѣни.

— Все отдамъ, ваше превосходительство, все отдамъ,—умолялъ растерявшійся взяточникъ:—не погубите! ради малыхъ дѣтокъ!

— Говори,—сурово приказалъ губернаторъ:—сколько ты взялъ съ купца?

Чиновникъ смутился.

— Говори правду!

Подумавъ немного, онъ сталъ отсчитывать по пальцамъ:

— Муки двѣ кадушечки... сукна десять аршинъ...

Когда, наконецъ, «счетъ взятокъ» былъ сведенъ, губернаторъ приказалъ возвратить «подарки», но—не купцу, а мѣщанину. Чиновникъ былъ удивленъ этимъ приказаніемъ чрезвычайно, однако исполнилъ его съ пунктуальной точностью. И когда мѣщанинъ, изумленный не менѣе чиновника, пришелъ къ губернатору и сказалъ, что «приказный привезъ возъ всякаго припасу, даетъ денегъ сто рублей» (на ассигнаціи) и что онъ, проситель, «опасается» принять «дары»,—Аркадій Ивановичъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Бери, добрый человѣкъ. Это убытки твои, кои понесъ ты на тяжбѣ съ купцомъ.

Кончилось дѣло тѣмъ, что чиновника отставили отъ должности, безъ преданія суду, садъ былъ возвращенъ законному владѣльцу, и, такимъ образомъ, правда восторжествовала надъ «кривдою».

Нелидовъ былъ ярымъ противникомъ угнетенія крѣпостныхъ людей ихъ помѣщиками. Благодаря вмѣшательству губернатора въ дѣла помѣщиковъ съ крѣпостными, многія крестьянскія семьи были спасены отъ плетей, отъ каторги, отъ бритья лба,—отъ унизительныхъ и тяжкихъ наказаній, которыми курскіе «плантаторы» мстили своимъ провинившимся предъ ними «рабамъ». Старики-крестьяне еще и теперь вспоминаютъ губернатора «справедливой души», какимъ былъ Нелидовъ, и разсказываютъ, какъ «отцы и дѣды ихъ, тайкомъ отъ своихъ господъ, служили молебны о здравіи болярина Аркадія».

Мнѣ пришлось слышать о гончарѣ, котораго жестоко избили помѣщикъ и его люди. Гончаръ ѣхалъ шляхомъ съ возомъ посуды, какъ вдругъ изъ-подъ горки неожиданно выѣхала коляска, мчавшаяся во весь духъ; гончаръ растерялся и не успѣлъ свернуть съ дороги... На несчастнаго посыпался градъ ударовъ... Барскіе холопы, по приказанію барина, избили мужика, подрубили гужи, обрѣзали по самую рѣпицу хвостъ у лошаденки, а возъ спихнули

въ оврагъ. Избитый крестьянинъ кое-какъ добрелъ до Курска, но, представъ предъ губернаторомъ, отъ обиды и испуга долго не могъ выговорить ни слова и—залился слезами.

— Что же ты, другъ мой, плачешь?—кротко спросилъ его губернаторъ, съ ужасомъ всматриваясь въ его лицо, потемнѣвшее отъ кровоподтековъ,—говори, не бойся!

— Горшки... охъ! горшки, господинъ губернаторъ!—съ отчаяніемъ простоналъ гончаръ.—Усе побили... Божечко же!.. и чѣмъ я буду кормиться?!

Гончаръ точно высчиталъ свои убытки, не пропустилъ ни одной копейки, но побоевъ, ужасныхъ побоевъ, отъ которыхъ ныло его тѣло, онъ коснулся лишь вскользь, какъ предмета второстепенной важности.

Аркадій Ивановичъ, пораженный равнодушіемъ крестьянина къ личному оскобренію, спросилъ его:

— Ты говоришь, тебя побили, а ты не жалуешься на побои?

— Вотъ какъ побили...—вздохнулъ гончаръ:—скажи, живого мѣста не оставили! Да, вѣдь, побои—не гроши [1]), ихъ не вернешь...

Губернаторъ изъ собственныхъ средствъ покрылъ его убытки сторицей, обѣщалъ наказать виновныхъ, но мужикъ вскорѣ умеръ, и неизвѣстно, были ли наказаны его обидчики...

Нелидовъ любилъ побесѣдовать съ умными купцами или мѣщанами, сближался съ ними, не дѣлая различія между богатыми и бѣдными; посѣщалъ именины, свадьбы, похороны, крестилъ дѣтей; особенно любилъ приглашенія на праздничный пирогъ. Множество жителей онъ зналъ не только въ лицо, но и по имени и по отчеству; зналъ, у кого выдающійся характеръ или оригинальный складъ ума, зналъ также о достаткахъ или недостаткахъ, о торговыхъ и хозяйственныхъ способностяхъ многихъ лицъ. Знакомство съ городскимъ населеніемъ, особенно сближеніе съ «третьимъ сословіемъ» имѣло для губернатора ту хорошую сторону, что помогало ему, за отсутствіемъ гласности, ближе и лучше узнать мѣстныя нужды; а также вводило его въ курсъ неимовѣрныхъ злоупотребленій чиновниковъ, которые, несмотря на прозорливость и «всезнайство» губернатора, все-таки ухитрялись надувать его.

Какъ администраторъ, Нелидовъ увлекался, какъ и вся передовая интеллигенція того времени, образцами западнаго судопроизводства, судомъ присяжныхъ, вообще—идеями западнаго правопорядка; читалъ Бентама, Монтескье, Руссо и другихъ писателей, бывшихъ тогда въ большой модѣ; между прочимъ, онъ стремился въ этомъ отношеніи кое-что сдѣлать и практически; пробуя провести правовыя идеи въ сознаніе чиновниковъ, въ огромномъ

---

[1]) Деньги.

большинствѣ невѣжественныхъ, корыстныхъ и падкихъ до взятокъ, но успѣха не имѣлъ...

Какъ личность недюжинная, Нелидовъ, несомнѣнно, понималъ, что со взяточничествомъ, какъ и со всякими общественными недугами, нельзя бороться однѣми идеями,—особенно при реакціонной политикѣ тогдашняго правительства [1]), въ странѣ поголовно неграмотнаго народа,—какъ нельзя было при этихъ условіяхъ бороться добрыми пожеланіями или суровыми репрессіями. Нужны были реформы, нужно было созданіе такихъ общихъ процессовъ или ихъ комбинацій, которыя, воздѣйствуя на цѣлыя массы населенія, могли бы, дѣйствительно, какъ рычагъ, повернуть общественную жизнь на прямую дорогу. Но этого рычага еще не было... Однако слухи о характерѣ оздоровляющихъ реформъ, какъ видно изъ бумагъ, хранящихся въ частныхъ фамильныхъ архивахъ, проникали и въ Курскъ, какъ отголоски кружковъ или масонскихъ ложъ, ставившихъ себѣ цѣлью, повидимому, не только индивидуальное совершенствованіе своихъ членовъ, но также и преобразованіе общества путемъ реформистскаго движенія...

Все это Нелидовъ зналъ; зналъ, что ему не одолѣть взяточничества, но боролся съ этимъ зломъ, не покладая рукъ.

Вниманіе Аркадія Ивановича сосредоточилось на борьбѣ съ злоупотребленіями, главнымъ образомъ въ земскихъ судахъ, гдѣ дѣла иногда рѣшались чиновниками второ- и третьестепенными по своему служебному положенію, потому что ихъ начальство, по барской лѣни и распущенности, унаслѣдованнымъ ими отъ крѣпостной эпохи, мало или даже вовсе сами не вникали въ дѣла и часто подписывали готовыя рѣшенія, составленныя подчиненными имъ чиновниками. Между тѣмъ эти подчиненные за свои рѣшенія брали мзду съ одной, а иногда и съ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Это были люди съ черствой душой; преступность общества, чужое несчастье для нихъ составляли лишь источники ихъ доходовъ, не болѣе. «У приказныхъ крестъ подъ пяту положенъ», говорили про судейскихъ въ народѣ. На правосудіе никто не могъ твердо разсчитывать: виновный за взятку выходилъ сухимъ изъ воды, правый же осуждался, подвергаясь иногда тяжкимъ наказаніямъ.

«Начальство», разумѣется, тоже было не изъ святыхъ...

До какой степени доходило взяточничество въ земскихъ судахъ Курской губерніи, можно судить по ходу знаменитаго процесса объ убійствѣ въ Льговскомъ уѣздѣ дворянки Алтуховой, длившемуся 12 лѣтъ, съ 1813 по конецъ 1824 года [2]). Послѣ пересмотра этого процесса въ особой комиссіи, образованной по повелѣнію

[1]) Низложеніе Сперанскаго и выступленіе «аракчеевщины».

[2]) Дѣла курскаго губернскаго архива за 1813—1824 гг. и «Дѣло объ убійствѣ дворянки Маріи Алтуховой». «Журналъ М-ва Юстиціи». Т. XIII, ч. II.

императора Александра Павловича, было установлено, что подсудимый дворянинъ Ширковъ истратилъ на подкупы чиновниковъ и свидѣтелей до 200 т. руб. ассигнаціями, и, благодаря подкупамъ, невинные были осуждены и отправлены на каторгу, а убійцы, въ томъ числѣ и Ширковъ, остались на свободѣ.

Нелидовъ гналъ взяточниковъ и замѣнялъ ихъ другими чиновниками; но и другіе часто оказывались не лучше... Заматерѣлые же взяточники, изучившіе въ совершенствѣ всѣ ходы-выходы, всѣ тонкости приказнаго ремесла, большею частью оставались на мѣстахъ. Какъ ловкіе казуисты, почуявъ въ Нелидовѣ опаснаго врага, они такъ искусно повели свою линію, что прицѣпиться къ нимъ, поймать ихъ было чрезвычайно трудно, въ чемъ Нелидовъ убѣдился, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно,—когда въ процессѣ Алтуховой, возникшемъ во время его губернаторства, оказались скомпрометированными нѣкоторые чиновники, относительно которыхъ онъ полагалъ, что они—порядочные люди. Злоупотребленія чиновниковъ и запутанность слѣдствія по алтуховскому дѣлу отчасти и послужили косвенной причиной его отставки...

Однако общественное мнѣніе, чуткое къ истинѣ, сразу оказалось на сторонѣ губернатора, и Аркадій Ивановичъ покинулъ Курскъ не какъ побѣжденный, а какъ побѣдитель.

Вѣсть объ отставкѣ Нелидова была встрѣчена жителями Курска съ чувствомъ величайшей скорби. У губернаторской резиденціи съ утра до вечера толпился народъ; одна за другой являлись депутаціи, чтобы выразить Аркадію Ивановичу симпатіи гражданъ, поднести хлѣбъ-соль. Губернаторъ, выходя къ народу, видѣлъ предъ собой море обнаженныхъ головъ.

— Отецъ нашъ,—молила толпа,—не покидай насъ!

Городская дума, между тѣмъ, постановила поднести Нелидову его портретъ «съ приличной надписью» и адресъ; кромѣ того, постановлено было имѣть его портретъ каждому жителю города, а также поставить его въ городской думѣ и въ залѣ общественныхъ собраній.

Портретъ былъ заказанъ Рамбауэру.

На верхней половинѣ холста Нелидовъ изображенъ въ губернаторскомъ мундирѣ, въ лентѣ и орденахъ; внизу помѣщенъ живописный уголокъ Курска, примыкающій къ р. Тускарю. Подъ портретомъ помѣщены четверостишія:

Ты нашимъ счастіемъ свой подвигъ совершилъ!
Не гибнетъ памятникъ добра, благотворенья,
Въ чертогахъ, хижинахъ, гдѣ ты любимымъ былъ,
Потомки повторятъ тебѣ благословенья!

Ниже подпись: «Доброму незабвенному начальнику благодарные граждане купеческаго и мѣщанскаго общества города Курска».

Стихи, какъ увѣряютъ курскіе старожилы, были по просьбѣ гражданъ написаны В. А. Жуковскимъ.

Подъ пожаромъ Москвы и днями бѣдствія, о которыхъ упоминается въ стихахъ, подразумѣвается Отечественная война 1812-го года, когда Нелидовъ принималъ энергичное участіе въ организаціи мѣстнаго ополченія и въ сборѣ пожертвованій на нужды кутузовской арміи.

Портретъ былъ гравированъ А. Ухтомскимъ въ нѣсколькихъ стахъ экземпляровъ [1]) и затѣмъ торжественно поднесенъ Аркадію Ивановичу въ день его отъѣзда изъ Курска при проводахъ.

На проводы собрался весь городъ. Это, разсказываютъ, было нѣчто необыкновенное... Въ мрачную эпоху 20-хъ годовъ немногіе администраторы удостаивались такой почести, такого искренняго проявленія симпатій гражданъ... Послѣ напутственнаго молебна, когда губернаторъ и его семья, раскланиваясь съ народомъ, стали усаживаться въ экипажъ, раздались громкія пожеланія счастливаго пути; одни благословляли Аркадія Ивановича иконами, другіе издали осѣняли его крестнымъ знаменіемъ; многіе плакали. А когда экипажъ тронулся,—толпа, заградивъ путь, выпрягла лошадей и покатила его на себѣ.

Такъ чествовали куряне «своего» губернатора, гуманнаго, справедливаго человѣка... Но Петербургъ, которому, говорятъ, не понравилась «приличная надпись» подъ портретомъ Нелидова, отнесся къ дару курянъ очень холодно, наложивъ на него своеобразное veto...

Дѣло въ томъ, что хотя куряне и поднесли Нелидову его портретъ, но съ остальной частью ихъ постановленія произошла странная исторія—одна изъ тѣхъ, какими особенно богаты двадцатые годы «александровской эпохи».

Недоброжелатели Нелидова, не переваривавшіе его популярности, распустили по городу слухъ, что Нелидовъ—«опальный губернаторъ», «ставленникъ Сперанскаго» и что за поднесеніе портрета «могутъ взыскать»... У горожанъ зароились смутныя опасенія: какъ бы чего не вышло... Подумали-подумали и рѣшили: отправить черезъ городскую думу ходатайство на высочайшее имя.

На это ходатайство, послѣ отъѣзда Нелидова, послѣдовалъ отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея на имя курскаго губернатора, который и приводимъ полностью:

«Министерство внутреннихъ дѣлъ. Департаментъ полиціи исполнительной. Отдѣленіе 1. Столъ 1. 5 августа 1822. Въ Царскомъ Селѣ. № 972. О объявленіи курскому градскому обществу на прошеніе его. Господину правящему должность курскаго гражданскаго губернатора. Купцы и мѣщане губернскаго города Курска входили ко мнѣ съ просьбою о исходатайствованіи высочайшаго дозволенія на поднесеніе бывшему курскому гражданскому губер-

---

[1]) Одна изъ этихъ гравюръ находится въ музеѣ курской ученой архивной комиссіи, откуда, благодаря любезности правителя дѣлъ комиссіи Н. И. Златоверховникова, мы воспроизводимъ ее въ копіи въ нашемъ изданіи. Ред.

натору тайному совѣтнику Нелидову съ приличной подписью и адресомъ его портрета, который положили они имѣть каждому въ домахъ своихъ, и сверхъ того по одному портрету дозволить поставить навсегда въ домѣ курскаго общественнаго собранія и въ тамошней градской думѣ. Таковое желаніе курскаго градского общества я доводилъ до комитета гг. министровъ, который высочайше утвержденнымъ 27-го минувшаго іюня журналомъ своимъ положилъ: что для приведенія въ исполненіе намѣренія курскихъ гражданъ имѣть въ домахъ своихъ и въ домѣ общественныхъ ихъ собраній, а также поднести бывшему губернатору Нелидову гравированный портретъ его, не находитъ никакого затрудненія, ибо сіе зависитъ отъ собственной ихъ воли; *но въ градской думѣ, какъ въ присутственномъ мѣстѣ, не прилично поставить оный*. О таковомъ высочайше утвержденномъ положеніи комитета я долгомъ счелъ сообщить вамъ, милостивый государь мой, для объявленія кому слѣдуетъ. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей. Директоръ Матвѣй Штернъ».

Такимъ образомъ, постановленіемъ комитета министровъ, по своей двусмысленности весьма рѣдкимъ въ анналахъ этого учрежденія, портретъ достойнѣйшаго администратора былъ признанъ «неприличнымъ» для «присутственнаго мѣста»[1].

Городская дума была поражена странностью его, но подчинилась ему безпрекословно: портретъ Нелидова не былъ поставленъ въ ея залѣ, и его нѣтъ тамъ и понынѣ, хотя имѣются портреты его предшественниковъ и преемниковъ.

Но Курскъ—не лыкомъ шитый городъ: въ немъ нашлись люди, которые дали министерскому veto остроумное толкованіе.

Разсказываютъ, что какой-то острякъ, прочитавъ бумагу графа Кочубея, совершенно серьезно замѣтилъ:

— А что жъ? Министры правы, государи мои. Да развѣ возможно помѣстить портретъ Нелидова въ присутственномъ мѣстѣ? Да Боже упаси! Онъ, нашъ батюшка, со стыда сгорѣлъ бы, находясь въ неприличной компаніи...

Эту остроту, долго переходившую изъ устъ въ уста, общество, говорятъ, распространило лишь на одно «присутственное мѣсто», прославившееся мздоимствомъ,—на земскій судъ, и затѣмъ совершенно примирилось съ мудрымъ запрещеніемъ высокаго государственнаго учрежденія.

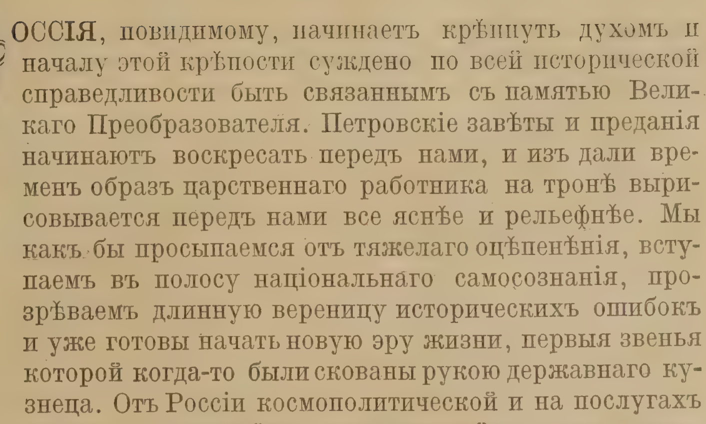
— Это, знаете,—недавно говорилъ мнѣ одинъ изъ курскихъ старожиловъ,—какъ въ Тулѣ было: нѣмецъ блоху стальную сдѣлалъ, а туляки ее подковали на всѣ ноги. Такъ-то вотъ и мы... подковали кочубеевскую блошку...

А. Дунинъ.

---

[1]) Курсивъ нашъ. А. Д.

ПЕТРОВСКІЕ ДНИ.



РОССІЯ, повидимому, начинаетъ крѣпнуть духомъ и началу этой крѣпости суждено по всей исторической справедливости быть связаннымъ съ памятью Великаго Преобразователя. Петровскіе завѣты и преданія начинаютъ воскресать передъ нами, и изъ дали временъ образъ царственнаго работника на тронѣ вырисовывается передъ нами все яснѣе и рельефнѣе. Мы какъ бы просыпаемся отъ тяжелаго оцѣпенѣнія, вступаемъ въ полосу національнаго самосознанія, прозрѣваемъ длинную вереницу историческихъ ошибокъ и уже готовы начать новую эру жизни, первыя звенья которой когда-то были скованы рукою державнаго кузнеца. Отъ Россіи космополитической и на послугахъ у другихъ народовъ, шатающейся и порывающейся, но не строящейся и крѣпнущей, остаются болѣзненныя воспоминанія; наступаетъ эра реальныхъ националистическихъ интересовъ и на зарѣ этой эры отовсюду выростаютъ памятники тому, кто предуказалъ нашему отечеству быть державою сильною, могучею и великою. Празднованіе Полтавской «преславной викторіи» открыло собою начало Петровскимъ днямъ, постановка трехъ памятниковъ въ нашей сѣверной столицѣ (два на набережной и одинъ передъ Преображенскими казармами) послужила небольшими этапами къ нынѣшнимъ лѣтнимъ днямъ, когда вся Россія сосредоточила свое вниманіе на торжествахъ въ Выборгѣ и Ригѣ, являющихся великою данью памяти того, кто указалъ русскимъ «ногою *твердой* стать у моря» во имя политическихъ, стратегическихъ и экономическихъ интересовъ родной земли.

Съ началомъ Сѣверной войны и съ основаніемъ Петербурга вниманіе Петра I по необходимости обращалось къ Выборгу, той грозной шведской крѣпости, которая непрестанно угрожала его любимому «парадису» неисчислимыми бѣдами и откуда опасный врагъ могъ наносить сѣверу Россіи безконечный вредъ. Территорія, ключомъ къ которой съ давнихъ поръ сталъ Выборгъ, была предметомъ вѣковой борьбы между двумя сѣверными народами.

Съ 1157 года, т. е. со времени завоеванія всей нынѣшней Финляндіи шведскимъ королемъ Эрикомъ IX, начались почти непрерывныя войны между шведами и русскими за обладаніе этими областями, которыми еще издревле владѣли новгородцы и которыя были заселены карелами. Въ большинствѣ случаевъ карелы держали при этомъ сторону русскихъ и въ походахъ новгородцевъ противъ шведовъ въ 1188, 1191 и 1227 годахъ въ рядахъ нашихъ дружинъ и ополченій постоянно встрѣчаются карелы.

Чтобы обезпечить захваченный край отъ настойчивыхъ нападеній новгородцевъ, шведы начали возводить сооруженія и прежде всего заложили въ 1293 году на островѣ Линнанъ-Саари замокъ, сохранившійся до настоящаго времени. Замокъ этотъ, основателемъ котораго считается шведскій полководецъ Торкель Кнутсонъ, былъ первымъ оплотомъ возникшей въ Выборгѣ крѣпостной твердыни.

Въ XIV вѣкѣ, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи, новгородцами произведенъ цѣлый рядъ нападеній на Выборгъ, частью удачныхъ, частью неудачныхъ. Въ 1318 году новгородцы «взяли городъ финскаго князя», но не могли удержаться въ немъ; въ 1322 г. великій князь Юрій 27 дней безуспѣшно осаждалъ Выборгъ.

Великій князь Юрій, въ противовѣсъ Выборгу, заложилъ въ истокахъ Невы крѣпость Орѣховую (нынѣшній Шлиссельбургъ), и война кончилась, послѣ успѣшныхъ походовъ новгородцевъ вглубь Финляндіи, знаменитымъ Орѣховскимъ договоромъ, по которому Новгороду уступлена вся приладожская часть Кареліи, т. е. бóльшая половина нынѣшней Выборгской губерніи.

Въ 1337 году новгородцы, при Іоаннѣ Калитѣ, вторгнулись въ шведскіе предѣлы и разорили окрестности Выборга въ отместку за помощь, оказанную возмутившимся финскимъ племенамъ, подвластнымъ Новгороду. Точно также повторялись нападенія на Выборгъ и въ княженіе Василія I, но овладѣть крѣпостью все не удавалось. Шведы въ 1477 году принуждены были оградить весь городъ каменною стѣною, остатки которой существуютъ и до сихъ сихъ поръ.

Наиболѣе серьезная попытка овладѣть Выборгомъ, крѣпко засѣвшая въ памяти народной обѣихъ враждующихъ сторонъ, произведена была при великомъ собирателѣ земли русской Іоаннѣ III. Подъ предводительствомъ князя Даніила Щени подступило къ стѣнамъ Выборга сильное 60-тысячное войско, имѣвшее огромную по тому

времени и могущественную ($3^1/_2$ саженной длины орудія) осадную артилерію. Три мѣсяца тщетно боролись русскіе съ отлично укрѣпленнымъ городомъ и, какъ разсказываетъ шведское преданіе, потерявъ терпѣніе, 30-го ноября 1495 года, бросились на штурмъ. Комендантъ Кнутъ Поссе, слывшій чернокнижникомъ и колдуномъ, въ самую рѣшительную минуту, когда русскіе уже овладѣвали стѣнами, взорвалъ пороховой складъ въ главной башнѣ. Эта неожиданность заставила осаждающихъ отступить съ большими потерями и ограничиться, по обычаю, разореніемъ окрестностей крѣпости. Но, въ отместку, въ слѣдующемъ же году русскіе разлились по всей Финляндіи, совершили зимній походъ со стороны Мурмана. Наконецъ война завершилась уже въ 1504 году перемиріемъ на 60 лѣтъ...

При Густавѣ-Вазѣ столкновенія возобновились. Шведы осадили Орѣшекъ, а русскіе, вступивъ въ 1556 году въ Финляндію, подъ Выборгомъ искусно обошли шведскую позицію, ударили на врага съ тыла и взяли много знатныхъ плѣнныхъ. Непріятель заперся въ городѣ, который снова противостоялъ осадѣ. Тогда русскіе опустошили внутреннюю Финляндію.

Безрезультатны въ отношеніи крѣпости были и три послѣдніе похода Іоанна Грознаго въ Финляндію въ 1572, 1576 и 1577 годахъ. Походъ царя Ѳеодора и Бориса Годунова вернулъ намъ на время Карелію; но въ смутное время она снова и окончательно перешла въ руки шведовъ, что и закрѣплено было въ 1617 году Столбовскимъ договоромъ. Шведамъ досталась вся линія р. Невы, и такимъ образомъ Выборгъ пересталъ быть пограничною крѣпостью, подверженною первымъ ударамъ непріятеля.

Согласно условій Столбовскаго мира, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ принужденъ былъ отказаться на вѣчныя времена, за себя и за свое потомство, отъ исконныхъ русскихъ владѣній: Ивангорода, Яма, Копорья, Орѣшка и Карелы (Кексгольмъ), предоставивъ шведскимъ королямъ именоваться впредь государями земли Ижорской...

Но уже его преемникъ сдѣлалъ попытку (въ 1656 г.) вернуть эти утраченныя Россіею земли, попытку, не увѣнчавшуюся успѣхомъ; старшій же сынъ царя Алексѣя Михайловича, Ѳедоръ Алексѣевичъ, отказавшись подтвердить условія Столбовскаго мира, скончался раньше завершенія начатыхъ переговоровъ. Такъ стояло дѣло русско-шведскихъ отношеній до Петра Великаго.

Видя, что новый сооруженный Кронштадтъ, прикрывая Петербургъ только съ моря, не обезпечиваетъ его отъ возможныхъ набѣговъ съ сухого пути, Петръ, по его выраженію, задумалъ «соорудить крѣпкую подушку Петербургу», лишивъ непріятеля ближайшей къ нему сухопутной и морской базы. Первая попытка въ этомъ направленіи дѣлается еще въ 1706 году, когда Карлъ XII, послѣ

неудачи подъ Гродной, удалился въ Саксонію и тѣмъ развязалъ намъ руки.

Въ августѣ 1706 года на петербургскаго оберъ-коменданта Брюса возложены были всѣ заботы по приготовленіямъ къ операціи противъ Выборга. Артиллерія, боевые и жизненные припасы, шанцевый инструментъ и проч. тайно свозились на островъ Котлинъ, причемъ, для отвода глазъ, распространялись слухи объ усиленіи обороны Кроншлотта.

Шведы, задержавъ нашъ авангардъ въ тѣснинѣ у деревни Метенойя, успѣли, благодаря этому, вывести изъ Выборга большую часть своихъ силъ, а въ крѣпости заперлись только три тысячи подъ начальствомъ генерала Майделя.

Личный осмотръ Петромъ мѣстности подъ крѣпостью убѣдилъ царя, во-первыхъ, въ томъ, что всѣ предварительно имъ собранныя свѣдѣнія оказались ложными, а, во-вторыхъ, въ невыгодѣ вести атаку Выборга только съ сухого пути, безъ содѣйствія флота, «понеже сей городъ стоитъ въ морскомъ протокѣ... а у насъ судовъ только двѣ вереи, и когда бъ сіе вѣдали, взяли бъ моремъ мелкихъ судовъ... Мнѣ зѣло досадно на тѣхъ, которые въ сосѣдяхъ живутъ безотлучно, а того не свѣдали...».

Предвидя заранѣе неудачу, Петръ отбылъ въ Петербургъ, давъ Брюсу инструкцію для отступленія, которое, послѣ четырехдневнаго безрезультатнаго бомбардированія, и было произведено. Царь предполагалъ повторить операцію слѣдующимъ лѣтомъ, но военныя событія отвлекли его вниманіе въ другую сторону.

Мысль о необходимости довершить обезопасеніе Петербурга настолько не покидала Петра, что въ самый день Полтавы, 27-го іюня 1709 года, онъ пишетъ Апраксину, его военачальнику на сѣверномъ фронтѣ: «Нынѣ уже совершенной камень въ основаніи Петербургу положенъ съ помощію Божіею»... Первымъ же благимъ послѣдствіемъ одержанной побѣды для Петра являлась возможность съ развязанными руками озаботиться объ упроченіи безопасности излюбленнаго дѣтища, Петербурга...

И вотъ въ мартѣ 1710 года, когда Финскій заливъ еще покрытъ былъ ледянымъ покровомъ, и со стороны моря шведы не могли успѣть прійти на помощь, осадный десятитысячный передовой корпусъ графа Ѳ. М. Апраксина, налегкѣ, почти безъ обозовъ, съ небольшимъ числомъ легкихъ орудій, прямо по льду изъ Кронштадта однимъ усиленнымъ переходомъ перемахнулъ къ Выборгу и здѣсь сразу занялъ выгодное положеніе, перехвативъ пути, связывающіе крѣпость со внутреннею Финляндіею. Шведскій гарнизонъ, лишенный возможности войти въ связь съ войсками, бывшими внутри края, волей-неволей оказался обреченъ исключительно на пассивный образъ дѣйствій...

Вся суть дѣла заключалась въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе доставить къ крѣпости, со стороны моря, на судахъ флота, всю тяжелую осадную артиллерію, подкрѣпленія и жизненные припасы. Вотъ почему Петръ самъ не пошелъ подъ Выборгъ, а остался въ Кронштадтѣ, направляя всю свою энергію на то, чтобы флотъ былъ изготовленъ безъ малѣйшаго запозданія. Но, на бѣду, вскрытіе залива запоздало; къ первымъ числамъ мая осадный корпусъ подъ Выборгомъ сталъ уже чувствовать сильный недостатокъ припасовъ, а путь со стороны моря былъ еще загроможденъ плавающимъ льдомъ.

Петръ прекрасно понималъ трудность положенія и безъ тревожныхъ донесеній Апраксина; онъ еще съ 30-го апрѣля сталъ высылать суда въ море на развѣдки и даже лично выходилъ съ ними, но льдами былъ задержанъ, не доходя шести миль до Бьеркэ. Въ ночь на 1-е мая льды даже отрѣзали галеры и провіантскія суда отъ боевыхъ. Петръ рѣшилъ тогда пожертвовать двумя судами и пустилъ два корабля на всѣхъ парусахъ пробивать, въ видѣ тарановъ, ледяную стѣну; проходъ очистился, и по немъ, цѣпляясь другъ за друга, гуськомъ прослѣдовали соединившіяся теперь суда, слѣдуя за царскимъ судномъ.

Добравшись до Береговыхъ острововъ (Бьеркэ), Петръ рѣшилъ, по множеству нагнаннаго льда, самъ пробиваться дальше съ однѣми галерами; въ 20-ти верстахъ онъ снова былъ задержанъ, и часть его судовъ занесена на мель. Всю ночь пришлось на вѣтру и въ адскій холодъ спасать ихъ, стаскивая съ мели, и царь ни минуты не сомкнулъ глазъ, подавая всѣмъ примѣръ и ободряя людей...

Прибывъ, наконецъ, послѣ непрерывнаго суточнаго и невѣроятно труднаго плаванія, къ утру 8-го мая къ Выборгу, царь, шедшій все время на легкой шлюпкѣ впереди, приказалъ поднять на всѣхъ судахъ шведскіе флаги и вымпелы, людямъ одѣться въ мундиры, «подобные» шведскимъ, а съ батареями нашими открыть мнимую холостую перестрѣлку. Гарнизонъ вдался въ обманъ, что и дало возможность всему флоту безнаказанно пройти подъ огнемъ крѣпости и пристать къ сѣверному берегу Выборгскаго залива. Здѣсь, въ ставкѣ Апраксина, разбитой, по преданію, на скалѣ въ нынѣшнемъ городскомъ саду св. Анны, и ночевалъ Петръ Великій.

На утро онъ лично осмотрѣлъ все наше и непріятельское расположеніе, далъ подробную инструкцію, какъ вести осаду, когда и какъ быть штурму, и, послѣ вылазки всѣхъ войскъ и тяжестей, увелъ корабельный флотъ и транспортныя суда обратно въ Кронштадтъ, оставя, для прикрытія осады съ моря, только флотъ галерный. Послѣдній преградилъ всѣ доступы съ моря въ Выборгскій заливъ, такъ что пришедшая вскорѣ шведская эскадра ничего не могла подѣлать.

Къ 28-му мая закончены были новыя батареи и вооружены, и осаждающій приступилъ къ бомбардированію, продолжавшемуся 6 сутокъ. Поврежденія крѣпости были нанесены столь сильныя, что «ни на едину сажень не было цѣлаго мѣста». Къ 6-му іюня уже во всѣхъ намѣченныхъ мѣстахъ были сдѣланы обвалы, и на 9-е утромъ назначенъ былъ штурмъ, причемъ главный ударъ предполагалось нанести со стороны пролива, частью на гребныхъ судахъ, частью по двумъ мостамъ, наведеннымъ «новымъ манеромъ», т. е. поворотомъ.

Но штурму не пришлось осуществиться: устрашенный комендантъ вошелъ въ переговоры и къ 13-му числу принялъ наши условія («аккордные пункты»). 14-го числа Петръ, во главѣ гвардіи, двинулся для принятія крѣпости. Опасаясь вѣроломства шведовъ, приближенные просили царя отложить личное вступленіе въ крѣпость до другого дня, когда уже она будетъ всецѣло въ русскихъ рукахъ, но Петръ, поблагодаривъ «за охраненіе здоровья своего», отказался. «Уповаю на Бога; благодать Его отовсюду мнѣ стѣна», сказалъ онъ при этомъ, и, ставъ во главѣ своей гвардіи, смѣло пошелъ въ крѣпость.

Съ этого приснопамятнаго дня Выборгъ и Выборгская губернія стали достояніемъ Россійской державы и Петербургу подложена была та твердая каменная подушка, на которой онъ могъ со стороны былого сѣвернаго недруга спокойно покоиться въ своемъ историческомъ существованіи. Послѣдующія историческія событія какъ будто нѣсколько размягчили этотъ камень, сбили его, и въ 1905 г. мы видѣли даже, что, благодаря содѣйствію «лойяльныхъ» финновъ, Выборгъ сталъ ареною кровавой революціонной смуты. Но, не воскрешая въ памяти читателей журнала ни этихъ печальныхъ событій, ни предшествовавшаго общеполитическаго порядка временъ Александра I и Александра II, отмѣтимъ лишь, что въ текущемъ году ходъ событій позволилъ намъ радостно встрѣтить двухсотлѣтіе взятія Петромъ Выборга безъ всякой тѣни сомнѣнія въ томъ, что радостный историческій праздникъ мы справляемъ на нашей собственной территоріи, соединенной общеимперскимъ законодательствомъ со всею страною, россійскому скипетру подвластной.

Согласно газетному репортажу праздникъ, состоявшій въ закладкѣ военнаго собора и открытіи памятника Петру Великому, прошелъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ 8 часовъ утра полурота крѣпостной артиллеріи приняла отъ коменданта императорскій штандартъ и отнесла къ флагштоку у открываемаго памятника и сдала офицеру. Въ половинѣ девятаго изъ церквей 7-го стрѣлковаго полка и Ильинской вышли крестные ходы, сопровождаемые отрядами войскъ, и, соединившись, выступили къ собору. Въ соборъ прибылъ архіепископъ

Сергій финляндскій и епископы Никаноръ олонецкій и Михей архангельскій. На рейдъ пришло новое судно морского техническаго училища и высадило воспитанниковъ. Вообще выборгскій рейдъ сильно былъ оживленъ линіями большихъ контръ-миноносцевъ, а гавань большими пароходами и яхтами военнаго вѣдомства, сплошь украшенными флагами. Въ 9 часовъ утра изъ собора выступилъ величественный крестный ходъ и пошелъ среди шпалеръ войскъ, при звонѣ колоколовъ и при звукахъ гимна «Коль славенъ», къ Абоскому мосту, который пестрѣлъ сотнями флаговъ, орлами, орифламами и легкими изъ зелени арками; на мосту войскъ не было, за мостомъ же продолжались шпалеры войскъ: тутъ стояли всѣ военныя депутаціи развернутымъ фронтомъ къ высотѣ св. Анны; по дорогѣ черезъ гласисъ къ гарнизонной церкви стояли спеціально наряженныя части войскъ. Шествіе процессіи открывала полусотня л.-гв. Атаманскаго полка, за ней шли русскія женскія школы и женская гимназія, мужскія школы и реальное училище, всего болѣе 500 дѣтей, депутаціи съ вѣнками отъ русскихъ прихожанъ, Карельскаго братства, русскихъ приходовъ Воскресенскаго, Теріокскаго и другихъ, общества русской взаимопомощи, военный и архіерейскій хоры пѣвчихъ; за ними золотая лента духовенства, выносные фонари, запрестольные кресты, линіи хоругвей, священники между причетниковъ и діаконовъ съ рипидами несли образа, подносимые крѣпости, на высокихъ носилкахъ; также осѣняемый рипидами, шелъ архимандритъ съ крестомъ, иподіаконы съ трикиріями и дикиріями, по два въ рядъ, и съ посохами три архіерея, за ними генералитетъ, комендантъ, командиръ корпуса Ольховскій, финляндскіе сенаторы, губернаторъ, помощникъ попечителя учебнаго округа Острогорскій, директоръ гимназіи Вишняковъ и проч. У красивой арки лазарета въ крѣпости встрѣтило крестный ходъ военное духовенство во главѣ съ протопресвитеромъ Аквилоновымъ. По мѣрѣ шествія процессіи, къ ней присоединялись знамена отъ шпалеръ войскъ. Въ гарнизонной церкви три архіерея въ сослуженіи съ протопресвитеромъ Аквилоновымъ, архимандритомъ Кипріаномъ и военнымъ духовенствомъ, при пѣніи архіерейскихъ и военныхъ пѣвчихъ, совершили литургію. Въ церковь прибыли военный министръ съ супругою, генералъ-губернаторъ съ супругою, финляндскіе сенаторы, вице-президентъ ген. Марковъ, ген. Гедлунъ, Виреніусъ, графъ Бергъ, начальникъ главнаго штаба Кондратьевъ, военныхъ инженеровъ Александровъ, выборгскій губернаторъ камергеръ Троиль, ген. Вилькицкій, генералы мѣстныхъ войскъ Финляндіи, Свеаборга и Кронштадта, начальникъ канцеляріи генералъ-губернатора Ивановъ и проч. Послѣ литургіи изъ церкви вышелъ крестный ходъ на Петровскую гору, на высоту св. Анны. На узкомъ пространствѣ скалы помѣстились съ одного края до другого по-

низу шпалеры войскъ, у разукрашеннаго павильона на галереяхъ дамы и почетные гости, на другомъ концѣ, у покрытаго завѣсой памятника, дѣти школъ. Снова зазвонили колокола, войска взяли на караулъ, разливались звуки «Коль славенъ», двигались хоругви, пѣвчіе, золотая лента духовенства, и между ними, уже безъ кіотовъ и носилокъ, депутаціи несли свои образа; осѣняемые рипидами, шли архимандритъ съ евангеліемъ, протопресвитеръ съ крестомъ, епископы и архіепископы, за ними военный министръ, генералъ-губернаторъ, вся военная и гражданская группа присутствовавшихъ. У мѣста, назначеннаго для закладки военнаго собора, подъ сѣнью часовни совершено молебствіе; въ приготовленное отверстіе генералы положили монеты, протодіаконъ громко прочиталъ надпись на закладной доскѣ о сооруженіи военнаго собора, архіепископъ положилъ камень, за нимъ епископы, военный министръ, генералъ-губернаторъ и прочія лица. Протодіаконъ возгласилъ царское многолѣтіе, и при пѣніи «многая лѣта» церковная процессія двинулась на другой конецъ скалы—къ памятнику, закутанному пеленой, на холмѣ, обведенномъ цвѣтами. Какъ только протодіаконъ провозгласилъ многолѣтіе, съ послѣднимъ его словомъ грянулъ съ фортовъ императорскій салютъ. Архіерей благословилъ коменданта крѣпости иконами, и затѣмъ всѣ направились къ памятнику; знамена становятся передъ нимъ, здѣсь протодіаконъ провозгласилъ императору Петру «вѣчную память». Войска накрываютъ головы, комендантъ командуетъ всему параду «на караулъ», съ памятника сползаетъ пелена, подхваченная матросами, а на флагштокѣ высоко взвивается императорскій штандартъ; тихо поется «вѣчная память», но громко гремитъ музыка «Преображенскій маршъ», разомъ со всѣхъ концовъ Выборга и съ моря, и съ суши гремятъ орудія, взлетаютъ клубы дыма, городъ бороздятъ ракеты. Бронзовый великій Петръ, опираясь на пушку, смотритъ на городъ, на даль, а тамъ, на сушѣ, передъ замкомъ виднѣется маленькая и какъ бы схоронившаяся фигура строителя крѣпости Кнутсона; да, она давно склонилась предъ величіемъ Петра... Минутъ шесть гремитъ канонада. Наконецъ смолкаетъ все, честь отдана, снова войска обнажаютъ головы, берутъ на молитву; военный протодіаконъ Деминъ возглашаетъ многолѣтіе синоду, архіереямъ, воинству и всѣмъ вѣрноподданнымъ. «Многая лѣта» несется со скалы. Генералъ-губернаторъ читаетъ Высочайшій рескриптъ, гремитъ «ура»; военный министръ провозглашаетъ самодержавному Вождю «ура», гремитъ «ура», несутся звуки «Боже, Царя храни», отдаютъ честь относимымъ къ частямъ знаменамъ, и при императорскомъ салютѣ спускается медленно штандартъ. Архіерей окропляетъ памятникъ, крестный ходъ удаляется, войска строятся къ маршу, а въ это время дѣвочки-малютки и гимназистки складываютъ свои цвѣты у под-

ножія статуи Петра; комендантъ генералъ Петровъ ведетъ парадъ къ памятнику, салютуя ему. На площади внизу войска выстроились, и здѣсь послѣдовала церемонія относа знаменъ и конецъ парада. Депутаціи привѣтствуютъ коменданта. Въ палаткѣ и манежѣ былъ устроенъ завтракъ, поютъ пѣсенники на петровскіе мотивы, военный министръ возглашаетъ здравицу Государю. Долгій рядъ здравицъ. Въ офицерскомъ собраніи устроенъ обѣдъ для депутатовъ и подпрапорщиковъ и обѣды для нижнихъ чиновъ. Открылось народное гулянье. Вечеромъ у памятника была заря съ церемоніей.

Не успѣли отзвучать выборгскія торжества, какъ развернулись передъ нами торжества рижскія, состоявшія также въ непосредственной связи съ именемъ великаго Петра и протекшія на сей разъ уже въ присутствіи самого Государя Императора Николая Александровича и Его Августѣйшей семьи. Рига достойно встрѣтила царственныхъ гостей и тѣмъ какъ бы, смѣемъ надѣяться, навсегда положила конецъ памяти о пресловутыхъ «лѣсныхъ братьяхъ» 1905 года. Но прежде, чѣмъ на основаніи тѣхъ же репортерскихъ свѣдѣній говорить о самыхъ торжествахъ, коснемся бѣгло тѣхъ историческихъ событій, во имя которыхъ Рига имѣла счастье принимать Царскую семью, прибывшую на открытіе памятника своему великому пращуру.

Прибалтійскій край съ главнымъ городомъ своимъ Ригой является естественнымъ ключомъ для обладанія выходомъ въ море и цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ и не замерзающихъ гаваней. Не удивительно, что съ первыхъ лѣтъ исторіи этого края онъ сталъ ареной постоянной и упорной борьбы изъ-за обладанія имъ между тремя сосѣдями: Россіей, Швеціей и Польшей. Съ перемѣннымъ счастьемъ всѣ три соперницы упорно и долго отстаивали свои притязанія. Въ XVI и XVII вѣкахъ русскіе не разъ подходили къ Ригѣ и наносили и ей, и ея защитникамъ большія пораженія, но удержать ее за собой еще не имѣли силы и средствъ. И только императоръ Петръ I Великій, мечомъ приведя Ригу подъ свою высокую и мощную руку, окончательно рѣшилъ многовѣковый споръ въ пользу Россіи и навсегда присоединилъ и этотъ городъ, и прилегающее къ нему побережье къ своей могучей державѣ.

И взятіе Риги, какъ и раньше взятіе Выборга, было непосредственнымъ результатомъ и добрымъ плодомъ знаменитой Полтавской побѣды. Еще на поляхъ Полтавской битвы императоръ Петръ Великій приказалъ фельдмаршалу Шереметеву немедленно отправиться со всею пѣхотой и частью кавалеріи для блокады города Риги.

По образному выраженію г. В. Болдырева («Русск. Инвалидъ» 1910 г., № 143), «цѣлыхъ девять мѣсяцевъ держалась «славная риж-

ская фортеція» или «неприступная невѣста», какъ называли тогда Ригу со словъ фельдмаршала Шереметева. Закаленная почти непрерывной пятивѣковой борьбой, пережившая не разъ голодъ, чуму, пожары, кровавыя столкновенія, Рига научилась сопротивленію. Она пережила своихъ прежнихъ властителей архіепископа и Орденъ; смѣнила владычество Польши на подчиненіе Швеціи и, наконецъ, 4-го іюля 1710 года, стѣсненная желѣзнымъ кольцомъ полтавскихъ побѣдителей, подпала подъ власть «его царскаго величества».

«Подчиненіе Россіи прекратило кровавую исторію Риги. У ея старыхъ стѣнъ закончилась пятивѣковая драма, начало которой положило прибытіе къ устью Двины нѣмецкаго монаха и рыцаря. Столкновеніе міра германскаго съ славянскимъ окончилась побѣдой послѣдняго. Занятіе побережья явилось, однако, возможнымъ лишь послѣ крушенія шведскаго могущества, нашедшаго себѣ могилу у Полтавы. Къ этому времени на всемъ балтійскомъ Побережьѣ оставались во власти шведовъ только Выборгъ, Ревель, Перновъ, Аренсбургъ и Динаминдъ (Усть-Двинскъ). Только Полтавская побѣда развязала Петру Великому руки и онъ могъ двинуть большую часть своей арміи отъ Полтавы, выславъ значительную конницу, подъ командой князя Меншикова, въ Польшу противъ ставленника Карла XII Станислава Лещинскаго»,

Рига по тому времени была сильной крѣпостью—ея укрѣпленія, возведенныя «сообразно современному духу фортификаціоннаго искусства», состояли изъ крѣпости-города, цитадели, укрѣпленій форштадта и укрѣпленія Коберъ-шанецъ на западномъ берегу Двины. Послѣднее укрѣпленіе было построено шведами въ 1621 году и служило защитой мосту, который соединялъ Коберъ-шанецъ съ городомъ. Когда Шереметевъ уже подходилъ къ Ригѣ, шведы, не желая оставить ему удобной позиціи, стали разорять Коберъ-шанецъ, но не успѣли: Шереметевъ занялъ ее и всѣ около Риги укрѣпленные непріятельскіе посты, укрѣпилъ ихъ, сбилъ шведовъ со всѣхъ постовъ вокругъ города и установилъ блокаду. Укрѣпивъ Коберъ-шанецъ, онъ наименовалъ его Питеръ-шанцомъ.

Между тѣмъ императоръ Петръ самолично поспѣшилъ къ Ригѣ. Сюда къ нему прибылъ посолъ отъ польскаго короля Августа.«Изъ молчанія» посла государь догадался о цѣли его пріѣзда: предвидя скорое паденіе Ливоніи, польскій король хотѣлъ извѣдать мысли Петра о Лифляндіи, которую онъ, въ началѣ Сѣверной войны, будто обѣщался по завоеваніи отдать Польшѣ,—по крайней мѣрѣ, тѣ города, которые ей нѣкогда принадлежали. Петръ не обинуясь сказалъ послу польскому, что «понеже онъ оставленъ былъ отъ всѣхъ своихъ союзниковъ во время наибольшей его нужды, и одинъ безъ помощи ихъ велъ войну, то потому заключенныхъ прежде съ королемъ и республикой польскою договоровъ, которые они же

сами и нарушили, содержать нимало не обязанъ, а слѣдовательно и завоеваннаго имъ безъ помощи ихъ ни съ кѣмъ дѣлить не намѣренъ, а всего меньше съ Августомъ и республикой».

9 ноября императоръ Петръ прибылъ подъ Ригу и немедленно сдѣлалъ всѣ распоряженія къ осадѣ. Въ полночь на 14-ое ноября наши войска начали бомбардировать Ригу. Первыя три бомбы бросилъ въ Ригу самъ государь, о чемъ въ тотъ же день и сообщилъ князю Меншикову: «Сегодня о пятомъ часу по полуночи бомбардированіе началось Риги, и первыя три бомбы своими руками «въ городъ отправлены, о чемъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому отмщенія начало учинить». То же самое государь сообщилъ и министрамъ своимъ при иностранныхъ дворахъ.

На этотъ разъ все и ограничилось такимъ началомъ отмщенія; по позднему времени года, по крѣпости города и многочисленности гарнизона и, наконецъ, по тому, что городъ не могъ получить ниоткуда помощи, Петръ, осмотрѣвъ на другой день крѣпость, распорядился, чтобы фельдмаршалъ держалъ городъ въ тѣсномъ обложеніи, но не бралъ его.

Репнинъ, откомандированный для этой блокады, всю зиму держалъ Ригу «въ великомъ утѣсненіи». Онъ совершенно пресѣкъ подвозъ къ ней провіанта, а бросаемыми бомбами наносилъ «великій уронъ ея защитникамъ», производя постоянные и большіе пожары. Особенно пострадалъ гарнизонъ отъ удачнаго взрыва порохового погреба.

11 марта подъ Ригу прибылъ фельдмаршалъ Шереметевъ съ 24 пѣхотными полками, 8 конными и 2.100 казаками. Онъ тѣснымъ кольцомъ обложилъ городъ и устроилъ кругомъ батареи со множествомъ пушекъ. Въ двухъ верстахъ ниже города онъ заложилъ крѣпостцу и назвалъ ее Александръ-шанцомъ, въ честь прибывшаго къ нему князя Меншикова съ порученіемъ отъ государя. Эта-то крѣпость и прервала сообщеніе водой съ Динаминде и окончательно не допускала кораблей въ Ригѣ. Для этого черезъ Двину набиты были сваи, на нихъ утверждены бревна и укрѣплены толстою цѣпью, а по обѣимъ сторонамъ, противъ Риги и Динаманде, поставлены были 24 пушки. Въ городѣ, обложенномъ тѣснымъ кольцомъ нашихъ войскъ, обнаружилась недостача провіанта, а потомъ голодъ и моръ стали опустошать осажденный городъ. Конецъ Риги былъ близокъ.

Графъ Шереметевъ, хорошо освѣдомленный о печальномъ положеніи Риги, потребовалъ сдачи. Но графъ Стрембергъ, рижскій генералъ-губернаторъ, отвѣтилъ отказомъ, заявивъ, что онъ рѣшился обороняться до послѣдней возможности. Тогда графъ Шереметевъ приказалъ бомбардировать городъ со всѣхъ батарей. Метаніе бомбъ продолжалось денно и нощно въ теченіе десяти дней,

такъ что по 24 іюня брошено было въ Ригу 3.389 бомбъ, въ томъ числѣ девятипудовыхъ 630. 30 іюня въ лагерь къ фельдмаршалу высланы были депутаты, которые и приняли капитуляцію. Гарнизону дозволено было выйти изъ города съ распущенными знаменами, съ музыкой и барабаннымъ боемъ. 4 іюля князь Репнинъ съ шестью полками строемъ вошелъ въ Ригу, занялъ всѣ караулы и взялъ всю артиллерію съ припасами.

12-го іюля фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, послѣ благодарственнаго молебствія въ своемъ лагерѣ, торжественно вступилъ въ Ригу. У воротъ магистратъ поднесъ ему два золотые ключа, въ три фунта вѣсомъ, на бархатной подушкѣ. Въ ратушѣ фельдмаршалъ принялъ присягу населенія, причемъ представитель дворянства сказалъ ему рѣчь, въ которой, между прочимъ, заявилъ: «Провинція и дворянство лифляндское благодарятъ опредѣленіямъ Провидѣнія и поставляютъ за счастіе лобызать милостивый скипетръ Его Царскаго Величества, вознося мольбы свои къ небу, да утвердитъ оно престолъ его и да ниспошлетъ всякое преуспѣяніе знаменитому его Императорскому Дому. Мы паки начинаемъ возвращать истощенныя наши силы, взирая на пользу, обѣщанную нашей покорности, и въ ожиданіи исполненія того клянемся за себя и за потомковъ своихъ столько же вѣрными и столько же ревностными быть Его Царскому Величеству подданными, каковыми были прежнему правленію».

«Минуло два вѣка, «неприступная невѣста» развилась и стала пышной красавицей,—говоритъ г. Болдыревъ.—На мѣстѣ когда-то грозныхъ верковъ распустились тѣнистыя аллеи. Форштадты превратились въ прекрасный «новый городъ». И только «старый городъ» хранитъ еще памятники своей глубоко интересной семивѣковой исторіи.

«Сохранившая всѣ свои прежнія привилегіи Рига подъ сѣнью русскаго владычества быстро двинулась по пути культурнаго и матеріальнаго развитія.

«Въ свою очередь, лифляндское дворянство, которому тотчасъ же по подписаніи условій сдачи были обѣщаны «милости и благоволеніе Его Императорскаго Величества», быстро возродилось, окрѣпло матеріально и скоро пріобрѣло исключительное положеніе въ завоеванномъ русскимъ оружіемъ краѣ.

«Пріобрѣтеніе Риги, а съ ней Лифляндіи и Эстляндіи, несомнѣнно, является однимъ изъ крупнѣйшихъ событій новѣйшей русской исторіи. Нѣмецкая колонія, осѣвшая на Балтійскомъ побережьѣ, хотя и не сплотилась въ особое прочное государство, но тѣмъ не менѣе подъ тѣмъ или инымъ флагомъ въ теченіе пяти вѣковъ заслоняла естественное стремленіе Россіи къ Западу и всѣми силами мѣшала нашему общенію съ европейской культурой.

«Пріобрѣтеніе это является не случайнымъ результатомъ удачной войны, а событіемъ исторически необходимымъ, событіемъ, на ко-

торое Россія имѣла право перваго занятія, такъ какъ еще до появленія въ краѣ нѣмцевъ большая часть побережья признавала власть или господина Великаго Новгорода, или полоцкихъ удѣльныхъ князей».

Бросая ретроспективный взглядъ на послѣдующія событія въ краѣ, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 152) въ статьѣ «Рижскія торжества», между прочимъ, говоритъ: «Хотя, утверждая эти привилегіи и права (1-го марта 1712 г.), Петръ сдѣлалъ оговорку: «елико сообразны они съ общаго государства нашего законами и установленіями», однако въ теченіе XVIII в. они не сокращались, а иногда и увеличивались. Русское правительство не спѣшило ввести въ жизнь инородческаго населенія края русскія государственныя начала, не вмѣшивалось въ его сословныя и аграрныя отношенія. Этимъ особенно воспользовалось остзейское дворянство, получившее такія права и привилегіи, которыхъ не имѣло и дворянство русское. Повторилась та же ошибка, что и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ коренное мѣстное населеніе (крестьянство) также было передано во власть пришельцевъ, гордыхъ своей культурой.

«Въ XIX столѣтіи въ Прибалтійскомъ краѣ начинаетъ вводиться русская національная политика, но съ большими колебаніями.

«Въ 1863 г., уже послѣ освобожденія крестьянъ, латыши подали государю всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ писали:

«Всемилостивѣйшій государь! Не случайно присоединены мы къ твоей имперіи, а Провидѣніе ввѣрило насъ твоей могущественной десницѣ; въ нашемъ нарѣчіи мы находимъ родство съ языкомъ подданныхъ тебѣ славянскихъ племенъ, а различіе учрежденій, отдѣляющихъ насъ отъ коренныхъ русскихъ подданныхъ твоихъ, удручаетъ насъ болѣзненнымъ сожалѣніемъ. Государь! сними эти преграды и дай намъ слиться съ великимъ русскимъ народомъ твоимъ. Это мы считаемъ нашей судьбой и нашимъ призваніемъ».

«Далѣе слѣдовало неясное увѣреніе сложить свои головы за русскихъ самодержцевъ. За такое выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ авторъ адреса, учитель латышъ Безбардисъ, по проискамъ остзейскаго дворянства, былъ высланъ съ родины на поселеніе.

«Подобными воспоминаніями не хотѣлось бы омрачать свѣтлые юбилейные дни, тѣмъ болѣе, что человѣческая жизнь и свобода пришли къ латышамъ все-таки изъ Россіи.

«Со своей стороны, и нѣмцы не могутъ не признать, что вся ихъ культура, усовершенствованное земледѣліе, успѣхи торговли, промышленности, все современное цвѣтущее состояніе края и въ частности Риги—своимъ развитіемъ обязаны Россіи, какъ признаетъ это само мѣстное дворянство въ своемъ адресѣ 1863 г., гдѣ говорилось: «испытавъ разныя тревоги подъ разными господствами, Лифляндія только и успокоилась подъ властью Россіи».

«Что это признаніе преобладающаго большинства прибалтійскаго населенія и представляетъ, такъ сказать, современное настроеніе массъ, доказательство тому — юбилейныя торжества съ открытіемъ памятника завоевателю. Они задуманы населеніемъ добровольно, безъ всякой подсказки со стороны правительства, и потребовали немало денегъ и хлопотъ. Одинъ памятникъ обошелся свыше 90,000 руб. На него не было всероссійской подписки, не было никакой правительственной субсидіи—средства собраны самимъ населеніемъ безъ различія національностей. Кромѣ памятника, рижская городская дума постановила учредить: 1) два ремесленныя училища съ вечерними занятіями (будутъ стоить до 400,000 руб.); 2) «Петровскій паркъ» въ мѣстности, откуда велась послѣдняя осада Риги; 3) ночлежный пріютъ на 200 чел.; 4) пріютъ для 200 чел. дѣтей дошкольнаго возраста; 5) убѣжище для 100 обѣднѣвшихъ и потерявшихъ трудоспособность интеллигентовъ. Общая сумма расходовъ на всѣ эти учрежденія, по сообщенію «Рижскаго Путеводителя», простирается до милліона рублей».

Минуя общее описаніе празднествъ въ Ригѣ по случаю ея посѣщенія Государемъ Императоромъ и обращаясь къ главному историческому моменту тамошнихъ дней—открытію памятниковъ Петру I—отмѣтимъ, что оно протекло въ слѣдующемъ порядкѣ.

5-го іюля пять пушечныхъ выстрѣловъ въ 8 часовъ утра возвѣстили о наступленіи торжественнаго дня юбилея. Въ русскій соборъ въ $9^1/_2$ часовъ начался съѣздъ. Прибыли предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Столыпинъ, военный министръ генералъ Сухомлиновъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ ген. Курловъ, начальникъ главнаго штаба ген. Кондратьевъ, ген.-ад. Дедюлинъ, Гринвальдъ, графъ Бенкендорфъ и лица Государевой свиты, придворные чины, генералы и адмиралы, всѣ прибалтійскіе губернаторы, губернскіе и уѣздные предводители дворянства и ландраты лифляндскіе, с.-петербургскій, московскій и рижскій городскіе головы съ гласными, представители большой и малой гильдіи Риги, городскіе головы изъ уѣздныхъ городовъ, волостные старшины, представители купечества, депутаціи мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній и комитетъ по сооруженію памятника.

Государь прибылъ въ соборъ, сопровождаемый министромъ императорскаго двора ген-.ад. бар. Фредериксомъ. Кругомъ собора стояли войска. Проѣзжая, государь здоровался. У входа въ церковь встрѣтилъ государя архіепископъ Агаѳангелъ, съ крестомъ и св. водою. Торжественно служилъ владыка святую литургію и прекрасно пѣли архіерейскіе пѣвчіе. Архіепископу сослужилъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства Аквилоновъ и сонмъ священниковъ. Церемоніймейстеры съ тросточками охраняли порядокъ и широкій проходъ по серединѣ, по которому послѣ обѣдни

вышелъ Государь и затѣмъ изъ алтаря двинулась процессія крестнаго хода. Государь прошелъ по линіямъ войскъ на бульваръ къ закрытому пеленой памятнику Петра Великаго. Войска стояли вдоль аллеи Александровскаго бульвара и по обѣ стороны памятника. При звонѣ колоколовъ среди шпалеръ войскъ, отдающихъ честь, двигался длинный крестный ходъ. Все это заполнило площадку кругомъ памятника, напротивъ котораго на высокой трибунѣ возвышалась эффектная живая гора зрителей, каскадъ головъ и дамскихъ шляпъ. Спиною къ трибунѣ, лицомъ къ памятнику, золотымъ полукругомъ стало духовенство; хоругви отъ крестнаго хода стали по сторонамъ памятника. Архіепископъ совершилъ благодарственное молебствіе, звучный басъ протодіакона провозгласилъ царское многолѣтіе. Наступила минута общаго ожиданія, глаза всѣхъ устремлены на закутаннаго великана. Тихо началъ протодіаконъ «вѣчную память» Петру I; тихо пѣли пѣвчіе; архіерей кадитъ. Но вотъ смолкаютъ стройные голоса поющихъ. Государь накрываетъ голову, накрываются по командѣ и войска, и съ замирающими звуками пѣнія падаетъ покрывало, и конная статуя Петра стоитъ открытой на гранитномъ пьедесталѣ среди садовъ присоединенной имъ Риги. Команда: «слушай», «на краулъ», бьютъ барабаны, трубятъ трубы, играетъ музыка; войска отдаютъ честь памятнику, а 30 миноносцевъ и канонерокъ въ рижскихъ водахъ и батареи артиллеріи на берегу открываютъ потрясающую пальбу, сливающуюся съ звуками Петровскаго марша. По отданіи чести памятнику, войска снова берутъ «на молитву»; протодіаконъ возглашаетъ многолѣтіе воинству и всѣмъ вѣрноподданнымъ; архіепископъ поднимается къ памятнику и окропляетъ его святой водой. Государь съ Государыней и великими княжнами обходитъ памятникъ; въ церквахъ звонятъ колокола; крестный ходъ медленно удаляется во главѣ съ архіереемъ. Войска между тѣмъ перестраиваются къ церемоніальному маршу. Къ памятнику приближаются депутаціи съ вѣнками. Возлагаютъ ихъ рижская городская дума и прибалтійскія губерніи и города Феллинъ и Аренсбургъ изъ лавровъ, а также лифляндское, курляндское и эстляндское дворянство; россійское дворянство возлагаетъ вѣнокъ изъ матоваго серебра—вѣтвь пальмы среди вѣнка изъ дуба, серебряный же вѣнокъ на бѣломъ атласномъ щитѣ—первопрестольная Москва; богатъ по художественной отдѣлкѣ вѣнокъ изъ серебра стальнаго цвѣта съ рельефными бутонами лилій на щитѣ голубого бархата отъ гор. Петербурга; полкъ имени графа Шереметева возложилъ свой серебряный вѣнокъ; вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ Прибалтійскаго православнаго братства съ надписью на лентахъ: «Побѣдоносному завершителю ливонскихъ войнъ императору Петру Первому». У памятника стали часовые. При восторженныхъ кликахъ «ура» тысячъ народа Цар-

ская семья отбыла на свою яхту, а волны народа устремились и окружили памятникъ, разсматривая его и вѣнки.

Такъ протекли Петровскіе юбилейные дни въ Выборгѣ и Ригѣ. На территоріи обоихъ этихъ городовъ, смоченныхъ русскою кровью, высятся отнынѣ монументальные памятники ихъ завоевателя, какъ бы символизируя, что отнынѣ ни у кого не можетъ родиться сомнѣнія, о тѣсномъ единеніи ихъ со всей Россіей. На стражѣ этого единенія стоитъ великій царь со своимъ грознымъ взглядомъ, передъ которымъ все должно склоняться. Воля его непреклонна, и горе непокорнымъ.

Л. Б.

ЦАРЕУБІЙСТВО 1 МАРТА 1881 ГОДА.

(Историческіе очерки).

IV. Покушеніе А. К. Соловьева на жизнь государя Александра II.

I.

Террористическая тенденція юга, какъ опредѣленная и непрерывная система дѣйствій, высказанная Осинскимъ и встрѣченная сѣверными революціонными сообществами несочувственно, уже въ началѣ 1879 года становится захватывающею и терроръ становится тѣмъ центромъ, около котораго группируются почти всѣ наиболѣе выдающіяся силы тогдашней русской революціи.

Давая обстоятельнѣйшую хронику политическихъ массовыхъ обысковъ и арестовъ въ столицѣ, производившихся по распоряженію главы Третьяго отдѣленія, въ лицѣ генералъ-лейтенанта Дрентельна, смѣнившаго убитаго Мезенцова, редакція «Листка Земли и Воли» ставила вопросъ: «Чѣмъ же намъ отвѣтить на этотъ разгулъ? Чѣмъ отмстить

Императоръ Александръ II.

за погубленныхъ товарищей? Вотъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ, который противъ нашей воли выдвигаютъ на первый планъ политическія событія послѣдняго времени». Какъ бы въ отвѣтъ на поставленный вопросъ послѣдовалъ и фактическій отвѣтъ въ видѣ слѣдующаго сообщенія подъ заголовкомъ: «Покушеніе на жизнь Дрентельна». Здѣсь сказано: «Въ про-

шедшемъ листкѣ, вышедшемъ 12-го марта, мы говорили о необходимости чѣмъ нибудь отвѣтить на дѣянія шефа жандармовъ Дрентельна. 13-го марта прежде, чѣмъ разошелся нашъ «Листокъ», революціонеръ, вооруженный револьверомъ системы Виблея, выстрѣлилъ въ проѣзжавшаго въ каретѣ около Лѣтняго сада Дрентельна, пробивъ оба стекла кареты, но не задѣвъ сидѣвшаго въ ней шефа жандармовъ. Какъ видно, судьба на этотъ разъ благопріятствовала Дрентельну: вторая предназначенная для него пуля, вслѣдствіе величины заряда, засѣла за стволъ револьвера, и сдѣлать новый выстрѣлъ оказалось невозможнымъ. Стрѣлявшему оставалось только пришпорить лошадь и ускакать отъ постоянно сопровождавшихъ Дрентельна шпіоновъ. До сихъ поръ онъ не разысканъ полиціей. Да послужитъ этотъ случай первымъ предостереженіемъ Дрентельну. Исполнительный комитетъ, какъ извѣстно, рѣдко даетъ промахи».

Какъ мы видимъ, случайность спасла жизнь Дрентельну, и стрѣлявшему въ него революціонеру Мирскому, благодаря плохой тогда организаціи полицейской и охранной службы, легко удалось скрыться. Онъ былъ захваченъ лишь впослѣдствіи, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, судимъ, сосланъ и только въ недавнее «освободительное» время возвращенъ съ Сахалина, но бурныя событія въ Сибири, гдѣ онъ имѣлъ осѣдлость, захватили его въ свой водоворотъ, и онъ снова очутился, согласно постановленію мѣстнаго военнаго суда, въ каторжной тюрьмѣ. Такимъ образомъ, драматическій эпизодъ съ генералъ-адъютантомъ Дрентельномъ не явился въ цѣпи тогдашнихъ революціонныхъ событій особо выдающимся моментомъ и не повлекъ за собою значительныхъ послѣдствій. Онъ показалъ лишь, что атмосфера насыщается революціоннымъ электричествомъ, что борьба разгорается во всю и что не за горами событія еще большей первоважности. И они не замедлили сказаться, обнаружившись въ покушеніи на жизнь императора Александра II 2-го апрѣля 1879 года. Этому событію, раскатившемуся по всей Россіи грознымъ набатомъ, возвѣстившимъ начало политическаго пожара, предшествовали обширнѣйшіе обыски и аресты, особенно въ Петербургѣ. По свѣдѣніямъ «Листка Земли и Воли», первые дни послѣ 12-го марта ознаменовались такимъ количествомъ самыхъ невѣроятныхъ обысковъ и арестовъ въ Петербургѣ, какихъ уже давно никто не помнитъ. «Эти обыски и аресты, происходившіе большею частью у людей съ положеніемъ, породили въ публикѣ столько преувеличенныхъ или явно нелѣпыхъ слуховъ, что разобраться въ нихъ и отличить достовѣрное отъ недостовѣрнаго пока нѣтъ никакой возможности... Упомянемъ только о нѣкоторыхъ. Арестованы: 1) литераторъ Лесевичъ на Васильевскомъ островѣ; въ квартирѣ его немедленно была устроена засада, въ которую попалось нѣсколько человѣкъ, пришедшихъ навѣстить его семейство. Лесевичъ находится въ Литовскомъ замкѣ. 2) Грибоѣдовъ, служащій въ государственномъ банкѣ и въ обще-

ствѣ Краснаго Креста; арестованъ въ собственной квартирѣ на Кавалергардской улицѣ; находится въ Литовскомъ замкѣ; 3) студентъ Шуппе, у котораго арестовано человѣкъ восемь, пришедшихъ къ нему послѣ обыска; 4) докторъ Кадьянъ, оправданный по процессу 193; въ устроенную въ его квартирѣ засаду попалъ профессоръ уголовнаго права с.-петербургскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Таганцевъ, который, однако, въ тотъ же день былъ освобожденъ. Кромѣ того, арестованы: учитель Ковальскій на Литейномъ проспектѣ, Литошенко, Елена Косычъ, Квасина и студентъ Бутковичъ, племянникъ (градоначальника) Зурова. Всѣхъ арестованныхъ, какъ говорятъ, болѣе ста человѣкъ».

Изъ этого сообщенія партіи «Земли и Воли» мы видимъ, во-первыхъ, что редакція была хорошо информирована въ хроникѣ арестовъ, что могло имѣть мѣсто только при условіи полученія ею свѣдѣній изъ полицейскихъ источниковъ, гдѣ, очевидно, у нея имѣлись связи, и, во-вторыхъ, что правительственная агентура напряженно обслѣдовала обывательскую среду въ разныхъ ея наслоеніяхъ, имѣя основаніе полагать, что эта среда безусловно такъ или иначе причастна къ теченіямъ въ революціонной арміи и имѣетъ съ нею постоянное сообщеніе и, быть можетъ, косвенно ей содѣйствуетъ разными средствами и способами. А пока этому обслѣдованію обывателей посвящалось столько силъ и времени, среди нѣкоторыхъ представителей революціонной фракціи обсуждался вопросъ о цареубійствѣ и шли къ нему даже дѣятельныя приготовленія.

II.

Въ своемъ мѣстѣ мы приводили нѣкоторыя свѣдѣнія изъ жизни А. К. Соловьева, обрисовывающія его какъ народника-пропагандиста, принадлежавшаго къ большому обществу пропаганды и прошедшаго, такъ сказать, курсъ хожденія «въ народъ».

Въ 1879 году онъ явился въ Петербургъ и вотъ какія обстоятельства и встрѣчи стали на пути его дальнѣйшей революціонной дѣятельности, повѣданныя въ показаніи Гольденберга, послужившемъ однимъ изъ главныхъ основаній къ раскрытію дѣлъ о 16 и 20 террористахъ, слушавшихся въ 1880 и 1883 гг.

Гольденбергъ показалъ [1]), что «съ 1878 года тѣ же самыя событія, которыя, такъ сказать, обострили характеръ революціоннаго движенія и способствовали выдѣленію фракціи «террористовъ», вызвали въ то же время такое настроеніе, подъ вліяніемъ котораго мысль о цареубійствѣ встрѣчалась сочувственнѣе, и о немъ стали говорить, какъ о такомъ событіи, которое могло соотвѣтствовать

[1]) «Русская историческая библіотека» № 4.

цѣлямъ революціоннымъ. Но въ этотъ періодъ времени никакихъ опредѣленныхъ плановъ по сему предмету не существовало, были только толки лишь чисто отрывочнаго характера, но характеристикой сего періода является то, что мысль о вышесказанномъ злодѣяніи встрѣчается отрицательно и даже съ порицаніемъ до 1877 года, затѣмъ она уже находила себѣ нѣкоторое сочувствіе и вызывала толки. Въ 1878 году, съ одной стороны, подъ вліяніемъ напора общихъ текущихъ событій, а съ другой—подъ вліяніемъ удачныхъ политическихъ убійствъ—мысль о цареубійствѣ еще болѣе стала вызывать сочувствія».

Уже осенью 1878 года южно-русскими бунтарями Давыденкомъ, унтеръ-офицеромъ Логовенкомъ, Витенбергомъ и извѣстнымъ революціонеромъ Чубаровымъ и др., при содѣйствіи нѣкоторыхъ служащихъ въ черноморскомъ флотѣ, подкидывается близъ города Николаева, по пути тогдашняго слѣдованія государя, мина, въ цѣляхъ ея взрыва. Но мина эта во время была выловлена полиціей, и намѣченное покушеніе не состоялось.

Говорили о цареубійствѣ,—продолжалъ свое показаніе Гольденбергъ,—«съ теченіемъ времени больше прежняго стали придавать значенія сему преступленію, какъ средству для достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ не только фракціей «террористовъ», но и вообще всей соціально-революціонной партіей. Подъ вліяніемъ такой мысли находился онъ, Гольденбергъ, послѣ совершенія убійства князя Кропоткина. Въ мартѣ 1879 года онъ, отправившись въ Петербургъ, задался цѣлью возбудить тамъ вопросъ о цареубійствѣ и всесторонне обсудить его. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ встрѣтился тамъ съ знакомыми, изъ которыхъ приходилось больше говорить съ Зунделевичемъ и Александромъ Михайловымъ.

«Въ разговорѣ съ ними послѣ 13-го марта ему снова пришлось говорить о цареубійствѣ.

«Неудавшееся покушеніе на жизнь генералъ-адъютанта Дрентельна имѣло, очевидно, вліяніе на взгляды и убѣжденія Зунделевича и Михайлова, и подъ вліяніемъ неудачи они стали говорить о цареубійствѣ, какъ о такомъ событіи, рѣшеніе котораго являлось необходимымъ въ ближайшемъ будущемъ. Съ этого момента между ними и Гольденбергомъ установилось согласіе, и они начали преслѣдовать одну и ту же мысль. Подъ вліяніемъ созрѣвшаго желанія онъ, Зунделевичъ и Александръ Михайловъ сначала обсуждали этотъ вопросъ втроемъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ ними приступили къ обсужденію: Соловьевъ, появившійся тогда въ Петербургѣ, Людвигъ Кобылянскій и нѣкто Александръ Квятковскій. Такимъ образомъ, всѣ они вшестеромъ имѣли нѣсколько засѣданій въ трактирахъ, разъ въ «Сѣверномъ» на Офицерской улицѣ, другой разъ гдѣ-то въ трактирѣ на Большой Садовой и еще гдѣ-то въ трактирахъ, но гдѣ именно—не помнитъ. Для совѣщаній они брали отдѣльныя ком-

паты въ трактирахъ и толковали по нѣсколько часовъ. Говорили очень много, но обсуждали вопросъ опять только теоретически, т. е. съ точки зрѣнія выгодъ отъ преступленія для революціонныхъ цѣлей. Въ своихъ засѣданіяхъ они не касались вопроса о формѣ самаго убійства и средствахъ для его совершенія, не останавливаясь даже на томъ, кто долженъ совершить оное, результатомъ же всѣхъ ихъ разсужденій было полное соглашеніе на совершеніе убійства, причемъ несомнѣнно совершить его долженъ былъ кто-нибудь изъ нихъ шестерыхъ. Въ засѣданіяхъ больше другихъ говорили онъ, Гольденбергъ, Михайловъ и Соловьевъ, а меньше всѣхъ Кобыеянскій. Когда, такимъ образомъ, вопросъ теоретически былъ окончательно рѣшенъ, то перешли къ обсужденію практической стороны дѣла, т. е. въ выбору лица, средства и времени совершенія преступленія. Первымъ предложилъ свои услуги самъ Гольденбергъ, но предложеніе его не было принято, такъ какъ находили, что ему, какъ еврею, не слѣдуетъ брать этого дѣла на себя, ибо тогда для общества, а главное для народа оно не будетъ имѣть должнаго значенія; признали поэтому, что преступленіе долженъ совершить непремѣнно русскій, и только въ такомъ случаѣ оно получитъ надлежащее значеніе и окраску. По такимъ соображеніемъ, не было принято и даже не обсуждалось въ засѣданіи предложеніе Кобылянскаго, который также заявилъ о своемъ желаніи совершить злодѣяніе. Его не признали для этого дѣла годнымъ, какъ поляка, боясь, что тогда придадутъ всему дѣлу значеніе, какъ событію для цѣлей польскихъ интересовъ. Когда его, Гольденберга, предложеніе было отвергнуто, а Кобылянскаго даже не обсуждалось, тогда свои услуги предложилъ Соловьевъ, и его признали совершенно годнымъ и совмѣщающимъ въ себѣ всѣ условія для сего дѣла. По избраніи, такимъ образомъ, Соловьева, Гольденбергъ снова предложилъ свои услуги, находя, что было бы удобнѣе двумъ лицамъ пойти на преступленіе и приступить ему къ дѣлу тогда, когда попытка Соловьева почему-либо не удалась бы. Первоначально предложеніе его въ этой формѣ было принято, но послѣ не примѣнилось къ дѣлу, вслѣдствіе увѣренія Соловьева, что онъ и самъ хорошо умѣетъ стрѣлять, въ чемъ Гольденбергъ, впрочемъ, имѣлъ случай убѣдиться, ибо часто ходилъ съ Соловьевымъ,—при чемъ разъ только былъ и Кобылянскій,—для упражненія въ стрѣльбѣ изъ револьвера въ стрѣльбищѣ въ Семеновскомъ полку. За разрѣшеніемъ, такимъ образомъ, вопроса, кѣмъ и какимъ способомъ совершить преступленіе, настаивали на скорѣйшемъ осуществленіи онаго и 31-го марта стали предупреждать всѣхъ нелегальныхъ, чтобы спѣшили выѣхать изъ столицы, въ виду могущихъ послѣдовать арестовъ. 31-го марта онъ, Гольденбергъ, какъ нелегальный, выѣхалъ изъ Петербурга въ Харьковъ по желѣзной дорогѣ, куда прибылъ 2-го апрѣля вечеромъ. При отъѣздѣ получилъ отъ Зунделевича значительное количество прокла-

мацій по поводу убійства князя Кропоткина, покушенія на жизнь Дрентельна и газету «Земля и Воля» для передачи въ Харьковѣ; пріѣхавъ туда, онъ узналъ о случившемся 2-го апрѣля, но ни съ кѣмъ въ Харьковѣ по этому дѣлу не говорилъ. Къ сему Гольденбергъ присовокупилъ, что когда Соловьевъ уже пріобрѣлъ револьверъ, тотъ самый, изъ котораго стрѣлялъ 2-го апрѣля, то съ нимъ ходилъ покупать патроны и онъ, Гольденбергъ. Они заходили въ какой-то магазинъ въ Гостиномъ ряду, затѣмъ на Невскомъ проспектѣ и, наконецъ, подобрали патроны въ магазинѣ на Большой Морской. Въ магазинъ вмѣстѣ съ Соловьевымъ Гольденбергъ не входилъ; но со словъ Соловьева знаетъ, что сей послѣдній, покупая патроны, говорилъ, что дѣлаетъ это для какого-то помѣщика, которому они нужны для медвѣжьей охоты.

Дворянинъ Людвигъ Кобылянскій, сознавшійся въ убійствѣ, вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, князя Кропоткина, относительно участія своего въ покушеніи 2-го апрѣля показалъ, что «въ мартѣ 1879 года, получивъ отъ кіевскаго революціоннаго кружка порученіе ѣхать въ Петербургъ за запрещенными газетами, онъ, прибывъ туда, остановился по одному изъ данныхъ ему адресовъ, котораго не помнитъ, и, познакомившись къ Коломнѣ съ какимъ-то господиномъ, сталъ посѣщать съ нимъ разныя квартиры. «Однажды, отправившись для свиданія съ нимъ же въ какую-то гостиницу по Офицерской улицѣ, онъ былъ приведенъ въ особую комнату, гдѣ засталъ нѣсколько человѣкъ, въ числѣ которыхъ были Гришка (Гольденбергъ), Соловьевъ, Зунделевичъ и другіе, ему, Кобылянскому, незнакомые. Лица эти толковали о томъ, чтобы посягнуть на жизнь государя императора, разсуждали, какъ и кому совершить преступленіе, и рѣшили, что совершитъ его Соловьевъ открыто. По поводу того же Кобылянскій слышалъ разсужденія и въ другой разъ, тѣхъ же лицъ, въ какой-то гостиницѣ возлѣ Невскаго, и припоминаетъ, что именно тутъ, а не на Офицерской улицѣ, было рѣшено, что преступленіе совершитъ открыто Соловьевъ; на Офицерской же были только общія разсужденія о дѣлѣ. Вотъ все, въ чемъ выразилось его, Кобылянскаго, участіе въ преступленіи 2-го апрѣля, а именно онъ зналъ, что это преступленіе замышляется, зналъ, что его долженъ совершить Соловьевъ, но не зналъ, когда оно должно совершиться, и даже не былъ увѣренъ, что оно будетъ совершено».

Дворянинъ Александръ Квятковскій, при слѣдствіи надъ нимъ послѣ ареста по дѣлу «16-ти терористовъ», давая подробное показаніе объ организаціи народнической партіи и о другихъ преступленіяхъ, показалъ слѣдующее: «мысль о необходимости совершенія подобнаго преступленія раздѣлялась въ то время очень и очень немногими, и онъ, Квятковскій, положительно утверждаетъ, что народническая организація не являлась въ этомъ событіи санкціонирующей силой, что, какъ бы она ни относилась къ оному—одобряла

или не одобряла—это не имѣло никакого значенія на совершеніе покушенія Александромъ Соловьевымъ. Соловьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ совершить это преступленіе, мысль о коемъ возникла у него совершенно самостоятельно, независимо ни отъ какого вліянія, и ничто не могло бы остановить его. Квятковскій не отрицаетъ, что часть народнической организаціи знала о намѣреніи Соловьева, не отрицаетъ сего и относительно себя, но отрицаетъ, будто бы только на сходкѣ, на которой и онъ, Квятковскій, присутствовалъ (бывшей гдѣ-то въ гостиницѣ на Офицерской улицѣ), было рѣшено, какъ показываетъ Гольденбергъ, произвести покушеніе 2-го апрѣля. Эта сходка не имѣла никакого значенія на то, будетъ или нѣтъ совершено преступленіе; Соловьевъ все-таки совершилъ бы оное; даже не позволилъ бы, чтобы кто другой замѣнилъ его; это была его idée fixe. Въ пособникахъ онъ тоже не нуждался по самымъ условіямъ дѣла, и даже лица, знавшія о готовившемся событіи, не знали о самомъ днѣ его, ибо все зависѣло отъ того, когда Соловьевъ встрѣтитъ государя императора. Онъ тоже не могъ нуждаться въ одобреніи своего намѣренія отъ народнической организаціи, или въ денежной помощи, потому что всѣ расходы ограничивались покупкою чиновничьей фуражки; револьверъ же, какъ было извѣстно, былъ купленъ еще за годъ тому назадъ. Къ сему Квятковскій присовокупилъ, что все его участіе въ покушеніи 2-го апрѣля заключалось въ знаніи о немъ, но положительно утверждалъ, что о томъ знали только бывшія на сходкѣ въ Офицерской улицѣ лица и еще нѣсколько человѣкъ изъ народнической организаціи».

Таковы условія сочувствія и партійнаго содѣйствія Соловьеву въ его замыслѣ цареубійства, а вотъ та обще-революціонная обстановка, на фонѣ которой осуществился этотъ замыселъ. О ней намъ повѣствуетъ извѣстный «шлиссельбуржецъ» Н. А. Морозовъ въ статьѣ «Возникновеніе «Народной Воли» (изъ воспоминаній о липецкомъ и варшавскомъ съѣздахъ [1]). Повѣдавъ о раздорахъ и политическомъ несогласіи, обнаружившемся въ 1879 г. въ обществѣ «Земли и Воли», онъ говоритъ: «Всѣ попытки активной пропаганды общества «Земли и Воли» скоро кончались гибелью, а изъ спасшихся значительная часть убѣждалась въ необходимости бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ тѣмъ общественнымъ строемъ, который погубилъ ихъ товарищей за проповѣдь идей, которыя они считали справедливыми. Въ результатѣ произошло то, что большинство членовъ петербургской группы «Земли и Воли» стали, какъ я тогда выражался, неопартизанами, т. е. превратились въ боевую дружину, боровшуюся съ оружіемъ въ рукахъ за политическую свободу для всѣхъ. Они выпускали свои предупрежденія и заявленія

[1]) «Былое» 1906 г., декабрь.

отъ имени «исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи», печать которой я хранилъ у одного изъ старѣйшихъ литераторовъ того времени.

«Тѣ же, которые все же еще не рѣшались выговорить страшный для нихъ, но выдвигаемый самой жизнью девизъ: «борьба за политическую свободу», по большей части осуществляли ту же программу, но только не возводя ее въ теорію. Они говорили, что только мстятъ своимъ врагамъ за погубленныхъ ими товарищей, но что главное средство борьбы, къ которому мы должны призывать всѣхъ, есть попрежнему: «итти въ народъ, въ деревни». Это они и проповѣдывали вездѣ среди молодежи, особенно настаивая на томъ, что въ случаяхъ вооруженной борьбы; личность царя и членовъ царской семьи должны быть неприкосновенны. Открытыя дѣйствія противъ царя, говорили они, вызвали бы взрывъ фанатизма противъ пропагандистовъ въ крестьянствѣ и дали бы поводъ правительству прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя сдѣлали бы совершенно невозможной всякую соціалистическую пропаганду въ народѣ; гораздо лучше было бы поднять народъ отъ имени царя, какъ пытались сдѣлать годъ тому назадъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ Дейчъ и Стефановичъ. Представительный же образъ правленія привелъ бы, по ихъ мнѣнію, только къ развитію буржуазіи въ Россіи, какъ это случалось во всѣхъ иностранныхъ монархіяхъ и республикахъ. Рабочему народу онъ принесъ бы только вредъ.

«Съ этимъ большинство изъ насъ, какъ республиканцевъ въ душѣ, не могло согласиться, и потому въ нашей петербургской группѣ начался такой же расколъ, какъ уже былъ у насъ въ редакціи «Земли и Воли». Во главѣ противниковъ новаго пути сталъ Плехановъ и мой будущій товарищъ по Шлиссельбургской крѣпости Михаилъ Поповъ.

«Когда въ Петербургъ явился Соловьевъ и заявилъ обществу «Земли и Воли», черезъ Александра Михайлова, о своемъ намѣреніи сдѣлать покушеніе на жизнь Александра II, раздоръ между двумя нашими партіями достигъ крайней степени. Александръ Михайловъ, доложивъ на собраніи о готовившемся покушеніи, просилъ предоставить въ распоряженіе Соловьева (фамилію котораго онъ не счелъ возможнымъ сообщить въ общемъ собраніи) лошадь для бѣгства послѣ покушенія и кого-нибудь изъ членовъ общества, чтобы исполнить обязанность кучера.

«Произошла бурная сцена, при которой «народники», какъ называли себя будущіе члены общества «Черный Передѣлъ», съ крикомъ требовали, чтобы не только не было оказано никакого содѣйствія пріѣхавшему на цареубійство, но чтобы самъ онъ былъ схваченъ, связанъ и вывезенъ вонъ изъ Петербурга, какъ сумасшедшій. Но большинство оказалось другого мнѣнія, и объявило, что хотя и не будетъ помогать Соловьеву отъ имени всего общества, въ виду

обнаружившихся разногласій, но ни въ какомъ случаѣ не запретить отдѣльнымъ членамъ оказать ему посильную помощь. «Народники» объявили, что они сами въ такомъ случаѣ помѣшаютъ исполненію проекта, а одинъ изъ нихъ даже воскликнулъ среди общаго шума и смятенія, что самъ убьетъ «губителя народническаго дѣла, если ничего другого съ нимъ нельзя сдѣлать!»

«Плехановъ держался болѣе тактично, чѣмъ остальные сторонники старой программы на этомъ бурномъ засѣданіи, на которомъ неизбѣжность распаденія общества «Земли и Воли» сдѣлалась очевидной почти для каждаго изъ насъ. Онъ требовалъ только, чтобы Михайловъ сообщилъ обществу фамилію этого пріѣхавшаго, но послѣдній объявилъ, что послѣ того, что онъ здѣсь слышалъ, сообщить ее стало совершенно невозможно.

«— Я знаю его фамилію,—воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ:—это—Гольденбергъ!..

«Гольденбергъ дѣйствительно пріѣхалъ изъ Кіева за нѣсколько дней до Соловьева съ той же самой цѣлью, но мы его отговорили, считая, что онъ, какъ еврей, можетъ вызвать такимъ поступкомъ рядъ еврейскихъ погромовъ со стороны тѣхъ элементовъ народа, которые теперь называются хулиганами. Затѣмъ мы ставили ему на видъ, что антисемиты воспользуются этимъ, чтобы исказить смыслъ его поступка.

«—Не разувѣряй,—шепнулъ Михайлову одинъ изъ присутствующихъ на совѣщаніи:—пусть гоняются за Гольденбергомъ, а Соловьевъ тѣмъ временемъ успѣетъ все сдѣлать.

«Вскорѣ послѣ этого собраніе разошлось. Кто-то изъ насъ почти тотчасъ же побѣжалъ предупредить Гольденберга, что ему грозитъ въ Петербургѣ большая опасность и что онъ долженъ немедленно уѣхать на нѣкоторое время въ провинцію. Это Гольденбергъ тотчасъ же и сдѣлалъ.

«Когда на слѣдующій день мы, сторонники политической борьбы, сошлись между собою, мы долго и серьезно обсуждали положеніе дѣлъ. Я стоялъ за то, что если разрывъ, какъ это выяснилось вчера, сталъ неизбѣженъ, то самое лучшее окончить его какъ можно скорѣе, для того, чтобы и у той и у другой фракціи развязались руки для практической дѣятельности. Квятковскій и Михайловъ тоже присоединились ко мнѣ, хотя и выставляли мнѣ на видъ практическія затрудненія, которыя должны будутъ возникнуть при раздѣлѣ общихъ фондовъ организаціи, образовавшихся изъ пожертвованій богатыхъ членовъ той и другой группы... Наконецъ рѣшили, что лучше всего предоставить каждому взять въ свою группу то, что у него осталось къ данному времени, т. е. возвратить каждому наличный остатокъ отъ его пожертвованій, не принимая въ расчетъ, чьи средства больше тратились до сихъ поръ на дѣла организаціи. Мы всѣ соглашались, что помогать Соловьеву, предоста-

вивъ самовольно въ его распоряженіе лошадь и кого-либо изъ насъ въ видѣ кучера для бѣгства съ Дворцовой площади, мы не имѣемъ права, послѣ выраженныхъ «народниками» протестовъ. Но помогать ему въ качествѣ частныхъ лицъ сейчасъ же взялись Александръ Михайловъ, Квятковскій и нѣкоторые другіе.

«Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней у нихъ состоялось спеціальное совѣщаніе съ Соловьевымъ, гдѣ онъ объявилъ, что рѣшилъ дѣйствовать въ одиночку, пожертвовавъ своей жизнью. Все, что было ему дано нашей группой,—это большой, сильный револьверъ особой системы, купленный однимъ изъ насъ случайно черезъ доктора Веймара[1]), въ домѣ котораго помѣщалось центральное депо оружія, да еще нѣсколько граммовъ сильнаго яда для того, чтобы не отдаваться живымъ въ руки опричниковъ. 1-го апрѣля 1879 г. онъ простился со всѣми своими знакомыми на квартирѣ Александра Михайлова».

III.

Въ духѣ такого же нарастанія событій показывалъ и А. Михайловъ на «процессѣ 20-ти», но, какъ болѣе Н. А. Морозова активное въ дѣлѣ 2-го апрѣля лицо, съ нѣкоторыми, не лишенными интереса подробностями, почему и приводимъ его показанія полностью[2]). Михайловъ показывалъ: «Въ февралѣ 1879 г. Соловьевъ возвратился изъ народа съ самыми радужными воспоминаніями о немъ и съ жаждой принести для него великую пользу. Онъ задумалъ цареубійство. До 1878 года соціалъ-революціонная партія стремилась проводить свои идеи въ народѣ и уклонялась отъ всякой борьбы съ правительствомъ, даже и тогда, когда встрѣчало его на своемъ пути, какъ врага. Но постепенно репрессаліи правительства обострили враждебность отношеній къ нему партіи и довели дѣло, наконецъ, до рѣшительныхъ столкновеній. Особенно въ этомъ отношеніи повліяла гибель 70 человѣкъ въ тюрьмахъ во время дознанія по дѣлу 193-хъ, по которому было арестовано болѣе 700 человѣкъ, а потомъ отмѣнено ходатайство суда по этому же дѣлу для 12 человѣкъ. Главнымъ виновникомъ считался Мезенцовъ, за что онъ и погибъ. Послѣ него дѣятельность Дрентельна, выразившаяся въ самыхъ широкихъ погромахъ, высылкахъ и преслѣдованіяхъ молодежи и т. д., обрушившихся на тѣ сферы, откуда партія черпаетъ новыя силы, побудили послѣднюю помѣряться съ новымъ шефомъ.

«Такъ завязалась борьба съ правительствомъ, которая, въ силу централизованности правительственной машины и единаго санкціо-

---

[1]) Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить сдѣланную мною ошибку: въ революціонныхъ событіяхъ того времени принималъ участіе Веймаръ, а не Веймарнъ, какъ было говорено у меня. Б. Г.

[2]) «Русская историческая библіотека», № 4.

пирующаго начала—неограниченной власти царя,—неминуемо привела къ столкновенію съ этимъ началомъ. Такъ, въ 1879 г. революціонная мысль единицъ уже работала въ этомъ направленіи, и однимъ изъ такихъ былъ Соловьевъ, натура чрезвычайно глубокая, ищущая великаго дѣла, которое бы за разъ подвинуло значительно впередъ къ счастью судьбу народа. Онъ видѣлъ возможность такого шага впередъ—въ цареубійствѣ.

«По пріѣздѣ въ Петербургъ, не найдя тамъ никого изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, кромѣ меня, и зная, что я близко стою къ органу партіи «Земли и Воли», онъ открылъ мнѣ свою душу. Я въ то время не составилъ еще себѣ положительнаго мнѣнія по этому вопросу, но и моя мысль уже работала въ этомъ направленіи. Поэтому я не сталъ его разубѣждать, имѣя въ виду, кромѣ того, что разъ составившееся его рѣшеніе поколебать невозможно. Мало того, я считалъ себя обязаннымъ помочь ему, если это будетъ нужно.

«Черезъ нѣсколько дней послѣ откровенной бесѣды Александръ Константиновичъ (Соловьевъ) попросилъ достать ему яду. Я пообѣщалъ это сдѣлать, но многочисленныя занятія помѣшали мнѣ исполнить его просьбу. Своего намѣренія совершить покушеніе Соловьевъ въ то время еще не пріурочивалъ къ опредѣленному моменту, а потому, будучи свободенъ, помогалъ мнѣ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Такъ прошло болѣе мѣсяца. Совершилось удачное кропоткинское дѣло и неудачное покушеніе на Дрентельна. Страсти враждебныхъ лагерей достигли наибольшаго напряженія.

«Въ серединѣ марта пріѣхалъ въ Петербургъ Гольденбергъ, нашелъ меня и Зунделевича и сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи также итти на единоборство съ Александромъ II. Я видѣлъ, что Гольденбергъ сильно ажитированъ своимъ успѣхомъ въ Харьковѣ, но что, несмотря на это, онъ нуждается въ нѣкоторомъ давленіи, одобреніи со стороны товарищей. Узнавъ отъ него о цѣли пріѣзда, я не сталъ распространяться съ нимъ о подробностяхъ и при первомъ же случаѣ сообщилъ о немъ Соловьеву. Соловьевъ пожелалъ съ нимъ видѣться и говорить. Бесѣда должна была быть, сообразно съ важностью дѣла, въ высшей степени интимна, а они одинъ другого не знали. Поэтому я, Зунделевичъ и Квятковскій сочли своимъ долгомъ быть посредниками между ними—своею близостью къ обоимъ придать встрѣчѣ характеръ задушевности и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать наши мнѣнія, которыя были далеко небезынтересны тому и другому.

«И дѣйствительно, вскорѣ состоялось нѣсколько сходокъ въ трактирахъ. Разговоры на нихъ были оживленные; теоретически вопросъ обсуждался всѣми нами, но мы, посредники, старались избѣгать давленія на тѣхъ, для кого это былъ вопросъ жизни и смерти. Мы трое въ то время еще не были приготовлены къ самопожертвованію и чувствовали это. Сознаніе такого нашего положенія между двумя обрекавшими себя отнимало у насъ всякую нравственную

возможность принять участіе въ выборѣ того или другого. Мы предоставили вполнѣ избраніе ихъ свободному соглашенію.

«Я не могу не сознаться, однако, что нѣсколько не довѣрялъ рѣшимости Гольденберга и глубинѣ его мотивовъ. Александру Константиновичу же я безусловно вѣрилъ и считалъ, что только такой человѣкъ можетъ возложить на свои плечи подобный подвигъ. Выяснены были совмѣстно свойства и условія, необходимыя для исполнителя. Поставлено было на видъ, что необходимо избѣгать возможности дать поводъ правительству обрушиться своими репрессаліями на какое-либо сословіе или національность. Обыкновенно, правительство послѣ такого событія ищетъ солидарности между виновникомъ и средой, изъ которой онъ вышелъ. Съ поляка и еврея перенесли бы обвиненіе на національную вражду, и на голову цѣлыхъ милліоновъ упали бы новыя тяжести. Соловьевъ особенно принялъ къ сердцу это соображеніе. Оно побудило его покончить дѣло безповоротнымъ рѣшеніемъ, навсегда памятными словами: «Нѣтъ, только я удовлетворяю всѣмъ условіямъ. Мнѣ необходимо идти. Это мое дѣло. Александръ II—мой, и я его никому не уступлю».

«Ни Гольденбергъ, ни мы не сказали ни слова. Гольденбергъ, очевидно, почувствовалъ силу нравственнаго превосходства и уступилъ безъ спора; онъ только просилъ, чтобы Соловьевъ взялъ его, какъ помощника. Но условія единоборства, при которыхъ возможно было дѣйствовать только моментально, и то, что всякое лишнее лицо могло возбудить подозрѣніе, побудило Александра Константиновича отвергнуть и это предложеніе. Время, мѣсто и способъ совершенія покушенія помогли Соловьеву обойтись безъ всякой серьезной помощи съ нашей стороны».

При такихъ условіяхъ и въ такой обстановкѣ состоялось соглашеніе по убіенію Александра II, которое и принялъ на себя всецѣло единолично Соловьевъ. 1-го апрѣля онъ простился съ товарищами на квартирѣ Михайлова, а 2-го утромъ онъ уже направилъ дуло револьвера на гулявшаго неподалеку отъ Зимняго дворца государя императора. Фактическая сторона разсказана въ № 4 «Листка Земли и Воли» такъ:

«2-го апрѣля, въ 9 час. утра, произошло покушеніе на жизнь царя. Царь имѣетъ обыкновеніе рано утромъ совершать небольшую прогулку отъ праваго подъѣзда Зимняго Дворца, вокругъ зданія сельско-хозяйственнаго музея (между Главнымъ штабомъ, дворцомъ и Мойкой) и обратно. Мѣстность эта, и вообще очень уединенная, рано утромъ посѣщается развѣ двумя-тремя случайными прохожими; но царя сопровождаютъ человѣкъ 50 жандармовъ, городовыхъ и шпіоновъ. Когда царь, обогнувши зданіе сельско-хозяйственнаго музея, шелъ отъ Пѣвческаго моста къ Дворцовой площади, на тротуарѣ его встрѣтилъ человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи Александромъ Константиновичемъ Соловьевымъ, и выстрѣлилъ въ него на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ. Царь, слѣдившій еще издали за

Соловьевымъ, уклонился въ сторону въ моментъ выстрѣла и бросился бѣжать къ Главному штабу. Соловьевъ погнался за нимъ, дѣлая выстрѣлъ за выстрѣломъ; городовые бросились на Соловьева [1]). Царь споткнулся, запутавшись въ своей шинели, и упалъ, а Соловьева между тѣмъ схватили, и онъ успѣлъ сдѣлать въ свою защиту только одинъ выстрѣлъ, ранивши въ щеку одного изъ нападавшихъ. Тогда Соловьевъ проглотилъ бывшій у него ядъ (ціанъ-кали), который, однако, оказался настолько разложившимся, что не произвелъ моментальной смерти; подоспѣвшіе доктора успѣли продолжить для пытокъ и казни жизнь Соловьева».

Дѣйствительно, Соловьеву не удалось отравиться, и призванный профессоръ фармаціи Траппъ сумѣлъ извлечь изъ внутренностей арестованнаго проглоченный имъ ядъ, несмотря на сдѣланное ему исполнительнымъ комитетомъ «Земли и Воли» грозное предостереженіе, гдѣ было сказано:

«Исполнительный комитетъ, имѣя причины предполагать, что арестованнаго за покушеніе на жизнь Александра II Соловьева, по примѣру его предшественника Каракозова, могутъ подвергнуть при дознаніи пыткѣ, считаетъ необходимымъ заявить, что всякаго, кто осмѣлится прибѣгнуть къ такому роду выпытыванія показаній, исполнительный комитетъ будетъ казнить смертью. Такъ какъ профессоръ фармаціи Траппъ въ каракозовскомъ дѣлѣ уже заявилъ себя приверженцемъ подобныхъ пріемовъ, то исполнительный комитетъ предлагаетъ въ особенности обратить ему вниманіе на настоящее заявленіе».

По поводу событія 2-го апрѣля революціонной партіей на слѣдующій день была выпущена обширная прокламація-статья (№ 4 «Листка Земли и Воли»), гдѣ редакція, изложивъ фактическую сторону покушенія, приводитъ и мотивы, которые привели ее на путь цареубійства. Мотивы эти, по толкованію редакціи, сводились къ тому, что ожиданія, волновавшія общество къ началу новаго царствованія, не оправдались въ дѣйствительности, что народное благосостояніе не улучшилось, что интеллигенція не получила тѣхъ правъ участія въ государственномъ управленіи, на которыя она разсчитывала, что надъ жизнью этой интеллигенціи постоянно висятъ репрессіи, каковыя особенно наглядно выражаются въ массовыхъ арестахъ, въ казняхъ и преслѣдованіяхъ мирной дѣятельности соціалистовъ. Вся прокламація написана въ рѣзкомъ тонѣ и представляетъ собою безпощадную критику царствованія Александра II, за 24 года каковаго составители прокламаціи не могли найти ни одной свѣтлой страницы, не сумѣли отмѣтить ни одной полезной народу реформы.

---

[1]) Между прочимъ нельзя не отмѣтить, что во время покушенія Соловьева на площади Зимняго дворца находились нѣкоторые члены революціонной партіи, наблюдавшіе за всей драматической сценой. Б. Г.

IV.

Послѣ благополучнаго освобожденія государя отъ угрожавшей ему опасности и по возвращеніи его въ Зимній дворецъ вотъ что происходило здѣсь, а также въ мѣстѣ перваго заключенія схваченнаго Соловьева, о чемъ мы знаемъ изъ дневника Н. П. Литвинова, напечатаннаго на страницахъ «Историческаго Вѣстника» за 1907 г. Онъ повѣствуетъ [1]):

«1879 года, 2 апрѣля, понедѣльникъ, 2-й день Пасхи. «Минутъ 20 десятаго часа по утру тревожный звонокъ. Василій (камердинеръ) прибѣгаетъ и говоритъ, что въ государя стрѣляли, но, слава Богу, не задѣли, и что всѣ собираются во дворецъ. Одѣться въ парадную форму и быть на улицѣ—взяло не болѣе 5 минутъ. Жалкій, истрепанный «Ванька» предложилъ услуги и съ всхлипываніемъ началъ разсказывать, какъ онъ везъ барина какъ разъ подлѣ того мѣста и въ то время, какъ злодѣй стрѣлялъ. «Должно быть, изъ студентовъ», добавилъ онъ. Я сильно въ этомъ усомнился. Внизу, на Салтыковскомъ подъѣздѣ встрѣчаю молодого жандармскаго офицера, съ изогнутой саблей въ рукѣ, и Мевеса. Мевесъ во время катастрофы тоже гулялъ. Услышавъ выстрѣлъ и узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ бросился сообщить Рылѣеву, а затѣмъ къ моему швейцару Вейнбергу. Я побѣжалъ въ пріемную государя, разспрашивая по дорогѣ Мевеса, что онъ знаетъ. Оказалось, что у молодого жандармскаго офицера искривлена сабля оттого, что онъ ударилъ плашмя преступника, отчего тотъ упалъ на земь; тутъ его и схватили. Въ пріемной государя я встрѣтилъ графа Эдуарда Баранова, Грота, Грима, Воронцова-Дашкова и нѣкоторыхъ другихъ. У Баранова были слезы на глазахъ; кажется, его кухонный мужикъ былъ свидѣтелемъ части катастрофы и такъ какъ видѣлъ, что двое поддерживали государя, то и сообщилъ Баранову, что государь убитъ. Вотъ причина его неподдѣльнаго волненія. Вскорѣ государь вышелъ отъ императрицы, нѣсколько взволнованный, но веселый и здоровый на видъ. Онъ насъ всѣхъ перецѣловалъ, но очень разсердился на толстяка Н. Ив. Бахметева, который началъ громко рыдать и подвывать, что было весьма некстати. Государь сердитымъ голосомъ сказалъ ему, чтобы молебствіе было послѣ обѣдни; потомъ началъ разсказывать намъ, присутствующимъ, какъ все это случилось.

«Въ это время вошла Евгенія Максиміліановна съ мужемъ и сыномъ и прервала весьма для меня интересный разсказъ. Поздоровавшись съ ними, государь вошелъ въ кабинетъ, не продолжая разсказа. Выйдя изъ пріемной государя съ Воронцовымъ-Дашко-

[1]) «Истор. Вѣстн.», 1907 г., февраль.

вымъ, мы сговорились заѣхать къ Зурову, узнать что-нибудь о преступникѣ. Въ домѣ градоначальника насъ встрѣтилъ какой-то хожалый, предложившій намъ услуги, чтобы провести въ ту комнату, гдѣ находится стрѣлявшій. Черезъ пріемную и столовую мы прошли въ небольшой коридорчикъ, изъ котораго дверь вела на черную лѣстницу. Поднявшись на одинъ этажъ выше, мнѣ бросилась въ глаза надпись на дверяхъ: «отдѣленіе приключеній»; въ эту дверь мы и вошли. Тутъ мы увидѣли очень длинный коридоръ, образованный съ одной стороны окнами, а съ другой стороны—деревянной бѣлой стѣной съ нѣсколькими дверями. Первая дверь направо вела въ темную комнату, биткомъ набитую солдатами въ полной аммуниціи съ ружьями,—это караулъ. Обязательный хожалый отворилъ дверь въ слѣдующую комнату, со словами: «онъ тутъ». Въ длинной, но свѣтлой комнатѣ въ одно окно было порядочно много народу. Тутъ были и статскіе, и военные въ адъютантской формѣ, и полицейскіе; тутъ же былъ и Федоровъ, помощникъ градоначальника. Налѣво, на кожаномъ диванѣ, въ полулежачемъ, въ полусидячемъ положеніи находился молодой человѣкъ, лѣтъ около тридцати, высокаго роста, съ длинными русыми волосами и тонкими бѣлесоватыми усами. Онъ былъ въ толстомъ осеннемъ пальто, лѣвая рука его покоилась на колѣнѣ, головою онъ уткнулся въ уголъ дивана и правою рукою подпиралъ щеку. Онъ имѣлъ видъ человѣка въ обморочномъ состояніи. Подъ ногами на полу были двѣ лужи. Федоровъ мнѣ объяснилъ, что его рвало; полагаетъ что, онъ отравился, а потому давалъ ему пить молоко. На это я замѣтилъ, что слѣдовало бы обратиться за врачебною помощью; но за врачами разсылали въ разныя стороны и никого не нашли. Тогда я предложилъ имъ послать во дворецъ за Головинымъ, котораго я только что видѣлъ и котораго, конечно, тамъ застанутъ.

«Юный жандармскій офицеръ, тотъ самый, у котораго изогнутая шашка не входила въ ножны, съ восторгомъ принялъ мое предложеніе, только просилъ меня провести его по комнатамъ дворца и вмѣстѣ отыскать Головина.

«Дорогой онъ съ увлеченіемъ разсказывалъ, какъ кинулся на преступника и какую историческую роль разыграла его тульская шпажонка. Видно было, что онъ отъ радости не чувствовалъ земли подъ собой, и роль спасителя пріятно ему улыбалась. Головина нашли, и онъ немедленно поѣхалъ въ домъ Зурова.

«Къ 12 часамъ ротонда передъ малой церковью и весь коридоръ были биткомъ набиты народомъ. Я насилу протискался въ ротонду, тѣснота была такая страшная, что во время молитвы съ колѣнопреклоненіемъ не всѣ могли стать на колѣни. По окончаніи службы, государь поцѣловался со всѣми бывшими тамъ дамами. Подъ руку съ императрицей государь тихо двигался въ толпѣ, которая рвалась поцѣловать его руку или въ плечо. Черезъ свою

пріемную государь прошелъ въ комнаты императрицы и черезъ «золотую» гостиную направился въ бѣлый залъ, гдѣ собраны были всѣ чины гвардіи, флота и арміи.

«Оглушительное «ура» встрѣтило государя. Когда онъ сдѣлалъ знакъ рукою, что хочетъ говорить, мгновенно послѣдовало молчаніе, и я изъ «золотой» гостиной ясно слышалъ его ровный и на этотъ разъ довольно громкій голосъ, безъ признаковъ хрипоты. Меня удивило то, что сильное волненіе и неизбѣжное утомленіе не оборвали его всегда слабаго голоса. Что онъ говорилъ, я разслышать не могъ, потому что былъ слишкомъ далеко; за концомъ его рѣчи опять былъ взрывъ восторга».

Вотъ слова государя, приведенныя въ его жизнеописаніи С. С. Татищевымъ [1]):

«Я глубоко тронутъ и сердечно благодарю за чувства преданности, выраженныя вами. Сожалѣю только, что поводомъ къ этому послужилъ столь грустный случай. Богу угодно было въ третій разъ [2]) избавить меня отъ вѣрной смерти, и сердце мое преисполнено благодарности за Его милости ко мнѣ. Да поможетъ Онъ мнѣ продолжать служить Россіи и видѣть ее счастливою и развивающеюся мирно, какъ я того желалъ бы! Благодарю васъ еще разъ».

«Признаюсь, что любопытство страшно тянуло меня къ преступнику; я поддался легкости доступа въ моемъ мундирѣ и опять отправился въ домъ Зурова,—продолжаетъ свое повѣствованіе Литвиновъ.—На этотъ разъ меня ввели въ комнату, смежную съ той, гдѣ сидѣлъ несчастный. Это былъ обширный покой въ два или три окна, со многими столами,—ясный признакъ канцеляріи. На диванѣ за столомъ сидѣли нѣсколько штатскихъ,—то были доктора. Тутъ же былъ помощникъ Дрентельна, свиты его величества генералъ-майоръ Черевинъ. Я прямо прошелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ былъ Зуровъ. Тамъ обстановка перемѣнилась. Диванъ стоялъ уже не подлѣ стѣны, а посреди комнаты; на немъ во всю длину лицомъ къ свѣту лежалъ преступникъ. Волосы его были всклокочены, лицо блѣдное и истомленное, глаза нѣсколько мутны. Его передъ тѣмъ только что сильно рвало, благодаря рвотнымъ средствамъ. Въ него влили нѣсколько противоядій, и они, конечно, произвели на него дѣйствіе, совсѣмъ не подкрѣпляющее силы. Подлѣ него на полу стояла умывальная чашка съ порядочнымъ количествомъ блевоты; въ ней замѣтны были кровавыя прожилки. Вѣроятно, только что передъ моимъ приходомъ онъ очнулся и почувствовалъ себя легче (хорошо, должно быть, это легче!). Онъ

---

[1]) «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе», т. 2

[2]) Покушенія Каракозова и Березовскаго.

попросилъ папироску, и кто-то съ необыкновенною предупредительностью подскочилъ къ нему съ ящикомъ спичекъ и старательно чиркалъ ихъ. У изголовья преступника, граціозно облокотившись на ручку дивана и элегантно изогнувшись надъ нимъ, стоялъ господинъ среднихъ лѣтъ въ вицмундирѣ съ судейскимъ значкомъ и съ пресладкой улыбкой на устахъ. Замѣтивъ, что преступникъ заговорилъ и, послѣ нѣсколькихъ затяжекъ, какъ будто успокоился, онъ вкрадчивымъ голосомъ сдѣлалъ нѣсколько незначащихъ вопросовъ, на которые молодой человѣкъ отвѣтилъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ. Улыбнувшись еще слаще и нагнувшись еще ниже, онъ вдругъ началъ такую рѣчь:

«Вы знаете, что въ вашемъ положеніи полная откровенность поведетъ къ тому благому результату, что никто изъ невинныхъ не пострадаетъ, тогда какъ въ противномъ случаѣ...» Преступникъ тихо приподнялся на локтѣ, посмотрѣлъ ему удивленно въ глаза и, махнувъ рукой, улегся снова на диванъ съ явнымъ намѣреніемъ умереть, но не отвѣчать. Признаюсь, я покраснѣлъ отъ стыда за этого служителя русской Немезиды. Можно ли было такъ глупо-рутинно говорить съ человѣкомъ, который, разумѣется, пошелъ на явную смерть и, конечно, предвидѣлъ допросы и въ воображеніи своемъ рисовалъ, можетъ быть, и будущія пытки.

«Признаюсь, мнѣ стыдно было оставаться въ комнатѣ и, невольно подражательно махнувъ рукой, я ушелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ разсуждали эскулапы. Туда пріѣхалъ профессоръ Траппъ, патентованный фармацевтъ. Его бывшіе ученики показывали ему орѣшекъ, залѣпленный воскомъ и сургучомъ; по ихъ мнѣнію, оправданному Траппомъ, въ орѣшкѣ содержалась синильная кислота. Траппъ сказалъ, что если бы преступникъ разгрызъ орѣхъ и проглотилъ его содержимое, то давно бы умеръ. Нужно полагать, что другого запасного орѣшка у него не было, что первоначальная рвота была слѣдствіемъ волненія и, вѣроятно, нѣсколькихъ ударовъ, а кровавыя прожилки, можетъ быть, произошли отъ усиленныхъ противоядій и рвотныхъ средствъ. По всему видимому можно заключить, что преступникъ будетъ здоровъ и жизнь его подвергается опасности не отъ отравленія. На первомъ предварительномъ дознаніи онъ показалъ, что состоитъ чиновникомъ министерства юстиціи и по фамиліи Соколовъ. Убѣжденъ, что показаніе его ложно».

Вскорѣ личность его была дознана и выяснено, что это былъ именно Александръ Константиновичъ Соловьевъ.

Первымъ ближайшимъ слѣдствіемъ печальнаго событія 2-го апрѣля было совѣщаніе высшихъ сановниковъ въ кабинетѣ государя въ Зимнемъ дворцѣ и въ его присутствіи, сдѣлавшее тѣ постановленія о чрезвычайныхъ охранахъ и установленіяхъ генералъ-губер-

наторской власти, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ мы говорили и на которыхъ съ особенною силою настаивалъ Катковъ, писавшій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 82 за 1879 г.): «Еще ли государственный мечъ будетъ коснѣть въ своихъ ножнахъ? Еще ли не пора явить святую силу власти во всей грозѣ ея величія? Ея проявленій на страхъ врагамъ ждетъ, не дождется негодующій народъ, безпрерывно оскорбляемый въ своей святынѣ... Пора и всѣмъ нашимъ умникамъ прекратить праздномысліе и празднословіе, выкинуть дурь изъ головы и возвратиться къ честному здравому смыслу. Пора нашему обществу и всѣмъ стоящимъ во главѣ его найти заглохшій путь къ народной святынѣ, внѣ которой для насъ нѣтъ спасенія... Пора намъ обновить въ себѣ духъ нашей исторіи, перестать быть иностранцами и стать поистинѣ дѣтьми своей страны, живою частью своего народа». Какъ ступень къ тому обновленію, онъ указывалъ на необходимость мѣръ строгости и писалъ (№ 83): «Вся сила зла заключается въ преступной организаціи, которая страшною дисциплиной тяготѣетъ надъ людями, попавшими въ ея сѣти... Страхъ побѣждается страхомъ. Пагубный страхъ передъ темными силами можетъ быть побѣжденъ только спасительнымъ страхомъ передъ законною властью».

Информированный во всемъ, что дѣлалось во дворцѣ и что предпринималось въ административныхъ сферахъ, исполнительный комитетъ «Земли и Воли» все въ томъ же «Листкѣ» (№ 4) оповѣщалъ своихъ читателей статьею «Послѣ 2 апрѣля», гдѣ говорилъ:

Несмотря на то, что Соловьевъ не старался избѣжать и не избѣгъ застѣнковъ Петропавловской крѣпости, на слѣдующую же ночь жандармы пустились рыскать по городу. Въ эту ночь были обысканы 52 человѣка, изъ которыхъ значительную часть арестовали. Вся полиція была на ногахъ. Изъ арестованныхъ въ ночь на 3 апрѣля мы, за недостаткомъ мѣста, назовемъ въ настоящемъ «Листкѣ» только людей, пользующихся положеніемъ въ обществѣ. Арестованы: дѣйствительный статскій совѣтникъ Петлинъ, директоръ государственнаго банка, и его братъ инженеръ. Присяжный повѣренный Дмитрій Стасовъ, у котораго нашли нѣсколько №№ «Общины» и «Земли и Воли»; братъ его Александръ Стасовъ, у котораго нашли 3 № «Земли и Воли». Мандельштейнъ, преподаватель на женскихъ курсахъ. Ангинскій, надворный совѣтникъ, служащій въ государственномъ банкѣ. Докторъ Веймаръ, содержатель ортопедической лечебницы и домовладѣлецъ на Невскомъ. Николай Ольхинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, найденный при обыскѣ у его брата, Александра Ольхина (ужъ освобожденъ). Обысканы или, какъ говорятъ, арестованы всѣ родственники и прежніе знакомые Соловьева. Предоставляя себѣ перечислить остальныхъ арестованныхъ въ слѣдующій разъ, мы укажемъ въ настоящемъ «Листкѣ» только на тѣ мѣры, которыя употребляетъ правительство для «пресѣченія зла». Почти всѣмъ дворникамъ и швейцарамъ показывали карточки Соловьева, Мирскаго и нѣкоторыхъ другихъ разыскиваемыхъ полиціей личностей и спрашивали, не бывали ли эти лица у кого-либо изъ квартирантовъ; говорятъ, что шпіоны давали при этомъ деньги швейцарамъ для полученія желаемыхъ отвѣтовъ. На слѣдующій день были опубликованы уже давно (18 марта) приготовленныя полиціей

правила относительно немедленной прописки паспортовъ въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Ялтѣ (!) и была назначена особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Валуева, для выработки «мѣръ». Эта комиссія уже додумалась до небывалыхъ вещей: она объявила на военномъ положеніи чуть не всю Россію...

V.

26-го мая того же года состоялось засѣданіе верховнаго уголовнаго суда по дѣлу Соловьева, въ коемъ обвинителемъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. Н. Набоковъ и защитникомъ подсудимаго присяжный повѣренный А. Н. Турчаниновъ. На разбирательствѣ Соловьевъ, конечно, ничего не могъ сказать въ опроверженіе своего дѣянія и, подтвердивъ свою принадлежность къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, объявилъ, что они «объявили войну правительству, что они враги правительства, враги государя». Засимъ, указавъ, какъ сложилась въ немъ идея цареубійства, онъ показалъ[1]), что уже съ Вербной недѣли это стремленіе въ немъ вполнѣ установилось, а твердое и обдуманное намѣреніе въ этомъ смыслѣ созрѣло на Страстной недѣлѣ. Рѣшился онъ, Соловьевъ, на этотъ поступокъ по собственной волѣ, безъ всякаго вліянія на него со стороны его единомышленниковъ по убѣжденіямъ; но тѣмъ не менѣе онъ увѣренъ, что дѣйствовалъ вполнѣ въ духѣ своей партіи и что она отъ него не отречется въ этомъ дѣлѣ. Прежде онъ, Соловьевъ, ходилъ въ Петербургѣ безъ оружія, но съ начала Великаго поста сталъ носить съ собою револьверъ для своей защиты въ случаѣ ареста. Сперва былъ у него револьверъ большого размѣра, длинный, системы Смита и Вессона, который онъ получилъ на Невскомъ проспектѣ отъ своего знакомаго, тоже соціалиста-революціонера, извѣстнаго ему только подъ именемъ Ѳедьки или Ѳедора и носившаго прозваніе «Волкъ»; но такъ какъ этотъ револьверъ былъ неудобенъ, по своему устройству и величинѣ, для ношенія въ карманѣ, то онъ объ этомъ сказалъ Ѳедору, который замѣнилъ его другимъ, тѣмъ самымъ, изъ котораго онъ 2-го апрѣля стрѣлялъ въ государя императора. Ни за первый, ни за второй револьверъ онъ Ѳедору ничего не платилъ, такъ какъ, по объясненію Соловьева, «у нихъ не принято платить деньги за вещи, которыя берутся ими одинъ у другого». Чтобы удобнѣе было носить револьверъ, сестра его Елена, по его просьбѣ, вшила въ брюки его клеенчатый карманъ, а замшевый карманъ въ пальто вшилъ онъ самъ для той же цѣли въ домѣ родителей своихъ, но этого видѣть никто не могъ. Патроны къ этому револьверу были имъ самимъ куплены въ оружейномъ магазинѣ на Большой Морской, въ среду или четвергъ на

[1]) Прибавленіе къ № 1162 газеты «Новое Время» за 1879 г.

Страстной недѣлѣ. О намѣреніи его покуситься на жизнь государя никто изъ родныхъ его не зналъ. Въ послѣдній разъ онъ видѣлся со своими родными въ пятницу на Страстной недѣлѣ, 30-го марта, ночевалъ у нихъ на это число, и при прощаніи сказалъ, что уѣзжаетъ въ Москву, хотя вовсе и не думалъ объ этомъ. Прежде онъ носилъ постоянно маленькую бородку, а вечеромъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ сбрилъ ее въ одной изъ парикмахерскихъ на Невскомъ. Ночь съ пятницы на субботу провелъ онъ у проститутки, адреса которой не объяснилъ. Съ субботы 31-го марта на воскресенье 1-го апрѣля ночевалъ онъ у Николая Богдановича, у котораго иногда бывалъ, такъ какъ съ нимъ и женой его, Маріей Богдановичъ, знакомъ еще со времени пребыванія своего въ Торопецкомъ уѣздѣ. Пришелъ онъ къ нимъ часовъ въ 11 вечера, закусилъ съ Николаемъ Богдановичемъ и потомъ легъ спать въ одной комнатѣ съ нимъ и его женою, какъ это иногда случалось и прежде. О намѣреніи своемъ покуситься на цареубійство онъ Богдановичамъ ничего не говорилъ и они объ этомъ ничего не могли знать, иначе бы онъ не рѣшился ночевать у нихъ почти наканунѣ совершеннаго имъ покушенія. Прощаясь утромъ на первый день праздника съ Богдановичами, онъ сказалъ имъ, что уѣзжаетъ въ Москву и болѣе съ ними не увидится. Послѣ чего онъ болѣе у Богдановичей не былъ и никого изъ нихъ нигдѣ не встрѣчалъ. По уходѣ отъ нихъ онъ прошелъ на Невскій проспектъ повидаться съ пріятелемъ, котораго назвать отказался, а потомъ весь первый день Свѣтлаго праздника прогулялъ на улицахъ, заходя въ портерныя, а часовъ въ 12 ночи взялъ на Невскомъ какую-то проститутку и отправился къ ней ночевать, но адреса ея не могъ указать. Ушелъ онъ отъ этой женщины 2-го апрѣля, въ 8 часовъ утра. Еще ранѣе 2-го апрѣля онъ нѣсколько разъ по утрамъ выходилъ на уголъ Невскаго и Адмиралтейской площади для наблюденія за выходомъ государя и направленіемъ его во время прогулки. Для большаго отклоненія подозрѣній при встрѣчѣ его съ государемъ императоромъ Соловьевъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ купилъ въ одномъ изъ магазиновъ Гостинаго двора форменную гражданскаго вѣдомства фуражку съ кокардой, которую надѣвалъ всего два раза. Уйдя отъ проститутки и погулявъ нѣкоторое время по Невскому до того часа, когда государь обыкновенно выходитъ на прогулку, онъ пошелъ ко дворцу, походилъ немного по Адмиралтейской площади, по Пѣвческому мосту, пересѣкалъ площадь и, дойдя до угла гвардейскаго штаба, пошелъ по тротуару къ Мойкѣ навстрѣчу къ государю императору, вышедшему изъ-за угла гвардейскаго штаба, обращеннаго къ Мойкѣ. Разсказавъ далѣе, въ главныхъ чертахъ, согласно съ свидѣтелями-очевидцами, обстоятельства самаго факта покушенія, Соловьевъ утверждалъ, что онъ всѣ пять выпущенныхъ выстрѣловъ сдѣлалъ въ государя. Во время задержанія его сбѣжавшимся народомъ, сва-

лившимъ его съ ногъ, онъ, падая на землю, внизъ лицомъ, раскусилъ бывшій у него во рту орѣхъ и высосалъ изъ него ядъ.

Судъ особенно интересовался вопросомъ о револьверѣ, бывшемъ у Соловьева. Выяснилось, что этотъ револьверъ оказался проданнымъ изъ оружейнаго магазина подъ фирмою «Центральное депо оружія», какъ удостовѣрилъ владѣлецъ магазина Венигъ, 10-го мая 1878 года, за 30 рублей доктору Оресту Веймару, въ домѣ котораго въ то время помѣщался означенный магазинъ, причемъ свидѣтель Венигъ объяснилъ, что Веймаръ ему говорилъ, что онъ покупаетъ револьверъ не для себя, а для какого-то знакомаго своего. Спрошенный по этому поводу докторъ Веймаръ подтвердилъ фактъ покупки въ магазинѣ Венига револьвера, похожаго на отобранный у обвиняемаго Соловьева, объяснивъ, что револьверъ этотъ онъ купилъ для какого-то посѣщавшаго его въ качествѣ паціента господина, называвшаго себя Севастьяновымъ, который просилъ его купить для него револьверъ большого калибра, обыкновенно употребляемый для медвѣжьей охоты. Послѣ этой покупки, сдѣланной во время послѣдняго посѣщенія его Севастьяновымъ, онъ послѣдняго болѣе не видѣлъ и ничего о немъ не слыхалъ. Принятыми при слѣдствіи мѣрами не обнаружено, кто такой былъ упомянутый Севастьяновъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ покупки револьвера Веймаромъ въ магазинъ Венига заходилъ какой-то господинъ, спрашивавшій патроны къ бывшему съ нимъ револьверу, при чемъ господинъ этотъ, на вопросъ приказчика означеннаго магазина Венига, призналъ, что это тотъ самый револьверъ, который былъ купленъ докторомъ Веймаромъ. О дальнѣйшей судьбѣ этого револьвера до того, какъ онъ попалъ въ руки Соловьева, слѣдствіе не могло добыть никакихъ данныхъ. Далѣе Венигъ и его приказчикъ признали въ Соловьевѣ того именно человѣка, который на Страстной недѣлѣ купилъ въ ихъ магазинѣ коробку съ полсотней патроновъ для револьвера большого калибра.

Весь эпизодъ съ револьверомъ, очень неясный въ смыслѣ указанія на передачу его Соловьеву докторомъ Веймаромъ, былъ, однако, впослѣдствіи судомъ поставленъ Веймару въ обвиненіе, какъ пособничество Соловьеву въ его преступленіи 2-го апрѣля, вслѣдствіе чего Веймаръ и былъ осужденъ и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящее время люди, близкіе къ тогдашнимъ событіямъ въ революціонной жизни, категорически констатируютъ, что Веймаръ къ дѣлу 2-го апрѣля никакого прикосновенія не имѣлъ и не былъ даже посвященъ въ замыслы и переговоры террористовъ. Тѣмъ не менѣе Веймаръ, хотя лицо и близкое и активное въ дѣлахъ тогдашней революціи, пострадалъ по суду именно по дѣлу 2-го апрѣля.

Резолюція верховнаго суда надъ Соловьевымъ была объявлена въ слѣдующей формѣ: «1879 года, мая 25-го дня, верховный уголов-

ный судъ, выслушавъ дѣло объ отставномъ коллежскомъ секретарѣ Александрѣ Константиновичѣ Соловьевѣ, обвиняемомъ въ государственныхъ преступленіяхъ и признавая его виновнымъ въ томъ, что онъ, принадлежа къ преступному сообществу, стремящемуся къ ниспроверженію путемъ насильственнаго переворота существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, 2-го апрѣля 1879 года, въ 10-мъ часу утра, въ С.-Петербургѣ, съ намѣреніемъ, заранѣе обдуманнымъ, посягая на жизнь священной особы государя Императора, произвелъ въ Его Императорское Величество нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, опредѣлилъ: подсудимаго отставного коллежскаго секретаря Александра Соловьева, за учиненное имъ преступленіе, на основаніи статей 241, 249, 17 п. 1 и 18 уложенія о наказаніяхъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе».

Приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе 28 мая въ 10 час. утра на Смоленскомъ полѣ. Согласно показаніямъ тогдашняго репортажа[1]), «съ самаго ранняго утра густая масса народа обложила обширное поле со стороны Средняго просп. Васильевскаго острова. Прибывшіе ранѣе взгромоздились на находящіяся здѣсь постройки и торчащія рядомъ каменныя стѣны. Эти послѣднія, съ виднѣвшимися за ними группами людей, издали представлялись какъ бы нарочно воздвигнутыми подмостками; точно также весь путь, по которому ожидался проѣздъ колесницы съ преступникомъ, въ особенности Большой просп. былъ буквально запруженъ публикой. Середина улицы была оставлена свободною, но зато на тротуарахъ, въ окнахъ, на балконахъ и на пересѣченіяхъ линій—всюду толпилась масса людей. Среди публики, по преимуществу принадлежавшей къ низшимъ слоямъ общества, можно было видѣть немало женщинъ, явившихся сюда даже въ сопровожденіи маленькихъ дѣтей». Указавъ на части войска, командированныя къ мѣсту совершенія казни, на ихъ размѣщеніе, репортеръ «Новаго Времени» отмѣчаетъ, что, кромѣ него, допущеннаго въ самый кругъ имѣющаго совершиться печальнаго дѣйствія, присутствовали еще представители редакцій «Figaro» и «Monde Illustré», г. Дикъ-де-Линде и его пріятель, отмѣчавшіе въ записной книжкѣ карандашомъ вырисовывавшіяся сцены. По описанію газеты, «самый эшафотъ, воздвигнутый на серединѣ Смоленскаго поля и доступный для простого невооруженнаго глаза съ крайнихъ его рубежей, состоялъ изъ деревяннаго помоста, въ формѣ правильнаго прямоугольника, длиною 4, а шириною $2^1/_2$ сажени. Помостъ обрамленъ рѣшеткою изъ желѣзныхъ прутьевъ, и только спереди, въ серединѣ оставлено отверстіе въ аршинъ. Къ этому мѣсту приложенъ входъ на помостъ. Это небольшая лѣстница съ четырьмя ступеньками. Къ серединѣ продольныхъ

[1]) «Новое Время», 1879 г. № 1165.

стѣнокъ помоста прикрѣплены двѣ деревянныя жерди, вышиною въ $2^1/_2$ сажени, вверху соединенныя поперечною перекладиною. Къ этимъ жердямъ прикрѣплена веревка, не особенно толстая, въ родѣ тѣхъ, которыми обвязываютъ большіе чемоданы, приблизительно въ діаметрѣ $^1/_5$ вершка. Концы веревки, продѣтые черезъ кольца, прилаженныя къ поперечной перекладинѣ, оканчиваются двумя круглыми петлями, изъ которыхъ одна, при исполненіи казни, имѣетъ значеніе запасной петли. Въ шагахъ двухъ за висѣлицею, вблизи задняго края помоста, въ середину небольшого круглаго возвышенія вдѣланъ такъ называемый позорный столбъ. На этомъ столбѣ, имѣющемъ форму восьмигранника и въ діаметрѣ около $^1/_4$ арш., съ наружной стороны прилажены двѣ цѣпи, оканчивающіяся наручными кандалами. Онѣ употребляются въ дѣло, когда у позорнаго столба стоитъ преступникъ, приговоренный къ каторжной работѣ. Къ площадкѣ, облегающей позорной столбъ, ведутъ три ступеньки. Наконецъ, неизбѣжную принадлежность эшафота для совершенія казни черезъ повѣшеніе составляетъ скамейка, на которую окончательно возводится преступникъ. Помостъ, висѣлица, позорный столбъ, ступеньки и скамейка окрашены въ черный цвѣтъ. Непосредственно за помостомъ находился заранѣе приготовленный простой черный гробъ, длиною 2 арш. 11 вершк. Гробъ былъ покрытъ рогожею. Въ $9^1/_2$ час. на мѣсто казни прибыли: и. о. генералъ-прокурора въ верховномъ уголовномъ судѣ, министръ юстиціи статсъ-секретарь Д. Н. Набоковъ, прокуроръ судебной палаты дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Лопухинъ, товарищъ прокурора судебной палаты статскій совѣтникъ А. В. Бѣлостоцкій, градоначальникъ и комендантъ города, свиты его величества генералъ-майоры Зуровъ и Адельсонъ. Въ 9 час. 50 мин. показалась колесница съ преступникомъ. Впереди ѣхала въ двухъ колоннахъ сотня лейбъ-гвардіи казачьяго Атаманскаго полка, а за нею рота лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Затѣмъ слѣдовала колесница, окруженная цѣпью конныхъ жандармовъ. Колесница съ дороги свернула на поле, по направленію къ эшафоту. Войска передняго фаса раздвинулись, чтобы впустить въ карре колесницу, которая, подъѣхавъ къ самому эшафоту, остановилась передъ ведущею къ нему лѣстницею. Колесница, запряженная парою лошадей, представляетъ собой обыкновенную русскую телѣгу, съ задней стороны которой имѣется лѣстница. Поперекъ установлена скамейка, съ прилаженными къ спинкѣ четырьмя желѣзными прутьями. Соловьевъ сидѣлъ на скамейкѣ, спиною къ лошадямъ, причемъ руки его были перевязаны сзади веревкою и прикрѣплены къ прутьямъ ремнями. На немъ было платье, въ которое обыкновенно одѣваютъ арестантовъ, принадлежащихъ къ привилегированному сословію, именно черный сюртукъ изъ толстаго солдатскаго сукна, черная фуражка безъ козырька и бѣлыя панталоны, вдѣтыя въ голенища

сапогъ. На груди у него висѣла большая черная доска, на которой были начертаны бѣлыми буквами слова: «государственный преступникъ». Едва остановилась колесница, къ Соловьеву быстро подошелъ палачъ, назначенный къ совершенію казни. На немъ надѣта красная рубаха, а поверхъ ея черный жилетъ съ длинною золотою цѣпью отъ часовъ. Подойдя къ Соловьеву, онъ сталъ быстро отвязывать ремни и затѣмъ помогъ ему сойти съ колесницы. Соловьевъ, сопровождаемый палачомъ, твердою поступью вступилъ на эшафотъ и съ тѣмъ же, какъ казалось, самообладаніемъ поднялся еще на нѣсколько ступеней и занялъ мѣсто у позорнаго столба съ завязанными позади руками. Палачъ сталъ рядомъ, правѣе его, а у самаго помоста находились два его помощника, на случай надобности. Раздалась команда—«на караулъ», палачъ снялъ съ Соловьева шапку, офицеры и всѣ служащія лица гражданскаго вѣдомства, бывшія въ мундирахъ, подняли руки подъ козырекъ. Въ это время тов. оберъ-прокурора, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлостоцкій, громкимъ голосомъ читалъ подробную резолюцію верховнаго уголовнаго суда. Во время чтенія этой резолюціи осужденный, сохраняя, видимо, наружное спокойствіе, неоднократно озирался вокругъ. Болѣе продолжительно смотрѣлъ онъ на корреспондентовъ, стоявшихъ отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ и записывавшихъ въ свои книжки. Какъ только окончилось чтеніе приговора, къ эшафоту приблизился священникъ, въ траурной рясѣ, съ распятіемъ въ рукахъ. Сильно взволнованный, едва держась на ногахъ, приблизился служитель церкви къ Соловьеву, но послѣдній киваніемъ головы заявилъ, что не желаетъ принять напутствія, произнеся не особенно громко: «не хочу, не хочу». Когда священникъ, убѣдясь, что его послѣдняя христіанская услуга отвергнута, отошелъ и легкимъ наклоненіемъ головы какъ бы закрѣплялъ творимую имъ молитву, Соловьевъ довольно низко поклонился ему. Наступилъ послѣдній моментъ. Хоръ изъ барабанщиковъ, бывшихъ при каждомъ батальонѣ, заигралъ учащенную дробь. Ровно въ 10 час. утра на Соловьева, спустившагося на нѣсколько ступенекъ отъ позорнаго столба, надѣта была палачомъ длинная бѣлая рубаха, голова покрыта капюшономъ и длинные рукава, обмотанные вокругъ тѣла, были привязаны спереди. Процессъ введенія осужденнаго на роковую скамейку, накинутія петли, скрѣпленія ея и затѣмъ выбитія изъ-подъ ногъ скамейки было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Въ 10 час. 22 мин. гробъ былъ внесенъ на эшафотъ, трупъ казненнаго палачомъ и его помощниками снятъ съ висѣлицы и уложенъ въ гробъ. Въ это время подошелъ командированный на мѣсто казни полицейскій врачъ и, удостовѣрившись по изслѣдованію венозныхъ артерій и положенію зрачковъ въ послѣдовавшей смерти, доложилъ о томъ министру юстиціи. Статсъ-секретарь Набоковъ тотчасъ уѣхалъ. Вслѣдъ за тѣмъ гробъ былъ заколоченъ, уложенъ на подъѣхавшую одноконную телѣгу и отправленъ для погребенія».

Таково обстоятельное и, пожалуй, даже картинное описаніе казни Соловьева, сдѣланное во всѣхъ подробностяхъ бытового антуража репортеромъ «Новаго Времени», получившимъ доступъ по близости эшафота. Въ описаніяхъ подобныхъ казней въ иныхъ случаяхъ мы не имѣемъ такихъ характерныхъ особенностей, почему и сочли небезполезнымъ въ интересахъ развитія темы нашихъ очерковъ привести здѣсь и эту страничку отечественной жизни.

Покушеніе Соловьева, какъ мы видѣли изъ указаній Н. А. Морозова, поставило передъ партіей ребромъ вопросъ о террорѣ вообще и цареубійствѣ въ частности. Преобладающее число наличныхъ членовъ въ столицѣ высказалось за «продолженіе дѣла Соловьева», но явились и горячіе его противники. Отсюда расколъ въ обществѣ «Земли и Воли», расколъ, который долженъ былъ быть неминуемо такъ или иначе ликвидированъ и при томъ ликвидированъ не только голосами петербургскихъ членовъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто въ то время обрѣтался въ разныхъ провинціальныхъ центрахъ, стоя тамъ на томъ или иномъ дѣлѣ. Отсюда родилась мысль о необходимости съѣхаться главнѣйшимъ дѣятелямъ русской революціи въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, дабы рѣшить здѣсь судьбу общества, дальнѣйшее направленіе его дѣятельности и характеръ этой дѣятельности. Такимъ центромъ и избранъ былъ гор. Липецкъ, какъ курортъ, на который обычно съѣзжается лѣтомъ довольно значительное количество русскихъ обывателей, благодаря чему и прибытіе сюда представителей русской революціи не бросится въ глаза полиціи и возможно будетъ обо всемъ здѣсь переговорить, столковаться и, если потребуется, и размежеваться. Вопросъ о царской крови долженъ былъ на этомъ собраніи быть окончательно рѣшенъ. Липецкій съѣздъ пріобрѣталъ въ глазахъ русской революціи рѣшающее значеніе, и отсюда она ожидала лѣтомъ 1879 г. сигнала и директивы.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАШИ ВОСТОКОВѢДЫ.

(По поводу возникновенія новаго «общества русскихъ оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ»).

Вы на какомъ факультетѣ?

— На восточномъ.

— Ну, и что же, преуспѣваете?

— Да не очень, хотя работаешь добросовѣстно... Да развѣ можно безъ практики и при томъ здѣсь, среди русскихъ, въ Петербургѣ, восточными языками заниматься?!

— Вы не китаистъ?

— О, нѣтъ, я избралъ языки Ближняго Востока... Они все-таки легче, а китайская грамота—это вѣдь нѣчто совсѣмъ неудобоваримое...

— Ну, а все-таки за четыре года изученія китайскаго языка въ здѣшнемъ университетѣ чего-нибудь достигаютъ?

— Да какъ вамъ сказать? почти что ничего...

— Быть не можетъ! Вѣдь четыре года все же чему-нибудь да учатся же по-китайски?

— Учатся, конечно, но такъ выходитъ, что если кто изъ окончившихъ курсъ въ китайскомъ отдѣленіи получитъ мѣсто въ нашей китайской миссіи, то ни онъ не понимаетъ китайцевъ, ни китайцы его!

Вотъ что вы обыкновенно услышите, поговоривши откровенно со студентами нашего восточнаго факультета.

Какъ ни прискорбно, но надо признаться, что наше востоковѣдѣніе поставлено у насъ до такой степени неудовлетворительно, что на это нужно, наконецъ, обратить серьезное вниманіе.

Нашъ восточный факультетъ петербургскаго университета поставленъ до того неудовлетворительно, что это бьетъ въ глаза самому непосвященному въ дѣло человѣку. Просмотрите списки профессоровъ и приватъ-доцентовъ восточнаго факультета: Жуковскій, Мѣдниковъ, Смирновъ, Коковцовъ, Введенскій, Бартольдъ, Залеманъ, Поповъ, Шмидтъ, Котовичъ, Рудневъ, Ивановъ, Самойловичъ... Здѣсь нѣтъ ни одного восточнаго имени, а между тѣмъ эти господа, носящіе русскія и нѣмецкія фамиліи, преподаютъ восточные языки, на которыхъ сами, при всѣхъ своихъ предполагаемыхъ познаніяхъ, врядъ ли въ состояніи свободно писать и объясняться.

Мнѣ возразятъ, что для практическихъ занятій со студентами при восточномъ факультетѣ существуютъ еще «лекторы» восточнаго происхожденія, но въ этомъ мало утѣшенія. Во-первыхъ, на занятія студентовъ съ этими практикантами мало обращается вниманія начальствомъ университета и малоуспѣшность въ практическихъ занятіяхъ восточными языками отнюдь не мѣшаетъ переходу студента на слѣдующій курсъ, а, во-вторыхъ, эти лекторы (Риза-ханъ, Хашабъ, Шапшалъ, Куроно, Ченъ и др.) получаютъ слишкомъ мизерное вознагражденіе за свои занятія въ университетѣ, а потому почти всѣ они поневолѣ имѣютъ еще другую службу на сторонѣ и, совершенно естественно, не посвящаютъ себя всецѣло факультету, который такъ скупо оплачиваетъ ихъ трудъ. А между тѣмъ эти практическія лекціи восточныхъ языковъ должны бы стоять на одной высотѣ съ теоретическими занятіями, такъ какъ иначе восточный факультетъ совершенно утрачиваетъ всякое значеніе въ дѣлѣ подготовки своихъ слушателей къ практической дѣятельности на Востокѣ.

Помимо восточнаго факультета, въ Петербургѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ существуетъ еще «учебное отдѣленіе» восточныхъ языковъ—въ настоящее время главнымъ образомъ для офицеровъ, желающихъ посвятить себя службѣ въ Средней Азіи и на нашихъ восточныхъ окраинахъ. Прежде эти курсы были въ болѣе скромныхъ размѣрахъ и носили болѣе цивильный типъ. Они состояли подъ ближайшимъ наблюденіемъ прежняго азіатскаго департамента, который теперь зачѣмъ-то переименованъ въ первый департаментъ, и имѣли цѣлью поставлять нашимъ дипломатическимъ миссіямъ на Востокѣ драгомановъ.

Насколько хороши бывали эти «драгоманы», которые должны были раньше пробыть нѣкоторое время при нашихъ посольствахъ и миссіяхъ въ курьезной роли подручныхъ переводчиковъ или такъ называемыхъ «jeunes de langues», видно, напримѣръ, изъ того, что одному изъ нихъ нашъ бывшій посланникъ въ Тегеранѣ И. А. Зиновьевъ, хорошо владѣющій персидскимъ языкомъ, но вовсе не отличающійся дипломатической изысканностью обращенія, категорически заявилъ, послѣ одной торжественной ауді-

енціи у шаха, что онъ попросить министерство отчислить его отъ миссіи, если онъ и впредь будетъ такъ же безбожно перевирать слова его, Зиновьева, и отвѣты шаха.

Въ самое послѣднее время эти офицерскіе курсы восточныхъ языковъ предполагаютъ, какъ я слышалъ, закрыть за ихъ безполезностью (въ чемъ можно было съ успѣхомъ убѣдиться гораздо раньше),—по крайней мѣрѣ, пріема на первый классъ курсовъ, какъ мнѣ передавали, теперь уже не производится.

Почтенный Лазаревскій институтъ въ Москвѣ, уже отпраздновавшій свой столѣтній юбилей, стоитъ со своими спеціальными классами восточныхъ языковъ, конечно, отнюдь не ниже, если не выше, только что упомянутаго разсадника «драгомановъ», не умѣющихъ переводить, и восточнаго факультета, гдѣ занимаются исключительно грамматикой, наивно воображая, что этой схоластикой должно исчерпываться изученіе восточныхъ нарѣчій.

Въ Лазаревскомъ институтѣ преподаваніе восточныхъ языковъ ведется несравненно лучше, чѣмъ на восточномъ факультетѣ, уже по одному тому, что оно поставлено тамъ болѣе практически и поручено людямъ восточнаго происхожденія. Въ 80-хъ годахъ, напримѣръ, тамъ были такіе прекрасные профессора, какъ Теръ-Назарьянцъ, Г. А. Муркосъ, М. Атая, болгаринъ С. Е. Саковъ, Л. Е. Лазаревъ, Мирза-Джаефаръ и др. Однако и здѣсь окончившіе спеціальные классы института студенты не могутъ все-таки похвалиться хорошимъ практическимъ знаніемъ восточныхъ языковъ, безъ чего, конечно, ихъ дальнѣйшая драгоманская дѣятельность является проблематической.

А между тѣмъ нашимъ дипломатическимъ чиновникамъ на Востокѣ недостаетъ именно практическаго знанія языковъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они живутъ и дѣйствуютъ, противоположное чему мы видимъ у всегда и вездѣ опережающихъ насъ англичанъ, которые являются на Востокѣ во всеоружіи знаній не только туземныхъ языковъ, но также и исторіи, религіи, нравовъ, законовъ, обычаевъ и т. д. тѣхъ восточныхъ странъ, гдѣ они служатъ представителями своей великой націи.

Русская дипломатія на Востокѣ, помимо всѣхъ причинъ вѣковыхъ изъяновъ, которыми хронически страдаетъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, никогда не достигаетъ (да и не можетъ достигнуть) теоретически намѣченныхъ ею задачъ именно благодаря тому полному незнанію обстановки и языка, гдѣ приходится работать нашему «дипломату», лишенному возможности соприкоснуться непосредственно съ туземными вершителями политическихъ судебъ и поговорить съ ними на ихъ родномъ языкѣ...

Обратимся къ нашему институту восточныхъ языковъ во Владивостокѣ, только что отпраздновавшему свой 10-лѣтній юбилей.

Вглядываясь въ программу этого института и восточнаго факультета въ Петербургѣ и особенно въ проведенiе ея, мы не замѣтимъ особой разницы въ количествѣ усвоенныхъ познанiй у оканчивающихъ ту и другую школу.

Разница лишь та, что Восточный институтъ, находящiйся на Дальнемъ Востокѣ, въ центрѣ жизни народовъ, языки, исторiю и политическую организацiю которыхъ изучаютъ студенты, въ связи съ практикующимися тамъ командировками въ страны Востока, поставленъ въ болѣе выгодное условiе, и окончившiе владѣютъ языками, тогда какъ петербургскiй факультетъ, не практикующiй научныхъ командировокъ студентовъ и не обладающiй достаточнымъ количествомъ туземцевъ-практикантовъ, не даетъ студентамъ практическаго знанiя языка, и окончившiе университетъ часто бросаютъ свою спецiальность, поступая въ учрежденiя, не имѣющiя ничего общаго съ орiенталистикой, какъ, напримѣръ, въ акцизъ, казначейство, государственный контроль и т. п.

Для улучшенiя постановки у насъ высшаго орiентальнаго образованiя необходимы многiя реформы. Изъ нихъ важнѣйшими, казалось бы, должно признать слѣдующiя: предоставленiе Восточному институту во Владивостокѣ университетскихъ правъ въ вопросѣ присужденiя ученыхъ степеней, объявленiе конкурсовъ сочиненiй по вопросамъ Востока, раздѣленiе института на три факультета—коммерческiй, филологическiй и юридическiй. На всѣхъ этихъ факультетахъ должны читаться, на ряду съ спецiальными науками, туземные языки примѣнительно къ спецiальности, также исторiя, географiя и политическая организацiя страны, на которой та или иная группа слушателей желаетъ спецiализироваться; при институтѣ могли бы быть также устроены и отдѣльные курсы восточныхъ языковъ для офицеровъ.

Далѣе, институтъ долженъ быть обязательно перенесенъ изъ Владивостока въ Иркутскъ, такъ какъ его богатѣйшая, единственная въ мiрѣ орiентальная библiотека не должна подвергаться всякимъ случайностямъ военнаго времени, какъ это было въ минувшую войну съ Японiей.

Восточный факультетъ, оставаясь научно-теоретической школой, долженъ или вовсе отказаться отъ мысли практическаго обученiя студентовъ восточнымъ языкамъ, или измѣнить программу—объединиться въ цѣляхъ съ Восточнымъ институтомъ.

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о необходимости учрежденiя нѣсколькихъ среднихъ орiентальныхъ школъ, гдѣ бы давалось вполнѣ законченное образованiе и подготовлялись юноши для службы въ торговыхъ фирмахъ и административныхъ учрежденiяхъ, а также переводчики. Типомъ такихъ школъ можетъ служить ургинская переводческая—но съ расширеннымъ курсомъ наукъ.

Наконецъ, слѣдовало бы поддержать мысль нѣкоторыхъ русскихъ общественныхъ группъ на Дальнемъ Востокѣ, проектирующихъ учрежденіе русскаго сиротскаго дома [1]) съ двумя отдѣленіями—для русскихъ сиротъ и туземцевъ, гдѣ бы, кромѣ русскихъ воспитателей, были туземцы, говорящіе съ дѣтьми на туземныхъ языкахъ, и пріучали бы ихъ постепенно къ туземной письменности. Впослѣдствіи изъ нихъ, конечно, вышли бы прекрасные переводчики.

По опыту Англіи—только тѣ лица дѣйствительно хорошо владѣютъ и понимаютъ духъ туземнаго языка, которыя усвоили его въ дѣтскіе годы.

Введеніе же туземныхъ языковъ съ іероглифической письменностью въ нашихъ окраинныхъ гимназіяхъ, какъ теперь проектируется, врядъ ли цѣлесообразно, и, какъ показалъ опытъ, даже при наличности талантливаго педагога-оріенталиста, наши школьники, обремененные по милости министерства народнаго просвѣщенія великимъ множествомъ другихъ предметовъ, физически, въ виду переутомленія, не въ состояніи достаточно хорошо усваивать туземный языкъ, особенно его іероглифическую письменность, на изученіе которой сами туземцы тратятъ многіе годы. Тѣмъ менѣе достигаетъ цѣли преподаваніе туземныхъ языковъ въ солдатскихъ военныхъ школахъ. Если сравнительно легкіе европейскіе языки съ ихъ произношеніемъ трудно въ совершенствѣ усвоить интеллигентному человѣку, то тѣмъ болѣе затруднительно неразвитому солдату изучить туземные языки, какъ труднѣйшій въ свѣтѣ китайскій или японскій, гдѣ, съ одной стороны, многочисленные оттѣнки одного и того же звука совсѣмъ мѣняютъ его смыслъ, и гдѣ, съ другой, одно его начертаніе имѣетъ десятки своеобразныхъ чтеній. Для цѣлей и надобностей нашей восточной арміи полезнѣе было бы устроить курсы восточныхъ языковъ не для солдатъ, а для офицеровъ, и командировки ихъ за границу для усовершенствованія въ языкахъ, тѣмъ болѣе, что и служба офицера болѣе продолжительна, чѣмъ солдата, который черезъ четыре года возвратится въ деревню и быстро забудетъ, конечно, китайскую грамоту, которую едва ли онъ и смогъ одолѣть даже въ 4 года.

Слѣдуетъ еще сказать о русскихъ школахъ для туземцевъ. Покойный нашъ посланникъ въ Китаѣ Д. Д. Покотиловъ говорилъ, что чѣмъ больше азіатовъ будетъ знать русскій языкъ, тѣмъ сильнѣе будетъ среди нихъ вліяніе Россіи.

Этотъ глубоко правильный взглядъ нашелъ себѣ ревностнаго защитника и неутомимаго работника на поприщѣ просвѣтительной

---

[1]) Харбинское отдѣленіе общества русскихъ оріенталистовъ внесло проектъ въ министерство финансовъ объ учрежденіи въ Харбинѣ монгольскаго пріюта и восточной семинаріи.

дѣятельности въ Китаѣ—Я. Я. Брандта, стоящаго во главѣ русско-китайскихъ школъ, субсидируемыхъ Восточно-Китайскою желѣзною дорогою, и въ лицѣ его ближайшаго помощника, завѣдующаго русско-китайскими курсами и школою въ Хань-Коу, Г. А. Софоклова, и за это дѣло можно быть спокойнымъ, такъ какъ оно находится въ надежныхъ рукахъ. Что же касается русскихъ школъ для туземцевъ въ Монголіи, Туркестанѣ, Кореѣ, Японіи, то, несмотря на попытки основать ихъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ пунктахъ, ихъ до сихъ поръ очень мало. Лишь японцы за послѣдніе годы по собственной инициативѣ, безъ всякой поддержки со стороны русскихъ, учредили курсы и школы для изученія русскаго языка, который изучается также въ православной семинаріи при русской духовной миссіи, въ институтѣ иностранныхъ языковъ (Гай-коку-гогакко) и въ университетѣ въ Токіо (Текоку-дайгакко) [1].

Какъ видятъ читатели, наши восточныя школы или вовсе не отвѣчаютъ своему назначенію, или же требуютъ разныхъ реформъ, чтобы быть хотя сколько-нибудь сносными и отвѣчающими своимъ практическимъ цѣлямъ, такъ какъ именно эти реальныя цѣли должны тамъ стоять на первомъ планѣ.

До послѣдняго времени на эти вопіющіе дефекты мало кто обращалъ вниманія, и наше министерство иностранныхъ дѣлъ ничуть не находило противоестественнымъ и нетерпимымъ почти полную неподготовленность къ продуктивной дѣятельности большинства нашихъ восточныхъ «дипломатовъ», гораздо болѣе свѣдущихъ въ меню французскаго ресторана Кюба и въ увеселительной программѣ ночныхъ концертовъ «Акваріума», чѣмъ въ языкахъ, исторіи и жизни Востока.

И это, къ сожалѣнію, понятно, такъ какъ,—какъ это ни странно,—но наши чиновники на Востокѣ избираются вовсе не изъ окончившихъ курсъ въ спеціальныхъ школахъ восточныхъ языковъ, а изъ людей, не имѣющихъ ровно ничего общаго съ Востокомъ, но зато обладающихъ «протекціей».

Въ настоящее время у насъ немало молодыхъ русскихъ востоковѣдовъ, хотя бы и обучавшихся въ восточныхъ школахъ, требующихъ нѣкоторыхъ реформъ, но имъ не даютъ возможности работать въ этой области, такъ какъ у большинства нѣтъ «протекцій», безъ которыхъ невозможно служить и двигаться въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Этотъ прискорбный фактъ издавна сдѣлалъ наше дипломатическое вѣдомство лишеннымъ той серьезности и продуктивности, которыхъ отъ него въ правѣ ожидать общество, невольно сравнивающее нашихъ мало соотвѣтствующихъ своей спеціальной службѣ дипло-

---

[1]) Аркадій Петровъ: «Какъ защищаютъ свои интересы въ Азіи Англія и Россія». Спб. 1910 года.

матовъ съ дипломатическими чиновниками Западной Европы, старательно подготовленными къ своей карьерѣ,

Это, съ своей стороны, вызываетъ то, что многіе изъ нашихъ молодыхъ и талантливыхъ востоковѣдовъ избѣгаютъ министерства иностранныхъ дѣлъ, говоря, что «простымъ смертнымъ» въ немъ невозможно служить, такъ какъ приходится постоянно наталкиваться на оскорбительное къ себѣ отношеніе дипломатовъ «по протекціи» и ограничиваться ролью, лишенной всякой иниціативы.

Это дѣленіе дипломатическихъ чиновниковъ на «черную» и «бѣлую кость», будучи само по себѣ весьма курьезнымъ, въ высшей степени вредитъ и вредило дѣлу и вызываетъ справедливую улыбку иностранцевъ.

Для тѣхъ, кому знакомъ составъ нашихъ консуловъ на Востокѣ, хорошо, напримѣръ, извѣстно, что въ исторіи нашего представительства на Дальнемъ Востокѣ былъ въ послѣднее время только одинъ случай, когда дипломатъ «черной кости», востоковѣдъ-синологъ, былъ назначенъ на постъ нашего посланника въ Пекинѣ,—и то это былъ Д. Д. Покотиловъ, высоко цѣнимый иностранцами, да притомъ въ тотъ трудный моментъ, когда отъ этого высокаго поста всѣ отказывались, такъ какъ приходилось поддерживать сильно пошатнувшійся престижъ Россіи въ Китаѣ.

Кстати замѣтимъ, что покойный Д. Д. Покотиловъ былъ совершенно исключительный русскій дипломатъ на Востокѣ,—онъ свободно говорилъ по-китайски, сумѣлъ привлечь къ себѣ симпатіи туземцевъ и открылъ новую эпоху въ сношеніяхъ Россіи съ восточными народами, обративъ вниманіе на туземную молодежь и учредивъ для нея школы и курсы русскаго языка, которые теперь наше министерство иностранныхъ дѣлъ хочетъ, кажется, уже закрыть.

Что касается Японіи, то тамъ всѣ наши дипломатическіе представители окружены цѣлой сѣтью японскихъ соглядатаевъ подъ видомъ писцовъ и переводчиковъ, распоряжающихся въ канцеляріяхъ русскихъ консульствъ, какъ у себя дома, а между тѣмъ молодые русскіе востоковѣды, которые были бы тамъ болѣе, казалось бы, у мѣста, чѣмъ азіаты-туземцы, —такъ поставлены въ нашемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ, что бѣгутъ изъ него прочь и бросаютъ свои спеціальности.

Кажется, впрочемъ, въ самое послѣднее время на всѣ эти давно бьющіе въ глаза и только у насъ въ Россіи (живущей по инерціи заднимъ числомъ) возможные факты стали обращать наконецъ серьезное вниманіе господа востоковѣды, рѣшившіе, въ силу обстоятельствъ, сплотиться, оживить свои взаимныя связи и образовать новое «общество русскихъ оріенталистовъ».

Я говорю «новое» потому, что, по справочнымъ книжкамъ Петербурга, здѣсь существуетъ «общество востоковѣдѣнія», имѣющее даже гдѣ-то въ разныхъ городахъ свои «отдѣлы», но это

общество не можетъ похвалиться популярностью. Его дѣятельность, начатая лѣтъ 10 тому назадъ, проходитъ довольно незамѣтно, и о ней мало кто даже имѣетъ ясное понятіе. Впрочемъ, оно открыло свои курсы восточныхъ языковъ подъ претенціознымъ названіемъ «практической восточной академіи», гдѣ преподавали, конечно, русскіе. Я бывалъ на этихъ курсахъ, вѣрнѣе, урокахъ по-персидскому и японскому языкамъ. Они не привлекали никогда большой аудиторіи и успѣхомъ не пользовались. Однако «общество востоковѣдѣнія» не унываетъ и сумѣло устроить такъ, что на его пресловутую «восточную академію» государственная дума ассигновала (въ засѣданіи 9-го апрѣля) ежегодную субсидію въ размѣрѣ $7^1/_2$ тысячъ рублей.

Затѣмъ «общество востоковѣдѣнія» устраивало публичныя лекціи, столь же мало успѣшныя, какъ и курсы, въ виду отсутствія мало-мальски выдающихся лекторовъ. Что же касается «отдѣловъ» общества, то не знаю, какъ и что эти отдѣлы орудовали въ другихъ мѣстахъ, на Кавказѣ же открытый въ 1901 году въ Тифлисѣ мѣстный отдѣлъ «общества востоковѣдѣнія» свелся къ выбору президіума, который никогда не собирался, и единственно что онъ сдѣлалъ, это пріобрѣлъ себѣ большой, красивый и массивный шкапъ для текущей переписки, но шкапъ всегда пребывалъ пустымъ и былъ потомъ проданъ за ненадобностью. Если работа и остальныхъ «отдѣловъ» общества востоковѣдѣнія похожа на «дѣятельность» его кавказскаго отдѣла, то врядъ ли эти отдѣлы стоило открывать.

Новые оріенталисты свое общество только что открыли въ Россіи, на Востокѣ же они себя уже отчасти зарекомендовали изданіемъ своего журнала «Вѣстникъ Азіи», въ которомъ чувствовалась замѣтная потребность.

Задачи новаго общества оріенталистовъ—изученіе Дальняго, Средняго и Ближняго Востока въ общественномъ, политическомъ, экономическомъ и другихъ отношеніяхъ, исключительно по туземнымъ даннымъ и по первоисточникамъ,

Въ Петербургѣ находится центральное управленіе этого общества; здѣсь предполагается изданіе обществомъ своего органа и устройство клуба оріенталистовъ, гдѣ бы пріѣхавшіе съ Востока оріенталисты могли встрѣтить гостепріимство и имѣли возможность (по примѣру англійскихъ клубовъ) подѣлиться съ петербургскимъ обществомъ своими наблюденіями надъ жизнью Востока. Именно здѣсь и предполагается объединеніе оріенталистовъ и прочихъ лицъ, интересующихся той или иной областью жизни Востока на почвѣ изученія послѣдняго.

---

[1]) Уставъ «общества русскихъ оріенталистовъ» утвержденъ 12-го января текущаго года.

При обществѣ предполагается даже устройство со временемъ кассы взаимопомощи для дѣйствительныхъ членовъ, получившихъ высшее оріентальное образованіе.

Въ обществѣ будутъ три секціи—Дальняго, Средняго и Ближняго Востока. Общество ставитъ также своей задачей ознакомленіе разными способами русской публики съ жизнью Востока, а также и распространеніе среди населенія Востока правильныхъ свѣдѣній о Россіи, что чрезвычайно важно во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ про наше отечество по Востоку ходитъ, благодаря нашимъ «друзьямъ», цѣлая серія самыхъ невѣроятныхъ легендъ.

Общество уже располагаетъ и теперь большимъ числомъ членовъ, среди которыхъ мы находимъ всѣхъ профессоровъ Восточнаго Института во Владивостокѣ, почти всѣхъ молодыхъ русскихъ консуловъ на Дальнемъ Востокѣ и всѣхъ выдающихся востоковѣдовъ-или какъ почетныхъ членовъ, или же какъ членовъ-учредителей.

Въ виду несомнѣннаго интереса, представляемаго нарождающимся у насъ новымъ обществомъ оріенталистовъ, здѣсь слѣдуетъ указать и мѣсто, гдѣ можно записаться въ его члены, а именно у Н. И. Стрембулаева (Морская, 20), А. Н. Петрова (Милліонная,12) и С. Н. Петрова (Тучковъ пер., 11).

Нельзя не пожелать новому обществу всякаго успѣха и скорѣйшаго перехода изъ области словъ къ осуществленію хотя бы части такъ щедро намѣченныхъ задачъ, которыя, если не останутся пустымъ звукомъ, должны принести существенную пользу нашей политической роли на Востокѣ, на который въ переживаемый сейчасъ моментъ слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе.

Міровыя событія послѣдняго десятилѣтія—войны, политическіе союзы, соглашенія и торговые договоры, заключенные между западными и восточными государствами, рѣзко измѣнили политическую конъюнктуру, выдвинувъ на первый планъ въ общеполитической жизни народовъ азіатскій вопросъ, въ который къ нашему времени слились ближне и дальне-восточные вопросы.

Провозглашенные въ серединѣ и концѣ прошлаго столѣтія девизы различныхъ государствъ, какъ: «завоеваніе рынковъ для свободной торговли», «открытіе дверей въ Азію», нѣмецкое «шествіе на Востокъ» и наше «стихійное стремленіе къ теплымъ водамъ», уступили въ наше время, особенно послѣ русско-японской войны, девизамъ «мирнаго строительства и территоріальнаго закрѣпленія», провозглашеннымъ европейцами въ то время, какъ среди народовъ Азіи проснулось острое національное чувство, столь блестяще доказанное Японіей и Турціей, и уже слышится громкій призывъ къ объединенію подъ девизомъ «Азія для азіатовъ»,—и не только для защиты отъ вторженія въ Азію западныхъ народовъ, но и для освобожденія азіатскихъ народностей отъ европейской опеки.

Безспорно, лишь болѣе или менѣе отдаленное будущее можетъ реально рѣшить проблему о господствѣ бѣлыхъ или цвѣтныхъ народовъ, если къ тому времени идеи о всеобщемъ единеніи и братствѣ не сдѣлаютъ успѣховъ среди тѣхъ и другихъ; но и настоящее положеніе вещей въ Азіи заставляетъ серьезно задуматься надъ вопросами самозащиты.

Насъ, русскихъ, на 13 тысячъ верстъ соприкасающихся съ туземцами Азіи (не включая сюда границы Персіи, Афганистана и Турціи) и имѣющихъ среди представителей послѣднихъ многочисленныхъ русско-подданныхъ, — должны особенно интересовать вопросы о самозащитѣ, а также средства и пути къ ней.

Въ виду этого законопроекты и реформы, проводимые нашей государственной властью въ Азіи, заслуживаютъ особаго вниманія общества, причемъ къ выработкѣ и проведенію ихъ въ жизнь должны быть привлечены какъ диллетанты-востоковѣды, такъ и всѣ наши наличныя силы оріенталистовъ, живущихъ и работающихъ въ Азіи, и потому вопросъ, нужны ли намъ оріенталисты, долженъ быть безповоротно рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Кончая эти бѣглыя строки, должно прибавить, что среди политическихъ теченій новѣйшаго времени заслуживаетъ особеннаго вниманія два. Это--разрастающійся на Западѣ пангерманизмъ, на Востокѣ пробужденіе націонализма и проповѣдь панмонголизма, энергично ведущаяся Японіей [1]).

Только объединенныя силы Россіи, Англіи и Франціи, при хотя бы моральной поддержкѣ дружественныхъ націй, способны задержать дальнѣйшее развитіе этихъ теченій и связаннаго съ ними лихорадочнаго вооруженія Востока.

Если же мы, кромѣ этихъ теченій, примемъ въ соображеніе тонкую игру С.-А. С. Штатовъ, которые, ослабивъ насъ поддержкой, оказанной во время войны Японіи, — теперь на нашъ же счетъ хотятъ ослабить, въ свою очередь, тѣхъ же Японцевъ, объявившихся ихъ сильными соперниками въ Китаѣ, то картина для насъ, русскихъ,

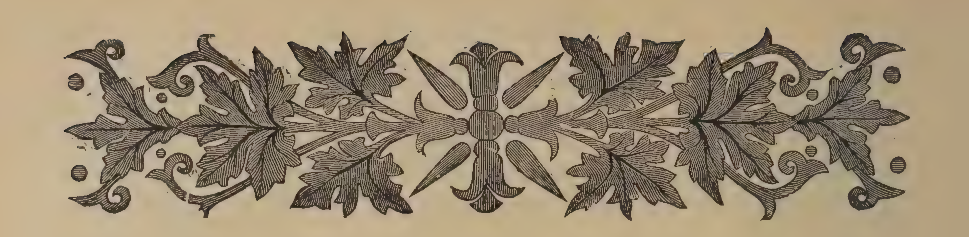
---

[1]) Въ самое послѣднее время у насъ образовалось еще одно общество оріенталистовъ—«русско-японское общество». Оно только что открыло свои дѣйствія, а именно его первое учредительное засѣданіе состоялось 2-го мая подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта И. П. Шипова. Цѣлью новаго общества является взаимное изученіе Японіи и Россіи на почвѣ науки, искусства и культуры вообще. Въ собраніи, кромѣ группы иниціаторовъ общества, приняли участіе нѣкоторые представители нашего дипломатическаго и экономическаго міра, ученые, журналисты, а также рядъ членовъ японскаго посольства съ повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Очіай во главѣ. Послѣ обсужденія проекта устава было избрано, для выработки окончательной его редакціи, особое бюро, въ составъ котораго вошли: И. П. Шиповъ, М. О. Батневъ, А. Н. Петровъ, В. И. Савицкій, П. М. Саладиловъ и гг. Очіай и Іода.

представится далеко не утѣшительной. Намъ угрожаютъ и на Западѣ и на Востокѣ—и угрозы серьезныя, а поэтому намъ, русскимъ, съ особенной энергіей должно приняться за изученіе современнаго положенія дѣлъ на Востокѣ, чтобы быть всегда въ курсѣ событій, и изучать его, не жалѣя средствъ, по всесторонне разработанному плану.

Вотъ здѣсь-то наши востоковѣды и могутъ оказать намъ большую и неоцѣнимую услугу.

С. И. Игнатьевъ.



УКРАИНСКІЙ МУЗЕЙ В. В. ТАРНОВСКАГО ВЪ ЧЕРНИГОВѢ

> Недостоинъ будущаго тотъ народъ,
> который не цѣнитъ своего прошлаго.
> А. И. Герценъ.

Ъ ИСХОДѢ лѣта прошлаго года я побывалъ въ Черниговѣ и подробно ознакомился съ интереснѣйшей въ своемъ родѣ коллекціей украинской старины, тщательно и съ любовью собранною многолѣтними трудами покойнаго археолога-украинофила Василія Васильевича Тарновскаго и нынѣ помѣщенною, наконецъ, въ особомъ музеѣ, носящемъ имя своего почтеннаго основателя.

Вмѣстѣ съ этимъ мои черниговскіе знакомые передавали мнѣ и о тѣхъ мытарствахъ, которымъ долгое время подвергалась коллекція украинскихъ древностей В. Тарновскаго, и о преслѣдованіяхъ со стороны мѣстной администраціи, усмотрѣвшей въ музеѣ В. Тарновскаго и въ естественныхъ заботахъ черниговцевъ объ его сохраненіи и помѣщеніи въ особомъ домѣ имени Тарновскаго, пожертвовавшаго свой музей черниговскому земству, «опасныя» идеи малорусскаго сепаратизма, какъ будто любить родной край и стараться объ охранѣ мѣстныхъ древностей Украины, игравшей въ старину независимую историческую роль, есть сепаратизмъ и враждебность къ Россіи.

О музеѣ В. Тарновскаго въ Черниговѣ очень мало кто у насъ знаетъ. Я убѣдился въ этомъ лично, по возвращеніи изъ Чернигова. Когда я упоминалъ въ разговорѣ объ этомъ интересномъ древлехранилищѣ, то оказывалось, что мои собесѣдники слышали о немъ впервые и съ любопытствомъ разспрашивали о содержимыхъ въ немъ рѣдкостяхъ.

Я охотно дѣлюсь поэтому съ читателями моими личными впечатлѣніями о черниговскомъ музеѣ украинской старины, но раньше, чѣмъ говорить о самомъ музеѣ, приведу здѣсь вкратцѣ исторію злоключеній, пережитыхъ музеемъ Тарновскаго до того времени, когда ему довелось осѣсть, наконецъ, на прочномъ основаніи, въ своемъ теперешнемъ уютномъ, хотя и не особенно обширномъ гнѣздѣ.

Эти злоключенія вообще весьма характерны и живо рисуютъ русскую дѣйствительность въ ея неприглядной отсталости, которая доказываетъ, до какой степени у насъ трудно безъ массы хлопотъ и упорной борьбы оборудовать такое, казалось бы, всѣмъ близкое общественное дѣло, какъ устроить ученый музей старины, собранный частнымъ лицомъ и достойный охраны и дальнѣйшаго расширенія общественными силами. Мы громко кричимъ о культурѣ, гражданственности, конституціонномъ строѣ и парламентскомъ режимѣ, но въ то же время, какъ варвары въ эпоху Рима, проходимъ съ поражающимъ всякаго настоящаго европейца равнодушіемъ мимо такихъ культурныхъ учрежденій, какъ музей или картинная галлерея, совершенно не интересуясь ихъ участью... Коллекція драгоцѣнныхъ картинъ княгини Тенишевой, которую она хотѣла подарить музею императора Александра III и которую этотъ музей пренебрежительно не принялъ въ свои стѣны съ пустующими залами, не показываетъ ли ясно и совершенно наглядно, въ какой мѣрѣ мы дѣйствительно «европейцы»?

Въ 1896 году въ черниговскую губернскую земскую управу поступило на имя предсѣдателя заявленіе мѣстнаго помѣщика, нынѣ уже умершаго, Василія Васильевича Тарновскаго о желаніи принести въ даръ черниговскому губернскому земству всю жизнь собираемую имъ коллекцію украинскихъ древностей, съ тѣмъ, чтобы она помѣщалась въ старинномъ домѣ Мазепы, надъ Десной, за соборомъ, и была открыта для обозрѣнія публикой. Поэтому жертвователь просилъ земство сообщить, согласно ли оно ассигновать ежегодно извѣстную сумму на содержаніе музея, принявъ его въ свою собственность и завѣдываніе, и исходатайствовать у подлежащаго начальства уступку земству указаннаго дома, для помѣщенія въ немъ мѣстнаго историческаго музея черниговскаго губернскаго земства.

Таковъ былъ начальный моментъ исторіи перехода музея В. В. Тарновскаго въ собственность черниговскаго губернскаго земства.

Внося это заявленіе губернскому собранію сессіи 1896 года, управа докладывала собранію, что музей Тарновскаго представляетъ коллекцію предметовъ, относящихся къ исторической и бытовой жизни Малороссіи, по цѣнности и полнотѣ не имѣетъ себѣ равнаго на югѣ Россіи и стоилъ собирателю многихъ трудовъ и денежныхъ затратъ. Поэтому, и признавая всю научную важность такого музея, управа высказывала мнѣніе, что на земствѣ лежитъ обязанность

съ полной готовностью принять предложеніе Тарновскаго и теперь же ассигновать сумму, потребную на принятіе и первоначальное устройство музея.

Основное заключеніе управы раздѣлила и комиссія по народному образованію, разсматривавшая докладъ управы по поводу заявленія Тарновскаго; желаніе же Тарновскаго, чтобы музей помѣщался въ указанномъ имъ домѣ, такъ называемомъ «домѣ Мазепы», она не находила удобнымъ осуществить, по мѣстоположенію дома и значительности расходовъ, которые потребовались бы для приспособленія его къ потребностямъ музея. Поэтому она предлагала просить дарителя согласиться на устройство подъ музей какого-нибудь другого помѣщенія.

Однако собраніе не усмотрѣло въ пріобрѣтеніи и приспособленіи подъ музей «дома Мазепы» тѣхъ неудобствъ, какія видѣла въ этомъ комиссія, не нашло, кромѣ того, умѣстнымъ домогаться отъ Тарновскаго измѣненія условій, на какихъ онъ желаетъ совершить свой даръ, и, наконецъ, согласилось съ мнѣніемъ управы о необходимости немедленно предоставить въ ея распоряженіе средства для пріема музея и приспособленія для него помѣщенія, опасаясь, что, въ случаѣ какой-нибудь проволочки, музей можетъ и не достаться земству. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе рѣшило ходатайствовать, по переходѣ музея въ собственность земства, чтобы онъ сохранилъ названіе «музея имени В. В. Тарновскаго».

Собранію слѣдующей сессіи, 1897 года, было доложено, что управа входила въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о продажѣ земству «дома Мазепы» и что министерство отнеслось благосклонно къ этому ходатайству; а собранію сессіи 1898 г., что оцѣнка этого дома была произведена спеціально для того назначенной комиссіей и что пріобрѣтеніе его обойдется земству съ небольшимъ въ 10,000 рублей. На предварительное приспособленіе его подъ музей управа предполагала необходимымъ затратить около 4,000 руб., и на постройку домика для завѣдующаго музеемъ—2,000 рублей.

Во время самой сессіи 1898 года на имя собранія получено было новое заявленіе В. В. Тарновскаго, въ которомъ послѣдній, подтверждая прежнее свое заявленіе о пожертвованіи черниговскому губернскому земству принадлежащаго ему музея, прибавлялъ, что не настаиваетъ на помѣщеніи музея непремѣнно въ «домѣ Мазепы», а желаетъ для него только зданія, соотвѣтствующаго назначенію. Однако даръ свой онъ обусловливаетъ требованіемъ, чтобы земство не имѣло права когда-либо отчуждать музей, переводить изъ Чернигова въ другое мѣсто, или измѣнять его характеръ, какъ мѣстнаго историческаго музея. Кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы земство назначило необходимыя для содержанія и храненія музея средства и, при его, дарителя, участіи, выработало уставъ музея, главныя основанія котораго изложены въ настоящемъ заявленіи.

Такимъ образомъ, въ этомъ заявленіи даритель шелъ въ вопросѣ о помѣщеніи музея навстрѣчу тому желанію комиссіи по народному образованію, какое было высказано ею собранію сессіи 1896 года. Теперь она имѣла основаніе вернуться къ своему прежнему предложенію, и, обсудивъ вопросъ о постройкѣ спеціальнаго зданія для музея, предлагала собранію эту мысль осуществить.

Въ собраніи однако вопросъ о наилучшемъ помѣщеніи музея былъ отодвинутъ на время, ибо поставленъ былъ вопросъ о самомъ правѣ земства принять пожертвованіе Тарновскаго. Вопросъ былъ чисто принципіальный, потому что цѣнности и высокаго научнаго значенія дара никто не оспаривалъ. Но нѣкоторые гласные и въ комиссіи и въ собраніи утверждали, что задачи земства ограничиваются обязанностью заботиться объ удовлетвореніи насущныхъ, первичныхъ потребностей населенія, и стремиться къ удовлетворенію высшихъ культурныхъ интересовъ въ то время, какъ первичные, за недостаткомъ средствъ, удовлетворяются далеко не въ надлежащей мѣрѣ,—земство никакъ не должно; что поэтому надлежитъ отказаться отъ принятія въ даръ музея Тарновскаго, ибо принятіе его вызываетъ необходимость какъ единовременной крупной затраты, такъ и ежегодныхъ на него расходовъ, а это можетъ дѣлаться только въ ущербъ удовлетворенію насущнѣйшихъ нуждъ главной массы земскихъ плательщиковъ. Однако большинство собранія полагало, что ограничивать роль земства удовлетвореніемъ только первичныхъ потребностей значитъ чрезмѣрно суживать его компетенцію; что научное и культурное значеніе музея, особенно для мѣстнаго края, очень велико; а разъ это такъ, земство не можетъ отказаться отъ такого учрежденія, выпустить его изъ своего района только потому, что сейчасъ большинство населенія не можетъ имъ пользоваться; что, наконецъ, этотъ даръ представляетъ и высокую матеріальную цѣнность, и земство, затрачивая единовременно какихъ-нибудь двадцать тысячъ, пріобрѣтаетъ коллекцію, стоящую много десятковъ тысячъ рублей.

Большинствомъ голосовъ собраніе подтвердило рѣшеніе прежнихъ сессій относительно принятія отъ В. В. Тарновскаго его дара и уполномочило управу принять музей и передать его дарителю на временное храненіе, до устройства земствомъ для него помѣщенія.

Но вскорѣ, 13 іюня 1899 года, В. В. Тарновскій скончался.

Въ оставленномъ имъ завѣщаніи онъ снова подтвердилъ пожертвованіе своего музея земству, повторивъ прежнія условія и прибавивъ къ нимъ желаніе, чтобы музей назывался его именемъ и чтобы наслѣдственнымъ попечителемъ его всегда состоялъ старшій въ родѣ завѣщателя.

Смерть В. В. Тарновскаго вынудила управу озаботиться пріемкой музея отъ наслѣдниковъ умершаго. Это исполнилъ одинъ изъ душеприказчиковъ Тарновскаго, тогдашній предсѣдатель губерн-

ской управы, извѣстный авторъ многихъ цѣнныхъ изслѣдованій изъ исторіи Малороссіи Ѳ. М. Уманецъ, при содѣйствіи покойнаго А. М. Лазаревскаго и профессора В. Б. Антоновича, и помѣстилъ большую часть музея на временное храненіе, до 1 января 1901 г., въ музеѣ кіевскаго общества древностей и искусствъ. Большую помощь Ѳ. М. Уманцу оказалъ при этомъ членъ правленія названнаго общества Н. Ѳ. Бѣляшевскій. Затѣмъ въ сентябрѣ 1899 года бывшему тогда секретаремъ управы Б. Д. Гринченку поручено было произвести провѣрку и опись предметовъ музея. Эта опись дала возможность вполнѣ опредѣлить составъ музея.

Въ докладѣ обо всемъ вышеизложенномъ губернскому собранію сессіи 1899 года управа выступила съ новымъ проектомъ относительно мѣста помѣщенія музея. Именно она предлагала приспособить для этой цѣли находящееся на Смоленской улицѣ зданіе ремесленнаго класса мужского сиротскаго дома, остающееся свободнымъ въ случаѣ осуществленія предположеннаго перевода сиротскаго дома въ деревню. Приспособленіе подъ музей этого зданія обошлось бы, по мнѣнію управы, въ 9000 руб., т. е. значительно дешевле чѣмъ постройка новаго зданія, на что прошлымъ собраніемъ было ассигновано 20,000 руб., и дало бы возможность уже лѣтомъ 1900 года перенести туда музей.

Въ комиссіи по народному образованію большинство высказалось за это новое предложеніе управы. Въ самомъ собраніи это предложеніе вызвало продолжительныя пренія и встрѣтило не мало возраженій. Противники его указывали на удаленность рекомендуемаго помѣщенія отъ центра города; на то, что предположенная на перестройку его сумма въ 9000 руб. должна быть увеличена стоимостью самаго зданія, цѣна которому не менѣе 6000 руб.; что сумма 9000 руб. врядъ ли окажется достаточной для перестройки и приспособленія зданія, такъ что окончательная его стоимость едва ли многимъ будетъ меньше 20,000 руб.; что зданіе и теперь уже тѣсновато для всего имущества музея (особенно для размѣщенія картинъ), а съ ростомъ его неизбѣжно вызоветъ необходимость пристройки, и многое другое. Сторонники же предположенія утверждали, что мѣсто нельзя считать отдаленнымъ и глухимъ; что сумма, потребная для перестройки, вычислена съ надлежащей точностью; что размѣръ помѣщенія достаточенъ для музея; что постройка новаго зданія для музея можетъ быть окончена не раньше 1902 года, между тѣмъ кіевскій музей принялъ музей Тарновскаго на храненіе только до 1 января 1901 года, да и теперь часть музея тамъ, часть въ управѣ, вмѣстѣ съ ея архивомъ, и не можетъ считаться достаточно огражденной въ пожарномъ отношеніи; послѣ же 1 января 1901 года часть, находящаяся въ Кіевѣ, останется въ безпріютномъ положеніи, между тѣмъ предлагаемое управой зданіе можетъ быть готово къ принятію музея еще въ 1900 году.

Собраніе согласилось съ предложеніемъ управы и комиссіи и ассигновало 9000 руб. на перестройку подъ зданіе музея указаннаго управой дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе, между прочимъ, постановило выработать къ будущей сессіи проектъ устава музея, установивъ теперь же положеніе, что посѣщеніе музея безплатно; ходатайствовать о присвоеніи музею имени В. В. Тарновскаго и объ утвержденіи, согласно волѣ жертвователя, сына его, В. В. Тарновскаго, въ званіи попечителя музея, съ переходомъ этого званія къ старшему въ родѣ его; помѣстить въ музеѣ портретъ жертвователя и гранитную доску съ надписью: «Памяти В. В. Тарновскаго—черниговское губернское земство».

Однако на слѣдующій день собраніе перерѣшило свои постановленія относительно музея въ ихъ главной части, т. е. по вопросу о зданіи для музея. По предложенію нѣкоторыхъ гласныхъ, рѣшено было оставить этотъ вопросъ открытымъ, такъ какъ существовало предположеніе, что городская дума, въ имѣющемъ быть на дняхъ засѣданіи, найдетъ возможнымъ уступить земству для музея одинъ изъ своихъ домовъ.

Спустя нѣсколько дней было доложено собранію рѣшеніе думы и заключеніе комиссіи по народному образованію. Дума постановила предложить земству за 10,000 руб. домъ на Бульварной улицѣ, занимаемый общественной библіотекой и музеемъ архивной комиссіи. Комиссія по народному образованію, признавая указанный домъ вполнѣ подходящимъ для земскаго музея, а стоимость его по крайней мѣрѣ вдвое выше назначенной за него цѣны, рекомендовала собранію принять предложеніе городской думы.

Собраніе, однако, отнеслось несочувственно къ предложенію думы и своей комиссіи. Въ немъ преобладающее вліяніе получило мнѣніе, что предлагаемый домъ низокъ, холоденъ, имѣетъ трещины въ стѣнахъ, да и относительно стѣнъ имѣется еще сомнѣніе, кирпичныя ли онѣ, или только обложены кирпичомъ, сумма же предстоящей затраты на него очень значительна. Поэтому собраніе постановило: отклонить предложеніе городского управленія и принять докладъ по этому предмету губернской земской управы, уполномочивъ ее приспособить для музея зданіе бывшаго мужского отдѣленія сиротскаго дома.

Исполняя постановленіе собранія, управа въ 1900 году приступила къ работамъ по приспособленію для музея зданія бывшаго ремесленнаго класса. При этомъ выяснилась необходимость нѣсколько отступить отъ плана и смѣты, утвержденныхъ собраніемъ. Вслѣдствіе этихъ, не предусмотрѣнныхъ смѣтою, отступленій, а также вслѣдствіе вздорожанія рабочихъ рукъ и спѣшности работъ, къ концу 1900 года предполагалось, что расходы по перестройкѣ зданія должны превысить смѣтное назначеніе на сумму до 4000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ работы по перестройкѣ затянулись такъ, что по-

мѣщеніе не могло быть готово къ ранѣе намѣченному сроку—осени 1900 года. Поэтому пришлось просить кіевское общество древностей и искусствъ оставить у себя коллекціи земскаго музея до 1 іюня 1901 года. Туда же весною 1900 г. пришлось сдать и тѣ части музея, которыя еще оставались у наслѣдницы В. В. Тарновскаго.

Въ томъ же 1900 году отпечатанъ II томъ каталога музея (I т. былъ изданъ самимъ В. В. Тарновскимъ), составленный Б. Д. и М. Н. Гринченками безвозмездно, независимо отъ земской ассигновки на это. М. Н. Гринченко была назначена управой 22 августа 1900 г. и смотрителемъ музея, и съ этого времени стала уже получать по 30 руб. въ мѣсяцъ и пользоваться квартирой при музеѣ, но принуждена была оставить должность черезъ два мѣсяца, такъ какъ не была утверждена въ ней губернаторомъ.

Закончена передѣлка зданія бывшаго ремесленнаго класса для помѣщенія музея въ 1901 г.; весь расходъ на нее выразился въ суммѣ 15,160 руб. 37 коп. Полное же водвореніе всѣхъ коллекцій музея въ это помѣщеніе совершено въ 1902 году.

Что же такое представляетъ этотъ музей, который для того, чтобы, путемъ добровольной передачи, пожертвованія, перейти изъ однѣхъ рукъ въ другія и устроиться на новомъ мѣстѣ, долженъ былъ испытать столько долгихъ и разнообразныхъ мытарствъ?

Самъ составитель его, В. В. Тарновскій, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1898 году каталогу части своей коллекціи, такъ говоритъ объ ея характерѣ и происхожденіи: «Еще въ молодые годы, лѣтъ сорокъ назадъ, я задался мыслью собрать возможно полную коллекцію предметовъ, характеризующихъ старинный бытъ моей родины, Малороссіи. Такъ какъ выполненіе этой задачи въ полномъ ея объемѣ не по силамъ частному лицу, то я по необходимости принужденъ былъ ограничиться предѣлами болѣе тѣсной и наиболѣе мнѣ близкой территоріи, именно лѣвобережной Малороссіи. Впослѣдствіи, предпринявъ археологическія раскопки въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и посѣтивъ Запорожье, я пополнилъ мое собраніе многими предметами, найденными на правомъ берегу Днѣпра и въ Новороссійскомъ краѣ. Такимъ образомъ, моя коллекція имѣетъ строго мѣстный характеръ украинскихъ древностей».

Таковъ, дѣйствительно, ея характеръ, строго выдержанный во всѣхъ частяхъ собранія, по полнотѣ, богатству, обилію и качеству составляющихъ его предметовъ—безусловно въ своемъ родѣ единственнаго. И нисколько не будетъ фразой сказать, что столько лѣтъ посвятившій на собираніе его составитель сослужилъ этимъ большую службу своему родному краю, а себѣ создалъ прекрасный памятникъ, навсегда связанный съ его именемъ.

Познакомимся же съ этимъ памятникомъ поближе, войдемъ въ это небольшое сѣрое зданіе въ концѣ Смоленской улицы, бросающееся въ глаза своимъ необычнымъ для Чернигова видомъ. Изъ

высокаго и узкаго вестибюля, гдѣ помѣщается большой библіотечный шкапъ да нѣсколько пушекъ, проникнемъ черезъ стеклянныя двери въ помѣщеніе собственно музея. Оно состоитъ изъ двухъ средней величины комнатъ, уставленныхъ витринами, увѣшанныхъ портретами, которые первые привлекаютъ взоръ. Но мы пока минуемъ ихъ и начнемъ свой осмотръ съ комнаты, выходящей окнами на улицу. Скажемъ, впрочемъ, теперь же, что все содержимое музея само собою раздѣляется на 6 отдѣловъ, изъ которыхъ 4 представляютъ коллекціи, соотвѣтствующія эпохамъ: доисторической, великокняжеской, казацкой и новѣйшей мѣстной исторіи; первый отдѣлъ, всецѣло пріурочивающійся къ единичной личности—Шевченку—собственно входитъ, какъ часть, въ предыдущій, но, думается намъ, по своему богатству и значенію, долженъ быть выдѣленъ въ самостоятельный; наконецъ, послѣдній отдѣлъ составляется изъ книгъ.

Итакъ, начнемъ нашъ обзоръ съ отдѣла доисторическаго. Онъ выводитъ насъ далеко за порогъ исторіи, въ эпоху зари человѣчества, когда, послѣ начавшагося отступленія къ сѣверу льдовъ, покрывавшихъ въ первую половину такъ называемой «третичной эпохи» всю нынѣшнюю Россію, въ южныхъ частяхъ ея во второй половинѣ «послѣтретичнаго періода» впервые поселился человѣкъ—современникъ мамонта. Первая часть перваго отдѣла, состоящая изъ неполированныхъ кремневыхъ издѣлій, даетъ возможность составить нѣкоторое понятіе о нуждахъ и мастерствѣ существа, становившагося человѣкомъ. Эти издѣлія—кремневые скребки, пилочки, ножъ, острія стрѣлъ... Прошло затѣмъ, вѣроятно, много тысячъ лѣтъ прежде, чѣмъ человѣкъ дошелъ до искусства шлифовать свои каменныя орудія, дѣлать предметы изъ кости, глины,—образцовъ этой стадіи культуры мы найдемъ въ музеѣ около четырехсотъ. Далѣе слѣдуетъ уже историческая эпоха—великокняжеская. Число предметовъ, представляющихъ ее, очень значительно: здѣсь монеты — русскія и иноземныя, печати, кресты, образки; оружіе—части мечей, шишаковъ, копій, наконечники стрѣлъ, булавы и пр.; украшенія—кольца, серьги, перстни, бусы; упряжь; богатое собраніе предметовъ домашняго обихода; орудія и инструменты, тоже богато представленные.

Далѣе—отдѣлъ предметовъ казацкаго періода—самый огромный отдѣлъ музея, самый богатый и цѣнный, возстановляющій передъ зрителемъ эпоху до мельчайшихъ деталей, драгоцѣнное собраніе для бытописателя, историка, художника... Открывается онъ нѣсколькими образчиками стариннаго зодчества, потомъ идутъ священные предметы: иконостасъ, аналой, церковная утварь, иконы малороссійскаго письма, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаютъ на себя: икона, изображающая Христа, который давитъ виноградъ, выросшій изъ его бока, и колѣнопреклоненнаго передъ

нимъ ангела, собирающаго въ чашу льющійся виноградный сокъ, и икона Божьей Матери съ младенцемъ Іисусомъ, принадлежавшая полтавскому полковнику Василію Полуботку. Затѣмъ имѣются панагіи, иконки, кресты, хоругви, плащаницы, облаченія, воздушки, антиминсы (изъ нихъ одинъ—Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго, XVII ст.), наконецъ, три образчика старинныхъ надгробныхъ памятниковъ. Отдѣлъ оружія заключаетъ въ себѣ луки, колчаны, стрѣлы, наконечники пикъ, сабли (среди нихъ сабля Богдана Хмельницкаго и сабля Мазепы), пушки, ружья, снаряды для стрѣльбы. Дальше—сѣдла, сбруя, военныя принадлежности. Среди такъ называемыхъ клейнодовъ имѣются 4 гетманскихъ булавы, 12 перначей (одинъ изъ нихъ—съ драгоцѣнными камнями и гербами Вишневецкихъ и польскимъ и одинъ—Павла Полуботка), гетманскій бунчукъ, 3 знамени (одно—копія), печать полка Миргородскаго и печать черниговскаго магистрата съ гербомъ войска запорожскаго. Среди богатой коллекціи металлической утвари находятся двѣ чарки Семена Палія, кубокъ и ложка Димитрія Ростовскаго, ложка и кружка Мазепы, ложка гетмана Ивана Скоропадскаго. Въ числѣ предметовъ домашняго обихода встрѣчаемъ: чернильницу, приписываемую Василію Кочубею; медальонъ съ марками для игры въ карты, принадлежавшій черниговскому полковнику и наказному гетману Павлу Полуботку, бандуру Мазепы; цеховой черниговскій знакъ и пр. Переходя къ мужскимъ и женскихъ одѣяніямъ и украшеніямъ, отмѣтимъ среди послѣднихъ личманъ, нѣкогда принадлежавшій Мазепѣ, а въ 1753 году подаренный гетманомъ Разумовскимъ войсковому товарищу Романовскому, и личманъ, относительно котораго предполагается, что онъ сдѣланъ въ память бракосочетанія императрицы Елизаветы Петровны съ Алексѣемъ Разумовскимъ.

Интереснѣйшее собраніе рисованныхъ масляными красками портретовъ въ оригиналахъ, старинныхъ копіяхъ и копіяхъ, сдѣланныхъ въ недавнее время по заказамъ В. В. Тарновскаго, покрываетъ стѣны обѣихъ комнатъ музея. Мы, конечно, не будемъ перечислять ихъ всѣхъ, а отмѣтимъ только особенно обращающіе на себя вниманіе. Таковы портреты—князя Константина Ивановича Острожскаго (копія съ затеряннаго оригинала), сына его Константина Константиновича и жены послѣдняго Софьи, урожденной Тарновской; митрополита Петра Могилы; Саввы Тупталла, отца Димитрія Ростовскаго; портреты гетмановъ: Конашевича-Сагайдачнаго, Богдана Хмельницкаго (послѣдняго—нѣсколько, и среди нихъ одинъ особенно оригинальный портретъ-картина), Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Тетери, Брюховецкаго, Дорошенка, Многогрѣшнаго, Ханенка, Самойловича, Мазепы, Полуботка, Скоропадскаго, Апостола и графа Разумовскаго. Укажемъ еще на портреты Василія Леонтьевича Кочубея и Агаѳіи Паліихи съ внуками, жены

Семена Палія, а также на портреты Гонты и Зализняка. Сѣдой— и красивой на разстояніи—стариной вѣетъ на зрителя отъ этихъ лицъ,—стариной, полной гордой, мятежной силы и высокаго, почти всегда кроваваго драматизма, и невольно оживаетъ въ воображеніи героическое прошлое Украины, подернутое поэтической дымкой, причемъ проза современности невольно кажется по контрасту еще болѣе мелкой и ничтожной.

Есть въ музеѣ и нѣсколько картинъ, рисованныхъ масляными красками. Изъ нихъ особенно замѣчательны шесть, являющіяся варіантами одного и того же сюжета: изображенія казака Мамая. Сюжетъ пріуроченъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ, повидимому, къ страшной эпохѣ гайдамачины и оставляетъ тяжелое впечатлѣніе, котораго не смягчаетъ никакой поэтическій налетъ.

Теперь намъ предстоитъ перейти къ другимъ отдѣламъ музея, представляющимъ новѣйшую исторію. Не станемъ задерживаться ни на собраніи оригинальныхъ акварелей и рисунковъ, ни на собраніи печатныхъ воспроизведеній картъ, рисунковъ, картинъ и фотографическихъ снимковъ, хотя это собраніе, несомнѣнно, можетъ имѣть очень важное значеніе, какъ подспорье для всесторонняго изученія Малороссіи, ибо оно—какъ справедливо замѣчаетъ составитель 2-й части каталога музея—«представляетъ какъ бы громадный альбомъ, «живописную Украину», рисующую страну и народъ съ разныхъ сторонъ».

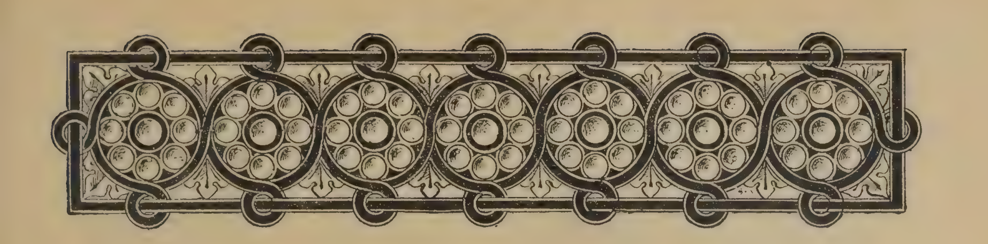
Перейдемъ къ отдѣлу, посвященному Шевченкѣ. Скажемъ сразу же, что это собраніе достигаетъ такой полноты и богатства, что не имѣетъ и уже не можетъ имѣть равнаго себѣ собранія, посвященнаго тому же лицу. Съ удивительнымъ тщаніемъ, съ удивительною любовью собрана масса предметовъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ личности знаменитаго поэта. Это—коллекція, состоящая изъ 1006 нумеровъ, изъ которыхъ 248—литературныя произведенія Шевченка и о Шевченкѣ (печатныя)—входятъ въ составъ книжнаго отдѣла музея. Остальные 758 предметовъ составляютъ собственно отдѣлъ Шевченка. Здѣсь и автографы его—письма и сочиненія, и дневникъ его, писанный по-русски и цѣликомъ еще не напечатанный, и бумаги—его и имѣющія отношеніе къ нему, и списки его сочиненій, и рисунки, гравюры и пр., какъ на сюжеты изъ его сочиненій, такъ и къ личности его относящіеся, и его бюсты, маски и многочисленныя изображенія, какъ масляными красками, такъ и другими способами; здѣсь вещи его собственныя, и вещи, имѣющія отношеніе къ нему. Здѣсь отовсюду глядитъ Шевченко и все говоритъ о Шевченкѣ, и, наконецъ,—что, пожалуй, самое цѣнное— здѣсь богатѣйшая коллекція его художественныхъ произведеній, рисованныхъ и до ссылки, и во время ссылки, и послѣ ея. Эта замѣчательная коллекція и безотносительно къ личности ея творца представляетъ немалый художественный интересъ и знакомитъ

публику съ такой стороной высокодаровитой натуры знаменитаго поэта, о которой было извѣстно не непосредственно, а лишь изъ его біографій.

Отдѣлъ рукописей музея заключаетъ въ себѣ произведенія различныхъ малороссійскихъ писателей XVII—XIX вв., историческіе документы и автографы. Какъ сообщаетъ въ предисловіи ко 2-ой части каталога его составитель, большинство произведеній, имѣющихся здѣсь, уже издано, но есть между ними и никогда неизданныя, напримѣръ, цѣлый романъ П. А. Кулиша «Искатели счастья». Изъ автографовъ есть принадлежащіе Гоголю (4 письма), Глинкѣ (партитура), Костомарову (письма, черновая рукопись о Мазепѣ, черновыя замѣтки и пр.). Историческіе документы музея могутъ представить большой интересъ для историка Малороссіи и содержатъ въ себѣ очень рѣдкіе автографы, напримѣръ, князя Константина Острожскаго, гетмановъ, начиная отъ Б. Хмельницкаго и пр.

Наконецъ, послѣдній отдѣлъ—печатныхъ книгъ. Въ немъ 77 старопечатныхъ книгъ, а вся вообще библіотека раздѣлена составителями ея каталога на 14 отдѣловъ, сообразно содержанію книгъ, и является цѣннымъ пособіемъ для всякаго, желающаго заняться изученіемъ края. Всего въ библіотекѣ пока 1858 названій.

С. Уманецъ.



БѢЛГОРОДЪ НА ДНѢСТРѢ.

«ОТЕЦЪ исторіи» Геродотъ называлъ нашъ Днѣстръ Тирасомъ. Надъ вопросомъ, какимъ образомъ названіе Тирасъ перешло въ Днѣстръ, задумывались многіе, равно какъ и надъ тѣмъ, откуда происходитъ то постоянное соединеніе звуковъ «дн», которое мы находимъ въ названіяхъ большинства нашихъ большихъ рѣкъ. Пусть вопросы эти остаются неразгаданными,—гораздо интереснѣе и важнѣе вопросъ, исторіей достаточно ѳсвѣщенный,—какъ Тирасъ и весь прекрасный омываемый имъ край сталъ нашимъ достояніемъ со всѣми десятками народовъ и племенъ, населяющихъ нынѣшнюю Бессарабію; гораздо интереснѣе вопросъ, почему въ этомъ краѣ,—при его незначительной, сравнительно, величинѣ, являвшемся отъ временъ Дарія Гистаспа до начала XIX вѣка какимъ-то не то мостомъ для переселенія народовъ, не то великимъ постоялымъ дворомъ для многихъ народовъ и племенъ,—до сихъ поръ еще остаются ихъ потомки, нерѣдко сохранивъ всѣ самобытныя черты, почти не ассимилируясь съ сосѣдями.

Въ самомъ дѣлѣ: малороссы—аборигены края, малороссы—пришельцы, болгары, молдаване (потомки римлянъ), липованы, наши раскольники-великороссы, бѣжавшіе сюда изъ Россіи черезъ Польшу, потомки запорожцевъ, растаявшихъ въ бывшемъ новороссійскомъ, или усть-дунайскомъ, казачьемъ войскѣ и прикрѣпившихся давно къ землѣ, поляки, греки, турки, цыгане, армяне, евреи, французы и нѣмцы (швейцарскіе колонисты), неизвѣстно

какъ попавшіе сюда албанцы и, наконецъ, неразгаданные гагаузы, съ ихъ православіемъ и турецкими языкомъ и обычаями (даже мусульманскими обрядами),—всѣ живутъ дружно вмѣстѣ, безъ всякаго намека на племенную вражду, но не сливаясь и сохраняя свою самобытность. Потеряли свою самобытность и даже имена одни лишь генуэзцы да персы.

Что ихъ всѣхъ объединило, что прикрѣпило ихъ къ Бессарабіи? Несомнѣнно, богатая, разнообразная, для всѣхъ одинаково гостепріимная природа мать. Горы, черноземныя равнины, степи и пески, наконецъ, морской берегъ и города съ ихъ кипучею торговою жизнью—въ полной мѣрѣ удовлетворяютъ самымъ разнообразнымъ народнымъ потребностямъ, привычкамъ и инстинктамъ. Всѣ здѣсь у себя дома, всѣ довольны, всѣ крѣпко пустили корни, всѣ спокойны за свое будущее, всѣ у пристани: для всѣхъ Тирасъ—отецъ, а Бессарабія—мать.

Все сказанное о Бессарабіи вообще относится въ особенности къ Аккерманскому уѣзду, по преимуществу богато надѣленному всѣми благами природы, вообще щедрой въ Бессарабіи. Въ Аккерманскомъ уѣздѣ можно встрѣтить и гористыя мѣстности, и черноземныя равнины, и Буджакскую степь, и пески, и соляныя озера, и многоводный Тирасъ съ бѣгущими параллельно ему и впадающими въ озера нѣсколькими рѣками и, наконецъ, только этому уѣзду дарованный природою морской берегъ съ громаднымъ заливомъ [1]), рядомъ курортовъ и т. д. Въ Аккерманскомъ уѣздѣ производится культура всѣхъ злаковъ, и если не процвѣтаютъ, то могутъ процвѣтать садоводство, огородничество, винодѣліе и виноградарство, скотоводство, рыбный и соляной промыслы и т. д. Аккерманскій уѣздъ—это богатѣйшая житница, виноградникъ, прекрасный садъ и огородъ, богатая тоня,—это, наконецъ, прекрасный выходъ въ море для всего юго-запада Россіи—въ далекомъ прошломъ и, надо надѣяться, въ недалекомъ будущемъ.

Впервые о Бессарабіи упоминаетъ Геродотъ. Около 630 года до Р. Х., тѣснимые сосѣдями, скиѳы перешли изъ Азіи въ Европу и, побѣдивъ киммерійцевъ, заняли весь югъ нынѣшней Россіи отъ Дона до Дуная (а слѣдовательно, и нынѣшнюю Бессарабію), распространивъ владѣнія свои до впаденія р. Прута въ Дунай. Въ 508—513 гг. до Р. Х. Бессарабія становится театромъ военныхъ дѣйствій персовъ (Дарій Гистаспъ), а немного позже сюда проникаютъ греки, оцѣнившіе первыми выгоды торговли на Черноморморскомъ побережьѣ.

---

[1]) Мы говоримъ «заливомъ», ибо Днѣстровскій лиманъ сталъ таковымъ лишь въ послѣдніе вѣка, раньше же былъ заливомъ, въ который входили морскія суда и откуда производился непосредственный экспортъ въ Турцію и Малую Азію.

Крѣпость въ Аккерманѣ съ западной стороны.

Врядъ ли въ исторической географіи мы найдемъ городъ, который въ теченіе своего существованія носилъ бы столько именъ, какъ Аккерманъ. Финикіяне называли его въ VI вѣкѣ до Р. Х. Офіузою, въ слѣдующемъ вѣкѣ греки называютъ его Никоніемъ, при самомъ же Геродотѣ онъ именуется уже Тирасомъ, населеннымъ тиритами. При Атиллѣ Аккерманъ именуется—Турисомъ, половцы и куманы называютъ его Аклибомъ, а тиверцы и угличи—Бѣлымъ городомъ. Появляются на сценѣ латиняне, и Аккерманъ становится для генуэзцевъ и венеціанцевъ Монъ-Кастро или Мавро-Кастро (по другимъ источникамъ — Аспро-Кастромъ). Въ XV вѣкѣ турки даютъ городу наименованіе Акъ-Керменъ, и послѣ этого онъ остается то Четате-Альба для молдаванъ (то же, что и Акъ-Керменъ — «бѣлый камень»), то Бѣлгородъ для запорожцевъ, которымъ они, по выраженію кошевого Ивана Сѣрко «не разъ крылья смолили». Офіуза или Тирасъ, Монъ-Кастронъ или Четате-Альба, Акъ-Керменъ или Бѣлгородъ [1]), Аккерманъ и вся «Бѣлгородчина» нашихъ тиверцевъ и угличей (т.-е. южная Бессарабія) является яблокомъ раздора и городомъ громадной важности для многихъ народностей, пока окончательно не подпадаетъ подъ власть Россіи. Не говоря уже о генуэзцахъ и грекахъ, морякахъ-торговцахъ по преимуществу, еще при скиѳахъ и кимврахъ, по словамъ Геродота, нашъ Аккерманъ былъ главнымъ пунктомъ для экспорта хлѣба и лѣса въ Турцію, Грецію и Малую Азію; теперь же туриста поражаетъ сонный видъ, безжизненность Аккермана. Причины этого мы скоро увидимъ, пока же вернемся къ исторіи края, которая, благодаря выгодному расположенію Аккермана у устья Тираса, является исторіей самаго Аккермана.

Упоминаемые Геродотомъ «тириты—народъ эллинскаго происхожденія» не владѣли при Геродотѣ самимъ краемъ, остававшимся въ рукахъ скиѳовъ, но имѣли лишь въ выгоднѣйшихъ мѣстахъ колоніи, въ томъ числѣ и Офіузъ-Аккерманъ. Мѣсто скиѳовъ, вслѣдствіе ихъ несчастной борьбы съ сарматами, занимаютъ геты, или даки, воевавшіе съ Александромъ Македонскимъ и сарматами, но подчинившіеся всесильной тогда рукѣ Рима. При Августѣ, или Тиберіи, нынѣшняя Бессарабія входитъ въ составъ Римской имперіи; вся долина отъ Дуная до Днѣстра покрывается городами съ римскимъ населеніемъ, римскимъ устройствомъ и римской общественностью, а Траянъ вводитъ въ Дакіи латинскій языкъ и ограждаетъ страну отъ «варваровъ» знаменитымъ Траяновымъ валомъ, слѣды котораго и сейчасъ видны, въ направленіи отъ Бен-

---

[1]) Отчего мы, вернувшіе Дерпту и Динабургу, напримѣръ, ихъ прежнія имена Юрьева и Двинска, не возвратили и Аккерману его старо-русское названіе—Бѣлгородъ на Днѣстрѣ (въ отличіе отъ Бѣлгорода на Донцѣ).

деръ до озера Ялпухъ въ Измаильскомъ уѣздѣ [1]). При Антонинѣ Философѣ въ странѣ поселяются, однако, венеты, славянскаго племени, а въ III вѣкѣ здѣсь появляются готы, которые и удерживаютъ за собою страну, распространивъ ея предѣлы въ IV вѣкѣ до Балтики. Но въ 332 г. черезъ страну, съ крестомъ въ рукахъ, обращая народы въ христіанство, прошелъ Константинъ Великій, а черезъ сорокъ лѣтъ нынѣшняя Бессарабія входитъ уже въ составъ монархіи Атиллы, сынъ котораго вскорѣ уступаетъ ее опять римлянамъ, а послѣдніе въ 545 г.—славянскому народу—антамъ. Въ VI и VII вѣкахъ мы видимъ здѣсь сражающихся лангобардовъ, аваровъ, аспорухскихъ болгаръ, мадьяръ, печенѣговъ, хозаръ, поляковъ, сѣверянъ и вятичей и др. Во второй половинѣ IX вѣка начинается первое знакомство кіевскихъ князей съ Бессарабіей—Олегъ, Игорь и Святославъ «ходятъ за Днѣстръ» воевать съ болгарами, а русскіе купцы устанавливаютъ торговый путь отъ Днѣпра до устья Дуная, причемъ и княжескій—военный—и торговый пути лежатъ черезъ Аккерманъ.

Во времена Нестора славяне, населявшіе Бессарабію, были извѣстны подъ именами тиверцевъ и угличей, главнымъ городомъ которыхъ, завоеваннымъ при Игорѣ, былъ Пересѣчина, нынѣшнее село Пересѣчены. Правда, по мѣстнымъ преданіямъ, во времена Екатерины II одинъ генералъ, не найдя здѣсь заказанныхъ подводъ, приказалъ пересѣчь населеніе, но если это событіе и достовѣрно, то еще достовѣрнѣе то, что еще до царствованія Екатерины Великой на старинныхъ картахъ бессарабскаго края значился гор. Пересѣчены.

Въ XII вѣкѣ Бессарабія, тогда часть сильнаго княжества галичскаго, наводняется половцами, а въ XIII вѣкѣ—монголами, которые въ честь покореннаго ими половецкаго князя Бессараба и назвали впервые край его именемъ; въ этомъ же вѣкѣ по всѣмъ берегамъ Чернаго моря, въ томъ числѣ и на Днѣстровскомъ лиманѣ, появляются колоніи генуэзцевъ: Хотинъ, Тигинъ (нынѣ Бендеры), Монъ-Кастро, или Аккерманъ.

Результатомъ этихъ народныхъ передвиженій къ XIV вѣку явилось то, что Бессарабія оказалась уже тогда населенною десятками племенъ и народовъ, въ томъ числѣ румынъ (т. е. потомковъ римлянъ), которые и сдѣлались обладателями Бессарабіи, основавъ здѣсь сперва валахское, а потомъ и молдавское самостоятельное государство.

Въ споры румынъ съ половцами въ началѣ XVI вѣка вмѣшались Венгрія и Польша. Одно время мы видимъ даже Аккерманъ въ рукахъ князя Гедигольда, который далъ Днѣстровскому ли-

[1]) Имѣются основанія, однако, предполагать, что валъ этотъ выстроенъ былъ именно «варварами» въ защиту отъ нападенія римлянъ.

ману названіе Sacus Vidovo или Ovidovo [1]), но это, отнюдь, не значитъ, что Бессарабія, или даже одинъ Аккерманъ, когда-либо принадлежали полякамъ. По договору Богдана Молдавскаго съ Сигизмундомъ I, заключенному въ 1510 г., полякамъ дозволена была вольная торговля въ Бессарабіи, и изъ Аккермана польская пшеница вывозилась преимущественно въ Кипръ. Этотъ договоръ въ томъ же вѣкѣ возобновленъ былъ и съ венеціанскимъ посольствомъ, и это необходимо было, такъ какъ запорожцы и ногайцы, поселенные Солиманомъ въ окрестностяхъ Аккермана, сильно обижали польскихъ купцовъ. Жалобы на населеніе окрестностей Аккермана продолжались и въ XVII вѣкѣ, какъ то видно изъ переговоровъ польскаго посольства (Корицкаго) въ 1628—29 гг. и далѣе въ 1643—44 гг.: посольства прямо просили воспретить беямъ Бендеръ, Никополя и Аккермана нападать на польскіе предѣлы, а это ясно доказываетъ, вопреки толкованіямъ нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, что Аккерманъ никогда въ предѣлы польскихъ владѣній не входилъ. Впрочемъ, лучшимъ тому доказательствомъ служитъ договоръ между Турціей и Польшей 1607 г., по которому «никто, кромѣ купцовъ, не долженъ переходить изъ Аккермана на польскую сторону».

Сношенія Московскаго царства съ Молдавіей и Валахіей начались еще въ XV вѣкѣ, и Іоаннъ Грозный искалъ съ ними сближенія, но ему мѣшала Польша; въ періодъ же отъ Іоанна IV до Петра Великаго московскому царству было не до Бессарабіи. Насталъ, однако, XVIII вѣкъ, вѣкъ Петра Великаго, и съ тѣхъ поръ въ въ странѣ идетъ неустанная борьба за господство между турками и русскими вплоть до 1878 г. Кто не былъ здѣсь изъ нашихъ великихъ полководцевъ? Имена Потемкина, Суворова, Кутузова тѣсно связаны съ исторіею Бессарабіи и самаго Аккермана.

Впервые Аккерманъ былъ взятъ осадою по приказанію Румянцова отрядомъ Игельстрома 25-го сентября 1770 г., но уже по Кучукъ-Кайнарджійскому миру Аккерманъ былъ возвращенъ туркамъ. Во второй разъ, въ 1789 г., князь Потемкинъ-Таврическій въ сентябрѣ мѣсяцѣ послалъ противъ Аккермана кавалерійскій отрядъ бригадира и атамана Платова, и 30-го числа того же мѣсяца командовавшій аккерманскою крѣпостью трехбунчужный паша салоникскій Валиси сдалъ крѣпость безъ боя. Наконецъ, и въ 1806 г.

---

[1]) Противъ Аккермана, на другомъ (херсонскомъ) берегу лимана расположено мѣстечко Овидіополь, когда-то бывшій городомъ. Многіе и сейчасъ еще думаютъ, что именно здѣсь оплакивалъ судьбу свою въ безсмертныхъ «Tristia» великій поэтъ, сосланный Августомъ на берега Понта Эвксинскаго, въ дикую страну гетовъ и сарматовъ, но литовско-латинское Ovidovo говоритъ само за себя. Овидій же жилъ и скончался въ гор. Томахъ, вблизи нынѣшняго гор. Кюстенджи, въ Добруджѣ, гдѣ во второй половинѣ XIX вѣка A. P. Vertos, нашелъ надгробный камень и разобралъ на немъ гласящую объ этомъ надпись на древне-греческомъ языкѣ.

Крѣпость въ Аккерманѣ съ восточной стороны.

крѣпость также безъ боя сдалась генералу Ловейко изъ отряда герцога Ришелье. Послѣ этого крѣпость Овидіополь перенесена была въ Аккерманъ, но сама аккерманская крѣпость была упразднена только въ 1832 г. Теперь и стѣнъ крѣпостныхъ не осталось: на высокомъ берегу лимана красуется лишь цитадель этой крѣпости съ ея четырьмя башнями, глубокимъ рвомъ и развалинами дома, гдѣ жили паши-коменданты. Если бы не одесское общество исторіи и древностей, то и этого великаго памятника далекой эпохи не сохранилось бы. Молчитъ опустѣлая, мертвая цитадель, но воображенію туриста она очень много говоритъ. Старожилъ покажетъ вамъ башню, въ которой прикованный на цѣпи томился несчастный Конецпольскій (эту башню называютъ «Овидіевой» и увѣряютъ, что на стѣнахъ ея нерѣдко мечталъ нашъ безсмертный А. С. Пушкинъ); разскажетъ, что еще не такъ давно и цѣпи были цѣлы; покажетъ рядъ валяющихся на дворѣ цитадели каменныхъ плитъ съ греческими и армянскими надписями, венеціанскій гербъ, на которомъ едва замѣтны полумѣсяцъ и шпора; пороховой погребъ съ турецкой надписью объ его исправленіи въ 1756 г.; наконецъ, укажетъ и на слѣды потаеннаго выхода изъ цитадели и многое другое. Безъ помощи такого старожила вы только полюбуетесь на великолѣпный видъ изъ цитадели на лиманъ, достигающій здѣсь девяти верстъ ширины, и на далекій, разбросанный по херсонскому берегу Овидіополь и на еще болѣе далекіе на сѣверѣ плесы высокаго камыша. Взойдите на башню и оглянитесь въ другую сторону: сейчасъ же за городомъ начинается море зелени садовъ и виноградниковъ, къ югу распространяющееся черезъ посадъ Шаба почти до самаго маяка у царьградскихъ гирлъ лимана, а къ западу—теряющихся въ миражѣ далекаго горизонта безбрежной степи Буджакской, по которой когда-то носились на полудикихъ коняхъ ногайцы, а нынѣ разбросаны большія селенія, названія которыхъ: Парижъ, Лейпцигъ, Тарутино, Бородинская, Березинская, Кульмская и т. д., невольно вызываютъ удивленіе туриста, въ особенности, когда онъ слышитъ, что «отъ Бородина до Парижа всего одинъ перегонъ»...

Если бы одесское общество исторіи и древностей на четверть вѣка ранѣе имѣло возможность вспомнить объ Аккерманѣ и его памятникахъ сѣдой старины, то, несомнѣнно, и они сохранились бы, какъ цитадель, и, вмѣсто пустой и холодной могилы, мы видѣли бы и теперь турецкую баню, фрески и лѣпныя работы которой вспоминаютъ и сейчасъ старожилы, а вмѣсто груды камней—ту знаменитую аккерманскую мечетъ, вь которой первое время послѣ пріобрѣтенія Аккермана и до постройки собора совершались православныя богослуженія. Съ развалинъ мечети открываются прекрасные виды съ одной стороны—на мрачныя стѣны и башни цитадели, съ другой же—на городъ съ чистыми, мощенными и уса-

женными деревьями улицами «новаго города», по которымъ пробѣгаютъ вагоны конно-желѣзной дороги, а еще далѣе—на «Старый базаръ», гдѣ еще видны слѣды турецкаго владычества, гдѣ переулки узки и пыльны, или грязны, смотря по времени года, гдѣ видны только каменные заборы, а не дома, скрывающіеся за ними: низкіе, крытые камышомъ дома съ навѣсами вокругъ и деревянными рѣшетками въ окнахъ. Въ одномъ изъ такихъ переулковъ, черезъ калитку въ каменной стѣнѣ, вы можете проникнуть во дворъ старинной армянской церкви, переполненный надгробными памятниками со стертыми давно надписями, и въ самую церковь, вырытую въ землѣ, съ папертью, состоящею изъ надгробныхъ камней, какъ и самый полъ церкви. Войдя въ эту церковь, каждый туристъ невольно подумаетъ, что онъ попалъ въ катакомбы древнихъ христіанъ, и онъ мало ошибется, ибо много вѣковъ назадъ здѣсь богослуженія свершались съ такою же таинственностью и опасеніями, какъ въ катакомбахъ Рима.

Не столь ветха часовня при греческой церкви, высящейся на скалистомъ берегу лимана. Въ этой часовнѣ, гдѣ всегда горятъ неугасимыя лампады и свѣчи, вы увидите бѣлый камень съ короткой, но много говорящей надписью: «Св. мученикъ Іоаннъ Новый отъ Трапезонта, пострадавшій въ Аккерманѣ 1492 года, іюня 2-го. Святыя же мощи его нынѣ находятся въ Сочавѣ»... Да, свыше 500 лѣтъ назадъ здѣсь былъ замученъ турками нынѣ давно уже причисленный къ лику святыхъ, прибывшій въ Аккерманъ съ дорогими товарами на кораблѣ изъ Трапезонта купецъ Іоаннъ. Прельстившійся его драгоцѣнностями аккерманскій паша посадилъ Іоанна въ темницу и согласился сохранить ему жизнь только въ томъ случаѣ, если Іоаннъ отречется отъ христіанства и приметъ магометанство. Но Іоаннъ отказался; тогда его привязали къ хвосту дикой лошади и пустили въ степь, но лошадь, помчавшись по камнямъ, привлекла разбитое тѣло Іоанна на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ часовня, и никакія силы не могли заставить коня уйти отсюда. Турки оставили тѣло, надъ которымъ ночью горѣло сіяніе, а затѣмъ похоронили здѣсь же. Въ 1562 г. сочавскій князь, наслышавшись о чудесахъ надъ могилою праведника, предложитъ туркамъ выкупить его на вѣсъ золота. Вырыли мощи, положили ихъ на одну чашку вѣсовъ, а на другую князь сталъ сыпать свое золото, но чашки вѣсовъ пришли въ равновѣсіе только тогда, когда на вѣсахъ лежала одна маленькая золотая монета. Паша, увидѣвъ это чудо, отказался взять какое-либо вознагражденіе, и мощи св. Іоанна Новаго тогда же перенесены въ Сочаву, бывшую столицу Молдавіи [1]). Св. Іоаннъ Новый не забытъ православными русскими и, какъ тысячи нашихъ братьевъ галичанъ переходятъ границу для

[1]) А нынѣ маленькій австрійскій городокъ.

поклоненія св. иконѣ Почаевской Богоматери, такъ тысячи нашихъ паломниковъ идутъ въ Сочаву на поклоненіе мощамъ св. угодника. Въ Почаевѣ и Сочавѣ происходитъ то братаніе между единокровными и единовѣрными русскими, которое служитъ залогомъ единенія Державной и Прикарпатской Руси.

Изъ достопримѣчательностей города слѣдуетъ отмѣтить изящной архитектуры болгарскую церковь. Русскій соборъ выстроенъ въ 1832 г. на краю города, тогда какъ болгарская и греческая церкви расположены въ центрѣ его, въ новой части города, украшенной бульварами и городскимъ садомъ. За этимъ садомъ по берегу лимана тянется громадное строеніе—казармы, гдѣ расположенъ пѣхотный полкъ.

На самомъ берегу лимана изъ-подъ скалы вытекаетъ ключъ чистой прозрачной воды,—это «Святая» или «Прасковіевская криница», водѣ которой приписываютъ цѣлебное значеніе и съ которой связано древнее поэтическо-религіозное преданіе. Въ одномъ изъ набѣговъ своихъ на Подолье турки полонили и продали въ гаремъ паши молодую красивую дѣвушку Прасковью, отличавшуюся твердымъ и сильнымъ характеромъ. Спасаясь отъ насилій, она бѣжала ночью и бросилась къ берегу лимана по подземному ходу, который, говоритъ преданіе, существовалъ еще недавно и былъ заложенъ каменьями стараніями монаховъ-грековъ. Погоня настигла Прасковью у самаго берега, но въ ту минуту, когда турки хотѣли схватить ее, она обратилась въ ключъ чистой, прозрачной воды.

Въ настоящее время жизнь Аккермана сонна и бездѣятельна; но у него когда-то была пора кипучей жизни и работы. Эта эпоха продолжалась въ вѣка генуэзской гегемоніи, даже въ первое время турецкаго владычества, но та же природа, которая такъ щедро обогащала край своими дарами, заперла выходъ въ море—источникъ богатства города. Настала пора упадка благосостоянія края. Аккерманскій округъ чувствуетъ это болѣе, чѣмъ какой-либо другой, что особенно наблюдается при изученіи естественныхъ богатствъ края.

Обыкновенно Бессарабію раздѣляютъ на сѣверную область, частью гористую, частью же степную, среднюю, холмистую, и южную, чисто степную; когда-то сѣверная часть, а отчасти и холмистая средняя были покрыты прекрасными лѣсами бука, граба и дуба, южная же представляла обширную Буджакскую степь. Но эти раздѣленія давно сгладились: лѣсовъ почти нѣтъ нигдѣ, какъ нѣтъ и вольной, ковылемъ покрытой степи,—ихъ мѣста заняли богатѣйшія пашни, сады и виноградники, и только небольшая часть предоставлена скотоводству. Значительнѣйшая часть удобныхъ земель занята пахотою, причемъ больше половины такой земли принадлежитъ крестьянскимъ надѣламъ (почти 2 милліона десятинъ

Овидіева башня въ Аккерманской крѣпости.

изъ 3.700.000 дес. всей воздѣлываемой земли), остальная земля подъ лугами, садами, лѣсами и виноградниками, которые одни въ общемъ представляютъ площадь почти въ 70 тысячъ десятинъ. Такъ называемыя «неудобныя» земли встрѣчаются лишь въ Аккерманскомъ уѣздѣ, по берегамъ моря, но здѣсь расположены длиннымъ рядомъ соляныя озера, которыя въ свое время давали хорошій заработокъ и доходъ краю и почему-то теперь не разрабатываются.

«Неудобными» же землями являются и всѣ берега мелкихъ лимановъ, затоны и многочисленныя песчаныя косы на томъ же морскомъ берегу; но опять-таки каждый такой лиманъ, затонъ или коса представляютъ или дѣйствующій, или будущій курортъ, грязелечебную станцію, или прекрасное морское купанье, а иногда, какъ, напримѣръ, Цареградская коса, и то и другое вмѣстѣ. Дѣйствительно «негодными» могутъ быть названы лишь немногочисленные солончаки на югѣ, овраги и балки на сѣверѣ да покрытые камышомъ и заливаемые водою небольшіе плавни въ низовьяхъ Днѣстра.

Край почти не знаетъ недородовъ, и занятыя подъ пахоть свыше 103 милліоновъ десятинъ даютъ сотни милліоновъ пудовъ озимой и яровой пшеницы, ячменя, льняного сѣмени и кукурузы, изъ которыхъ только послѣдняя почти цѣликомъ идетъ на продовольствіе мѣстнаго населенія,—все остальное въ значительной части вывозится за границу или внутрь Россіи и только ничтожная часть остается для мѣстныхъ нуждъ. Свыше 90.000 десятинъ, занятыхъ садами, даютъ милліоны пудовъ яблокъ, грушъ, абрикосовъ и чернослива, выдерживающаго конкурренцію съ лучшими сортами французскаго. Всѣ эти плоды въ свѣжемъ видѣ или сушеными вывозятся не только въ сѣверныя и среднія губерніи Россіи, но и за границу.

Овцеводство въ краѣ хотя и имѣетъ большое значеніе, но развито недостаточно и плохо поставлено,—о тонкорунныхъ овцахъ здѣсь не имѣютъ почти понятія, а мѣстная порода даетъ очень грубую и длинную шерсть, объ улучшеніи которой населеніе мало думаетъ, находя въ овцахъ другой доходъ—молоко, дающее извѣстную брынзу, довольно вкусный сыръ, употребляемый въ краѣ въ весьма большомъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе, и плохого достоинства шерсть овецъ находитъ сбытъ не только на внутреннемъ, но и на заграничномъ рынкѣ [1]). Если нельзя сказать, что винодѣліе составляетъ въ настоящее время главное богатство края, то оно, несомнѣнно, скоро будетъ имъ. Въ немъ громадное будущее края, и на немъ мы въ особенности должны остановиться.

Виноградарствомъ и винодѣліемъ занимаются въ Аккерманскомъ уѣздѣ и помѣщики, и монастыри, и колонисты, и крестьяне, причемъ у послѣднихъ дѣло это поставлено чрезвычайно плохо не только потому, что въ виноградникахъ ихъ культивируются только мѣстныя лозы, тогда какъ у другихъ лучшіе сорта французскихъ, но и потому, что у крестьянъ виноградники содержатся очень небрежно. Несмотря на то, что имъ прекрасно знакома рядовая посадка, хотя бы по примѣру сосѣдей, помѣщиковъ и многочислен-

---

[1]) Мы умалчиваемъ о табаководствѣ, ибо говоримъ главнымъ образомъ объ Аккерманскомъ уѣздѣ (низовья Тираса), въ уѣздѣ же этомъ нѣтъ ни одной табачной плантаціи (рядомъ, въ Бендерскомъ до 1.000),

ныхъ колонистовъ, крестьяне продолжаютъ сажать въ садахъ своихъ между виноградомъ не только фруктовыя деревья, но и зачастую даже кукурузу и овощи, обращая свои виноградники въ огороды. Подрѣзка лозъ, прашовка, или перекапываніе виноградниковъ, и очистка отъ сорныхъ травъ производится крайне неумѣло, даже ограничивается иногда простымъ выкосомъ травы. Въ то время, какъ колонисты-швейцарцы въ Шабѣ, нѣмцы и болгары въ Пуркарахъ и Раскайцахъ и даже нѣкоторые крестьяне по берегу лимана, близъ Аккермана, дѣлаютъ глубокую посадку по два чубука въ ямку, употребляютъ для обработки почвы плужки, подрѣзываютъ виноградныя лозы коротко, прашуютъ почву по три и даже по четыре раза въ лѣто,—крестьяне другихъ мѣстъ, даже Аккерманскаго уѣзда, насадивъ лозы, предоставляютъ ихъ полной свободѣ, для обработки употребляютъ устарѣвшій сапъ, прашовку же почти не практикуютъ и допускаютъ кусты разрастаться чуть ли не до высоты деревьевъ.

Наконецъ, крестьяне никогда не даютъ винограду дозрѣть, какъ слѣдуетъ, и начинаютъ сборъ уже въ серединѣ августа. Плачевные результаты такого ухода очевидны: тогда какъ швейцарцы справедливо хвастаются урожайностью до 700 и даже иногда до 1.000 ведеръ съ десятины,—рядомъ, у крестьянъ, урожайность эта рѣдко превышаетъ 100 ведеръ, а иногда падаетъ и значительно ниже.

Виноградники колонистовъ, въ особенности въ Шабѣ, и помѣщиковъ содержатся значительно лучше, чѣмъ крестьянскіе, но все-таки раціонально поставленныхъ хозяйствъ очень мало,—ихъ считаютъ по пальцамъ.

Каково виноградарство—таково, конечно, и винодѣліе: ни знаній, необходимо требующихся, ни правильнаго хозяйства, ни терпѣнія и энергіи въ заботахъ у аккерманскихъ крестьянъ (равно какъ и въ другихъ уѣздахъ) нѣтъ. Они топчутъ виноградъ ногами, собираютъ сокъ въ никуда негодныя бочки и заставляютъ бродить въ нихъ грязное сусло и если все-таки послѣ всего этого у крестьянъ получается нѣчто въ родѣ вина, то этому только надо удивляться. Если въ нѣкоторыхъ селеніяхъ роль ногъ играютъ особыя ступки, то дѣло этимъ мало мѣняется, ибо сокъ все-таки стекаетъ въ эту же бочку, которая остается открытою 10—15 дней и въ которую попадаютъ и пыль, и дождь, и пометъ птичій, и прочій соръ. Крестьяне нѣкоторыхъ селеній собираютъ предварительно виноградъ въ мѣшки и уже по мѣшкамъ этимъ топчутъ, но дальнѣйшая судьба сусла остается та же. Если ко всему этому добавить, что безпечные виноградари рѣдко когда находятъ нужнымъ сортировать виноградъ и топчутъ его перемѣшаннымъ, красный съ бѣлымъ, то станетъ понятнымъ, почему у крестьянъ нѣтъ ни бѣлаго, ни краснаго вина, а какое-то розовато-грязное. Неудивительно, что за такое вино иногда на мѣстѣ и рубля за ведро не даютъ, хотя, впрочемъ, оно

очень охотно раскупается нашими «кашинскими» фабрикантами, которые, послѣ извѣстныхъ надъ такимъ виномъ манипуляцій, выпускаютъ его въ продажу подъ самыми разнообразными названіями.

А между тѣмъ, за примѣромъ мѣстнымъ виноградарямъ и винодѣламъ далеко ходить не приходится. Винодѣліе образцово поставлено, напримѣръ, въ д. Леонтьево у г-жи Понсэ, Кристи, Мими, Кречунеско и другихъ помѣщиковъ, и если крестьяне вообще чуждаются образцовыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, то они могли бы приглядѣться къ тому, какъ поставлена эта выгодная отрасль хозяйства хотя бы въ Пуркарахъ, въ особенности же у швейцарцевъ посада Шаба. Для этого даже созданъ былъ посадъ. Когда въ началѣ XIX вѣка Ришелье началъ свою благотворную дѣятельность въ Новороссіи, генералъ-губернатору которой была поручена и Бессарабія, знаменитый генералъ Инзовъ пригласилъ нѣсколько семействъ нѣмцевъ и французовъ изъ Швейцаріи переселиться въ Бессарабію, именно для образцовой постановки виноградарства и винодѣлія въ краѣ. Семейства эти, къ которымъ вскорѣ присоединились другія, были щедро надѣлены землею близъ Аккермана и образовали селеніе, или колонію, нынѣ посадъ Шаба. Главою или эмиромъ колоніи этой избранъ былъ нѣкій Тарданъ, который составилъ первое въ Россіи руководство для виноградарей и винодѣловъ и который настолько раціонально устроилъ жизнь колоніи, что шабскимъ колонистамъ неизвѣстна нужда и среди нихъ царитъ даже богатство, причемъ, къ чести ихъ надо сказать, что они продолжаютъ работать какъ простые крестьяне, поселенные рядомъ съ ними въ посадѣ и надѣленные по 30 десятинъ земли. Но какая разница замѣчается во всемъ между ними. У колонистовъ прекрасные дома, комфортабельная обстановка, отличные экипажи и лошади и т. д., у крестьянъ же избы-мазанки, грязь и нерѣдко нужда. Въ одной части Шаба вы видите иностранный благоустроенный городокъ, въ другой—малороссійское заурядное селеніе. Та же разница и въ работѣ [1]). Шабскія вина (колонистовъ) справедливо славятся въ краѣ и если не извѣстны во всей остальной Россіи, то потому, что или попадаютъ въ руки нашихъ виноторговцевъ, выпускающихъ ихъ подъ именемъ французскихъ,—ибо вина эти прекрасно выдерживаются въ самомъ Шаба,—или же не выдержанными уходятъ за границу, во Францію, откуда выдержанными и сдобренными возвращаются къ намъ подъ названіемъ различныхъ шампанскихъ, ибо за границу уходятъ исключительно шампанскія вина Шаба. Впрочемъ, и въ самомъ Шаба

---

[1]) Шабцевъ можно укорить въ одномъ лишь. Отцы полвѣка назадъ поставили основателю колоніи прекрасный памятникъ, но сыновья забыли его. Памятникъ обветшалъ, разваливается, и мы съ трудомъ нашли его въ запущенномъ саду какой-то... еврейской гостиницы. А между тѣмъ нѣкоторые потомки Тардана—богатѣйшіе люди въ краѣ...

есть шампанскій заводъ, но шабскаго шампанскаго въ продажѣ вы не увидите, ибо оно поступаетъ въ продажу отнюдь не подъ именемъ шабского, а подъ другими, болѣе громкими и извѣстными.

Аккерманскій уѣздъ отправляетъ внутрь Россіи и за границу милліоны пудовъ пшеницы, рыбы, которая въ изобиліи ловится въ лиманѣ и по берегу моря, шерсти, фруктовъ и милліоны ведеръ вина. Аккерманъ насчитываетъ около 50 тысячъ жителей, имѣетъ мужскую и женскую гимназію, а въ уѣздѣ—учительскую семинарію (въ с. Байрамча), свыше ста начальныхъ училищъ, свой банкъ, театръ, бульвары, трамвай и т. д.

Но едва ли можно сказать, что Аккерманъ и Аккерманскій уѣздъ достигли той ступени своего благосостоянія, какое имъ доступно по тѣмъ благамъ природы, какими они обладаютъ. Округъ этотъ могъ бы производить по крайней мѣрѣ вдвое, и если мы этого не видимъ, то причиною того является не одна лишь южная безпечность населенія, но и нѣкоторыя другія мѣстныя условія.

Аккерманъ и его округъ имѣли богатое прошлое. Это было тогда, когда аккерманскій портъ былъ морскимъ портомъ и дѣйствительно единственнымъ и лучшимъ выходомъ въ море, единственнымъ и лучшимъ экспортнымъ пунктомъ Чернаго моря. Но это было давно. Не только въ эпоху Геродота, но и много позднѣе его, какъ доказываютъ это старинныя карты, Тирасъ впадалъ не въ лиманъ, а въ глубокій и многоводный заливъ, благодаря которому морскія, глубоко сидящія суда могли доходить до самаго города Аккермана. Но постепенно заливъ обмелѣлъ, при устьѣ его образовался песчаный островъ, оставившій два узкихъ выхода для водъ Днѣстра въ море, и заливъ превратился въ лиманъ, недоступный для морскихъ судовъ, а изъ двухъ выходовъ (гирлъ) только западный, у бессарабскаго берега, такъ называемый Царьградскія гирла, имѣетъ 16—18 футовъ глубины, самый же лиманъ на перекатахъ—едва 8 футовъ. Въ такомъ положеніи лиманъ находился уже въ началѣ XIX вѣка, когда Бессарабія отошла къ намъ навсегда, и къ этому времени относится самое плачевное экономическое состояніе края,—заброшенные остатки турецкихъ садовъ являются лучшимъ доказательствомъ былого богатства края.

Къ началу XIX вѣка относится основаніе Одессы, быстрый ростъ которой и удобства экспортнаго порта оживили отчасти и Бессарабію, могшую черезъ Аккерманъ каботажемъ направлять въ Одессу излишки своего производства. Аккерманъ вновь сталъ возрождаться, и возрожденіе это шло до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Ожидался и дальнѣйшій ростъ его. А. Защукъ, въ его капитальномъ трудѣ[1]), посвященномъ Бессарабіи того времени (1862 г.), говоритъ: «Положеніе Аккермана близъ устья судоходной рѣки Днѣстра,

---

[1]) «Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Бессарабія». Одесса. 1862 г.

протекающей по мѣстамъ, богатымъ разными произведеніями, дѣлало этотъ городъ важнымъ торговымъ пунктомъ заграничной торговли еще въ началѣ исторіи. Съ обмелѣніемъ Днѣстра и его устья заграничная торговля уменьшилась, и, наконецъ, исключительное развитіе Одессы отняло у Аккермана его послѣднее значеніе заграничнаго порта. Развитіе пароходства по Днѣстру, расчистка устья этой рѣки и временныя привилегіи заграничной торговли могли бы сдѣлать Аккерманъ однимъ изъ лучшихъ городовъ юга Россіи, и это упрочило бы благосостояніе всей Бессарабіи».

Именно къ тому времени, когда писалъ эти слова А. Защукъ, относятся попытки въ указанномъ имъ направленіи. Древній Тирасъ былъ очищенъ отъ карчей, взорваны были многіе пороги, отъ самаго Могилева до Аккермана стали ходить пароходы, а землечерпательныя машины стали углублять устье Днѣстра, но настала пора желѣзнодорожнаго строительства Россіи, и Бессарабскій край оказался прорѣзаннымъ нѣсколькими вѣтвями желѣзнаго пути, терминусомъ котораго у моря оказалась, однако, та же Одесса, а не Аккерманъ, и послѣдній сталъ быстро хирѣть.

Вѣтви отъ Бирзулы на Новоселицы, отъ Раздѣльной на Унгени и отъ Бендеръ на Рени стали мощными насосами, черезъ которые продукты Бессарабіи полились черезъ Одессу; вѣтви эти дѣйствительно «упрочили благосостояніе Бессарабіи», но не всей, ибо не коснулись вовсе богатѣйшаго Аккерманскаго округа [1]). Вѣтви эти разбудили дѣятельность всѣхъ уѣздовъ края, влили въ населеніе новую энергію, развили производство въ нихъ, но забытый Аккерманскій уѣздъ остался дремлющимъ, въ особенности же его центральныя и восточная полосы, тяготѣющія скорѣе къ Аккерману, чѣмъ къ той вѣтви, которая проходитъ черезъ Измаильскій уѣздъ.

Чтобы сбыть свой хлѣбъ, вино или шерсть, населеніе Аккерманскаго округа должно вести свои грузы на западъ гужомъ до ближайшей станціи желѣзной дороги, которая дѣлаетъ громадный кругъ на сѣверъ, чтобы затѣмъ опуститься къ Одессѣ; въ противномъ случаѣ, населеніе должно отправлять свои грузы за 100 верстъ, опять-таки гужомъ, въ Аккерманъ, платить накладные расходы за нагрузку товаровъ на каботажныя суда, за перевозъ груза въ Одессу моремъ, черезъ лиманъ, за выгрузку въ Одессѣ, за храненіе ихъ въ этомъ порту и, наконецъ, за нагрузку на морскія суда. Такія трудности и дороговизна доставки въ Одессу совершенно задержали развитіе сельско-хозяйственной промышленности Аккерманскаго округа, и Аккерманскій уѣздъ, самый богатый по дарамъ природы,

---

[1]) Аккерманскимъ округомъ мы называемъ какъ самый уѣздъ того же имени, такъ и тяготѣющую къ нему юго-восточную часть Измаильскаго уѣзда, всего свыше 8.000 кв. верстъ.

значительно меньше другихъ уѣздовъ даетъ для экспорта и хлѣба, и шерсти, и вина.

А между тѣмъ есть возможность снова возбудить жизнь Аккерманскаго округа, увеличить его производство, удешевить экспортъ. Морскимъ портомъ сдѣлать снова Аккерманъ нельзя, не по техническимъ или финансовымъ затрудненіямъ, которыя, конечно, возможно преодолѣть, а по соображеніямъ государственнаго характера: конкурировать съ Одессой Аккерманъ никогда не будетъ въ состояніи. Но возродить заснувшій округъ есть средства. Нужно только провести желѣзную дорогу отъ одной изъ станцій вѣтви Бендеры—Рени, напримѣръ, отъ Троянова Вала, или Чадыръ-Лунга до Аккермана, т. е. новую вѣтвь, которая какъ разъ пополамъ перерѣзала бы Аккерманскій округъ. Но однако этого, конечно, тоже недостаточно. Нужно, такъ сказать, подготовить кровь для движенія по этой артеріи, и это безусловно дѣло и долгъ мѣстныхъ земскихъ людей,

Новая желѣзнодорожная вѣтвь сама уже, своимъ появленіемъ, до извѣстной степени количественно увеличитъ производительность сельскаго хозяйства округа, но необходимо и качественное улучшеніе его различныхъ отраслей, а для этого нужно нѣсколько сельско-хозяйственныхъ школъ и опытныхъ полей и садовъ, нѣсколько образцовыхъ овцеводныхъ хозяйствъ, нѣсколько школъ виноградарства и винодѣлія; затѣмъ, возобновленіе разработки втуне оставляемыхъ соляныхъ озеръ Бурнаса, Алибея, Шагоны, Кундуки и Катая (а въ Измаильскомъ у.—Ялпуха);урегулированіе рыболовства въ лиманѣ и по берегу моря и, наконецъ, содѣйствіе развитію почти единственныхъ въ Россіи по качествамъ курортовъ, имѣющихся уже, но хирѣющихъ «Будаковъ» и «Тузловъ» и зарождающагося «Кара-Бугаза». Незначительныя по занимаемой ими площади, при должномъ развитіи, курорты эти скоро уже перестанутъ удовлетворять наплыву больныхъ; но рядомъ съ ними по берегамъ Шабалацскаго залива и на безыменномъ островѣ, между гирлами Днѣстра, и по берегу моря до озера Бурнаса, можно найти много мѣстъ для такихъ же курортовъ, съ тою же лечебною грязью, съ тѣмъ же, какъ на Кара-Бугазѣ, безподобнымъ пляжемъ для морскихъ купаній. Еще 6 лѣтъ назадъ Кара-Бугазъ представлялъ собою нелюдимую песчаную косу, безъ всякихъ признаковъ растительности. Только на вдающемся въ море мысѣ красовались маяки, станція спасенія погибающихъ да куча деревьевъ. Въ 1903 году случайно посѣтившій Бугазъ московскій докторъ Шабельскій обратилъ вниманіе на то, что коса эта не песчаная, а вся состоитъ изъ мелко истолченной ракушки. Песокъ этотъ онъ отправилъ на анализъ въ Москву, и послѣдній далъ такіе блестящіе результаты, что Шабельскій немедля пріобрѣлъ у шабскихъ крестьянъ 10 десятинъ на косѣ для устройства дѣтской санаторіи, а аккерманская, кишиневская и

одесская интеллигенція раскупила у крестьянъ 200 участковъ, на которые они разбили косу.

Нынѣ на Кара-Бугазѣ выстроены уже нѣсколько десятковъ дачъ, разрослись сады и виноградники, строится гостиница, а «обществомъ благоустройства курорта» пріобрѣтенъ паровой катеръ, для сношеній съ Аккерманомъ, и выстроена пристань. Курортъ этотъ, какъ климатическая, грязе-лечебная и морская купальная станція, своимъ блестящимъ будущимъ обязана первымъ піонерамъ его и сторожиламъ края г. Колтовскому, д-ру Рава, Д. Д. Сухорукову и Н. Н. Скальскому (подробное описаніе «Кара-Бугаза» см. «Бессарабская Жизнь» 1907 г., №№ 218, 219).

Словомъ, упроченіе благосостоянія Аккерманскаго округа и возрожденіе самаго Аккермана, по мѣсту расположенія и климату достойнаго лучшей участи, зависитъ исключительно отъ мѣстныхъ силъ, отъ инициативы и энергіи мѣстныхъ земскихъ людей.

Край гордится своимъ славнымъ прошлымъ,—отъ него зависитъ создать себѣ славное настоящее и будущее.

Л. А. Богдановичъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Бородкинъ. Исторія Финляндіи. Время Петра Великаго. Съ портретами, иллюстраціями, картой. Къ двухсотлѣтію взятія Выборга. Спб. 1910. Стр. 310. Цѣна 3 рубля.

НЕУТОМИМЫЙ изслѣдователь исторіи Финляндіи М. Бородкинъ, о трудахъ котораго не разъ уже упоминалось на страницахъ «Историческаго Вѣстника», напечаталъ весьма недавно, ко дню двухсотлѣтія взятія Выборга (14 іюня 1710 г.), новое сочиненіе, заглавіе котораго приведено нами выше, являющееся какъ бы началомъ его предшествующихъ трудовъ по исторіи Финляндіи. Сочиненіе это обладаетъ тѣми же достоинствами, какъ прочіе труды г. М. Бородкина, т.-е. тщательнымъ изученіемъ относящагося къ предмету историческаго матеріала, близкимъ знакомствомъ со шведскими и финскими источниками, простотою изложенія, замѣчательнымъ безпристрастіемъ и обиліемъ различныхъ свѣдѣній, до появленія его труда мало извѣстныхъ читателю. Все это, конечно, дѣлаетъ и новое изслѣдованіе г. Бородкина весьма занимательнымъ. Содержаніемъ его является, какъ видно изъ заглавія, исторія Финляндіи во время Петра Великаго или, еще точнѣе, исторія нашихъ завоеваній въ Финляндіи при Петрѣ Великомъ, т.-е. малый, отдаленный уголокъ той колоссальной картины, какую, по словамъ автора, представляетъ собою эпоха Петра Великаго, но уголокъ, въ которомъ геній Петра блещетъ замѣтной силой и красотой въ каждомъ эпизодѣ этой войны въ Финляндіи, а его желѣзная настойчивость изумляетъ насъ повсюду. Личныя качества Петра I играли первенствующую роль въ исходѣ этой войны, хотя онъ лично и не находился всегда на театрѣ войны во все ея

продолженіе. Финляндія была завоевана въ то время благодаря своевременному созданію шхернаго флота; онъ же всецѣло дѣло рукъ Петра. Графъ Апраксинъ, князь М. Голицынъ, Брюсъ, Крюйсъ и пр. явились прежде всего исполнителями обширныхъ предначертаній великаго преобразователя, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ немногихъ строкъ, извлеченныхъ изъ интереснаго труда г. М. Бородкина.

Для поднятія государственнаго значенія и улучшенія матеріальнаго быта Россіи надлежало утвердиться на Балтійскомъ морѣ, завести свой флотъ, войти въ ближайшія сношенія съ важнѣйшими сосѣдними государствами и пріобрѣсти вліяніе на дѣла Европы. Балтійское море находилось въ то время во власти сильной Швеціи, подобно тому, какъ Черное море являлось внутреннимъ моремъ Турціи. Отсюда неизбѣжна война съ Швеціею, начавшаяся въ 1700 году, какъ извѣстно, страшнымъ для насъ погромомъ подъ Нарвою. Петръ I, однако, не палъ духомъ и усиленно сталъ готовиться къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ, онъ укрѣплялъ города Новгородъ и Псковъ, энергично строилъ свой флотъ, заготовлялъ артиллерію и военные припасы, привлекалъ изъ Голландіи корабельныхъ мастеровъ и т. д. Уже въ 1701 г. онъ задумалъ овладѣть Нотебургомъ (древнимъ Орѣшкомъ при истокѣ р. Невы) и притомъ по льду, т.-е. произвести внезапную осаду зимой, доставивъ людей по льду на саняхъ. Однако санный путь испортился еще въ январѣ мѣсяцѣ, и это заставило означенный планъ оставить. Петръ I, видя, что нельзя ограничиться взятіемъ одного Нотебурга, а нужно сдѣлаться владѣтелемъ всей р. Невы, сталъ съ 1702 г. сооружать флотъ на Олонецкой верфи, а также въ Архангельскѣ, откуда два фрегата и были доставлены въ Ладожское озеро волокомъ, т.-е. сухимъ путемъ по такъ называемой и понынѣ «Осударевой дорогѣ» на разстояніи 160 верстъ. Царь лично слѣдовалъ при фрегатахъ. Тѣмъ временемъ Апраксинъ долженъ былъ сдѣлать набѣгъ въ Ижорскую землю въ направленіи къ Канцамъ (т.-е. Ніеншанцъ или Нюскъ-Сканцъ [1]), при впаденіи р. Охты въ р. Неву, противъ нынѣшняго Смольнаго монастыря), а Брюсъ и Репнинъ должны были приготовить операцію у Нотебурга, который и былъ взятъ 11 октября 1702 г. Петръ назначилъ комендантомъ взятаго города Меншикова, приказалъ выбить медаль на взятіе Нотебурга, а самый городъ переименовать въ Шлюссельбургъ. Послѣ этого Петръ обратился къ Канцамъ; имъ овладѣлъ Шереметевъ 1 мая 1703 г., причемъ большинство жителей переселилось въ Выборгъ. Такимъ образомъ, входъ и выходъ р. Невы были въ русскихъ рукахъ и «врата въ Европу отверсты». Петръ обладалъ Невою на всемъ ея протяженіи и 16 мая 1703 г. заложилъ Петропавловскую крѣпость, около которой сейчасъ же началъ возводить городъ С.-Петербургъ, на землѣ древней Новгородской пятины. Въ основаніи Петербурга крылась угроза Выборгу, важному шведскому городу въ Финляндіи въ то время. Поэтому естественно, что шведы не разъ покушались подойти къ новой столицѣ Россіи и разрушить ее, а также оттѣснить русскихъ отъ Невы, но эти попытки ихъ не имѣли успѣха. Одновременно шведы старались овла-

---

[1]) Противъ этой крѣпости на той же рѣкѣ Охтѣ находился городъ Ніенъ, который велъ значительную мѣновую торговлю.

дѣть русскимъ укрѣпленіемъ Кроншлотомъ (онъ сталъ называться Кронштадтомъ съ 1723 г.), которое было построено по приказанію Петра I на отмели Котлина въ устьѣ р. Невы. Въ слѣдующемъ 1704 г. была взята штурмомъ Нарва и крѣпость Ивангородъ 9 августа 1704 г., чѣмъ завершилось покореніе Ингерманландіи, а Петръ въ концѣ 1704 г. праздновалъ въ Москвѣ расширеніе предѣловъ Россіи до Балтійскаго моря.

Шведы не переставали, однако, нападать на новую столицу, оборона которой была поручена Петромъ въ 1705 году вице-адмиралу изъ Голландіи Корнелію Ивановичу Крюйсу. Чтобы еще болѣе оградить себя отъ непрестанныхъ нападеній шведовъ, Петръ I задумалъ овладѣть Выборгомъ. Это поручено было Брюсу, который съ отрядомъ въ 20 тыс. человѣкъ подошелъ къ городу 12 октября 1706 года. Шведскій генералъ Майдель заперся въ крѣпости съ гарнизономъ въ 3 тыс. человѣкъ; остальныя его войска удобно расположились въ сторонѣ на случай надобности. Рекогносцировка, произведенная самимъ Петромъ, показала, что имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія о Выборгѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности; у насъ даже не имѣлось вѣрнаго плана крѣпости «по небреженію начальствовавшихъ». Петръ обратилъ вниманіе, что Выборгъ стоитъ на морскомъ протокѣ, а у насъ судовъ только двѣ вереи. Недоставало флота для осады, которая и была снята нами въ ночь съ 26 на 27 октября. Петръ прибылъ въ Петербургъ 4 ноября, а армія возвратилась на зимнія квартиры. Положеніе Россіи въ то время становилось очень затруднительнымъ. На югѣ Россіи вспыхнулъ астраханскій бунтъ (1705—1706 г.), на Дону поднялся Булавинъ (1708 г.), а на юго-востокѣ возстали башкиры. Король шведскій Карлъ XII, покончивъ съ королемъ польскимъ Августомъ II въ 1706 г., направлялся во внутреннія наши губерніи, мечтая дойти до Москвы. Со стороны Финляндіи шведы не переставали угрожать Петербургу; ихъ флотъ попрежнему съ открытіемъ навигаціи приходилъ къ Березовымъ островамъ. Новый выборгскій губернаторъ Георгій Любекеръ, замѣнившій Майделя, выступилъ 1 августа 1708 г. изъ Выборга къ р. Сестрѣ, а затѣмъ, переправившись чрезъ р. Неву ниже Тосны (Тевсины), двинулся въ Ингерманландію, надѣясь найти обильные запасы, но обманулся и сталъ терпѣть голодъ. Дойдя до Дудергофа, онъ повернулъ къ морскому берегу, гдѣ нынѣ Ораніенбаумъ, скоро размѣстился на суда своего флота и перебрался на финляндскій берегъ у Бьеркэ. Этотъ походъ Любекера былъ послѣднимъ нашествіемъ шведовъ на Ингерманландію. Тѣмъ временемъ Карлъ XII совершалъ свое движеніе изъ Саксоніи черезъ Польшу въ Украину. Скоро послѣдовало извѣстное сраженіе 28 сентября 1708 г. при Лѣсной, въ которомъ былъ разбитъ Левенгауптъ, а затѣмъ и битва при Полтавѣ 27 іюня 1709 г. Карлъ XII потерпѣлъ полное пораженіе и бѣжалъ въ Турцію. Петръ I того же дня писалъ адмиралу Ѳ. М. Апраксину; «нынѣ уже совершенный камень въ основаніе Санктпетербурху положенъ съ помощію Божьей». Вскорѣ 17 іюля онъ писалъ тому же Апраксину, командовавшему войсками въ Ингерманландіи, что «время еще сего лѣта довольно осталось для атаки непріятельскихъ городовъ, а понеже къ Выборгу не чаю, чтобъ сею осенью за пустотою и прочими неудобствы возможно какой промыселъ учинить, но развѣ зимою, и того ради мы заблагоразсудили Ревель осадить...»

Петръ скоро приказалъ сосредоточивать полки на островѣ Котлинѣ, гдѣ предполагалъ произвести имъ смотръ предъ выступленіемъ въ Финляндію, а 21 февраля 1710 г. приказалъ тому же Ѳ. М. Апраксину итти къ Выборгу, и 12 марта Апраксинъ съ корпусомъ пѣхоты и кавалеріи чрезъ ледъ моремъ съ Котлина острова маршъ воспріялъ и мимо Березовыхъ острововъ въ самый ужасный морозъ подошелъ къ Выборгу 21 марта (т.-е. послѣ 9-дневнаго пути по льду въ морѣ) благополучно и посадомъ при Выборгѣ овладѣлъ и постъ занялъ [1].

14-го іюня 1710 года Петръ, во главѣ преображенцевъ, вступилъ въ Выборгъ, а на другой день писалъ императрицѣ: «объявляю вамъ, что вчерашняго дня Выборгъ городъ сдался и сею доброю вѣдомостью, что уже крѣпкая подушка С.-Петербургу устроена чрезъ помощь Божью, васъ поздравляю». 15 іюня совершилъ торжественный входъ въ крѣпость гр. Апраксинъ, при чемъ ему поднесены были ключи на серебряномъ блюдѣ, а 16 іюля торжественно вошелъ въ крѣпость Петръ I и отслужилъ молебенъ. Въ память взятія Выборга была выбита медаль съ портретомъ царя; кромѣ того, заложенъ Троицкій соборъ въ Петребургѣ, что на Петербургской сторонѣ. Первымъ русскимъ комендантомъ Выборга былъ назначенъ бригадиръ Григорій Чернышевъ.

Послѣ взятія Выборга южная часть Сайменской водной системы, вмѣстѣ съ Вильманстрандомъ, досталась русскимъ, только Кексгольмъ (Карела) сопротивлялся два мѣсяца, но послѣ того, какъ русскія войска овладѣли редутомъ на островѣ рѣки Вуокса, противъ крѣпости, Кексгольмъ сдался Роману Брюсу 8 сентября 1710 года.

Предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ любопытнымъ изложеніемъ дальнѣйшихъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи и взятіемъ Гельсингфорса въ 1713 году и Або 28 августа того же года, куда русскія силы направились подъ предводительствомъ самого Петра I, сообщимъ въ заключеніе, что въ означенномъ трудѣ г. М. Бородкина имѣются также весьма любопытныя свѣдѣнія о русскомъ управленіи завоеваннымъ краемъ, объ устройствѣ шведскаго войска, о тяжкомъ положеніи Швеціи и Финляндіи во времена великой Сѣверной войны, живая характеристика Карла XII и т. д. Словомъ, трудъ М. Бородкина читается съ большимъ увлеченіемъ и представляетъ множество любопытнаго. Книга издана очень хорошо, имѣетъ очень много портретовъ и иллюстрацій и снабжена картою Финляндіи. **П. Майковъ.**

Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. М. Н. Покровскаго, при участіи Н. М. Никольскаго и Д. Н. Сторожева. Изданіе т-ва «Міръ». Т. I. М. 1910. Стр. 259+56+6. Цѣна за 5 томовъ 20 р.

Свое отношеніе къ предмету составители ясно формулировали въ проспектѣ объ изданіи. Они «исходятъ изъ того взгляда, что историческія перемѣны опредѣляются внѣшнею обстановкой, въ которой совершается историческій процессъ,

---

[1]) Подробности похода Петра къ Выборгу и взятія его изложены въ ст. «Петровскіе дни». Ред.

и что экономическія явленія, ближайшимъ образомъ отражающія взаимодѣйствіе между творцомъ исторіи, человѣкомъ, и этою внѣшнею обстановкой, являются тѣмъ, что можно назвать фундаментомъ исторіи. Всего дальше будетъ «Русская исторія» отъ традиціонной до сихъ поръ—особенно въ области новѣйшей русской исторіи—манеры объяснять тѣ или другія событія исключительно психологіей дѣйствующихъ лицъ и группъ, тѣми цѣлями, которыя они себѣ сознательно ставили. Все это само, напротивъ, является отраженіемъ тѣхъ или иныхъ реальныхъ силъ: открыть эти силы, показать ихъ взаимодѣйствіе и составляетъ задачу историческаго изложенія. Словомъ, субъективное должно объясняться изъ объективнаго, а не наоборотъ. Но «Русская исторія» будетъ весьма далека и отъ того, чтобы въ погонѣ за объективнымъ забывать человѣческую личность, какъ это часто дѣлается, и отъ того, чтобы въ стремленіи изобразить ходъ историческаго процесса въ видѣ гладкой, ровной эволюціи игнорировать тѣ крупныя и мелкія катастрофы, которыя обыкновенно называются «событіями». Нѣтъ ничего менѣе научнаго, чѣмъ отдѣлять «бытъ» отъ «событій» китайской стѣной и вынимать изъ исторіи человѣка, руками котораго эта исторія дѣлается. Въ строгомъ смыслѣ слова, «бытъ» есть наше отвлеченіе—въ исторіи, какъ и вообще въ природѣ, ничто никогда не стоитъ на мѣстѣ, она сплошь состоитъ изъ крупныхъ и мелкихъ «событій», при чемъ первыя отличаются отъ вторыхъ не по существу, а лишь размѣрами, количествомъ захватываемыхъ лицъ и отношеній. Событіямъ въ издаваемой теперь «Русской исторіи» отводится весьма много мѣста, только, конечно, это не тѣ событія, которыя стоятъ на первомъ планѣ въ лѣтописяхъ и въ школьныхъ учебникахъ нашихъ дней, «Войну и миръ, управу государей» наша книга такъ же мало собирается живописать, какъ «угодниковъ, святыя чудеса, пророчества и знаменья небесны». Но это потому, что она будетъ разсматривать историческія событія не сверху, исключительно съ точки зрѣнія командующихъ классовъ, а снизу, съ точки зрѣнія интересовъ народной массы. Тотъ или иной выборъ фактовъ опредѣляется въ данномъ случаѣ столько же научными требованіями, сколько общественными тенденціями,—то и другое здѣсь совпадаетъ. Изданіе, такимъ образомъ, ставитъ себѣ цѣлью въ общедоступной формѣ подвести итоги тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ области исторіи русской культуры, принимая это послѣднее слово въ наиболѣе широкомъ его значеніи (хозяйство, общественный строй, право, государственныя учрежденія, религіозная жизнь и т. д.).

У насъ есть хоть немногочисленные, но прекрасные историческіе труды, университетскіе курсы, школьные учебники, но цѣльной и планомѣрной, притомъ популярной разработки русской исторіи съ вышеобъясненной точки зрѣнія, доминирующей въ наукѣ нашего времени, еще нѣтъ. Матеріала накоплено горы, но, справедливо объясняютъ авторы въ предисловіи, «существующія въ нашемъ научномъ оборотѣ историческія обобщенія почти цѣликомъ принадлежатъ той научной формаціи, которая сама давно готова стать предметомъ исторіи. Трудность нашего положенія въ томъ и состоитъ, что матеріалъ, собранный историками-идеалистами, намъ приходится обрабатывать съ метеріалистической точки зрѣнія. «Новизна» нашего метода (недавно отпраздновавшаго полувѣковой юбилей) вынуждаетъ насъ поэтому въ своихъ объясненіяхъ быть оригинальнѣе,

чѣмъ полагается обыкновенно историку-популяризатору, а такъ какъ новое объясненіе вынуждаетъ очень часто и къ новой фактической обосновкѣ, то намъ придется больше привлекать къ дѣлу сырого матеріала, чѣмъ мы бы сами хотѣли, и выступать иногда въ роли, если не изслѣдователей, то передовыхъ развѣдчиковъ, нащупывающихъ новые пути и для разрѣшенія чисто-спеціальныхъ вопросовъ». Еще болѣе ясное понятіе о примѣненіи авторами этого методологическаго принципа можетъ дать краткое оглавленіе, въ которомъ есть такія рубрики: «русскій феодализмъ («помѣстье—государство» на русской почвѣ и связанныя съ нимъ общественныя формы); аграрный кризисъ XVI вѣка, разложеніе русскаго феодализма; новые общественные классы и крѣпостное право (соціально-политическій строй Московскаго государства XVII в.); европеизація Московскаго государства; реакція противъ крѣпостного права, разиновщина и пугачевщина; зарожденіе буржуазной Россіи; первые шаги русскаго капитализма; неудача конституціонныхъ попытокъ дворянства; дальнѣйшее развитіе военно-бюрократическаго режима, Павелъ I» и т. д. —вплоть до «контръ-реформы Александра III» и «банкротства бюрократическаго строя». Доля этой программы осуществлена въ I томѣ.

Возникновеніе россійской государственности М. Н. Покровскій выводитъ изъ феодальныхъ отношеній, смѣнившихъ первобытный, патріархальный общественный строй. Защищая выдуманную русскую самобытность, не признавая общихъ условій общественнаго развитія, прежняя исторіографія отрицала существованіе русскаго феодализма и, не создавши, конечно, научно-разумной теоріи, на многіе годы испортила цѣлымъ поколѣніямъ пониманіе родной исторіи. Для нашихъ дней такое отношеніе къ вопросу, противъ котораго, замѣтимъ, впервые выдвинулъ, задолго до Павлова-Сильванскаго, возраженія незаслуженно забываемый Н. А. Полевой, не было бы даже наивнымъ. Въ древней Россіи мы находимъ налицо всѣ элементы, изъ которыхъ слагается феодализмъ: крупное землевладѣніе, связанную съ нимъ политическую власть и своеобразныя взаимныя отношенія между землевладѣльцами-государями, въ феодализмѣ же—корень думы и собора, возникшихъ изъ совѣщаній феодала съ своими ближайшими вассалами. Оригинально и остроумно доказываетъ г. Покровскій, что феодализмъ не столько юридическая, сколько хозяйственная система, измѣнившаяся съ территоріальнымъ расширеніемъ круга власти; но до окончательной ликвидаціи феодализма въ окончательно сформировавшемся Московскомъ государствѣ (XVII в.) и Новгородъ и его соперникъ, великій князь московскій, правили не однообразнымъ конгломератомъ подданныхъ, а пестрымъ міромъ феодаловъ разныхъ величинъ. Новы и глубоки—характеристика русскаго города VIII—XII вѣковъ, какъ центра «разбойничьей торговли», объясненіе города и городской волости сочетаніемъ войны, торговли и разбоя и обрисовка процесса разложенія древней городской Руси. Только освѣщеніе предмета съ экономической стороны дало М. Н. Покровскому возможность объяснить причины паденія и возвышенія Новгорода и образованія Московскаго государства. Послѣднее устарѣлая, еще до-«карамзинская исторіографическая тенденція объясняла «собираніемъ» распавшаго государства, на самомъ дѣлѣ въ качествѣ единаго цѣлаго вовсе не существовавшаго. Созданіе феодальнаго общества,

Московское государство получило идею единодержавія и связанную съ нею идеологическую систему отъ вступившей съ нимъ въ неизбѣжный союзъ церкви, пришедшей къ единству гораздо ранѣе, такъ какъ въ области экономическаго прогресса она далеко опередила свѣтское общество, собравъ огромные земли и капиталы.

Самая крупная и по значенію и по объему доля работы выполняется М. Н. Покровскимъ. Главы, касающіяся исторіи религіи и церкви, принадлежатъ Н. Никольскому. Одна статья, о доисторической Россіи, написана В. К. Агафоновымъ. Освѣщаютъ текстъ приложенія—выдержки изъ письменныхъ памятниковъ, которымъ отведено изрядное мѣсто, и иллюстраціи. Этотъ отдѣлъ составляетъ исключительный предметъ заботъ В. Н. Сторожева, умѣло подбирающаго произведенія художественнаго, главнымъ образомъ живописнаго творчества и каждому изъ нихъ предпосылающаго обстоятельное объясненіе; иллюстраціи и при нихъ объяснительный текстъ сами по себѣ являются интересной и въ полномъ смыслѣ слова живописной главой культурной русской исторіи, тѣмъ болѣе, что воспроизводятся онѣ на отдѣльныхъ листахъ, такими способами, какъ Duplex, меццотинто, Mattdruckkunst.

Н. О. Лернеръ.

М. Александровъ. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. Спб. 1910. Стр. 175. Цѣна 1 руб.

Разбирая сущность политическаго строя Московскаго государства, представители нашей исторической науки обыкновенно опредѣляютъ его, какъ «закрѣпощеніе» всѣхъ сословій на службѣ государству или, какъ выражается профессоръ Ключевскій, «принудительную разверстку между сословіями спеціальныхъ правъ и повинностей». Взглядъ этотъ пріобрѣлъ прочный кредитъ въ наукѣ. Новѣйшія изслѣдованія изъ области политическаго уклада старой Руси, въ родѣ книги покойнаго историка Павлова-Сильванскаго «Феодализмъ въ древней Руси», вносятъ, правда, иногда новыя черточки въ уже сложившуюся картину политическаго быта Московскаго государства, но эти черточки лишь дополняютъ, но отнюдь не мѣняютъ выработанной наукой формулы...

Формула эта крайне не нравится г. Александрову. Онъ считаетъ ее совершенно ошибочной, основанной на неправильномъ пониманіи историческихъ фактовъ и крайне вредной по тѣмъ выводамъ, которые изъ нея дѣлаются. Онъ полемизируетъ одинаково съ Энгельманомъ и съ Платоновымъ, Каутскимъ и Ключевскимъ, Рошковымъ и Павловымъ-Сильванскимъ, ставя всѣхъ ихъ на одну доску и посвящая каждому страничку-другую, а иногда и всего нѣсколько строчекъ. Автору, видимо, хотѣлось смѣрить русскую исторію марксистскимъ аршиномъ и вотъ онъ утверждаетъ, что Россія никогда не была государствомъ сословнымъ, а была государствомъ классовымъ, никакого закрѣпощенія сословій въ ней не было, а просто-напросто высшій классъ населенія—дворяне-землевладѣльцы—захватили всю власть въ свои руки и эксплоатировали страну въ своихъ классовыхъ интересахъ. Закрѣпощать сословія было некому, ибо никакого государства и не было, а былъ лишь классъ дворянъ-землевладѣльцевъ, «организація» которыхъ и составляла государство.

Высказавъ и притомъ довольно рѣзко столь новыя мысли, авторъ, казалось бы, беретъ на себя обязательство передъ читателемъ доказать фактами каждое свое утвержденіе. Но г. Александровъ поступаетъ иначе. Оставаясь самъ въ области общихъ разсужденій, онъ возлагаетъ onus probandi... на своихъ противниковъ, утверждая, что ни Платоновъ, ни Ключевскій ничѣмъ не доказали существованіе надъ дворянами-землевладѣльцами еще какого-то государства, которое могло бы закрѣпощать на свою службу это сословіе. Съ фактами, противорѣчащими такому воззрѣнію, авторъ обращается довольно безцеремонно. Зная, напримѣръ, что, въ случаѣ мобилизаціи, дворяне должны были являться «конны, людны и оружны», г. Александровъ толкуетъ это въ томъ смыслѣ, что дворяне тутъ просто-напросто собирались для защиты вовсе не государства, а своихъ собственныхъ имѣній, помѣстій, т. е. дѣйствовали въ своихъ классовыхъ интересахъ. Зная, что дворянъ сплошь и рядомъ приходилось привлекать къ мобилизаціи силою, ни одинъ читатель не повѣритъ автору, будто любой муромскій дворянинъ самъ собою, безъ принужденія, по первой надобности, шелъ защищать дворянина, напримѣръ, смоленскаго. Тутъ ужъ необходимо предполагать высокое сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ, наличность котораго въ древней Руси далеко не доказана. О такихъ фактахъ, какъ опричнина Ивана Грознаго, сводившаяся, въ сущности, къ принудительной перетасовкѣ всего дворянскаго землевладѣнія, авторъ предпочитаетъ не упоминать совсѣмъ. Зато онъ усиленно подчеркиваетъ слѣдующія соображенія, послужившія, какъ видно, исходнымъ пунктомъ его теоріи классоваго государства.

Ссылаясь на замѣчаніе Побѣдоносцева, что въ древней Руси помѣщичье село представлялось какъ будто малымъ государствомъ среди большого, авторъ утверждаетъ, что въ сущности помѣщики были совершенно независимы отъ государственной власти, именовались также «государями», вели другъ съ другомъ войны, и даже сенатъ въ императорскій періодъ нашей исторіи не смѣлъ ихъ за то наказывать. Эти «государи» выбирали для видимости одного центральнаго «государя»—царя, который, однако, не игралъ важной роли въ ходѣ событій. Въ самыя крутыя времена на нашемъ престолѣ сидѣли слабые и не энергичные цари—и тѣмъ не менѣе все шло отлично: управляла всѣмъ дворянская организація. (Кстати, какую организацію разумѣетъ авторъ?). Отсутствіе въ старой Руси всесословнаго, или, какъ выражается авторъ, надсословнаго государства г Александровъ подтверждаетъ ссылкою на «курсъ русской исторіи» Ключевскаго, который даже не опредѣляетъ, что такое государство, а говоритъ то о династіи, то о правительствѣ. Наконецъ, въ обязанностяхъ сословій—авторъ говоритъ почти исключительно о дворянскомъ—въ родѣ, напримѣръ, ратной повинности или обязанности служить въ гражданской службѣ, авторъ видитъ не обязанности, а права дворянъ, такія же права, которыя имѣетъ и современный дворянинъ хотя бы, напримѣръ, на занятіе должности земскаго начальника.

Мы взяли здѣсь наиболѣе характерныя опорныя точки, на которыхъ авторъ старается возвести свое построеніе русской исторіи. Легко видѣть, что его выводы основаны на нѣкоторой непродуманности. Вдумчивому историку, конечно, не придетъ въ голову требовать отъ государства XV вѣка того же, что даетъ государство XX вѣка. Несомнѣнно, что пока государство не развило въ полной

мѣрѣ свои органы администраціи, до тѣхъ поръ отдѣльныя матеріально сильныя лица могли присвоивать себѣ часть его функцій. При слабости центральной власти вездѣ видимъ явленія феодализма, но значитъ ли это, что государства не было нигдѣ, ни у насъ, ни въ Западной Европѣ?

Что касается опредѣленія, что такое государство, то, конечно, такое сложное и многогранное явленіе, какъ государство, нельзя опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ, и профессоръ Ключевскій правильно употребляетъ слова «правительство» «династія», которыя съ извѣстной стороны являются наиболѣе близкими синонимами государства. Странно также разсужденіе автора о правахъ дворянства на военную и гражданскую службу. Онъ, какъ будто, и не подозрѣваетъ, что право сплошь и рядомъ бываетъ двустороннимъ; субъективно это право, объективно—обязанность. Если старый русскій дворянинъ былъ обязанъ служить офицеромъ, то, значитъ, у него было и право занять офицерское мѣсто. Это совсѣмъ не то, что право современнаго дворянина быть земскимъ начальникомъ. Къ этому вѣдь его никто не неволитъ и обязанности для него тутъ нѣтъ.

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться здѣсь на другихъ соображеніяхъ г. Александрова, но всѣ они такъ же мало обоснованы и произвольны, какъ и краеугольные камни его воззрѣній. А. Е.

Записки московскаго археологическаго института, издаваемыя подъ редакціей А. И. Успенскаго. Томы I—VII. М. 1909—1910.

Археологическій институтъ въ Москвѣ, въ самомъ центрѣ историческихъ и историко-археографическихъ древностей, открылъ свои дѣйствія въ сентябрѣ 1907 года, въ то время, какъ петербурскій археологическій институтъ вступилъ уже въ 30-ую годовщину своего бытія, едва успѣвъ издать около 20 выпусковъ своихъ «Сборника» и «Вѣстника». Значительно отличаясь отъ своего старшаго собрата и по программѣ, разсчитанной не на два, а на три года и вводящей курсы новыхъ научныхъ дисциплинъ, доселѣ почти неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ въ русской наукѣ, московскій археологическій институтъ за два съ половиной года обнаружилъ такую кипучую и богатую результатами дѣятельность, что невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ любителей старины и обѣщаетъ далеко опередить петербургскій императорскій институтъ. Помимо изданія цѣлаго ряда спеціальныхъ курсовъ: по юридическимъ др вностямъ, исторіи русскаго искусства, первобытной археологіи, исторической географіи, геральдикѣ, генеалогіи и др., московскій институтъ къ началу 1910 года успѣлъ выпустить въ свѣтъ 7 обширныхъ томовъ, большею частью in 4°, богато украшенныхъ иллюстраціями, своихъ «Записокъ». Уже одинъ краткій обзоръ содержанія статей «Записокъ» убѣждаетъ читателя въ высокой научной цѣнности послѣднихъ.

Первые два тома «Записокъ московскаго археологическаго института» заняты обширнымъ и весьма интереснымъ, какъ отозвалось большинство рецензентовъ, изслѣдованіемъ директора института, А. И. Успенскаго, подъ заглавіемъ: «Царскіе иконописцы и живописцы XVII вѣка».

Третій томъ, in 4°, въ 450 страницъ, заключаетъ въ себѣ «Журналы правительствующаго сената за 1737 годъ», за первое полугодіе, съ января по іюнь. Редактировавшій ихъ проф. А. Н. Филипповъ такъ опредѣляетъ въ своемъ предисловіи ихъ значеніе: «Обозрѣвая въ цѣломъ эти журналы, нельзя не сказать, что они представляютъ превосходный и непререкаемый матеріалъ, какъ для ознакомленія съ повседневной дѣятельностью сената за указанное время, такъ и для уясненія отношеній сената къ кабинету министровъ и другимъ учрежденіямъ. Журналъ каждаго дня неукоснительно воспроизводитъ составъ присутствія сената, отмѣчаетъ, откуда и какія дѣла входятъ на его разсмотрѣніе, показываетъ, съ какими лицами и по какимъ поводамъ сенатъ имѣлъ непосредственныя сношенія, указываетъ, наконецъ, предѣлы компетенціи учрежденія. Если къ этому прибавить, что журналъ каждаго дня не только скрѣплялся по листамъ секретарями сената, но и подписывался самими сенаторами, то въ указанныхъ документахъ мы имѣемъ вполнѣ точныя данныя для сужденія о томъ, чѣмъ былъ сенатъ въ то время и что онъ дѣлалъ». Остановился же проф. А. Н. Филипповъ на журналахъ 1737 г. потому, что до этого времени велись въ сенатѣ лишь «записи» и то большею частью «черныя». Изданіе этихъ журналовъ, какъ первоисточника для мало еще раскрытой исторіи сената и въ виду наступающаго въ началѣ 1911 года 200-лѣтняго юбилея сената, является какъ нельзя болѣе кстати.

Четвертаго тома первый выпускъ «Записокъ» составляютъ «приказныя, земскія, таможенныя, губныя, судовыя избы Московскаго государства». Здѣсь представленъ «обзоръ» документовъ XVI—XVII вв., открытыхъ въ дѣлахъ XVIII вѣка, которыя были переданы въ московскій архивъ м-ва юстиціи изъ упраздненныхъ въ 1864 г. судебныхъ учрежденій. Въ этомъ «обзорѣ», сдѣланномъ А. А. Голомбіевскимъ и Н. Н. Ардашевымъ, описаны разнаго рода «книги», грамоты», «памяти» и т. п. 37 учрежденій—гг. Бѣжецка, Верхотурья, Владимира, Козлова, Лебедяни, Мурома, Орла, Сольвычегодска, Уфы, Якутска и др. Всѣ эти документы до сихъ поръ были никому неизвѣстны и представляютъ высокій историко-юридическій интересъ. Въ этомъ же выпускѣ Н. Н. Ардашевъ напечаталъ «Татарскія земляныя письма XV в. и спорное дѣло XVIII в. о ясашныхъ земляхъ» (съ приложеніемъ «чертежей» и снимковъ съ «знаменъ»).

Въ пятый томъ «Записокъ» вошло основанное на не изданныхъ архивныхъ матеріалахъ изслѣдованіе Григорія Писаревскаго—«Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», о которомъ уже своевременно было говорено въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1909 г., № 2), «Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія» (1910 г., № 3) и «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ» (1909 г., книга 4-я).

Содержаніе шестого тома составляютъ: 1) «Фрески церкви Спаса-Нередицы. Съ 23 фототипическими таблицами», А. И. Успенскаго; 2) «Памятники старообрядческой поэзіи. Съ 8 таблицами рисунковъ», Т. С. Рождественскаго, и 3) «Дворянское сословіе Тульской губерніи», В. И. Чернопятова (т. I). Живо изложенное описаніе фресокъ Спасо-Нередицкой церкви, отстоящей отъ Великаго Новгорода всего въ 3-хъ верстахъ, и притомъ снабженное хороше

исполненными и воспроизводящими почти всѣ уцѣлѣвшiя отъ порчи фрески XII—XIII вв. фототипiями, является кстати, такъ какъ лѣтомъ 1911 г. въ Новгородѣ долженъ состояться пятнадцатый всероссiйскiй археологическiй съѣздъ. Съѣзды же эти, какъ уже давно всѣ убѣдились, вызываютъ большой интересъ къ мѣстнымъ древностямъ и способствуютъ ознакомленiю съ ними въ самыхъ широкихъ кругахъ общества. Не ожидая подобныхъ работъ отъ мѣстныхъ «любителей старины», мы должны лишь привѣтствовать и благодарить А. И. Успенскаго за представленное имъ для всеобщаго свѣдѣнiя описанiе рѣдчайшихъ фресокъ. Нельзя также не привѣтствовать и довольно удачной попытки Т. С. Рождественскаго, рѣшившагося собрать въ единый сборникъ «старообрядческiе стихи, печатавшiеся въ разныхъ изданiяхъ» и частью извлеченные изъ рукописнаго собранiя института. Стихи эти расположены имъ въ четырехъ отдѣлахъ: 1) стихи общаго характера, XVII—XVIII вв. (по преимуществу о наступленiи на землѣ царства антихриста); 2) стихи съ преобладающимъ историческимъ содержанiемъ, съ указанiемъ на извѣстныя событiя въ старообрядческомъ мiрѣ и на извѣстныхъ старообрядческихъ дѣятелей; 3) стихи сатирическаго характера, обличающiе недостатки жизни, гражданскiе порядки, всякаго рода «новшества» въ православномъ обществѣ и недостатка жизни старообрядческаго мiра, и 4) стихи, содержанiемъ которыхъ служатъ разсказы изъ священной исторiи и разныя нравоучительныя мысли. Въ приложенiи къ этимъ отдѣламъ находимъ образцы «бѣгунскихъ паспортовъ», написанныхъ частью прозою, частью риѳмованной рѣчью, и нѣсколько стихотворенiй, не вошедшихъ по содержанiю въ предыдущiе отдѣлы. Предварительно же «Стихамъ» Т. С. Рождественскiй помѣстилъ двѣ своихъ статьи: «Мысль о наступленiи на землѣ царства антихриста и выводы изъ нея старообрядческой поэзiи» и 2) «Отношенiе старообрядческаго мiра къ «новшествамъ» въ области государственныхъ установленiй, общественной и бытовой жизни».

О третьей статьѣ шестого тома, а именно: «Дворянское сословiе Тульской губернiи» В. И. Чернопятова, мы уже говорили въ iюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Наконецъ, въ седьмой томъ «Записокъ» вошли слѣдующiя статьи: 1) А. И. Успенскаго—«Фрески церкви Преображенiя Господня Спасо-Мирожскаго монастыря», съ 6 фототипическими таблицами»; 2) графа Хрептовича-Бутенева—«Флоренцiя и Римъ въ связи съ двумя событiями изъ русской исторiи XV в.», съ 40 рисунками; 3) Н. И. Романова—«Музей изящныхъ искусствъ въ Москвѣ»; 4 и 5) В. К. Недзвецкаго—«На развалинахъ Гомеровской Трои» и «На развалинахъ Тиринѳа и Микенъ»; 6) А. И. Некрасова—«Погребальныя урны» по Оаксакѣ. Marchall H. Saville. Переводъ съ англiйскаго; 7) В. К. Клейна—«Двѣ неизвѣстныя гравюры XVIII вѣка» (изображающiя ткацкую мастерскую); 8) К. Д. Трофимова—«Раскопки кургановъ при дер. Залахтовье и Кувшиново Гдовскаго уѣзда». Съ 12 фототипическими таблицами; 9) К. Я. Грота—«Къ бiографiи барона Г. М. Спренгтпортена. (Нѣсколько писемъ 1790 г.)»; 10) Н. Н. Ардашева—«Росписи помѣстнаго приказа 7135 года. Съ 16 фототипическими таблицами», и 11) И. Н. Бороздина—«Къ вопросу о феодализмѣ въ Россiи».

Изъ всего этого длиннаго ряда вышеназванныхъ статей, значительная часть которыхъ служила докладами на субботнихъ засѣданіяхъ гг. членовъ института, мы остановимся лишь на слѣдующемъ. Прежде всего обращаетъ вниманіе живое и обстоятельное описаніе фресокъ церкви Преображенія Господня Спасо-Мирожскаго монастыря, представленное А. И. Успенскимъ. Затѣмъ, весьма интересна и работа графа Хрептовича-Бутенева, гдѣ авторъ, описывая вкратцѣ флорентійскій церковный соборъ (1439 г.) и бракъ великаго князя московскаго Іоанна III Васильевича съ Софіей Палеологъ (1472), подробно останавливается на тѣхъ памятникахъ Флоренціи и Рима, въ которыхъ такъ или иначе отразились вышеуказанныя и имѣющія между собою «немалую связь» историческія событія. Наконецъ, довольно любопытны—для историковъ искусства—исторія и описаніе музея изящныхъ искусствъ имени Александра III при московскомъ университетѣ, (Н. И. Романова), а для археографовъ— «Росписи помѣстнаго приказа 7135 (1627 г.): 1) писцовымъ книгамъ, что писаны писцамъ на приправку и 2) подьячимъ, кто сколько книгъ написали и за сколько денегъ взяли». Сообщившій этотъ интересный новый матеріалъ Н. Н. Ардашевъ приложилъ къ нему и автографы подьячихъ съ указателями, что̀ должно имѣть цѣнное значеніе для дипломатики писцовыхъ книгъ.

Съ внѣшней стороны всѣ книжки «Записокъ» изданы довольно тщательно, а приложенныя къ нимъ фототипіи и рисунки—безукоризненны; въ виду этого и назначенная на послѣднія пять книжекъ цѣна въ 3, 4, 7 и 10 рублей не можетъ показаться великою. Одно только можно выразить пожеланіе: чтобы на обложкахъ слѣдующихъ томовъ «Записокъ» было приведено содержаніе предыдущихъ, что легко выполнимо и весьма практично. **В. Рудаковъ.**

Журналъ генералъ-адъютанта графа К. Ѳ. Толь о декабрьскихъ событіяхъ 1825 годъ. Изданіе и редакція графа Е. Н. Толь. Спб. 1910. Стр. 38. Ц. 1 р.

Настоящій «журналъ» графа К. Ѳ. Толя, конечно, былъ давно извѣстенъ спеціалистамъ-историкамъ, писавшимъ объ Александрѣ и Николаѣ Павловичахъ и касавшимся знаменитыхъ декабрьскихъ дней 1825 г. Имъ пользовались и Богдановичъ и Шильдеръ, но для болѣе широкой публики, какъ подлинникъ, какъ документъ, онъ становится извѣстенъ впервые, ибо изданіе его въ количествѣ 60 экземпляровъ въ 1898 г. не можетъ считаться изданіемъ доступнымъ. Поэтому появленіе его на книжномъ рынкѣ въ продажѣ представляется явленіемъ отраднымъ, и хотя интересующіеся и знакомые съ исторіей декабристовъ не найдутъ себѣ здѣсь ничего новаго и неизвѣстнаго, но на основаніи его получаютъ возможность провѣрить безпристрастность и объективность тѣхъ, кто писалъ о 14 декабря 1825 г. Толь, принимавшій самое активное участіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью Александра Павловича, чрезвычайно обстоятельно, можно сказать, шагъ за шагомъ передаетъ о переговорахъ между царственными братьями—Константиномъ и Николаемъ Павловичами—относительно «вакантнаго» русскаго престола, даетъ этимъ переговорамъ правильное освѣщеніе и становится въ вопросѣ на совершенно правильную точку зрѣнія.

Онъ говоритъ, между прочимъ, касаясь роли сената въ запутавшемся вопросѣ: «... при полученіи извѣстія о кончинѣ государя, правительствующій сенатъ, имѣя духовную государя, не сохранилъ своего достоинства, ибо если великій князь Николай Павловичъ и присягнулъ государю Константину Павловичу, то правительствующій сенатъ могъ бы противу того протестовать, основываясь на точныхъ словахъ данной покойному государю присяги. Если бы правительствующій сенатъ не видѣлъ бы успѣха въ протестаціи своей, тогда не надлежало бы спѣшить указомъ своимъ дѣлать гласнымъ кончину государя, а ожидать отвѣта его высочества цесаревича, который, какъ извѣстно, послѣдовалъ отъ 8-го числа декабря, въ коемъ цесаревичъ именно напоминаетъ сенату обязанность его къ приведенію въ исполненіе духовной покойнаго государя. Но какъ сенатъ совершенно противно сему дѣйствовалъ, то, чтобы въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ не ослабить важность присяги цѣлаго народа, долженствующей перейти къ другому лицу, не оставалось, по мнѣнію моему, другого средства, какъ слѣдующее: поелику государь Константинъ Павловичъ провозглашенъ былъ сенатомъ и въ Россіи принимали его уже за законнаго государя, то и надлежало ему поспѣшить пріѣздомъ своимъ въ Петербургъ и формальнымъ актомъ объявить, что поступокъ сената неправильный, прочесть духовную покойнаго государя въ общемъ онаго собраніи и, провозгласивъ его высочество великаго князя Николая Павловича государемъ императоромъ всея Россіи, приступить первому тутъ же къ присягѣ». Къ этому, однако, онъ считаетъ долгомъ дипломатически замѣтить: «Если сіе не такъ исполнилось, какъ я мнѣніемъ своимъ полагалъ, то, вѣроятно, были тому важныя причины, которыя мнѣ неизвѣстны».

Причинъ этихъ въ наличности не было, и все пошло роковымъ путемъ, который и привелъ дѣло къ кровавой развязкѣ на Сенатской площади, но объ этой развязкѣ и всемъ ходѣ событій этого дня читатели «Историческаго Вѣстника» уже подробно освѣдомлены изъ нашихъ историческихъ очерковъ за прошлые годы, посвященныхъ «борьбѣ за конституцію», почему и приводить здѣсь довольно бѣглаго повѣствованія о томъ же графа Толя мы не будемъ. Отмѣтимъ еще, что къ брошюрѣ приложено изображеніе письма Николая Павловича къ Толю, съ распоряженіемъ не ѣздить, какъ это на него первоначально было возложено, въ Варшаву къ Константину, а оставаться при Михаилѣ Павловичѣ. Издатель воспроизвелъ не только текстъ письма, но и конвертъ съ адресомъ.

Б. Г.

Профессоръ А. А. Бронзовъ. Бѣлозерское духовное училище за сто лѣтъ его существованія (1809 — 1909 г.г.) Томъ первый. Сергіевъ посадъ. 1909.

Предъ нами громадный трудъ (стр. 714 + III) профессора петербургской духовной академіи А. А. Бронзова, представляющій рѣдкое явленіе въ русской исторической литературѣ по вопросамъ духовной школы и духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Только необыкновенная любовь почтеннаго профессора къ училищу, его воспитавшему, да громадная эрудиція и трудоспособность могли создать этотъ колоссальный трудъ, которымъ бѣло-

зерское духовное училище (Новгородской губерніи) навсегда увѣковѣчено въ исторіи нашего просвѣщенія, выдѣлено далеко впередъ изъ всего состава духовныхъ училищъ на святой Руси, представлено въ историческомъ отношеніи такъ блестяще, какъ весьма немногія изъ нашихъ духовныхъ школъ. Завидна доля бѣлозерскаго духовнаго училища, честь и слава выдающемуся и исключительному его питомцу, профессору А. А. Бронзову, съ рѣдкимъ чувствомъ признательности вспомянувшему этотъ низшій разсадникъ духовнаго просвѣщенія въ годовщину перваго его столѣтія.

Книга профессора А. А. Бронзова открывается введеніемъ (стр. 3—37), гдѣ излагаются свѣдѣнія изъ исторіи города Бѣлозерска, ведется рѣчь о духовныхъ школахъ Бѣлозерскаго края до 1809 года и въ частности о бѣлозерской духовной семинаріи за 1778—1790 года. Въ первой главѣ изслѣдованій (стр. 38—57) говорится объ открытіи бѣлозерскихъ духовныхъ училищъ въ 1809 году. Въ обширной второй главѣ (стр. 58—587) предложенъ историческій очеркъ дѣятельности руководителей, учителей и прочихъ служившихъ въ бѣлозерской духовной школѣ лицъ за столѣтній періодъ ея жизни—до 1909 года включительно. Въ первомъ отдѣлѣ главы почтенный авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о начальникахъ и наставникахъ-ректорахъ, смотрителяхъ и учителяхъ, въ числѣ ста человѣкъ, которые были главными дѣятелями бѣлозерскаго духовнаго училища въ первое столѣтіе его существованія. Въ заключеніе обзора дѣятельности представителей бѣлозерской духовной школы профессоръ А. А. Бронзовъ говоритъ, что общее впечатлѣніе слагается, несомнѣнно, въ ихъ пользу, какъ лицъ, вообще обладавшихъ и надлежащихъ подготовкой, и преданностью дѣлу, и добросовѣстностью въ исполненіи обязанностей, серьезностью пониманія задачъ и смысла своей дѣятельности,—какъ лицъ, нерѣдко даже всецѣло образцовыхъ, могущихъ служить прекраснымъ примѣромъ и для послѣдующихъ дѣятелей школы. Во второмъ отдѣлѣ второй главы профессоръ А. А. Бронзовъ обозрѣваетъ дѣятелей другихъ служившихъ при бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ лицъ, каковы: духовники и требоисправители, члены училищнаго правленія отъ духовенства и члены ревизіоннаго комитета, надзиратели, почетные попечители по хозяйственной части и экономы, врачи и фельдшера, письмоводители и, наконецъ, служителя. Всѣмъ имъ нашъ авторъ воздаетъ должное, о всѣхъ сообщаетъ свѣдѣнія, заимствованныя или изъ архивовъ, или у авторитетныхъ современниковъ. Въ третьей главѣ изслѣдованія (стр. 588—689) помѣщены списки учениковъ, окончившихъ курсъ въ бѣлозерскомъ училищѣ за время столѣтняго его существованія, съ указаніемъ біографическихъ о нихъ свѣдѣній, о дальнѣйшей служебной дѣятельности, объ учено-литературныхъ трудахъ и т. п. Наконецъ, въ книгѣ профессора А. А. Бронзова помѣщены добавленія (addenda) (стр. 690—708), послѣсловіе (стр. 709—714) и corrigenda (стр. IV). Таково въ краткомъ обзорѣ содержаніе громаднаго труда профессора А. А. Бронзова.

Сочиненіе почтеннаго петербургскаго профессора является въ высшей степени цѣннымъ въ научномъ отношеніи. Главное его достоинство—документальность, засвидѣтельствованная цѣлой серіей архивовъ, которые были изучены высокоученымъ авторомъ. Профессоръ А. А. Бронзовъ весьма тщательно

проштудировалъ отъ начала до конца весь архивъ бѣлозерскаго духовнаго училища за время его существованія, извлекъ много свѣдѣній изъ архивовъ св. синода, духовныхъ академій петербургской, московской, кіевской и казанской, духовнаго собора Александро-Невской лавры, духовныхъ семинарій—вологодской, новгородской, олонецкой, пермской, петербургской, тверской и ярославской, многихъ духовныхъ училищъ, консисторій и церквей. Авторъ обращается за свѣдѣніями и къ частнымъ лицамъ, а о многомъ писалъ по личнымъ воспоминаніямъ. Въ результатѣ авторъ собралъ обширный и богатый матеріалъ, который и изложилъ въ первомъ томѣ своего труда. Здѣсь читатель находитъ возможно точныя и вѣрныя свѣдѣнія о прошлой исторіи бѣлозерскаго духовнаго училища, отличающіяся новизною и оригинальностью, являющіяся весьма интересными и поучительными, представляющими важное историческое значеніе. Стремясь къ документальности и правдивому и объективному изложенію свѣдѣній, почтенный авторъ согрѣлъ свой ученый трудъ горячей любовью къ воспитавшей его духовной школѣ, и эта любовь проходитъ чрезъ все его сочиненіе, которое даже и напечатано было на скудныя средства профессорскаго бюджета. «Авторъ усерднѣйше проситъ читателей,—пишетъ въ заключеніе профессоръ А. А. Бронзовъ,— принять его трудъ съ любовью и чрезъ то самое дать ему возможность издать въ свѣтъ и окончаніе его работы о Бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ» (стр. 714). Дѣйствительно, сочиненіе профессора А. А. Бронзова вполнѣ заслуживаетъ и любви, и сочувствія, и даже реальнаго содѣйствія къ тому, чтобы былъ напечатанъ и второй его томъ, уже составленный почтеннымъ авторомъ. Отъ всей души желаемъ, чтобы колоссальная и рѣдкая по историческому значенію научная работа профессора А. А. Бронзова была доведена до благополучнаго конца. Безспорно, она займетъ весьма видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ по исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ XIX вѣкѣ.

Σ.

Лѣтопись занятій императорской археографической комиссіи за 1909 годъ. Выпускъ двадцать второй. Подъ редакціей правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1910 г. Стр. 406. Цѣна 2 руб.

Большая часть настоящаго выпуска «Лѣтописи» занята одною изъ послѣднихъ работъ скончавшагося талантливаго историка Н. П. Павлова-Сильванскаго: «Акты о посадскихъ людяхъ-закладчикахъ». Какъ и въ болѣе раннихъ своихъ статьяхъ, въ настоящемъ трудѣ авторъ проводитъ мысль, что закладничество не было самозалогомъ, какъ полагало большинство историковъ. «Закладываться за кого-либо значило въ древности не отдавать себя въ залогъ, а укрываться, иначе задаваться. Закладными и закладчиками назывались въ древности люди, задавшіеся за сильнаго человѣка, люди заступные. Закладничество было защитной зависимостью, одинаковой по существу своему съ западно-европейскимъ патронатомъ».

Для доказательства этого положенія г. Павловымъ-Сильванскимъ были изслѣдованы въ архивѣ Оружейной палаты подлинные столбцы приказа тайныхъ дѣлъ по сыску закладчиковъ на основаніи указа 1638 г. Изъ документовъ,

относящихся къ 11 городамъ, видно, что при сыскѣ у господъ нигдѣ не объявилось не только какихъ-либо закладныхъ контрактовъ, но даже и простыхъ заемныхъ и ссудныхъ записей. Изъ этой приказной переписки въ «Лѣтописи напечатанъ цѣликомъ «столпъ», относящійся къ сыску въ Твери, и извлеченія о томъ же, касающіяся Великаго Новгорода и Устюга.

Въ «распросныхъ рѣчахъ» закладчики обыкновенно даютъ свои біографіи, представляющія часто интересный бытовой матеріалъ; они разсказываютъ, откуда они родомъ и какъ жили раньше своего заложничества за монастырь или боярина. Моментъ заложничества они обыкновенно опредѣляютъ словами: «билъ челомъ», «заложился».

Придя къ выводу, что закладничество не самозалогъ, г. Павловъ-Сильванскій опредѣляетъ его, какъ патронатъ, понимая послѣднее слово въ смыслѣ защиты, покровительства и не имѣя въ виду спеціально римскаго патроната надъ вольноотпущенными.

На Западѣ, какъ отмѣчено Фюстель де-Куланжемъ и другими историками, существовала особая форма королевскаго патроната, прилагавшаяся къ воинамъ, которая и получила названіе дружинной коммендаціи. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: человѣкъ свободный, но бѣдный или слабый, ищетъ у другого, богатаго или сильнаго, покровительства и добровольно для этого ему отдается. «Два лица заключаютъ договоръ: одинъ долженъ защищать, другой—повиноваться». Русское закладничество, по словамъ автора, и было такой коммендаціей. Въ удѣльное время существовало не только закладничество личное, но и лица съ землею. Подъ власть и защиту господина закладчики отдавали и свои земли. Источники въ этомъ смыслѣ говорятъ о «селахъ заложившихся», «принятыхъ даромъ» и т. п. Въ эпоху XVI—XVII вѣковъ существовало только закладничество личное.

Кромѣ работы г. Павлова-Сильванскаго, въ «Лѣтописи» помѣщены: «Описаніе рукописей, содержащихъ лѣтописные тексты», составленное А. А. Шиловымъ, и небольшія замѣтки: «Отрывокъ новгородской кабальной книги» И. А. Бычкова и «Лѣтописецъ Успенскаго Каменскаго дѣвичьяго монастыря Новозыбковскаго уѣзда Черниговской епархіи» А. А. Шахматова. **В. Троцкій.**

Указатели къ Высочайше утвержденнымъ общему гербовнику дворянскихъ родовъ Россійской имперіи и гербовнику дворянскихъ родовъ царства Польскаго. Составили: В. Лукомскій и С. Тройницкій. Спб. 1910. Стр. 151. Цѣна 1 р. 40 к.

Блаженной памяти императоръ Павелъ I въ 1797 г. повелѣлъ приступить къ составленію «Общаго гербовника дворянскихъ родовъ Россійской имперіи» и въ его короткое царствованіе было приготовлено 6 частей послѣдняго, другими словами, получили высочайшее утвержденіе гербы 910 дворянскихъ родовъ. Послѣ него дѣло съ гербами замедлилось, и за весь XIX вѣкъ до 1895 г. были утверждены только восемь частей общаго гербовника, или 1313 гербовъ. Наконецъ, съ 1895 по 1908 г. утверждены еще 4 части, или 566 гербовъ. Если общую цыфру утвержденныхъ гербовъ—2789—сопоставите съ на-

личностью всего русскаго дворянства, то окажется, что едва ли 1/25 часть россійскихъ дворянъ имѣетъ высочайше утвержденные гербы. Да и гербы эти въ большинствѣ случаевъ позднѣйшаго происхожденія, придуманные дворянами, выслужившимися по чинамъ и орденамъ. Не только многія наши древнѣйшія дворянскія фамиліи, каковы, напр., Апухтины, Астафьевы, Билибины, Брянцевы, Брянчаниновы, Бухвостовы, Бѣгичевы, Варыпаевы, Вердеревскіе, Верещагины, Глазовы, Головачевы, Гольцевы, Грибоѣдовы, Дубровины, Ермолаевы, Забѣлины, Карповичи, Мамонтовы и мн. др., вовсе не имѣютъ гербовъ, но даже нѣтъ ихъ и у многихъ титулованныхъ родовъ, напр., князей грузинскихъ и татарскихъ, довольно извѣстныхъ баронскихъ фамилій: Штейнгель, Штакельбергъ, Фредериксъ, Фитингофъ, Фелькерзамъ, Торнау, Розенъ, Вревскихъ, Вольфъ и мн. др., графовъ Эльмптовъ, Литта, Стадницкихъ и др.

Не то наблюдается въ царствѣ Польскомъ; тамъ почти съ каждой древней дворянской фамиліей связывается и гербъ; въ теченіе двухъ лѣтъ (1850 и 1851 г.) въ двухъ частяхъ Польскаго гербовника Высочайше утверждено около 900 гербовъ, при общей наличности признанныхъ дворянскихъ родовъ царства Польскаго немного болѣе 10,000.

Невниманіе русскаго дворянства къ гербамъ, которые по IX т. свода зак. издавна признаются за наипервѣйшія доказательства дворянскаго происхожденія, отразилось, конечно, и на литературѣ по геральдикѣ русской. Кромѣ печатныхъ 10-ти частей гербовника (по 1836 г.), да извѣстнаго сборника А. А. Бобринскаго («Дворянскіе роды, коихъ гербы внесены въ Высочайше утв. гербовникъ»), мы въ области геральдическихъ источниковъ не имѣемъ ничего. По части теоріи послѣ устарѣлаго Лакіера врядъ ли кого удовлетворятъ недавно изданныя лекціи по геральдикѣ г. Арсеньева.

Въ виду всего сказаннаго, конечно, нельзя не привѣтствовать попытки двухъ молодыхъ «геральдистовъ», гг. С. Тройницкаго и В. Лукомскаго—издать *указатель-справочникъ*, который будетъ заключать не только списокъ родовъ и лицъ, имѣющихъ Высочайше утвержденные гербы, но и краткія генеалогическія свѣдѣнія о «каждомъ родѣ или лицѣ». «Предварительнымъ» же «къ нему «матеріаломъ» они выпустили въ свѣтъ вышеназванные «указатели», предпославъ къ нимъ въ введеніи лишь цифровыя данныя о времени утвержденія частей гербовника, даже безъ всякаго подсчета гербовъ. Принося составителямъ и за этотъ «малый даръ» свою благодарность, я позволю себѣ посовѣтовать имъ—къ *указателю-справочнику* предпослать болѣе серьезное введеніе, изъ котораго можно было бы узнать не только о числѣ гербовъ и времени ихъ утвержденія, но и о главнѣйшихъ ихъ эмблемахъ, древности и происхожденіи послѣднихъ и т. д.

В. Рудаковъ.

Проф. П. И. Ковалевскій. Національное воспитаніе и образованіе въ Россіи. Спб. Стр. 94. Ц. 50 к.

Имя профессора П. И. Ковалевскаго пользуется давно заслуженной извѣстностью и потому оно служитъ лучшей рекомендаціей его книжкѣ. Извѣстный психіатръ, между прочимъ приложившій свои спеціальныя свѣдѣнія къ освѣ-

щенію цѣлаго ряда историческихъ личностей, почтенный ученый въ послѣднее время началъ выступать съ этюдами общественнаго значенія. Недавно появилась въ свѣтъ находившаяся одно время подъ запрещеніемъ и посадившая автора на скамью подсудимыхъ брошюра «Библія и нравственность». Въ текущемъ году П. И. выпустилъ опытъ по національному воспитанію и образованію въ Россіи. Нужно отдать полную справедливость автору, онъ захватилъ свой предметъ и широко и глубоко, несмотря на небольшой объемъ работы. Авторъ исходитъ изъ той мысли, что «такъ больше жить нельзя». Русскому обществу грозитъ серьезная опасность ввиду ослабленія духовной основы его государственности—чувства національзма. Національзмомъ профессоръ Ковалевскій называетъ сознаніе общности культуры, массовыхъ идей, чувства, склонностей. Авторъ доказываетъ, что инстинктивный національзмъ жилъ и живетъ въ массахъ, но такъ называемая наша интеллигенція національной общности въ значительной части не ощущаетъ. Она потеряла свое національное лицо подъ вліяніемъ господства въ высшихъ классахъ иноземцевъ, обезличенности образованія въ средней и высшей школѣ и долгаго отсутствія свободныхъ учрежденій. До 17-го октября русскому трудно было быть свободнымъ русскимъ потому, что онъ не смѣлъ свое сужденіе имѣть, а жилъ по чужой, большей частью по инородческой указкѣ. Убѣжденный демократъ, профессоръ Ковалевскій зло вышучиваетъ высшіе классы, задавившіе русскій народъ ужасами крѣпостного права. Теперь, когда русскій народъ свободенъ и въ обще-гражданскомъ и политическомъ смыслѣ, авторъ зоветъ его къ національному возрожденію, къ сознательному культурному національзму, къ общественному самосознанію. Далекій отъ какого бы то ни было шовинизма или насильническихъ стремленій, онъ требуетъ уваженія къ русской народности, какъ основательницѣ одного изъ величайшихъ государствъ нашего времени, и рисуетъ цѣлую программу русскаго духовнаго возрожденія черезъ посредство преобразованія нашей школы.

Отечествовѣдѣніе въ этой программѣ занимаетъ первое мѣсто—исторіи и географіи отводится господствующее положеніе наравнѣ съ русскимъ языкомъ и литературой. Язвительное обличеніе направлено не безъ основанія въ сторону приспѣшниковъ и покойнаго графа Д. Толстого, доведшихъ начинанія министра, сторонника классицизма, до безсмыслицы, жестоко отозвавшейся на духовномъ обликѣ цѣлаго поколѣнія. Нужно ожидать, что настоящую книжку уважаемаго ученаго ждетъ такой же успѣхъ, какъ «Библіи и нравственности», въ короткій срокъ выдержавшей десять изданій. В. Г.

Русско-японская война. Четырехдневное сраженіе 2-й Манчжурской арміи ген.-ад. Гриппенберга при Хейгоутай-Сандепу, съ 12 по 15 января 1905 г. Съ картами, планами, схемами и чертежами. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ Галкинъ. Спб. 1909 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Несмотря на близкое окончаніе трудовъ военно-исторической комиссіи по изданію полнаго описанія русско-японской войны, въ нашей военной литературѣ, тѣмъ не менѣе, появляются отъ времени до времени весьма удовлетвори-

тельныя монографіи участниковъ войны, освѣщающія тотъ или другой ея моментъ. Къ числу такихъ монографій относится составленное полковникомъ Галкинымъ описаніе сраженія при Сандепу, надѣлавшаго въ свое время много шума и послужившаго поводомъ къ отъѣзду генерала Гриппенберга изъ арміи. Сраженіе при Сандепу (японцы называютъ его сраженіемъ при Хейгоутаѣ), хотя и окончившееся неудачею, представляетъ немало поучительнаго, какъ въ стратегическомъ отношеніи (попытка дѣйствій массовыми арміями), такъ и въ тактическомъ, выясняя условія и технику современнаго боя всѣхъ родовъ оружія при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, а именно: четырехдневный бой войска вели въ зимнее время, часто прибѣгали къ ночнымъ дѣйствіямъ, атаковали укрѣпленныя позиціи съ примѣненіемъ артиллерійскаго огня изъ современныхъ скорострѣльныхъ орудій, наконецъ, дали практику для дѣйствій значительнаго отряда кавалеріи. Правда, что дѣйствія нашихъ войскъ въ значительной степени представляются поучительными въ отрицательномъ смыслѣ, но для людей, которые хотятъ учиться, безпристрастный анализъ неудачъ столь же полезенъ, какъ изученіе условій блестящихъ побѣдъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе описанія различныхъ фазисовъ боя, считаемъ полезнымъ указать на нѣсколько замѣчаній автора, приведенныхъ имъ въ заключеніи. Начать съ того, что выказанная высшимъ командныхъ начальствомъ личная храбрость, тянувшая ихъ въ боевыя линіи, не только не была полезна для войскъ, но, напротивъ, принесла имъ существенный вредъ, разстраивая связь и затрудняя управленіе. «Корпусные командиры,—говоритъ авторъ:—видя своего командовавшаго арміей на конѣ, естественно бросили свои штабъ-квартиры, телеграфы, телефоны и проч., сѣли верхомъ и двинулись на боевой фронтъ. Начальники дивизій послѣдовали ихъ примѣру. Получилось что-то непонятное. Начальствующія лица не щадили себя, безтрепетно находясь подъ ружейнымъ огнемъ, но дѣлу управленія не помогли, а, наоборотъ, его ухудшили»... Новая, невѣдомая ранѣе обстановка, новые элементы боя, несомнѣнно, требовали измѣненія способовъ управленія войсками. «Нынѣ мѣсто высшаго командного элемента,—продолжаетъ далѣе авторъ,—либо на телеграфной станціи, либо у телефонной трубки и нигдѣ больше... Безповоротно прошло время, когда можно было начальнику дивизіи на бѣломъ конѣ скакать, сверкая на солнцѣ высоко поднятою шашкой, вести лично войска въ атаку. Современное оружіе разсѣяло войско по фронту и отодвинуло въ глубину и высшее начальство съ ихъ штабами. Къ сожалѣнію, для нашего командного элемента это было непонятно. Начальство никакъ не хотѣло примириться съ мыслью, что личный примѣръ ихъ потерялъ прежнюю цѣнность и имъ остается на долю управленіе войсками мыслью, переданной по проволокѣ». Рядомъ съ этимъ авторъ указываетъ на вліяніе «драгомировскихъ идей на тактическія дѣйствія войскъ и даетъ имъ дѣльную характеристику. Господство духа надъ матеріей—вотъ основная идея драгомировской тактики. Всю жизнь посвятилъ генералъ на проведеніе этой мысли въ жизнь арміи, пользуясь своимъ могучимъ талантомъ и властью. Всего себя онъ отдалъ на служеніе этой идеѣ и неустанно, безпрерывно проповѣдывалъ ее въ бесѣдахъ, учебникахъ тактики, полемикѣ, которую онъ велъ особенно страшно въ послѣдніе годы своей жизни. Человѣкъ огромныхъ дарованій, могучій талантъ, онъ

неминуемо долженъ былъ испытать и перенести то, что такъ часто выпадаетъ на долю людей, одаренныхъ Божьей искрой до отказа. Онъ долженъ былъ перейти и на самомъ дѣлѣ перешелъ грань и въ угоду духу мало-по-малу отдалилъ отъ себя матерію, въ частности военную технику, которая какъ бы умышленно прогрессировала въ послѣднія 30 лѣтъ съ головокружительной быстротой. Въ угоду развитію могущества моральной силы, Драгомировъ хотя и не отрицалъ техники, но, по сравненію съ духомъ, для него техника являлась малоцѣнной и не въ состояніи сыграть ту роль, которую въ дѣйствительности сыграла въ минувшую войну». Нельзя не обратить вниманія на эту безпристрастную оцѣнку идей генерала Драгомирова, высказанную посреди ожесточенныхъ и незаслуженныхъ на него нападокъ со стороны искателей «виновниковъ» несчастной войны во что бы то ни стало. Идея Драгомирова, хотя и требующая поправокъ, идея глубоко вѣрная, и горе той арміи, которая не поставитъ «господства духа надъ матеріей» во главу обученія своихъ войскъ.

Книга полковника Галкина издана очень хорошо и снабжена приложеніями, планами и схемами.

Л. Н.

Н. Крохоткина. Революціонное время въ Россіи. Судъ надъ крестьянами послѣ погрома. Спб. 1910. Стр. 47.

Небольшая брошюрка г-жи Крохоткиной, повидимому, не назначена для продажи; по крайней мѣрѣ цѣна ея на обложкѣ не обозначена. Типъ этого литературнаго произведенія-шаржированный репортажный отчетъ о судебномъ засѣданіи, въ которой авторъ, не ознакомивъ читателей съ существомъ дѣла, а только сославшись на свою брошюру «Погромъ», въ которой, очевидно, это дѣло разсказано, прямо переходитъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ и выводитъ рядъ плутоватыхъ мужичковъ и бабъ, несущихъ на судѣ околесицу, врущихъ, представляющихся не понимающими вопросовъ, имъ предлагаемыхъ, и не помнящими обстоятельствъ преступленія, которое ихъ привело на скамью подсудимыхъ и оторвало на два года тюремной жизни отъ семьи и работы. Въ этихъ показаніяхъ и отвѣтахъ вы найдете тѣ же скрытыя пружины, которыя заставляютъ васъ волноваться и въ извѣстной хроникѣ г. Родіонова «Наше преступленіе», о которой мы недавно давали отзывъ. Но что у этого талантливаго беллетриста читателя волнуетъ, у г-жи Крохоткиной не оставляетъ никакого впечатлѣнія и, прочитавъ сводку ея «свидѣтельскихъ показаній» безъ дальнѣйшаго судоговоренія, остаешься въ недоумѣніи, зачѣмъ брошюра издана и кому нужна такого рода литература. Если ужъ касаться печальныхъ событій 1905—1906 годовъ, то надо это дѣлать умѣло и полно, а такъ выпустить брошюру, чтобы поглумиться надъ невѣжественной массой, презрительно указать на пристрастность нашего суда, оправдавшаго «героевъ» г-жи Крохоткиной,—не стоило городъ городить. Революціонные дни въ Россіи 1905—6 гг. еще ждутъ своего будущаго историка, и брошюра г. Крохоткиной этому историку не послужитъ нужнымъ матеріаломъ.

Г.

Портреты русскихъ писателей въ геліогравюрахъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Редакція В. В. Каллаша. М. 1909 — 1910. Цѣна 2 руб. за выпускъ.

У насъ имѣется нѣсколько портретныхъ галерей нашихъ писателей. Въ 1865—1870 гг. вышла галерея, изданная Мюнстеромъ, въ 1876—1879 гг.—изданная Бауманомъ, въ 1880 г.—изд. Шапиро, въ 1882—1891—изд. «Русской Стариной», въ 1890—изд. газетой «Лучъ», въ 1891 г.—изд. журналомъ «Звѣзда» Комарова, въ 1892—изд. кн. Урусовой. Въ 1901 году вышло сразу 4 галереи—изд. Скирмунта, Каранта, Мертца и Тиле. Въ послѣднее время появились портреты писателей, изд. Водовозовой, экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, комиссіи по устройству учительскаго дома въ Москвѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ галерей портреты выполнены довольно хорошо, но все-таки о художественномъ выполненіи въ полномъ смыслѣ слова говорить нельзя. Вполнѣ художественными, представляющими цѣнные художественные вклады являются—«Русскіе портреты собранія Щукина» и «Русскіе портреты» изданія великаго князя Николая Михаиловича. Сюда, несомнѣнно, должно быть отнесено и изданіе портретовъ русскихъ писателей, предпринятое въ 1909 году зарекомендовавшей себя прекраснымъ изданіемъ картинъ Третьяковской галереи московской фирмой Кнебель. Это—очень грандіозное предпріятіе: будетъ выпущено около 100 портретовъ писателей XVIII и XIX вв. Уже издано болѣе 60 портретовъ и можно составить вполнѣ опредѣленное мнѣніе объ изданіи. Оно, несомнѣнно, довольно крупный художественный вкладъ. Портреты воспроизведены съ работъ лучшихъ русскихъ художниковъ и представляютъ весьма художественно исполненныя геліогравюры большого формата, приблизительно 5×7 вершковъ. По своему исполненію портреты вполнѣ удовлетворяютъ самымъ изысканнымъ художественнымъ вкусамъ.

При этомъ изданіе стоитъ чрезвычайно дешево. Цѣна выпуска съ тремя портретами 2 рубля, что необычайно дешево для трехъ прекрасно исполненныхъ большихъ геліогравюръ. Все изданіе приблизительно будетъ состоять изъ 25 выпусковъ и, слѣдовательно, стоить 50 рублей.

Къ портретамъ приложены небольшія литературныя характеристики писателей, принадлежащія перу извѣстныхъ критиковъ и историковъ литературы—Айхенвальду, Брюсову, Венгерову, Грузинскому, Каллашу, Липовскому, Ляцкому, Нелидову, Саводнику, Сакулину, Шенроку и др. **А. Ф—нъ.**

Шарль Диль, адъюнктъ-профессоръ парижскаго университета. Византійскіе портреты. Перевелъ Е. Киричинскій. Харьковъ. 1910. Стр. 240. Цѣна 75 коп.

Книга профессора Диля лишній разъ доказываетъ давно признанное положеніе, что французскіе ученые мастерски владѣютъ даромъ популяризаціи. Правда, на этотъ разъ и тема для подобной популяризаціи выбрана болѣе чѣмъ удачно: правдивая исторія дворцовыхъ переворотовъ въ Византіи превосходитъ своимъ трагизмомъ и неожиданными перипетіями самые неестествен-

ные вымыслы. Авторъ ведетъ свое изложеніе въ хронологическомъ порядкѣ, останавливаясь преимущественно на женскихъ типахъ. Послѣ общаго очерка жизни византійской императрицы предъ читателемъ мелькаютъ портреты языческой философки Аѳинаиды, обратившейся въ благочестивѣйшую императрицу Евдокію, знаменитой супруги Юстиніана Ѳеодоры, попавшей во дворецъ съ цирковыхъ подмостковъ, ревностно защищавшей почитаніе иконъ и ослѣпившей собственнаго сына Ирины, въ силу интригъ которой начался періодъ дворцовыхъ революцій, отсутствовавшихъ въ правленіе царей-иконоборцевъ. Для поясненія характера Ирины Диль даетъ затѣмъ типъ ея современницы изъ средняго сословія, благочестивой матери св. Ѳеодора Студита, Ѳеоктисты. Въ pendant къ ней взята блаженная царица Ѳеодора, окончательно возстановившая иконопочитаніе, хотя для этого ей и приходилось нѣсколько разъ вступать въ сдѣлку съ собственной совѣстью. Далѣе излагается чудесная исторія основателя Македонской династіи Василія, пришедшаго въ Константинополь пѣшкомъ и въ нищенскихъ лохмотьяхъ и путемъ ряда злодѣйствъ достигшаго императорскаго престола. Преемникомъ Василія былъ Левъ VI Мудрый, который, порицая мужчинъ, вступающихъ во 2-й и 3-й браки, ставилъ имъ въ своихъ «Новеллахъ» въ примѣръ нѣкоторыхъ животныхъ, обрекающихъ себя послѣ смерти самки на постоянное вдовство. Но эта проповѣдь не помѣшала ему самому жениться 4 раза, причемъ изъ-за послѣдняго брака его возникла борьба, волновавшая государство почти 20 лѣтъ. Затѣмъ читатель знакомится съ загадочной и таинственной судьбой обольстительной и коварной императрицы Ѳеофано, прелести которой, по выраженію одного ученаго, имѣли роковое вліяніе и покорили трехъ императоровъ. Послѣ Ѳеофано мы сталкиваемся съ Зоей Багрянородной, которая вышла замужъ 50 лѣтъ отъ роду, а черезъ 14 лѣтъ ей пришлось вступить уже въ третье супружество, причемъ и она усердно измѣняла мужьямъ, и мужья ей. Заканчивается книга характеристиками матери извѣстнаго писателя Пселла, Ѳеодоты, благодаря которой, говоритъ авторъ, можно узнать, въ чемъ состояли занятія, заботы и радости мѣщанской семьи Византіи въ XI вѣкѣ, и Анны Далласены, одной изъ главныхъ виновницъ переворота 1081 года, упрочившаго престолъ за династіей Комненовъ. Переводъ г. Киричинскаго очень хорошъ и вполнѣ передаетъ легкое изложеніе «оригинала, такъ что эта исторія и смерти, и крови, и наслажденія» читается, какъ самый интересный романъ. Замѣчу только, что, по недосмотру, на обложкѣ и на заглавномъ листѣ стоитъ: «невѣроятныя приключенія Василія Великаго» вмѣсто Василія Македонянина. **А. М—нъ.**

Б. Л. Модзалевскій. Архивъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина въ музеѣ Бахрушина. Спб. 1910.

Московскому собирателю театральныхъ и литературныхъ рѣдкостей А. А. Бахрушину случилось пріобрѣсти въ прошломъ году нѣсколько тысячъ листовъ документовъ опеки надъ дѣтьми и имуществомъ великаго поэта. Этотъ архивъ состоитъ изъ веденныхъ канцелярскимъ порядкомъ дѣлъ объ учрежденіи самаго опекунства, о пожалованіи денегъ на похороны Пушкина и пансіона его вдовѣ

и дѣтямъ, объ опредѣленіи послѣднихъ въ казенныя учебныя заведенія, о печатаніи сочиненій Пушкина (посмертное изданіе), объ уплатѣ оставленныхъ Пушкинымъ долговъ, на погашеніе которыхъ была тоже пожалована крупная сумма, о выкупѣ с. Михайловскаго въ пользу дѣтей поэта у ихъ дяди и тетки, о движеніи денежныхъ суммъ, которыми распоряжалось опекунство, и тому подобномъ. Большая часть бумагъ не имѣетъ прямого и близкаго отношенія къ Пушкину, но среди нихъ нашлись и такія, на которыя приходится смотрѣть какъ на вкладъ въ исторію его жизни, хотя никакого рѣшающаго значенія за ними признать нельзя. Онѣ не измѣняютъ ни въ чемъ сложившихся представленій о поэтѣ, но дополняютъ наши, и безъ того нескудныя, свѣдѣнія о немъ и кое въ чемъ яснѣе рисуютъ нѣкоторыя обстоятельства послѣднихъ лѣтъ его жизни. «О, бѣдность, бѣдность! Какъ унижаетъ сердце намъ она!» могъ онъ повторить за своимъ рыцаремъ Альбертомъ. Объ этой «рыцарской», позолоченной бѣдности, которая тѣмъ страшнѣе, что ее приходится скрывать подъ личиной наружнаго довольства, краснорѣчиво говорятъ нѣкоторые документы опекунства. Изъ подлиннаго контракта видно, что за свою послѣднюю квартиру, на Мойкѣ, поэтъ, жившій большимъ и открытымъ домомъ, съ чадами и домочадцами, среди которыхъ были двѣ свояченицы-фрейлины, долженъ былъ платить 4,300 рублей ассигнаціями, а одинъ изъ его прежнихъ домохозяевъ взыскивалъ съ него судомъ болѣе тысячи рублей недоплаченныхъ за квартиру денегъ. Опеку осаждали со своими требованіями ростовщики, портные, мелкіе лавочники, даже поставщица дровъ, молочница и камердинеръ. Въ поискахъ денегъ Пушкинъ доходилъ до того, что бралъ у своихъ друзей серебро и закладывалъ его,—кредитъ безъ залога былъ ему недоступенъ. «Милостивый государь Николай Николаевичъ!—пишетъ онъ одному изъ своихъ кредиторовъ, какому-то Карадыкину:— Вы застали меня въ разплохъ, безъ гроша денегъ—сей часъ ѣду по моимъ должникамъ собирать недоимки и коли удастся, явлюся къ вамъ». Книгопродавецъ Беллизаръ, выписывавшій для Пушкина иностранныя книги и бравшій за нихъ огромную плату (120 рублей за «L'art de connaître les hommes» Лафатера, 150 рублей за «Histoire de la Russie» Леклерка и т. д.), приставалъ къ нему со счетами и довольно рѣзкими напоминаніями. За мѣсяцъ до смерти Пушкинъ, нуждаясь въ деньгахъ, передалъ Плюшару, издателю энциклопедическаго лексикона, право на изданіе тома стихотвореній, въ 2,500 экземпляровъ, и взялъ у Плюшара впередъ 1,500 рублей, но это изданіе за смертью поэта не состоялось, и опека разсчиталась съ Плюшаромъ. Закладывая серебро то свояченицы А. Н. Гончаровой, то Соболевскаго, должая знакомымъ, вѣчно въ поискахъ кредита, вѣчно осаждаемый кредиторами, вѣчно подъ угрозой судебнаго взысканія и описи имущества, Пушкинъ бился, какъ рыба объ ледъ, и изнывалъ. Великосвѣтскій тонъ жизни былъ ему не по силамъ, и онъ мечталъ поселиться въ деревнѣ: «давно завидная мечтается мнѣ доля, давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ», обращался онъ къ женѣ. Но какъ относилась къ такому намѣренію замученнаго поэта красавица-жена, объ этомъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ счетъ моднаго магазина: за взятые Наталіей Николаевной наряды—3364 руб.! Не мудрено, что, желая сказать, какъ былъ озабоченъ бѣдный Евгеній, герой «Мѣднаго всадника», Пуш-

кинъ прибѣгъ къ горькому сравненію: «какъ тотъ, у коего просроченъ»... не сказано (въ черновикѣ) что, но ясно, что вексель. Бѣгло описавшій дѣла опеки Б. Л. Модзалевскій, подъ впечатлѣніемъ этихъ дѣйствительно тягостныхъ документовъ, рѣшилъ даже, что «ревность, которою одною объясняется обыкновенно трагическій исходъ жизни поэта, была лишь предлогомъ къ сведенію расчетовъ съ жизнью». Конечно, гибель Пушкина объясняется не только столкновеніемъ его съ Дантесомъ, но странно предполагать, что Пушкинъ искалъ «предлога», чтобы покончить съ собою, и жадно ухватился за «ревность», тѣмъ болѣе, что драма послѣднихъ дней его жизни—драма не ревности, а жгучей обиды. Буквы «Пл.» въ одномъ спискѣ долговъ Пушкина г. Модзалевскій объясняетъ: «Плетневу»; намъ кажется, что здѣсь надо читать А. П. Плещееву (объ этомъ см. И. А. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», страницы 189, 194, 210, 254, 284).

Въ бахрушинскомъ же собраніи, по словамъ описанія, хранится статья М. П. Погодина о Годуновѣ изъ «Московскаго Вѣстника» 1829 года, съ собственноручными замѣтками Пушкина. Онѣ очень интересны и важны, такъ какъ освѣщаютъ отношеніе Пушкина къ своему «Борису Годунову» и его взгляды на исторію смутнаго времени. **Н. О. Лернеръ.**

Надежда Санжаръ. Записки Анны. Спб. 1910. Стр. 166. Цѣна 1 р.

Маленькая книжка, красиво изданная и по доступной цѣнѣ, уже давно обратила на себя вниманіе критики и читающей публики по интересно поставленному въ ней сексуальному вопросу, съ одной стороны, и по личности автора—съ другой. Нѣкоторая видимость содержанія кладетъ на повѣствованіе г-жи Санжаръ опасный налетъ какъ бы легкой порнографіи, что имѣетъ извѣстное объясненіе въ литературной неопытности начинающей писательницы, благодаря чему она впадаетъ въ шаржи, подчеркиваетъ такія страницы жизни, которыя ставятъ ее въ опасное передъ читателями положеніе и даютъ богатую пищу для насмѣшекъ и глумленія надъ нею. Эти страницы, пожалуй, даже карикатурны и даютъ матеріалъ для хлесткой сатиры, для памфлета. Повторяемъ, что это можетъ быть объяснимо исключительно литературной неопытностью, когда авторъ, гоняясь за навязываніемъ читателю извѣстной идеи, слишкомъ старается въ своемъ рвеніи и ради идеи пренебрегаетъ формою и спокойствіемъ, объективностью своего повѣствованія, развитіемъ фабулы. Избранная форма разсказа—дневникъ: это въ значительной степени способствуетъ тому, что субъективизмъ и бьетъ здѣсь черезъ край, становится въ книгѣ доминирующей стихіей. Это то обстоятельство и даетъ основаніе бросить писательницѣ обвиненіе въ излишней порнографической откровенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль обнародованія такого дневника—самая чистая и, пожалуй, возвышенная. Здѣсь крикъ женской души противъ вѣчнаго посягательства со стороны сильной половины рода людского на женскую плоть, разсматриваніе женщины исключительно подъ угломъ зрѣнія удовлетворенія сексуальныхъ вожделѣній и нежеланіе видѣть въ женщинѣ человѣка, гармонически связать опредѣленное представленіе о ней со стороны ея физической и психической организаціи.

Вотъ собственно та ось, на которую г-жа Санжаръ—Анна нанизываетъ факты дневника, свои мысли, ощущенія и порывы. Несомнѣнно, мы видимъ въ ней субъекта, уклонившагося отъ гармонической нормы, поглощеннаго своей исключительной мыслью и борьбою, а потому, пожалуй, страдающаго навязчивостью идей. Анна—антитеза извѣстнаго Санина, и вотъ подъ такимъ-то угломъ зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на ея записки. Кто интересуется философіей сексуализма, тотъ найдетъ себѣ здѣсь богатый матеріалъ для выводовъ и раздумья и тѣмъ болѣе, что матеріалъ этотъ—живой, своего рода документъ жизни. Объ этомъ намъ повѣствуетъ издатель книги, который въ вступительной статьѣ къ «Запискамъ» считаетъ долгомъ представить автора читателямъ и тѣмъ связываетъ ея имя съ именемъ героини дневника, придавая тѣмъ всему произведенію Санжаръ значеніе автобіографическое. И автобіографія эта, какъ явленіе нашей соціальной жизни, заслуживаетъ, несомнѣнно, вниманія. Издатель говоритъ: «Авторъ «Записокъ» Надежда Санжаръ, дочь государственнаго крестьянина гор. Харькова и донской казачки,—самоучка въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, самостоятельно проложившая себѣ путь въ жизни, съ самаго ранняго возраста, своими руками, и сумѣвшая шагъ за шагомъ подняться съ уличныхъ низовъ до верхнихъ ступенекъ интеллигенціи, не будучи обязанной никому поддержкой въ средѣ, окружавшей ее до 29 лѣтъ, ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ умственномъ и нравственномъ своемъ развитіи. Пройдя всѣ мытарства подневольной службы—съ одиннадцати лѣтъ въ булочной, а затѣмъ горничной, съ мытьемъ половъ, «по господамъ» вообще и, наконецъ, въ канцеляріи тюремной инспекціи въ Кіевѣ, Надежда Санжаръ «появилась» въ 1901 г. въ Петербургѣ, безъ всякихъ средствъ къ существованію, въ знакомой многимъ надеждѣ на пріисканіе занятій. Послѣднее, разумѣется, не давалось и, послѣ долгихъ скитаній по моднымъ мастерскимъ, загнанная нуждой въ общежитіе женскаго русскаго взаимно-благотворительнаго общества и занимаясь здѣсь отдѣлкой куколъ, впервые здѣсь же познакомилась болѣе или менѣе серьезно съ грамматикой, благодаря сердечному участію члена общества г-жи Д. Такимъ образомъ Петербургъ повернулся къ ней сперва оборотной стороной, и только здѣсь Н. Санжаръ могла начать разбираться въ матеріалѣ, «прописанномъ у нея буквально на бокахъ», выражаясь словами Анны въ ея «Запискахъ»..

«Первые литературные опыты—сказки Н. С.—были встрѣчены болѣе чѣмъ сочувственно и охотно помѣщались на страницахъ дѣтскихъ журналовъ «Игрушечки», «Красныхъ Зорь», «Тропинки» и др. Но стремленіе передать все добытое, передуманное и выстраданное на пройденномъ тернистомъ пути не могло вылиться въ однѣхъ сказкахъ, для выраженія мыслей, переживаній мятущейся души и предъявляемыхъ къ жизни требованій. Прежде всего Н. Санжаръ угрожала та опасность, о которой пишетъ Анна: накипѣвшее могло въ самомъ дѣлѣ ее задушить, назрѣла необходимость кричать не въ подушку, а такъ, чтобъ ее могли услышать, и такимъ образомъ вылился въ «Запискахъ Анны» крикъ, правда, измученной, но большой и красивой «мятущейся» души».

Мы имѣемъ въ нашей литературѣ немало образцовъ мужского творчества самоучекъ, начиная съ Кольцова и кончая Максимомъ Горькимъ. Впервые въ настоящемъ случаѣ мы знакомимся съ женщиной-самоучкой, сдѣлавшей по-

пытку отвѣтить на модный нынѣ сексуальный вопросъ и отвѣтить фактами личной жизни, своими собственными переживаніями. Получился «крикъ души», и, какъ таковой со стороны женщины изъ народа, онъ заслуживаетъ особаго вниманія. Грубо и больно Санжаръ à la Горькій смазала нашу интеллигенцію по лицу грязной тряпкою и бросила вызовъ похоти и сластолюбію. Для анализа и регистраціи народной психологіи это явленіе любопытное.

Б. Г.

Н. О. Лернеръ. «Возстань, возстань, пророкъ Россіи». Стихотвореніе Пушкина. Стр. 12. Спб. 1910. Цѣна не обозначена.

За послѣдніе годы у насъ замѣчается усиленный интересъ къ Пушкину, ни одного нашего писателя не изучаютъ съ такимъ вниманіемъ и обстоятельностью, какъ Пушкина, каждый отдѣльный фактъ его жизни, каждое отдѣльное стихотвореніе вызываетъ спеціальныя изслѣдованія. Особенно много работаетъ надъ изученіемъ Пушкина Н. О. Лернеръ, который, несомнѣнно, является въ настоящее время однимъ изъ самыхъ лучшихъ изслѣдователей Пушкина. Въ своемъ новомъ небольшомъ изслѣдованіи («Пушкинъ и его современники», вып. XIII и отдѣльно Спб. 1910) Н. О. Лернеръ остановился на разсмотрѣніи вопроса о приписываемомъ Пушкину четверостишіи, которое нѣкоторые считаютъ первоначальной редакціей окончанія знаменитаго стихотворенія—«Пророкъ»; его Пушкинъ будто бы намѣренъ былъ вручить Николаю I при свиданіи съ нимъ послѣ ссылки 8 сентября 1826 года въ случаѣ неблагопріятнаго исхода его объясненія съ императоромъ. Четверостишіе слѣдующее:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись
И съ вервьемъ вкругъ смиренной выи
(варіантъ: Иди—и съ вервіемъ на выѣ)
Къ царю россійскому явись.

Это четверостишіе вызвало цѣлую литературу, о немъ писали Пятковскій, Ефремовъ, Спасовичъ, Черняевъ, Сумцовъ и др., но до сихъ поръ вопросъ не выясненъ—ни правдивость связанныхъ съ четверостишіемъ сообщеній, ни достовѣрность его, ни отношеніе къ «Пророку». Н. О. Лернеръ, тщательно изслѣдовавъ вопросъ, подвергнувъ критикѣ мнѣнія другихъ изслѣдователей, пришелъ къ выводу, что «ни съ совершеннымъ игнорированіемъ четверостишія, будто бы ложно приписаннаго Пушкину, ни съ включеніемъ его въ «Пророкъ» согласиться нельзя». Изъ всѣхъ высказанныхъ по этому поводу мнѣній наиболѣе близкимъ къ истинѣ изслѣдователь считаетъ мнѣніе проф. Сумцова, склоняющагося къ тому, что четверостишіе совершенно самостоятельный набросокъ.

Какъ и всѣ работы Н. О. Лернера о Пушкинѣ, это небольшое изслѣдованіе отличается тщательностью, обнаруживаетъ прекрасное знаніе литературы о Пушкинѣ. Серьезный изслѣдователь поэта не можетъ пройти мимо этой работы Н. О. Лернера.

Ф.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГДѢ НАХОДИЛИСЬ Содомъ и Гоморра.—До сихъ поръ берега Мертваго моря, о которомъ прошла худая слава, какъ о негостепріимномъ пристанищѣ, гдѣ мрутъ рыбы, распространяющемъ смертельно вредные пары, убивающіе деревья, были въ совершенномъ пренебреженіи, и не только туристы, но и ученыя экспедиціи туда не заглядывали. Только недавно два американскихъ профессора рѣшили ихъ изслѣдовать, и результаты своихъ изслѣдованій одинъ изъ нихъ, Эльсвортъ Гундингтонъ, изложилъ на страницахъ «Harper's Magazine».

Пріѣхавъ въ Константинополь, они приготовились отправиться въ Палестину для подробнаго ознакомленія съ берегами знаменитаго озера и для того захватили съ собой складную лодку. Но тамъ они узнали, что она для нихъ совершенно безполезна въ виду запрещенія навигаціи въ этомъ озерѣ. Имъ объяснили, что Мертвое море и Іорданская долина—собственность султана, который за высокую плату передалъ исключительное право навигаціи по озеру и рѣкѣ только двумъ лицамъ, одному еврею и одному арабу. Означенные концессіонеры запаслись паровымъ катеромъ въ десять лошадиныхъ силъ и тремя маленькими судами и успѣшно защищаютъ свои права. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ греческіе рыбаки построили нѣсколько судовъ, разсчитывая плавать на Мертвомъ морѣ, но добиться разрѣшенія имъ такъ и не удалось и построенныя суда остались гнить на берегу.

Предпріятіе обоихъ концессіонеровъ не представляетъ для нихъ большихъ выгодъ: рѣдко-рѣдко на ихъ паровомъ катерѣ покажется пассажиръ, а черезъ длинные промежутки времени имъ приходится перевозить грузъ

пшеницы изъ юго-западныхъ областей. Когда американцы хотѣли спустить въ воду свое судно, то имъ энергично воспретили. Только вмѣшательство американскаго посланника въ Константинополѣ положило конецъ спору и то не сразу. На авторитетное требованіе султана, сдѣланное въ приличной формѣ и вырванное у него американскимъ посланникомъ, эксплоататоры отвѣчали упорнымъ отказомъ, и только съ помощью вооруженной силы, въ лицѣ одного солдата, американцы добились возможности плавать сколько имъ угодно по Мертвому морю.

Главной цѣлью американскихъ ученыхъ было рѣшить задачу исторіи и топографіи, которая порождаетъ безконечные противорѣчивые выводы, а именно опредѣлить, была ли гибель Содома и Гоморры только легенда, гдѣ находились эти города и отчего они погибли. Авторъ статьи въ «Harper's Magazine» говоритъ, что одни поддерживаютъ мнѣніе, будто гибель этихъ городовъ—одна лишь легенда; другіе, что дѣйствительно они существовали и находились на сѣверѣ Мертваго моря и были уничтожены вспыхнувшей нефтью, какъ случается въ Техасѣ и Баку. Согласно третьей версіи, которой придерживается большинство, эти города находились не на сѣверѣ, а на южномъ берегу озера, съ чемъ согласны до сихъ поръ сохранившіяся арабскія традиціи. Только причиной гибели выставляется не вулканическая сила, какъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, а именно пожаръ нефти.

Эта система, по словамъ Эльсворта, ошибочна. Всѣ соглашались съ мнѣніемъ, что на мѣстѣ, столь близкомъ къ южной точкѣ озера, никогда не существовало никакого вулкана, чтобы текущая лава могла достичь обоихъ городовъ. Эльсвортъ Гундингтонъ критикуетъ этотъ старый предразсудокъ. «Я удивился, когда, при посѣщеніи развалинъ Сувайmexa,—говоритъ онъ,—мнѣ попались обломки лавы. Старый шейхъ, сопровождавшій меня, подтвердилъ, что мы находимся на мѣстѣ Содома и дѣйствительно названіе Сувайmexъ—искаженное имя разрушеннаго города. Я тотчасъ же принялся за поиски мѣста, откуда вытекала лава, и не замедлилъ открыть въ трехъ километрахъ отъ развалинъ маленькій вулканъ. Лава текла оттуда и, собираясь въ одномъ мѣстѣ, образовала возвышенность между Сувайmexомъ и Шувайромъ».

Такимъ образомъ вопросъ, порождавшій столько противорѣчій, рѣшенъ, и мѣстоположеніе Содома и Гоморры надо искать не на сѣверѣ, а на южной сторонѣ Мертваго моря. Развалины Сувайmexa открыли въ настоящее время пунктъ, гдѣ находился первый изъ этихъ городовъ; второй долженъ быть отъ него на небольшомъ разстояніи на той же сторонѣ, гдѣ находится возвышенность изъ накопившейся лавы отъ вулкана, изверженіе котораго не могло достичь Зоара, теперешняго Шувайра, защищеннаго, какъ завѣсой, холмами. Сюда удалился Лотъ прежде, чѣмъ войти въ знаменитую пещеру, которую американскимъ путешественникамъ тоже удалось найти. Конечно, теперь трудно узнать садъ Іеговы въ одной изъ самыхъ безплодныхъ и уединенныхъ областей прибрежья Мертваго моря, но съ библейскихъ временъ климатъ Палестины значительно измѣнился.

— Анналена.—Прекраснымъ образцомъ женской филантропіи можетъ послужить помѣщенный въ «Rassegna Nazionale» очеркъ синьоры Форти,

гдѣ она разсказываетъ объ одной итальянкѣ Анналенѣ (Анна-Елена) Малатеста, жившей въ XV вѣкѣ. Во Флоренціи, на лѣвомъ берегу Арно, находится кварталъ, не помѣщенный, однако, на офиціальномъ планѣ города и даже мало кому извѣстный изъ жителей праваго берега. Онъ прозывается кварталомъ Анналена и представляетъ цѣлую группу домовъ, во главѣ которой находится домъ съ большимъ и прекраснымъ садомъ, идущимъ террасами и украшеннымъ розами, жасминами, глициніями и лиліями. Синьору Форти заинтриговалъ этотъ садъ, и она спросила одну изъ жившихъ близъ этого квартала женщинъ: «чей этотъ домъ?» Въ отвѣтъ она услышала: «Анналены».—«Что это за Анналена?» спросила синьора Форти.—«Это имя одной почтенной дамы, почти святой, которая желала добра всему міру. Но это имя также дома и цѣлой группы домовъ. Да, ея имя дали мѣстности, гдѣ она когда-то проживала. Здѣсь она помѣщала всѣхъ несчастныхъ женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, заботилась о нихъ, утѣшала ихъ лучше, чѣмъ родная мать или сестра.

По странной ироніи судьбы, кроткая и нѣжная Анна-Елена принадлежала къ семьѣ Малатеста изъ Римини, самой воинственной во всей Италіи, вмѣстѣ съ Бальони изъ Перузы. Она происходила по прямой линіи отъ красавца Паоло, выведеннаго Данте въ его «Божественной Комедіи». Ея отецъ Галеотто Малатеста, графъ Вальдонніо, былъ, какъ почти всѣ мужчины въ этой семьѣ,—кондотьеромъ, а мать, Марія делли Орсини, также принадлежала къ воинственной расѣ, не знавшей узды своимъ страстямъ и нетерпѣнію. Отъ слиянія этихъ двухъ представителей кровожадныхъ расъ, вопреки теоріи наслѣдственности, неожиданно появилось въ 1426 г. нѣжное деликатное созданіе. Анна-Елена родилась въ Римини и очень рано лишилась матери. Отцу ея было некогда заботиться объ ея здоровьи и воспитаніи, и потому онъ отправилъ ее во Флоренцію къ Косьмѣ Медичи, который ее удочерилъ и оказывалъ нѣжное расположеніе. Очень юной, приблизительно лѣтъ 12, а по другимъ источникамъ 15, Анна-Елена вышла замужъ за мессира Бальдаччіо Ангвиллара, сеньора изъ Ангьера, кондотьера Флорентійской республики. Этотъ молодой римскій капитанъ, обворожительный красавецъ, храбрый и уже прославившійся своими военными талантами, былъ хорошей фамиліи, но очень бѣдный, и Косьма уже давно ему покровительствовалъ. Анна-Елена питала къ мужу самыя нѣжныя чувства и считала его образцовымъ мужемъ. Однако ихъ совершенное счастье часто прерывалось. Въ ту эпоху Флоренція находилась въ постоянныхъ войнахъ съ пизанцами, сіенцами, луккійцами и грознымъ Филиппомъ-Маріей Висконти, герцогомъ Милана, достойнымъ сыномъ страшнаго Джіованни Галеа, заставлявшаго всю Италію дрожать отъ его честолюбія и успѣховъ.

Послѣ каждой побѣды Бальдаччіо съ новыми лаврами возвращался на нѣсколько мѣсяцевъ къ женѣ въ подаренный Косьмой Медичи замокъ, садъ котораго привелъ въ восхищеніе синьору Форти. Тогда они задавали пышныя празднества, пиры и т. д. Это было время, когда Флоренція, богатѣвшая отъ обширной торговли, простирала свое могущество и великолѣпіе на всѣ страны до отдаленныхъ восточныхъ морей, и въ ея собственныхъ стѣнахъ эра Лаврентія Великолѣпнаго и Льва X воздвигалась на лонѣ роскоши и велико-

лѣпія. Всѣ богатыя семьи соперничали въ роскоши и помпѣ и, задавая пышныя празднества, полными пригоршнями швыряли золото, притекавшее въ изобиліи въ ихъ сундуки, благодаря торговлѣ шерстью и флорентійскими шелковыми тканями.

Бальдаччіо командовалъ отрядомъ противъ войска герцога миланскаго, но въ большой битвѣ, которая произошла 20-го іюня 1440 года въ его владѣніяхъ въ Ангіерѣ, не участвовалъ. Пиччини, командовавшій миланскими отрядами, двинулся до самаго Ангіера, прочищая проходъ на Ламонскихъ возвышенностяхъ, защищаемыхъ Бальдаччіо. Послѣдній защищался побѣдоносно, но постыдное предательство флорентійскаго комиссара Орландини открыло Пиччини проходъ Маради. Хотя флорентійцы и одержали побѣду надъ нимъ, поправивъ ошибку Орландини, но Бальдаччіо, возмущенный подлостью комиссара, осыпалъ его угрозами и донесъ въ сеньорію. Результатомъ доноса явилось назначеніе этого комиссара гонфалоньеромъ правосудія, самая высокая должность, какъ бы президентъ Флорентійской республики. Теперь у Бальдаччіо былъ смертельный врагъ, да еще въ лицѣ главы государства, и единственный его покровитель, могущественный Косьма Медичи, ему болѣе не только не покровительствовалъ, но, напротивъ, готовъ былъ вредить. Причина перемѣны ихъ отношеній была борьба за вліяніе старика Кома и Нери Капони: неосторожный Бальдаччіо горячо принималъ сторону послѣдняго. Медичи взглянулъ на этотъ шагъ какъ на измѣну, которой онъ не могъ ему простить. Пользуясь отъѣздомъ Капони въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Венецію, Комъ рѣшили отдѣлаться отъ опаснаго кондотьера. Синьора Форти защищаетъ мужа Анналены и говоритъ, что Комъ не участвовалъ въ измѣнѣ и виновникъ одинъ Орландини. Историкъ Сисмонди тоже защищаетъ его, но другой историкъ Перренсъ представляетъ Бальдаччіо человѣкомъ способнымъ на все, два раза приговореннымъ къ смерти за нарушеніе общественнаго права, разбойникомъ съ большой дороги и убійцей. Болѣе того, онъ говоритъ, что предъ кончиной Бальдаччіо былъ готовъ покинуть Флоренцію и поступить на службу къ ея врагамъ, чего нельзя простить флорентійскому гражданину. 6-го сентября 1441 г. по приказу сеньоріи его потребовали въ Старый Дворецъ. Едва онъ вошелъ, какъ увидѣлъ, что девять солдатъ готовы броситься на него и связать. Бальдаччіо пытался защищаться, но неудачно и, размахивая кулаками, добрался до окна и выбросился изъ него; по всей вѣроятности, онъ уже пересталъ дышать, когда палачъ отрубилъ ему голову.

Послѣ болѣе двухлѣтняго наслажденія счастливой и безпечной жизнью къ Аннѣ-Еленѣ подкралось горе, но этотъ ударъ она перенесла съ христіанскимъ смиреніемъ. Увѣренная въ невиновности мужа, она всѣми силами старалась убѣдить въ этомъ согражданъ и обѣлить по возможности его память. При помощи архіепископа флорентійскаго ей удалось добиться разрѣшенія перевезти его останки въ Святую Землю и послѣ пятилѣтняго судебнаго процесса добиться, чтобы вернули ея сыну конфискованныя имѣнія. Въ этомъ ей помогъ Косьма Медичи.

Черезъ девять лѣтъ новая катастрофа постигла Анну-Елену: ея девятилѣтній сынъ погибъ во время эпидеміи чумы, свирѣпствовавшей въ томъ году во Флоренціи. Теперь ничто не связывало Анны-Елены съ земнымъ существованіемъ; но она не прибѣгла къ самоубійству, а вполнѣ предалась служенію ближнему. Свой дворецъ, еще недавно славившійся весельемъ и пирами, она предоставила угнетеннымъ, бѣднымъ, оскорбленнымъ женщинамъ. Всѣ несчастныя обитательницы Флоренціи, какого бы рода ни было ихъ горе и каково бы ни было ихъ соціальное положеніе, аристократки или падшія, въ ея глазахъ не имѣли различія: для нея это были только несчастныя женщины, и онѣ всѣ одинаково находили себѣ радушный пріемъ въ ея домѣ. Богатыя или бѣдныя, невинныя или виноватыя, всѣ, для кого жизнь оказалась жестокой, всѣ оставшіяся одинокими на свѣтѣ, сироты, вдовы, матери, оплакивавшія своихъ дѣтей, покинутыя жены, брошенныя любовницы, дѣвушки изъ низшаго класса безъ средствъ и поддержки—всѣхъ Анна-Елена принимала съ распростертыми объятіями въ своемъ Ангвилларскомъ дворцѣ. Онѣ жили у нея безвозмездно, сколько хотѣли, она нѣжно, деликатно и съ невинной добротой утѣшала ихъ и возвращала имъ мужество, довѣріе, силу воли, и онѣ покидали ея дворецъ другими людьми, перерождавшимися и готовыми къ новой жизненной борьбѣ.

Вскорѣ «домъ Анналены» оказался слишкомъ тѣснымъ для всѣхъ являвшихся къ ней несчастныхъ, тѣмъ болѣе, что она желала предоставить имъ просторное комфортабельное помѣщеніе Одинъ за другимъ были куплены всѣ сосѣдніе дома и совершенно передѣланы. Одинъ изъ домовъ предназначался для больницы, другой превратился въ часовню, украшенную рѣдкими произведеніями искусства и живописью.

3-го марта 1490 г. Анна Малатеста скончалась. Ея пріютъ существовалъ 46 лѣтъ послѣ ея смерти при тѣхъ же условіяхъ, какъ и раньше. Онъ былъ открытъ для всѣхъ, и женщинамъ не выставлялось стѣснительныхъ и скучныхъ правилъ носить извѣстнаго покроя платье, не требовалось никакихъ обѣтовъ, ни соблюденія никакихъ узкихъ правилъ, и попрежнему женщины проживали тамъ, сколько хотѣли. Домъ Анналены пользовался глубокимъ уваженіемъ флорентійцевъ и его считали самымъ неприкосновеннымъ пріютомъ, а потому въ 1503 г. знаменитая Катерина Сфорца, жена Джіованни Медичи, помѣстила туда своего младшаго сына, будущаго «Джіованни черной банды», котораго ея деверь Лаврентій хотѣлъ оттуда вырвать въ силу несправедливаго присужденія передачи правъ попеченія о немъ отъ матери къ дядѣ.

Къ сожалѣнію, это симпатичное убѣжище, не носившее на себѣ печати офиціальности и казенщины, всегдашняго пугала для женщинъ, находящихся подъ гнетомъ горя и нравственныхъ обидъ, не могло вѣчно существовать безъ Анны-Елены, питавшей его своей любовью. Съ 1536 г. число желавшихъ попасть туда уменьшилось, а оставшіеся пансіонерки надѣли на себя монашескія покрывала, и убѣжище Анналены превратилось въ холодный, офиціальный пріютъ-монастырь св. Винцента. Такъ покончило свое существованіе привлекательное по своей идеѣ убѣжище для нравственно страдающихъ.

Синьора Форти въ своей передачѣ допускаетъ историческія неточности, перепутывая эпохи существованія нѣкоторыхъ историческихъ личностей, а также историческіе факты.

— Современная польская литература.—Въ Европѣ и особенно во Франціи, по словамъ Леблона, сложилось мнѣніе, что польская нація умственно и нравственно доживаетъ послѣдніе дни и ея жизнь принимаютъ за послѣднія предсмертныя конвульсіи. На самомъ же дѣлѣ, по его увѣреніямъ, она не только существуетъ, а возродилась, какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи и Австріи, и обязана этой эволюціей единственно польскому характеру. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ ни въ одной націи не произошло болѣе сильной эволюціи какъ въ польской. Въ Краковѣ одинъ поэтъ сказалъ Леблону: «Увидите, что мы нація, которая ищетъ характера. И это потому, что намъ болѣе недостаточно пережитія, намъ надо торжество. Мы уже слишкомъ долго находились въ рабствѣ, надо же намъ выйти изъ этого положенія. Мы дали себѣ отчетъ, что ничего не добьемся посредствомъ какихъ-нибудь возстаній, но всего можемъ достичь черезъ постоянное хладнокровіе и сопротивленіе. Имъ нужна большая стойкость; до сихъ поръ насъ спасала вѣра, которую мы хранимъ, въ догматъ исторіи, что никогда народъ, выше стоящій въ умственномъ и нравственномъ развитіи, окончательно не поглотится народомъ ниже его по развитію. Три націи, расчленившія насъ, гораздо ниже насъ: мы не будемъ поглощены. Важно только не терять этого высшаго развитія, намъ надо достичь цивилизаціи высшей, чѣмъ у нашихъ угнетателей. Вотъ почему мы развиваемъ до крайности нашу національную культуру. Сами матери водятъ мальчиковъ и дѣвочекъ къ памятникамъ нашихъ старыхъ священныхъ городовъ, повторяя имъ съ малыхъ лѣтъ уроки гражданственности. Прежде сынъ поляка кутилъ, и родители не обращали на это вниманія; затѣмъ поступалъ на службу и бездѣльничалъ, а теперь родители заставляютъ дѣтей научиться независимому искусству, потому что хотятъ сдѣлать изъ нихъ людей полезныхъ родинѣ, индивидуумовъ, повторяю, характеры».

По наблюденіямъ Леблона, поляки прилагаютъ нечеловѣческія усилія для возрожденія польскаго темперамента. Нравственной пружиной польской націи всегда была вѣра: теперь она хочетъ добыть силу, организовать сопротивленіе черезъ здоровье, дать своему патріотизму мускулы. Это уже не будетъ нація какую себѣ представлялъ Мишлэ, «не только вѣрующая, но суевѣрная, всю жизнь влюбленная, быть можетъ, химерическая, съ романтичнымъ умомъ, ложнымъ или настоящимъ величіемъ». Напротивъ, теперь полякъ таковъ, какимъ, Сенкевичъ представилъ польскаго патріота—холодно-разсудочнымъ, съ благоразумными идеями и вѣрнымъ взглядомъ. Поляки взяли себѣ программой быть экономистами и юристами прежде, чѣмъ сдѣлаться политиками.

Естественными воспитателями народа являются, конечно, писатели. Поэтому приведемъ статью также г-жи Раковской о современной польской литературѣ, взявшей себѣ, по словамъ Леблона, идеаломъ—позитивизмъ.

Указывая на обстоятельства, мѣшающія развитію польскаго искусства, она говоритъ, что подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ ему болѣе или менѣе приходится служить общественной пользѣ. Въ прошедшіе вѣка лучшіе польскіе пи-

сатели воодушевлялись чувствомъ исполненія соціальной миссіи. Сознавая, какая опасность грозитъ свободному развитію страны и колеблетъ самую основу ихъ существованія, равно предупрежденные объ опасности, грозящей въ будущемъ, они великодушно отдались народному дѣлу и предоставили свои таланты на служеніе необходимости. Поэтому польская литература того времени хотя богата и прекрасна, но въ ней рѣдко попадаются чисто-художественныя произведенія, уступившія мѣсто энергичному призыву къ дѣятельности, критикѣ существующихъ порядковъ и т. д.

XIX вѣкъ, когда столько воскресало надеждъ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ замереть въ печальныхъ неудачахъ, сохранилъ въ литературныхъ произведеніяхъ свойственный этому настроенію тонъ. Лира великихъ романтичныхъ поэтовъ въ національныхъ несчастіяхъ и мечтахъ о потерянной свободѣ черпала свой самый захватывающій тонъ. Индивидуальная драма въ ихъ произведеніяхъ смѣшивалась съ драмой коллективныхъ страданій. Страдающая душа лишеннаго свободы народа послужила источникомъ героическаго и возрождающаго вдохновенія, вносившаго живительную кровь въ національный организмъ, подверженный притѣсненіямъ во всякой формѣ. «Быть можетъ, сознательная энергія поэзіи,—говоритъ г-жа Раковская,—никогда не проявлялась съ большей силой. Она вливала надежду въ ослабѣвшія сердца и укрѣпляла ихъ противъ испытаній дѣйствительности».

Во второй половинѣ XIX вѣка польская литература, хотя и перенесла свое дѣйствіе на слишкомъ узкую территорію неотложныхъ интересовъ, но она всетаки развивалась подъ тѣмъ же знаменемъ національной защиты. Несчастія 1863 года заставили ее еще болѣе усилить эту роль. Естественно, подобное положеніе часто вредно отзывалось на цѣляхъ искусства и извращало идеи какъ у авторовъ, такъ и у читателей въ массѣ. Крупнымъ талантамъ не всегда удавалось избѣгать западни, подстерегавшей ихъ на пути тенденціозной литературы. Другимъ удавалось избѣжать ея, благодаря тому, что они отклонялись къ разнообразнымъ задачамъ соціальнаго зла. «Впрочемъ,—говоритъ г-жа Раковская,—невозможно совершенно отъ нея отклониться въ одну изъ самыхъ критическихъ эпохъ изувѣченному народу, лишенному всего, что обезпечиваетъ нормальную эволюцію цивилизованной страны».

Писатель прежде всего—воспитатель народа. Въ теченіе долгаго періода принципъ принесенія общественной пользы переполнилъ литературу до пресыщенія. Дошли до того, что осуждали всякій порывъ фантазіи, способный породить иллюзіи, считавшіяся опасными съ точки зрѣнія необходимости сохраненія національности. Съ другой стороны, нѣкоторымъ сочиненіямъ придавалось значеніе настоящихъ событій въ жизни народа, и они вызывали продолжительные споры и обсужденія со стороны критическихъ и интеллектуальныхъ кружковъ. Такъ было съ нѣкоторыми романами Сенкевича и Пруса. Многочисленныя и сильныя сочиненія г-жи Ожешко, всѣ проникнутыя воспитательной тенденціей, служили предметомъ подобныхъ же комментаріевъ, также какъ и поэтическія произведенія г-жи Конопницкой, вѣрной возвышенному демократическому идеалу и возмущавшейся противъ соціальныхъ несправедливостей.

Подобное чрезмѣрное поглощеніе искусства педагогическими и полезными элементами вызвало въ литературѣ и искусствѣ реакцію. Они потребовали обратно свои права на самостоятельное существованіе и избрали цѣлью единственно только эстетическое выраженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся вопросъ и о формѣ, которая часто находилась въ пренебреженіи, какъ это случается у поколѣнія, жившаго подъ обаяніемъ исключительно общественнаго долга. Впрочемъ, г-жа Раковская признаетъ, что эта реакція произошла по большей части подъ вліяніемъ теченій, обновившихъ интеллектуальную и артистическую атмосферу Западной Европы этой эпохи.

Въ означенномъ движеніи, преобразовавшемъ со многихъ точекъ зрѣнія физіономію польскихъ литературныхъ произведеній, главную роль игралъ поэтъ Миріамъ (З. Пжемысскій), сгруппировавшій вокругъ основаннаго имъ литературнаго журнала «Chimera» много молодыхъ талантовъ, боровшихся за тотъ же художественный идеалъ, вѣрнымъ борцомъ за который былъ и остался самъ Миріамъ. «Но,—говоритъ г-жа Раковская,—чувство возмущенія, внушенное ему и его ученикамъ тираническимъ вторженіемъ жизни въ область эстетики, справедливое въ своемъ принципѣ, довело ихъ до непримиримости и исключительности. Опасаясь, что дѣйствительность исказитъ творческую работу, они отступили отъ реальности слишкомъ абсолютнымъ образомъ, ставъ не выше жизни, а внѣ ея. Поэтому въ ихъ поэмахъ не чувствуется движенія ихъ чувствъ. По счастью, большинство польскихъ писателей не доходятъ до этой крайности. ихъ произведенія связаны съ жизнью и въ то же время привязаны къ расѣ. Они болѣе не находятся подъ тираническимъ подчиненіемъ необходимости даннаго момента безъ того, чтобы соціальная нота, звучащая во всѣ эпохи интеллектуальнаго развитія поляковъ, совершенно исчезла. Она измѣняетъ выраженіе, смѣшивается въ различныя формы и не заглушаетъ болѣе другихъ звуковъ, хотя тѣмъ не менѣе часто возвращается.

Притѣсненія, тяготѣющія надъ національной жизнью поляковъ, все болѣе и болѣе стягивающія свои оковы въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, не могли ослабить творческихъ силъ поляковъ. Самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ богатства молодой польской литературы служитъ цѣлая плеяда писателей, одаренныхъ оригинальностью. Подкрѣпившись въ источникахъ идеализма-возродителя, они дали изобиліе сильныхъ произведеній, въ то же время свидѣтельствуя и о глубокой заботѣ по отношенію художественной передачи. Подъ перомъ лучшихъ изъ нихъ, польскій языкъ обогатился болѣе выразительнымъ образомъ, чѣмъ это сдѣлали въ предыдущія эпохи лучшіе польскіе писатели. Онъ сдѣлался призывнымъ, побудительнымъ и чудно-гибкимъ, украсившись красотами, какихъ до сихъ поръ и не подозрѣвали.

Для выраженія новыхъ состояній души и чувствъ зачинщики современнаго польскаго литературнаго движенія создали, по выраженію г-жи Раковской, безподобный словесный инструментъ съ неслыханными еще гармоническими тональностями безконечныхъ оттѣнковъ, прибѣгая то къ забытымъ богатствамъ языка, то смѣло вырабатывая новыя выраженія. Жеромскій, Выспянскій, Реймонтъ, Каспровичъ, Штаффъ, Мичинскій, Пшебышевскій въ своихъ поэмахъ въ прозѣ показали обширный запасъ рессурсовъ польскаго языка.

Затѣмъ особенно поражаетъ въ этихъ новыхъ писателяхъ разнообразіе художественныхъ темпераментовъ, благодаря чему зрѣлище жизни разсматривается ими съ различныхъ сторонъ; одинаково разнообразна и манера передачи ихъ впечатлѣній. Различіе ихъ личностей обрисовывается очень ясными контурами, и если меланхолія, замѣтно вплетающаяся въ нить польской мысли, изгоняетъ изъ нея смѣхъ, окутывая своей тѣнью самыя значительныя литературныя произведенія, то она совершенно мѣняетъ свою внѣшность, согласно различнымъ творческимъ физіономіямъ.

Г-жа Раковская приводитъ имена нѣкоторыхъ изъ выдающихся писателей, прежде всего беллетристовъ, а затѣмъ поэтовъ. Изъ первыхъ, занимающихъ самое видное мѣсто, она называетъ: Жеромскаго, Даниловскаго, которые среди другихъ соціалистовъ-романистовъ кажутся романтическими, Пшебышевскаго, Реймонта, а затѣмъ перечисляетъ нѣсколько первостепенныхъ: Берента, Грабовскаго, Леманскаго, Коржика и проч.

Жеромскій, по выраженію автора, страстный лирикъ, алчущій страданій, весь проникнутый скорбью, съ душой, трепещущей при видѣ всеобщаго зла и множества страданій своей страны. Онъ былъ и будетъ безконечно близокъ поколѣнію, которое слышитъ въ его сочиненіяхъ раздающіеся самые глубокіе стоны его собственнаго горя и продолжительныя эхо его страданій. Онъ передаетъ ихъ своеобразной прозой, являющейся смѣсью ѣдкой ироніи и чуткой сострадательности. Иногда растянутый, онъ умѣетъ передавать сжато минуты высшаго душевнаго волненія: тогда его слова глубоко западаютъ, какъ рыданіе, въ самыя свѣже наболѣвшія раны польскаго читателя. Правда, у него не всегда выяснены причины психологическаго развитія, согласно которому располагается дѣйствіе романа. Онъ не владѣетъ также искусствомъ композиціи, и эта слабая сторона его таланта особенно замѣтна въ пространныхъ сочиненіяхъ, напримѣръ: въ «Пеплѣ», «Исторіи грѣха». Прерывая нить конструкціи, Жеромскій иногда бросаетъ главныхъ личностей и останавливается на случайныхъ эпизодахъ, часто ко вреду внѣшней гармоніи цѣлаго. Тѣмъ не менѣе его романы прекрасны, сплочены внутреннимъ единствомъ, которое придаетъ имъ индивидуальность писателя, страдающаго передъ задачей зла и преслѣдуемаго этимъ скорбнымъ видѣніемъ.

Г-жа Раковская обходитъ молчаніемъ радикальныхъ позитивистовъ Болеслава Пруса и Святохововскаго, раздѣляющаго самыя крупные лавры вмѣстѣ съ Сенкевичемъ и ведущаго неустанный походъ противъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы главнымъ образомъ воспламенить, выработать и усилить чувства, въ то время, какъ другіе народы развиваютъ прежде всего науку и волю. Онъ противопоставляетъ въ своихъ «Куклахъ» романтизму на старый ладъ современный типъ спекулятора и коммерсанта.

Тѣ же страданія, пустившія корни въ нравственномъ несчастіи окружающей стихіи, одинаково гипнотизируютъ и Даниловскаго. Его романъ «Прошедшіе дни» показываетъ читателю оттѣнки впечатлительности, установившіе между нимъ и Жеромскимъ нѣкоторое сходство. Они становятся слабѣе въ его слѣдующей книгѣ «Ласточки». Даниловскому незнакома та порывистая страстность, съ какою Жеромскій упивается страданіями, неустанно оживляя муки свои и

читателя. Въ деликатно-сдержанномъ талантѣ Даниловскаго за меланхоліей скрывается ясное спокойствіе, которое, однако, умѣетъ съ увѣренностью обнаружить драматическій элементъ у людей и рокъ, который толкаетъ къ ихъ судьбѣ нѣкоторыя трагическія по своей сущности натуры.

Крупный талантъ Пшебышевскаго имѣетъ связь со многими польскими сильными авторскими талантами по своей живой скорби. Одно время этотъ писатель подвергся болѣе всѣхъ писателей нападкамъ, но и вызывалъ наибольшій восторгъ. Онъ возбуждалъ умы отъ охватывавшей ихъ нравственной спячки, стряхивая бездѣятельность съ однихъ, вовлекая другихъ въ борьбу, начинаемую ими на почвѣ философской и эстетической. Отдавая должное таланту Пшебышевскаго, г-жа Раковская замѣчаетъ у него и недостатки, какъ, напримѣръ, противорѣчія между его убѣжденіями и ихъ осуществленіемъ. Дѣлая изъ человѣка безсильную игрушку, слѣпое орудіе разрушительной силы, Пшебышевскій въ то же время приговариваетъ его къ искупленію ошибокъ, въ которыхъ самъ же онъ считаетъ его виноватымъ помимо его воли. Кромѣ того, прославляя жизнь души и требуя искусства пересоздать ее въ самыхъ ея интимныхъ проявленіяхъ, онъ видитъ исключительно только жизнь инстинкта. Но нѣкоторыя изъ его поэмъ въ прозѣ, между прочимъ «Море», даютъ читателю прекрасный вопль страданія и восхитительныя видѣнія, переданныя блестящей словесной симфоніей. Въ романахъ Пшебышевскаго на многихъ страницахъ проявляются его художественныя силы. Его пьесы «Золотой кубокъ», «Снѣгъ» и «Гости» производятъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе могучей драматической конструкціей наконецъ, самъ человѣкъ со всѣми муками истерзанной души остается однимъ изъ самыхъ поражающихъ литературныхъ типовъ въ Польшѣ.

Совершенно иное представляютъ какъ личность Реймонта, такъ и его произведенія. Одаренный самопроизвольнымъ воображеніемъ, преисполненный горячаго порыва, онъ прежде всего увлеченъ, не желая въ этомъ сознаться, простой здоровой жизнью. Эта естественная склонность его таланта опредѣляетъ границы его творческаго полета. Каждый разъ, какъ этотъ писатель хочетъ ихъ переступить, онъ дѣлается ниже самого себя. И это еще при условіи привлекательности, благодаря силѣ его колорита и свѣжести тоновъ. Ему болѣе, чѣмъ какому-нибудь другому писателю, не удаются изслѣдованія механизма современной души и ея сложныхъ страданій. Тѣмъ не менѣе онъ пробуетъ здѣсь свои силы, уступая побудительному импульсу литературной среды. По счастію, вѣрное чутье приводитъ его всегда къ тому роду произведеній, гдѣ онъ лучше можетъ себя показать. Но даже здѣсь онъ не избѣгаетъ преувеличенія.

Кипящій въ немъ преизбытокъ жизни придаетъ его сочиненіямъ характерность и въ то же время служитъ для него постоянной опасностью. Влеченіе къ романтичной грубости его героевъ, впрочемъ, совсѣмъ поверхностно, многіе изъ нихъ эволюціируютъ во время существованія со слишкомъ неумѣренной энергіей, что противно требованіямъ мѣры, какъ, напримѣръ, въ «Комедіанткѣ», «Обѣтованной землѣ». Но всѣ эти недостатки, однако, исчезаютъ въ «Крестьянахъ»—его образцовомъ произведеніи, гдѣ красота, пластичность, уравновѣшенность подробностей, сосредоточеніе силы въ картинѣ страстей—все дѣлаетъ

изъ четырехъ книгъ этой эпопеи земли самое замѣчательное произведеніе современной польской литературы.

Особое мѣсто отводитъ г-жа Раковская писателю Сѣрошевскому —художнику сибирской тайги и тюремныхъ пытокъ. Четырнадцатилѣтнее пребываніе Сѣрошевскаго въ землѣ изгнанія познакомило его съ безпомощнымъ отчаяніемъ, съ ужасами и жестокостями этого существованія, не поколебавъ, однако, его стоическаго оптимизма, который вооружалъ его устойчивостью въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ. Борецъ съ высокимъ идеаломъ справедливости, вѣрящій при самомъ сильномъ противодѣйствіи въ осуществленіе будущаго соединяется въ Сѣрошевскомъ съ художникомъ, рисующимъ картины чистой художественной красоты. Никто до него не сумѣлъ, говоритъ г-жа Раковская, съ такимъ мастерствомъ представить вызывающіе тоску по родинѣ сибирскіе пейзажи и показать такимъ привлекательнымъ образомъ полярную природу, суровую какъ относительно человѣка, такъ и относительно его трудовъ. Чудесныя описательныя свойства Сѣрошевскаго, придающія его книгамъ особую привлекательность, обезпечиваютъ имъ долгое существованіе. Кромѣ того, онѣ глубоко волнуютъ сердце читателя тѣмъ горячимъ потокомъ человѣколюбія, какой пробѣгаетъ на каждой страницѣ.

Упомянутые авторы уже прославились за границей своей родины, и г-жа Раковская знакомитъ иностранцевъ съ именами первоклассныхъ писателей, еще неизвѣстныхъ тамъ. Среди нихъ человѣческимъ сердцевѣдцемъ и душевѣдцемъ, по ея словамъ, вполнѣ можетъ считаться Берентъ, съ своимъ романомъ «Гниль», Новашинскій, уже давно привлекающій къ себѣ своими парадоксами и сатирическимъ вдохновеніемъ памфлетиста. Его «Царь Дмитрій» капитальная вещь. Въ ней онъ съ удивительной силой внушенія создалъ атмосферу той эпохи и придалъ своимъ картинамъ чудное богатство колорита. И на этомъ фонѣ онъ выдѣлилъ персонажей этой страстной и странной драмы съ замѣчательной характеристикой русскихъ бояръ и польскихъ магнатовъ, группирующихся вокругъ центральной фигуры нервнаго, колеблющагося, нерѣшительнаго, съ внезапными порывами энергіи и неожиданнымъ уныніемъ, захваченнаго западной цивилизаціей, но по инстинкту варвара-царя Дмитрія, нарисованнаго рукою мастера.

Историческія драмы привлекаютъ къ себѣ и Грабовскаго съ его разнообразнымъ и основательнымъ талантомъ и независимаго въ литературной средѣ. Не менѣе своеобразенъ Леманскій, иронистъ подъ внѣшностью равнодушія, скрывающій интимныя движенія души, приводящій въ своихъ сказкахъ въ прозѣ и стихахъ смѣшныя и трагическія стороны, прикрывающія внѣшность людей и предметы. Коржикъ занимаетъ то же мѣсто, какъ и Леманскій, но въ его «Дитя салона», взбалмошномъ и безпорядочномъ произведеніи, которое тѣмъ не менѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе, уже виденъ преизбытокъ лиризма.

Въ польской современной литературѣ только изрѣдка раздается смѣхъ. Молодой поэтъ Макушинскій недавно напечаталъ въ прозѣ «Веселыя вещи», которая оправдываетъ свое названіе; но и здѣсь слышится нотка скорби. Поэтъ Першинскій обладаетъ гибкимъ и красочнымъ талантомъ, который онъ беззаботно растрачиваетъ, забавляясь также осмѣиваньемъ мелочности и дурныхъ сторонъ своихъ современниковъ.

Конечно, въ этомъ краткомъ перечнѣ г-жа Раковская не приводитъ большинства польскихъ юмористовъ. Точно также она вскользь говоритъ о польскихъ писательницахъ, приведя имена лишь самыхъ первоклассныхъ какъ г-жа Налковская, обѣщая поговорить подробнѣе въ слѣдующій разъ, какъ о поэтахъ, такъ и о женщинахъ-писательницахъ. Она упоминаетъ лишь о роли Выспянскаго въ польскомъ поэтическомъ возрожденіи и Каспровича. О Выспянскомъ она распространяется очень мало, поэтому приведемъ слова Леблона. Лирикъ Выспянскій одна изъ самыхъ выразительныхъ фигуръ завоеваннаго народа. Его сценическія поэмы—само пламя и лихорадка. Въ нихъ онъ дѣлаетъ горячую сатиру на прежнее польское мышленіе: «Напрасное созерцаніе прошлаго, любовь къ пустымъ безсмысленнымъ фразамъ, рутина безъ мысли, анемія воли. Въ своей драмѣ «Освобожденіе» онъ пишетъ противъ всего, что осталось высокопарнаго въ соціальной жизни новой Польши: протагонистомъ этого явился Конрадъ Мицкевичъ, подъ новой формой воскресшій для освобожденія націи, чтобы дать ей толчокъ къ дѣятельности проклятіемъ: «Прочь пошла, поэзія! Ты не что иное, какъ тиранъ»!

По ея словамъ, послѣдовательный этапъ подъема Каспровича на высокія вершины поэзіи произошелъ чрезвычайно интересно. Его талантъ проявился не сразу. Эволюція формы произошла у него параллельно съ кристаллизаціей его личности. Сначала эта грубая форма оскорбляла утонченныхъ знатоковъ своей небрежностью, но мало-по-малу она сгустилась въ мощный языкъ съ грандіозными образами захватывающей гармоніи. Трагедія внутренней борьбы человѣческихъ существъ, интимной размолвки между принципомъ зла и болѣе благороднымъ полетомъ ума, между призывами инстинкта и муками внутренняго усовершенствованія выразилась въ поэмѣ Каспровича за послѣдній творческій періодъ сосредоточенною силой и религіознымъ волненіемъ, заставляющимъ думать о ветхозавѣтныхъ пророкахъ. Это поэтъ страданій: «Изъ страданій родилась любовь и плодовитость», говоритъ онъ.

Совершенно иными качествами очаровываетъ поэтъ Штаффъ, начиная съ своихъ многообильныхъ сонетовъ до поэтическихъ драмъ. Его поэмы проникновенно чаруютъ и спокойно благородны. Ихъ формы въ полномъ согласіи съ мыслью. «Жизнь не должна быть счастливая, но героическая»—вотъ выводъ его большой драмы «Панъ Твардовскій». Героизмъ, по его мнѣнію, состоитъ въ настоящее время въ трудѣ, который онъ прославляетъ въ «День души»: «Не черезъ революцію,—говоритъ онъ,—надо быть героическимъ, а черезъ ежедневное проявленіе воли; это — героизмъ стойкости, постоянства и хладнокровія, закаленныхъ въ гоненіяхъ».

Особое мѣсто г-жа Раковская отводитъ въ польскомъ литературномъ движеніи Ланжу. Это поэтъ интеллектуальнаго анализа, вѣрящій въ свои силы и вкладывающій въ свои сочиненія весь запасъ ученой техники, которую онъ скопилъ продолжительнымъ изученіемъ риѳмъ и стихосложенія. Такая виртуозность часто вредитъ этому поэту, увлекая его въ поиски за новыми словами и разнообразными формами въ ущербъ силѣ эмоціи. Тѣмъ не менѣе у него есть собраніе поэмъ, гдѣ это пламя блещетъ съ силой, говоря объ одушевленіи и отчаяніи цѣлаго поколѣнія. Хотя г-жа Раковская признаетъ, что ихъ вдохнули ему Малармэ

и символисты, но добавляетъ: и трагическая судьба его отечества. Думаю, говорить она, что трудно найти болѣе знаменательный примѣръ постояннаго возвращенія національной нотки въ польскихъ писателяхъ.

Другой поэтъ, Мицинскій, съ каждымъ новымъ произведеніемъ выказываетъ сильную художественную индивидуальность, которая завоевала ему передовое мѣсто среди молодыхъ польскихъ поэтовъ. Трудно точно опредѣлить его талантъ. До сихъ поръ онъ далъ безпорядочныя сочиненія и часто несуразныя по внезапнымъ скачкамъ его мысли, непредвидѣннымъ его бросаніямъ. Но какъ бы эти сочиненія ни были неровны, они все-таки заключаютъ поэтическія красоты, рѣдкія по сущности, которыя позволяютъ ожидать съ довѣріемъ окончательнаго развитія его таланта.

Въ польской поэзіи, живой и восхитительной по вдохновенію, есть много любопытныхъ фигуръ, какъ: Ридель съ его одушевленнымъ лиризмомъ; Тетмайръ съ его «Горными сказками», покоряющими васъ своей прелестью, Орканъ, г-жи Завитовская, Бржозовская, Марциновская и Вольская, заслуживающія большого вниманія. Но о нихъ г-жа Раковская еще будетъ говорить.

Въ заключеніе можно сказать, что Польша еще жива и будетъ жить, жить во что бы то ни стало; и для этого надо силы и здоровье. По словамъ директора краковской академіи художествъ: «Фанатическіе консерваторы польскаго патріотизма строго порицали того, кто сбросилъ древнюю каменную корону, окружавшую еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Краковъ, чтобы замѣнить этимъ поясомъ зелени, который, какъ вы видѣли, служитъ общественнымъ садомъ для всѣхъ городскихъ кварталовъ. Нашимъ дѣтямъ нужно жить на чистомъ воздухѣ по крайней мѣрѣ столько же, какъ и среди камней... До сихъ поръ мы дошли до такой анеміи, что хотѣли жить только среди нашего прошедшаго и дышать только запахомъ развалинъ. Да, хорошая вещь мечта! Но что мы можемъ сдѣлать безъ физической энергіи. Безъ мускульнаго авторитета нашъ патріотизмъ будетъ лишь донкихотствомъ. Мы реставрируемъ нашъ древній замокъ Вавель, но намъ надо реставрировать также нашъ собственный темпераментъ. Знаете ли, чѣмъ мы должны быть?—націей, ищущей здоровья»! Итакъ, лозунгомъ всѣхъ поляковъ служитъ теперь: «Здоровье, силы и богатство»!

— Фанни Эльслеръ.—27-го іюля исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія знаменитой вѣнской танцовщицы Фанни Эльслеръ, хорошо знакомой петербуржцамъ той эпохи, сходившимъ по ней съ ума. Пользуясь ея біографіей, недавно появившейся въ Парижѣ, Эрарда и воспоминаніями графа Прокешъ-Остена, очертимъ характеристику этой талантливой «земной»—танцовщицы въ противоположность «небесной»—Тальони. Эльслеры были уроженцы Кислингена въ Силезіи. Около половины XVIII вѣка они перебрались въ Венгрію, въ Эйзенштадтъ, гдѣ находилось имѣніе графа Эстергази. Богатый магнатъ имѣлъ собственный оркестръ, которымъ дирижировалъ Гайднъ. Іосифъ Эльслеръ былъ приглашенъ княземъ Николаемъ Эстергази въ качествѣ переписчика нотъ, а также для услугъ Гайдну. Творецъ симфоній его полюбилъ и даже былъ свидѣтелемъ при заключеніи брачнаго контракта, когда въ 1776 г. Эльслеръ женился на дочери мелкаго торговца желѣзными и мѣдными товарами—Евѣ-Маріи Кестлеръ. Когда у Эльслеровъ родились дѣти, Гайднъ былъ ихъ крестнымъ отцомъ.

Второй сынъ Іосифа, отецъ Фанни, Іоганнъ, родился въ Эйзенштадтѣ 3-го мая 1796 года и былъ тоже музыкантомъ. Послѣ смерти отца онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ переписывалъ ноты и, въ свою очередь, былъ слугою Гайдна. Необыкновенно преданный композитору, онъ сдѣлался для него необходимымъ спутникомъ, помогалъ развлекать его въ часы отдыха, игралъ съ нимъ въ карты, заботился, чтобы табакерки, поднесенныя его поклонниками, были всегда набиты лучшимъ табакомъ. Біографъ Гайдна, Пооль, разсказываетъ, что Іоганнъ Эльслеръ управлялъ всѣмъ домомъ творца симфоній и оберегалъ старика. Это былъ уже не слуга, а его вѣрный другъ, старавшійся скрасить послѣдніе дни его жизни и насколько можно продолжить ихъ. 22-го января 1800 года Іоганнъ женился на вѣнской вышивальщицѣ, красавицѣ Терезѣ, «Schoene Resl», дочери обжигателя гипса Іоганна Принстера. Онъ уроженецъ Мерана въ Тиролѣ и въ Вѣну пріѣхалъ въ 1769 году. Почти художественно исполняя свои работы, Іоганнъ посвящалъ свободное время музыкѣ. Два его сына, Оттонъ и Михель, унаслѣдовали его страсть къ музыкѣ и сдѣлались замѣчательными волторнистами въ оркестрѣ Эстергази. Отъ брака Іоганна съ Терезой родилось шестеро дѣтей. Двухъ первенцевъ крестилъ самъ Гайднъ, а воспріемницей остальныхъ была его компаньонка, Анна Кремпицеръ. Старшій сынъ, Іосифъ, родившійся въ 1800 году, двадцати трехъ лѣтъ вступилъ въ орденъ францисканцевъ; второй, Іоганнъ, будущій теноръ, благодаря поддержкѣ своего знаменитаго крестнаго, получилъ музыкальное образованіе и пѣлъ на многихъ нѣмецкихъ сценахъ. Потомъ онъ поселился въ Берлинѣ въ качествѣ профессора пѣнія и сдѣлался главою хора королевской оперы. Берліозъ отзывался о немъ очень хвалебно и когда Эльслеръ захворалъ, то онъ очутился въ затруднительномъ положеніи съ своей оперой «Гибель Фауста». Третьимъ ребенкомъ была Анна, короткое время исполнявшая мимическія роли на сценѣ Kaernthner-Thor. Послѣ четвертаго ребенка, жившаго недолго, родились двѣ знаменитости: Тереза, 5-го апрѣля 1808 года, и Франциска, будущая Фанни, 23-го іюня 1810 года. Такова родословная знаменитой танцовщицы, подтверждающая, что Фанни вышла изъ народа и была чистокровная австріячка, хотя объ ея происхожденіи сочинялись легенды, когда она стала знаменитостью. Ея австрійское, а не прусское происхожденіе сказывалось во всей ея особѣ, въ ея полныхъ гармоніи и изящества линіяхъ тѣла, легкой походкѣ и тонкомъ овалѣ лица. Вообще мужественная красота Іоганна-Флоріана Эльслеръ и обворожительная миловидность Терезы Принстеръ гармонично соединялись въ Фанни, и все это было приправлено вѣнскимъ лоскомъ. «Это Венера, вышедшая изъ воды», отозвалась о ней Рахель Фарнгагенъ, когда впервые увидѣла ее въ театрѣ. Сторонникъ Маріи Тальони, соотечественникъ Фанни Эльслеръ, поэтъ Грильпарцеръ, находилъ, что Фанни не хватало чего-то эѳирнаго, воздушнаго. «Это танцуетъ тѣло, полное желаній, вмѣсто души съ ея страстями», говорилъ онъ. Впрочемъ, онъ находилъ у нея много хорошихъ качествъ, но въ ея ногахъ было, по его мнѣнію, болѣе силы, чѣмъ эластичности; ея руки и кисти рукъ часто были—сама грація, но бюсту не хватало гибкости. Въ общемъ у нея было тяготѣніе къ порывистости. «Ничто, заканчиваетъ онъ, быть можетъ, не доказываетъ заката прекраснаго искусства танцевъ въ Парижѣ, какъ громадный успѣхъ моихъ соотечественницъ».

Народная среда, изъ которой вышла Фанни, вся была пропитана любовью къ искусству, поэтому если она сдѣлалась танцовщицей, то не по расчету родителей, а по призванію, по атавистическому импульсу, благодаря воздуху, которымъ она дышала съ пеленокъ. Ея кровь пропиталась музыкой Гайдна. Съ юности ребенокъ регулировалъ свои па подъ красивые кадансы Гайдна, и это искусство перекладывать звуки въ па и въ пластическія формы восхищало впослѣдствіи Рахель Фарнгагенъ. Фанни она противопоставляла Марію Тальони, упрекая послѣднюю въ томъ, что она танцовала «около музыки», тогда какъ у Фанни всѣ члены, каждый нервъ и каждая клѣточка были проникнуты музыкой. При этомъ Фанни выросла не въ средѣ бродячихъ артистовъ, а привыкла въ домѣ родителей къ порядку и тщательному туалету.

Фанни дебютировала шести лѣтъ и поразила завѣдывавшаго кордебалетомъ Омера, строго придерживавшагося классическихъ танцевъ. Онъ занялся развитіемъ ея таланта, и она рисковала впасть въ крайность классической системы, склониться къ холодности въ поискахъ за правильностью и убить дисциплиной природный порывъ. Но судьба судила вырвать Фанни изъ-подъ гнета Омера. Извѣстный импрессаріо Барбажа, прежній ресторанный лакей, впослѣдствіи директоръ театра Санъ-Карло, явившись въ Вѣну съ итальянской труппой, увидѣлъ двѣнадцатилѣтнюю Фанни и пришелъ въ восторгъ. Когда въ 1842 году послѣдній уѣзжалъ въ Неаполь, то добился разрѣшенія увезти ее съ собою для окончанія ея артистическаго образованія.

Итальянская виртуозность, видѣнная Фанни въ Scala или Неаполѣ, принудила ее распроститься съ классической пластикой, на которой ее воспиталъ Омеръ. Она поняла, что красота ея искусства не въ холодной ученой пластикѣ, а въ эстетической передачѣ человѣческихъ эмоцій, и главное въ выраженіе силы, которая руководитъ всѣмъ міромъ,—любви, желаній. Она осталась женщиной, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться куклой, образцовымъ механизмомъ. Ея удачный дебютъ въ Неаполѣ придалъ ей смѣлости въ передачѣ живой страсти присоединеніемъ къ танцамъ краснорѣчивыхъ жестовъ и мимики. Хотя Италія была для Фанни Эльслеръ школой истины и чувственности, но она не совсѣмъ забыла и своего перваго учителя. Истина не заставила ее отказаться отъ стиля: ея тонкій вкусъ австріячки вмѣстѣ съ французскимъ воспитаніемъ предохранили ее отъ грубостей реализма, и ея танцы были классическаго жанра, съ гармоническимъ выраженіемъ живой красоты.

Вообще вѣнцы всегда были любителями танцевъ и музыки, но съ 1815 года Вѣна особенно упивалась ими. «Le Congrès danse bien, mais il ne marche pas», какъ выразился князь де-Линь про вѣнскій конгрессъ. Какъ для высшаго общества, такъ и для народа главнымъ развлеченіемъ были музыка и танцы, и Вѣна была окутана какъ бы атмосферой гармоніи. Два главные театра—Koeniglich-kaiserliches Hoftheater nächst dem Kärnthner-Thor и Koeniglich-kaiserlich privilegirtes Theater an der Wien предоставляли балету большое мѣсто. Но сценой Kärnthner-Thor овладѣли иностранки, «божественная» Биготтини, за которой ухаживали сильные міра и дипломаты, а также Вигано. Когда въ 1827 году Фанни возвратилась въ Вѣну, то не могла сразу отвоевать себѣ почетное мѣсто и ей пришлось отправиться за славой въ Берлинъ въ надеждѣ, что тамъ оцѣнятъ

ея талантъ и труды. Само по себѣ пребываніе на берлинской сценѣ ничего не могло внести для окончательнаго художественнаго воспитанія Фанни: берлинской школы танцевъ не существовало, а театральная критика была не способна оцѣнить ея талантъ. Оставалось одно утѣшеніе—королевскій дворъ, мнѣніе котораго хотя не имѣло большого значенія, но похвала изъ устъ короля, поднесенный имъ подарокъ выдвигали артиста въ ряды знаменитостей. Тамъ была также опера, изъ которой Спонтини сдѣлалъ первоклассное музыкальное учрежденіе. Для молодыхъ артистовъ приглашеніе въ этотъ театръ было вступленіемъ въ знаменитости, а представленія, дававшіяся тамъ, были событіями и вѣсть о нихъ газеты разносили далеко. Корреспонденціи изъ Берлина, наполнявшія театральныя хроники вѣнскихъ газетъ, разнесли бы вѣсть объ ея успѣхѣ по всей Вѣнѣ. Но какъ ни полезна для Фанни была эта поѣздка, она ее отложила: въ ея жизнь вмѣшался романическій эпизодъ, надъ которымъ многіе призадумывались. Зимою 1829 года Фанни познакомилась съ шестидесятипятилѣтнимъ публицистомъ и политическимъ дѣятелемъ Фридрихомъ фонъ-Генцомъ, человѣкомъ яснаго ума, но питавшимъ страсть къ картамъ, женщинамъ и всѣмъ утонченно-чувственнымъ наслажденіямъ. Проводя ночи въ игорныхъ домахъ, онъ возвращался оттуда разбитый отъ волненія и раздраженный проигрышемъ и все время упрекалъ себя, чтобы на другой день вернуться къ прежнему образу жизни. Въ молодости послѣ одной идилліи онъ сдѣлался женихомъ молодой дѣвушки, но она во время разошлась съ нимъ, и какъ бы въ доказательство, что его невѣста вполнѣ умно поступила, Генцъ окунулся съ головой въ невообразимыя оргіи. По происхожденію пруссакъ, онъ занималъ съ виду не столь значительное мѣсто, чѣмъ это было на дѣлѣ. Посѣщая аристократическіе дома, Генцъ былъ въ то же время завсегдатаемъ веселящагося Берлина. Порхая, какъ мотылекъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, онъ переходилъ отъ одной женщины къ другой, а иногда имѣлъ ихъ нѣсколько. Генцъ находился въ интимной связи съ красавицей-актрисой Христиной Эйгензатцъ, которая, однако, не могла его привязать къ себѣ настолько, чтобы отнять у другой любовницы Маріанны Эйбенбергъ. Въ этотъ періодъ его безпорядочной жизни въ Берлинѣ ему опять пришла мысль жениться. Его жена поздно поняла свою ошибку, развелась съ нимъ и вскорѣ умерла. Свои связи онъ обставлялъ роскошно и, получая 2000—3000 талеровъ, тратилъ 300—400 талеровъ только на ужинъ, который предлагалъ женщинамъ. Генцъ сдѣлался легендарнымъ и выведенъ въ романѣ Виллибальда, который представилъ его постояннымъ посѣтителемъ веселыхъ домовъ.

Когда въ 1802 году Генцъ отправился въ Вѣну въ качествѣ имперскаго совѣтника для публицистической дѣятельности, давшей ему важное политическое значеніе, онъ ничуть не измѣнилъ эпикурейскаго образа жизни: онъ поселился въ Кольмаргетѣ, обставивъ пышно и роскошно свою квартиру. Впослѣдствіи Генцъ купилъ дачу, украсилъ ее съ большою роскошью, завелъ садовника и выписалъ рѣдкіе цвѣты, чтобы зимою подносить ихъ своимъ любовницамъ. Въ своей автобіографіи поэтъ Грильпарцеръ разсказываетъ, въ какой обстановкѣ онъ нашелъ этого Донъ-Жуана, когда посѣтилъ его по дѣлу. Въ пріемной полъ былъ покрытъ стеганымъ ковромъ, и посѣтители вязли въ немъ, какъ въ болотѣ, испытывая нѣчто вродѣ морской болѣзни. На всѣхъ столахъ и ко-

модахъ находилось варенье въ компотницахъ, чтобы этотъ сибаритъ, когда захочетъ, могъ бы удовлетворить свой аппетитъ къ лакомству. Самъ онъ возлежалъ въ сѣромъ шелковомъ халатѣ на бѣлоснѣжной постели и всѣ услуги исполнялись механически. Въ выборѣ женщинъ Генцъ не стѣснялся, и красавицу Эйгензатцъ замѣнила женщина, мало привлекательная, изъ необразованнаго класса; отъ него у нея былъ ребенокъ, о которомъ онъ заботился, и когда женился, то не прекращалъ выдавать ей пенсію. При своей безпорядочной жизни Донъ-Жуана, онъ въ сердцѣ сохранилъ благородныя мысли. Въ молодости, посѣтивъ Веймаръ, ухаживалъ за нѣкоей г-жей Имхофъ, отвергшей его любовь, но, несмотря на это, онъ питалъ къ ней теплое чувство. Онъ не зналъ преградъ и, ухаживая за дамами полусвѣта, забрасывалъ свои сѣти и на дамъ высшаго общества, между прочимъ, на княгиню Долгорукую. Тактичный Генцъ, ухаживая за ними, велъ иную тактику и писалъ имъ настолько осторожныя признанія въ любви, что при отпорѣ со стороны женщины онъ оставался въ лучшихъ съ нею отношеніяхъ. Пятидесяти трехъ лѣтъ онъ велъ такую же жизнь, какъ въ молодости, и его журналъ переполненъ записями любовныхъ свиданій съ пятью различными дамами. Поддерживать такую жизнь нельзя было безъ денегъ, и Генцъ безъ устали работалъ. Жалованіе не могло дать ему большихъ средствъ, и всѣ его траты оплачивалъ литературный трудъ. Политическія статьи Генца открыли ему двери посольствъ и сблизили его съ посланниками. Посвященный въ тайны европейской политики, онъ умѣло распутывалъ интриги кабинетовъ, зналъ, какія надо было посовѣтовать мѣры, предвидѣлъ ихъ послѣдствія, давалъ свѣдѣнія и потому своими услугами приносилъ правительствамъ пользу. Такія услуги онъ оказывалъ Англіи и велъ дѣятельную переписку съ ея государственными дѣятелями, сообщая имъ все, что дѣлается на континентѣ, и высказывая свои взгляды на французскую революцію, а затѣмъ Наполеона. Англичане высоко цѣнили эти сообщенія и совѣты и хорошо ему за нихъ платили, напримѣръ, въ записной книжкѣ Генца была занесена сумма въ 1500 фунтовъ стерлинговъ, посланныхъ лордомъ Гренвилемъ. Пребываніе его въ Вѣнѣ и ежедневныя свиданія съ политическими дѣятелями еще болѣе дѣлали цѣнными эти доклады. Продолжая печатать мемуары за мемуарами за счетъ австрійскаго правительства и давая статьи въ офиціальный органъ «Oesterreichischer Beobachter», онъ не прекращалъ своей дѣятельности въ Лондонѣ, къ крайнему раздраженію Наполеона, признававшаго въ немъ самаго опаснаго противника. Блокада континента поставила его въ непріятное положеніе: субсидіи изъ Англіи пересылались съ затрудненіями и приходили неправильно. Генцу было необходимо сократить расходы, а послѣ 1810 г. этотъ источникъ дохода совсѣмъ изсякъ. Его спасъ господарь Валахіи, Караджа, нуждавшійся въ корреспондентѣ, посвященномъ въ тайны политики. Новыя золотыя розсыпи открылись для Генца: господарь платилъ ему 6,000 дукатовъ въ годъ, а были года, когда въ знакъ благодарности за какую-то услугу онъ получилъ сверхъ опредѣленной суммы еще 20,000 дукатовъ.

Но этихъ денегъ не хватало для этой пропасти, становившейся все глубже и глубже, благодаря расточительности Генца. Мемуары, написанные имъ въ

1811 г. по случаю реформы австрійскихъ финансовъ, вызвали благодарность къ нему многихъ крупныхъ банковыхъ учрежденій. Послѣ его смерти Ротшильдъ сказалъ: «Это былъ другъ. Никогда я не найду другого подобнаго ему. Онъ мнѣ стоилъ крупныхъ суммъ: не повѣрятъ, во что онъ мнѣ обходился; стоило ему написать на записочкѣ, чего онъ хочетъ, и онъ немедленно получалъ; но съ тѣхъ поръ, какъ его не стало, я чувствую, какъ онъ необходимъ мнѣ, и я охотно далъ бы втрое больше, чѣмъ тратилъ, если бы могъ вернуть его къ жизни». Наполеонъ, ненавидѣвшій его, въ концѣ своей жизни рѣшилъ платить ему 8,000 флориновъ. Но всѣ получаемыя Генцемъ деньги моментально таяли и, когда онъ умеръ, его ящики оказались пусты. Этого защитника реакціонной политики, хотя и обвиняли въ торговлѣ перомъ, но ни короли, ни министры въ немъ не сомнѣвались. Онъ участвовалъ на всѣхъ конгрессахъ, а на Вѣнскомъ игралъ особенно выдающуюся роль.

Бурно проведенная жизнь отразилась на его внѣшности и, по описанію барона Андлэ, видѣвшаго его въ 1823 г., онъ сгорбился, его походка была нерѣшительная, колеблющаяся, его голову прикрывалъ рыжій парикъ, и одѣвался онъ не по модѣ. Выраженіе лица Генца хотя было умное, но во взглядѣ не хватало твердости. Однако его глаза пылали пламенемъ, оживляя все лицо, и оно, если бы не толстый подбородокъ и нижняя челюсть, сохранило бы изящество и привлекательность. Въ 1829 г. Генцъ вернулся съ Гаштейнскихъ водъ, помолодѣвъ, и чувствовалъ по возвращеніи въ Вѣну, что еще можетъ сдѣлать новыя завоеванія. Въ то время онъ познакомился съ Фанни Эльслеръ и сдѣлался любовникомъ этой девятнадцатилѣтней красавицы.

Въ чемъ же тайна сближенія стараго, потрепаннаго, развратника и молодой, свѣжей блестящей красавицы, сближенія, длившагося не одинъ годъ безпрерывно?

Знакомства съ Фанни Генцъ не искалъ; встрѣтился онъ съ нею случайно въ 1829 г. Когда же оно состоялось, то онъ старался всѣми силами разжигать свою любовь къ ней. Онъ дошелъ до того, что впалъ въ мистицизмъ, считалъ эту связь сверхъестественной и говорилъ: «Она безъ всякаго усилія, даже не желая, заключила меня въ настоящую магическую сѣть. Однако ея красоты недостаточно для объясненія пожара, который она зажгла во мнѣ. Здѣсь кроется какая-то тайна, происходитъ что-то сверхъестественное: это Богъ насъ сблизилъ, и Онъ одинъ насъ разъединитъ!» Опытный ловеласъ, смѣло говорившій не только съ женщинами, но и съ высочайшими особами, къ своему кумиру обращался робко, какъ школьникъ. Когда онъ отважился пуститься въ эту любовную авантюру, и соблазнявшую и пугавшую, его пробирала дрожь. Видя, что письма и подношенія принимаются благосклонно, у Генца блеснула надежда. Съ мая мѣсяца онъ видѣлся съ Фанни ежедневно, и ихъ сближеніе становилось все тѣснѣе. 2-го мая въ своемъ письмѣ онъ говорилъ ей «вы», а 29-го іюня «ты». Они не только ежедневно видѣлись, но и переписывались; то онъ благодарилъ ее за испытанное опьянѣніе, то Фанни писала ему. Онъ уже былъ увѣренъ въ ея любви и, несмотря на свой возврастъ, говорилъ ей: «Осмѣливаюсь думать, что и меня также ничто не вырветъ изъ твоего сердца и если простымъ пожатіемъ руки ты подтвердишь, что я не ошибся, мнѣ ничего

не остается желать по случаю праздника 23-го іюня послѣ счастья, какое у меня было вчера».

Вскорѣ вся Вѣна узнала объ ихъ связи, но ни одной насмѣшки, ни порицанія не раздалось. Генцу хотѣлось знать, какъ на нее взглянутъ друзья, и въ наперсники онъ выбралъ Прокешъ-Остена, какъ наиболѣе чуткаго, преданнаго и прямого человѣка. Все-таки опасаясь насмѣшки, онъ признавался въ своей любви съ шутливой улыбкой. Второе лицо, кому онъ разсказалъ о своей любви, была графиня Фуксъ, въ свое время устоявшая противъ его ухаживаній и сдѣлавшаяся его вѣрнымъ другомъ. Ей тоже онъ не хотѣлъ выдать тайны, какъ серьезно онъ увлеченъ Фанни, а потому сталъ себя вышучивать и прибавилъ, что не изъ фатовства влюбился, а чтобы «продолжить иллюзію юныхъ дней».

Въ первое время ни на минуту въ немъ не пробуждалось чувство ревности или недовѣрія къ Фанни. Его прежняя робость замѣнилась яснымъ спокойствіемъ, увѣренностью, что онъ вполнѣ ею обладаетъ. И это не было фатовствомъ, а, по его признанію, онъ ясно все видѣлъ въ сердцѣ Фанни и зналъ, насколько она была безпорочна и недвойственна. «Одно положительно,—писалъ онъ:—что въ моментъ, когда я тебя вчера покинулъ, во мнѣ проснулось чувство такого мира, какъ я давно не знавалъ, и это чувство перешло изъ твоей спокойной души въ мою. Я такъ сладко спалъ, какъ будто долженъ проснуться въ раю».

Въ іюлѣ Генцу предстояло надолго разстаться съ Фанни и провести конецъ лѣта съ Меттернихомъ въ его имѣніи Кенигсвартъ. Этотъ отъѣздъ пробудилъ въ немъ противоположныя чувства: его сердце скорбѣло отъ разлуки съ Фанни; умъ же, наоборотъ, ясно понималъ, что постоянная съ нею близость все болѣе разрастается и страсть грозитъ совершенно его поглотить. «Быть можетъ,—думалъ онъ,—за эти нѣсколько недѣль его закружившаяся голова придетъ въ себя и это безуміе, стушевавшее всѣ другія мысли, пройдетъ. Быть можетъ, вдали отъ чаръ, околдовавшихъ его, онъ придетъ въ себя».

Впрочемъ, совершенно отъ нихъ освободиться Генцъ не желалъ: они были ему пріятны, онъ хотѣлъ только уменьшить сжигающую его лихорадку. «Даже если мнѣ удастся умѣрить мои чувства,—писалъ онъ графинѣ Фуксъ:—ихъ останется достаточно до конца моихъ дней». Но голосъ страсти заглушалъ всѣ разсужденія разсудка и чѣмъ болѣе приближался день разлуки, тѣмъ сильнѣе овладѣвала Генцемъ тоска. Напрасно Фанни удваивала къ нему свою нѣжность, его сердце сжималось отъ боли. Наконецъ ей удалось его немного успокоить, и въ день разлуки онъ сдержалъ рыданія.

Амуръ, какъ игрушкой, шаловливо игралъ прежнимъ Донъ-Жуаномъ и практичнымъ политикомъ: трудно было вѣрить, что сдѣлала съ нимъ любовь. Ставъ заклятымъ врагомъ либерализма, Генцъ прежде боялся дотронуться до сочиненій Гейне. Теперь же онъ упивался его «Reisebilder» и «Buch der Lieder» и только просилъ Фанни прятать ихъ отъ постороннихъ глазъ. Противъ чего онъ такъ упорно, такъ долго боролся—ненавистная революція, и о ней онъ забылъ. Когда пришло извѣстіе въ Кенигсвартъ, что она вспыхнула въ Парижѣ, поднявшее на ноги Меттерниха и всѣхъ его гостей, Генцъ весело улыбался счастливой улыбкою: въ это время онъ получилъ отъ Фанни цвѣты и стихи, и шестиде-

сятипятилѣтній политикъ, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, и о Наполеонѣ и о республикѣ, чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

По возвращеніи Генца въ Вѣну новая разлука грозила влюбленнымъ: 30-го сентября Фанни собралась въ Берлинъ съ сестрою Терезой, величественной красавицей, которую одинъ критикъ сравнивалъ съ готическимъ соборомъ, пустившимся въ плясъ, хотя обладавшей необыкновенно музыкальнымъ слухомъ. Впослѣдствіи Генцъ признавался, что удивляется, какъ онъ могъ рѣшиться ее отпустить. Но имъ руководило благородное чувство не портить карьеры Фанни, не имѣя возможности блестяще обезпечить ея будущности. Успѣхъ Фанни былъ громадный,но онъ для нея въ сущности имѣлъ значеніе какъ способъ выдвинуться на родинѣ. Берлинцы даже не разобрали разницы личныхъ талантовъ обѣихъ сестеръ и поставили ихъ на одну доску. Только Рахель Фарнгагенъ, хозяйка прославившагося въ Берлинѣ салона, другъ Генца, поняла всѣ тонкости и оттѣнки въ танцахъ Фанни и расхвалила ее сначала за красоту, а затѣмъ прибавила: «Это само совершенство, она не переступаетъ своихъ средствъ, у нея итальянская система, благоразумно примѣненная. Старшей сестрѣ тоже много апплодировали и совершенно справедливо. Это прекрасное созданіе: богиня побѣды, амазонка, Минерва, Муза, дочь короля, она естественно представляетъ все, что есть благороднаго. Тереза была рождена для благородныхъ академическихъ, величественныхъ танцевъ; грація ей была не присуща, ей приходилось за собою наблюдать, чтобы не быть слишкомъ величественной. У Фанни, напротивъ, все было непринужденно, менѣе олимпійское, болѣе человѣческое».

Берлинскій успѣхъ не очень помогъ Фанни для побѣды надъ вѣнцами. У нея были поклонники, но во всѣхъ странахъ держатся одного правила: нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ,—и большинство вѣнцевъ преклонялось предъ полькою Шланзовской, француженкой Мими Дюпюи и итальянкой Мураторы. Однако двумѣсячное участіе въ берлинской королевской оперѣ тѣмъ принесло Фанни пользу, что привлекло вниманіе директоровъ другихъ театровъ и заставило ее за этотъ періодъ безъ устали работать надъ техникой танцевъ, ежедневно повторяя всѣ упражненія для развитія гибкости и устойчивости ногъ. Поэтому она предстала предъ вѣнцами во всеоружіи балетной техники, но, по сомнительному свидѣтельству француза Руайе, большого успѣха не добилась, и обѣ сестры возвращались вечеромъ послѣ спектакля въ свою скромную квартиру по снѣгу пѣшкомъ.

Ея затянувшееся пребываніе въ Берлинѣ нѣсколько встревожило Генца, отпустившаго туда Фанни довольно спокойно. На вопросъ Рахель Вольфгангъ, не боится ли онъ, что Фанни сдастся на блестящія предложенія, онъ отвѣчалъ, что это ему приходило въ голову, но ихъ отношенія таковы, что онъ увѣренъ въ ея возвращеніи. Если изъ Берлина послѣдуютъ блестящія предложенія, то онъ первый уговоритъ ее принять ихъ.

Любовь все болѣе овладѣвала прежнимъ Донъ-Жуаномъ, и, казалось, сердце, мало принимавшее участія въ прежнихъ любовныхъ приключеніяхъ, хотѣло теперь истребить весь сохранившійся пламень. Въ своемъ дневникѣ онъ между прочимъ написалъ: «Иногда я воображалъ, что былъ бы счастливѣе, если бы менѣе ее любилъ. Спокойнѣе, быть можетъ. Но возможно ли остановить потокъ и по-

мѣшать ему унести своимъ теченіемъ виноградники и ограды? Можешь ли ты помѣшать вырвавшемуся на свободу пламени поглотить твою старую лачугу. Дѣятельность и спокойствіе, удовольствіе и трудъ безъ нея не имѣютъ болѣе для меня смысла; сама свобода (такъ какъ я закованъ, хотя и цѣпями изъ розъ) для меня была бы тяжестью, если бы я прожилъ остатокъ моихъ дней безъ нея. Никогда въ самыя горестныя трагическія минуты не надо думать, что возвращеніе ясныхъ часовъ—невозможно. Когда сильное страданіе души мракомъ заволакиваетъ все вокругъ насъ, когда гаснетъ послѣдній лучъ надежды и радости, какую Небо можетъ послать, никто не долженъ думать, что сами вѣчныя звѣзды угасли. Онѣ продолжаютъ блестѣть за облаками. Всѣ страданія не что иное, какъ туча: они разойдутся и разсѣются».

Болѣе того, Генцъ относился къ своей любви съ чувствомъ какой-то святости; онъ даже хотѣлъ вѣнчаться съ Фанни, но разница религій явилась препятствіемъ къ осуществленію этого плана. Онъ былъ протестантъ, она—католичка. Дворъ смотрѣлъ на свободныя связи снисходительно, но смѣшенія религій не прощалъ. Самъ же Генцъ, несмотря на старанія своего мистическаго друга Адама Мюллера, несмотря на тайныя симпатіи къ католичеству, никогда не соглашался перемѣнить религію. И это ему помѣшало занять высокій государственный постъ. Но теперь любовь къ Фанни сдѣлала то, на что его практическій умъ не рѣшался. Онъ отыскалъ фразу у г-жи Сталь въ ея книгѣ о Германіи: «Мѣнять религію изъ любви значитъ ее профанировать, но христіанство настолько религія сердца, что стоитъ любить преданно и чисто, чтобъ уже перемѣнить вѣру. «Генцъ послалъ г-жѣ Фуксъ эту выдержку, спрашивая ея совѣта. Но хотя мысль о перемѣнѣ религіи внутреннимъ способомъ чрезъ любовь ему нравилась, онъ все-таки хотѣлъ офиціально, публично перейти въ католичество. Его удержали отъ брака интересы Фанни. Предъ нею открывалась блестящая карьера и отвлечь ее отъ нея онъ рѣшился бы при условіи, что обезпечитъ ее по крайней мѣрѣ полумилліономъ. Но у него были одни только долги. Однажды онъ говорилъ, довольно загадочно, что заключилъ съ Ротшильдомъ какое-то дѣло въ пользу Фанни, но этого было недостаточно, чтобы вознаградить ее за потерянную свободу.

Уже послѣ первой поѣздки въ Берлинъ въ душѣ Генца проснулось сознаніе той пропасти, какая раздѣляла его съ Фанни. Когда же она, недовольная своимъ успѣхомъ въ Вѣнѣ, вторично отправилась въ Берлинъ, Генцъ рискнулъ заглянуть въ эту пропасть—и его опьянѣніе стало разсѣиваться; онъ понялъ, что было въ этой любви искусственнаго и парадоксальнаго, а начинающія ослабѣвать его физическія силы помогли ему освободиться отъ цѣпей изъ розъ. Онъ уже чувствовалъ на себѣ леденѣющую руку смерти, и, когда Фанни вернулась, онъ погасилъ въ себѣ послѣднее пламя пожара. Предъ смертью, какъ разсказывалъ Прокешъ-Остену Меттернихъ, Генцъ сказалъ своему другу, графу Мюнху: «Дорогое дитя всѣми силами старается для меня: она силится меня омолодить, но все безполезно; здѣсь (онъ показалъ на сердце) ея образъ угасъ». Фанни все-таки до послѣдняго дня жизни Генца окружала его своей нѣжностью, и Шатобріанъ, разсказывая объ его послѣднихъ минутахъ, говорилъ, что Генцъ тихо умеръ подъ звуки голоса, который заставилъ его забыть время.

Конечно, не пылкая страсть Генца заставляла призадуматься современниковъ надъ ихъ связью, а любовь Фанни, къ ногамъ которой готовъ былъ принести и молодость и богатство не одинъ знатный красавецъ. Многія лица свидѣтельствовали, что расположеніе Фанни къ Генцу было искреннее. Рахель Фарнгагенъ увѣряла Генца, что Фанни его обожала. Поэтесса Бети Паоли, близкій другъ Фанни на склонѣ ея дней, говоритъ: «Не надо терять изъ вида, что Фанни не обладала страстной натурой, или, лучше выразиться, страсть, неразлучная съ талантомъ у лучшихъ артистовъ, выразилась у нея исключительно въ области искусства. Всякое порывистое, бурное впечатлѣніе ее возмущало. Не только движенія ея членовъ, но и внутренняя жизнь повиновалась у нея закону мѣры и красоты. Эта особенность ея темперамента казалась Бетѣ Паоли существенной причиной, почему связь, которая быстро утомила бы другую женщину ея лѣтъ и въ ея положеніи, ее вполнѣ удовлетворяла. «Помоему, въ этой любви,—говорила она,—значительная доля выпадаетъ на признательность. До тѣхъ поръ ею только восторгались, ухаживали за нею и желали ея; честь оказывали таланту ея и красотѣ, а никто не позаботился объ ея достоинствѣ человѣческаго существа. Кому бы пришла мысль возвысить уровень ея ума и обогатить его. Ея связь съ Генцемъ открыла для нея область ума, до тѣхъ поръ ей неизвѣстную, и она съ радостью ухватилась за эту новую область культуры. Въ этой связи она нашла счастье и удовлетвореніе».

Однако свѣтъ не могъ успокоиться на этомъ выводѣ и допустить, что у престарѣлаго Донъ-Жуана не было соперниковъ, и сочинилъ легенду о герцогѣ Рейхштадтскомъ на другой день послѣ его смерти. Она такъ укоренилась, что когда Фанни въ 1834 году пріѣхала въ Парижъ, бонапартисты устроили ей манифестацію и по этимъ даннымъ сначала Дюма часть своего романа «Le mohicans de Paris» посвятилъ этой легендѣ, а затѣмъ Ростанъ написалъ своего «Aiglon». Дѣйствительно, Меттернихъ прибѣгалъ къ помощи женщинъ, чтобы заглушить въ герцогѣ Рейхштадтскомъ опасныя мечты, и графъ Нипергъ тщетно старался сблизить его съ актрисой Гофбургъ-театра г-жею Пешъ, но никогда никто не думалъ на эту роль избрать Фанни Эльслеръ. Она сама это отрицала. Она не обманывала Генца ни для герцога Рейхштадтскаго, ни для кого другого. Легенда же сложилась, какъ разсказываетъ въ «Mein Verhältniss zum Herzog von Reichstadt» Протешъ-Остенъ, близко стоявшій къ Генцу и къ герцогу, слѣдующимъ образомъ: «Посторонніе лица видѣли, какъ скороходъ герцога часто входилъ въ домъ, гдѣ жила Фанни. Между тѣмъ онъ приходилъ къ Прокешу, который вмѣстѣ съ Генцемъ устроили себѣ въ этомъ домѣ читальный залъ и рабочій кабинетъ; Фанни же даже ни разу не разговаривала съ герцогомъ. Душа и мысли герцога были заняты совсѣмъ другимъ, оставляя прекрасному полу очень мало мѣста и то лишь для бѣглаго впечатлѣнія. Память о Генцѣ Фанни свято хранила до послѣдней минуты своей жизни и часто вспоминала «своего добраго друга».

Смерть Генца открыла ей болѣе широкій путь къ успѣху. Мысль отправиться въ другія страны, какъ это дѣлала Тальони и другія знаменитости, не разъ овладѣвала Фанни, но огорчить Генца она не хотѣла. Лишившись же за разъ двухъ дорогихъ для него существъ: Генца—9 іюня 1832 г., а мать—

28 августа, Фанни распростилась съ вѣнцами въ концѣ года и отправилась съ сестрой въ Берлинъ. Но она вскорѣ должна была прекратить представленія: природа взяла свое, и молодая, здоровая натура Фанни, сдерживавшая свою страсть, пока живъ былъ Генцъ, теперь не устояла предъ искушеніемъ и сблизилась съ Штурмюллеромъ, танцовщикомъ королевской оперы. Послѣдствіе этой связи, выражавшееся обыкновенно у Тальони «болѣзнью колѣна», заставило Фанни прекратить на время упражненія въ танцахъ. Ей удалось счастливо избѣжать скандальной огласки только благодаря приглашенію въ лондонскій Ковенгарденскій театръ. 15 февраля состоялось прощальное представленіе, и она не торопясь отправилась въ Англію, останавливаясь въ Веймарнѣ и Дюссельдорфѣ. Три мѣсяца спустя въ Лондонѣ она разрѣшилась отъ бремени дѣвочкой, которую какъ бы удочерили супруги-филантропы Гротъ. Она жила у нихъ, пока Фанни не покинула сцены и не отдалась вполнѣ своей дочери.

Лондонъ еще менѣе Берлина могъ служить для усовершенствованія талантовъ; англичане рукоплескали одинаково какъ ей, такъ и дрессированному слону. Она начала даже вздыхать по Берлинѣ, когда внезапно въ Лондонѣ появился директоръ парижской оперы Веронъ исключительно съ цѣлью пригласить Фанни въ оперу. На сценѣ парижской оперы деспотически царила Тальони, выводя изъ терпѣнія своими придирками и угрозами самыхъ терпѣливыхъ людей. Но это была громадная сила по своему таланту. «Ужъ то удивительно,—писалъ де-Буань:—что танцовщица могла произвести цѣлую революцію въ танцахъ, которая еще теперь длится. Но еще удивительнѣе, что эта танцовщица, эта великая революціонерша, была дурно сложена, даже горбата, некрасива, безъ всякихъ внѣшне-блестящихъ качествъ, которыя влекутъ за собою успѣхъ. Вотъ что удивительно, и это мы видѣли собственными глазами. И все потому, что Марія Тальони была болѣе, чѣмъ самая совершенная танцовщица, когда-либо появлявшаяся на сценическихъ подмосткахъ: она была—сами танцы. Даже изъ несоразмѣрности своихъ членовъ она сумѣла извлечь успѣхъ. Только съ помощью своей позы она производила впечатлѣніе, что улетаетъ въ неизмѣримое пространство: и эта поза состояла изъ склоненія верхней части тѣла впередъ, съ обращенными къ небу руками и одной ногой, протянутой назадъ. Несоразмѣрной длины члены дѣлали безконечной линію отъ конца пальцевъ до окончанія большого пальца ноги. Затѣмъ она показала, что для овладѣнія зрителями достаточно танцевъ и нѣтъ необходимости прибѣгать къ манерамъ куртизанокъ. Обычай подносить цвѣты на сцену впервые завелся при ней: первый букетъ былъ брошенъ на сцену ей архитекторомъ Дюпоншелемъ».

Эта царица балета изводила директора театра своими угрозами покинуть Большую оперу, и онъ рѣшился найти средство для укрощенія строптивой. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ Фанни Эльслеръ, пріѣхавшую съ сестрой—одна грація, другая—сила. Для перваго дебюта давался балетъ «Tempête». Успѣхъ былъ громадный, тѣмъ болѣе, что пресса единодушно восхваляла Фанни. Тальони была внѣ себя отъ зависти. Тальонисты и эльслеристы выбивались изъ силъ, отстаивая каждый своего кумира. Наконецъ Веронъ устроилъ генеральное сраженіе, выпустивъ на сцену въ одинъ и тотъ же вечеръ обѣихъ

балеринъ: Тальони—въ балетѣ «Dieu et Bayadère», а Эльслеръ — въ «Tempête». Окончательный приговоръ не былъ произнесенъ, и публика раздѣлилась на два лагеря. Для Эльслеръ этотъ балетъ былъ не изъ удачныхъ: роль, предназначенная «земной» Эльслеръ, скорѣе подходила «небесной» Тальони. Кромѣ того, Фанни привыкла танцовать съ сестрой, которая облегчала ей всѣ па и фигуры. Слѣдующій спектакль былъ дебютомъ Терезы. Соперничество Тальони и Эльслеръ, начавшееся на театральныхъ подмосткахъ, оканчивалось модными магазинами, выставлявшими шляпы и матеріи à la Taglioni и à la Fanni Elssler.

1835 г. прошелъ для Фанни безплодно въ смыслѣ успѣха: она была не совсѣмъ здорова, ее преслѣдовали тальонисты и политическое покушеніе отодвинуло на задній планъ развлеченія. Главный ея тріумфъ былъ въ «Diable boiteux», который съ суевѣріемъ Фанни считала для нея счастливымъ, потому что такъ называлось одно изъ первыхъ произведеній Гайдна. На ея долю выпала роль Флоринды, страстной андалузки изъ Севильи. Здѣсь она вполнѣ торжествовала, какъ танцовщица и мимистка. Особенно эффектна вышла у нея качуча, окончательно прославившая ее. Она привела въ восторгъ парижанъ и въ то же время вызвала протесты противъ безнравственности. Только заступничество Шарля Мориса, поддерживаемое многими газетами, окончательно установило за Фанни Эльслеръ славу первоклассной балерины. Слухъ объ ея успѣхѣ пронесся по всѣмъ столицамъ, и къ ней посыпались предложенія за предложеніями изъ разныхъ странъ, и особенно усердствовала въ этомъ отношеніи Россія. Но Фанни рѣшилась провести во Франціи свой отпускъ и заключила контрактъ съ директоромъ Большого театра въ Бордо, а затѣмъ хотѣла закончить путешествіе по Франціи Марселемъ. Этотъ отъѣздъ пришлось отложить: королева Марія-Амалія пожелала видѣть Фанни и Терезу въ балетѣ на праздникѣ въ Тріанонѣ. Такой успѣхъ вскружилъ голову Фанни, но не надолго: не успѣла она уѣхать изъ Парижа, какъ произошло событіе, вернувшее ее къ дѣйствительности. Отсутствовавшая по «болѣзни колѣна» Тальони возвратилась въ Парижъ и выступила въ «Сильфидѣ». Ея успѣхъ превысилъ всѣ ожиданія. Разница между ними слишкомъ ясно выступала. Фанни была реалистка, вкладывавшая въ свое твореніе всѣ земныя прельщенія. Тальони же была олицетвореніемъ идеализма, не терпящаго никакихъ призывовъ къ чувственности, которая ей какъ будто была неизвѣстна. Первая была танцовщица, т. е. женщина, очаровывать для которой была физическая необходимость, вторая — сама танцы, т. е. типъ искусства отвлеченнаго, идея платоническая, едва прикрытая осязаемыми формами.

Успѣхъ Фанни въ Бордо былъ громадный, но ее подстерегало несчастіе. При возвращеніи въ Парижъ, близъ Орлеана, у нихъ сломался экипажъ и сестрамъ пришлось итти пѣшкомъ по скверньмъ дорогамъ въ 5 ч. утра. Былъ октябрь мѣсяцъ; Фанни простудилась и слегла. Она надолго принуждена была разстаться со сценой. Марія Тальони, избавившись отъ соперницы, еще болѣе дала почувствовать директору свою тиранію, и онъ опять подписалъ съ Фанни договоръ на четыре года.

Нравственность Фанни расхваливалась въ «Courrier des Théâtres», но слухи распространялись объ ея близости съ дипломатомъ графомъ Лавалетомъ. Впрочемъ, Фанни устраивала такъ прилично свои дѣла, что ея связи не бросались въ глаза. По выраженію одного современника, это были изящные грѣшки, которые не могли тяготить душу балерины. Ея качуча, несмотря на протесты противниковъ, получила право гражданства не только въ высшемъ обществѣ, но и при дворѣ. Тальони, желая отравить успѣхъ Фанни Эльслеръ, удвоила прелесть своихъ танцевъ и вызвала сожалѣніе объ ея отъѣздѣ. Успѣху Фанни много способствовала ея дружба съ Теофилемъ Готье, воспѣвшимъ ее въ прозѣ съ такимъ жаромъ, что ея имя было на языкѣ у всѣхъ ея поклонниковъ. Зенита славы она достигла въ своей бенефисъ 5 мая 1838 г. Возвращеніе Тальони изъ Россіи, гдѣ ее осыпали брильянтами, внесло дозу яда въ существованіе Фанни.

Въ это время изъ Лондона пришло приглашеніе обѣимъ балеринамъ танцовать на коронаціонныхъ торжествахъ. Опять Фанни предстоялъ поединокъ съ Тальони, отравлявшей ей жизнь. По возвращеніи въ Парижъ директоръ предложилъ Фанни исполнить «Сильфиду», гдѣ такъ хороша была Тальони. Сначала Фанни благоразумно отказалась, но затѣмъ согласилась. Во время представленія произошелъ невообразимый въ театральныхъ лѣтописяхъ скандалъ: тальонисты свистали, эльслеристы пустили въ ходъ руки. Женщины въ ужасѣ бѣжали изъ театра отъ драки и невообразимой брани, раздававшейся въ стѣнахъ Большой оперы. Поединокъ обѣихъ звѣздъ продолжался даже на такомъ разстояніи, какъ Петербургъ и Парижъ, въ «Gypsi» и «Gitan». Въ Петербургѣ балетъ былъ ранѣе готовъ. Императоръ отпустилъ 150,000 руб, въ распоряженіе администраціи театра, чтобы Тальони появилась въ самой пышной рамкѣ. Первое представленіе состоялось въ началѣ января 1837 г., и корреспонденція изъ Россіи сообщила о блестящемъ успѣхѣ Тальони.

Въ Парижѣ «Gipsi» давали 28 января. Главную роль исполняла Фанни Эльслеръ. Она имѣла выдающійся успѣхъ, особенно въ краковякѣ, которому суждено было заслужить такую же популярность, какъ и качуча. Къ несчастію Фанни, вниманіе публики было отвлечено дебютомъ Рашель, «Ruy Blas» Виктора Гюго и появленіемъ Маріо. Такимъ образомъ, «Gypsi» не имѣла того успѣха, какой выпалъ на долю «Diable boiteux».

Во второй половинѣ 1838 г. звѣзда Фанни стала меркнуть въ Парижѣ, и слѣдующій годъ былъ для нея полонъ горькихъ разочарованій. Во-первыхъ, она была уязвлена въ самое больное мѣсто: обожаемое ею искусство оскорблялось самымъ грубымъ образомъ. Хотя такой умъ, какъ Теофиля Готье, и понялъ ее, но большая публика, масса, которую одинъ моментъ, казалось, она завоевала, повинуясь грубымъ инстинктамъ, перенесла свой восторгъ на танцы самой вульгарной формы. Они развились въ теченіе пятилѣтняго ея пребыванія въ Парижѣ до невѣроятныхъ размѣровъ. Повсюду царствовалъ канканъ. Раздѣлять рукоплесканія парижанъ съ грязными акробатами искусства было для нея страшнымъ униженіемъ, печальнымъ концомъ ея мечтаній.

Въ мартѣ ее постигла болѣзнь, и представленіе «Gypsi» прекратилось. По выздоровленіи она выступила въ балетѣ-пантомимѣ «Tarentulle» съ либретто Скриба, гдѣ роль была написана исключительно для нея. «Надо отдать справедли-

вость мадемуазель Эльслеръ,—писалъ одинъ критикъ объ ея исполненіи:—что никогда никакая танцовщица не выражала лучше страсти и не матеріализировала ее съ большимъ искусствомъ, чѣмъ она. Если она прочувствовала все, что выражала, у нея должна быть огневая душа. Прекрасная, обворожительная танцовщица поняла, что она не должна бороться съ исполненіемъ Тальони: она создала собственный жанръ, согласно своему таланту». Съ появленіемъ этого балета опять Фанни блеснуло счастіе; но оно длилось недолго. Новое приглашеніе въ лондонскій театръ заставило ее распроститься съ Парижемъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы Фанни снова вступила въ поединокъ съ Тальони, да еще на одной и той же сценѣ, въ той же роли цыганки въ «Gitana» и «Gypsi». Тальони хотѣла доказать, что она способна не на одни «небесные» танцы, но и «земные» ей доступны. Краковяку Фанни она противопоставила мазурку и па изъ «Gypsi», цыганское па, вывезенное ею изъ Россіи. Если бы англичане предпочли мазурку краковяку, для Фанни было бы не важно, но ее огорчило, что парижскія газеты сообщаютъ подробности объ ея борьбѣ съ Тальони. «Gazette des Théâtres» и «Siècle» распорядились отправить корреспонденцію, гдѣ говорилось о полномъ пораженіи Фанни Эльслеръ. Въ статьяхъ поздравляли Тальони, что она сдѣлалась королевой «земныхъ» танцевъ послѣ того, какъ уже была королевой «небесныхъ». Тамъ же сообщалось, что зрители королевскаго театра отнеслись къ Фанни Эльслеръ сурово.

Когда Фанни вернулась въ Парижъ, ея противники продолжали вести противъ нея атаку. За отсутствіемъ Тальони ей нашли новую соперницу въ лицѣ Люси Гранъ, молодой, хорошенькой датчанки, замѣчательно талантливой. Она замѣняла Тальони въ «Сильфидѣ» и никто ее не обвинялъ въ узурпаціи, какъ было съ Фанни. «Gazette des Théâtres» сдѣлала сравненіе между нею и Фанни далеко не въ пользу послѣдней. Когда Эльслеръ собралась уѣхать въ Америку, то та же газета объявила, что ее замѣнитъ Люси Гранъ безъ особаго ущерба. Охлажденіе публики заставило Фанни принять приглашеніе въ Америку и обезпечить себѣ спокойное будущее. Вмѣстѣ съ тѣмъ она питала надежду, что американскіе успѣхи разбудятъ въ парижанахъ прежнія къ ней симпатіи.

Въ свой прощальный бенефисъ среди прежнихъ нумеровъ она исполнила новый танецъ, «smolenska», имѣвшій у публики такой же успѣхъ, какъ и ея качуча. Это способствовало ей сохранить въ парижанахъ пріятное о ней воспоминаніе и давало надежду на будущій успѣхъ въ Парижѣ. Не всѣ парижане забыли о ней. Теофиль Готье пока оставался ей вѣренъ и посылалъ въ Америку полезные совѣты, предлагая свои литературныя услуги и напоминая, что небольшая доза рекламъ была бы не лишняя, иначе парижане замѣстятъ ее кѣмъ-нибудь другимъ. «Вѣрьте мнѣ,—оканчивалъ онъ письмо:—я такъ же, какъ и вы, ревностно отношусь къ вашей славѣ и положитесь на вѣрность моего восторженнаго поклоненія». Эти сладкія слова потеряли свою силу чрезъ два года и, когда Фанни возвратилась въ Парижъ, Теофиль Готье уже былъ увлеченъ Карлоттой Гризи.

Въ Америкѣ Фанни провела два года и три мѣсяца, въ сопровожденіи двоюродной сестры и таинственнаго Викоффа. Послѣднее обстоятельство вызвало появленіе замѣтки въ газетахъ, почему она не называется г-жею Викоффъ.

Лицемѣрные американцы не могли допустить, чтобы можно было путешествовать по Америкѣ не съ мужемъ. «Нью-Іоркскій Курьеръ» протестовалъ и назвалъ это клеветою, объяснивъ, что Викоффъ для нея другъ, которому она довѣрилась, отправляясь въ далекое путешествіе.

Успѣхъ Фанни въ Америкѣ былъ необыкновенный, но онъ доставилъ ей лишь матеріальное удовлетвореніе, эстетическое она получила тамъ менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, въ виду отсутствія культуры у американцевъ той эпохи. Немало приключеній пришлось ей пережить и даже рисковать здоровьемъ; все-таки, ослѣпленная золотомъ, она думала одинъ моментъ совсѣмъ порвать съ парижской Большой оперой, но не рѣшилась. Въ ея головѣ носились смутные планы будущаго, и это неопредѣленное положеніе ее тревожило. Къ тому же къ концу сезона дѣла въ Америкѣ пошатнулись: то и дѣло въ городѣ объявлялись новые крахи финансистовъ. Фанни помѣстила нажитыя въ Америкѣ деньги въ Нью-Іоркъ и Огіо и тревожилась за ихъ цѣлость. Вообще, тотъ годъ отличался катастрофами не въ одной Америкѣ, но и въ Европѣ, какъ, напримѣръ пожаръ, уничтожившій половину Гамбурга.

Въ Ливерпулѣ ее ожидала непріятная новость—смерть герцога Орлеанскаго. Теперь Парижъ былъ для нея потеряннымъ раемъ. Не только парижская публика о ней забыла, но и Теофиль Готье, увѣрявшій ее въ своей вѣрности. Пресса встрѣтила ее недружелюбно. Особенно возвращеніе Тальони въ Оперу послужило для ѣдкихъ замѣчаній и сравненій обѣихъ балеринъ. Въ этомъ отчасти она была сама виновата, нарушивъ контрактъ съ Большой оперой и уклонившись отъ уплаты неустойки, не совсѣмъ честнымъ образомъ лишившись изъ-за этого лестнаго для нея прозвища «самаго честнаго человѣка среди танцовщицъ.»

Это не помѣшало ей въ теченіе девяти лѣтъ блистать по всей Европѣ и покончить карьеру въ апоѳеозѣ славы. Тальони со своимъ вышедшимъ изъ моды романтизмомъ уже наскучила. Фанни Эльслеръ, напротивъ, осталась попрежнему свѣжей, жизненной, мощной, и ни одна нація не утомилась восторгаться ею. Въ Вѣнѣ ее встрѣтили восторженно, хотя она не хотѣла тамъ танцовать и согласилась участвовать лишь съ благотворительною цѣлью. Съ 1844—1849 гг. она ежедневно пріѣзжала туда во время итальянскаго сезона и давала десять-пятнадцать представленій, каждый разъ ея земляки принимали ее восторженно.

Но особенно берлинцевъ она приводила въ восхищеніе, и поэтъ Рюкертъ выразился: «Теперь я могу мирно лечь въ могилу. Я видѣлъ самое блестящее въ мірѣ, я видѣлъ ноги божественной Фанни возносящимися къ небу. Но послѣ такой радости боюсь, что не буду счастливъ въ иномъ мірѣ. Что же должны продѣлать предо мною ангелы на небѣ, когда на землѣ я видѣлъ подобные танцы». Только одинъ Гейне злорадно насмѣхался надъ берлинцами за ихъ восторженныя похвалы Фанни Эльслеръ. Что же касается самой Фанни, то рядомъ съ пріятными впечатлѣніями о Берлинѣ Фанни сохранила и грустное воспоминаніе: здѣсь она узнала о смерти своего отца.

Изъ Берлина она отправилась въ Лондонъ и нашла театръ въ прежнемъ несчастномъ положеніи. Восторженный пріемъ, оказанный, ей не могъ спасти

театра. Въ Брюсселѣ ею также сильно восторгались, и посѣтители театра de-la-Monnaie сдѣлали слѣдующее сравненіе между нею и Тальони: «Тальони воздухъ, а Эльслеръ земля въ соединеніи съ огнемъ». Въ Будапештѣ, гдѣ она была въ 1844—45 гг., мадьяры, забывъ свою ненависть къ австрійцамъ, встрѣтили ее съ восторгомъ и на банкетѣ въ ея честь пили шампанское и токайское изъ ея туфельки.

Особенный успѣхъ выпалъ на ея долю въ Италіи и тѣмъ болѣе замѣчательный, что въ то время нѣмцевъ тамъ ненавидѣли. Могуществомъ своего таланта и очаровательной внѣшностью Фанни побѣдила національную ненависть. Поэтъ Прати поднесъ ей поэму, гдѣ между прочимъ говорилъ, «что прежде, чѣмъ ее увидѣлъ, онъ питалъ къ ней ненависть, но, когда увидѣлъ, его чувства измѣнились». И онъ осыпалъ ее лестными похвалами.

Особенно было опасно для нѣмецкихъ артистовъ танцовать въ Миланѣ, тѣмъ болѣе, что въ 1840 г. этотъ городъ являлся дѣятельнымъ очагомъ патріотической пропаганды. Здѣсь ненависть артистовъ была еще живѣе, чѣмъ въ Венеціи. Кромѣ патріотической ненависти, Фанни грозила здѣсь опасность со стороны поклонниковъ трехъ балеринъ: Тальони, танцовавшей тамъ подъ рядъ три сезона, Фанни Черрито, уроженки Милана, услаждавшей съ 1838 года миланцевъ танцами, и Люси Гранъ. Въ первый вечеръ миланцы встрѣтили Фанни гробовымъ молчаніемъ и только, когда упалъ занавѣсъ, публика проявила восторгъ, забывъ о патріотизмѣ. На другой день она продолжала завоевывать побѣду, одаривъ щедро бѣдныхъ города Милана и участвуя на благотворительномъ спектаклѣ. Такимъ образомъ, къ концу сезона она стала такъ популярна, что Люси Гранъ поспѣшила уѣхать въ Лондонъ. Подъ рядъ два сезона росла ея популярность, но съ 1848 года Фанни танцовала тамъ какъ на вулканѣ. Симпатіи смѣнились ненавистью къ австріячкѣ, и ее освистали. Она поспѣшила покинуть опасную для нея страну. Ея отъѣздъ не успокоилъ патріотовъ, которые смотрѣли на Фанни, какъ на австріячку, развращавшую душу патріотовъ въ то время, когда требовалось проявить героизмъ древнихъ римлянъ. Кардуччи написалъ оду противъ тѣхъ, кто даетъ себя увлекать пѣніемъ и танцами.

Въ мартѣ 1848 г. многія столицы Европы, какъ Миланъ, Вѣна и Берлинъ, залиты были кровью; никто не думалъ о развлеченіяхъ, и Фанни приняла приглашеніе въ Россію.

«Въ художественномъ отношеніи,—заявляетъ авторъ,—русскіе находились на одномъ уровнѣ съ американцами. Они сходили съ ума по Фанни, не совсѣмъ ее понимая. Ея танцы возбуждали въ нихъ радость варваровъ и увлекали славянскіе темпераменты къ неумѣреннымъ манифестаціямъ. Особымъ признакомъ ихъ восторга являлось то, что они не обходились безъ обильнаго возліянія и громъ пробокъ шампанскаго слѣдовалъ за громомъ рукоплесканій». 2-го марта 1851 г. состоялся ея прощальный бенефисъ. Авторъ приводитъ слова графини Ростопчиной:

«Фанни, Фанни Эльслеръ! Чародѣйка, очаровательная! Невообразимая, почти невозможная! Фанни Эльслеръ!» вотъ что раздавалось въ сердцѣ каждаго и что наполняетъ еще теперь сердца, глаза, мечты воспоминаніями о

Фанни!.. Дѣйствительно ли мы сказали ей прости? Правда ли, что мы не увидимъ больше нашу могущественную фею!»

Наканунѣ прощальнаго бенефиса актеры французской и русской труппы поднесли ей браслетъ съ двумя надписями: «Фанни Эльслеръ отъ московскихъ артистовъ», «самому благородному сердцу, самому прекрасному таланту». Съ утра Москва какъ будто чего-то ожидала необычайнаго. Когда Фанни показалась на сценѣ, ее забросали букетами и нѣкоторые изъ нихъ обернуты были въ драгоцѣнныя кружева, а одинъ даже въ широкое брюссельское кружево. Калачъ поднесли ей на вѣткѣ камелій, онъ открывался и внутри лежалъ браслетъ, заказанный по подпискѣ, организованной княземъ Голицынымъ. Браслетъ украшали шесть драгоцѣнныхъ камней: малахитъ, опалъ, сафиръ, гранатъ и аметистъ, которые составляли слово: «Москва». Трогательная сцена произошла, когда Фанни подавали этотъ подарокъ. Фанни Эльслеръ плакала, старики, женщины и дѣти при видѣ ея слезъ тоже заплакали. Это произвело на нее такое сильное впечатлѣніе, что она упала на колѣни предъ цѣлой горой цвѣтовъ и граціозно поцѣловала каждый изъ камней, составляющихъ слово: «Москва». Балетъ «Эсмеральда» продолжаться не могъ: актеры, корифеи, кордебалетъ и оркестръ—всѣ плакали, какъ друзья, предъ неизбѣжной разлукой.

Фанни вызывали сорокъ два раза и ей поднесено было, по однимъ источникамъ, болѣе трехсотъ букетовъ, а по другимъ источникамъ—шестьсотъ. Наэлектризованная Фанни танцовала какъ никогда, она продѣлывала сверхчеловѣческія вещи, стояла на пуантѣ около трехъ минутъ, поднимала свое граціозное тѣло надъ головой танцовщика, и все это безъ малѣйшаго усилія. Кто ее видѣлъ въ этотъ день, не забудетъ всю жизнь. Ни одного изъ любимыхъ артистовъ такъ не привѣтствовали, какъ Фанни Эльслеръ.

Когда слухъ прошелъ объ ея намѣреніи распроститься со сценой, всѣ ея поклонники опечалились и въ прощальномъ спектаклѣ 21-го іюня 1851 г., гдѣ она выступала въ «Фаустѣ», поэтъ Грильпарцеръ обратился къ ней съ просьбой въ поэтическомъ изложеніи не покидать сцены... Все было напрасно, и Фанни сошла со сцены наканунѣ своей 41 годовщины, въ полной славѣ, желая избѣжать непріятнаго момента, когда не она сама, а другіе замѣтятъ начинающійся закатъ, какъ было съ Тальони. Но главная причина ея ухода со сцены—было желаніе испытать семейное счастье. Ея дочери исполнилось восемнадцать лѣтъ, и Фанни поселилась съ нею и съ двоюродной сестрой Катериной Принстеръ близъ Гамбурга, гдѣ провела четыре счастливыхъ года. Въ 1855 г. Фанни Эльслеръ переѣхала жить въ Вѣну, гдѣ прожила благополучно еще тридцать лѣтъ. Она удивляла всѣхъ своей моложавой наружностью, граціей въ движеніяхъ и живымъ до самой смерти умомъ, и сохранила много вѣрныхъ друзей. Искусство продолжало занимать выдающееся мѣсто въ ея жизни, и она не переставала посѣщать театръ. Къ ней за совѣтомъ приходили артисты, и она выучила одну знаменитую трагическую актрису падать съ лѣстницы. Упадокъ старыхъ традицій искусства ее очень огорчалъ, одинаково какъ исчезновеніе со сцены благородства. Когда воздвигали статую Гайдну, она участвовала въ церемоніи. Несмотря на страсть къ танцамъ, никакія просьбы не заставили ее измѣнить намѣренія не появляться на сценѣ. Только изрѣдка она показы-

вала свое искусство избраннымъ лицамъ. Такъ, Ротшильду, у котораго лежалъ ея капиталъ, удалось наслаждаться красотой ея искусства. По условiи каждое 1-е января она являлась сама получать часть процентовъ и однажды она вошла въ бюро, гдѣ находился Ротшильдъ и главные служащiе, продѣлывая пируэтъ. Получивъ деньги, она исполнила одно изъ тѣхъ па, сдѣлавшихъ ее знаменитой, и по обычаю окончила спектакль головокружительнымъ вальсомъ.

Другой разъ, уже шестидесяти лѣтъ, продолжая попрежнему очаровывать и производить впечатлѣнiе молодости, Фанни въ гостяхъ у актрисы Реттихъ протанцовала качучу. Она была декольтирована, и ея бѣлыя, вполнѣ сохранившiя юношескую свѣжесть плечи вызывали попрежнему восторгъ. Передававшiй объ этомъ вечерѣ музыкальный критикъ Эдуардъ Гансликъ въ «Aus meinem Leben» въ «Deutsche Rundschau» аккомпанировалъ ей качучу и никогда не могъ забыть того зрѣлища красоты, какое предстало его глазамъ.

Фанни обставила свой домъ съ большимъ вкусомъ, и ничто не напоминало ей о прежней славѣ, трофеи мало-по-малу были преданы сожженiю, чтобы не разводить пыль. Съ нею жила дочь, которая въ 1859 г. вышла замужъ за австрiйскаго офицера барона Вебенаухъ; у нея родилась дочь, которую Фанни боготворила. Вообще она свято чтила родственныя связи. Ее посѣщало лучшее вѣнское общество, артисты и писатели. Ея жизнь сложилась счастливѣе, чѣмъ Терезы, судьба которой внѣшне была блестяща. Она покинула театръ, чтобы выйти замужъ за принца Адальберта прусскаго, создателя прусскаго флота, и король пожаловалъ ей титулъ баронессы Барнимъ. Вырванная изъ своей среды въ чопорное общество, она чувствовала себя какъ въ изгнанiи. Смерть сына въ Египтѣ окончательно разбила ей сердце, и она умерла въ 1876 г. въ Меранѣ. Судьба Тальони тоже была печальнѣе, чѣмъ Фанни. Покинувъ сцену въ 1847 г., она поселилась на берегу озера Комо. Нужда заставила ее зарабатывать хлѣбъ уроками, и она покинула этотъ уголокъ для Лондона. Проведя въ большой нуждѣ послѣднiе годы, она одиноко скончалась въ Марселѣ 24-го апрѣля 1884 г. Напротивъ, Фанни до послѣдней минуты пользовалась почетомъ и любовью и когда 27-го ноября 1884 г. она скончалась, всѣ знавшiе ее оплакивали. Она похоронена на кладбищѣ Гейтуцингъ.

СМѢСЬ.

Двухсотлѣтіе Царскаго Села. 24-го іюня Царское Село праздновало свой двухвѣковой юбилей. Въ Екатерининскомъ соборѣ, переполненномъ молящимися, среди которыхъ находились Государева свита, чины Двора, начальствующія лица, различныя депутаціи и офицеры расположенныхъ въ городѣ и окрестностяхъ полковъ, было отслужено соборнѣ торжественное богослуженіе. На богослуженіе прибыли великія княгини Марія Павловна, Викторія Ѳедоровна и великій князь Кириллъ Владимировичъ. Послѣ богослуженія къ Большому дворцу двинулась духовная процессія; туда же направились и другіе крестные ходы черезъ Зубовскія ворота. На площади у Большого дворца, окруженной густыми толпами народа, состоялся парадъ войскамъ мѣстнаго гарнизона. Парадъ принималъ представитель Его Величества на торжествѣ главнокомандующій войсками великій князь Николай Николаевичъ, который при звукахъ встрѣчи обошелъ фронтъ войскъ. На главномъ подъѣздѣ дворца собрались великія княгини Марія Павловна, Елена Владимировна, Викторія Ѳедоровна, королевичъ Николай греческій, великіе князья Кириллъ и Борисъ Владимировичи и принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій. Послѣ молебствія, съ возглашеніемъ Царскаго многолѣтія и вѣчной памяти въ бозѣ почивающимъ Августѣйшимъ основателямъ Царскаго Села, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Когда они построились фронтомъ ко дворцу, Августѣйшій главнокомандующій провозгласилъ «ура» Государю Императору. Площадь огласилась громовыми перекатами «ура». Въ Большомъ дворцѣ былъ сервированъ затѣмъ завтракъ для лицъ, принимавшихъ участіе въ парадѣ, духовенства и депутацій. Во время завтрака великій князь Николай Николаевичъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, покрытый звуками гимна и кликами «ура». Гимнъ былъ повто-

ренъ трижды. Въ половинѣ четвертаго часа дня въ залѣ городской царскосельской ратуши состоялось торжественное засѣданіе. По совершеніи краткаго молебствія, закончившагося Царскимъ многолѣтіемъ и вѣчной памятью въ Бозѣ почивающимъ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ I и государю императору Александру I, состоялось освященіе бюстовъ первой державной хозяйки Царскаго Села императрицы Екатерины I и основателя города императора Александра I, послѣ чего всѣми присутствовавшими былъ исполненъ гимнъ «Боже, Царя храни!» покрытый кликами «ура». Рѣчи произнесли бургомистръ Царскаго Села А. А. Михайловъ, начальникъ дворцоваго управленія генералъ-майоръ Пѣшковъ и полковникъ С. Н. Вильчковскій. Начальнику царскосельскаго дворцоваго управленія генералъ-майору Пѣшкову, его помощнику полковнику Нотбеку, бургомистру города Михайлову и его помощнику Кудрявцеву, по случаю юбилея Царскаго Села, принесли поздравленія слѣдующія депутаціи: отъ города С.-Петербурга—во главѣ съ городскимъ головой с. с. Глазуновымъ (поднесшая копію памятника императрицы Екатерины II, находящагося въ Екатерининскомъ саду); отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка (поднесшая копію памятника императора Петра I, недавно открытаго въ саду передъ офицерскимъ собраніемъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка); 1-го его величества, 2-го и 4-го императорской фамиліи стрѣлковыхъ батальоновъ, лейбъ-гвардіи кирасирскаго Его Величества полка, лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, (поднесшая картину художника А. В. Маковскаго, изображающую смѣну караула у Орловскихъ воротъ), Ингерманландскаго императора Петра Великаго полка городовъ Петергофа, Павловска и Гатчины, царскосельскаго уѣзднаго дворянства, царскосельскаго уѣзднаго земства, католическаго общества, лютеранскаго общества, главнаго управленія Краснаго Креста, Пушкинскаго лицейскаго общества и т. д. Большая часть депутацій поднесла адреса. Послѣ пріема депутацій были прочитаны начальникомъ дворцоваго управленія привѣтственныя телеграммы, послѣ чего было объявлено засѣданіе закрытымъ. Во время торжественнаго засѣданія воспитанницами состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны ремесленнаго пріюта, подъ управленіемъ Н. М. Моисеева, были исполнены: «Радуйся, Россія», «Александръ, Елисавета, восхищаете вы насъ»; юбилейная кантата и «Громъ побѣды раздавайся». Въ тотъ же день, отъ 3-хъ до 10 час. вечера было устроено въ Софійскомъ паркѣ дворца его императорскаго высочества великаго князя Кирилла Владимировича гулянье для народа.

Закладка больницы Петра Великаго. Въ день празднованія патрона города Петербурга 29 іюня городомъ положено основаніе грандіозному сооруженію—первой въ столицѣ больницѣ по числу кроватей. Она будетъ вмѣщать до 3,000 больныхъ и свыше 1,000 человѣкъ служащаго персонала. Мѣсто для больницы Петра Великаго выбрано не совсѣмъ удачно въ виду трудности пріискать въ чертѣ города громадную свободную площадь. Мѣсто это, слывущее подъ названіемъ «Пудлеванъ», находится въ 7 верстахъ отъ города въ концѣ проспекта, названнаго тѣмъ же именемъ великаго преобразователя. Проспектъ начинается отъ Полюстровской набережной на Выборгской сторонѣ и тянется

на протяженіи 5 верстъ. Пространство, которое будетъ занято больничными помѣщеніями, величиною въ 20 десятинъ, изъ котораго подъ жилыя помѣщенія отойдетъ болѣе 3 десятинъ, на остальномъ же будутъ разбиты сады, скверы и оранжереи. Сейчасъ это пространство представляетъ пустырь, окаймленный на горизонтѣ близлежащимъ лѣсомъ. Дѣло постройки этой долженствующей стать образцовою больницы тянется съ 1903 г., когда на нее былъ отпущенъ 3.000,000 кредитъ. Впослѣдствіи онъ былъ увеличенъ до полныхъ 5.000,000 р. Всѣхъ больничныхъ зданій корпусовъ по проекту предположено 37. Надъ разработкой плана будущей больницы и ея организаціи работали въ теченіе ряда лѣтъ спеціалисты инженеры и врачи, какъ, напримѣръ, профессора; А. А. Веденяпинъ, А. К. Павловскій, В. И. Соколовскій, С. В. Шидловскій, Г. В. Хлопинъ и мн. др. Больница будетъ состоять изъ отдѣльныхъ 22 павильоновъ по родамъ болѣзней. Здѣсь будутъ: глазной павильонъ, нервный, операціонный, 6 терапевтическихъ, гинекологическій и др., 6 терапевтическихъ павильоновъ уже возведены и будутъ окончены къ слѣдующему году. Всѣ зданія будутъ закончены не ранѣе 1912 года. Торжество закладки началось въ 2 ч. дня при чудной погодѣ. Гостей доставили въ наемныхъ автомобиляхъ. Подъ особымъ шатромъ на мѣстѣ закладки былъ отслуженъ молебенъ гдовскимъ епископомъ Веніаминомъ. Присутствовали градоначальникъ Драчевскій, городской голова съ членами управы, много гласныхъ и представителей врачебнаго міра. Богослуженіе закончилось провозглашеніемъ вѣчной памяти Петру Великому. Преосвященный сказалъ прочувствованное слово, а представители администраціи предложили первые тосты за Высочайшихъ Особъ, затѣмъ за администрацію и кончили тостомъ за рабочихъ. Въ особомъ павильонѣ для приглашенныхъ на торжество лицъ былъ предложенъ завтракъ. Многіе изъ отдѣльныхъ лицъ, причастныхъ къ городскому самоуправленію, указывали на большое неудобство будущей больницы вслѣдствіе ея отдаленности, хотя къ больницѣ и будетъ проведенъ трамвай. Доставка больныхъ, особенно женщинъ, будетъ страшно затруднительна. Раздались голоса за то, чтобы сюда переслать всѣхъ хрониковъ и хирургическихъ больныхъ изъ городскихъ больницъ, а для терапевтическихъ оставить существующія въ городѣ.

50-лѣтіе Государственнаго банка. 2-го іюля государственный банкъ торжественно праздновалъ 50-лѣтіе со дня своего основанія. Въ 11 час. уютная церковь банка наполнилась приглашенными. Впереди стояли министры: финансовъ—В. Н. Коковцовъ, торговли и промышленности—С. И. Тимашевъ, юстиціи И. Г. Щегловитовъ, членъ гос. совѣта И. П. Шиповъ, управляющій государственнымъ банкомъ А. В. Коншинъ, всѣ члены совѣта банка, начальники отдѣльныхъ частей министерства финансовъ, спб. градоначальникъ Д. В. Драчевскій. Здѣсь же собрались директора петербургскихъ банковъ, представители кредитныхъ обществъ, депутаціи и т. д. Ровно въ 11 ч. изъ алтаря вышло духовенство во главѣ съ первымъ викаріемъ петербургской епархіи, епископомъ Никандромъ. Владыка обратился къ присутствующимъ съ прочувствованнымъ словомъ, въ которомъ напомнилъ библейскую исторію еврейскаго народа, который благоденствовалъ и накапливалъ богатства только тогда, когда помнилъ о Богѣ. Такъ и государственный банкъ будетъ процвѣтать долгіе годы, если мы будемъ

помнить Бога и вѣрно служить Царю. Протодіаконъ провозгласилъ вѣчную память основателю государственнаго банка въ Бозѣ почивающему императору Александру II. Торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ закончилось многолѣтіемъ Государю Императору и всему Царствующему Дому и министру финансовъ, управляющему и всѣмъ служащимъ банка. Послѣ молебна всѣ присутствовавшіе, по приглашенію управляющаго банкомъ А. В. Коншина, перешли въ залъ совѣта банка. Здѣсь, въ первыхъ рядахъ, сѣли министры, епископъ и другія высокопоставленныя лица. За совѣтскимъ столомъ предсѣдательское мѣсто занялъ министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ, имѣя по правую руку старѣйшаго члена совѣта банка, тайнаго совѣтника Палтова, а по лѣвую—управляющаго банкомъ А. В. Коншина, тутъ же заняли мѣста остальные члены совѣта. Ровно въ 11 час. дня министръ финансовъ, открывая торжественное засѣданіе совѣта банка, произнесъ первую рѣчь. Послѣ рѣчи министра торговли привѣтствовалъ министра финансовъ рядъ депутацій: отъ всѣхъ столичныхъ коммерческихъ банковъ (г. Утинъ), отъ спб. городского общественнаго управленія (г. Бузовъ), отъ спб. городского кредитнаго общества, отъ многихъ обществъ взаимнаго кредита города Петербурга, отъ центральнаго банка 414 обществъ взаимнаго кредита (членъ государственной думы Ступинъ), отъ ленскаго золотопромышленнаго общества, объ спб. биржевой барона Штиглица артели, отъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ (профессоръ Тавилдаровъ), отъ банкирскихъ домовъ города Петербурга и нѣкоторыхъ провинціальныхъ банковъ. Телеграфныя привѣтствія прислали многія иностранныя кредитныя учрежденія, банкирскій домъ Мендельсона, с.-петербургскій, московскій и многіе провинціальные биржевые комитеты, члены государственнаго совѣта Романовъ и статсъ-секретарь Танѣевъ, дочь преобразователя и перваго управляющаго государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанскаго, редакція журнала «Экономистъ Россіи» и друг. Министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ искренне благодарилъ всѣхъ собравшихся за привѣтствія и оцѣнку дѣятельности государственнаго банка и, по русскому обычаю, пригласилъ откушать хлѣба-соли.

Юбилей страннопріимнаго дома графа Шереметева. Сто лѣтъ тому назадъ, 28 іюня 1810 года, страннопріимный домъ, учрежденный графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ, началъ свою благотворительную дѣятельность. Домъ предназначался для содержанія въ немъ богадѣльни на 100 человѣкъ обоего пола, разнаго званія неимущихъ и увѣчныхъ, и больницы на 50 кроватей. Кромѣ того, по особому завѣщанію супруги учредителя графини Прасковьи Ивановны было опредѣлено ежегодно расходовать 75,000 руб. на выдачу бѣднымъ невѣстамъ пособія при выходѣ въ замужество, на ежемѣсячные пенсіоны и единовременныя пособія бѣднымъ и на другія дѣла милосердія, въ томъ числѣ на вклады въ храмы и обители. Щедрыя пожертвованія учредителя, его преемниковъ и другихъ лицъ дали возможность съ теченіемъ времени не только значительно расширить виды благотворенія, но и внести цѣлый рядъ новыхъ. Число призрѣваемымъ въ богадѣльнѣ возросло до 174 человѣкъ, больничныхъ кроватей до 81. На средства, пожертвованныя настоящимъ попечителемъ графомъ С. Д. Шереметевымъ, при домѣ открыто при больницѣ отдѣленіе

для приходящихъ больныхъ, медицинская касса для выдачи денежныхъ пособій бѣднымъ больнымъ; на капиталъ, пожертвованный графомъ А. Д. Шереметевымъ, домъ оказывалъ врачебно-санитарную помощь воинамъ въ минувшія войны; на средства графини Е. П. Шереметевой устроены библіотека и читальня для призрѣваемыхъ. Благотворительная дѣятельность странноприимнаго дома за 100-лѣтнее существованіе выразилась въ слѣдующемъ: 1) въ богадѣльнѣ было призрѣваемо за все время 2,984 человѣка; 2) въ больницѣ пользовано было мужчинъ и женщинъ 84,197 человѣкъ; 3) оказано медицинскихъ пособій и въ томъ числѣ выдано безплатно лекарствъ—1.903,502 человѣкамъ; 4) изъ медицинской кассы выдано денежныхъ пособій съ 1873 года—10,186 лицамъ; 5) въ санитарномъ отрядѣ и лазаретѣ дома въ русско-турецкую войну 1877—78 гг. и русско-японскую войну 1904—1905 гг. пользовано было 944 человѣка; 6) выдано на приданое при выходѣ въ замужество 3,021 невѣстѣ 273,443 руб.; 7) выдано 13,555 пенсіонерамъ ежемѣсячнаго пенсіона—334,852 руб.; 8) роздано 27,868 бѣднымъ единовременныхъ пособій на 62,500 руб.; 9) израсходовано на взносы въ храмы и монастыри и на поминовеніе учредителя и его супруги—37,274 руб.; 10) израсходовано на библіотеку и читальню съ 1873 г.—5,061 руб. и 11) израсходовано на погребеніе 3,307 человѣкъ—11,985 руб. Всѣ расходы странноприимнаго дома за 100 лѣтъ составили 6.012,487 руб.; благодѣяніями его пользовались свыше 2.000,000 человѣкъ. Въ день столѣтняго юбилея въ странноприимномъ домѣ состоялось торжественное засѣданіе, на которомъ А. И. Виноградовъ прочелъ историческую записку о домѣ и отчетъ за столѣтіе его благотворительнаго существованія. Затѣмъ генералъ-майоръ свиты Его Величества В. Ѳ. Джунковскій передалъ графу С. Д. Шереметеву привѣтствіе предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина. Главный смотритель дома генералъ-майоръ А. П. Тучковъ привѣтствовалъ отъ имени администраціи и служащихъ дома. Графъ С. Д. Шереметевъ благодарилъ за привѣтствіе и выразилъ надежду, что Господь поможетъ святому дѣлу продолжаться и въ грядущемъ столѣтіи, и въ родѣ родовъ. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ привѣтствій. А. Д. Самаринъ, А. М. Катковъ и баронъ В. Д. Шеппингъ привѣтствовали—отъ московскаго дворянства, членъ городской управы В. Ѳ. Малининъ—отъ московскаго городского управленія и городского врачебнаго совѣта, докторъ Н. И. Никольскій—отъ физико-медицинскаго общества и отъ пріюта неизлечимыхъ больныхъ имени митрополита Сергія, И. С. Бѣляевъ—отъ московскаго отдѣленія императорскаго русскаго военно-историческаго общества, И. А. Александровъ—отъ московскаго ремесленнаго общества, профессоръ Голубининъ—отъ клиникъ императорскаго московскаго университета. Были выражены привѣтствія отъ больницы имени императора Павла I, отъ Маріинской больницы, отъ Голицынской больницы, отъ военнаго госпиталя имени императора Петра I, отъ Бахрушинской, Старо-Екатерининской, Мясницкой, Яузской, Преображенской и др. больницъ, отъ тульскаго губернскаго земства, отъ московскаго мѣщанскаго общества (И. Н. Анофріевъ) и другихъ. Полученъ рядъ привѣтственныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ: отъ графа А. Д. Шереметева, отъ командующаго московскимъ военнымъ округомъ генерала-отъ-кавалеріи П. А. Плеве, отъ предсѣдательницы комитета христіанской помощи Е. Ѳ.

Джунковской, отъ московскаго врачебнаго управленія, отъ администраціи домовъ имени Хлудовыхъ, отъ московскаго управленія Краснаго Креста, отъ императорскаго Человѣколюбиваго общества, отъ правленія общества тульскихъ врачей, отъ Софійской, Морозовской и имени св. Ольги дѣтскихъ больницъ, отъ намѣстника Троице-Сергіевой лавры архимандрита Товія и много другихъ. Графъ С. Д. Шереметевъ благодарилъ всѣхъ за выраженныя привѣтствія. Засѣданіе заключилось исполненіемъ оркестромъ «Боже, Царя храни». Народный гимнъ былъ покрытъ дружнымъ «ура». Торжество закончилось завтракомъ.

Памяти князя В. А. Долгорукова. 4 іюля Москва поминала бывшаго московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Въ церкви генералъ-губернаторскаго дома къ заупокойной литургіи, а затѣмъ къ панихидѣ, которую служилъ бывшій настоятель этой церкви въ бытность князя Долгорукова московскимъ генералъ-губернаторомъ митрофорный протоіерей Звѣревъ, собрались: московскій губернаторъ свиты генералъ-майоръ Джунковскій, градоначальникъ генералъ-майоръ Адріановъ, чины канцеляріи генералъ-губернатора, и. об. губернскаго предводителя дворянства П. А. Базилевскій, представители губернскаго земства городского управленія, купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословій, многихъ казенныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній и многія частныя лица, пожелавшія почтить память покойнаго князя Долгорукова. Въ вестибюлѣ домовой церкви генералъ-губернаторскаго дома былъ вывѣшенъ портретъ князя Долгорукова, увѣнчанный его гербомъ и обвитый голубой андреевской лентой съ датами 1810—1910 гг., а также фотографическіе снимки съ рабочаго кабинета покойнаго князя. Въ часъ дня въ большомъ залѣ городской думы была совершена панихида по иниціативѣ городской управы. Собрались многіе гласные городской думы, всѣ члены управы во главѣ съ товарищемъ городского головы Брянскимъ, членъ государственной думы Шубинскій и другія лица. Кромѣ того, сегодня же были отслужены панихиды въ мѣщанской и ремесленной управахъ, въ больницѣ императора Александра III, въ которой по иниціативѣ покойнаго князя была устроена пастеровская станція, въ храмѣ Христа Спасителя, сооруженіе котораго происходило подъ наблюденіемъ князя Долгорукова, и во многихъ другихъ учрежденіяхъ и обществахъ, въ дѣятельности которыхъ принималъ участіе покойный князь. Въ Стрекаловской народной столовой на средства бывшихъ служащихъ канцеляріи генералъ-губернатора было выдано 250 безплатныхъ обѣдовъ бѣднымъ и 350 обѣдовъ въ той же столовой были выданы на средства служащихъ Румянцовскаго музея.

Радищевскій музей. 29 іюня исполнилось 25-лѣтіе существованія въ Саратовѣ музея имени Александра Николаевича Радищева. Мысль объ открытіи музея относится къ 1877 г. Въ декабрѣ этого года профессоръ А. П. Боголюбовъ обратился въ городскую думу съ предложеніемъ пожертвовать свою коллекцію, состоящую изъ картинъ, рисунковъ, бронзы, мебели и др. художественныхъ вещей на сумму 55 тысячъ рублей, чтобы образовать изъ нея музей, обѣщавъ пожертвовать домъ и капиталъ въ 100 тысячъ рублей для устройства при музеѣ рисовальнаго училища. Зданіе музея было готово къ маю 1885 г., освященіе

его состоялось 27 іюня, а черезъ два дня, 29 іюня 1885 г., послѣдовало торжественное открытіе музея. Въ настоящее время въ музеѣ, по словамъ «Саратовскаго Вѣстника», кромѣ скульптуры, фарфора, фаянса, оружія, минераловъ и проч., имѣется 906 нумеровъ картинъ (копій и подлинныхъ), этюдовъ, эскизовъ масляными и акварельными красками и рисунковъ карандашомъ перво-классныхъ русскихъ художниковъ. Кромѣ того, въ музеѣ имѣются старинныя грамоты, письма императора Александра III къ Боголюбову, рукописи Пушкина, Гоголя, Тургенева, Жуковскаго, Костомарова, Помяловскаго, Салтыкова, Суворова и др. Тургеневу отведенъ музеемъ особый «тургеневскій уголокъ», гдѣ находятся нѣкоторыя вещи Тургенева, рукописи, портреты, докторская тога оксфордскаго университета и т. д.

Юбилей ген.-отъ-инф. П. Д. Паренсова. 16 іюня исполнилось 50 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ генерала Паренсова, родившагося 5 іюля 1843 г. и происходящаго изъ дворянъ Вологодской губерніи. Отецъ П. Д., Дмитрій Тихоновичъ, служа въ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части (теперешній генеральный штабъ), участвовалъ во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Наполеономъ, начиная съ 1807 г. по 1814 г. включительно. По матери (Брянчаниновой) П. Д. Паренсовъ приходится роднымъ племянникомъ извѣстнаго въ свое время духовнаго писателя архимандрита Сергіевой пустыни подъ Петербургомъ, Игнатія Брянчанинова, впослѣдствіи епископа. 16 іюня 1860 г. П. Д. Паренсовъ изъ камеръ-пажей былъ произведенъ въ офицеры лейбъ-гвардіи Гатчинскаго, нынѣ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, причемъ, имѣя только 16 лѣтъ отъ роду, на основаніи существовавшихъ тогда правилъ, былъ обязанъ, послѣ производства въ офицеры, поступить въ одну изъ военныхъ академій. По выдержаніи дополнительнаго экзамена изъ высшихъ математическихъ и другихъ спеціальныхъ наукъ, Паренсовъ поступилъ въ инженерную академію, но въ 1861 г., вслѣдствіе ея раскассированія, въ числѣ другихъ 116 офицеровъ, не поладившихъ съ начальствомъ, былъ отъ академіи отчисленъ въ строй полка, а затѣмъ переведенъ въ полевую конную артиллерію. Въ 1867 г. кончилъ курсъ академіи генеральнаго штаба по 1-му разряду и назначенъ на службу въ штабъ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Въ 1869 г. былъ командированъ въ Уральскую область и принялъ участіе въ усмиреніи вооруженныхъ безпорядковъ въ Киргизской степи, за что награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. съ мечами. Былъ преподавателемъ военныхъ наукъ въ учебномъ кавалерійскомъ эскадронѣ (теперешняя офицерская кавалерійская школа), пройдя вмѣстѣ съ обучавшимися въ немъ офицерами весь курсъ кавалерійскаго обученія. Передъ войной 1877—78 гг., въ теченіе 7 мѣсяцевъ, производилъ развѣдки о силахъ и расположеніи турецкихъ войскъ, секретно путешествуя по Румыніи и Болгаріи, причемъ подвергся временному арестованію турецкими жандармами въ Рущукѣ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій за Дунаемъ былъ начальникомъ штаба кавказской казачьей дивизіи, а потомъ, подъ начальствомъ генераловъ: Скобелева 2-го, князя Имеретинскаго, графа Шувалова 2-го и Гурко, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ въ двукратномъ взятіи Ловчи (5 іюля и 22 августа), подъ Плевной (18 іюля у Скобелева, гдѣ былъ контуженъ), 30 и 31 августа тоже подъ Плевной, на Зеленыхъ горахъ (у князя Имеретинскаго

и Скобелева, опять былъ контуженъ) и при штурмѣ Правецкихъ укрѣпленныхъ позицій подъ начальствомъ графа Шувалова 2-го и Гурко, гдѣ былъ сильно контуженъ и эвакуированъ въ Россію. Поправившись, былъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Ванновскаго начальникомъ штаба сѣвернаго (бывшаго рущукскаго отряда) оккупаціонныхъ войскъ въ Болгаріи. За боевыя отличія получилъ ордена: св. Владимира 4 и 3 ст., золотое оружіе и чинъ генералъ-майора, имѣя отъ роду 34 года. Въ 1879—80 гг. былъ первымъ болгарскимъ военнымъ министромъ и членомъ кабинета. Разойдясь въ политическихъ взглядахъ съ первымъ болгарскимъ княземъ Александромъ Баттенбергскимъ, г. Паренсовъ былъ изъ Болгаріи отозванъ и, послѣ нѣкотораго промежутка бездѣйствія, въ 1881 г. назначенъ начальникомъ штаба 2-го армейскаго корпуса въ Вильнѣ, гдѣ, прослужа три года, предался всестороннему изученію положенія русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, пользуясь мѣстными источниками. Контузіи и лишенія во время войны, а также труды и непріятности министерствованія въ Болгаріи отозвались на г. Паренсовѣ тяжелой трехлѣтней болѣзнью, по излеченіи отъ которой былъ назначенъ варшавскимъ комендантомъ, а потомъ помощникомъ начальника штаба варшавскаго военнаго округа. Въ февралѣ 1890 года былъ назначенъ начальникомъ 6-й кавалерійской дивизіи въ варшавскомъ округѣ, которою командовалъ 9 лѣтъ. Съ 1908 по 1902 годъ г. Паренсовъ былъ комендантомъ варшавской крѣпости. 15-лѣтняя служба въ царствѣ Польскомъ дала возможность г. Паренсову не только присмотрѣться, но и изучить русско-польскія отношенія, уніатскій вопросъ, еврейскій, нарождавшійся уже тогда вопросъ о выдѣленіи Холмской губерніи, а также нѣмецкую колонизацію нашей окраины. Изученію этому много помогла служба при четырехъ генералъ-губернаторахъ: Гурко, князѣ Имеретинскомъ, графѣ Шуваловѣ и Чертковѣ. Въ 1902 г. г. Паренсовъ былъ назначенъ въ распоряженіе военнаго министра, а въ настоящее время состоитъ петергофскимъ комендантомъ, имѣя всѣ наши ордена до Александра Невскаго съ брильянтами включительно. Г. Паренсовъ не чуждъ литературѣ. Имъ написаны три большія книги воспоминаній о войнѣ 77—78 гг. и о первомъ годѣ самостоятельнаго существованія княжества Болгарскаго, подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ прошлаго» («На войнѣ»; «Ужасные дни» и «Затишье»; «Въ Болгаріи»). Двѣ изъ нихъ академіей наукъ признаны достойными макарьевской и ахматовской премій. Во время войны съ Японіей былъ постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Инвалида»; въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ существованія газеты «Голосъ Правды» былъ также постояннымъ сотрудникомъ этой газеты; помѣщаетъ статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Военномъ Сборникѣ», «Русской Старинѣ» и «Новомъ Времени». Онъ товарищъ предсѣдателя Славянскаго благотворительнаго общества, членъ-учредитель императорскаго русскаго военно-историческаго общества, членъ: общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III, общества ревнителей военныхъ знаній, Окраиннаго общества и Галицкаго общества. Почетный гражданинъ города Ловчи въ Болгаріи. Домъ, который онъ выстроилъ для себя и въ которомъ жилъ въ Софіи, благодарные болгары сохраняютъ въ неприкосновенности, какъ національную собственность, а улица, гдѣ стоитъ этотъ домъ, названа: «Улица генералъ Паренсовъ».

25-лѣтіе ученой дѣятельности академика С. Ѳ. Ольденбурга. 25 іюня исполнилось 25-лѣтіе ученой дѣятельности непремѣннаго секретаря академіи наукъ, извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, ординарнаго академика по литературѣ и исторіи азіатскихъ народовъ, Сергѣя Ѳедоровича Ольденбурга. С. Ѳ. родился 14 сентября 1863 г. въ Восточной Сибири. Въ 1881 г. окончилъ съ золотой медалью 1-ю варшавскую гимназію. Въ томъ же году С. Ѳ. поступилъ на санскритско-персидское отдѣленіе факультета восточныхъ языковъ петербургскаго университета, который окончилъ со степенью кандидата въ 1885 гг. Молодой ученый былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Вернувшись изъ командировки за границу, данной ему въ 1887 г., весною 1889 г. С. Ѳ. былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ качествѣ приватъ-доцента. Лѣтомъ 1890 г. и осенью 1893 г. онъ посѣтилъ съ научною цѣлью Англію и Францію. Въ февралѣ 1895 г. С. Ѳ. защитилъ диссертацію на степень магистра санскритской словесности, а въ мартѣ 1897 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ. Въ засѣданіи историко-филологическаго отдѣленія академіи наукъ 24 ноября 1899 г. академикъ В. Радловъ, К. Залеманъ, баронъ Розенъ и В. Васильевъ внесли предложеніе объ избраніи С. Ѳ. въ адъюнкты по литературѣ и исторіи азіатскихъ народовъ. Въ представленной по этому поводу запискѣ объ ученыхъ трудахъ С. Ѳ. Ольденбурга, между прочимъ, говорится, что труды эти «свидѣтельствуютъ о громадной начитанности и замѣчательной многосторонности даровитаго ученаго. Вся древняя Индія ему знакома: ея религія и легенды, ея поэзія и искусство, ея древности и исторія. Слѣдуя по стопамъ своего незабвеннаго учителя И. П. Минаева, С. Ѳ. приложилъ особыя старанія къ изученію сѣвернаго буддизма, распространившагося впослѣдствіи въ Тибетѣ и Китаѣ. Въ запискѣ далѣе упоминается, что первый научный трудъ юбиляра появился въ 1886 г. и былъ напечатанъ въ запискахъ восточнаго отдѣленія археологическаго общества. Избраніе С. Ѳ. въ адъюнкты состоялось въ общемъ собраніи членовъ академіи наукъ 5 февраля 1900 г. 19 апрѣля 1903 г. онъ былъ избранъ въ экстраординарные академики, а 1 ноября 1908 г.—въ ординарные. Со 2 октября 1904 г. С. Ѳ. состоялъ непремѣннымъ секретаремъ академіи. Юбиляръ принимаетъ также дѣятельное участіе во многихъ ученыхъ обществахъ и учрежденіяхъ. С. Ѳ. Ольденбургъ числится докторомъ правъ абердинскаго университета, почетнымъ членомъ московскаго археологическаго института, членомъ-корреспондентомъ финно-угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ и азіатскаго общества въ Парижѣ, членомъ русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, по порученію котораго онъ былъ командированъ въ китайскій Туркестанъ, предсѣдателемъ этнографическаго общества и др. Въ настоящее время С. Ѳ. работаетъ надъ описаніемъ коллекцій, вывезенныхъ подполковникомъ Козловымъ изъ Монголіи.

Юбилей проф. М. С. Грушевскаго. Въ іюнѣ исполнилось 25-лѣтіе научно-литературной и общественной дѣятельности извѣстнаго украинскаго ученаго и писателя профессора Михаила Сергѣевича Грушевскаго. Блестяще окончивъ въ 1890 г. историко-филологическій факультетъ кіевскаго университета, М. С. спустя четыре года, по сдачѣ магистерскаго экзамена, приглашается на каѳедру

по русской исторіи въ львовскій университетъ (въ Галиціи), какую съ честью занимаетъ и по настоящее время. Профессоръ Грушевскій пользуется огромною извѣстностью, какъ знатокъ Украйны, которой онъ посвятилъ значительную часть своихъ научныхъ трудовъ. Самой крупной работой его является «Історія Украйны», вышедшая пока въ семи томахъ и считающаяся лучшей, по отзывамъ спеціалистовъ. За 25 лѣтъ своей ученой карьеры М. С. написалъ массу историческихъ сочиненій, изъ которыхъ отмѣтимъ его диссертацію, обратившую на себя вниманіе, «Барское староство», «Освобожденіе Руси и украинскій вопросъ», «Розвідки и матеріяли до исторіи Украіна-Руси», «Очерки исторіи Кіевской земли» и др. Публицистическая дѣятельность М. С. была сосредоточена въ организованномъ имъ лучшемъ украинскомъ журналѣ «Литературно-науковий Вістникъ». Этому журналу, а также обществу имени Т. Г. Шевченко, во главѣ котораго онъ стоитъ, профессоръ Грушевскій отдалъ лучшіе годы своей жизни. Изъ общества имени Шевченка ему удалось создать нѣчто въ родѣ украинской академіи наукъ, привлекая къ нему лучшія научныя и литературныя силы Украйны. Профессоръ Грушевскій началъ писать еще на студенческой скамьѣ. Первыя его произведенія были беллетристическаго характера. М. С. извѣстенъ также, какъ выдающійся общественный дѣятель, работающій на пользу освобожденія и преуспѣянія украинскаго народа. Юбилей профессора Грушевскаго торжественно праздновался въ Львовѣ, гдѣ для этой цѣли былъ организованъ спеціальный комитетъ. Кіевъ горячо отозвался на этотъ юбилей посылкой депутаціи. Юбиляру, родившемуся въ Холмѣ (Черниговской губерніи), теперь 44 года. Онъ полонъ жизни и энергіи.

Юбилей протоіерея Ф. Н. Орнатскаго. 28 іюня исполнилось 25-лѣтіе священства протоіерея Философа Николаевича Орнатскаго, настоятеля церкви экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, предсѣдателя совѣта общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, депутата отъ духовенства въ петербургской городской думѣ. О. Орнатскому 50 лѣтъ. По окончаніи курса въ петербургской духовной академіи, состоя священникомъ въ пріютѣ принца Ольденбургскаго, о. Орнатскій обратилъ на себя вниманіе энергичною проповѣдническою дѣятельностью и законоучительствомъ и, на седьмомъ году своей службы, молодой священникъ былъ избранъ на должность предсѣдателя столичнаго религіозно-просвѣтительнаго общества. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 18 лѣтъ, по выборамъ, состоитъ во главѣ этого общества, имѣвшаго большое значеніе въ судьбахъ русской церкви. Это первое общество—плодъ пастырской самодѣятельности, возникшее по иниціативѣ духовенства и его силами развившее плодотворную дѣятельность. Въ Петербургѣ оно устроило 6 храмовъ, при которыхъ ведется проповѣдь, открыты общества трезвости, школы, воскресные классы, издаются журналы. При нихъ намѣчены новыя стороны пастырей-дѣятелей, которымъ суждено сыграть большую роль при будущемъ обновленномъ приходѣ: духовныя библіотеки, церковно-народныя читальни, общенародное пѣніе, содружества интеллигентной молодежи для самообразованія въ церковномъ духѣ и образованныхъ женщинъ для чтенія св. писанія по больницамъ, богадѣльнямъ, тюрьмамъ. Общество, при предсѣдательствѣ протоіерея Орнатскаго, послужило образцомъ для многихъ подоб-

ныхъ организацій въ другихъ городахъ Россіи: въ Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ Ригѣ. Проповѣдники, начавшіе свою дѣятельность на студенческой скамьѣ въ рядахъ дѣятелей общества, разсѣяны на разныхъ поприщахъ по всей Россіи. Какъ проповѣдникъ, о. Орнатскій съ особеннымъ успѣхомъ выступалъ съ проповѣдью о воскресномъ отдыхѣ для торговыхъ людей, еще въ то время, когда въ столицѣ торговля производилась во всѣ воскресные и праздничные дни,—противъ секты пашковцевъ, а также въ саровскіе дни, командированный митрополитомъ петербургскимъ на открытіе мощей преподобнаго Серафима. Какъ опытный законоучитель, о. Орнатскій принималъ дѣятельное участіе въ комиссіяхъ по преобразованію средней школы при министрахъ Боголѣповѣ и Ванновскомъ. Съ 1893 г. протоіерей Орнатскій въ теченіе 10 лѣтъ состоялъ депутатомъ отъ духовенства въ петербургской городской думѣ. При пересмотрѣ городового положенія въ 1903 г., депутатъ отъ духовенства былъ исключенъ изъ числа гласныхъ, но въ томъ же году, по Высочайшему повелѣнію, эта должность была вновь возстановлена и митрополитомъ протоіерей Орнатскій вновь назначенъ депутатомъ, «какъ въ теченіе 10 лѣтъ съ достоинствомъ и честью уже это званіе носившій». Въ городской думѣ дѣятельность о. Орнатскаго сказывалась не столько въ общихъ собраніяхъ, сколько въ комиссіяхъ по народному образованію и по благотворительности, коихъ онъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ, завѣдуя училищами нарвскаго района и состоя предсѣдателемъ 5-го городского попечительства о бѣдныхъ. Во время забастовокъ и послѣ, когда дума открывала городскія столовыя, о. Орнатскій завѣдывалъ нѣсколькими питательными пунктами въ Нарвской части и въ Петергофскомъ пригородномъ участкѣ. Плодомъ его ходатайства предъ думою являются храмы Воскресенія общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія «у Варшавки» и православный эстонскій храмъ на Екатерининскомъ каналѣ, выстроенные на городскихъ участкахъ земли, выпрошенныхъ энергичнымъ депутатомъ. Имъ же вызваны къ жизни новые приходы въ Петербургѣ при построенныхъ, во главѣ съ нимъ, церквахъ—Сергіевской, на Новосивковской улицѣ, и Петропавловской, въ Лѣсномъ, и урегулированы границы православныхъ приходовъ въ Петербургѣ. Священникомъ церкви экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ о. Орнатскій состоитъ 18 лѣтъ, со дня освященія церкви, въ построеніи которой онъ принималъ участіе. И въ экспедиціи дѣятельность протоіерея Орнатскаго не ограничивается только храмомъ. Онъ организовалъ безплатную библіотеку-читальню для рабочихъ и принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ плана и программъ экспедиціонной технической школы для дѣтей рабочихъ, которою онъ и завѣдуетъ. Школа эта, еще не закончившая своего развитія, пока при семи классахъ съ 16 отдѣленіями, имѣетъ уже болѣе 600 учащихся; при ней открыты вечерніе курсы для взрослыхъ рабочихъ, курсъ кочегаровъ и др. Завѣдывающій душою преданъ этому новому и оригинальному учрежденію. За свои труды протоіерей Орнатскій избранъ почетнымъ членомъ религіозно-просвѣтительныхъ обществъ петербургскаго, московскаго и кіевскаго, православнаго эстонскаго братства, обществъ вспомоществованія приказчикамъ и сидѣльцамъ и приказчикамъ Большого Гостинаго двора, благотворительнаго общества въ память 19-го февраля, петербургскаго совѣта

дѣтскихъ пріютовъ, попечительнаго совѣта пріюта принца Ольденбургскаго и друг. Въ декабрѣ 1908 года былъ награжденъ митрою. Кромѣ того, о. Орнатскій принимаетъ участіе въ совѣтахъ братства для призрѣнія дѣтей идіотовъ и эпилептиковъ, союза для борьбы съ дѣтскою смертностью, петербургскаго миссіонерскаго комитета, редактировалъ журналъ «Духовный Вѣстникъ», состоитъ цензоромъ духовныхъ журналовъ: «Отдыхъ христіанина», «Трезвая Жизнь» и др. Нѣкоторыя свои статьи по вопросамъ законоученія о. Орнатскій печаталъ въ «Новомъ Времени», а проповѣди—въ синодальныхъ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», академическомъ «Церковномъ Вѣстникѣ», «Петербургскомъ Листкѣ» и др.

Слѣпокъ диплодока въ академіи наукъ. 21 іюня въ большомъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ закончена установка слѣпка съ знаменитаго скелета диплодока, находящагося въ музеѣ Карнеги въ Питсбургѣ (Америка). 22 іюня въ академіи собрались: директоръ этого музея Dr. Holland, американскій консулъ Я. Е. Коннеръ, директоръ геологическаго музея академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ, ассистентъ доктора Холланда г. Koxhall, ученый хранитель музея профессоръ И. П. Толмачевъ, препараторы гг. Кнырко и Пецъ, смотритель В. А. Тулиновъ и сотрудники петербургскихъ газетъ. Докторъ Холландъ весьма обстоятельно познакомилъ это маленькое собраніе съ исторіей диплодока, скелетъ котораго вытянулся черезъ весь залъ, напоминая собой громадную ящерицу-верблюда. 21 іюня (4 іюля н. ст.) 1899 г., въ день національнаго американскаго праздника на берегахъ рѣки Шипъ-Крикъ (Sheep-Creek) въ штатѣ Айомингъ (Wyoming) былъ открытъ скелетъ «диплодока Карнеги». Ровно черезъ 11 лѣтъ окончена сборка слѣпка этого скелета, преподнесеннаго г. Андр. Карнеги Его Величеству Императору Всероссійскому. Слѣпокъ этотъ шестой по счету, помѣщенный въ европейскихъ музеяхъ. Первый слѣпокъ былъ преподнесенъ въ 1905 г. королю Эдуарду VII и хранится въ Британскомъ музеѣ, второй былъ преподнесенъ въ 1908 г. императору германскому, третій тогда же—президенту Французской республики, четвертый въ 1909 г.—императору австрійскому, пятый тоже въ 1909 г.—королю Италіи. Диплодокъ является колоссальнымъ земноводнымъ животнымъ, ихтіозавромъ мезозойской эпохи юрскаго періода земли, жившимъ приблизительно за 10 милліоновъ лѣтъ до нашего времени. Въ этотъ періодъ земноводныя преобладали на нашей планетѣ, имѣя весьма разнообразныя формы и величины. Диплодокъ обыкновенно жилъ на землѣ, но былъ способенъ плавать. Привезенный въ Россію слѣпокъ сдѣланъ въ натуральную величину, длиной отъ носа до конца хвоста въ 26 метровъ, вышиною въ 4 метра. Залъ академіи наукъ оказался недостаточно длиннымъ, вслѣдствіе чего пришлось измѣнить заранѣе построенный спеціальный постаментъ такъ, чтобы можно было согнуть конецъ хвоста диплодока. Такъ же сдѣлано и въ Парижѣ и Вѣнѣ, гдѣ залы музеевъ тоже оказались недостаточно длинными. Скелетъ этотъ теперь самый большой изъ всѣхъ имѣющихся въ Россіи скелетовъ четвероногихъ животныхъ, и извѣстный мамонтъ зоологическаго музея пигмей въ сравненіи съ диплодокомъ. Для слѣпка былъ сдѣланъ желѣзный остовъ, на который точно насажены отдѣльныя ребра, позвонки и т. д., сдѣланные изъ гипса, декстрина и крахмала Везли его въ 35 ящикахъ, общимъ

вѣсомъ въ 264 пуда 32 фунта. Изъ Нью-Іорка въ Либаву перевезли безплатно на русскихъ пароходахъ, изъ Либавы въ Петербургъ тоже безплатно по желѣзной дорогѣ. 26 мая этотъ драгоцѣнный подарокъ прибылъ въ столицу, и почти цѣлый мѣсяцъ пошелъ на сборку слѣпка. Одна монтировка его обошлась академіи тысячи въ двѣ, а изготовленіе слѣпка стоило американскому миліардеру Карнеги навѣрное въ десятки тысячъ. Въ геологическомъ музеѣ идетъ надстройка зданія, чтобы можно было помѣстить туда и диплодока, но до тѣхъ поръ пройдетъ два года, а пока слѣпокъ скелета диплодока будетъ стоять въ большомъ конференцъ-залѣ академіи. При осмотрѣ его собраніемъ представители музея Карнеги отмѣтили интересную вещь: животное три раза теряло свой громаднѣйшій хвостъ. Это видно по сросшимся позвонкамъ. Въ первый разъ патологическое срощеніе имѣло мѣсто почти у самой крестовины, черезъ одинъ позвонокъ, во второй разъ у 16-го позвонка и въ третій—у 19-го позвонка. Причины этого явленія точно установить, конечно, нельзя. Жевательной системы у диплодока нѣтъ, а есть только верхніе рѣзцы. Это значитъ, что животное питалось листьями и верхушками деревьевъ. Названо оно диплодокомъ оттого, что у заднихъ ногъ имѣетъ два большихъ отростка.

Новое высшее учебное заведеніе. Съ сентября мѣсяца въ Петербургѣ, въ помѣщеніи біологической лабораторіи П. Ф. Лесгафта, открывается новое высшее учебное заведеніе — петербургскіе высшіе курсы съ факультетами общеобразовательнымъ и спеціальными. Основной задачей этого учрежденія является устраненіе одного изъ весьма существенныхъ недостатковъ современной высшей школы, которая даетъ лишь спеціальныя знанія, безъ общаго высшаго образованія, результатомъ чего между средней и высшей школой является ничѣмъ не заполненный пробѣлъ. Признавая чрезвычайно важное значеніе общаго образованія въ высшей школѣ не только для развитія, но и какъ средство, способствующее болѣе правильному выбору учащимися своей спеціальности, учредители высшихъ курсовъ имени П. Ф. Лесгафта ввели въ учебный планъ курсовъ особый «общеобразовательный» факультетъ, съ двухлѣтней программой, въ число предметовъ преподаванія котораго включены слѣдующія науки: математика (лекторы: проф. Бауманъ, Каргинъ), физика (проф. Боргманъ, Іоффе, Алтуховъ, Тортонъ), химія (проф. Байковъ, Лещенко), минералогія (проф. Федоровъ), астрономія (Н. А. Морозовъ), геологія (акад. Чернышевъ, Преображенскій), анотомія и гистологія (д-ра Крассуская, Бутыркинъ), зоологія (Метальниковъ, Давыдовъ, Алтухова), физіологія (проф. Павловъ, князь Ухтомскій), ботаника (акад. Бородинъ, Рихтеръ, Зинова), бактеріологія (Омельянскій), исторія философіи (проф. Лосскій), психологія (проф. Лапшинъ), сравнительная психологія (проф. Вагнеръ), политическая экономія (проф. Туганъ-Барановскій), энциплопедія права (проф. Петражицкій, проф. Гредескулъ), государственное право (проф. Гессенъ), всеобщая исторія (проф. Тарле), всеобщая литература (Коганъ), соціологія (проф. Максимъ Ковалевскій), исторія искусствъ (А. Бенуа), исторія музыки (проф. Каль), рисованіе (проф. Матэ), гимнастика по методу Лесгафта (Познеръ, Теренина). Лишь по окончаніи общеобразовательнаго факультета слушатель, успѣшно сдавшій соотвѣтствующія испытанія, можетъ поступить на одинъ

изъ слѣдующихъ четырехъ спеціальныхъ факультетовъ, по своему выбору: физико-математическій, юридическій, историко-филологическій и педагогическій; минимумъ пребыванія на каждомъ изъ нихъ—2 года; объемъ преподаванія—университетскій. Важное мѣсто въ программѣ курсовъ отводится практическимъ занятіямъ по всѣмъ отраслямъ знаній, для которыхъ біологическая лабораторія профессора Лесгафта предоставила свои учебныя пособія, лабораторіи, музей и проч. Начало занятій—въ сентябрѣ 1910 года. Плата за слушаніе лекцій—75 рублей въ годъ. Прошенія и справки — Петербургъ, Англійскій, 32. Личныя объясненія—тамъ же по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 5 до 6 часовъ вечера. Не имѣющіе свидѣтельствъ среднихъ учебныхъ заведеній принимаются вольнослушателями и вольнослушательницами. Обязанности директора курсовъ принялъ на себя проф. Максимъ Максимовичъ Ковалевскій. Предсѣдатель попечительнаго совѣта—Н. В. Дмитріевъ.

Памяти А. Н. Островскаго. Гласный московской городской думы Н. А. Шаминъ подалъ въ думу заявленіе съ предложеніемъ участвовать въ сооруженіи памятника въ Москвѣ А. Н. Островскому по поводу исполняющагося 2 іюня 1911 г. 25-лѣтія со дня кончины русскаго драматурга. Гласный указываетъ, что вопросъ о постановкѣ памятника былъ возбужденъ еще въ 1886 году въ первомъ послѣ смерти А. Н. Островскаго общемъ собраніи членовъ общества русскихъ драматическихъ писателей. Тогда же рѣшено было испросить Высочайшее соизволеніе на сборъ пожертвованій по всей Россіи. Въ 1886 году общество драматическихъ писателей ассигновало 5,000 руб. на сооруженіе памятника. Въ настоящее время путемъ подписки среди членовъ и отчисленія изъ средствъ общества сумма эта возросла до 30,000 руб. Г. Шаминъ предлагаетъ городской думѣ просить купеческое общество и другія сословія города Москвы принять участіе въ сооруженіи памятника А. Н. Островскому. Мѣстомъ для постановки памятника гласный указываетъ Театральную площадь.

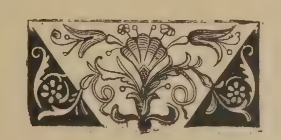
Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ. Московское общество грамотности объявило конкурсъ на соисканіе преміи за лучшее сочиненіе по вопросу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости по случаю исполняющагося 50-лѣтія со дня этого величайшаго событія въ русской исторіи. Главная задача конкурсной работы—дать такой доступный для широкихъ массъ читателей очеркъ крестьянской реформы, который заполнилъ бы какой-либо существенный пробѣлъ въ нашей популярно-исторической литературѣ. Поддѣлки подъ народную рѣчь не должны имѣть мѣста въ предполагаемомъ сочиненіи, хотя оно предназначается главнымъ образомъ для крестьянской и вообще простой массы грамотнаго народа. Въ работѣ должно быть выяснено, какъ въ связи съ реформою 1861 г. былъ поставленъ и разрѣшенъ вопросъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, а также указаны результаты выкупа надѣловъ. Другая тема, предложенная на соисканіе преміи московскаго общества грамотности, касается вопроса: что дала русскому крестьянину реформа 19 февраля 1861 г. Тутъ должны быть выяснены основныя причины, подготовившія реформу, экономическое и юридическое положеніе крестьянъ, важнѣйшія измѣненія въ развитіи началъ, положенныхъ въ основу освободительной реформы, искаженной впослѣдствіи подъ вліяніемъ реакціонной политики правительства.

Особенное вниманіе авторы должны обратить на работы губернскихъ комитетовъ, редакціонныхъ комиссій и взаимныя отношенія правительства, бюрократіи и общественныхъ элементовъ въ дѣлѣ проведенія реформы. Для оцѣнки представленныхъ сочиненій избранъ комитетъ изъ слѣдующихъ лицъ: профессора В. О. Ключевскаго, профессора А. А. Мануилова, Н. А. Каблукова, А. В. Вормса, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословскаго, Б. И. Сыромятникова, А. И. Яковлева, В. А. Розенберга, В. И. Анисимова и П. Л. Барскова. Условія конкурса слѣдующія: представленныя работы не должны имѣть болѣе 5 печатныхъ листовъ (по 40 тысячъ буквъ) на каждую тему. Авторъ премированнаго сочиненія получаетъ золотую медаль и по 100 руб. за печатный листъ. Первое изданіе премированной работы печатается московскимъ обществомъ грамотности въ количествѣ 10—15 тысячъ экземпляровъ. Работы должны быть представлены къ 1 декабря 1910 г., безъ подписи, съ какимъ-либо девизомъ. Жюри разсмотритъ всѣ сочиненія къ 1 января 1911 г. Непремированныя работы, но признанныя жюри хорошими, получаютъ почетный отзывъ.

Всероссійскій сборъ пожертвованій на памятникъ А. П. Чехову. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше соизволилъ разрѣшить таганрогской городской думѣ открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ городѣ Таганрогѣ памятника А. П. Чехову.

Объединенный комитетъ по сооруженію памятника Т. Г. Шевченка объявляетъ вторичный международный конкурсъ на составленіе эскиза памятника, предназначеннаго къ сооруженію въ городѣ Кіевѣ. Срокъ представленія эскизовъ—3 часа пополудни 1 февраля стараго стиля 1911 года. Преміи назначаются въ 1500 руб., 1000 руб. и 500 руб. Подробную программу конкурса и планъ мѣстности, предназначенной подъ памятникъ, можно получить въ Объединенномъ комитетѣ (Кіевъ, городская управа) или прочесть въ журналѣ «Зодчій», напечатавшемъ программу полностью.

Литературный конкурсъ всероссійскаго національнаго клуба. Всероссійскій національный клубъ объявляетъ конкурсъ на составленіе пьесы, соотвѣтствующей событію 19 февраля 1861 года. Пьеса должна быть трехактная и составлена въ національно-народномъ духѣ. 1-я премія—300 рублей, 2-я—150 руб. Удостоенная 1-й преміи пьеса издается клубомъ, поступаетъ въ полное распоряженіе послѣдняго и является его собственностью на 1910 и 1911 годы; авторъ, сверхъ преміи, получаетъ соотвѣтствующій гонораръ. Срокъ представленія рукописей 1 ноября 1910 года. Съ запросами и объясненіями должно обращаться въ издательскую комиссію Всероссійскаго Національнаго клуба: С.-Петербургъ, Литейный, 10.



НЕКРОЛОГИ.

Ададуровъ, Н. Е. Въ ночь на 13 іюня, послѣ продолжительной болѣзни, скончался предсѣдатель инженернаго совѣта Николай Евграфовичъ Ададуровъ. Имя покойнаго пользуется большой извѣстностью въ инженерномъ мірѣ. Покойный, окончивъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія былъ назначенъ на службу въ департаментъ проектовъ и смѣтъ. Вскорѣ покойный перешелъ на линіи частныхъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ постепенно занималъ отвѣтственныя должности. Затѣмъ, какъ выдающійся инженеръ-администраторъ, былъ приглашенъ управлять Либаво-Роменской желѣзной дорогой и вслѣдъ за переходомъ дороги въ казну остался начальникомъ этой дороги. Съ назначеніемъ графа С. Ю. Витте управляющимъ министерствомъ путей сообщенія покойный немедленно былъ приглашенъ стать во главѣ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и вскорѣ послѣ преобразованія центральныхъ учрежденій министерства путей сообщенія былъ назначенъ начальникомъ управленія по сооруженію Сибирской желѣзной дороги, въ 1905 г. назначенъ членомъ инженернаго совѣта, въ 1908 г. предсѣдателемъ того же совѣта. Покойный отличался своей искренностью и сердечностью. Состоя во главѣ разныхъ учрежденій, онъ постоянно заботился о младшихъ служащихъ, за что, конечно, пользовался ихъ симпатіями. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12305).

† **Берестневъ, Н. М.** 30-го іюня на Міусскомъ кладбищѣ въ Москвѣ похоронили приватъ-доцента московскаго университета, завѣдующаго бактеріологическимъ институтомъ при Ново-Екатерининской больницѣ, Николая Михайловича Берестнева, безвременно скончавшагося въ ночь на 27 іюня. Покойный родился въ 1867 году и воспитывался въ слуцкой гимназіи, изъ которой въ 1876 году поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. По окончаніи курса лекаремъ (1891 г.), онъ состоялъ штатнымъ

ординаторомъ пропедевтической университетской клиники (1892—1895 гг.), помощникомъ завѣдующаго бактеріологическимъ институтомъ (съ 1895 г.), а послѣ полученія степени доктора (1897 г.) и приватъ-доцентомъ университета (сь 1899 г.) для преподаванія медицинской бактеріологіи. Наконецъ, съ 1908 года покойный занялъ мѣсто директора бактеріологическаго института и въ этой должности пробылъ только два года. Къ его ученымъ трудамъ принадлежали: докторская диссертація — «Актиномикозъ и его возбудители» (М. 1897 г.) и спеціальныя статьи въ медицинскихъ журналахъ. (Некрологъ его: «Московск. Вѣдом.» 1910 г., № 147).

† **Беккеръ, М. Н.** Въ Севастополѣ скончалась Марія Николаевна Беккеръ, бывшая въ теченіе почти тридцати лѣтъ главной надзирательницей Коломенской женской гимназіи. Покойная—дочь умершаго отъ ранъ офицера—родилась въ 1835 г. Круглой сиротой она была привезена въ Петербургъ изъ Малороссіи и опредѣлена въ Патріотическій институтъ, курсъ въ которомъ окончила съ первымъ золотымъ шифромъ. Затѣмъ была чтицей и воспитательницей внуковъ графини Левашовой. Поселившись въ 60-хъ годахъ въ Дрезденѣ, она занялась воспитаніемъ дѣтей своей сестры и родственницъ. Путешествуя по Швейцаріи и Германіи, изучала тамошнія школы съ цѣлью открыть въ Россіи свое частное учебное заведеніе, однако это ей не удалось. Покойный принцъ П. Г. Ольденбургскій предлагалъ ей мѣсто начальницы въ одномъ изъ провинціальныхъ институтовъ, но М. Н. отказалась, желая трудиться въ Петербургѣ. Когда въ 1879 г. въ Коломенской гимназіи освободилась должность главной надзирательницы, покойная заняла эту должность, и съ того времени до прошлаго года имя ея и ея труды были неразрывно связаны съ гимназіей. За это время тысячи учениць гимназіи находились на ея попеченіи, изъ нихъ до полуторы тысячи окончили гимназическій курсъ. Въ обществѣ вспомоществованія нуждающимся ученицамъ М. Н., пока позволяли ей силы, принимала дѣятельное участіе, устраивая ежегодно въ пользу общества концерты, спектакли и базары. Какъ воспитательница, она любовно относилась къ каждой отдѣльной ученицѣ, считаясь съ ея индивидуальными особенностями. Бѣдныя ученицы особенно заботили ее, и она старалась добыть средства, чтобы онѣ могли закончить свое образованіе, добывала имъ уроки и по окончаніи ими гимназіи устраивала имъ частныя занятія. Словомъ, она любила дѣтей и всецѣло заслужила ихъ горячія симпатіи. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1910 г., № 12.327).

† **Бураковскій, А. З.** Скончавшійся 10-го іюля А. З. Бураковскій былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ русской артистической семьи, до самыхъ послѣднихъ часовъ своей жизни, несмотря на преклонный возрастъ, не порывавшій связи со сценой. За свою долгую сценическую карьеру покойный перепробовалъ много различныхъ амплуа, пока не сдѣлался окончательно простакомъ опереточной сцены. Родился онъ въ Петербургѣ. Тамъ же, увлекшись сценой и оставивъ изъ-за нея школьную скамью, онъ началъ пробовать свои силы на театральномъ поприщѣ, сперва въ качествѣ любителя, а затѣмъ и профессіональнаго артиста. Послѣ первыхъ шаговъ въ Петербургѣ молодой артистъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвизался на драматическихъ сценахъ провин

ціи и пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ артиста на первыя роли. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ получилъ дебютъ на Александринской сцерѣ. Однако, несмотря на успѣхъ его дебюта, онъ не былъ принятъ на императорскую сцену и снова уѣхалъ въ провинцію, перемѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ драматическую сцену на опереточную. Онъ служилъ въ опереткѣ Сѣтова въ Кіевѣ, у Пальма въ Тифлисѣ, у Вальяно въ Одессѣ и др. Въ Москвѣ покойный выступилъ впервые въ 1873 году въ качествѣ разсказчика и куплетиста. Затѣмъ служилъ въ опереточныхъ предпріятіяхъ Лентовскаго, Родона и Блюменталь-Тамарина. Изъ Москвы снова уѣзжалъ въ провинцію, гдѣ выступалъ то въ опереткѣ, то въ драмѣ. На склонѣ лѣтъ судьба снова привела его въ столицы. Послѣдніе два-три сезона онъ служилъ въ опереткѣ Тумпакова въ Петербургѣ, откуда въ началѣ этого лѣта перешелъ въ опереточную труппу московскаго театра «Эрмитажъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1910 г., № 159).

† **Володиміровъ, В. М.** Въ ночь на 5-е іюля скончался послѣ тяжкой болѣзни бывшій заслуженный профессоръ Александровской военно-юридической академіи Владиміръ Михайловичъ Володиміровъ. Покойный родился 23-го декабря 1840 года. По окончаніи курса во второмъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ въ военно-юридическую академію. Затѣмъ прослушалъ полный курсъ юридическаго факультета кіевскаго университета. Въ 1870 г. назначенъ преподавателемъ военно- юридической академіи, затѣмъ былъ помощникомъ начальника академіи и съ 1878 г. по 1900 г.—професоромъ по каѳедрѣ военно-уголовнаго судопроизводства. Одновременно въ 1882—1883 г. былъ начальникомъ отдѣленія главнаго военно-суднаго управленія и исполнялъ должность товарища главнаго военнаго прокурора. Съ 1879 г. покойный въ теченіе многихъ лѣтъ редактировалъ «Журналъ гражданскаго и уголовнаго права», издаваемый спб. юридическимъ обществомъ. Въ немъ онъ напечаталъ наибольшее количество своихъ юридическихъ трудовъ: «Объ отмѣнѣ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, по русскому праву», «Реформы предварительнаго слѣдствія», «Положеніе судовъ и судей за 25 лѣтъ» и др. Отдѣльно имъ изданъ «Курсъ военно-уголовнаго судопроизводства». Въ послѣдніе годы покойный состоялъ гласнымъ спб. думы. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12.326).

† **Дворжакъ, К. К.** 6-го іюля скончался въ Рязани на 67-мъ году жизни мѣстный общественный дѣятель Александръ Карловичъ Дворжакъ. Воспитанникъ петербургскаго университета, математикъ по образованію, А. К. по службѣ былъ агентомъ страхового общества, но вся духовная сторона его жизни была всецѣло отдана земскому дѣлу. Съ начала 70-хъ годовъ А. К. былъ безсмѣнно рязанскимъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, вплоть до 1905 года, бывшаго роковымъ почти для всѣхъ старыхъ земцевъ. Хотя А. К. горячо интересовался всѣми земскими вопросами и принималъ самое живѣйшее участіе въ земской работѣ, участвуя во всѣхъ комиссіяхъ, но особо любимымъ дѣтищемъ его было народное образованіе. По общепризнанному мнѣнію, дѣло народнаго образованія въ Рязанскомъ уѣздѣ было организовано А. К. Изъ года въ годъ онъ представлялъ земскому собранію обширные доклады по народному образованію, въ которыхъ всегда заключался богатый, остроумно обра-

ботанный статистическій матеріалъ, оперируя съ которымъ А. К. умѣлъ объективно доказать собранію: необходимость нормальнаго типа школьныхъ зданій, приспособленнаго къ гигіеническимъ требованіямъ и числу дѣтей школьнаго возраста даннаго района, необходимость созданія школьныхъ правилъ, нормирующихъ взаимоотношенія земства и сельскихъ обществъ, преимущество учительскаго персонала изъ воспитанниковъ учительской семинаріи передъ воспитанниками духовныхъ семинарій, преимущество земской школы передъ церковно-приходской и т. п. А тогда принципы строительства земской школы только еще создавались, и, слѣдовательно, А. К. былъ однимъ изъ творцовъ и новаторовъ этого дѣла въ Россіи. Земское собраніе съ уваженіемъ прислушивалось къ слову А. К. и дѣлало по его указанію. А. К. живо и серьезно понималъ значеніе общественности и былъ однимъ изъ организаторовъ кружка земцевъ Рязанской губерніи, обсуждавшихъ на предварительныхъ домашнихъ совѣщаніяхъ всѣ текущіе земскіе вопросы. Этимъ совѣщаніямъ А. К. всегда приписывалъ самое серьезное значеніе и принималъ въ нихъ живѣйш е участіе. Начавшаяся политическая жизнь, со всѣми ея разочарованіями и огорченіями, застала А. К. уже больнымъ старикомъ, но онъ не отошелъ отъ этого новаго потока жизни. Онъ бросился въ этотъ потокъ, какъ молодой, горячо вѣря въ будущее. А. К. принималъ самое горячее участіе въ выборахъ въ государственную думу, организовалъ мѣстный отдѣлъ партіи народной свободы, былъ предсѣдателемъ его и постояннымъ делегатомъ на общія конференціи партіи. Участіе въ политической жизни своей страны А. К. считалъ долгомъ каждаго гражданина, и, выполняя его, онъ, больной, вопреки запрещенію врача, отправился въ Петербургъ на бывшій весной съѣздъ делегатовъ партіи народной свободы и возвратился оттуда съ обострившимся воспаленіемъ легкихъ, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1910 г., № 160).

† **Казимиръ, К. Ѳ.** 12-го іюня, въ 9 ч. утра, скончался отъ злокачественной опухоли на почвѣ діабета, на 55-мъ году жизни, въ своемъ имѣніи Васькауцы Хотинскаго уѣзда бывшій членъ 1-й государственной думы отъ Бессарабіи Константинъ Ѳедоровичъ Казимиръ.

Покойный былъ весьма популяренъ и пользовался любовью и уваженіемъ не только въ предѣлахъ Бессарабіи, но и по всему югу Россіи. Популярность эта зиждется главнымъ образомъ на его культурной и просвѣтительной дѣятельности. К. Ѳ. оказывалъ матеріальную помощь сотнямъ учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Поборникъ женскаго образованія, онъ особенно охотно оказывалъ помощь учащимся женщинамъ. Національныхъ различеній для К. Ѳ. не существовало. Обо всѣхъ своихъ стипендіатахъ К. Ѳ. постоянно заботился вплоть до того, что заболѣвшихъ посылалъ на курорты. Со всѣми переписывался. На стипендіи учащимся К. Ѳ. расходовалъ ежегодно много тысячъ рублей, пользуясь для этого какъ личными средствами, такъ и средствами, завѣщанными ему умершимъ братомъ и предназначенными на просвѣтительныя цѣли. Помимо поддержки стипендіатовъ, К. Ѳ. принималъ участіе во многихъ общественныхъ и просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Образованіе покойный получилъ въ Петровско-Разумовской академіи. Былъ образцовымъ

сельскимъ хозяиномъ, съ мнѣніемъ его по вопросамъ о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ края считались не только въ земствѣ, но и въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Земской дѣятельности К. Ѳ. отдался сейчасъ же по окончаніи академіи. Въ земствѣ постоянно примыкалъ къ прогрессивной группѣ. Былъ гласнымъ хотинскаго и сорокскаго уѣздныхъ земствъ и губернскимъ гласнымъ, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ трехлѣтій, когда съ наступленіемъ реакціи онъ покинулъ губернское земство. Въ 1905 году политическое движеніе захватило и К. Ѳ. Казимира. Между прочимъ въ октябрѣ, еще до манифеста, въ его имѣніи состоялся съѣздъ прогрессивныхъ дворянъ сѣверныхъ уѣздовъ Бессарабіи. Избранный въ 1-ю государственную думу, К. Ѳ. примкнулъ тамъ сначала къ партіи мирнаго обновленія, а затѣмъ къ партіи демократическихъ реформъ. Вѣсть о смерти К. Ѳ. съ живѣйшей печалью будетъ встрѣчена не только въ Бессарабіи, не только на всемъ югѣ, но и во многихъ городахъ Россіи, гдѣ разсѣяны поддержанные имъ люди. Въ лицѣ К. Ѳ. Бессарабія потеряла одного изъ рѣдкихъ своихъ сыновъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣд.» 1910 г., № 136.

† **Кирѣевъ, А. А.** Въ Павловскѣ скончался 13 іюля извѣстный писатель-славянофилъ и богословъ, генералъ-отъ-кавалеріи Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ, состоявшій при ея императорскомъ высочествѣ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Онъ росъ и воспитывался частью въ Москвѣ, частью въ подмосковной деревнѣ, въ средѣ съ сильнымъ славянофильскимъ оттѣнкомъ, и съ конца 60-хъ годовъ самъ отдался всецѣло славянскому дѣлу, сдѣлавшись однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ «Славянскаго комитета», сыгравшаго, какъ извѣстно, немалую роль въ подготовленіи борьбы славянъ за независимость. Посвятивъ себя служенію славянофильскимъ идеаламъ, Кирѣевъ принималъ съ 90-хъ годовъ видное участіе въ журналистикѣ, популяризируя и обосновывая славянофильское ученіе, всесторонне установленное Хомяковымъ. Помимо газетныхъ статей, онъ выступалъ много разъ съ рѣчами въ публичныхъ собраніяхъ, разъясняя вопросы современной жизни съ точки зрѣнія славянофильства. Онъ понималъ православіе, какъ высшее выраженіе этическаго начала русскаго народа, догматически тождественное съ ученіемъ великой нераздѣльной церкви, а самодержавіе, какъ полновластіе царя, усиленное свободнымъ совѣтомъ выборныхъ людей всей русской земли. Изъ его наиболѣе крупныхъ брошюръ особенное вниманіе обратили на себя его полемика съ В. С. Соловьевымъ, К. П. Леонтьевымъ, княземъ С. Трубецкимъ, Милюковымъ и І. Стэдомъ: «Правда о Россіи», «Споръ съ западниками настоящей минуты», «Избавимся ли мы отъ нигилизма» (письмо императору Александру II) и «Россія въ началѣ XX столѣтія». Затѣмъ покойный занимался богословскими вопросами и въ этой области пріобрѣлъ себѣ извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Главнѣйшимъ поводомъ къ усиленнымъ занятіямъ богословіемъ послужило для него старокатолическое движеніе. Онъ подружился съ вождями старокатоликовъ, знаменитымъ Делингеромъ и другими, и сталъ какъ бы представителемъ ихъ передъ святѣйшимъ синодомъ и русскими богословами. Онъ былъ убѣжденъ, что старокатолики являются «поборниками православной истины на Западѣ», несомнѣнно исповѣдующими православное догматическое

ученіе, и настойчиво проводилъ этотъ взглядъ въ богословской литературѣ, встрѣчая на своемъ пути много ожесточенной критики со стороны богослововъ, но еще болѣе сочувственныхъ отзывовъ. За свои богословскія сочиненія Кирѣевъ былъ избранъ московской духовной академіей въ ея почетные члены. Изъ его сочиненій богословскаго содержанія особеннымъ распространеніемъ пользовалась его брошюра на нѣмецкомъ языкѣ: «Zur Unfehlbarkeit des Papstes», переведенная на русскій, французскій, польскій, англійскій и греческій языки. Изъ полемическихъ статей интересны съ В. С. Соловьевымъ (объ отношеніи православія къ католицизму), съ докторомъ богословія Гусевымъ (о Filioque и о пресуществленіи), съ протоіереемъ Мальцевымъ и другими по вопросу о разводѣ. Покойный былъ однимъ изъ убѣжденныхъ сторонниковъ созыва вселенскаго и помѣстнаго собора православныхъ церквей. Кромѣ того, Кирѣевъ интересовался также военными вопросами и считался однимъ изъ авторитетныхъ знатоковъ вопроса о дуэли. Въ послѣднія двадцать лѣтъ онъ печаталъ свои статьи въ «Новомъ Времени». Александръ Алексѣевичъ родился въ Москвѣ, въ старой дворянской семьѣ, 26-го октября 1833 года. Его сестра—извѣстная писательница Ольга Новикова. Родители готовили его къ поступленію въ московскій университетъ, но императоръ Николай I, принимавшій живое участіе въ семействѣ Кирѣевыхъ, рѣшилъ иначе, и покойный 19 лѣтъ былъ помѣщенъ въ Пажескій корпусъ. Въ 1853 году произведенъ изъ камеръ-пажей въ корнеты лейбъ-гвардіи Коннаго полка, гдѣ и оставался до 1862 года, посѣщая между службой петербургскій университетъ, гдѣ былъ въ теченіе трехъ лѣтъ вольнослушателемъ. Въ 1862 году былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Николаевичу, назначенному намѣстникомъ царства Польскаго. Съ этого времени покойный не разставался съ великимъ княземъ, состоя при немъ до его смерти, затѣмъ состоялъ при вдовствующей великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, проживая по преимуществу въ Павловскѣ. Годъ назадъ Александръ Алексѣевичъ сталъ жаловаться на глаза (у него было воспаленіе роговой оболочки) и въ послѣднее время почти совершенно ослѣпъ. Однако слѣпота не помѣшала ему до послѣдняго дня своей жизни заниматься литературой. Еще утромъ онъ наводилъ справки о печатаніи своей книги. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу не только писатель, но и прекрасной души человѣкъ. Въ высшей степени справедливый и замѣчательно сердечный, онъ пользовался симпатіями всѣхъ, кто его зналъ. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1910 г., № 12333).

† **Конюховъ. К. М.** 15-го іюня скоропостижно скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ скромный и честный труженикъ, предсѣдатель правленія общества россійскихъ фельдшеровъ Константинъ Михайловичъ Конюховъ. По профессіи лекарскій помощникъ, покойный послѣднія 20 лѣтъ состоялъ фельдшеромъ при императорскомъ лицеѣ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Его энергіей и иниціативой было облегчено, путемъ докладной записки въ главное медицинское управленіе, тяжелое положеніе фельдшеровъ бакинскаго района; имъ же подана была министру путей сообщенія записка о тягостномъ положеніи фельдшеровъ на желѣзныхъ дорогахъ. К. М. Конюховъ много работалъ также по вопросу объ объединеніи упомя-

нутаго петербургскаго «общества» съ московскимъ «союзомъ лекарскихъ помощниковъ» и въ послѣдніе годы посвятилъ разработкѣ его рядъ дѣльныхъ статей въ газетѣ «Фельдшеръ». Покойному не было еще пятидесяти лѣтъ; онъ оставилъ безъ средствъ жену и семь человѣкъ дѣтей. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1910 г., № 163).

† **Корнѣевъ-Кирилловъ, М. В.** Скончавшійся 13-го іюня Михаилъ Васильевичъ Корнѣевъ-Кирилловъ пользовался извѣстностью, какъ авторъ нѣсколькихъ водевилей и веселыхъ, преимущественно одноактныхъ комедій. Кромѣ того, онъ сотрудничалъ во многихъ газетахъ по театральному отдѣлу и въ театральныхъ изданіяхъ. Его знали почти всѣ петербургскіе артисты. Онъ интересовался ихъ жизнью, сценическими успѣхами и тщательно собиралъ біографическія свѣдѣнія о нихъ. Имъ между прочимъ напечатаны біографіи М. И. Писарева, М. Г. Савиной и др. Умеръ покойный въ крайней бѣдности, пользуясь въ послѣдніе годы покровительствомъ и помощью своихъ знакомыхъ по сценѣ и журналистикѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12.307).

† **Крестовская, М. В.** Четверть вѣка тому назадъ на страницахъ «Русскаго Вѣстника» (1885 г., кн. 2) появился небольшой этюдъ, подъ заглавіемъ: «Иса—уголокъ театральнаго мірка», за скромною подписью «М. Кр.». Въ этомъ произведеніи былъ очерченъ провинціальный театръ со всею пошловатою обстановкой, самодовольной ограниченностью его представителей,—а вмѣстѣ съ тѣмъ на такомъ фонѣ изображенъ характеръ начинающей актрисы, полуребенка Исы, въ которой искра истиннаго дарованія мало-по-малу тушится отъ безконечныхъ интригъ, и юная артистка, обезсиленная борьбой, невольно рѣшается произнести роковое: «Жить не надо!»... Этотъ талантливый беллетристическій очеркъ, обратившій на себя вниманіе читателей и критики, былъ первымъ литературнымъ дебютомъ молодой писательницы—Маріи Всеволодовны Крестовской (по мужу—Картавцевой), нынѣ сошедшей въ могилу. Она родилась въ 1862 году и была родною дочерью извѣстнаго романиста Всеволода Владимировича Крестовскаго. Послѣ прекраснаго воспитанія и блестящаго образованія, М. В. по любви къ театру съ успѣхомъ выступала на частныхъ сценахъ, мечтала сдѣлаться актрисой, но затѣмъ, по примѣру отца, избрала литературную карьеру. Послѣ «первой пробы пера» покойная помѣстила рядъ беллетристическихъ сочиненій, которыя и утвердили за ней имя даровитой писательницы. Къ такимъ ея произведеніямъ относились: «Лёля», разсказъ изъ театральнаго быта («Русскій Вѣстникъ») 1885 г., кн. 8—9), «Раннія грозы», романъ (1886 г., кн. 8, 10—12), «Внѣ жизни», повѣсть (1887 г., 8—9), «Испытаніе», разсказъ (кн. 12), «Семейныя непріятности», разсказъ (1888 г., кн. 9), «Ложь», разсказъ («Московскія Вѣдомости») 1888 г., №№ 353—357), «Три стихотворенія» («Русск. Вѣстн.» 1889 г., кн. 8), «Немудреные», разсказъ (кн. 9) и «Торжество Юліи Андреевны», романъ («Нива», 1889 г., №№ 13—19). Большая часть изъ перечисленныхъ произведеній вышла отдѣльнымъ собраніемъ подъ заглавіемъ: «Романы и повѣсти В. М. Крестовской» (Спб. 1889 г., два тома) и вызвала сочувственную критическую статью извѣстнаго «эстета» В. П. Клюшникова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1889 г., № 154). Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, кромѣ

второго изданія своихъ «Романовъ и повѣстей» (Спб. 1892 г.), М. В. Крестовская недолго продолжала такъ прекрасно начатую литературную дѣятельность. Изъ-подъ ея пера за пятилѣтній періодъ появились лишь слѣдующія сочиненія: «Бабушкина внучка», повѣсть («Русск. Обозр.»), 1890 г., кн. 1—2), «Сонъ въ лѣтнюю ночь», разсказъ (кн. 6), «Артистка», романъ («Вѣстн. Евр.»), 1891 г., кн. 4—12), «Ревность», изъ семейныхъ непріятностей («Русс. Обозр.»), 1892 г., кн. 1), «Именинница», разсказъ («Книжки Недѣли», 1892 г., кн. 8), «Сынъ», повѣсть («Вѣстн. Евр.»), 1893 г., кн. 11—12) и «Женская жизнь», повѣсть въ письмахъ («Сѣверн. Вѣстн.», 1894 г., 11—12; 1895 г., кн. 1). Также и названныя произведенія вышли отдѣльно, составивъ третій и четвертый томы «Романовъ и повѣстей М. В. Крестовской» (Спб. 1896 г.). Наконецъ къ числу послѣднихъ сочиненій покойной писательницы принадлежали: «Вопль», разсказъ («Русск. Мысль», 1900 г., кн. 1—2) и «Исповѣдь Мытищева», 1901 г., кн. 1—2). Скончалась М. В. въ своемъ финляндскомъ имѣніи далеко не въ старомъ возрастѣ, на 48-мъ году жизни, но послѣ продолжительныхъ и мучительныхъ страданій. (Некрологъ ея: «Московск. Вѣдом.» 1910 г., № 146).

† **Кузнецовъ, А. Х.** Въ Харьковѣ скончался одинъ изъ выдающихся русскихъ клиницистовъ, заслуженный профессоръ харьковскаго университета, деканъ медицинскаго факультета Александръ Харитоновичъ Кузнецовъ. Почившій былъ университетскимъ товарищемъ недавняго юбиляра Л. Л. Гиршмана, вмѣстѣ съ нимъ окончилъ харьковскій медицинскій факультетъ въ 1860 году, и 1-го іюня текущаго года въ Харьковѣ чествовали неофиціально—офиціальное чествованіе перенесено было на осень—обоихъ маститыхъ юбиляровъ, полвѣка отдавшихъ наукѣ и врачеванію. Александръ Харитоновичъ Кузнецовъ въ 1868 году защитилъ докторскую диссертацію на тему: «Матеріалы для исторіи развитія кори» (Харьковъ, 1868 года) и съ 1876 года состоялъ профессоромъ госпитальной терапевтической клиники въ родномъ университетѣ. За пятьдесятъ лѣтъ практической и научной дѣятельности у покойнаго образовалась цѣлая школа широко образованныхъ учениковъ и огромный, безконечный формуляръ врача-практика; многочисленныя научныя работы Александра Харитоновича помѣщены: въ «Современной Медицинѣ», «Военно-Медицинскомъ Журналѣ», журналѣ харьковскаго медицинскаго общества и многихъ другихъ изданіяхъ. Кромѣ того, Александръ Харитоновичъ былъ душой и однимъ изъ основателей молодого медицинскаго общества, которое имѣетъ огромное значеніе для всего юга Россіи, какъ крупный научно-врачебный центръ и теперь,—быть можетъ, съ нынѣшняго же года,—приступаетъ къ созданію цѣлаго медицинскаго института въ Харьковѣ. Наконецъ, очень много потрудился покойный профессоръ и для поднятія уровня Славянскихъ минеральныхъ водъ, которыхъ онъ былъ въ высшей степени дѣятельнымъ директоромъ. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1910 г., № 191).

† **Куинджи, А. И.** 11-го іюля послѣ продолжительной болѣзни и послѣ тяжкихъ страданій послѣднихъ дней скончался въ Петербургѣ Архипъ Ивановичъ Куинджи, одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей русской живописи. Покойный А. И. родился въ 1842 году, учился живописи у Айвазовскаго и затѣмъ въ академіи художествъ. Пейзажи его своей оригинальностью, своими

красочными и свѣтовыми эффектами, своеобразной одушевленностью и изяществомъ вскорѣ же обратили на себя общее вниманіе и поставили его имя въ рядъ нашихъ лучшихъ пейзажистовъ. Но самъ художникъ, относившійся къ себѣ съ чрезвычайной строгостью, оставался недоволенъ своимъ творчествомъ и въ разгаръ подъема своей популярности неожиданно сошелъ со сцены и пересталъ выставлять свои картины. Теперь уже болѣе 25-ти лѣтъ, какъ новыя работы А. И. не появлялись. Работать, однако, онъ продолжалъ энергично до послѣдняго времени, пока позволяло здоровье. Дѣятельность его была направлена главнымъ образомъ въ педагогическую сторону; онъ много занимался съ своими учениками, но не оставлялъ и самостоятельнаго творчества. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ устроилъ даже выставку своихъ позднѣйшихъ произведеній, но только для особенно любимыхъ учениковъ. Бывшіе на этой выставкѣ передавали, что нѣкоторыя произведенія Куинджи, датированныя позднѣйшими годами, заставляли изумляться силой мастерства художника, свѣжестью красокъ, неожиданностью и глубокой художественностью колористическихъ эффектовъ. На всѣ просьбы своихъ учениковъ выставить передъ публикой эти работы Куинджи оставался непреклоненъ и вскорѣ далеко спряталъ эти пейзажи вмѣстѣ съ многими иными, написанными въ долголѣтній періодъ его художественнаго затворничества. Какъ человѣкъ, А. И. оставилъ по себѣ лучшую память. Горячо преданный искусству, добрый, отзывчивый, щедрый на помощь другимъ, чуждый всякой мелочности, сведшій свои матеріальныя потребности до минимума (въ послѣднее время онъ съ женой обходились безъ прислуги), А. И. представляетъ собою удивительный по нравственной красотѣ типъ. Принимая близко къ сердцу нужды и потребности искусства и художниковъ, покойный А. И. одно время пытался работать и въ академіи художествъ, но не могъ ужиться съ мертвенностью и бюрократизмомъ ея руководителей. За нѣсколько дней до своей кончины А. И. обратился къ своимъ друзьямъ: академику Рериху, скульптору Позену и доктору Гурвичу со слѣдующими словами: «Все нужно выражать какъ можно короче и проще. Учитесь находить великія и нужныя слова, но говорите ихъ короче». Все свое состояніе покойный художникъ завѣщалъ обществу его имени, а также мастерскую, гдѣ находится очень много начатыхъ и оконченныхъ, какъ эскизовъ, такъ и готовыхъ, заключенныхъ даже въ рамы картинъ. Этихъ произведеній никому не показывалъ покойный, и часть ихъ была имъ сожжена, послѣ чего съ нимъ случился первый припадокъ, который и ускорилъ печальный конецъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1910 г., № 159).

† **Леонтьевъ, Н. С.** Въ Парижѣ скончался Николай Степановичъ Леонтьевъ, немало поработавшій по вопросу о созданіи русско-абиссинскихъ отношеній. Въ октябрѣ 1894 года по своей инициативѣ и на свои собственныя средства покойный предпринялъ подъ покровительствомъ императорскаго географическаго общества экспедицію въ Абиссинію, имѣвшую, кромѣ научныхъ результатовъ, возстановленіе уваженія къ русскому имени послѣ непріятныхъ событій съ Ашиновымъ и преподаніе мысли негусу Менелику объ отправкѣ чрезвычайнаго посольства Государю Императору для установленія офиціальныхъ сношеній съ Россіей. Экспедиція состояла изъ 11 человѣкъ. Во главѣ ея

былъ Н. С., ближайшимъ его помощникомъ являлся штабсъ-капитанъ Звягинъ и часть пути совершилъ знаменитый русскій путешественникъ Елисѣевъ, который, однако, поссорившись съ Н. С., возвратился обратно въ Петербургъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ экспедиціи участвовало также одно духовное лицо. Въ 1895 году Леонтьевъ привезъ въ Петербургъ собственноручное письмо негуса Менелика. Въ это же время прибыло въ столицу Россіи чрезвычайное посольство, во главѣ съ митрополитомъ харрарскимъ и двумя абиссинскими принцами крови. Въ августѣ того же года чрезвычайное посольство возвратилось обратно въ Абиссинію. Негусъ очень оцѣнилъ труды Н. С. и наградилъ его эѳіопской звѣздой первой степени. Дѣло о созданіи прочныхъ и постоянныхъ отношеній со страной негуса очень живо интересовало и увлекало Н. С., который настойчиво доказывалъ всѣ выгоды русско-абиссинскаго единенія. Въ ноябрѣ 1895 года, благодаря его чрезвычайнымъ усиліямъ, состоялась отправка изъ Петербурга негусу 30 тысячъ ружей, 5 милліоновъ патроновъ и 5 тысячъ сабель, которые были отправлены на пароходѣ «Дельвигъ». Въ данномъ случаѣ Н. С. проявилъ большую изобрѣтательность. Онъ нашелъ француза Шефне, который и явился офиціальнымъ поставщикомъ оружія для Менелика, такъ какъ подобная посылка подъ офиціальнымъ флагомъ Россіи могла въ то время вызвать нежелательные разговоры. Въ декабрѣ этого же года разгорѣлась итало-абиссинская война. Н. С. выѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Абиссинію съ унтеръ-офицерами трехъ родовъ оружія и фельдшерами. Прибытіе Н. С. и его спутниковъ произвело въ Абиссиніи громадное впечатлѣніе. Леонтьевъ занялъ при Менеликѣ совершенно исключительное положеніе. Абиссинскій монархъ рѣшительно во всемъ совѣтовался съ нашимъ смѣлымъ путешественникомъ и прислушивался къ его мнѣнію. Послѣдній редактировалъ всю переписку съ иностранцами и велъ переговоры съ итальянскимъ генераломъ Альбертоне. Въ маѣ 1896 года за свои услуги покойный получилъ отъ негуса графскій титулъ, впервые для него созданный въ Абиссиніи. По его иниціативѣ въ день священнаго коронованія Ихъ Величествъ негусъ Менеликъ освободилъ пятьдесятъ итальянскихъ военноплѣнныхъ. Въ началѣ іюня мѣсяца того же года, подъ вліяніемъ совѣтовъ Н. С., между Абиссиніей и Италіей начались переговоры о мирѣ. Вскорѣ Н. С. выступилъ изъ Энтото съ пятьюдесятью итальянскими военноплѣнными, которыхъ сдалъ въ Джибути на бортъ итальянскаго военнаго корабля «Эгито» подъ расписку майору Нирадзини. Въ августѣ Н. С. былъ командированъ негусомъ въ Римъ со спеціальнымъ секретнымъ порученіемъ. Въ то время ему пришлось вести переговоры съ извѣстнымъ итальянскимъ политическимъ дѣятелемъ маркизомъ де-Рудини. Въ Римѣ Леонтьевъ сумѣлъ завоевать симпатіи видныхъ итальянскихъ политическихъ дѣятелей, и, только благодаря его усиліямъ, римское правительство пошло на значительныя уступки. Вскорѣ въ Петербургъ пріѣхалъ съ особымъ порученіемъ отъ негуса абиссинскій дѣятель Ато Іосифъ, а за нимъ вслѣдъ и Н. С. Оба они имѣли счастіе представляться Государю Императору въ Кіевѣ, причемъ Н. С. поднесъ Его Императорскому Величеству слона отъ негуса. Слонъ этотъ участвовалъ въ сраженіи при Адуѣ и весь походъ везъ единственную митральезу, состоявшую при арміи. Благодаря ходатайству Н. С., въ Петербургѣ согласились принять на счетъ русской

казны изготовленіе снарядовъ и недостающихъ частей къ 60 орудіямъ, отбитымъ у итальянцевъ въ сраженіи при Адуѣ. Въ декабрѣ вмѣстѣ съ Ато Іосифомъ Н. С. снова уѣхалъ въ Абиссинію, отвозя подарки негусу, вѣсомъ болѣе пятисотъ пудовъ. Отъ Джибути онъ сформировалъ особый караванъ въ семьдесятъ верблюдовъ и сорокъ муловъ, съ каковымъ съ большими трудностями достигъ столицы негуса Энтото. Въ декабрѣ же, по порученію негуса, Леонтьевъ былъ командированъ въ Константинополь, причемъ ему удалось добиться у султана необходимыхъ для подданныхъ Менелика реформъ въ абиссинскомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ. Въ мартѣ 1897 года Н. С. возвратился въ Абиссинію и принималъ живѣйшее участіе въ переговорахъ негуса съ Ренель Родомъ, который предлагалъ тайное соглашеніе съ Англіей. Въ это время Н. С. до извѣстной степени былъ офиціознымъ представителемъ Россіи и его донесенія о странѣ негуса принимались во вниманіе нашимъ правительствомъ. Онъ между прочимъ устроилъ въ Энтото хоръ военной музыки изъ духовыхъ инструментовъ, входившихъ въ число Высочайшихъ подарковъ, привезенныхъ имъ негусу. Хоромъ военной музыки управляли два русскихъ капельмейстера. Вскорѣ Леонтьевъ получилъ порученіе отъ негуса отвезти въ Петербургъ подарки, въ число которыхъ входили четыре лошади, впервые вывезенныя изъ Абиссиніи въ Европу. По дорогѣ въ Россію Н. С. остановился въ Константинополѣ и послѣ личныхъ переговоровъ съ султаномъ ему удалось достигнуть того, что абиссинскій монастырь былъ взятъ изъ вѣдѣнія армянскаго патріарха. По пріѣздѣ въ Петербургъ Н. С. сумѣлъ снова заинтересовать представителей нашей дипломатіи и военнаго міра абиссинскими дѣлами, и въ концѣ октября того же года онъ отправилъ на пароходѣ «Envoy» отпущенные изъ арсенала для доставки негусу тридцать тысячъ ружей и три милліона патроновъ и артиллерійскіе снаряды. 12 іюня 1897 года императоръ Менеликъ назначилъ Леонтьева генералъ-губернаторомъ экваторіальныхъ провинцій Абиссиніи. Въ іюнѣ покойный былъ раненъ тяжело въ бедро навылетъ абиссинскимъ офицеромъ. Преступленіе это было совершено при исключительно загадочныхъ обстоятельствахъ, и до сихъ поръ не выяснены причины этого покушенія. Въ бытность свою генералъ-губернаторомъ Н. С. прилагалъ всѣ старанія сформировать регулярное войско и въ началѣ февраля 1899 года ему удалось представить Менелику впервые сформированный регулярный батальонъ, кадромъ котораго послужила рота сенегальскихъ стрѣлковъ, привезенныхъ имъ изъ Сенъ-Луи съ русскимъ и французскимъ унтеръ-офицерами. Негусъ былъ очень доволенъ успѣхами Леонтьева, и при особой церемоніи ему былъ пожалованъ высшій военный чинъ въ Абиссиніи Деджазмеги. Въ томъ же году съ собственными войсками Н. С. выступилъ въ походъ къ озеру Рудольфа для присоединенія и организаціи нѣсколькихъ областей, имѣвшихъ входить въ составъ экваторіальныхъ провинцій. Походъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Затѣмъ Н. С. покинулъ Абиссинію. Когда у насъ разгорѣлась война съ Японіей и приняла неблагопріятный оборотъ послѣ мукденскихъ событій, покойный опредѣлился въ первый Уманскій полкъ Кубанскаго казачьяго войска кавказской дивизіи, входившій въ отрядъ генерала Мищенко. Въ послѣдніе годы Н. С. большею часть жилъ въ Парижѣ и лишь наѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ продолжалъ интересоваться абиссинскими

дѣлами, и еще недавно на страницахъ «Новаго Времени» были напечатаны его интересныя статьи. Умеръ онъ въ расцвѣтѣ силъ отъ болѣзни сердца, которая развилась у него за послѣдніе годы. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12313).

† **Мансуровъ, Б. П.** Въ Ригѣ скончался 21 іюня членъ гос. совѣта, сенаторъ, статсъ-секретарь Борисъ Павловичъ Мансуровъ. Наиболѣе живая и производительная дѣятельность покойнаго относится къ царствованіямъ императоровъ Николая I, Александра II и первымъ годамъ царствованія императора Александра III. Его служба въ морскомъ м-вѣ сдѣлала его однимъ изъ видныхъ сподвижниковъ великаго князя Константина Николаевича по устройству русской колоніи въ Палестинѣ и укрѣпленію связи ея съ Россіей. Этому дѣлу онъ принесъ выдающуюся пользу. Б. П. родился въ 1826 году. По окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1845 году началъ службу въ прав. сенатѣ и быстро выдѣлился какъ одинъ изъ дѣльныхъ и энергичныхъ молодыхъ людей. Черезъ четыре года онъ исполнялъ уже обязанности помощника юрисконсульта м-ва юстиціи и работалъ по выборкѣ матеріала изъ ревизій, производимыхъ тогда членами консультаціи въ 45 губерніяхъ. Затѣмъ былъ правителемъ канцеляріи министерства юстиціи и былъ командированъ въ Москву для личнаго обозрѣнія московскихъ департаментовъ сената, для принятія мѣръ къ уничтоженію накопленія въ нихъ дѣлъ и установленію отчетности на точныхъ и правильныхъ основаніяхъ. Съ 1854 года его дѣятельность перенеслась въ морское министерство. Онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій и членомъ комитета по составленію части свода морскихъ постановленій, причемъ на его долю выпало составленіе свода постановленій по кораблестроительной части для хозяйственнаго морского устава. Послѣ недолгаго завѣдыванія во время Крымской кампаніи госпиталями морского вѣдомства въ Крыму покойный былъ командированъ на востокъ для организаціи сообщеній между Чернымъ моремъ и восточными портами, затѣмъ въ 1859 г. сопровождалъ великаго князя Константина Николаевича въ Грецію, Палестину и Сирію и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ управляющимъ дѣлами комитета по принятію мѣръ къ устройству въ Палестинѣ русскихъ благоугодныхъ заведеній для православныхъ паломниковъ. Предсѣдательствовалъ въ этомъ комитетѣ великій князь Константинъ Николаевичъ, и подъ его руководствомъ покойный Б. П., будучи уже статсъ-секретаремъ, принялъ ближайшее участіе въ пріобрѣтеніи Россіей мѣста близъ храма Гроба Господня и слѣдилъ за первыми работами по раскопкамъ въ этомъ мѣстѣ. Съ 1861 г. по 1864 г. Б. П. служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, будучи сперва членомъ главнаго управленія училищъ и управляющимъ департамента министерства, затѣмъ членомъ совѣта министра. Пробывъ потомъ годъ членомъ особой комиссіи по завѣдыванію русскими богоугодными заведеніями въ Палестинѣ (комиссія была учреждена при азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ вмѣсто упраздненнаго палестинскаго комитета), покойный былъ назначенъ сенаторомъ, присутствовалъ послѣдовательно въ VI, V, II и VII департаментахъ и въ 1872 году назначенъ членомъ гос. совѣта, присутствующимъ въ департаментѣ государственной экономіи. Въ качествѣ члена гос. совѣта онъ участвовалъ въ различныхъ комис-

сіяхъ подготовительно-законодательнаго характера: для подробной разработки проектовъ объ укрѣпленіи правъ на недвижимое имущество и др. Одновременно съ 1868 г. Б. П. состоялъ вице-президентомъ комиссіи по сооруженію храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ и дѣятельно заботился до окончанія постройки о художественности и благолѣпіи этого храма. Покойному принадлежитъ нѣсколько печатныхъ трудовъ: «Базилика императора Константина въ вятомъ градѣ Іерусалимѣ», «Русскія раскопки въ св. градѣ Іерусалимѣ передъ судомъ русскаго археологическаго общества», «Храмъ св. Гроба Господня въ его древнемъ видѣ» и др. Умеръ онъ 82 лѣтъ, проживая въ послѣдніе годы. по освобожденіи отъ присутствованія въ гос. совѣтѣ, преимущественно въ Ригѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12313).

† **Михайловскій, В. Я.** 14-го іюня скончался одинъ изъ видныхъ петербургскихъ духовныхъ проповѣдниковъ и писателей протоіерей Василій Яковлевичъ Михайловскій. Покойный родился въ 1834 г. Изъ тверской духовной семинаріи онъ перевелся въ петербургскую духовную академію, въ которой окончилъ курсъ со степенью магистра богословія въ 1859 г., одновременно съ покойнымъ протопресвитеромъ А.А. Желобовскимъ. Въ 1863 г. принялъ священство и долгіе годы былъ священникомъ Спасо-Бочаринской церкви на Симбирской улицѣ и затѣмъ церкви Вознесенія Господня. Одновременно состоялъ законоучителемъ Павловскаго военнаго училища, пиротехнической школы и нѣсколькихъ начальныхъ и пріютскихъ училищъ. Будучи еще священникомъ на Выборгской сторонѣ, онъ выдѣлился, какъ замѣчательный ораторъ. Его проповѣди привлекали массу слушателей и распространялись въ брошюрахъ тысячами экземпляровъ. Кромѣ брошюръ церковно-историческаго и духовнаго-нравственнаго содержанія, покойный издалъ множество священныхъ картинъ, церковно-историческихъ картъ и листковъ для народнаго чтенія. Ему же принадлежитъ нѣсколько учебниковъ по Закону Божію и рядъ научныхъ трудовъ, изъ которыхъ назовемъ «Англиканская церковь и ея отношеніе къ православію», «Св. апостолъ Павелъ», «О римско-католической церкви», «Очеркъ исторіи христіанской церкви» и др. Всегда близкій къ своей паствѣ, покойный никогда не отказывалъ въ помощи нуждающимся. Онъ особенно энергично боролся съ пьянствомъ, посвятивъ борьбѣ съ этимъ зломъ рядъ своихъ бесѣдъ. Когда сформировалось въ Петербургѣ общество трезвости, о. Василій явился однимъ изъ его видныхъ дѣятелей и одно время состоялъ предсѣдателемъ. Всякое доброе начинаніе находило въ немъ живой откликъ, и онъ охотно посвящалъ свои знанія, энергію и силы, чтобы принести пользу ближнему и внести свою лепту въ дѣло нравственнаго оздоровленія общества и особенно рабочаго люда. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12.305).

† **Петипа, М. И.** Въ Гурзуфѣ въ ночь на 2 іюля скончался балетмейстеръ императорскихъ театровъ и солистъ Его Величества Маріусъ Ивановичъ Петипа. Имя покойнаго хорошо извѣстно всѣмъ любителямъ и поклонникамъ хореографическаго искусства. Даровитый артистъ, незамѣнимый учитель, талантливѣйшій хореографическій композиторъ,—онъ царилъ въ петербургскомъ балетѣ полвѣка и одновременно былъ его вдохновителемъ и душою. Сочиненные имъ танцы

всегда отличались красотой, ласкали глазъ и свидѣтельствовали о крупномъ художественномъ дарованіи покойнаго. Онъ, какъ художникъ, являлся глубокимъ знатокомъ и поклонникомъ всего изящнаго, чуждымъ грубыхъ пріемовъ. Въ своемъ творчествѣ М. И. не зналъ повтореній и съ каждымъ своимъ новымъ балетомъ все болѣе увлекалъ зрителя силой и красотой своей удивительной фантазіи. Онъ поставилъ на императорской петербургской сценѣ болѣе восьмидесяти балетовъ, а также руководилъ постановкой танцевъ и участвовалъ въ нихъ почти на всѣхъ spectacle gala въ Эрмитажѣ и въ загородныхъ дворцахъ. Ставя балеты, онъ создалъ цѣлый рядъ русскихъ балеринъ съ замѣчательной хореографической техникой и граціозной пластикой. Таланты Кшесинской 2, Преображенской, М. М. Петипа и многихъ другихъ балеринъ получили чеканку подъ его руководствомъ, принадлежатъ, такъ сказать, его школѣ. При немъ петербургскій балетъ сталъ процвѣтать и достигъ замѣчательнаго прогресса, сдѣлавшись однимъ изъ выдающихся европейскихъ балетовъ. М. И., сынъ балетмейстера въ Брюсселѣ, родился 11-го марта 1822 г. въ Марселѣ и началъ свою артистическую карьеру шестнадцати лѣтъ въ Парижѣ. Въ бенефисъ Рашели онъ танцовалъ въ «Comédie Française» pas de deux съ К. Гризи и въ бенефисъ Фанни Эльслеръ танцовалъ въ Grand Opéra. Изъ Парижа онъ перешелъ въ Нантъ въ качествѣ балетмейстера и танцовщика, затѣмъ въ Бордо первымъ танцовщикомъ, оттуда въ Мадридъ, гастролировалъ въ другихъ испанскихъ городахъ вмѣстѣ съ артисткой Гюи-Сенъ-Стефанъ и въ 1847 г., по приглашенію тогдашняго директора императорскихъ театровъ Гедеонова, пріѣхалъ въ Петербургъ. Покойный дебютировалъ на нашей сценѣ въ «Пахитѣ» и «Сатаниллѣ» Матилье, въ постановкѣ которыхъ принималъ самое активное участіе. Съ того времени М. И. съ каждымъ годомъ завоевывалъ себѣ все большую извѣстность и не только какъ выдающійся танцовщикъ, но и какъ авторъ-творецъ красивыхъ балетовъ, замѣчательныхъ по пластическимъ комбинаціямъ и массовымъ движеніямъ. Въ 1862 г. покойный былъ признанъ балетмейстеромъ императорскаго балета. Въ это время онъ съ огромнымъ вкусомъ поставилъ въ шесть недѣль грандіозный балетъ «Дочь Фараона» и съ того времени являлся главнымъ руководителемъ балетной сцены. Въ качествѣ балетмейстера онъ безподобно планировалъ картины, привлекъ къ участію въ петербургскомъ балетѣ европейскихъ знаменитыхъ балеринъ и сдѣлалъ все возможное, чтобы создать русскихъ танцовщицъ. Онъ заботился главнымъ образомъ, конечно, о танцахъ, но не забывалъ также и общую постановку балетовъ въ декораціонномъ и костюмномъ отношеніяхъ. Какъ композиторъ, покойный является авторомъ цѣлаго ряда балетовъ, изъ которыхъ многіе по нѣскольку лѣтъ не сходили съ репертуара и по справедливости считаются шедеврами. Изъ его произведеній назовемъ: «Спящую красавицу», «Лебединое озеро», «Баядерку», «Раймонду», «Донъ-Кихота», «Капризы бабочки», «Царя Кандавла», «Трильби», «Роксану», «Комарго», «Волшебное зеркало», «Младу» и др. Покойный зналъ индивидуальность каждой артистки и умѣлъ давать имъ такія роли, которыя наиболѣе выгодно оттѣняли бы дарованіе и въ общемъ создавали бы успѣхъ. Для бенефисовъ наиболѣе выдающихся артистокъ М. И. самъ создавалъ хореографическія картины. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда заботился о красотѣ движеній по сценѣ и великолѣпно распоря-

жался группировкой массъ. Покойный былъ женатъ на красивой въ свое время танцовщицѣ Суровщиковой и явился отцомъ талантливой семьи. Марія М. Петипа, его дочь, хорошо извѣстна какъ первоклассная балерина, его сынъ много лѣтъ былъ премьеромъ императорской драматической труппы. Умеръ М. И. 88 лѣтъ, достигнувъ своимъ талантомъ, а также замѣчательной энергіей и трудоспособностью выдающейся извѣстности и заслуживъ признательности многочисленныхъ ученицъ и поклонниковъ его дарованій. Его любили и цѣнили. Имя его займетъ видное мѣсто въ исторіи русскаго балета и вообще въ исторіи хореографическаго искусства. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12323).

† **Писарева, В. И.** 30-го мая скончалась въ Варшавѣ одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, Вѣра Ивановна Писарева. Она почти сорокъ лѣтъ, съ 1871 г., была сотрудницей провинціальной газеты «Варшавскій Дневникъ», ей принадлежатъ многіе переводы лучшихъ изданій Павленкова. Она была родная сестра извѣстнаго писателя 60-хъ годовъ, Дмитрія Ивановича Писарева, погибшаго весьма молодымъ, но долго вліявшаго на взгляды и настроеніе современнаго его эпохѣ молодого поколѣнія. Начала она свою публицистическую и писательскую дѣятельность въ Петербургѣ при жизни своего брата и была свидѣтельницей тогдашняго оживленія литературы и участницей литературныхъ кружковъ. Она любила переноситься воспоминаніями къ этимъ днямъ своей молодости и называть друзей этого періода жизни. Тутъ были имена Майковыхъ, Трескина, Вс. Крестовскаго и многихъ, многихъ другихъ. Судьба забросила въ Варшаву Вѣру Ивановну, и она съ половины 70-хъ годовъ прошлаго столія стала принимать участіе въ «Варш. Дневникѣ». В. И. Писарева была замѣчательно образованная женщина. Въ противоположность своему знаменитому брату, она была большая поклонница искусства, художества, поэзіи, музыки. Прекрасная музыкантша, она любила исполнять на роялѣ произведенія классической музыки. Замѣчательная память давала ей возможность легко вспоминать цѣлыя мѣста изъ поэтовъ, нашихъ, нѣмецкихъ французскихъ. Происходила она изъ стараго дворянскаго рода тульскихъ помѣщиковъ, и это очень цѣнила. Культурность и образованіе предковъ наложили на нее свою печать, ее выдвигавшую. Въ теченіе болѣе шести лѣтъ (съ мая 1886 по октябрь 1892 г.) вся тяжесть веденія отдѣла иностранной политики лежала на В. И. Писаревой, которой нужно было дать лишь немногія указанія, чтобы дальнѣйшее было ведено согласно съ потребностями данной минуты. Лишь славянскія дѣла были изъяты изъ ея вѣдѣнія, но когда приходилось ей въ своихъ статьяхъ говорить о нихъ, она отлично разбиралась во всѣхъ теченіяхъ у славянъ, въ ихъ партіяхъ, въ значеніи и характерѣ ихъ дѣятелей и т. д. В. И. Писарева работала въ газетѣ при восьми редакторахъ, часто существенно различавшихся между собою по характеру, взглядамъ, направленію. Но Вѣра Ивановна оставалась неизмѣнною и незамѣнимою; она только то расширяла, то суживала свое участіе въ этомъ единственномъ донынѣ серьезномъ русскомъ органѣ печати на нашей польской окраинѣ. В. И. Писарева умерла на 66 году жизни. Она была искренно религіозная, православная женщина,

глубоко русская во всѣхъ отношеніяхъ, всегда вѣрно и стойко отстаивавшая право и идею русской государственности на этой окраинѣ Россіи, никогда не принижавшая и не сдававшая русскихъ знаменъ. Русская публицистика понесла въ лицѣ В. И. Писаревой, несомнѣнно, крупную потерю, и ея имя должно занять видное мѣсто въ спискѣ видныхъ дѣятелей, который готовитъ исторія нашей публицистики. (Некрологъ ея: «Новое Время» 1910 г., № 12305).

† **Потѣхинъ, П. Б.** Скончался въ Костромской губерніи почетный членъ с.-петербургскаго археологическаго института и постоянной комиссіи народныхъ чтеній Павелъ Борисовичъ Потѣхинъ. Покойный родился 19-го мая 1852 года. По окончаніи курса въ ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ началъ службу въ ярославскомъ окружномъ судѣ, но вскорѣ перешелъ въ канцелярію оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Въ 1883 году покойный поступилъ въ министерство народнаго просвѣщенія; съ 1893 года по день кончины состоялъ дѣлопроизводителемъ и завѣдывалъ городскими училищами, учительскими институтами и семинаріями. Занимая эту должность, П. Б. считался знатокомъ дѣла. Помимо служебной дѣятельности, покойный интересовался археологіей и для пополненія своихъ знаній поступилъ въ императорскій с.-петербургскій археологическій институтъ, гдѣ окончилъ курсъ и затѣмъ былъ удостоенъ званія почетнаго члена. Онъ интересовался по преимуществу русской нумизматикой, имѣлъ довольно обширную свою коллекцію и до конца своей жизни оставался ревностнымъ поклонникомъ этой науки. Въ 1888 и 1889 годахъ принималъ участіе въ экскурсіяхъ съ цѣлью раскопки кургановъ въ Новгородской губерніи. Кромѣ того, П. Б. занимался литературой. Его стихотворенія религіознаго, патріотическаго и народнаго характера печатались въ «Странникѣ», «Паломникѣ», и «Сельскомъ Вѣстникѣ». Изъ нихъ наибольшій успѣхъ имѣло «Находчивый квартальный» (изъ временъ императора Николая I). Онъ принималъ также участіе въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія, работая безвозмездно въ постоянной комиссіи народныхъ чтеній (въ 1907 году былъ избранъ ея почетнымъ членомъ) и въ с.-петербургскомъ обществѣ грамотности. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12328).

† **Рудановскій, К. В.** 14-го іюня скончался въ имѣніи Щуровѣ, близъ Славянска, ген.-отъ-инф. въ отставкѣ Константинъ Васильевичъ Рудановскій. Покойный большую часть своей дѣятельности посвятилъ военно-педагогическому дѣлу. Онъ родился 4-го мая 1834 г. По окончаніи курса въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба былъ адъютантомъ штаба одесскаго военнаго округа и состоялъ для особыхъ порученій при главнокомандующемъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Въ 1869 г. былъ приглашенъ на должность воспитателя великаго князя Петра Николаевича и съ этого времени служилъ по военно-учебному вѣдомству, будучи съ 1873 г. инспекторомъ классовъ Пажескаго Его Величества корпуса, съ 1875 г. директоромъ спб. военной прогимназіи и съ 1878 по 1900 г. директоромъ Александровскаго кадетскаго корпуса. Послѣднее учебное заведеніе сдѣлалось при немъ неузнаваемымъ по старательному и умѣлому подбору педагогическаго персонала. Покойный отличался

строгостью и справедливостью и всегда дорожилъ правдою. Къ воспитанникамъ относился съ любовью и пользовался ихъ симпатіями. Въ 1900 г. К. В. покинулъ директорство и былъ назначенъ помощникомъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, но пробылъ въ новой для себя должности только шесть мѣсяцевъ. Въ послѣдніе годы до своей отставки онъ состоялъ въ распоряженіи военнаго министра. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12307).

† **Степановъ, К. П.** Скончался художникъ и общественный дѣятель Клавдій Петровичъ Степановъ. Имя его извѣстно только тонкимъ знатокамъ искусства, оно не пользовалось широкой популярностью. Окончивъ московскій лицей, онъ въ началѣ русско-турецкой войны пошелъ въ ряды арміи (л.-гв. Преображенскій полкъ), затѣмъ вышелъ въ отставку и занялся живописью. Гдѣ-то около Флоренціи онъ купилъ старый монастырь и прожилъ тамъ около 15 лѣтъ, посвященныхъ искуству. Въ разгаръ революціоннаго движенія вновь вернулся въ родную Москву, близко сошелся съ кружкомъ московскихъ славянофиловъ и сталъ выступать въ литературѣ и въ собраніяхъ горячимъ врагомъ безпочвеннаго революціоннаго западничества. Онъ былъ и до конца жизни своей остался типичнымъ представителемъ кристально-чистаго консервативнаго идеализма. Его перу принадлежитъ немало талантливо написанныхъ статей, появлявшихся за эти годы въ «Моск. Вѣд.», въ «Русск. Землѣ» (издательства А. С. Суворина), и воззваній по крестьянскому и земельному вопросу, въ которыхъ онъ обыкновенно выступалъ рядомъ съ извѣстнымъ московскимъ дѣятелемъ Д. А. Хомяковымъ. Въ 1906—1907 годахъ онъ стоялъ во главѣ славянофильскаго журнала «Московскій Голосъ». Напряженный редакторскій и публицистическій трудъ, изобилующій столь многими терніями, отнялъ у него послѣднія силы. Во многомъ разочарованный, съ надорваннымъ здоровьемъ и поколебленными надеждами, съ началомъ наступившаго затишья онъ окончательно сходитъ съ политической сцены и снова возвращается къ родному искусству, но и въ немъ продолжаетъ служить тѣмъ же національно-религіознымъ славянофильскимъ идеаламъ. Изъ картинъ его болѣе извѣстны: «Посольство Чемоданова во Флоренціи, во времена царя Алексѣя Михайловича», «Честь спасена», «Донъ-Кихотъ послѣ сраженія съ мельницей» (въ Третьяковской галереѣ), «Скупой», «Торговецъ» (у великаго князя Константина Константиновича), «Пиръ у Лауры» и др. Его кисти принадлежитъ вся живопись въ усыпальницѣ великаго князя Сергѣя Александровича, привлекающая массу зрителей. Не довольствуясь личнымъ творчествомъ въ жанрѣ церковной живописи, т. е. въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ искусство становится ближе и понятнѣе народу, онъ основалъ въ Москвѣ иконописную школу и разстался съ своимъ излюбленнымъ дѣтищемъ только передъ самымъ отъѣздомъ въ Ялту, гдѣ его ожидало не выздоровленіе, а смерть. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12336).

† **Столповскій, П. А.** 15-го іюня въ Москвѣ въ зданіи судебныхъ установленій внезапно скончался извѣстный присяжный повѣренный и общественный дѣятель Петръ Адамовичъ Столповскій. П. А. еще накануне ночью чувствовалъ себя плохо, но утромъ, находя перемѣну къ лучшему въ своемъ здоровьи, отправился въ окружный судъ, гдѣ въ 5-мъ отдѣленіи участвовалъ въ судебномъ засѣданіи въ качествѣ повѣрен-

наго. Во время разбирательства дѣла П. А. упалъ и быстро скончался. Судебное засѣданіе было прервано. Врачъ судебныхъ установленій констатировалъ смерть отъ паралича сердца. Вѣсть объ этой кончинѣ быстро разнеслась по Москвѣ, вызывая всюду глубокое сожалѣніе о безвременно прервавшейся жизни. Покойный П. А. пользовался въ обществѣ уваженіемъ какъ юристъ, общественный дѣятель и благородный, гуманный человѣкъ. Университетское образованіе П. А. получилъ въ 60-хъ годахъ и со студенческой скамьи въ теченіе всей своей жизни являлся горячимъ сторонникомъ и защитникомъ принциповъ и идей, положенныхъ въ основаніе освободительныхъ реформъ той эпохи. Онъ состоялъ членомъ московскаго юридическаго общества, гласнымъ московской думы, губернскаго земскаго собранія, звенигородскаго уѣзднаго собранія. П. А. состоялъ членомъ многихъ другихъ подготовительныхъ комиссій и постояннымъ участникомъ совѣщаній гласныхъ для разрѣшенія юридическихъ вопросовъ. Неоднократно онъ избирался въ члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. П. А. принималъ также дѣятельное участіе во многихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществахъ Москвы и долгое время состоялъ членомъ общества пособія нуждающимся студентамъ московскаго университета. П. А. былъ ближайшимъ другомъ покойнаго Г. А. Джаншіева и столь же горячимъ сторонникомъ и защитникомъ судебныхъ уставовъ 24-го ноября 1864 года. (Некрологъ его: «Русскія Вѣд.» 1910 г., № 135).

† **Фаусекъ, В. А.** Въ ночь на 1-е іюля въ Кіевѣ, въ Тарасовской лечебницѣ, скончался отъ болѣзни почекъ на 49-мъ году жизни директоръ высшихъ женскихъ Бестужевскихъ курсовъ, профессоръ зоологіи Викторъ Андреевичъ Фауссекъ. Покойный уроженецъ Саратовской губ., онъ родился въ 1861 г. Среднее образованіе В. А. получилъ сначала въ московской и затѣмъ въ харьковской гимназіи. Въ 1881 г. онъ поступилъ на естественно-историческое отдѣленіе физико-математическаго факультета харьковскаго университета, а въ 1884 году перевелся въ петербургскій университетъ, гдѣ, годъ спустя, окончилъ естественное отдѣленіе. По окончаніи курса, В. А. Фауссекъ работалъ въ зоологическомъ кабинетѣ у проф. Н. П. Вагнера. Въ 1891 г. онъ защитилъ диссертацію на степень магистра зоологіи. Работы его обратили на себя вниманіе географическаго общества и петербургскаго общества естествоиспытателей, по предложенію которыхъ В. А. совершилъ въ 1886, 1888 и 1889 гг. поѣздки съ научной цѣлью въ Ставропольскую губ. и на сѣверъ. Въ 1895 и 1896 гг. В. А. былъ командированъ за границу и работалъ на неаполитанской зоологической станціи Дорна, а въ 1898 г. получилъ степень доктора зоологіи въ московскомъ университетѣ. Свою профессорскую дѣятельность В. А. началъ въ 1892 г. въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ до 1894 г. читалъ лекціи по зоологіи. Съ 1897 г. до послѣдняго дня жизни В. А. состоялъ профессоромъ зоологіи высшихъ женскихъ курсовъ и женскаго медицинскаго института. Послѣ изданія указа отъ 27-го августа 1905 года покойный былъ первый избранъ директоромъ высшихъ женскихъ курсовъ, на должность котораго былъ переизбранъ въ 1908 г. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ крупныхъ работъ по зоологіи, початавшихся въ «Трудахъ» и «Извѣстіяхъ» различныхъ научныхъ обществъ. Главнѣйшія изъ нихъ: «Къ

природѣ степей Сѣвернаго Кавказа», «Этюды по анатоміи и исторіи развитія пауковъ-сѣнокосцевъ», «Изслѣдованія надъ исторіей развитія головоногихъ», «Біологическія наблюденія надъ пластинчатожаберными моллюсками», «Этюды по вопросамъ біологической эволюціи» и мн. др. Кромѣ того, имъ написанъ рядъ трудовъ на нѣмецкомъ языкѣ. В. А. Фауссекъ пользовался большою популярностью какъ среди профессоровъ, такъ и среди слушательницъ, къ которымъ всегда выказывалъ въ высшей степени заботливое отношеніе, удѣлялъ много времени, знакомясь съ ихъ положеніемъ и нуждами. Мягкій, доброжелательный, альтруистически мыслящій человѣкъ, В. А. своимъ спокойствіемъ и уравновѣшенностью немало содѣйствовалъ урегулированію учебной жизни во время студенческихъ волненій. И молодежь понимала и цѣнила покойнаго. Послѣдніе годы своей жизни В. А. постоянно чувствовалъ недомоганіе, которое онъ приписывалъ болѣзни кишечника. Къ помощи врачей онъ прибѣгалъ только въ крайнихъ случаяхъ. Преждевременная смерть старшаго сына В. А. сильно повліяла на его здоровье. Поѣхавъ вскорѣ послѣ потери сына въ Закаспійскую область, онъ по пути впервые почувствовалъ сильные приступы болѣзни. Въ первыхъ числахъ іюня текущаго года В. А. почувствовалъ настолько острую боль, что обратился къ своему товарищу по женскому медицинскому институту проф. А. А. Кадьяну, который установилъ, что у него застарѣлая болѣзнь почекъ и посовѣтовалъ ему немедленно приняться за серьезное леченіе. 5-го іюня проф. В. А. Фауссекъ выѣхалъ въ Полтавскую губернію къ своей семьѣ и надѣялся вернуться въ Петербургъ въ августѣ. Вскорѣ, однако, по пріѣздѣ въ Полтавскую губ. онъ почувствовалъ себя настолько плохо, что рѣшилъ поѣхать обратно въ Петербургъ, чтобы полечиться. Но по дорогѣ В. А. почувствовалъ себя хуже и ему пришлось остановиться въ Кіевѣ. Больной былъ помѣщенъ въ Тарасовскую лечебницу, гдѣ 30-го іюня ему была произведена операція извлеченія камней, спустя 4 часа послѣ операціи В. А. скончался. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1910 г., № 178).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи В. Маркова «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева».

Въ мартовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ помѣщена статья В. Маркова «Къ характеристикѣ графа М. Н. Муравьева (Виленскаго), написанная по поводу воспоминаній С. И. Плаксина и Н. Н. Фирсова, указывающая на нѣкоторыя неточности того и другого, но и статья самого В. Маркова грѣшитъ тѣмъ же.

Прежде всего г. В. Марковъ пишетъ, что графъ Муравьевъ выполнилъ свою задачу по усмиренію Сѣверо-Западнаго края съ гораздо меньшими жертвами

въ смыслѣ казней, нежели его слабые предшественники, «какъ, напримѣръ, слабовольный и ни на что въ сущности не способный генералъ Потаповъ, при которомъ число политическихъ казней было гораздо больше, чѣмъ при Муравьевѣ».

Я вовсе не поклонникъ генерала Потапова, какъ администратора Сѣверо-Западнаго края, но долженъ сказать, что генералъ Потаповъ ни въ бо́льшемъ, ни въ меньшемъ количествѣ казней не только не повиненъ, но и не могъ быть въ нихъ повиненъ, просто потому, что онъ никогда не былъ предшественникомъ М. Н. Муравьева, а былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края уже послѣ М. Н. Муравьева, К. П. Кауфмана и графа Баранова, когда мятежъ былъ давно уже подавленъ и военные суды, введенные въ край Муравьевымъ, прекратили свою дѣятельность.

Теперь относительно анекдота, разсказаннаго Фирсовымъ и поправленнаго В. Марковымъ. Прежде всего относительно отношеній князя Суворова къ графу Муравьеву. Зная ихъ положеніе въ тогдашнихъ петербургскихъ сферахъ, не можетъ быть двухъ мнѣній—они были политическіе враги. Теперь относительно самаго анекдота. Г. Фирсовъ говоритъ о вопросѣ Суворова Муравьеву по поводу ареста кого-то по требованію послѣдняго: «за что арестовывать?» Г. В. Марковъ, въ свою очередь, разсказываетъ, что въ Вильнѣ Муравьевымъ былъ арестованъ какой-то польскій магнатъ, уличенный въ содѣйствіи мятежу, и, будто бы, Муравьевъ рѣшилъ его для назиданія повѣсить. У магната были въ Петербургѣ при дворѣ родственники, даже какая-то фрейлина, и эти родственники обратились къ фрейлинѣ съ просьбой ходатайствовать объ арестованномъ и проч. Суворовъ запросилъ Муравьева, за что арестованъ упомянутый магнатъ, и получилъ въ отвѣтъ отъ Муравьева лаконическое «отгадайте», и пока Суворовъ отгадывалъ, арестованный былъ повѣшенъ въ Вильнѣ. Прежде всего замѣчу, что самъ Муравьевъ никого не рѣшалъ повѣсить, или нѣтъ, онъ только конфирмовалъ приговоры военныхъ судовъ, и дѣйствительно, за все время его генералъ-губернаторства, т. е. съ 1-го мая 1863 года по 17-е апрѣля 1865 года (время генералъ-губернаторства Муравьева въ Вильнѣ) приговоровъ къ смертной казни военныхъ судовъ имъ конфирмовано къ исполненію около 120-ти; болѣе, чѣмъ вдвое меньше, чѣмъ въ царствѣ Польскомъ за это же время графомъ Бергомъ.

Послѣдніе года и въ историческихъ и въ другихъ изданіяхъ довольно часто упоминается имя графа Муравьева Виленскаго и приводятся анекдоты изъ его административной дѣятельности: такъ, не помню, гдѣ не такъ давно было разсказано, что на телеграмму императора Александра II: «Прошу не разстрѣливать Платера», Муравьевъ будто бы отвѣтилъ: «Желаніе Вашего Величества исполнено—Платеръ повѣшенъ».

Не касаясь характера дѣятельности Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ, которая давно уже ждетъ своего безпристрастнаго историка, я только позволю себѣ привести здѣсь новую редакцію ходячихъ анекдотовъ о Муравьевѣ. Во время генералъ-губернаторства Муравьева въ Вильнѣ мой покойный отецъ былъ предсѣдателемъ одной изъ повѣрочныхъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій (дисненской), вызванный и назначенный на эту должность по личному желанію М. Н. Муравьева, будучи до этого времени мировымъ посредникомъ Дмитріевскаго уѣзда Курской губерніи. По дѣламъ службы онъ, конечно, часто бывалъ

въ Вильнѣ и видѣлся съ Муравьевымъ не только при докладахъ, но и бывая въ семьѣ Муравьева частнымъ образомъ; кромѣ того, правителемъ генералъ-губернаторской канцеляріи былъ Деревицкій, товарищъ моего отца по полку, такъ что многое, конечно, онъ могъ слышать и отъ него, но отецъ, передавая разные случаи изъ времени генералъ-губернаторства М. Н. Муравьева въ Вильнѣ, обыкновенно прибавлялъ: «какъ говорятъ», или «какъ разсказываютъ», почти никогда не говоря, что онъ былъ очевидцемъ, или знаетъ отъ такого-то. Въ свою очередь, моя покойная мать въ дѣтствѣ и юности близко знала М. Н. Муравьева и въ особенности его супругу, Пелагею Васильевну. По словамъ матери, М. Н. Муравьевъ сравнительно еще въ молодыхъ годахъ, 30-хъ и 40-хъ, приходилъ въ изступленіе и доходилъ до нервныхъ истерическихъ припадковъ, встрѣчаясь по службѣ съ разными административными злоупотребленіями, и въ то же время, несмотря на наружную суровость, очень любилъ дѣтей; когда бывалъ у близкихъ знакомыхъ, гдѣ были дѣти, то отправлялся обыкновенно въ дѣтскую, садился на полу и цѣлые часы проводилъ, играя и забавляя дѣтей.

Теперь относительно общеизвѣстныхъ анекдотовъ, слышанныхъ мною въ редакціи отца, причемъ приведу два случая, которые мнѣ въ печати встрѣчать не приходилось. По требованію М. Н. Муравьева, въ Петербургѣ былъ арестованъ и доставленъ въ Вильну извѣстный Іосафатъ Огрызко. О его дѣятельности и связяхъ въ извѣстныхъ петербургскихъ сферахъ говорить не приходится, ибо онѣ слишкомъ извѣстны. Послѣ его доставленія въ Вильну будто бы свѣтлѣйшій князь Суворовъ обратился съ вопросомъ къ Муравьеву: «Какая участь ожидаетъ Огрызко?» и получилъ извѣстный отвѣтъ: «Отгадайте». Отвѣтъ съ формальной стороны совершенно правильный, ибо слѣдствіе о дѣятельности Огрызко не было еще окончено и опредѣлить его участь Муравьевъ, конечно, не могъ.

Относительно произведшей огромное впечатлѣніе на мѣстное общество казни графа Платера привожу версію совершенно иную, чѣмъ это существуетъ въ печати. По словамъ отца, Платеръ былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, никакого сомнѣнія въ ожидаемой его участи не могло быть. Такъ какъ всѣ ходатайства въ Петербургѣ о вмѣшательствѣ въ дѣло Платера оказались безрезультатными, то родственники его обратились къ П. В. Муравьевой, умоляя ее что-нибудь сдѣлать въ пользу Платера. П. В. Муравьева никогда не вмѣшивалась въ служебныя дѣла мужа, но тутъ, тронутая мольбами и самой личностью молодого Платера, рѣшилась на такое средство: у Муравьева постоянно жила одна изъ внучекъ, звали ее, сколько помнится, Вѣрочкой, и была она большой любимицей самого Муравьева, который ее очень баловалъ, ни въ чемъ ей не отказывалъ, и входила она къ нему въ кабинетъ, когда ей было угодно. Было ей въ то время лѣтъ 6—7, и вотъ устроили такъ: когда приговоръ о Платерѣ былъ составленъ и его доставили для конфирмаціи М. Н. Муравьеву, вмѣстѣ съ чиновникомъ, принесшимъ приговоръ, въ кабинетъ Муравьева пустили Вѣрочку, научивши предварительно, что ей надо было дѣлать. Въ то время, когда Муравьевъ взялъ приговоръ въ руки, Вѣрочка, взобралась къ нему на колѣни, и произошла такая сцена. Она обратилась къ Муравьеву со словами: «Дѣдушка, исполни мою просьбу».—«Ну, что такое?»—«Да нѣтъ, ты скажи, что непремѣнно исполнишь».—«Ну, ну, хорошо, въ чемъ дѣло?» Тогда, Вѣрочка, обнявъ его,

сказала: «Дѣдушка, прости Платера». Въ первую минуту Муравьевъ, не ожидавшій ничего подобнаго, нѣсколько смутился, но быстро оправился, поцѣловалъ Вѣрочку, снялъ ее съ колѣнъ и потихоньку вывелъ изъ кабинета, потомъ, говорятъ, вытеръ платкомъ глаза и конфирмовалъ приговоръ, согласно съ постановленіемъ суда, которымъ Платеръ былъ приговоренъ къ повѣшенію.

Послѣ возстанія 1831 года одинъ изъ помѣщиковъ, кажется, Гродненской губерніи, гдѣ М. Н. Муравьевъ былъ тогда губернаторомъ, какъ замѣшанный въ возстаніи, былъ арестованъ, но какимъ-то способомъ бѣжалъ за границу, а въ спискахъ арестованныхъ былъ показанъ умершимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда тревога, произведенная возстаніемъ, улеглась, онъ возвратился изъ-за границы и принялся попрежнему хозяйничать. Въ 1863 году, уже въ преклонномъ возрастѣ, онъ опять возбудилъ къ себѣ подозрѣніе. Когда Муравьеву объ этомъ доложили, фамилія помѣщика показалась ему знакома, началось разслѣдованіе, и оказалось, что это тотъ самый, который умеръ въ 1831 году. Вѣроятно, за нимъ не было особенныхъ погрѣшностей, и М. Н. Муравьевъ, не предавая его суду, ограничился высылкой его въ Вятку. У высланнаго былъ сынъ, студентъ московскаго университета; вѣроятно, не зная прошлаго своего батюшки, онъ, узнавъ о его высылкѣ, пріѣхалъ въ Вильну и явился на пріемъ къ генералъ-губернатору, причемъ явился одѣтымъ въ чемарку, съ конфедераткой въ рукахъ и вообще имѣлъ крайне вызывающій видъ. Обходя просителей, М. Н. Муравьевъ обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ: «Вамъ что угодно?»—«Я бы хотѣлъ знать, за что моего старика отца арестовали и выслали?» Муравьевъ минуту подумалъ, потомъ, обращаясь къ шедшему сзади него адъютанту, сказалъ: «Пошлите его въ Вятку», а къ студенту: «Вотъ вамъ тамъ батюшка разскажетъ». Долженъ сказать, что эпизода относительно казни Платера я никогда ни отъ кого, кромѣ отца, не слыхалъ. Насколько помнится, отецъ никогда никому, кромѣ меня, не разсказывалъ.

Къ слову о Муравьевѣ, объясню одну карикатуру, которая при своемъ появленіи, вѣроятно, мало кѣмъ была понята, а теперь уже и подавно. Въ 63-мъ году въ «Искрѣ» въ числѣ карикатуръ былъ помѣщенъ слѣдующій мало понятный рисунокъ: была нарисована большая муравьиная куча, рядомъ шестъ съ сидящей на немъ маленькой птичкой, подпись гласила: «Муравьевъ-то, муравьевъ-то—вотъ гдѣ пища соловьевъ», что, конечно, означало не то, что въ нарисованной муравьиной кучѣ много пищи для соловья-птицы, а укоризненное обращеніе къ М. Н. Муравьеву, а вторая фраза относилась къ историку Соловьеву, обращая его вниманіе на дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ.

Г. А. Гарцевичъ.

II.

По поводу замѣтки В. Сабурова.

Г. Василій Сабуровъ въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» говоритъ: «Полагаю, что въ Россіи нѣтъ и не было лица прокурорскаго надзора, поверхностно знакомаго съ русскимъ языкомъ» (стр. 1126). Вѣроятно, В. Сабуровъ забылъ о покойномъ графѣ Паленѣ—оберъ-прокурорѣ и ми-

нистрѣ юстиціи, который, владѣя превосходно иностранными языками, невозможно выражался по-русски, очевидно, зная его очень поверхностно. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ, когда графъ Паленъ, желая сказать, что онъ отсталъ отъ свѣтской жизни, другое дѣло его супруга—она-де совсѣмъ общественная свѣтская дама, сказалъ: «Я зовсѣмъ рэтирадный шеловэкъ, вотъ моя жена она зовсѣмъ публичная женщина».

Въ Нижнемъ Новгородѣ, послѣ ревизіи окружнаго суда, чиновники суда давали министру Палену прощальный обѣдъ въ клубѣ. Около министра съ одной стороны сидѣлъ тогдашній предсѣдатель окружнаго суда Александръ Кузьмичъ Пановъ, который послѣ ревизіи за образцовое веденіе дѣлъ окружнаго суда получилъ благоволеніе министра. Съ другой стороны министра сидѣла супруга А. К. Панова, Анна Николаевна Панова, въ полномъ смыслѣ belle femme. Послѣ дессерта и изряднаго поглощенія шампанскаго и выслушанія застольныхъ рѣчей, графъ Паленъ обращается къ А. К. Панову и спрашиваетъ его: «Ви наградъ полюшиль?»—«Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, винограда не подавали, я сейчасъ распоряжусь».—«Ахъ нэтъ, ви крестъ полюшиль?»—«Виноватъ, что не дослышалъ—нѣтъ».—«Вы полюшите». Подвыпившій А. К. Пановъ воскликнулъ: «Избавьте меня только, пожалуйста, отъ Анны 2-й степени». Министръ взглянулъ вопросительно. «Зачѣмъ мнѣ еще Анну 2-й степени на шею, когда у меня ужъ и такъ есть на шеѣ своя Анна 1-й сортъ». Это министру такъ понравилось, что онъ еще разъ выпилъ бокалъ шампанскаго за здоровье Анны Николаевны, и преданіе говоритъ, что А. К. Пановъ получилъ не св. Анну 2-й степени, а орденъ св. Владимира 3-й степени.

Докторъ Генр. Родзевичъ.

Полина слегка покраснѣла, читая письмо, и ея рука, державшая бумагу, замѣтно дрожала. Она подняла свои прекрасные глаза на Гранли, ожидавшаго приговора, и внимательно разглядывала его.

Кто былъ онъ? Безумецъ, интриганъ, искатель приключеній... или дѣйствительно тотъ, за кого выдавалъ себя? Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы такъ дерзко лгать и въ совершенствѣ владѣть собой. Его элегантность, изысканность въ костюмѣ исключали предположеніе объ его безуміи. Въ такомъ случаѣ?.. Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ все выяснится.

Придя въ себя отъ кратковременнаго смущенія, Полина взяла со столика карандашъ и быстро написала нѣсколько строкъ на томъ же письмѣ, затѣмъ сложила бумагу и отдала ее Гранли, отпустивъ его милостивымъ жестомъ.

Онъ почтительно поклонился и вышелъ молча, не будучи въ состояніи произнести ни слова, такъ какъ нервная судорога сдавила его горло.

— Ну, онъ не изъ говорливыхъ,—замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Да,—быстро отвѣтила Полина:—но знайте, что онъ болѣе благороденъ, чѣмъ Боргезе и Савойцы, вмѣстѣ взятые.

Она его уже защищала.

Выйдя изъ дворца, Гранли развернулъ письмо и прочелъ: «Я васъ не выдамъ брату ни въ какомъ случаѣ. Мы будемъ видѣться. Ждите моего увѣдомленія; сожгите сейчасъ же это письмо».

Гранли былъ въ восторгѣ. Она не только не гнала его, но приближала къ себѣ, вѣрила ему. Голова его кружилась—вѣдь ему было всего двадцать лѣтъ.

Какимъ образомъ они видались? Никто не зналъ этого. А увидѣлись они скоро. Впрочемъ, ничто, предпринимаемое Полиной Бонапартъ, не должно было никого удивлять, такъ какъ она унаслѣдовала отъ своего брата смѣлость и рѣшительность въ поступкахъ; ни для кого не было тайной, что она бѣгала по ночамъ, переодѣтая мальчикомъ, по различнымъ портовымъ притонамъ и, смѣшавшись съ толпой пьяныхъ матросовъ, пила вмѣстѣ съ ними, чокаясь стаканами и распѣвая ихъ пѣсни.

При своей необыкновенной изобрѣтательности она, конечно, нашла способъ видѣться. Они видались съ глазу на глазъ, днемъ и ночью, и тутъ и тамъ. Она разсѣяла всѣ его сомнѣнія, и это удалось ей тѣмъ легче, что онъ интересовалъ, увлекалъ ее своей юной прелестью, красотой, унаслѣдованной имъ отъ матери. Какъ мужчина, онъ нравился ей такъ, какъ никто до сихъ поръ не нравился. Наконецъ ее забавлялъ ихъ маленькій заговоръ.

Однажды вечеромъ она серьезно заговорила съ нимъ, увѣщевая его быть мужественнымъ, указывая ему путь, которымъ онъ дол-

женъ былъ слѣдовать и который привелъ бы его къ славной будущности. Она говорила:

— Ради моей любви вы готовы на все, въ доказательство вы хотите отказаться отъ вашихъ законныхъ правъ, отъ возвращенія потеряннаго трона. Это ошибка, дитя мое! Это не соотвѣтствуетъ тому, чего я желаю. Слушайте внимательно! Съ вами говоритъ сестра Наполеона, и каждое мое слово серьезно обдумано. Я умна и правдива. Я хочу видѣть васъ великимъ, возстановляющимъ свою королевскую власть. Успѣхъ принадлежитъ энергичнымъ, сильнымъ волей людямъ. Вспомните стихъ Вольтера: «Первый король—былъ счастливый солдатъ...» Итакъ, возстановляйте свой древній родъ; вступайте въ ряды императорскихъ войскъ, французскихъ войскъ...

Гранли открылъ широко глаза; эта рѣчь превзошла всѣ его ожиданія, всѣ самыя смѣлыя его мечты.

Не замѣчая его оживленія, Полина продолжала вдохновеннымъ голосомъ:

— Сдѣлайтесь солдатомъ, добивайтесь повышенія, служите подъ начальствомъ моего брата! Дѣлайте то, что дѣлали другіе, подражайте Бонапарту, Марсо, Дезэ и остальнымъ. Будьте генераломъ въ двадцать пять лѣтъ, маршаломъ въ тридцать; и въ то время, какъ вы будете достигать высокаго положенія, вы будете хранить свою царственную тайну. Но придетъ день, когда вы обнаружите ее; въ этотъ день Наполеонъ, увѣнчанный славой, будетъ привѣтствовать васъ, какъ неустрашимаго вождя, ловкаго, какъ Ланнъ, пылкаго, какъ Мюратъ... Тогда мои мечты сбудутся. Наполеонъ, не имѣющій потомства, будетъ думать о васъ, какъ о законномъ наслѣдникѣ тысячелѣтней короны; о томъ, чтобы усыновить васъ, какъ Евгенія, соединить настоящее съ прошлымъ; сдѣлать васъ королемъ, императоромъ! Теперь васъ поражаетъ мое предложеніе служить во французской арміи, но развѣ наша армія, военная форма не будетъ служить вамъ естественной защитой? Развѣ среди французскихъ гренадеръ убійцы, подкупленные вашими дядями, посмѣютъ васъ преслѣдовать? Понимаете вы это?

Гранли погрузился въ мечты.

Она продолжала:

— Обстоятельства благопріятствуютъ; я знаю, что императоръ формируетъ два полка подъ командой Шембурга и Латуръ-д'Оверня. Полки эти будутъ составлены изъ дворянства. Вы получите отъ бѣдной креолки, спасшей васъ ребенкомъ, отъ Жозефины, которую вы любите больше, чѣмъ меня, патентъ на званіе капитана одной изъ ротъ и положитесь на свою счастливую звѣзду.

— Моя звѣзда—это вы,—прошепталъ Гранли, чувствуя, какъ тысячи противорѣчивыхъ мыслей смѣшались въ его головѣ.

— Итакъ, — сказала она смѣясь,—черезъ мѣсяцъ я ѣду въ Парижъ; мнѣ хочется подышать воздухомъ при императорскомъ дворѣ, хочется показать свои брильянты...

— Я поѣду за вами.

— Съ условіемъ во всемъ мнѣ повиноваться!

— Во всемъ, что прикажете!

Въ награду за его повиновеніе она дала ему поцѣловать кончики своихъ розовыхъ пальцевъ. Онъ былъ безъ ума отъ этой женщины, и въ этомъ не было ничего удивительнаго; она зажигала сердца всѣхъ, окружавшихъ ее. Толкая принца на это опасное предпріятіе, Полина Боргезе слѣдовала своей склонности, своему пристрастію къ рискованнымъ поступкамъ, врожденной страсти къ маленькимъ заговорамъ.

Вся семья Бонапартовъ была въ заговорѣ противъ Наполеона, котораго ненавидѣла, противъ Жозефины, которую презирала; братья и сестры, обыкновенно враждующіе между собою, сплотились вмѣстѣ, преслѣдуя одну цѣль, за исключеніемъ Полины, которая была вѣрна и изувѣченному орлу. Но это не мѣшало ей затѣвать различныя интриги въ то время, когда императорская слава сіяла въ зенитѣ.

Принцъ разсказалъ свои планы нѣкоторымъ изъ приверженцевъ; тѣ сочли его за безумца и были правы. Но, впрочемъ, всѣ они согласились слѣдовать за нимъ всюду, поступить вмѣстѣ съ нимъ въ ряды французскихъ войскъ и въ случаѣ опасности защищать его до послѣдней капли крови.

Вотъ о чемъ думалъ бѣдный принцъ въ своемъ убѣжищѣ подъ крышей гасильника.

Мало-по-малу, утомленный, онъ склонилъ свою голову и наконецъ уснулъ, повторяя все одно и то же имя: «Полина... Полетта...»

Вдругъ онъ вздрогнулъ, открылъ глаза—ему послышался внизу въ домѣ сильный шумъ.

Когда Боранъ услыхалъ на улицѣ глухой топотъ приближавшихся къ дому шаговъ, онъ не ошибся; топотъ усиливался, потомъ вдругъ замолкъ передъ домомъ. Часовщикъ вскочилъ съ постели и сталъ торопливо одѣваться. Пріоткрывъ дверь, онъ тихонько позвалъ Ренэ. Та тотчасъ явилась. Она слышала уже этотъ шумъ и встала съ постели, ожидая въ тревогѣ, что бы это значило.

— Мнѣ кажется, — сказала она: — что окружаютъ нашъ домъ. Отецъ, отецъ, онъ погибъ!

— Ну, нѣтъ,—отвѣтилъ Боранъ, принимая спокойный, увѣренный видъ, чтобы не напугать дочь:—наше убѣжище хорошо скрыто.

Въ это время послышались испуганные голоса Блезо и Жанны, спавшихъ въ лавочкѣ, которые кричали, нарушая тишину ночи:

— Кто тамъ? Погодите! Вотъ вамъ покажемъ сейчасъ, негодяямъ...

Боранъ понялъ, что тамъ происходило.

— Они пробуютъ открыть дверь, сорвать запоръ... да, это не воры... они не нападаютъ толпами...

Онъ неслышно спустился въ лавочку въ ту минуту, когда Блезо съ палкой въ рукѣ старался защитить дверь, которая трещала уже подъ напоромъ ломившихся; Жанна звала на помощь. Въ мгновеніе ока работникъ былъ обезоруженъ, а его жену заставили замолчать, грубо зажавъ ей рукою ротъ. Пять или шесть человѣкъ проникли въ домъ. Сзади ихъ кто-то прикрылъ наружную дверь.

— Молчать!—произнесъ повелительный голосъ:—мы представители закона.

Произнесшій эти слова имѣлъ очень грубую наружность, сохранялъ военную выправку подъ своимъ штатскимъ костюмомъ и казался начальникомъ этой шайки. Возлѣ него стоялъ маленькій, хилый, плохо одѣтый человѣкъ, на плечахъ котораго болталось старое, широкое, плохо сшитое пальто. Этотъ человѣкъ обратился къ своему сосѣду:

— Кантекоръ, велите дать свѣту, да побольше!

— Сейчасъ, ваше превосходительство,—произнесъ Кантекоръ.

Онъ повернулся къ Борану. Въ темнотѣ, освѣщенной мерцающей лампой, которую Боранъ поставилъ на станокъ, Кантекоръ успѣлъ всѣхъ разглядѣть; сѣдые волосы часовщика указывали, что онъ былъ главой дома, да, кромѣ того, Кантекоръ зналъ его благодаря своимъ наблюденіямъ.

— Вы слышите, Боранъ! Дайте намъ скорѣе свѣчей, лампъ! Да потише, не слѣдуетъ шумѣть въ вашихъ же расчетахъ... Мы не желаемъ скандала... Пусть будетъ все по-хорошему... Пусть никто не вздумаетъ бѣжать, улица оцѣплена со всѣхъ сторонъ. Насъ много, и сопротивляться было бы глупо!

Говоря это, онъ вытащилъ изъ кармановъ пару пистолетовъ и для большей убѣдительности добавилъ:

— У каждаго изъ моихъ людей по стольку же...

Боранъ, Ренэ, Блезо, Жанна, блѣдные, молчаливые, вставили свѣчи въ мѣдные подсвѣчники и зажгли ихъ дрожащими руками. Лавочка была освѣщена какъ въ праздничный день.

— Произведите допросъ, Кантекоръ,—приказалъ плохо одѣтый человѣкъ, названный «превосходительствомъ».

Говоря это, онъ придвинулъ кресло, опустился въ него, надвинувъ на глаза шляпу; пряча подбородокъ въ складки своего галстука, онъ старался по возможности скрыть свое лицо. Но Боранъ зналъ хорошо всѣхъ начальствующихъ лицъ; онъ вздрогнулъ и шепнулъ Ренэ:

— Это Фушэ.

Дѣвушка прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть отъ волненія. Кантекоръ внимательно разглядывалъ всѣхъ обитателей домика, затѣмъ произнесъ, покачивая головой:

— По вашимъ лицамъ нельзя заключить, чтобы ваша совѣсть была спокойна; полагаю, что мнѣ нечего объяснять вамъ причину нашего посѣщенія. Слушайте, Боранъ, вы самый умный и съ вами можно говорить о дѣлѣ; выдайте намъ вашего гостя; когда онъ будетъ съ нами, мы всѣ вмѣстѣ и потолкуемъ.

Но къ Борану вернулось уже его мужество и смѣлость, и онъ отвѣтилъ спокойно и опредѣленно:

— Наши лица мирныхъ гражданъ выражаютъ лишь волненіе и изумленіе, которыя понятны при условіи, что нашъ сонъ и покой нарушенъ неожиданно, среди ночи, ворвавшимися людьми; полагаю, что это вполнѣ понятное объясненіе. Что же касается гостя, то я не понимаю, про кого вы говорите.

Фушэ и Кантекоръ быстро обмѣнялись взглядомъ; одинъ спрашивалъ: «не ошиблись ли вы?» Другой отвѣчалъ: «Не безпокойтесь, я все знаю».

Не могло же безслѣдно исчезнуть лицо, за которымъ шагъ за шагомъ отъ самой границы слѣдовалъ Кантекоръ. Боранъ продолжалъ:

— Я мирный часовщикъ, работающій въ этомъ кварталѣ болѣе двадцати лѣтъ, торговецъ, котораго считаютъ честнымъ человѣкомъ; справьтесь обо мнѣ. Такъ какъ вы олицетворяете собою законъ, то вы должны были бы защищать честныхъ людей, вмѣсто того, чтобы тревожить ихъ безъ причины.

— Та-та-та, — прервалъ его полицейскій: — мнѣ знакомы эти пѣсни... Въ такомъ случаѣ мы произведемъ обыскъ; ваша вина увеличится отъ запирательства, а результатъ будетъ все равно одинаковъ.

Ренэ рѣшила вступиться за отца:

— Сударь, если кто-нибудь донесъ на насъ, то въ такомъ случаѣ надъ вами посмѣялись; домъ слишкомъ малъ, чтобы укрыть какую-нибудь тайну; мой отецъ—скромный гражданинъ, не интересуется политикой. Это всѣмъ извѣстно.

Фушэ окинулъ проницательнымъ взоромъ дѣвушку.

— Но кто же вамъ говоритъ о томъ, что вашъ отецъ интересуется политикой?

Ренэ покраснѣла и склонила голову; она поняла, что сказала лишнее.

— Сударыня,—сказалъ Кантекоръ, въ свою очередь:—вы смѣетесь надъ нами. Конечно, это простительно въ ваши годы, да и красота ваша васъ выручаетъ. Ну, однако, довольно разговоровъ, нечего терять время. Показывайте намъ дорогу.. А вы, толстуха,— обратился онъ къ Жаннѣ:—возьмите лампу и свѣтите намъ.

— Толстуха!—заворчала обиженная супруга Блезо:—я вѣдь не зову васъ «жердью», бездѣльникъ!

Кантекоръ не удостоилъ его возраженіемъ. Онъ сдѣлалъ знакъ своимъ людямъ, которые взяли подсвѣчники и начали обыскъ. За Кантекоромъ слѣдовалъ Фушэ, державшійся все время на сторожѣ, затѣмъ Боранъ, дѣлавшій огромныя усилія, чтобы казаться спокойнымъ, растерянная Ренэ и обезумѣвшій отъ ужаса Блезо.

Полицейскіе перерыли всѣ шкапы, ящики, изслѣдовали всѣ стѣны, все перерыли въ комнаткѣ позади лавки, служившей столовой и кухней... Тамъ ничего не было.

— Поднимемся выше,—сказалъ Фушэ:—птицы залетѣли наверхъ!

Онъ острилъ, чувствовалъ себя въ хорошемъ настроеніи. Онъ любилъ эти ночныя похожденія, эту охоту за людьми по вѣрнымъ слѣдамъ; онъ родился шпіономъ, это было его призваніе. На этотъ разъ преслѣдованіе было особенно интересно. Игра стоила того, чтобы самому принять въ ней участіе, несмотря на опасность.

Изъ нижняго этажа всѣ направились наверхъ, вытянувшись гуськомъ по узкой лѣстницѣ, которая скрипѣла подъ ихъ тяжелыми шагами; въ верхнемъ этажѣ обыскъ возобновился. Въ комнатахъ Борана и Ренэ была передвинута вся мебель, все было перерыто сверху донизу, но безъ всякихъ результатовъ.

— Не тутъ, выше, выше,—нетерпѣливо ворчалъ Фушэ:—я говорю вамъ, что выше... я слышу запахъ дичи... да, да... я не ошибаюсь!

На чердакѣ онъ остановился, оглядѣлся и сказалъ:

— Ну, теперь будьте внимательны!

Тотчасъ полицейскіе со свѣчами въ рукахъ разсѣялись по всѣмъ угламъ обширнаго помѣщенія, а Кантекоръ, взявъ лампу изъ рукъ Жанны, началъ внимательно разсматривать стѣны.

Фушэ, къ ужасу однихъ и въ назиданіе другимъ, говорилъ:

— Это помѣщеніе слишкомъ пусто, видите ли; это какъ будто устроено нарочно, для отвода глазъ, для того, чтобы сразу можно было видѣть, что тутъ ничего нѣтъ... и это именно потому, что тутъ-то и есть что-то. Осмотрите каждую щель, каждый гвоздь, каждую дыру, въ особенности со стороны переулка, тамъ есть выпуклость на фасадѣ.

У Борана подкосились ноги; Ренэ сжала челюсти, чтобы не стучать зубами.

Кантекоръ съ людьми осматривали все самымъ тщательнымъ образомъ, но не находили ничего подозрительнаго. Фушэ затопалъ ногами; онъ уже рѣшилъ, что идетъ по вѣрному слѣду, а между тѣмъ время шло, не приводя ихъ къ успѣху...

Фушэ не допускалъ ошибки. Онъ повернулся къ Ренэ, разсчитывая уловить выраженіе страха на подвижномъ личикѣ дѣвушки,

которое могло бы подтвердить его догадки. Но подъ его пристальнымъ взглядомъ она опустила глаза и устремила ихъ въ землю, а затѣмъ отступила въ полосу тѣни, которая падала отъ стѣны; она догадалась о намѣреніи начальника полиціи. Шпіоны даромъ теряли время и трудъ. Съ помощью желѣзныхъ прутьевъ они изслѣдовали каждое отверстіе,—все было напрасно.

— Если и есть какой-нибудь тайникъ,—сказалъ Кантекоръ, которому закралось въ душу сомнѣніе:—то, надо признаться, онъ великолѣпно скрытъ.

Фушэ разсердился:

— Нечего сказать, стоило заявлять мнѣ о добычѣ... королевской... заставить меня прійти сюда!

Полицейскій опустилъ голову, физіономія его вытянулась. Онъ уже предчувствовалъ немилость; министръ полиціи былъ безпощаденъ съ неловкими; онъ предпочиталъ негодяевъ, съ которыми всегда можно сговориться и обдѣлать всевозможныя дѣлишки.

Фушэ продолжалъ:

— Довольно, пора кончить... такимъ образомъ мы не подвинемся впередъ до завтрашняго дня!

Въ эту же минуту у него блеснула мысль, которая должна была привести ихъ къ цѣли. Онъ позвалъ Борана и Ренэ и поставилъ ихъ посрединѣ пустого помѣщенія; грубымъ, рѣзкимъ голосомъ, который отдавался во всѣхъ уголкахъ чердака, онъ объявилъ имъ:

— Я знаю, что вы скрываете человѣка, который изгнанъ изъ Франціи. Я не утверждаю, что онъ находится здѣсь съ дурными намѣреніями, но моя обязанность разыскивать его всюду, гдѣ бы онъ ни скрывался. Я долженъ его найти, долженъ удостовѣрить его личность. Такъ какъ наши поиски безполезны, такъ какъ вы отрицаете то, въ чемъ мы увѣрены, то домъ вашъ будетъ разрушенъ до основанія завтра же. А теперь вы, Боранъ, и эта молодая дѣвушка (онъ еще повысилъ тонъ), вы отправитесь въ Консьержери; тишина и уединеніе будутъ полезны вамъ для размышленій; если ваше пребываніе тамъ продолжится нѣсколько лѣтъ— тѣмъ хуже для васъ.

Въ то время, какъ онъ произносилъ эту рѣчь, въ томъ мѣстѣ стѣны, которое было обслѣдовано уже сто разъ, медленно открылось отверстіе; большая дверь, подъ давленіемъ изнутри, открылась, и на порогѣ появился Гранли.

Раздался крикъ ужаса, безпокойства, удовлетворенія, —всѣ отступили назадъ, затѣмъ окружили его. Съ огромнымъ спокойствіемъ, важно, торжественно, съ величественнымъ презрѣніемъ, молодой человѣкъ сдѣлалъ шагъ впередъ:

— Довольно, сударь!—обратился онъ къ Фушэ.—Я одинъ виноватъ во всемъ, и вотъ я въ вашихъ рукахъ.

Случилось то, на что разсчитывалъ министръ. Принцъ не могъ слышать угрозъ своимъ вѣрнымъ слугамъ; онъ продолжалъ оставаться великодушнымъ, несмотря на всѣ неудачи и несчастія.

Фушэ не отличался вѣжливостью, но при этомъ появленіи, чрезвычайно пораженный и взволнованный, онъ поклонился и приподнялъ свою шляпу. Онъ не отказалъ въ этомъ знакѣ почтенія тому, отца и мать котораго онъ отправилъ на гильотину.

Гранли продолжалъ:

— Эти люди приняли меня, не зная, кто я. Распоряжайтесь мною, я покоряюсь необходимости еще разъ.

— Я долженъ васъ допросить,—сказалъ Фушэ:—будете ли вы отвѣчать?

— Вѣроятно, хотя это будетъ зависѣть отъ вашихъ вопросовъ.

— Прекрасно!

Министръ полиціи отдалъ короткое приказаніе Кантекору, который передалъ его, въ свою очередь, подчиненнымъ. Черезъ минуту наверхъ, на чердакъ были подняты два стула и небольшой столъ. Фушэ приказалъ удалиться всѣмъ, кромѣ Борана, Ренэ и Кантекора, «чтобы свободнѣе поговорить безъ свидѣтелей», какъ объяснилъ онъ. Чердакъ опустѣлъ, дверь закрылась; Фушэ пододвинулъ Гранли стулъ:

— Потрудитесь сѣсть, милостивый государь.

Молодой человѣкъ машинально опустился на стулъ. Фушэ взялъ другой стулъ, поставилъ его передъ столомъ и усѣлся. Затѣмъ онъ вытащилъ изъ кармана, не спѣша, бумагу и карандашъ въ серебряной оправѣ и приказалъ Кантекору подать лампу. Кантекоръ поставилъ лампу на столъ. Освѣщенный такимъ образомъ, этотъ рыжій человѣчекъ, бывшій священникомъ, членомъ народнаго конвента, цареубійцей, проконсуломъ, террористомъ, а теперь состоявшій приверженцемъ императорскаго строя, духовенства и законовъ, обнаруживалъ себя во всемъ своемъ гнусномъ и трагическомъ безобразіи. Несмотря на свою относительную молодость,—ему было только сорокъ два года,—онъ казался уже старымъ. Его желчное, измученное лицо, сѣро-зеленые глаза, налитые кровью, свидѣтельствовали о душѣ, лишенной благородства, высокихъ чувствъ и совѣсти. Онъ заговорилъ глухимъ голосомъ:

— Вы видите, что я отослалъ своихъ людей; они тутъ, на лѣстницѣ или въ среднемъ этажѣ, — я рѣшилъ, что имъ нечего слушать то, что вы мнѣ сообщите. Теперь начнемъ. Если у васъ есть оружіе, отдайте мнѣ его.

Гранли отвѣтилъ:

— У меня нѣтъ оружія.

— Бумаги?

— Здѣсь... никакихъ.

— Вы ручаетесь въ этомъ вашей честью?

— Да.

— Я вѣрю вамъ.

— А это?—сказалъ Кантекоръ съ гнусной усмѣшкой, выскальзывая изъ тайника, куда онъ незамѣтно проникъ за спиною принца.

Онъ помахалъ въ воздухѣ листикомъ, на которомъ поклонникъ Полины начерталъ съ такимъ трудомъ нѣсколько риѳмованныхъ строкъ въ честь ея несравненной красоты.

Принцъ кинулся на него, вырвалъ изъ святотатственныхъ рукъ листокъ, смялъ его и разорвалъ на тысячу кусочковъ.

— Что это значитъ?—строго спросилъ Фушэ.

— Ничего серьезнаго,—невинные стихи въ честь дамы, вѣрьте моему честному слову.

Министръ полиціи пробормоталъ что-то, уткнувшись въ воротникъ; онъ любилъ подмѣчать маленькія слабости сильныхъ міра. Выждавъ минуту, онъ спросилъ:

— Ваше имя?

Изгнанникъ поколебался одно мгновеніе, взглянулъ на взволнованныя лица своихъ преданныхъ друзей, улыбнулся имъ и смѣло отвѣтилъ:

— Шарль-Луи Гранли.

— Вы въ этомъ увѣрены?—спросилъ съ насмѣшкой Фушэ.— Впрочемъ, пусть будетъ такъ... будемъ продолжать... Вы изгнаны и знаете почему и тѣмъ не менѣе вы во Франціи.

— Да, это вѣрно. Но многіе изъ эмигрировавшихъ уже вернулись; я полагалъ, что времена теперь нѣсколько измѣнились и власти стали снисходительнѣе.

— Въ такомъ случаѣ, значитъ, вы скрываетесь?

Молодой человѣкъ покраснѣлъ. Онъ поднялся съ выраженіемъ негодованія на лицѣ и далъ волю своему гнѣву и презрѣнію:

— Кто вы такой, чтобы допрашивать меня такимъ образомъ? По какому праву дѣлаете вы это? по чьему повелѣнію? Я въ вашей власти, такъ и не злоупотребляйте ею! Я вернулся во Францію, я, да я, Гранли, чтобы служить въ императорской арміи, безъ всякихъ расчетовъ, съ единственной цѣлью быть полезнымъ моей родинѣ и безразлично при какомъ образѣ правленія. Вотъ и все! Если это преступленіе при имперіи, тѣмъ хуже для императора!

— Господинъ Гранли,—миролюбиво началъ Фушэ, прослушавшій эту горячую тираду безъ малѣйшаго выраженія на своемъ безкровномъ, каменномъ лицѣ:—прежде всего я отвѣчу вамъ на вашъ первый вопросъ. Кто я, какія у меня права и полномочія? Я— Фушэ.

Гранли едва овладѣлъ собой и подавилъ крикъ изумленія.

— Вы, вы Фушэ?

Фушэ закусилъ свои блѣдныя губы и поклонился.

— Да, я понимаю васъ; нѣкоторыя воспоминанія черезчуръ тягостны... Но это не идетъ къ дѣлу. Вы вернулись во Францію, чтобы служить въ императорскомъ войскѣ? Какъ же вы поступите туда подъ вашей вымышленной фамиліей?

— У меня есть поддержка, которой я уже пользовался... при дворѣ...

Фуше подумалъ; онъ начиналъ соображать, по его губамъ скользнула улыбка.

— Императрица?

Лицо его прояснилось, но сохраняло зловѣщее выраженіе.

— Да... да... все это очень странно... Впрочемъ, у васъ есть еще поддержка... въ Италіи... въ Римѣ...

На этотъ разъ Гранли поблѣднѣлъ; тайна, которую онъ тщательно хранилъ, оказывалась извѣстной полиціи. Пользуясь его замѣшательствомъ, Фушэ произнесъ:

— Вы очень неосторожны, сударь! Примѣръ герцога Энгіенскаго долженъ былъ бы остановить васъ на пути во Францію!

При этой угрожающей фразѣ молодой человѣкъ выпрямился и разстегнулъ свой сюртукъ:

— Если ваша цѣль такого рода, то я готовъ, не будемъ терять время!

Боранъ и Ренэ кинулись къ нему внѣ себя и закрыли его своими тѣлами; оба они рыдали.

— Объ этомъ нѣтъ и рѣчи,—отвѣтилъ какъ бы въ раздумьи Фушэ.

Въ этотъ мигъ, въ первый разъ за всю свою жизнь, можетъ быть, цареубійца чувствовалъ себя смущеннымъ. Всевозможныя и самыя противорѣчивыя мысли проносились въ его мозгу. Онъ отлично понималъ, что, предоставляя Жозефинѣ покровительствовать этому завѣдомому врагу императора, онъ могъ бы держать ее въ рукахъ и разсчитывать на ея благоволеніе. Съ другой стороны, въ это же время отъ него зависѣло щадить или скомпрометировать Полину Боргезе. Онъ представлялъ себѣ, что онъ могъ усилить свое уже огромное могущество, зная такую государственную тайну. Наконецъ, служа въ императорской арміи, принцъ былъ бы въ его рукахъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и въ концѣ концовъ могъ бы наступить удобный моментъ, когда принца легко можно было бы выдать его дядямъ. Онъ рѣшилъ, что этотъ молодой человѣкъ заслуживалъ нѣкотораго уваженія: защищая права императора, онъ могъ бы все-таки пощадить и юношу и, такимъ образомъ, пріобрѣталъ право на его благодарность.

А если императоръ узнаетъ объ этомъ какимъ-нибудь образомъ? Ну, что же, онъ всегда могъ бы его немедленно арестовать... и доказать, что его мнимая снисходительность была лишь искуснымъ ходомъ въ этой игрѣ.

Все это онъ обдумалъ и рѣшился. Плавнымъ жестомъ бывшій священникъ успокоилъ общее волненіе и, вставая, произнесъ самымъ миролюбивымъ голосомъ:

— Господинъ Гранли, дайте мнѣ ваше дворянское слово, что все, что вы мнѣ сказали, сущая правда; что вы ничего не замышляете ни противъ императора, ни противъ имперіи. При такомъ условіи я даю вамъ свободу! Если вы можете — поступайте въ императорскую армію; если нѣтъ—вы отправитесь въ мѣсто ссылки. Но знайте, что тутъ или тамъ вы всегда въ моихъ рукахъ... отъ меня скрыться нельзя. Таковъ нашъ обоюдный договоръ, основанный на взаимномъ довѣріи. Отвѣчайте, согласны вы подписать его?

Гранли думалъ, опустивъ голову. Передъ собою онъ видѣлъ Ренэ и старика Борана, которые, безмолвно сжимая руки, умоляли его; вдали, подъ небомъ Рима, передъ его взоромъ проносился нѣжный образъ Полины, для которой онъ былъ готовъ на всякія жертвы.

Глубоко вздохнувъ, онъ произнесъ:

— Г. Фушэ, я даю вамъ слово дворянина, что я сказалъ вамъ истинную правду; я ничего не предприму ни противъ императора, ни противъ имперіи. Я поступлю на службу въ императорскія войска или покину Францію. Я принимаю ваши условія... я вынужденъ сдѣлать это. Я не буду болѣе скрываться, но и вы не сдѣлаете мнѣ ничего дурного, я вѣрю этому.

— Вы можете быть совершенно спокойны,—отвѣтилъ, кланяясь, Фушэ, не рѣшившійся предложить свое честное слово,—и очень вѣроятно, что придетъ время, когда вы вспомните все, что произошло сегодняшней ночью, и, надѣюсь, воспоминаніе это не будетъ очень тяжко. А вы, Гіацинтъ Боранъ,—продолжалъ Фушэ, повертываясь къ часовщику,—не забудьте этого урока. Вашъ тайникъ долженъ быть уничтоженъ завтра же; чтобы впредь никто никогда не искалъ у васъ убѣжища, это вы должны запомнить. Если вы будете дѣйствовать попрежнему, то знайте, что это отразится на принцѣ.

Боранъ протянулъ уже руку, чтобы подписать торжественную клятву, но Фушэ всталъ и съ поклономъ вышелъ изъ чердака. Кантекоръ шелъ за нимъ недовольный, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ.

На улицѣ, садясь въ экипажъ, Фушэ сказалъ своему агенту:

— Кантекоръ, если ты дорожишь своею жизнью, ты забудешь эту ночь. Ты ничего не знаешь; ты ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ... Но съ этого дня ты долженъ слѣдить неотступно за этимъ молодымъ человѣкомъ, я вручаю его тебѣ. Ты долженъ всегда знать, гдѣ онъ, что онъ дѣлаетъ, что онъ думаетъ, что онъ желаетъ. При выполненіи этого условія твоя карьера обезпечена.

Кантекоръ отвѣсилъ глубокій поклонъ, и, когда онъ поднялъ голову, коляска уже скрылась изъ виду.

Въ домикѣ часовщика разыгрывалась другая сцена. Всѣ четверо вѣрныхъ друзей окружили своего принца и поздравляли его съ неожиданной развязкой, хотя всѣ были еще подъ впечатлѣніемъ того страха, ужаса и тревоги, что имъ пришлось пережить за эту ночь. А принцъ, дрожащій, негодующій, внѣ себя отъ бѣшенства кричалъ, подчеркивая слова:

— Я долженъ былъ уступить этому негодяю, этому убійцѣ!!.. ради васъ, ради другихъ... конечно, меньше всего ради себя! Это негодяй, ибо, освобождая меня, онъ измѣнилъ своему долгу!..

Потомъ вдругъ лицо его прояснилось:

— Ну, друзья мои, довольно плакать, будемъ радоваться! Не правда ли, что поведеніе этого всезнающаго шпіона удивительно! Наши надежды еще не потеряны! Не мы одни предчувствуемъ, что лиліи нашей Франціи скоро расцвѣтутъ!..

II.

Около половины іюля, по просьбѣ знатныхъ гражданъ Компьена, которые были огорчены тѣмъ, что императорская семья проводитъ лѣтнее время исключительно въ Рамбулье, Наполеонъ отправилъ Жозефину и Гортензію провести двѣ недѣли въ замкѣ этого города, обѣщая въ скоромъ времени тоже пріѣхать туда. Компьенскій замокъ былъ не великъ, и императрица со своимъ дворомъ съ большимъ трудомъ размѣстилась тамъ; интриги продолжались попрежнему и даже усилились вслѣдствіе одного новаго плана императора. Уже давно ему хотѣлось пристроить на службу огромное число эмигрантовъ и дворянской молодежи, которые, желая примириться съ правительствомъ, не могли, однако, согласиться вступить въ армію простыми солдатами. Вслѣдствіе этого Наполеонъ приказалъ выбрать шесть тысячъ лучшихъ молодыхъ людей изъ числа плѣнныхъ при Аустерлицѣ и сформировать изъ нихъ два полка на жалованьи отъ Франціи. Этому новому корпусу, сформированному не по образцу регулярныхъ войскъ, Наполеонъ далъ особыя, лично имъ выработанныя, права. Для того, чтобы получать чины включительно до штабъ-офицерскихъ, не нужно было служить долго; достаточно было быть благороднаго происхожденія, носить громкую фамилію и доказать свою преданность вѣрной службой императору. Конечно, производство въ чины такимъ способомъ было противно установившемуся обычаю; но императоръ рѣшилъ такимъ способомъ привлечь на свою сторону болѣе ста молодыхъ людей, воспитанныхъ, образованныхъ и богатыхъ; кромѣ того, онъ отвлекалъ ихъ службой отъ опаснаго бездѣлья и заговоровъ.

Племянникъ Латура д'Овернскаго былъ назначенъ командиромъ перваго полка, принцъ де-Шембургъ—командиромъ второго.

Обоимъ полкамъ были даны имена ихъ командировъ. Всѣ мѣста въ нихъ были тотчасъ заняты; люди самыхъ противоположныхъ направленій: разбогатѣвшіе республиканцы, обращенные роялисты, всѣ желали попасть туда. Послѣднія сомнѣнія, колебавшія умы, были побѣждены. Служба представлялась чрезвычайно заманчивой. Во время пребыванія двора въ Компьенѣ ходатайства усилились. Съ ними обращались даже къ Жозефинѣ.

Въ деревнѣ она казалась болѣе свободной, болѣе доступной, чѣмъ въ Тюльери; этимъ пользовались, чтобы обращаться къ ней съ просьбами, которыя были болѣе настойчивы. Сосѣдніе замки, которыхъ было очень много вокругъ Компьена, гостиницы, частные дома—все было занято просителями. Однако всѣ эти знатные люди находились подъ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, и по ихъ слѣдамъ, чего, вѣроятно, они и не подозрѣвали, шла цѣлая армія темныхъ личностей: полицейскихъ и шпіоновъ со стороны разныхъ отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ и правительствъ. Это было особое время, время таинственныхъ заговоровъ, огромныхъ честолюбій, тайныхъ надеждъ, сокровенныхъ происковъ, безграничныхъ самопожертвованій, позорныхъ измѣнъ. У Наполеона были свои агенты; у Талейрана свои; Фушэ, Савари, Десмаже, Реань, Дюбуа имѣли своихъ шпіоновъ; всѣ они интриговали между собою. Охрана подозрѣвала всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя взаимно не довѣряли ей. Графы де-Прованcъ, д'Артуа содержали въ Парижѣ своихъ эмиссаровъ, французовъ и иностранцевъ. Наконецъ, многія европейскія государства—Англія, Россія, Австрія, Пруссія—имѣли свои бюро, слѣдившія за всѣмъ, что дѣлалось въ Тюльери. Шпіоны были всюду, даже въ числѣ придворныхъ дамъ, которыхъ подкупалъ, хотя и очень дорогой платой, Фушэ. За императоромъ слѣдили точно такъ же, какъ за всѣми принцами; полицейскіе соперничали въ хитрости, смѣлости и ловкости. Очень часто велась двойная игра, которая запутывала интриги и козни.

Каждое утро императрица принимала не болѣе десяти просителей; пріемъ продолжался отъ десяти часовъ до полудня, если у нея не было мигрени или другихъ дѣлъ. Роль благодѣтельницы ей нравилась, и она охотно принимала просителей, тѣмъ болѣе, что среди нихъ она чувствовала себя въ своемъ обществѣ. Всѣ эти молодые люди, элегантные, утонченные и ловкіе, напоминали ей прошедшее время, интересовали ее, радовали и плѣняли. Она принимала ихъ просьбы, выслушивала комплименты, лесть и всѣхъ обнадеживала съ лѣнивой граціей прекрасной креолки. Наполеонъ могъ отказывать, возмущаться, негодовать, но въ концѣ концовъ уступалъ настояніямъ Жозефины; если Наполеонъ не соглашался, она звала на помощь Гортензію, иногда придворныхъ дамъ, фрейлинъ,

приглашенныхъ, и передъ этимъ хоромъ просьбъ онъ вынужденъ былъ соглашаться.

— Вы скоро будете назначать моихъ генераловъ!..—ворчалъ онъ.

— Почему жъ бы и нѣтъ?—возражали тѣ.

— Ахъ вы, плутовки, плутовки!..

И великій человѣкъ добродушно смѣялся.

Вліяніе Жозефины было такъ велико, что впослѣдствіи всѣмъ, назначеннымъ въ полки, благодаря ея покровительству, была присвоена кличка «кадетъ императрицы».

Въ это утро будущіе кадеты разгуливали, въ ожиданіи пріема, вдоль и поперекъ большого замковаго двора; нѣкоторые ходили въ одиночку, другіе собирались въ группы. Всѣ эти люди до смѣшного походили другъ на друга, что было, впрочемъ, не удивительно, такъ какъ всѣ они принадлежали къ одной и той же національности, были одинаковаго воспитанія, многіе изъ нихъ были болѣе или менѣе близкими родственниками. Всѣ они были одинаково одѣты по модѣ того времени: голубой сюртукъ, жилетъ съ цвѣтами, бѣлыя панталоны и невысокіе, доходящіе до половины ноги, сапоги. Болѣе молодые изъ нихъ были лѣтъ двадцати, старшіе—тридцати; всѣ они разсчитывали быть командирами или, по крайней мѣрѣ, капитанами: ихъ благородное происхожденіе давало имъ право на это. Они теперь считали, что оказываютъ услугу государству, соглашаясь вступить въ ряды войскъ и носить военный мундиръ. Они перекликались другъ съ другомъ, умышленно подчеркивая свои громкіе титулы:

— Это вы, маркизъ! А... виконтъ!.. Здравствуйте, герцогъ!.. здравствуй, баронъ!..

Большая часть ихъ отдала бы съ радостью десять лѣтъ жизни, чтобы низложить узурпатора и воскликнуть: «да здравствуетъ король!» Наполеонъ зналъ это очень хорошо, но онъ зналъ также и то, что, опредѣливъ ихъ въ полки, онъ будетъ держать ихъ желѣзной рукой и что никто изъ нихъ не посмѣетъ вести противъ него интриги изъ боязни суровой кары.

На двухъ ступенькахъ лѣстницы стояло трое молодыхъ людей надменной наружности и тихо разговаривали, слѣдя за появленіемъ и исчезновеніемъ придворныхъ слугъ, которые, введя просителя, докладывали фамилію того, кто слѣдовалъ по очереди. Молодой человѣкъ, стоявшій на верхней ступенькѣ, облокотившись на каменныя перила, былъ на голову выше двухъ другихъ и казался не старше двадцати лѣтъ. Это былъ блондинъ, съ правильными и красивыми чертами лица, съ задумчивыми глазами, съ подвижнымъ, выразительнымъ лицомъ, отражавшимъ каждое душевное движеніе. Обратясь къ своимъ собесѣдникамъ, сухощавымъ брюнетамъ приблизительно того же возраста, онъ сказалъ:

— Вотъ вы увидите, Прэнгей, и вы, Иммармонъ, что насъ и сегодня не примутъ. Если это будетъ продолжаться, то я поѣду недѣли на двѣ въ Клошъ-д'Оръ: это, конечно, очень пріятно, но въ концѣ концовъ...

— Ваше выс... господинъ Гранли,—сказалъ Иммармонъ:—почему вы не хотите согласиться на мое предложеніе и провести это время въ замкѣ моей матери, въ двухъ шагахъ отсюда?

— Опасно!

— Съ какой стороны?

— Со всѣхъ.

— Во всякомъ случаѣ, не опаснѣе, чѣмъ здѣсь?—возразилъ Иммармонъ.

— Да, конечно, но я не хочу никого компрометировать.

— Но вѣдь вы знаете, что единственное наше желаніе и обязанность—это служить вамъ и быть вамъ полезнымъ.

— Я это знаю,—сказалъ Гранли съ легкой усмѣшкой:—но вѣдь вы не одни—у васъ мать, сестра... Онѣ такъ недавно еще вернулись во Францію, что невозможно подвергать ихъ опасности быть высланными... Вооружимся терпѣніемъ!.. это отплата за прошлое!

— Вы расплачивались ужъ не разъ!—проворчалъ сквозь зубы Прэнгей.

Въ этотъ моментъ лакей доложилъ:

— Господинъ Мартинзаръ! Господинъ де-Рантиньи!

— Мартинзаръ!—произнесъ Иммармонъ съ движеніемъ, выражающимъ глубокое презрѣніе: — буржуа — вотъ кто здѣсь въ почетѣ, вотъ кого предпочитаютъ... вамъ!

— Кто же меня здѣсь знаетъ, — уклончиво замѣтилъ Гранли.

— Мартинзаръ,—продолжалъ Прэнгей: — сынъ архи-милліонера, банкира Жозефины; она ему должна огромныя деньги; будьте увѣрены, что его устроятъ прежде всѣхъ.

— А кто такой Рантиньи? Я о немъ не слыхалъ,—сказалъ Гранли.

— Вѣроятно, какой-нибудь захолустный дворянчикъ; я не слыхалъ этой фамиліи при прежнемъ дворѣ,—разъяснилъ Прэнгей:— хотя многое и забывается... столько случилось событій...

— И судьба многихъ такъ измѣнилась,—подхватилъ Гранли:— я, напримѣръ. Можетъ ли мое имя напомнить что-нибудь бывшимъ посѣтителямъ Версаля?

— Оно напоминаетъ слишкомъ много; оно слишкомъ ясно,— сказалъ Иммармонъ.—Если бы вы послушались меня, то взяли бы имя болѣе простое, не такое прозрачное, съ меньшимъ значеніемъ [1]).

— Пустяки! Что за важность!.. Богъ не оставитъ меня!

---

[1]) Гранли (grand lys) — въ переводѣ значитъ «большая лилія». Какъ извѣстно, лиліи были въ гербѣ французскихъ королей. *Прим. пер.*

Лакей снова провозгласилъ:—«Графъ де-Тейксъ принцъ де-Круа! Графъ де-Новаръ!»

— Это настоящіе дворяне,—сказалъ Прэпгей, который, повидимому, великолѣпно зналъ всю родословную старой Франціи.

— Да,—согласился Гранли,—графы де-Тейксы принцы де-Круа, бретонцы Морбигана, древній родъ, вѣрнѣйшій между вѣрными.— Онъ вздохнулъ.—Все измѣнилось!

— Какъ знать?—замѣтилъ Иммармонъ:—Не слѣдуетъ придавать лишнее значеніе наружному виду.

Прошло четверть часа. Въ этотъ день Жозефина торопилась окончить пріемъ. Послѣдовательно были приглашены: маркизъ де-Невантеръ, кавалеръ д'Орзаманъ, г. Микле де-Маршъ. Всѣ эти имена встрѣчались молодыми людьми, стоявшими на лѣстницѣ, съ выраженіемъ похвалы или презрѣнія.

— Всѣ собрались тутъ,—сказалъ Гранли,—и многіе изъ нихъ дѣйствительно благородные люди.

Появившись въ четвертый разъ, лакей доложилъ своимъ громкимъ голосомъ:—«Кавалеръ де-Гранли!.. графъ де-Прэнгей д'Отрезмъ, виконтъ д'Иммармонъ!..»

Гранли пожалъ крѣпко руки своимъ друзьямъ.—«До свиданья... Сейчасъ рѣшится моя судьба... побѣда или проигрышъ! Если меня не арестуютъ, тогда увидимся въ часъ дня въ Клошъ д'Оръ. Позавтракаемъ вмѣстѣ».

— Арестовать? За что?—вскричали вмѣстѣ Прэнгей и Иммармонъ.

— Все можетъ быть... за мной слѣдитъ Фушэ...

Молодой человѣкъ поднялся не спѣша по лѣстницѣ и вошелъ въ галерею. На большомъ разстояніи отъ него медленно шли его собесѣдники, перекидываясь словами:

— Мнѣ страшно, кузенъ, я боюсь!

— Я тоже!

— Если онъ не будетъ сдержанъ... позволитъ себѣ какую-нибудь безумную выходку?

— Да, ему очень трудно выдерживать свою роль... онъ такъ впечатлителенъ... И наконецъ воспоминанія прошлаго въ этомъ замкѣ... его гордость, вполнѣ законная... все это такъ опасно... Что онъ будетъ дѣлать, если его примутъ не такъ, какъ онъ разсчитывалъ.

— Подождемъ...

Они остановились, стараясь угадать, что происходитъ въ аппартаментахъ Жозефины.

Она принимала посѣтителей въ прежней гостиной Маріи-Антуанетты, комнатѣ, выходившей на террасу въ огромный паркъ. Императрица полулежала на узенькой кушеткѣ краснаго дерева, покрытой блѣдно-зеленымъ шелкомъ съ ярко-желтыми полосами и поддерживавшейся орлами изъ мѣди. Одѣта она была въ легкій туа-

летъ изъ индійской кисеи, съ открытыми руками и удивительно красивой шеей, слегка прикрытой этой прозрачной матеріей.

Несмотря на то, что въ эту пору ей было уже не менѣе сорока трехъ лѣтъ, она казалась очень молодой, благодаря тщательному уходу за своимъ лицомъ и фигурой и тому очарованію, которое она придавала своему голосу и движеніямъ. Небольшая діадема изъ жемчуговъ украшала ее прелестную головку. Гортензія, которая мѣсяцъ тому назадъ вышла замужъ за короля Голландіи и которая, повидимому, не очень стремилась къ своему супругу, сидя возлѣ нея, казалась младшей сестрой, далеко уступая ей въ красотѣ. Полукругомъ около дивана сидѣли рядомъ: фрейлина баронесса де-Во; камерфрау m-me Гамеленъ; м-мъ де-Нуаюнъ, креолка съ Мартиники, другъ дѣтства императрицы; баронесса Гудейль и нѣсколько другихъ дамъ высокаго происхожденія. Но самая молодая, самая красивая, сразу привлекавшая всѣ взоры, была красавица Луиза де-Кастеле. Два года тому назадъ она вышла замужъ за драгунскаго капитана, съ которымъ рѣдко видалась; они обожали другъ друга, но служба и придворныя обязанности часто разлучали ихъ. Ее любили при дворѣ за ея постоянное веселье и смѣхъ, который такъ шелъ къ ея нѣжной красотѣ свѣтлой блондинки. Великій художникъ Грезъ, умершій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ глубокой старости и нищетѣ, въ дни расцвѣта своего таланта между тысячами прекрасныхъ женщинъ считалъ ее своей лучшей моделью. Можно было утверждать, что она жила для того, чтобы радовать другихъ, разсѣевать печаль и уныніе. Самые угрюмые люди становились веселѣе въ ея присутствіи, и самъ императоръ въ часы дурного расположенія духа не могъ устоять передъ ея лучезарнымъ появленіемъ. Онъ называлъ ее волшебницей, и она принимала это прозвище, какъ комплиментъ.

Камергеръ, шталмейстеръ и нѣсколько офицеровъ стояли въ глубинѣ залы передъ дверью. Собраніе было блестяще, и роль каждаго была точно опредѣлена правилами придворнаго этикета. Обстановка была также великолѣпна; потолокъ былъ расписанъ аллегорическими картинами работы извѣстнаго Койпеля и украшенъ золотомъ, стѣны обтянуты коврами съ изображеніемъ миѳологическихъ сценъ, и старые портреты забытыхъ героевъ, временъ королей, дополняли убранство салона. Черезъ широко открытыя окна двери открывался видъ на паркъ съ вѣковыми деревьями и зелеными лужайками, на которыхъ бѣлѣли тамъ и сямъ статуи.

Въ то время еще не было огромной долины, которая доходитъ теперь до Красивыхъ Горъ. Этотъ открытый видъ былъ устроенъ пятью или шестью годами позже, благодаря капризу Маріи-Луизы, которая приказала вырубить огромныя просѣки.

Придворный лакей доложилъ:

— Кавалеръ де-Гранли.

Войдя, Гранли остановился на мгновеніе, ослѣпленный лучомъ солнца, прищурилъ глаза, обвелъ всѣхъ присутствующихъ задумчивымъ взглядомъ и направился медленными шагами къ императрицѣ. Въ трехъ шагахъ отъ нея онъ склонился почтительно и низко, но безъ малѣйшаго признака подобострастія. Императрица протягивала обыкновенно руку какъ для поцѣлуя, такъ и для того, чтобы взять прошенія и письма, которыми было снабжено большинство просителей. Но этотъ молодой человѣкъ, такой красивый и изящный, не имѣлъ въ рукахъ никакой бумаги; онъ казался какимъ-то особеннымъ, необыкновеннымъ, и Жозефина разглядывала его съ любопытствомъ, не шевелясь; всѣ присутствовавшіе были неподвижны, молчаливы, какъ бы въ ожиданіи какого-то серьезнаго событія, которое должно было послѣдовать за появленіемъ этого незнакомца. Гранли, стоя неподвижно передъ императрицей, ожидалъ знака поощренія. Она поняла его, сдѣлала небольшое усиліе и произнесла, слегка покраснѣвъ:

— Вы, кажется, кавалеръ де-Гранли? Что вы желаете получить отъ насъ?—и добавила послѣ маленькой паузы:—кто васъ рекомендуетъ?

— Мадамъ,—сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ:—я не имѣю никакихъ рекомендацій, и я хотѣлъ бы поговорить съ вами безъ свидѣтелей.

Онъ сказалъ «мадамъ», а не «ваше величество», какъ слѣдовало по этикету, и свободно выразилъ свое желаніе, не облекая его въ форму просьбы или мольбы. Придворные были оскорблены, наморщили брови; дамы дѣлали гримасы негодованія.

Одна Жозефина, эта безпечная креолка, не страдавшая маніей величія, казалась спокойной и не была оскорблена незнаніемъ придворныхъ правилъ. Гранли понравился и заинтересовалъ ее съ перваго взгляда, она сама не знала почему; она не могла объяснить себѣ, почему онъ вмѣстѣ съ тѣмъ внушалъ ей нѣкоторый страхъ.

Она снизошла къ его желанію и движеніемъ руки удалила дамъ, даже Гортензію и кавалеровъ, которые вышли за дверь. Шталмейстеръ изъ предосторожности намѣревался было остаться въ десяти шагахъ отъ нея, повелительнымъ жестомъ она удалила и его.

Гортензія замѣшкалась въ углу гостиной, занявшись разсматриваніемъ альбома.

Жозефина заговорила первая:

— Вы желаете поступить въ полкъ Изембурга или Туръ д'Овернья.

— Да, мадамъ.

— Вы знатнаго рода?

— Да, мадамъ.

— Какимъ же образомъ въ такомъ случаѣ у васъ нѣтъ связей при дворѣ, никакой заручки у меня?

Гранли улыбнулся, его голубые глаза остановились на секунду на императрицѣ, которая замѣтила, какъ они сверкнули, и отвѣтилъ медленно:

— Извините, мадамъ, я имѣю вашу поддержку.

— Я васъ не понимаю,—замѣтила Жозефина:—будьте добры не говорить загадками. Объясните, въ чемъ дѣло.

Тонъ ея голоса сдѣлался жесткимъ и повелительнымъ.

Молодой человѣкъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Вы меня спасли уже одинъ разъ; можетъ быть, вы не откажетесь спасти меня вторично.

Удивленная Жозефина приподнялась и наклонилась въ сторону страннаго посѣтителя.

— Я васъ спасла? когда? какимъ образомъ?

Тогда любопытные, собравшіеся въ сосѣдней комнатѣ, увидѣли, что молодой человѣкъ наклонился и очень тихо, быстро говорилъ что-то. До Гортензіи долетѣли отдѣльныя слова:

— 1795... Фротте... Барра... Тампль... палачи... милосердіе...

Изумленная императрица сдѣлала шагъ назадъ; съ глубокимъ вниманіемъ она вглядывалась въ женственное лицо юноши; помимо своей воли она воскликнула, кланяясь ему:

— Вы! вы! ваше высочество!

Затѣмъ, взявъ его подъ руку, она прошла съ нимъ на террасу. Слышно было, какъ она сказала ему: «Вы такъ похожи на вашу несчастную мать... какъ все это удивительно!..» Остальныя слова улетѣли вмѣстѣ съ утреннимъ вѣтеркомъ въ глубину парка, разбитаго нѣкогда по приказанію Людовика XV.

Они долго бесѣдовали. Въ минуты забывчивости Гранли гнѣвно возвышалъ голосъ. Доносились слова:

— Мятежные дяди... измѣна... гражданская смерть... низость... покушеніе... убѣжище въ войскахъ...

Жозефина, оглядываясь съ безпокойствомъ вокругъ, успокаивала его ласковымъ движеніемъ руки, призывая къ осторожности этого пылкаго юношу. Всѣмъ было замѣтно, что, разговаривая со страннымъ посѣтителемъ, она оказывала ему знаки глубочайшаго уваженія. Когда онъ откланялся, то, противно всѣмъ правиламъ этикета, она проводила его до дверей салона. Придворные съ изумленіемъ слѣдили за этой сценой. По серединѣ комнаты Гранли остановился на секунду, окинулъ взглядомъ всю гостиную, мебель, стѣны, картины и прошепталъ съ внезапнымъ душевнымъ порывомъ:

— Какія воспоминанія!

Императрица, приложивъ палецъ къ губамъ, напомнила ему еще разъ объ осторожности. Онъ спохватился и произнесъ очень громко:

— Благодарю васъ, мадамъ, за вашу доброту; такимъ образомъ дѣло рѣшено?

Жозефина отвѣтила ему тихо:

— Да, ваше величество...

Отвѣтъ этотъ донесся до пораженной Гортензіи.

Въ это же время Жеромъ Кантекоръ былъ въ большомъ волненіи. Наканунѣ онъ пріѣхалъ въ Компьенъ переодѣтый зажиточнымъ крестьяниномъ, явившимся на субботній базаръ, и бродилъ все время по улицамъ и вокругъ замка. Онъ чувствовалъ, что онъ неузнаваемъ въ этомъ костюмѣ, и это было дѣйствительно такъ, хотя въ эту пору онъ не достигъ еще той необыкновенной ловкости въ переряживаніи, которой отличался позднѣе. Отъ времени до времени онъ приближался къ воротамъ замка. Когда одинъ человѣкъ или нѣсколько выходили оттуда, онъ встрѣчался съ ними, съ самымъ незначительнымъ видомъ проходилъ мимо, неловко кланяясь, но успѣвалъ внимательно разглядѣть всѣхъ своими проницательными глазами. Пропустивъ мимо себя такимъ образомъ многочисленныхъ лицъ, онъ увидѣлъ издали какого-то господина во всемъ черномъ, какъ бы въ глубокомъ траурѣ, который медленно и въ глубокой задумчивости вышелъ изъ воротъ замка. Кантекоръ пошелъ къ нему навстрѣчу, засунувъ руки въ карманы и волоча палку, которая висѣла у него на рукѣ на кожаной петлѣ. Въ пятнадцати шагахъ онъ остановился и началъ непринужденно его разглядывать. И вдругъ онъ подскочилъ; онъ поблѣднѣлъ, вытаращилъ глаза, и вся физіономія его выразила безграничное удивленіе и даже ужасъ.

Незнакомецъ прошелъ, не обративъ вниманія на крестьянина.

Кантекоръ остановился около столба, вытеръ потный лобъ и произнесъ, заикаясь:

— Я сплю, вѣроятно! это глупо... это не можетъ быть... но не можетъ быть такого сходства... правда, что я плохо видѣлъ «того»... если это «тотъ»... однако я его помню хорошо... это онъ... въ двадцати шагахъ отъ меня... если онъ живъ, значитъ нѣтъ смерти... мнѣ положительно страшно! Но я долженъ убѣдиться... иду!..

Онъ повернулъ за тѣмъ, кто доставилъ ему столько волненія и страха. Въ это время господинъ прошелъ мимо церкви, повернулъ направо, дошелъ до площади Отель-де-Виль и вошелъ въ «Клошъ д'Оръ».

— Теперь онъ въ моихъ рукахъ,—подумалъ Кантекоръ и вошелъ вслѣдъ за нимъ въ гостиницу. Кантекоръ видѣлъ, что едва показался незнакомецъ, какъ навстрѣчу ему поднялся какой-то молодой человѣкъ и, протягивая руки, съ привѣтливой улыбкой спросилъ дружескимъ тономъ:

— Надѣюсь, что вы довольны, графъ де-Тейксъ?

— Да, Мартинзаръ,—отвѣтилъ графъ.—Я вполнѣ удовлетворенъ и ничего не желаю большаго.

Кантекоръ не сталъ слушать дальше и поспѣшно вышелъ; онъ задыхался.

— Это онъ! Это онъ, Боже мой?—шепталъ онъ:—мертвые воскресаютъ!

Отойдя шаговъ триста, онъ опомнился; его инстинктъ природнаго шпіона подсказалъ ему, что нельзя оставить безъ вниманія эту встрѣчу, и онъ поборолъ свой страхъ; онъ остановился, повернулся на мѣстѣ въ нерѣшимости и повернулъ въ сторону «Клошъ д'Оръ». «Да, но если онъ живъ, зачѣмъ онъ во Франціи, здѣсь? Не хочетъ ли и онъ поступить на службу въ формируемый полкъ. Но съ какой цѣлью? Вѣдь онъ врагъ Франціи и императора; очевидно, онъ замышляетъ что-нибудь. Берегись, Кантекоръ, будь внимателенъ? Можетъ быть, тебя ждетъ новая удача; берегись, смотри во всѣ глаза!»

Быстрымъ и рѣшительнымъ шагомъ онъ повернулъ назадъ къ гостиницѣ. На часахъ пробило полдень; колокола церкви Сенъ-Жанъ перезванивались съ курантами городской ратуши; площадь, заставленная ярмарочными повозками, лотками, телѣжками торговцевъ подъ зелеными покрышками, съ поднятыми оглоблями, съ лошадьми, уткнувшими морды въ торбы, представляла любопытное пестрое зрѣлище. Въ скоромъ времени она опустѣла; люди устремились по квартирамъ и ресторанамъ, такъ какъ желудки напомнили всѣмъ о часѣ завтрака. Когда Жеромъ Кантекоръ вторично вошелъ въ залу гостиницы «Клошъ д'Оръ», она была уже переполнена публикой, зажиточными крестьянами изъ окрестностей и городскими жителями. Они были не интересны Кантекору, который устремилъ все свое вниманіе на группу людей, выдѣлявшихся своими костюмами и манерами. Въ центрѣ этой группы агентъ Фушэ узналъ графа де-Тейксъ принца де-Круа, гвардейца изъ аустерлицкой фермы, чувствовавшаго себя, повидимому, превосходно. Кромѣ него, тутъ были всѣ тѣ молодые люди, которые были утромъ на пріемѣ императрицы. Здѣсь былъ кавалеръ де-Гранли, виконтъ д'Иммармонъ, графъ де-Прэнгей д'Отрезмъ, маркизъ Невантеръ, графъ де-Новаръ, кавалеръ д'Орсимонъ, кавалеры Микели де-Маршъ, Рантиньи и Мартинзаръ. Послѣдній расточалъ любезности и комплименты.

— Прошу васъ, господа, не отказать принять мое приглашеніе. Я отлично понимаю ту честь, которую вы мнѣ оказываете: вы всѣ знатны, а я—сынъ простого капиталиста...

Всѣ улыбнулись, такъ какъ знали то большое значеніе, которое имѣетъ при дворѣ отецъ Мартинзара, владѣвшій огромнымъ состояніемъ, бывшій поставщикомъ арміи въ теченіе уже десяти лѣтъ. Въ качествѣ придворнаго банкира онъ не разъ оказывалъ важныя услуги принцамъ и Жозефинѣ, которая безъ конца брала у него въ долгъ. Мартинзаръ продолжалъ:

— Надо привыкать къ товарищескому обращенію; завтра, безъ различія происхожденія и положенія, мы всѣ будемъ офицерами имперіи.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ поклонились другъ другу.

— Познакомимся поближе и позавтракаемъ вмѣстѣ; вы вѣдь разрѣшили уже мнѣ заказать завтракъ, выработать меню и принять на себя расходы.

— Что касается расходовъ, то я согласенъ,—возразилъ съ живостью родовитый, но бѣдный кавалеръ д'Орсимонъ:—что же касается меню, то я протестую, такъ какъ во всей Франціи, навѣрно, нѣтъ большаго лакомки, чѣмъ я, и я хочу участвовать въ выборѣ нашего завтрака..

— Хвастунъ!—шутливо замѣтилъ сынъ банкира. Всѣ засмѣялись, исключая графа де-Тейксъ, который едва улыбнулся.

— Къ сожалѣнію,—сказалъ кавалеръ де-Грани:—я не могу оказать вамъ эту милость

Это королевское выраженіе было произнесено такимъ тономъ, что нельзя было понять, шутилъ ли кавалеръ де-Грани, или говорилъ серьезно.

— Да,—продолжалъ онъ:—я очень сожалѣю, но я самъ пригласилъ виконта д'Иммармона и графа де-Прэнгей д'Отрезма, которые должны...

— Ахъ, если такъ, то ихъ долгъ я трансфертомъ принимаю на себя. Наша семья умѣетъ это дѣлать...

Эта неожиданная реплика была покрыта взрывомъ хохота. Микеле де-Маршъ и Рантиньи откровенно и дружески бесѣдовали, какъ вдругъ издали на улицѣ послышался сначала шумъ, все увеличивавшійся, затѣмъ размѣренный топотъ лошадей. Всѣ молодые люди быстро подошли къ окнамъ зала. Передъ ихъ глазами промчался императоръ въ своей голубой съ золотомъ берлинѣ, запряженной четверкой почтовыхъ бѣлыхъ лошадей, окруженный эскадрономъ стрѣлковъ съ саблями наголо. Онъ пріѣхалъ по обыкновенію безъ всякаго предупрежденія, съ быстротою шквала и промелькнулъ, какъ мимолетное, блестящее видѣніе, въ формѣ своихъ гвардейскихъ стрѣлковъ; по лѣвую руку отъ него сидѣлъ Бертье, напротивъ Савари и полковникъ его штаба; императоръ казался такимъ молодымъ, прекраснымъ; онъ не кланялся, и лишь на одно мгновеніе его суровый взглядъ остановился на гостиницѣ, изъ которой неслись неистовые крики и привѣтствія.

У окна стояла молодежь, которую онъ такъ любилъ и на которую возлагалъ большія надежды, разсчитывая опереться на нее и отдохнуть.

Микеле де-Маршъ, Мартинзаръ, Рантиньи, Орсимонъ махали шляпами, крича: «да здравствуетъ императоръ!

Прэнгей, Новаръ, Иммармонъ, Тейксъ, Невантеръ въ глубокомъ молчаніи обнажили головы, Грани невольно приподнялъ шляпу.

Императоръ исчезъ изъ виду, за нимъ въ облакахъ пыли проскакали сопровождавшіе его придворные. Въ гостиницѣ воцарилась на мгновеніе тишина, какъ это всегда бываетъ въ важныхъ случаяхъ, послѣ пережитаго волненія.

Кантекоръ записывалъ что-то въ уголкѣ залы.

Между тѣмъ кавалеръ де-Гранли обратился къ Мартинзару и ласковымъ, почти признательнымъ голосомъ заявилъ за себя и своихъ друзей:

— Мы принимаемъ ваше приглашеніе, сударь.

— Да здравствуетъ императоръ!—радостно вскричалъ молодой человѣкъ:—сегодня удачный день!

Стоило только кавалеру де-Гранли согласиться, какъ по удивительному, неизъяснимому вліянію, которое онъ всегда имѣлъ на всѣхъ окружавшихъ его, Новаръ, Тейксъ и Невантеръ также присоединились къ обществу.

— На нашей обязанности, д'Орсимонъ, выборъ кушаній,— объявилъ Мартинзаръ, увлекая его въ кухню.

Въ это время три ловкихъ служанки въ сосѣдней комнатѣ накрыли столъ на десять приборовъ. Одна изъ дѣвушекъ, Бастіенна, была настоящей красавицей.

Хозяинъ гостиницы, предчувствуя хорошій заработокъ, рѣшилъ отдѣлить знатныхъ гостей отъ той толпы, которая была въ общемъ залѣ.

Эта мѣра была какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ залъ былъ полонъ подозрительными личностями, зорко слѣдившими за всѣмъ происходившимъ въ гостиницѣ. Въ дни обыкновенныхъ базаровъ сюда собиралась немногочисленная публика; въ эту субботу толпа была въ пять разъ больше, чѣмъ всегда.

Кантекоръ, сидя за своимъ рагу изъ баранины, разглядывалъ всѣхъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ и дѣлалъ недовольныя гримасы. Онъ узнавалъ въ толпѣ многихъ лицъ, которыхъ видалъ не разъ, таинственныхъ и загадочныхъ, бродившихъ вокругъ министерствъ, въ Палэ-Роялѣ и въ разныхъ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ бывалъ по долгу службы Кантекоръ. Несомнѣнно, что если онъ узнавалъ ихъ, то и самъ былъ узнанъ, въ свою очередь; это обстоятельство и приводило его въ дурное расположеніе духа. Крестьянское платье, простоватый видъ—все это не могло обмануть опытныхъ сотоварищей по ремеслу; лучшимъ доказательствомъ служило, конечно, то, что онъ также и самъ не былъ введенъ въ заблужденіе переодѣваніемъ другихъ и въ платьѣ толстаго бельгійскаго купца, выдавшаго свое происхожденіе сильнымъ акцентомъ, въ мундирѣ егеря, въ блузѣ барышника онъ чутьемъ сыщика узнавалъ шпіоновъ всѣхъ партій, лазутчиковъ графа Прованскаго, агентовъ графа д'Артуа и другихъ собратьевъ изъ охраны и даже изъ министерствъ.

Было очевидпо, что пребыванiе въ Компьенѣ потомковъ знатныхъ фамилiй возбуждало не только любопытство, но и озабоченность различныхъ партiй. Бурбоны желали знать новыхъ отступниковъ своего дѣла, а императорское правительство, радушно ихъ принявшее, должно было убѣдиться въ искренности новообращенныхъ, которая, конечно, могла возбуждать вполнѣ законныя подозрѣнiя. Такимъ образомъ въ данный моментъ въ гостиницѣ Клошъ д'Оръ было сборище полицейскихъ со всего свѣта, съ неослабнымъ вниманiемъ слѣдившихъ за малѣйшимъ движенiемъ каждаго изъ гостей.

Наконецъ съ сiяющими лицами появились Мартинзаръ съ Орсимономъ, первый торжественно несъ меню, которое они выработали, и вся компанiя съ шумомъ, въ безпорядкѣ вошла въ приготовленную имъ залу; дверь, черезъ которую подавали кушанья, оставалась открытой, и Кантекоръ, сидѣвшiй какъ разъ напротивъ, отлично видѣлъ все, что происходило въ комнатѣ.

Въ качествѣ хозяина Мартинзаръ, обратясь къ присутствующимъ, предложилъ:

— Товарищи, садитесь гдѣ кому угодно, сегодня обойдемся безъ этикета, тѣмъ болѣе, что съ завтрашняго дня, надѣвъ одинъ мундиръ, мы будемъ все равны.

Молодые люди разсѣлись. Такъ какъ столъ былъ круглый, то за нимъ не могло быть ни почетныхъ ни послѣднихъ мѣстъ. Иммармонъ помѣстился съ правой стороны отъ Гранли, Прэнгей съ лѣвой.

Въ то же время въ общiй залъ съ шумомъ вошелъ господинъ лѣтъ пятидесяти, маленькаго роста, широкоплечiй, съ черными курчавыми волосами, большимъ носомъ, густой черной бородой, начинавшейся почти отъ самыхъ глазъ, одѣтый въ платье богатаго буржуя. Подойдя къ Кантекору, онъ взялъ стулъ, съ шумомъ пододвинулъ его и усѣлся рядомъ съ полицейскимъ, заставивъ его подвинуться.

Кантекоръ заворчалъ; онъ не любилъ, чтобы его безпокоили, въ особенности когда ему было что наблюдать; но его сосѣдъ такъ грозно взглянулъ на него, прикрикнувъ: «молчать, мужикъ!» что обозленный Кантекоръ замолчалъ, поклявшись отомстить ему при случаѣ.

Появленiе вновь прибывшаго произвело между присутствовавшими нѣкоторое волненiе; взоры завтракавшихъ, закусывавшихъ и пившихъ у буфета, устремились на незнакомца съ особеннымъ вниманiемъ. Чувствовалось, что это не былъ обычный посѣтитель и что появленiе этого субъекта было не спроста. Между тѣмъ онъ торопливо поглощалъ холодное мясо, запивая его большими глотками вина, которое онъ наливалъ изъ бутылки съ громкимъ бульканьемъ въ большой стаканъ. Уплетая за обѣ

щеки, онъ не обращалъ никакого вниманія на окружающихъ и поглядывалъ отъ времени до времени черезъ окно на своего человѣка, который оставался на дворѣ при лошадяхъ. Обмотавъ поводья на руку, слуга ѣлъ съ аппетитомъ хлѣбъ съ ветчиной, а возлѣ него на каменной скамьѣ стоялъ вмѣстительный кувшинъ съ пивомъ. Онъ также не спускалъ глазъ со своего господина. Вдругъ незнакомецъ выпрямился; глухой шумъ заставилъ его вздрогнуть. Съ момента его прибытія дверь въ комнату, гдѣ завтракали молодые люди, оставалась все время запертой; она открылась только передъ Бастіенной, которая несла на большомъ оловянномъ блюдѣ рагу.

— Цыплята а ля Маренго!—сказала она съ важнымъ видомъ.

Это блюдо было придумано на другой день послѣ блестящей побѣды перваго консула и названо такимъ образомъ поваромъ, который, очевидно, отличался оппортюнизмомъ и придворной льстивостью. А можетъ быть, этимъ поваромъ былъ просто голодъ. Приверженцы императора, которыхъ было четыре: Мартинзаръ, Орсимонъ, Микеле де-Маршъ и Рантиньи начали кричать: «да здравствуетъ императоръ!» Остальные собутыльники старались громко разговаривать и смѣяться, чтобы не выть вмѣстѣ съ волками, и весь этотъ шумъ, говоръ и восклицанія долетали въ общій залъ, какъ порывы вѣтра.

Человѣкъ съ черной бородой стукнулъ изо всей силы кулакомъ по столу, бормоча яростныя ругательства и глядя горящими глазами черезъ открытую дверь залы. Оттуда выскочила красная, растрепанная и смѣющаяся Бастіенна, за юбку которой цѣплялся Рантиньи. Передъ публикой онъ, однако, выпустилъ ее и вернулся на свое мѣсто. Крики затихли, такъ какъ все общество занялось завтракомъ съ аппетитомъ, свойственнымъ двадцатилѣтнему возрасту. Въ полутишинѣ слышались ясно произносимыя имена. Молодежь забавлялась, перебрасываясь своими титулами, и въ воздухѣ то и дѣло слышалось:

— Не угодно ли вина, виконтъ д'Иммармонъ?

— Благодарю васъ, маркизъ де-Невантеръ!

— Кавалеръ де-Гранли, не желаете ли раковъ?

— Съ удовольствіемъ, графъ де-Прэнгей.

Мартинзаръ церемонно произнесъ:

— Графъ де-Тейксъ принцъ де-Круа, будьте добры, бросьте вашъ суровый видъ! Мы не будемъ уже никогда такъ молоды, какъ сегодня... Неизвѣстно, что насъ ждетъ завтра... Выпьемъ за будущее, каково бы оно ни было, и за настоящее, какъ оно есть! Взгляните, вотъ, что насъ развеселитъ... Видите эти пыльныя бутылки... это Шамбертенъ... вино императора.

Четверо неустрашимыхъ опять закричали:

— Да здравствуетъ императоръ!

Этотъ крикъ подѣйствовалъ на сосѣда Кантекора, какъ личный вызовъ; оттолкнувъ ногою стулъ, который съ трескомъ упалъ на полъ, онъ схватилъ тарелку и изо всей силы швырнулъ ее въ сосѣднюю залу. Она упала какъ разъ посрединѣ стола, разбивъ три блюда и четыре стакана. Молодые люди вскочили въ безпорядкѣ и кинулись въ залу. Присутствующіе бросились къ мѣсту происшествія, побуждаемые различными чувствами. Не обращая никакого вниманія на толпу, зачинщикъ скандала обратился къ молодымъ людямъ и сказалъ:

— Не ищите виновника шума, виновникъ—это я. Я не могу слышать безъ негодованія и протеста, когда сыновья или племянники д'Иммармона и де-Прэнгея, этихъ друзей Фротте, умершихъ, какъ и онъ, подъ пулями голубыхъ, сыновья казненныхъ, какъ Новаръ или Невантеръ, унижаютъ свой родъ, свое славное тысячелѣтнее прошлое, привѣтствуя узурпатора. О, вы, измѣнники, ренегаты, низкіе люди, придетъ время, я отыщу васъ! А чтобы вы помнили это и знали, съ кѣмъ будете имѣть дѣло, я кидаю вамъ свое имя, какъ вызовъ, какъ перчатку въ лицо: я—кавалеръ де-Брюсларъ, другъ Кадудаля, этого послѣдняго приверженца короля. Да здравствуетъ король!

Послѣднія его слова затерялись въ общей свалкѣ; Мартинзаръ, выскочившій первымъ, кинулся на Брюслара, пытаясь схватить его за горло, но былъ имъ отброшенъ съ необыкновенной силой. Кантекоръ тоже не терялъ времени; въ восторгѣ отъ того отпора, который получилъ такъ скоро незнакомецъ, онъ рѣшилъ во что бы то ни стало, хотя бы цѣной своей жизни, захватить этого легендарнаго врага императора и кинулся на него, очертя голову. Тотчасъ же со всѣхъ сторонъ ринулись одни въ защиту Брюслара, другіе противъ него; агенты Фушэ стремились схватить страшнаго роялиста, голова котораго была оцѣнена въ двадцать тысячъ франковъ; шпіоны д'Артуа и графа Прованскаго считали своимъ долгомъ защищать его, и даже у каждаго изъ завтракавшихъ за столомъ, куда упала тарелка, чувства и желанія были различны. Кавалеръ де-Гранли всей душой желалъ успѣха Брюслару, этому вѣрному приверженцу монархіи; Иммармонъ и Прэнгей раздѣляли его чувства. Новаръ, Тейксъ и Невантеръ, несмотря на оскорбленіе, не испытывали противъ него никакой злобы; въ то же время четверо остальныхъ: Орсимонъ, де-Микеле, Рантиньи и Мартинзаръ готовы были разсчитаться съ нимъ не на животъ, а на смерть. Всѣ колотили другъ друга кулаками, бутылками; Брюсларъ, поддержанный на мгновеніе энергичнымъ вмѣшательствомъ своихъ единомышленниковъ, отступилъ на три шага къ двери, затѣмъ, вынувъ изъ кармановъ пистолеты, направилъ на тѣхъ, кто намѣревался его схватить.

— Остановись! Первому, кто приблизится, я размозжу черепъ... Вы меня знаете... Я шутить не умѣю...

Самые храбрые, но безоружные, смутились.

Брюсларъ воспользовался этимъ замѣшательствомъ и отступилъ, не опуская ни на секунду пистолетовъ; дойдя до порога, онъ однимъ скачкомъ очутился на улицѣ, вскочилъ на осѣдланную лошадь, которую слуга, предупрежденный шумомъ и происходившей свалкой, держалъ наготовѣ у дома, и оба они помчались къ опушкѣ лѣса, оставивъ сзади себя гостиницу, гдѣ продолжалась еще драка.

— Продолженіе слѣдуетъ! — сказалъ, возвращаясь въ залъ, хозяинъ гостиницы, ставшій, благодаря своему ремеслу, философомъ

Споръ еще не былъ конченъ. Кантекоръ въ отчаяніи, что самому ярому противнику имперіи опять удалось бѣжать, обвинялъ всѣхъ въ соучастіи этому побѣгу и болѣе всѣхъ толстаго бельгійскаго купца и смотрителя охоты, которые защищались съ негодованіемъ; они стремились какъ можно скорѣе бѣжать изъ этого безпокойнаго мѣста и были правы: первый, называвшійся Гуртуломъ, былъ изъ Арраса и служилъ графу Прованскому, а второй, по имени Тронкой, изъ Ліона, работалъ для графа д'Артуа. Оба они чрезвычайно боялись, чтобы не разыгрался скандалъ и не обнаружилось ихъ настоящее положеніе. Чтобы оправдать себя, они ссылались на свою природную доброту, которая побудила ихъ стать на сторону слабаго и защитить одного отъ десяти нападающихъ.

— Слабаго! — ворчалъ Кантекоръ, у котораго болѣли бока послѣ потасовки: — съ тремя такими слабыми, какъ этотъ, я взялся бы перебить всѣхъ васъ; теперь, впрочемъ, безполезно говорить объ этомъ, такъ какъ на этотъ разъ наша игра проиграна; подождемъ слѣдующаго раза!

Онъ принялъ приглашеніе мнимыхъ бельгійца и смотрителя охоты выпить съ ними. Каждый изъ нихъ понималъ, что обмануть другъ друга имъ не удастся, и, объединенные одной и той же профессіей, они рѣшили вмѣстѣ закусить и пили, чокаясь рюмками. Въ это же время въ сосѣдней залѣ, дверь въ которую была на этотъ разъ заперта, совершенно спокойно, съ беззаботностью завтракали будущіе офицеры, и только сильно разгоряченныя у всѣхъ лица свидѣтельствовали о только что пережитомъ волненіи. Спокойнымъ голосомъ они обмѣнивались впечатлѣніями по поводу обѣщаній и пріема императрицы. Всѣ соглашались, что она была сегодня утромъ очаровательна, привѣтлива и доброжелательна. Нѣкоторыхъ это даже удивляло; глядя на нее и слушая ея рѣчи, можно было подумать, что она вѣрна старому режиму. Казалось, что она ненавидитъ даже воспоминанія о революціи, и ея дворъ напоминалъ салонъ въ Санъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Придворные ея принадлежали къ старой аристократіи, и супруга Наполеона не скрывала своей слабости ко всему знатному и титулованному.

— Что вы хотите?—сказалъ снисходительно Орсимонъ:—она все еще помнитъ о прошломъ, она не можетъ отдѣлаться отъ воспоманій о людяхъ, среди которыхъ она чувствовала себя въ своемъ кругу.

— Ну... не совсѣмъ,—проговорилъ сквозь зубы Прэнгей.—Она никогда не принадлежала къ большой знати. Что особеннаго представляли Ташеры? Что касается Богарнэ, то это былъ человѣкъ совершенно безъ дарованій.

— И тѣмъ не менѣе онъ былъ казненъ,—вставилъ Мартинзаръ.

Гранли слушалъ молча, неопредѣленная улыбка блуждала по его губамъ.

— Это вѣрно,—продолжалъ Прэнгей:—она знала истинныхъ дворянъ, и всѣ они погибли на эшафотѣ... Надо отдать ей справедливость въ томъ, что какъ только она почувствовала силу своего вліянія, она не замедлила оказать имъ очень серьезныя услуги. Она очень добрая женщина.

— Да!—вмѣшался въ разговоръ де-Микеле.—Вы совершенно правы, она очень добра для всѣхъ, исключая своего мужа.

Вокругъ послышался легкій смѣхъ.

Мартинзаръ пожалъ плечами.

— Послушайте, господа, это плохая благодарность за милости, оказанныя сегодня утромъ. Если кто заслуживаетъ порицанія, то, конечно, только тѣ, которые, ненавидя имперію, пользуются милостями императрицы, чтобы получать мѣста, деньги, чины... а, получивъ желаемое, платятъ ей презрѣніемъ.

Эти слова, произнесенныя молодымъ человѣкомъ, желавшимъ веселиться, нравиться и пользоваться жизнью, произвели впечатлѣніе на всю компанію.

— Вы совершенно правы де-Мартинзаръ,—поддерживалъ Гранли.

— По какому праву вы возводите меня въ дворянство, я просто Мартинзаръ, буржуа, сынъ буржуа,—возразилъ ему молодой человѣкъ.

— Извините, — отвѣтилъ съ усмѣшкой Гранли, взглядывая на своего сосѣда справа:—извините за эту вырвавшуюся частицу... Правда, я не имѣю никакого права, никакого... И вы правы еще разъ... Я первый обязанъ признать, что императрица Жозефина воплощеніе доброты и благожелательности, и я ей вдвойнѣ благодаренъ какъ за настоящее, такъ и за прошедшее.

— Отлично! — вскричалъ Мартинзаръ. — Вы прекрасно сказали!

Онъ дружески протянулъ черезъ столъ руку Гранли, который, поколебавшись одно мгновеніе, пожалъ ее слегка. Иммармонъ и Прэнгей, удивленные и смущенные, переглядывались другъ съ другомъ. Вмѣшательство Рантиньи еще осложнило положеніе.

— Ваше признаніе, Гранли, конечно, очень важно, — сказалъ онъ: — но... не желая васъ обижать, я долженъ напомнить вамъ, что вы, какъ и я, принадлежите къ такому же мелкопомѣстному дворянству, какъ Богарнэ и Ташеры изъ Пажери... Мы также не титулованы, и наши предки не блистали особыми заслугами передъ родиной... Я замѣчаю, что старые дворяне, про которыхъ только что говорилъ Брюсларъ, именно виконтъ д'Иммармонъ, маркизъ Невантеръ, графъ де-Прэнгей д'Отрезмъ, графъ де-Новаръ, графъ де-Тейксъ принцъ де-Круа, — всѣ они приняли участіе въ насмѣшкахъ надъ женщиной, которая не дальше, какъ сегодня утромъ, обѣщала имъ свое покровительство, но никто изъ нихъ не заступился за нее. Я отмѣчаю это съ большой грустью, такъ какъ я надѣялся, что въ императорской арміи всѣ преданы императорской фамиліи.

Всѣ присутствовавшіе за столомъ почувствовали неловкость и смущеніе; общество явно раздѣлилось на партіи; съ одной стороны было шесть роялистовъ, болѣе или менѣе близкихъ другъ другу, съ другой стороны четверо убѣжденныхъ приверженцевъ имперіи.

Графъ де-Тейксъ, чувствуя назрѣвавшую ссору, заговорилъ въ первый разъ за все время завтрака. Онъ протянулъ руку и величавымъ жестомъ пригласилъ къ молчанію. До сихъ поръ онъ ничѣмъ не привлекъ вниманія своихъ собесѣдниковъ, такъ какъ держался особнякомъ въ ихъ шумной компаніи, но теперь они съ любопытствомъ ожидали, что скажетъ этотъ юноша съ такимъ прекраснымъ и грустнымъ лицомъ, изящными манерами и подкупающимъ голосомъ.

— Господа, — сказалъ онъ: — что за необходимость разбираться въ нашихъ чувствахъ и взглядахъ? Мы всѣ французы. Завтра мы будемъ всѣ офицерами. Какія обязанности возлагаетъ на насъ это званіе? Преданность родинѣ, презрѣніе къ опасности — вотъ нашъ долгъ. Конечно, всѣ мы выполнимъ его съ честью. Болѣе этого никто не имѣетъ права требовать отъ насъ чего-либо. Каждый можетъ имѣть личныя убѣжденія и чувства; но до тѣхъ поръ, пока онъ поступаетъ, какъ честный человѣкъ, никто не можетъ вмѣшиваться въ его личныя дѣла. Я первый признаюсь вамъ, что, поступая на службу, я преслѣдую извѣстную цѣль... Но я совершенно не обязанъ посвящать въ мои дѣла кого бы то ни было. Моя совѣсть чиста, и этого достаточно. Ваша совѣсть тоже спокойна, не правда ли? Итакъ, мы квиты!

Кончивъ свою рѣчь, которая чрезвычайно всѣмъ понравилась, онъ поднялся. Всѣ были довольны; опасность ссоры миновала.

— Забудемъ старое, Мартинзаръ, позвольте васъ поблагодарить за завтракъ, — сказалъ де-Гранли.

— Надѣюсь, что это не послѣдній, и вы не откажетесь принять отъ меня приглашеніе въ слѣдующій разъ, — отвѣтилъ весело и дружески Мартинзаръ, ставшій опять, какъ всегда, веселымъ, при-

вѣтливымъ и жизнерадостнымъ. Вся компанія двинулась къ выходу, не обращая вниманія на любопытныхъ. Кантекоръ привѣтствовалъ ихъ, снявъ шляпу; онъ старался запечатлѣть въ своей памяти черты ихъ лица, фигуры, походку — случай былъ благопріятный, такъ какъ всѣ они проходили другъ за другомъ мимо него. Изъ горячей рѣчи Брюслара онъ зналъ уже, что въ числѣ этихъ молодыхъ людей были лица, которыхъ онъ зналъ изъ писемъ, украденныхъ имъ у умиравшаго гвардейца. Этотъ гвардеецъ только что прошелъ мимо, слегка задѣвъ его; и эти единомышленники Гранли, замѣшанные уже въ разныхъ приключеніяхъ, игравшіе теперь роль, несвойственную ихъ убѣжденіямъ, и симулировавшіе вновь обращенныхъ, были ему подозрительны.

Обладая чутьемъ полицейскаго, онъ успѣлъ убѣдиться, что всѣ эти господа, включая Брюслара, еще не успѣли спѣться, во многомъ были несогласны другъ съ другомъ и не знали хорошо одинъ другого. На порогѣ гостиницы молодые люди остановились, обмѣниваясь пожеланіями и поклонами. Въ этотъ моментъ вниманіе ихъ было отвлечено не совсѣмъ обыкновеннымъ зрѣлищемъ. По площади Ратуши по направленію къ гостиницѣ быстро приближалось ландо, украшенное великолѣпнымъ гербомъ и запряженное парой лошадей. Оно остановилось у гостиницы. Напудренный лакей соскочилъ на землю. пока кучеръ въ парикѣ, въ треуголкѣ съ величественнымъ видомъ успокаивалъ разгоряченныхъ лошадей, которыя перебирали ногами и кусали удила, покрытыя пѣной. Сзади экипажа слѣдовали верхомъ два берейтора съ запасными лошадьми. Эта картина напоминала доброе старое время, когда процвѣтало дворянство, время до эмиграціи, заточенія и казней. Въ экипажѣ сидѣла очень красивая дама среднихъ лѣтъ, а рядомъ съ ней молодая дѣвушка, удивительной красоты, сіявшая молодостью и весельемъ, которая, наклонившись въ сторону стоявшей молодежи, кого-то разыскивала глазами.

— Иммармонъ,—сказалъ Прэнгей:—это твоя мать и сестра.

Виконтъ быстро повернулся, но Гранли уже предупредилъ его и спѣшилъ къ пріѣзжимъ; Прэнгей слѣдовалъ за нимъ. Остальные молодые люди наблюдали эту сцену, невольно снявъ шляпы: эти двѣ женщины внушали уваженіе и восхищеніе. Подойдя къ коляскѣ, Гранли поклонился и присутствовавшіе съ удивленіемъ замѣтили, что отвѣтный поклонъ обѣихъ дамъ по любезности и почтительности превышалъ обыкновенный поклонъ. Въ это же мгновеніе Иммармонъ живо предупредилъ: «На насъ смотрятъ, будемъ осторожны», и представилъ Гранли дамамъ: «Вы не ошиблись, Гранли, это моя мать и моя сестра, Изабелла д'Иммармонъ, которая въ скоромъ времени выходитъ замужъ заграфа де-Прэнгей д'Отрезмъ».

— Господинъ де-Гранли,—обратилась къ нему м-мъ Иммармонъ:—я намѣрена васъ похитить: вамъ не подобаетъ останавливаться въ такой гостиницѣ, какъ эта; вы другъ моего сына, моего племянника Прэнгея—окажите намъ любезность, не откажите почтить нашъ домъ своимъ присутствіемъ.

Гранли колебался. Много разъ онъ отказывался отъ приглашеній, излагая причины, которыя побуждали его держаться пока въ сторонѣ, сохранять независимость, свободу, со всѣми неудобствами бродячаго существованія, съ случайными ночевками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заставала его ночь. На этотъ разъ онъ не могъ устоять передъ настоятельной просьбой, которую онъ читалъ въ умныхъ проницательныхъ глазахъ г-жи Иммармонъ и сіяющемъ взорѣ м-ль Изабеллы, и, не колеблясь, согласился.

— Я не могу отказать вамъ, сударыня... хотя и не долженъ былъ бы соглашаться, но принимаю ваше приглашеніе съ глубокой благодарностью... пусть будетъ такъ, какъ вамъ угодно.

— Благодарю васъ, ваше выс... господинъ де-Гранли!—вскричала, вспыхнувъ отъ удовольствія, молодая дѣвушка, приподнимаясь, чтобы уступить свое мѣсто знатному гостю.

— Оставайтесь на своемъ мѣстѣ, Изабелла!—стремительно вскрикнулъ Прэнгей: — на насъ смотрятъ. Кавалеръ де-Гранли сядетъ на переднюю скамейку,—переѣздъ очень коротокъ, думаю, что онъ согласенъ со мной...

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣтилъ де-Гранли съ улыбкой, легко впрыгнувъ въ ландо и садясь напротивъ двухъ дамъ.

Въ это же время, по знаку Иммармона, берейторы подвели двухъ верховыхъ коней для него и Прэнгея; кучеръ тронулъ лошадей, громко хлопнулъ бичомъ, и ландо, сопровождаемое двумя молодыми людьми по обѣимъ сторонамъ экипажа и двумя форейторами въ двадцати шагахъ сзади, быстро двинулось въ путь

Мартинзаръ замѣтилъ, смотря вслѣдъ этой труппѣ:

— Кто повѣрилъ бы, что недавно была революція?

— Императоръ любитъ блескъ и пышность и поддерживаетъ его самъ всюду, гдѣ только возможно...—замѣтилъ де-Микеле.

— Ничего не подѣлаешь,—рѣшилъ Рантиньи:—приходится считаться съ дворянствомъ—оно имѣетъ свои заслуги, къ тому же и живется ему теперь нелегко.

Въ то время, когда завтракали въ гостиницѣ, завтракали и во дворцѣ. Императоръ, неожиданно пріѣхавъ, тотчасъ потребовалъ завтракъ. Онъ умиралъ отъ города... а въ такіе моменты настроеніе его духа, вообще часто мѣнявшееся, было просто невыносимо. Жозефину и Гортензію онъ принялъ очень сухо, не удостоилъ отвѣтомъ привѣтствія придворныхъ, даже не обратилъ вниманія на Луизу де-Кастеле, къ которой особенно благоволилъ. Всѣ сдѣлались молчаливы, сосредоточены — на всѣхъ удручающе дѣйствовало нетер-

пѣніе и нервность Наполеона. Бертье и Савари, пожимая плечам или не отвѣчали ничего на разспросы дамъ, которымъ не вѣрилось, что только голодъ вызвалъ такое дурное расположеніе духа у императора, или отдѣлывались фразами: «Не знаемъ, ничего не знаемъ».

Въ продолженіе пяти минутъ, пока приготовлялся завтракъ, Наполеонъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по террасѣ, весь дворъ оставался въ гостиной. Время отъ времени императоръ сбивалъ хлыстомъ, который онъ не выпускалъ изъ рукъ, вѣтки съ апельсиннаго дерева, стоявшаго въ кадкѣ. Наконецъ завтракъ былъ готовъ, и всѣ перешли въ столовую, находившуюся рядомъ съ гостиной; Наполеонъ велъ подъ руку Жозефину, остальная свита церемонно слѣдовала за ними. Бертье, принцъ Невшательскій, который велъ Гортензію, любезный и изящный генералъ Савари съ м-мъ де-Кастеле. Императоръ ѣлъ очень скоро и очень мало. Его голодъ былъ удовлетворенъ, и теперь онъ, громко дыша, медленно пилъ изъ небольшого стаканчика свое любимое вино Шамбертенъ; окинувъ взглядомъ весь столъ, за которымъ сидѣли въ застывшихъ позахъ придворные, онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: что значитъ этотъ погребальный видъ у всѣхъ?

Тотчасъ все общество поспѣшило засмѣяться, натянутость прошла, буря миновала. Жозефина, ласковая, нѣжная, спросила его: «Скажите мнѣ, Наполеонъ, у васъ есть какая-то забота, какая-то непріятность?».

— Послѣ,—сказалъ онъ:—послѣ. Развѣ я долженъ вамъ давать отчетъ или при всѣхъ докладывать о своихъ дѣлахъ?—Послѣ мимолетнаго молчанія онъ добавилъ:—Впрочемъ, это не секретъ... его можно сказать... да, у меня недоразумѣнія съ Пруссіей.

Кругомъ воцарилось глубокое молчаніе.

— Опять война!—печально проговорила Гортензія.

— Ну, малютка, будь покойна, война не такъ близка... во всякомъ случаѣ я ея не ищу!

— Все уладится,—увѣренно произнесъ Бертье.

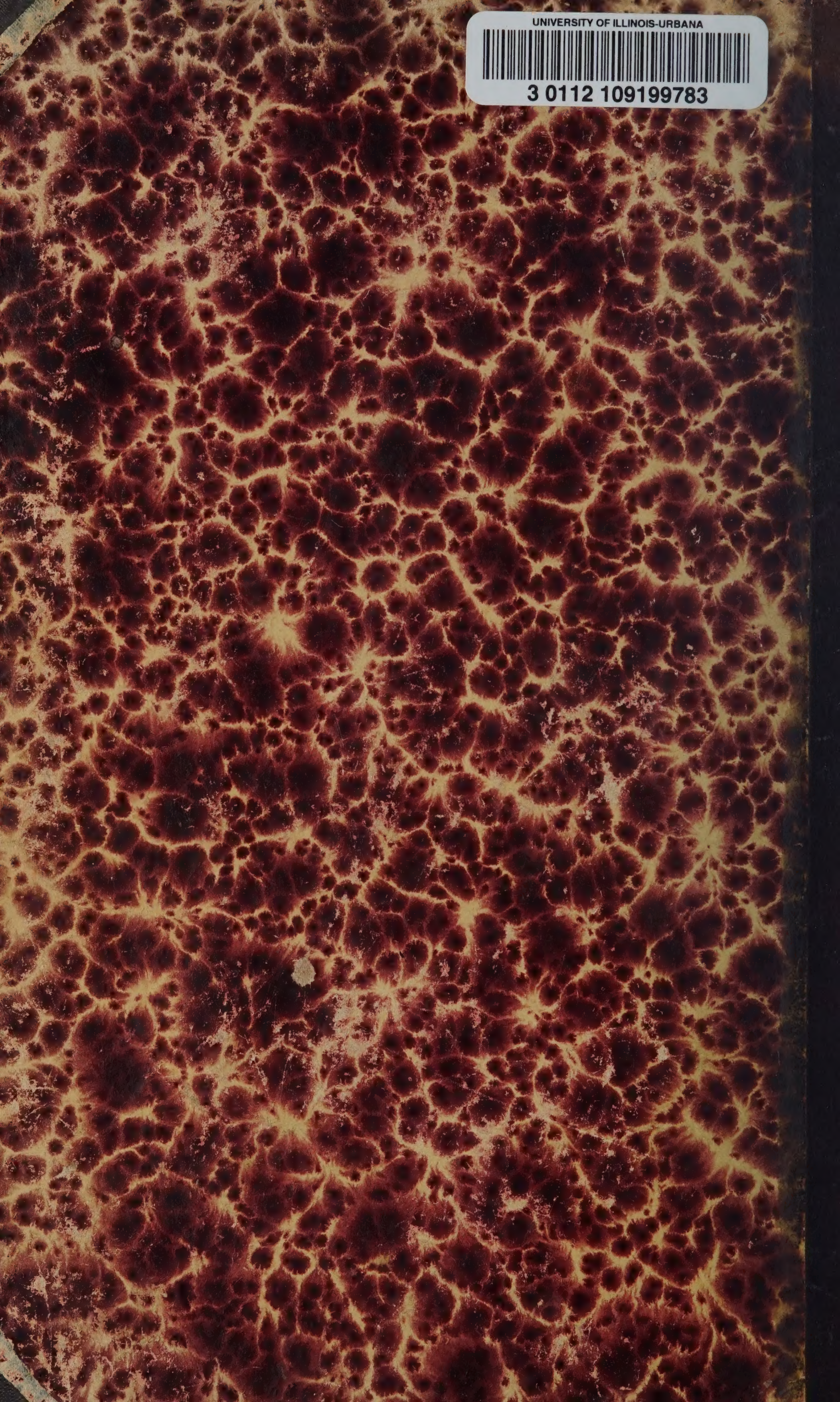
— Они не посмѣютъ,—подтвердилъ Савари.

Жозефина оставалась задумчивой; перспектива войны, даже побѣдоносной, ужасала ее. Наполеонъ, видя, какое тяжелое впечатлѣніе произвели его слова на окружающихъ, рѣшилъ успокоить всѣхъ; онъ сразу сдѣлался веселымъ, любезнымъ и, по своему обыкновенію, началъ поддразнивать придворныхъ дамъ. Онъ увѣрялъ Луизу де-Кастеле, притворявшуюся, что она вѣритъ ему и очень встревожена, что ея носъ покраснѣлъ и что въ скоромъ времени она будетъ походить на старую англичанку. Молодая женщина слегка вскрикивала отъ страха, дѣлала видъ, что императоръ приводитъ ее въ отчаяніе.

Конецъ завтрака прошелъ живо и весело. Даже Жозефина забыла о своихъ опасеніяхъ, развеселилась и казалась

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 109199783